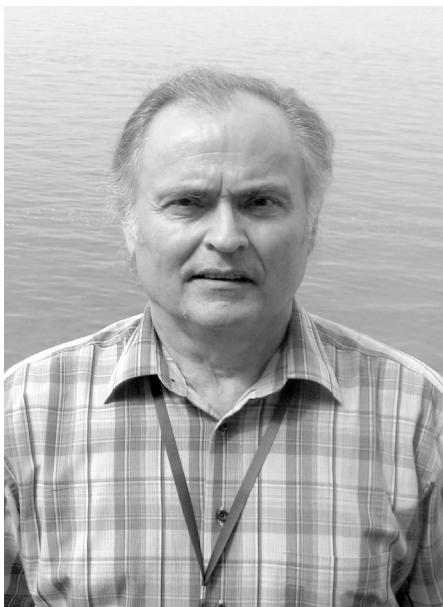

**HUMANIORA:
SLAVICA TARTUENSIA**

IX

UNIVERSITAS TARTUENSIS
TARTU ÜLIKOOL • ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Slaavi filoloogia õppetool • Кафедра славянской филологии
Международная комиссия по славянским микроязыкам
при Международном Комитете славистов

HUMANIORA: SLAVICA TARTUENSIA IX

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МАЛЫХ И БОЛЬШИХ
ЯЗЫКОВ**

К 70-летию
профессора Александра Дмитриевича Дуличенко

ТАРТУ 2011

Редактор серии *Humaniora: Slavica Tartuensia* А. Д. Дуличенко

Редактор IX тома И. В. Абисогомян

Макет: Р. Э. Романчик

Международная редакционная коллегия: Ирина В. Абисогомян (Tartu), Светлана Б. Евстратова (Tartu), Werner Lehfeldt (Göttingen), Валерий М. Мокиенко (С.-Петербург – Greifswald), Michael Moser (Wien), Наталья А. Нечунаева (Tallinn), Олег В. Никитин (Москва), Gerd Hentschel (Oldenburg)

Редакция серии *Slavica Tartuensia*: Estonia, 50090 Tartu, Näituse, 2–215, Tartu Ülikooli Slaavi filoloogia õppetool. Prof. dr. Aleksandr D. Dulichenko.

E-mail: aleksd@list.ru, aleksander.dulitsenko@ut.ee

Все статьи настоящего сборника прошли предварительное рецензирование
Kõik kogumiku materjalid on läbinud eelretsenseerimise

All manuscripts were peer reviewed

Юбилейный сборник содержит статьи, посвященные различным аспектам современной славянской филологии: это вопросы общего, исторического и сравнительно-типологического языкоznания, рассмотренные преимущественно на славянском материале; (социо)лингвистические аспекты формирования и развития славянских микроязыков; культурно-историческое пространство больших языков современной Славии. Статьи касаются таких языков, как русский, украинский, польский, чешский, словацкий, сербско-хорватский, словенский, а также старославянско-церковнославянский. Кроме того, часть работ посвящена вопросам югославо-русинского (южнорусинского), карпаторусинского, кашубского микроязыков, а также экспериментам по созданию силезского и горанского микроязыков. Предваряют том статьи о юбиляре, а также библиография его последних публикаций (за 2006 – нач. 2011 гг.)

Настоящий том сборника *Humaniora: Slavica Tartuensia* издан при финансовой поддержке декана философского факультета Тартуского университета, горуправы г. Тарту и недоходного объединения «Национальный комитет славистов Эстонии».

Авторские права: авторы статей и редактор тома, 2011

ISSN 1406–3522

ISBN 978–9949–19–892–4

Tartu Ülikooli Kirjastus/ Tartu University Press

Tartu, Eesti/ Estonia

www.tyk.ee

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
--------------------------	----------

I. О юбиляре

Кузнецов Сергей Николаевич (Москва). Дороги, которые мы выбираем	11
Рамач Юлиян (Нови Сад). Проф. др Александр Д. Дуличенко и руска (южноруска) микрофилология	25
Ressel Gerhard (Trier). Laudatio anlässlich der feierlichen Verleihung der Ehrendoktorwürde (Dr. phil. h. c.) der Universität Trier an Prof. Dr. Aleksandr Dmitrievič Duličenko	33
Поздравление из села Гара Векил (Туркмения)	39
Поздравление из Самаркандинского университета	40
Бушай Анатолий Михайлович (Самарканд). Из воспоминаний о самаркандинском периоде деятельности профессора А. Д. Дуличенко (1968–1970 гг.)	42
Публикации проф. др. А. Д. Дуличенко за 2006–2011 гг. (с дополнениями за 2004–2005 гг.)	45

II. Вопросы общего, исторического и сравнительно-типологического языкознания

Мокиенко Валерий Михайлович (Санкт-Петербург). Бисер или розы?	55
Uhlik Mladen (Ljubljana). Проблема языкового родства и ных языков в свете трудов И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф.Ф. Фортунатова	69

Kuße Holger (Dresden). Jan Baudouin de Courtenay und die korrelative Sprachbeschreibung	86
Шайбакова Дамина Дисингалеевна (Алматы). Вариативность в языке и варианты языка	103
Zeman Jiří (Hradec Králové). Jazyky v kontaktu — transfonemizace	113
Künnap Ago (Tartu). Под каким языковым влиянием образовался русский партитив на <i>-у</i> ?	121
Lewaszkiewicz Tadeusz (Poznań). Tendencje integracyjne/ unifacyjne i dezintegracyjne w historii języków słowiańskich	124
Bierich Alexander (Heidelberg). Kultursemantische Aspekte des slavischen Wortschatzes (am Beispiel des Polnischen, Tschechischen, Russischen, Kroatischen/ Serbischen)	137
Zoltan Andras (Budapest). Почему <i>Witebsk</i> , а не <i>*Wiciebsk</i> , или почему поляки называют белорусские города по-украински?	150
Темчин Сергей Юрьевич (Vilnius). Кирилло-мифодиевская переводная гомилия на праздник Преполовения Пятидесятницы ...	155
Нечунаева Наталья Алексеевна (Tallinn). Рукопись Минеи Соф. 203 XII в. из собрания РНБ как текст и список	167

III. Микроязыки современной Славии: (социо)лингвистические аспекты формирования и развития

Dunn John (Glasgow – Bologna). Славянские языки и «Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств»	176
Герд Александр Сергеевич (Санкт-Петербург). Миноритарные языки в свете тенденций современного этноязыкового развития ...	185
Тамаш Юлиян (Нови Сад). Поетика и индивидуални розлики генерації (Одвит на питанє «чийо ви дзеци»)	192
Рамач Юлиян (Нови Сад). Прикметніки зоз суфіксом <i>-ов(u)</i> у южноруским языку	205
Фейса Михал (Нови Сад). Мена и прозвиска войводянских Руснацох	213
Рамач Янко (Нови Сад). Рукописни хроніки Руского Керестура з 18. и 19. вика	222

Moser Michael (Wien). Прощання з українством: декілька завваг про мовну історію русинів за влади Міклоша Гортія	231
Капраль Михал (Nyíregyháza). Русинская лексикография XXI века (к становлению и развитию литературных микроязыков)	252
Климчук Федор Данилович (Минск). Берестюки-загородцы: численность в мире	268
Романчик Ромаш Эрленд (Tartu) Анализ отклонений как инструмент выявления нормы. На материале проекта кашубского литературного языка Ф. Цейновы	280
Kamusella Tomasz, Rocznioł Andrzej (Kraków). Sztandaryzacyjne ślōnski godki/ Standaryzacja języka śląskiego	288
Steinke Klaus (Erlangen – Krakow). Goranisch (Idiom einer slavischen Minderheit in Albanien)	295
Колева Красимира (Шумен). Культурно-языковое пространство горанов в Косово	302

IV. Культурно-историческое пространство больших языков Славии

Čmejrková Světla (Praha). Česká jazyková situace a teorie diglosie ..	312
Абисогомян Ирина Валерьевна (Tartu). Национально-языковая ситуация в Чехии эпохи национального Возрождения и способы ее отражения в словаре	324
Ondrejovič Slavomír (Bratislava). Jazyková norma z pohľadu slovenskej sociolinguistiky	334
Табакова Ирина Юрьевна (Narva). Звуковые аббревиатуры польского языка: анализ производящих синтаксических структур	342
Torkar Silvo (Ljubljana). Rebusi v slovenski onomastiki	353
Богданова Наталья Николаевна, Бурдакова Ольга Николаевна (Tartu – Narva). О современном состоянии одного из непродуктивных морфологических классов глаголов	363
Щаднева Валентина Петровна, Паликова Оксана Николаевна (Tartu). Труд в системе социально-религиозных представлений староверов западного Причудья (на материале говора)	376

Ильясова Светлана Васильевна, Руденко Ольга Юрьевна (Ростов-на-Дону). Феномен иноязычности в современном рус- ском языке (на материале языка современных российских СМИ)	390
Евстратова Светлана Борисовна (Tartu). Речевые особенности русскоязычных телепередач в Эстонии	398
Костанди Елизавета Ильмаровна (Tartu). Иноязычные вкра- пления в разговорной речи диаспоры	409
Бушуй Алексей Михайлович (Самарканд). Устойчивые сло- весные комплексы в русских переводах узбекских волшебных сказок	419
* * *	
Базылев Владимир Николаевич (Москва) Синэстемичность русской литературы	427
Королева Ирина Александровна (Смоленск). Польское шля- хетство в истории Смоленского края	432

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник издан к 70-летнему юбилею профессора Тартуского университета Александра Дмитриевича Дуличенко¹.

Первый раздел сборника посвящен юбиляру: тексты поздравительных писем от коллег и учеников средней школы № 4 села Гара Векил в Туркмении, где юбиляр начинал свою учебно-научную деятельность, а затем продолжил ее в Самаркандском университете, статьи С.Н. Кузнецова, Ю. Рамача, Г. Ресселя и А.М. Бушуя.

Во втором разделе книги «Вопросы общего, исторического и сравнительно-типологического языкознания» помещены работы В.М. Мокиенко, А. Кюннапа, А. Бириха, Х. Куссе, Т. Левашкевича, М. Ухлика, Й. Земана, А. Золтана и др. В разделе «Микроязыки современной Славии: (социо)лингвистические аспекты формирования и развития», посвященном малым славянским языкам, представлены статьи А.С. Герда, Дж. Данна, К. Штайнке, Ю. Тамаша, Ю. Рамача, М. Фейсы, Я. Рамача М. Мозера, Р.-Э. Романчика и др. Последний раздел «Культурно-историческое пространство больших языков Славии» содержит статьи С. Чмейрковой, С. Ондрейовича, С. Торкара, И.В. Абисогомян, И.Ю. Табаковой, С.Б. Евстратовой и др. Таким образом, в сборнике нашли отражение работы, касающиеся общего, исторического, сравнительно-типологического языкознания, а также исследования по югославо-русинскому (южнорусинскому) и обще-русинскому, кашубскому, силезскому, горанскому и др. микроязыкам, по русскому, чешскому, польскому, словацкому, словенскому и др. языкам, что так или иначе связано с научной деятельностью юбиляра.

¹ См. первый сборник: *Микроязыки. Языки. Интеръязыки. Сборник в честь ordinarnego профессора А.Д. Дуличенко*. Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006, 576 с.

I. О ЮБИЛЯРЕ

Сергей Николаевич Кузнецов
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

- Я часто думаю, что было бы со мной, если бы я выбрал другую дорогу.
- По-моему, было бы то же самое, — философски ответил Боб Тидбол. — Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу.

О. Генри. Дороги, которые мы выбираем.

С Александром Дмитриевичем Дуличенко, которого я дальше буду называть АД (а себя — СК), я разделяю честь быть сооснователем Тартуско-Московской школы интерлингвистики (не путать с одноименной семиотической школой!). В юбилейный для АД год я позволю себе несколько воспоминаний о том, как пролагались наши пути к науке и друг к другу, а значит и к основанию поименованной школы, которая изначально могла бы претендовать на название не Тартуско-Московской, а скорее Московско-Ашхабадской!

СК о себе

Время, когда я учился в школе (1952—1962), соприкосновения с иностранными языками были самые незначительные, да и надобность в них особенно не ощущалась. Недостаток практических стимулов восполнялся стимулами романтическими — их в изобилии поставляла художественная литература. Александр Дюма и Жюль Верн вырастили особую породу демонических героев, которые славились удивительной способностью говорить на множестве языков.

Граф Монте-Кристо горделиво заявлял: «Державы царей ограничены — либо горами, либо реками, либо чуждыми нравами и обычаями, либо иноязычьем. Мое же царство необъятно, как мир, ибо я ни итальянец, ни француз, ни индус, ни американец, ни испанец — я

космополит. Ни одно государство не может считать себя моей родиной, и только Богу известно, в какой стране я умру. Я принимаю все обычаи, я говорю на всех языках».

Под стать графу был и капитан Немо, подчинивший себе не только океанскую стихию, но и стихию языка: «Он изъяснялся по-французски совершенно свободно. Произношение его было безукоризненно, слова точны, манера говорить обаятельна». Столь же свободно капитан владел английским, немецким, латинским, новогреческим, да вдобавок еще и каким-то «странным неизвестным наречием», на котором он общался с командой подводного корабля. В библиотеке капитана «книги были расставлены в алфавитном порядке, независимо от того, на каком языке они написаны; видимо, капитан Немо свободно владел всеми языками».

Какими способами было приобретено это умение говорить на «всех языках», да к тому же без всякого акцента, знаменитые писатели умалчивают. Однако на мальчишку, запоем читавшего приключенческую литературу, граф и капитан повлияли самым решительным образом. Я твердо заявил семьяным, что буду знать все языки и в доказательство налег на английский. В этом языке оказалось чудовищное количество трудностей — от нелепого произношения, которое заставляло искать приличную замену межзубным звукам, до сурового синтаксиса, который требовал армейской точности при раскладке слов по позициям. Для овладения ими я чертил геометрические схемы порядка слов, и теперь меня не оставляет тайное подозрение, что тема моей позднейшей докторской диссертации (о позиционном синтаксисе) была в конечном счете навеяна именно этим детским опытом.

Однажды моя учительница английского языка, похвалив очередную схему — и тем самым невольно определив мою дальнейшую профессиональную жизнь, откомандировала меня на Кузнецкий мост (где тогда располагался единственный в Москве магазин иностранной книги). Мне было поручено купить английские словари. Нужных словарей в продаже не было, но без трофея я все же не вернулся: мне попалась на глаза (была мною тотчас куплена) невзрачная брошюрка, отпечатанная на скверной бумаге «Обществом по распространению политических и научных знаний РСФСР». Называлась брошюрка так: *Н.Д. Андреев. Международный вспомогательный язык эсперанто. (Краткая грамматика и словарь-минимум)*.

Ленинград, 1957. Грамматика занимала в ней 7 страниц, эсперанто-русский словарь-минимум — 14 страниц, русско-эсперантский словарь-минимум — целых 18 страниц.

По какой-то причине я отметил в дневнике дату покупки — 23 апреля 1959 г.; эту дату я теперь считаю началом своей лингвистической деятельности. Нечего и говорить — день действительно оказался судьбоносным: именно эта книжка приведет меня к интерлингвистике, к встрече с АД и к созданию вышеупомянутой школы!

Между тем колдовского воздействия на судьбу приобретенная брошюра ничем не предвещала. Ее непрятательный вид вполне оправдывал мизерную цену, за которую она продавалась (90 копеек). Содержание же брошючки вполне соответствовало внешнему виду: она явно готовилась в большой спешке и выдавала небрежность редактуры — ошибки вкрадись даже в алфавит эсперанто (составитель забыл букву *D*, а произношение буквы *P* спутал с произношением *R*!).

Я и не знал тогда, что держу в руках чуть ли не музейную ценность — свидетельство эпохального перелома в жизни страны. В чем состоял этот перелом, в полной мере открылось лишь теперь — когда история удалилась от событий на расстояние, достаточное для оценок. Нечего и говорить, что четырнадцатилетний подросток, каким я был в 1959 г., не имел об этом ни малейшего представления.

Брошюра вышла в свет почти за два года до того, как она попалась мне на прилавке магазина. Издал ее 37-летний языковед Николай Дмитриевич Андреев, тогда кандидат филологических наук, живший в Ленинграде. Это был весьма своеобразный человек, не лишенный авантюрной жилки. В 1950 г. (год лингвистической дискуссии, проведенной по указанию и с участием Сталина!), когда эсперанто и другие искусственные языки были под строжайшим запретом, как проявление троцкистской идеологии (международный язык считался идейно родственным перманентной революции Троцкого), Н.Д. Андреев, не страшась криминала, сочинил проект искусственного языка *ANTRO* (эти буквы не латинские, а греческие, так что читаются [антро]). Этот проект он не скрывал от коллег-языковедов: экземпляр рукописи, посвященной *ANTRO*, был им подарен кавказоведу и эсперантологу Е.А. Бокареву. Видимо, и в последующие годы Андреев не оставлял своего детища: иначе чем можно объяснить,

что в брошюре 1957 г. букве *P* приписано произношение *R* — как в *ANTPO!*

Сама же брошюра появилась при следующих обстоятельствах. Летом 1957 г. в Москве состоялся VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов (он проходил с 28 июля по 11 августа). Современники запомнили этот фестиваль как историческое событие, впервые пробившее брешь в глухом «железном занавесе», отделявшем СССР от остального мира: в Москве в одночасье собралось более 34 тысяч гостей из 131 страны мира, в том числе из Западной Европы и Америки. Советские люди, прежде за версту обходившие любого иностранца, неожиданно увидели на расстоянии протянутой руки представителей всех континентов, рас, религиозных и политических взглядов. В Москве стали происходить невиданные вещи: в магазинах появились импортные товары, в киосках — зарубежные газеты, была открыта выставка абстракционистов, зазвучали джазовые оркестры, открылся свободный вход в Кремль. Участники фестиваля прошли Маршем мира по Первой Мещанской улице, получившей с тех пор название «Проспект Мира». В небо одновременно взмыли 34 тысячи голубей, специально выращенных к фестивалю.

Прорыв в зарубежный мир сопровождался прорывом в космос: 3 августа был произведен запуск межконтинентальной ракеты, предваривший начало *космической эры* (через два месяца, 4 октября, будет запущен первый искусственный спутник Земли). Свидетели тех событий вспоминают фестивальные дни как время всеобщей эйфории — неподдельной радости, чувства всемирного братства, ожидания необыкновенных космических свершений...

И только одно разделяло участников фестиваля — языковой барьер. Службам, отвечавшим за чистоту советской идеологии, нечего было беспокоиться: от чуждых влияний советские люди были надежно ограждены собственной лингвистической немотой — неспособностью общаться на иностранных языках без переводчика. Лишь одна категория советских граждан не нуждалась в переводчиках — это были эсперантисты, выжившие после чисток 1930-х гг. или вновь изучившие эсперанто.

Именно для подготовки новых эсперантистов и предназначалась брошюра Н.Д. Андреева, выпущенная немыслимым для нашего времени тиражом — 95 тысяч экземпляров. Этот тираж почти втрое превышал число зарубежных участников фестиваля! Но смогли ли

тогдашние эсперантисты реально воспользоваться брошюрой Н.Д. Андреева? В выходных данных имеются следующие сведения о ней: подписано к печати 19 июля 1957 г. (т.е. за 9 дней до начала фестиваля), напечатано в типографии гор. Сортавала, Карельская АССР. Если даже тираж успели в авральном порядке напечатать, вряд ли смогли к началу фестиваля доставить его из Карелии в Москву, а уж о том, чтобы изучить по этой книжке язык эсперанто и потом общаться с участниками фестиваля, — говорить вообще не приходится. Учебник сыграл иную роль: символическую (он обозначил рубеж, за которым началась эрозия тоталитарной языковой политики) и просветительскую — со знакомства с ним вступило в жизнь первое послесталинское поколение советских эсперантистов.

Учебник Н.Д. Андреева привлек к эсперанто и будущих российских интерлингвистов. АД и СК были в их числе.

Почему же столь незначительная по объему и уровню выполнения публикация смогла произвести столь большое воздействие на настроение умов и даже на выбор профессии? Не могу говорить за АД, но в моем случае дело обстояло следующим образом.

Естественные и искусственные языки, как мне неоднократно приходилось убеждаться, по-разному взаимодействуют с психологическими составляющими человеческой личности. Изучая *естественный язык*, язык другого народа, приходится делать основную ставку на *память* (нужно изучить и запомнить не только допустимые в данном языке слова и обороты, но и многочисленные языковые запреты и исключения из правил). Любые сомнения можно разрешить только одним способом — обратившись к *внешнему авторитету* (носителю изучаемого языка). Привнести в изучаемый язык что-либо свое, расходящееся с традициями этого языка, совершенно немыслимо, даже если бы новация имела самые разумные основания. Успех в изучении естественного языка тем выше, чем больше изучающий *подчинит самого себя* духу и традициям этого языка.

Другое дело при изучении *искусственного языка* (типа эсперанто). Изучающему не нужно изощрять память: грамматика и словарь языка умещаются на немногих страницах. Однако требуется постоянно тренировать свою *творческую способность*, производя новые слова или изобретая обороты, которые лучше всего передают мысль. Овладевая искусственным языком, изучающий мало-помалу превращается в его хозяина, будучи единственным источником но-

ваций (отсюда опора не на внешний, а на *внутренний авторитет* — языковое чутье изучающего). Новации не только не запрещаются, но прямо необходимы для нормального функционирования такого языка. Успех в изучении искусственного языка тем выше, чем больше изучающий *подчинит себе этот язык* и станет для него законодателем.

Ключ к сопоставлению двух языковых стихий я и получил, когда приобрел учебник Н.Д. Андреева: последовавшие увлеченные занятия одновременно английским и эсперанто (к которым вскоре привились другие языки) наталкивали на такие выводы, какие нельзя получить никаким иным путем. Именно поэтому с даты приобретения брошюры Н.Д. Андреева я и отсчитываю свое профессиональное самоопределение.

Все рассказанное мне пришлось вспомнить в год столетия эсперанто — в 1987 г. К тому времени, благодаря брошюре Н.Д. Андреева, основательно изученной мною еще в 1959 г., я мог числить себя эсперантистом уже 28 лет. Я успел защитить две диссертации — кандидатскую и докторскую (в Эстонии этих названий уже нет: кандидатская стала там докторской, а наша докторская в европейских странах называется хабилитационной); обе диссертации были посвящены отнюдь не эсперанто, а вполне «естественному» датскому языку. Как раз в 1987 г. в Берлине должен был проходить очередной (XIV) Международный конгресс лингвистов. Организаторами конгресса были, разумеется, хозяева — языковеды ГДР, однако советская сторона также активно участвовала в его подготовке. Работая тогда в Институте языкоznания АН СССР, я написал несколько докладных записок, предлагая включить в программу конгресса также проблематику интерлингвистики и эсперантологии. Эти предложения были приняты (не в последнюю очередь благодаря содействию чл.-корр. В.Н. Ярцевой); с немецкой стороны возражений не поступило, и было решено провести в рамках конгресса специальный круглый стол по плановым языкам и интерлингвистике под руководством Д. Бланке и Р. Лёча с немецкой стороны, и С.Н. Кузнецова — с советской. Я был включен в состав делегации, направленной на конгресс. Каково же было мое удивление, когда, отправляясь в Берлин, я оказался в одном купе с Н.Д. Андреевым — моим невольным крестным отцом по части эсперантологии и интерлингвистики. Я, конечно, не преминул рассказать ему, какое значение имела для

меня брошюрка 1957 г., отпечатанная в Карелии на скверной желтоватой бумаге.

О6 АД

АД родом из благодатных южных краев: он родился 30 октября 1941 г. и провел детство в поселке Высоком Краснодарского края. Интерес к языкам проявился у него очень рано, но, как и у меня, главную роль сыграл тут не практический, а романтический контекст. АД вспоминает (привожу цитаты из писем АД, написанных мне в разные годы):

«Что касается языков и лингвистики, то, конечно, мое обращение в эту сторону было совершенно случайным... Сам уже не раз задавал себе такой вопрос: когда и почему?

Может, толчком послужило то, что мальчишкой я был очень любознательным. И всегда пытался докопаться до глубин тайны, до глубин непонятных мне вещей. Помню, как в далеком детстве, еще в дошкольном возрасте, рассматривал учебник всемирной истории моей сестры. Это было во второй половине 40-х гг., вскоре после Великой Отечественной войны. Картинки в учебнике, хотя и скромные, черно-белые, но единственные, которые были доступны мне в ту пору. Запал такой момент: смотрю на изображение какого-то индийского средневекового князя, внимательно рассматриваю и думаю: а на каком языке он говорил? Ведь, как и мы, он общался, но как? И какой же это должен был быть страшно непонятный и фантастический язык?! Мысль увлекла тем более, что в том далеком селе, где я родился и вырос, никакой иностранной речи не было — только в кино».

Осенью 1949 г. АД пошел в школу. Воображение по-прежнему продолжало рисовать ему загадочный и манящий мир восточных языков:

«Непонятно-языковое было для меня тайной, о которой никому не говорил и над которой временами размышлял. На уроках родного языка, а затем и иностранного мне было особенно интересно. Западные языки — близки, а вот что в этом плане там, далеко на Востоке?! И стал бредить восточными языками. Но говорить об этом кому-либо или советоваться с кем-либо было невозможно: никого не было рядом, да и никто бы меня не понял, так как вокруг были обычные перспективы у тех, кто заканчивал школу, — ‘идти в агрономы, зоотехники, учителя и инженеры’. Это в лучшем случае. Кто бы меня понял с такими фантастическими бреднями?! Я вел дневник жизни и только ему доверялся. К окончанию

школы поставил цель поступить на востфак. Но пропаганда по радио и в газетах в те 50-е гг. была настолько оголтелая — ‘только самые достойные, только самые знающие’ должны поступать в вуз! — что я поверил этому и, воспользовавшись, что к нашим соседям приезжала на лето с детьми и мужем их сестра-учительница из Туркмении (из Ашхабада), решил сначала поискать восточного счастья на Советском Востоке: мол, сначала изучу, например, туркменский язык, а потом поеду в Ленинград на востфак. Увы, это был шаг в сторону от мечты!».

Среднюю школу АД пришлось заканчивать в станице Новоалексеевской, в пяти километрах от поселка Высокого. Здесь и произошло знакомство АД с эсперанто — источником послужила все та же брошюра Н.Д. Андреева, о которой писалось выше:

«Об эсперанто узнал классе в 8–9-м, когда в школьной библиотеке станицы Новоалексеевской (куда из поселка Высокого ходил каждый день в течение трех лет пешком около 5 км туда и столько же назад) случайно обнаружил известную тебе брошюру Андреева. Наверное, это было в 1958 году!».

Вот, оказывается, куда попала основная часть тиража этой брошюры: ее разослали по школьным библиотекам, где только самые пытливые из учеников смогли ее обнаружить! Для АД это была счастливая находка: эсперанто, слившись с мечтой о восточных языках, послужил окончательному определению профессии (как похоже на то, что было со мной!).

Окончив в 1959 г. школу и оказавшись в Ашхабаде, АД снова задается вопросом, куда все же направиться — остаться в Ашхабаде или ехать в Ленинград? Он не сразу сделал свой выбор. Неожиданные обстоятельства склонили чашу весов в пользу Ашхабада:

«Почему же я не поехал в Ленинград? Перед поступлением в университет я пару месяцев работал рабочим в экспедиции Института геологии АН ТуркменССР в Кугитанг-Тау — это на узбекско-туркменской границе, у самого Афганистана, на самом юге СССР, высоко в горах. Однако когда я оттуда отправился в Ашхабад, чтобы взять документы и получить деньги за работу, случилось непредвиденное: не оказалось тех людей, которые бы выдали мне заработанные деньги. А без них ехать на другой конец страны?!... Так я остался в Ашхабаде и, чтобы не терять времени, поступил на филфак».

Филологический факультет Туркменского университета (в Ашхабаде) имел русское отделение, на котором и учился АД. Одновременно

он овладел эсперанто и стал преподавать его студентам-однокурсникам.

«От эсперанто пришел в студенческие годы к интерлингвистике — перекопал всю литературу 20-30-х гг. обо всем этом, что была в Республиканской библиотеке им. К. Маркса (получала обязательный экземпляр). Потом от русского языка — к другим славянским, прежде всего к языкам Югославии: сначала сербско-хорватский, потом открыл для себя микроязык — югославо-русинский».

Сфера профессиональных интересов АД обретает все более четкие очертания. Он находит поддержку старших коллег:

«Мой выбор заняться разгадкой тайн человеческого языка и языков человечества поддержал в ту тяжелую для меня пору этнограф Сергей Михайлович Демидов, сотрудник Института этнографии АН Туркменской ССР. Человек увлеченный и преданный своей науке. Его интересы распространялись и на языки. Он знает, кроме туркменского, немецкий, персидский, турецкий и некоторые другие.... Контакты с ним сохраняются по сей день... Но когда в 1965 г. мне попала в руки югославо-русинская газета ‘Руске слово’ (‘Русинское слово’) — прислал приятель по переписке из Югославии, я с удивлением обнаружил, что об этом язычке нет никаких сведений ни в одном советском славистическом издании! Я обратился письмом к Никите Ильичу Толстому, он с готовностью откликнулся — и так все закружилось... Снова случай...».

Случай? Везение? Если верить АД, то счастливые случайности и далее не обходили его. Вот что он пишет в послесловии к своей книге «Славянские литературные микроязыки» (Таллин, 1981, с. 320):

«Пятнадцать лет назад, в 1965 г., автору этой книги, тогда еще студенту последнего курса университета, почти случайно попало в руки редкое издание — номер газеты ‘Руске слово’, вышедшей на языке русин Югославии в небольшом воеводинском селе Руски Керестур. Попытка идентифицировать письмо и сам язык газеты с известными славянскими языками не дала никаких результатов. Это обстоятельство побудило обратиться за консультацией к лучшему в нашей стране знатоку языков и языковой ситуации Югославии проф. Н.И. Толстому. Видный славист не только ‘разгадал загадку’, но и подтолкнул к занятиям этим языком, поверив в серьезность почти случайно возникшего интереса. Так проблематика, стоявшая незамеченной на периферии славистики, стала одной из основных в сфере научных занятий автора этих строк. Работа была начата в университете в Ашхабаде, продолжена в Самаркандском и завершена в Тартуском университете, где (снова счастливое обстоятель-

ство) судьба свела автора книги с крупнейшим языковедом и полиглотом акад. П.А. Аристэ, в беседах с которым ‘микроязыковые представления’ автора расширились за счет знакомства с микронациональностями и языками финноугорского и, шире, европейского этноязыкового ареала. Память с благодарностью хранит все, что связано с этими двумя именами».

Нет, не верится в череду «счастливых обстоятельств», о которых рассказывает АД. Ведь нет ничего более закономерного, чем случайности — ибо случайности складываются в определенную (хотя и не сразу угадываемую) траекторию.

События жизни АД (как и события моей жизни) вполне это подтверждают. Проучившись положенные пять лет (1961–1966), АД получил диплом с отличием по специальности «русская филология» и был направлен учителем русского языка в среднюю школу аула Гара Векил (в Ашхабадской области). Здесь АД провел в общей сложности восемь лет (1966–1968, 1970–1976), с перерывом в два года (1968–1970), когда он работал ассистентом кафедры общего и русского языкознания Самаркандского университета в Узбекистане.

Село Гара Векил (‘черный гонец’) представляло собой туркменский аул, затерянный в каракумской пустыне (по-туркменски *Гарагум* — ‘черный песок’). Нестерпимая жара летом (все долгое лето на небе ни облачка), морозная с оттепелями зима, расцветающая прелестными нежными красками весна… Но большую часть года глазу открываются бескрайние серо-бурые просторы, барханы и солончаки, заросли саксаула… Живность — типичная для пустыни: змеи, грызуны, степные черепахи, скорпионы…

Но АД не чувствовал себя «черным гонцом» в «черных песках». В воспоминаниях АД о Гара Векиле сквозит явная ностальгия, которую только подчеркивает контраст с нынешней его «европейской» жизнью:

«Боже, как это было порою непросто в тех далеких условиях, в которых я многие годы находился. Но я ни о чем не жалею! Может, сделал бы в науке больше и посолиднее, если бы жил в столицах или вблизи них, — может! Но кто бы дал мне те никогда не забываемые среднеазиатские годы исканий и постижений?! Кто?! Если не я сам! Свет той далекой звезды — пустынного села Гара Векил — так и вспыхивает время от времени здесь, в моем уже европейском далеке! Сколько раз вспоминал я Гара Векил и Кара Кумы, находясь в Геттингене и Гейдельберге или в Париже и Торонто!».

Там, в глухом туркменском ауле, АД начинает беспримерное дело: он ставит себе цель собрать профессиональную (т.е. максимально полную) библиотеку по общему языкознанию, славистике и интерлингвистике. И эту цель (перед которой у всякого другого опустились бы в бессилии руки) АД осуществляет настойчиво, последовательно и чрезвычайно успешно: в годы, когда даже столичные книжные магазины не могли ничего предложить взыскательному читателю, АД заполняет полки своей библиотеки уникальными изданиями, полученными со всего света.

По адресам славистов и эсперантистов рассылаются бесчисленные просьбы о присылке материалов и книг. Просьбы эти в большинстве случаев выполняются. Получаемая ответная почта иногда приобретает просто пугающие размеры. Но письма и бандероли не сразу попадали в Гара Векил. Вот как это происходило:

« ... когда я жил в Кара Кумах — это примерно в 210 км на юго-восток от Ашхабада, нужно было добираться автобусом или поездом ‘Красноводск — Ташкент’ или ‘Ашхабад — Москва’ (которых с эпохи ‘самостояйности’ уже не существует!) до станции Теджен (районный городок), а оттуда автобусом или как-то иначе еще примерно 50 км до села Гара Векил. Там было почтовое отделение. Однако международную почту я получал на Ашхабад (аб. ящ.), т.к. это было надежнее.

Примерно раз в месяц, иногда чаще, кто-то из моих знакомых, но больше одна из однокурсниц Лариса Мирошникова (она тоже работала в Кара-Кумах по окончании университета, но потом, отслужив несколько лет, вернулась в Ашхабад и работала в издательстве Туркменской АН), приходили на главпочтamt Ашхабада, выгребали всю скопившуюся почту (а она при таком редком отборе не всегда вмещалась в ящике, потому работница Валя держала для этого специальный бумажный мешок, куда складывала остальное) и, упаковав в бумажные посылки, отправляли мне в Гара Векил. Какое-то время этим занимался также мой давний приятель Сергей Михайлович Демидов... Тогда, в те годы, это шло ко мне 3–5 дней.

Однако когда я сам бывал в Ашхабаде, то, разумеется, забирал всю почту, обычно в бумажном мешке, и волочил ее по Ашхабаду до авто- или ж/д вокзала, чтобы сесть на автобус или поезд. А когда после летних отпусков возвращался из Европы [имеется в виду, конечно, европейская часть СССР — в Европе АД живет сейчас. — Прим. СК], меня, как правило, ждали в Ашхабаде мешка два

Собралась приличная библиотека по интерлингвистике и языкознанию вообще. Не знаю, сколько это тысяч книг — возможно, три или

больше. Но сейчас в моей библиотеке гаравекильское собрание занимает почти половину. Когда стало очевидно, что придется навсегда покидать Гара Векил, я стал думать о том, как быть с библиотекой. Прошел по конкурсу в Тартуский университет, но квартиры сразу не было. Потому еще до того из Гара Векила специальным огромным контейнером — более 40 огромных картонных ящиков — отправил на Украину к тестю в село, чтобы все это там полежало до получения жилья. Однако в общежитии пришлось жить долго, потом тестя переслал мне контейнером книги, я заказал для них стеллажи и т.д.».

Каждодневный галерный труд, не ведавший ни милости, ни сроку (а отнюдь не череда «счастливых случайностей») лег в основу всех профессиональных успехов АД. Мне тоже пришлось, уже после нашего знакомства с АД, поучаствовать в его общении со всем светом. Боясь, как бы отправляемые заграницу письма не пропали, АД сдавал их на почту не в Ашхабаде, а пересыпал сначала мне в Москву для дальнейшей отправки с центрального почтамта. Отлично помню эти пачки конвертов — почему-то зеленого цвета (не было других в Ашхабаде?), с адресом, написанным крупным разборчивым почерком... Однажды один зеленый конверт расклеился, и приемщица на почтамте велела переложить письмо в другой конверт. Пока я складывал письмо по-новому, в глаза бросились настойчивые просьбы АД, напор которых возрастил с каждой строчкой: «Прошу Вас выслать мне книгу... Прошу понять, насколько это необходимо для моих занятий... Прошу не отказать в моей просьбе... Взамен предлагаю Вам...» (следовал список книг по искусству — этой литературы в наших магазинах, по счастью, хватало). К чести корреспондентов АД, они быстро поняли, что имеют дело не с досужим собирателем раритетов, а с ученым, которому остро нужны научные материалы, и стали исправно поставлять АД книжные новинки. Когда же АД вступил в переписку с людьми, говорившими на малых славянских языках и ревниво лелеявшими родную речь, они быстро распознали в АД истинного знатока, ценителя и, в какой-то мере, оберегателя этих затерянных языковых островков. То же было с эсперантистами, идистами, изобретателями новых искусственных языков.

В результате в гаравекильском доме АД сосредоточилось уникальное собрание печатных и рукописных материалов по славистике и международным искусственным языкам. По части интерлингвистических работ собранию АД могли бы позавидовать крупнейшие

столичные библиотеки (в те годы в каталогах Ленинки я часто находил на библиографических карточках пометку карандашом: С/Х, т.е. «удалено в спецхран»). Это собрание легло в основу ныне широко известной энциклопедии «Международные вспомогательные языки», которую АД написал в Туркмении, но издал уже после переезда в Тарту.

Материалы же по славистике дали АД возможность подготовить кандидатскую диссертацию по югославо-русинскому языку (диссертация была написана в основном в Гара Векиле и защищена в Институте славяноведения и balkанистики в Москве). От югославо-русинского протянулся мост к остальным микроязыкам, которых АД ныне насчитывает более двух десятков. Так стала складываться другая энциклопедия — Микрославии...

Во всех крупных публикациях АД перечисляет с благодарностью своих многочисленных корреспондентов за присланные книги и материалы.

АД: Дорога к интерлингвистике (2.VI.1996, Tartu)

АД вспоминает, как работал над энциклопедией «Международные вспомогательные языки»:

«И вот когда я, сидя в своем далеком и заброшенном среди песков Гара Векиле, уже почти завершил работу, неожиданно в один из майских дней 1972 года, жарких по-пустынному, получаю из ‘столицы мира’ [=Москвы] письмо, в котором меня поразили такие слова: ‘По профессии я лингвист, мои основные интересы — германистика, общее языко-знание и интерлингвистика (было бы, впрочем, правильнее начать с интерлингвистики)...’.

С интерлингвистики в ту пору никто не начинал — это было бесперспективно по идеологическим соображениям. Я был потрясен: надо же, в мире есть еще кто-то, решивший начать свой научный путь ‘не с того конца’!... Это был тогда начинающий, а ныне всемирно известный интерлингвист Сергей Кузнецов.

Через два месяца я выбрался из своей пустыни, сел на самолет ‘Ашхабад — Москва’ и через несколько часов был в столице тогда еще общей Родины. Позвонив СК, я услышал в ответ горячее желание встретиться в любой момент и где угодно... Описав наши внешние признаки, мы без труда нашли друг друга на остановке троллейбуса у Библиотеки Ленина ... ».

Так и соединились наши «дороги к интерлингвистике». Осталось вспомнить, что мое письмо к АД было датировано праздничным днем, Днем Победы — 9 мая 1972. И сегодня, в день юбилея АД, я говорю ему: «Веселей, дружище! Мы верны своей дороге. А впереди еще столько непознанного! Хватит дела не на одно поколение. Победа будет за нами!»

S. Kuznetsov. Teed, mida meie valime

Tartu-Moskva interlingvistika koolkonna tekkest, selle rajajate — A. Dulitšenko ja S. Kuznetsovi, sõprusest ja koostöötegevusest.

Юлиян Рамач

**Универзитет у Новим Садзе,
Оддзелене за русинистику**

ПРОФ. ДР АЛЕКСАНДЕР Д. ДУЛИЧЕНКО И РУСКА (ЮЖНОРУСКА) МИКРОФИЛОЛОГИЯ

Южноруска микрофилология – наукова діяльнісць проф. А.Д. Дуличенка – теорія славянських літературних мікроязикох – руски/ южноруски (мікро)язик

Проф. др. габил. Александер Дмитриевич Дуличенко (нар. 1941) за- кончел Туркменски университет (в. Ашхабад), робел у школи у Туркмениї, потім на Самаркандинском университете, а од 1976. р. ро- би на Тартуским, дзе основав Катедру за славянску філологию и по- ставел фундаменти «Тартускай школи славянской микролингвисти- ки». Член ё веций иножемных научных академий, почесни доктор Трирского университета, лауреат награди «Фонда А. Гумболта», член «Медзинароднаго Комитета славистох» и председатель його «Комисіі за славянски мікроязики», председатель «Национальнаго Комитета славистох Естоніі» и «Медзинароднай Асоціяцыі интер- лингвистики». На поволанку тримал преподаваня на веций як 50 университетох швета.

Заніма ё з общу теорио язика, з етно-, социо- и интерлингвистику, зоз славянским язикознавством (руссіски, южнославянски языки, славянские мікроязики), з историо лингвистики и слависти- ки и др. Автор ё понад 500 публикаций на 20 европских языках, медзі німа кніжки: *Славянские литературные мікроязыки* (1981), двотомнік написох и текстох на мікроязикох (2004–2005), *Jugoslavo-Ruthenica* (1999–2009, двотомнік), *Русский язык конца XX столетия* (1994), *Этносоциолингвистика ‘перестройки’ в СССР* (1999), *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.)* (2008), *Международные вспомогательные языки* (1990), *История интерлингвистики* (2007) и др.

А. Дуличенко ше першираз стретнул з руским (южноруским) язиком 1965. р. як студент штвартого року русийской филології на университете у Ашхабаду (Туркменска ССР, СССР). Кед обявел свою адресу у загребским «*Plavim ujesniku*», жадаюци мац контакты з младима у швеце, написал му млади Руснак з Руского Керестура и представел ше: «*Ja сам Русин <...> 1947. године [је било] 200 година од како смо се населили у Југославији*». Нови приятель з Керестура послал А. Дуличенкови школски учебнік руского язика и предплацел го на єдини (тижњово) новини на руским языку «*Руске слово*». Як студент филології, А. Дуличенко ше заинтересовал за тот язик. На провадзене и виучоване руского язика конечно го унапрямел його професор Никита И. Толстой. У слідуючих штирох децениях шлідзели велі і велі контакты А. Дуличенка з рускима интелектуалцами, зоз славистами, библиотеками, институциями... За тот час вон упознал живот, историю и культуру Руснацох и научел їх язик. О руским языку А. Дуличенко написал свою кандидатску дисертацию «*Литературный русинский язык Югославии. (Очерк фонетики и морфологии)*» (1974). Руски язик, попри других славянских литературных микроязыкох, бул и предмет його докторскай габилитацийней дисертациі «*Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*» (1981). Нешка вон бешедуе з нами по руски. У свой библиотеки у Тартуу ма векшину виданьох на руским языку.

Од 70-их роках ХХ в. почал поряднє тримац преподаваня о руским языку: у рамикох обовязнного рочного курса за студентох славистики «Основи славянской филологии», а потым тримал семестрово курси о исторії и сучасним стану южнорусинской микрофилологии и вообще о южнорусинским языку на Тартуским университету, але тиж и на других университетох швега: Трирским, Львовским, Гетингенским и др.; окрем того, теоретично обгрунтовал южнорусинску микрофилологию як научову дисциплину и уведол ю до «велькай славистики» (даскелью публикацій на тоту тему познати у славистики); по його преподаваньох о южнорусинским, як и других микроязыкох, учели и уча студенти у СССР, у Русії, Естонії, у Немецкей и др. жемох; медzi Руснацами першираз бул 1990. р. и отримал циклус преподаваньох за студентох русинистики у Новим Садзе, 2009 р. участвовал на конференції и отримал преподаване за руских интелектуалцох и студентох на Філозофским факультету.

Значне тиж повесц же А. Дуличенко пририхтал за видане рукопис циклуса перших писньох Г. Костельника од 1904. р., хтори ше чувал у Архиву Академії наук ССР: Габор Костелник Гомзов. «Жалосчинки — Сереньчи и милей». Нови Сад, 1994.

Біблиографію роботох А. Дуличенка до 2006. року видал Тартуски універзитет: Ромаш Э. Романчик. *Ординарный профессор Александр Дмитриевич Дуличенко. Биобиблиография*. Тарту, 2006, 285 боки. На 18 бокох, од 182. по 200. бок (182–200) *Библиографії* находзі ше часц *Югославо-русинский (южнорусинский)*, у хторей ше на-водзя роботи А. Дуличенка з рускай філології и исторії. Вона ма 86 біблиографски єдинки — роботи обявлены на руским и русийским, ридше на сербским/ горватским, польским, немецким, англійским, лужицкосербским языку. Найвецей роботи ест о руским языку: о морфології, синтакси, лексикології, лексикографії, о руским языку у карпатским и войводянским окружению, о формированию и розвою руского литературного языка, о руским языку як славянским литературним микроязыку (понеже виучуе и други славянски мали литературни языки, А. Дуличенко перши у славистики за таки языки уведол термин и поняце *микроязык*, хтори нешкада общеприлапени у науки); надалей то роботи о питаньох исторії и розвою рускей литератури, о питаньох исторії Руснацох. Барз значна и його статя *Библиография новойновых работах з языка югославянских Руснацох* (1975).

Окрем веліх статюх, А. Дуличенко написал о руским языку и ёдну кніжку. То: *Кнiжска о руским языку. Увод до рускей філології у документах и коментарах* (НВУ Руске слово — Дружтво за руски язик, литературу и культуру, Нови Сад, 2002, 223 б.) Як автор гвари у предходним слову, то зборнік текстох «хтори представляли тот язик и тото писане слово у различних епохах», а хтори даю можлівосц рускому читачови «же би сам раздумал о судьбі свайго родзеного языка, же би дознал тото ўточненне з його преісторіи, з його исторії».

Коло 70 Дуличенково статі з наведзеней Біблиографії видати у двух зборнікох на руским языку:

1. *Jugoslavo-ruthenica* [I. Работы з рускей філології] (Руске слово, Нови Сад, 1995, 333 б.). До зборніка вошли 20 статі з Біблиографії.
2. *Jugoslavo-ruthenica* II. Работы з рускей філології и исторії (Філозофски факультэт — Руске слово, Нови Сад, 2009, 411 б.). У зборніку обявлены 39 статі и 13 прикази и рецензій.

Статя «Язык и язичне питанє (Под)карпатской Руси» (54–66. б.) ту першираз обявена. До наведзених двух зборнікох *Jugoslavo-ruthenica* зоз Библиографій не вошли даскелью статі писані за розлични енциклопедій и пар други статі; іх А. Дуличенко вихабел з вибору до зборнікох. По виходзеню Библиографій обявена ище ёдна статя А. Дуличенка по руски: *Югославянско-русински / южнорусински у контексту язикох сучаснай Микрославії* (Studia Ruthenica, ч. 15. Дружтво за руски язык, литературу и культуру, Нови Сад, 2010, б. 27–54).

Три наведзени кніжки, тата остатня статя и статі з Библиографій хторы не вошли до зборнікох — то понад 1000 боки. Тельо А. Дуличенко написал о руским языку, литератури и историі.

О тэліх научковых работах могла бы ше написац цала ёдна кніжка. Ми на тих пар бокох жадаме повесць цо тримаме за найважнейшэ у роботы А. Дуличенка на рускей филологіі и у його одношено гу Руснацом, и, з другого боку, у чым його робота може послужыц младым руским научковцом як приклад.

Од початку свойого культурного препородзеня и снованя Руского народнаго просвітнаго дружтва «Просвіта» 1919. р. та аж по нёшкі руска интелигенция у поглядзе походзеня и національнай прыпадносці Руснацох подзелена на *украінски* и *руски* ориентаваніх. Медзі тима двома странамі з часу на час ше случую непорозуменя и критики. Важне при тим надпомнунц же ше ношителю и ёднёй и другой ориентациі декларую урядово як — Руснацы. Обширнейшэ о тей подзеленосці ту не пишеме: вона добре позната и войводянскай культурнай явносці, и славянскай, та и европскай філологіі. О тей подзеленосці зме мушели ту спомнунц, бо ше вона одражуе и на науку о руским языку, литератури, исторії, культуры. Кед у статі ёднаго автора читаче «препознаю» його прихильносці гу даёдней з двух ориентациіох, то такой виволеў реакціі и критики з процівнаго боку: дошлідни и недошлідни, аргументавані и неаргументавані, частаю острасці. И ридко даеден русиниста, кед же ше экспоновал як прихильнік даёдней з двух странох, вимкнул «отровним стрелом» з другой страни. Найдлужей ше отримую тоты хторым національна ориентация Руснацох у іх фаховей и науковей роботы найменей важна, хторы у своіх работах виноша лем факты, хторы кажде свойо твердзене подкриплюю з аргументамі, хторым научова правда од шыцкаго найважнейшага. А А. Дуличенко бул ёден з тих ридких руси-

нистох хтори ше през цали час своїй 45 роки для науковій діяльності отримал на достойній науковій висині.

Вирносць А. Дуличенка науковій правди, його виношене таї правди лем през факти і аргументи можемо видзиць у кождій з його коло 90 роботах з русинистики. За виношене таї правди йому віше було потребне назбераць і вельмо матеріялу. Часто вон таки матеріял зберігав през вецеї роки. То видзиме напр. зоз статі «*Система і специфічносць злучніцких конструкцій з початкову компоненту же у языку югославянских Руснацох*», у хторей автор гвари:

«Матеріял за ту роботу автор позберав концом шейдзешатих і на початку седемдзешатих роках і дополнював го у роках котри шлідзели» (JRuthI, 241).

Автор і наводзі вельке число прикладох з того назбераного матеріялу з народного і літературного язика: виречения зоз злучніцкими конструкциями же *хто* (цо, котри / хтори, яки, дзе, кадзи, кеди, кед, док, як, кельо, чий, чом, прецо). То конструкції хтори ше у нашим языку почали шириць іще у карпатським ареалу, та вони характеристичні і за други бешеди того ареала. Автор то подкріплює з прикладами зоз заходноукраїнських бешедох Восточній Словакії, з восточнословакічкіх і з мішаних українско-словакічкіх бешедох (JRuthI, 240–264). У тай статі на 24 боках шыцько до конца ясне, потвердзене з прикладами, і так повесць нет цо у ней вецеї додаць. Тиж так на барз богатим матеріялу написана стаття «*Сербскогорватски елементы у языку югославянских Руснацох*» (JRuthI, 72–126) — статя на 54 боках — цала кніжка, стаття «*Заменовніки*» (JRuthI, 163–193) і др.

Яку значносць А. Дуличенко придавал фактам у своїй науковій роботі можемо видзиць і з його статі «*Питаннє початкох друкованого слова при бачванско-сримских Руснацох*» (JRuthII, 178–187). Пред тим нашо авторе тримали же писні «Прилет’ла зозуленка тай стала кукати» і «Сп’вай жаворонку весело по полю», хтори у Врабельовим «*Рускім соловею*» (1890) обявени под меном Петра Кузмяка, насправди і написал Петро Кузмяк. А. Дуличенко, медзитим, зробел язичну аналізу тих двох писньох (перша як текст I, друга як текст II) і констатавал: у тексту I полногласе (*передъ*), у тексту II неполногласе (*предъ*), у тексту I форми 3. ос. ёд. на *-тъ* (*не хочетъ*) і без *-тъ* (*отв’чае*), у тексту II форми на *-тъ* ітд.; автор находит і варіянти у єдним истим тексту: у тексту I форми 1. ос. мн. *не знаемъ и просиме*. По тай аналізи А. Дуличенко поставя питане: *Чи то прилапліве у*

свидомей поетичнай творчосци єдного человека? Або то результат преписованя або прерабяння уж готового текста? (JRuthII, 182) И заключує же перши руски оригинални літературни твор то нє тоти два Кузмяково писнї, але писня керестурского народного поета Андрія Горняка «Боже мой, Боже мой», обявена у истим Врабельовим зборніку на 101. боку: *Боже мой, Боже мой, // Яка велька пыха, // Кедъ ужъ стара баба // Паньску хустку пита!*

Поровнуючи руски язик з бешедами карпатского ареала, А. Дуличенко ту и там констатує же вон ма даєдни заєдніцки характеристики зоз заходноукраїнскими, даєдни зоз восточнословашкими, а даєдни и з єдними и з другими бешедами; же даєдни його характеристики превладую у єдних, а даєдни у других бешедох. Напр. у статї «З морфології руского язика» (JRuthI, 207–213) вон констатує же проста форма перфекта у руским языку (*я робел*) результат впліву українського язика и його заходних бешедох, а зложена форма (*робел сом*) — словацкого язика и його восточних бешедох; при тим зложенні форми у руским языку велько частейши од простих (JRuthI, 211). Медзитим, анї у тей статї, анї у других з подобну проблематику А. Дуличенко нє виводзи того «фаталне» заключене же руски язик спада до тих або тих бешедох, же Руснаци такого або такого походзеня. Вон то у єдним тексту отворено и гвари:

«я уствари по тераз заобиходзел друковане свойх попатрункох на питане о походзеню язика югославянских Руснацох» (JRuthII, 93).

А. Дуличенко од самого початку виучованя руского язика похопел же то за Руснацох барз чувствительна тема, же язичну блізкосц єдного народу з другим нє треба мишац з його национальним чувством. И ту А. Дуличенко остал вирни своїм науковим принципом. Але, гоч осторожни по питаню походзеня руского язика, остатніх роках віше му блізше видзене же ше дакеди давно почала слuchovaц пременка язика од востоку, те. од закарпатскоукраїнського регіону гу заходу, тє. гу восточнословашкому регіону. Але тата пременка ше ище нє закончела, та прето у руским языку єст елементи обидвох стихийох, при чим на закарпатскоукраїнське походзене указую даєдни реликти (фонетични и др.), о чим вон бешедовал у своїм преподаваню у Новим Садзе 2009. р., а пред тим на конференциї «Сусрет культура» на Філозофским факультету у Новим Садзе. Там вон и винес свой кредо о генези руского язика.

А. Дуличенко написал и вецей статі о славянских литературных микроязыкох и руским языку як микроязыку. З ніх можеме видзиць же вон наш язык трима за ёден з найрозвитших славянских микроязыкох. Так у статі «*Югославянско-русински/ южнорусински у контексту язикох сучаснай Микрославії*» (Studia Ruthenica, ч. 15, Нови Сад, 2010, 27–54. б.) на 49. б. вон дава функционалну матрицу 18 славянских литературных микроязыкох (кашубского, горньо- и долньолужицкого, руского, градищанско-горватского, карпатско-русинского и других). Медзі німа лем руски язык ма шицкі 24 плюси [шицкі 24 параметры маю знак плюс (+)], т.е. наш язык заступени у шицких сферах хасновання. Така констатация може быць значны стимулус ношитељом культурно-просвітнаго живота Руснацох у дальшим розвою нашай культуры и просвіти.

Попри тим цо сам написал и цо написали други лингвисти о руским языку А. Дуличенко ясно спатрел и проблеми у руским языку хтори би ище требало преучыц. О тим бешедзе у статі «*Прегляд сучасных питаньох виучовання язика югославянских Руснацох*» (JRuthI, 24–34): «*что подробнейшее преанализовац лексични материял у його односеню та восточнословакому и заходноукраїнскому дialeкту*» (26. б.); «*систематично зазберовац лексику котра ше вяжэ з обисцом <...>, обычаями, польбодлством, ткацтвом итд.; робиц на твореню словніка рускіх фразеологізмох; барз нужне зазбероване, класификация и анализа пожичкох зоз сербскогорватскаго языка*» (28. б.); «*виучовац сербскогорватски морфологійни риси у руским языку*» (33. б.) итд. Тота статя першираз обявена 1975. р. (Творчосц, глашнік Дружтва за руски язык и литературу, рок I. Нови Сад, 14–24. б.). Сучасни русинисти тераз робя праве на тих проблемах хтори А. Дуличенко начишел пред 35 роками як окреме важны за виучоване.

А. Дуличенко писал и о руских лингвистах Гавриілові Костельникові («*Гавриіл Костельник и його Граматика бачваньско-русской бешеды*», JRuthII, 227–237), Міколаві Коцишові («*Нормователь и преучователь литературного языка югославянских Руснацох*», JRuthII, 237–255) и Гавриілові Надьові («*Гавриіл Надь и його до-приношэнне розвою рускаго языка*», JRuthII, 256–265). Вироятно ніхто потераз так цалосно и об'ективно не спатрел іх діялносц як А. Дуличенко. Вон дакеди указовал и на недостаткі дзепоедных іх работах, але источасно ше намагал указаць на тирвацу вредносц іх діла. Напр. о Г. Костельникові:

«<...> значене Г. Костельника и його Граматики бачваньско-рускей бешеди за формоване и розвой руского литературного языка у одредзеней мири мож поровнац зоз значеньем и з таку улогу яку одбавел А. С. Пушкин у твореню литературного (стандартного) русийскаго языка, Л. Штур — у словацким литературним языку итд.» (JTruthII, 236)

Зоз свою 45-рочну наукову роботу на руским языку, литератури и историї и своїм жичлівим одношеньем гу Руснацом др Александр Дуличенко себе здобул почесне место медзи німа и як науковец и як іх щири приятель.

СКРАЦЕНЯ

JTruthI — *Jugoslavo-Ruthenica. Работы з рускай филологии* [I]. Нови Сад: Руске слово, 1995, 333 б.

JTruthII — *Jugoslavo-Ruthenica II. Работы з рускай филологией и историей*. Нови Сад: Филозофски факултет – Руске слово, 2009, 411 б.

J. Ramač. Prof. Dr A. Dulitšenko ja russiini (lõunarussiini) mikrofiloloogia

Prof dr A. Dulitšenko huvitus russiini (lõunarussiini) keelest 1965. a, olles Ašhabadis vene filoloogia neljanda kursuse tudeng. Russiini keelele pühendas ta oma kandidaadi (1974) ja doktori (1981) väitekirjad. 2006. a seisuga moodustab russiini filoloogiale ja ajaloole pühendatud tööde arv 86 bibliograafilist ühikut. Teadustööd keele kõikidest tasemetest, russiini kirjakeele tekkimisest ja arenemisest, russiini keelest kui ühest slaavi mikrokeelest (18st slaavi mikrokeelest on ADD analüüs kohaselt russiini keel kõige arenenum) on kirjutatud tuginedes rikkalikule materjalile ning on teaduslikult argumenteeritud, nt «*Книжка о русском языке. Увод до рускай филологии у документах и коментарох*» (2002). Ligi 70 artiklit tema bibliografiast on välja antud kahes russiinikeelsetes kogumikus «*Jugoslavo-ruthenica*»: I (1995) ja II (2009). Tema russiini keele alaste tööde kogumaht ületab 1000 lehekülge. A. Dulitšenko on ettevaatlik russiini keele põlvnemise küsimuses, kuid on viimastel aastatel üha lähemal seisukohale, et juba ammu toimub keelevahetus idast läände. Oma russiini keeleteadlastele pühendatud töödes püüab A. Dulitšenko terviklikult ja objektiivselt vaadelda nende panust russiini kirjakeele arendamisel.

Gerhard Ressel
Universität Trier

**LAUDATIOANLÄSSLICH
DER FEIERLICHEN VERLEIHUNG
DER EHRENDOKTORWÜRDE
(DR. PHIL. H. C.) DER UNIVERSITÄT TRIER
AN PROF. DR. ALEKSANDR DMITRIEVIČ DULIČENKO**

Sehr verehrter Jubilar, lieber Herr Kollege Duličenko!
Magnifizenz, sehr geehrter Herr Vizepräsident!
Spectabilis, sehr geehrte Frau Dekanin!
Verehrte Festversammlung!

Wir sind heute hier zusammengekommen, um in feierlichem Rahmen einen der großen und bedeutenden Slavisten unserer Zeit, Herrn Prof. Dr. phil. Aleksandr Dmitrievič Duličenko von der Universität Tartu in Estland, durch die Verleihung der Ehrendoktorwürde — Dr. phil. honoris causa — für sein bisheriges wissenschaftliches Werk zu ehren.

Aleksandr Dmitrievič Duličenko wurde am 30.10.1941 in Russland, und zwar in einem Dorf in der Nähe von Krasnodar im Nordkaukasus und damit nicht allzu weit entfernt vom Schwarzen Meer, geboren.

Von 1961–1966 studierte Aleksandr Dmitrievič an der Philologischen Fakultät der Turkmenischen Staatsuniversität in Aschchabad Russische Philologie und legte das Staatsexamen mit «Auszeichnung» ab. Es folgten mehrere Jahre als Lehrer für russische Sprache und Literatur sowie zwei Jahre Lehrtätigkeit als wissenschaftlicher Mitarbeiter am Lehrstuhl für Russische und Allgemeine Sprachwissenschaft an der Universität von Samarkand in Usbekistan.

Das eigentliche Interesse von A.D. Duličenko galt aber schon in diesen Jahren der Wissenschaft und zwar besonders der slavischen Sprachwissenschaft. Da erwies es sich dann als biographischer wie wissenschaftlicher Glücksfall, dass Herr Duličenko schon frühzeitig in Kontakt trat zu Prof. Dr. Nikita Tolstoj, dem langjährigen Professor des renommierten Forschungsinstituts für slavische und balkanische Studien an der Russischen Akademie der Wissenschaften in Moskau und Begründers ei-

ner speziellen Forschungsrichtung, welche die slavische Geschichte mit ethnologischen und dialektologischen Fragestellungen verknüpft.

Nikita Tolstoj — übrigens ein Nachfahre/ Urenkel des weltberühmten Schriftstellers Lev Nikolaevič Tolstoj — erkannte sehr schnell die besondere Begabung des jungen Wissenschaftlers und wurde sein akademischer Hauptmentor, der ihm den Zugang zu den wissenschaftlichen linguistischen Zentren der damaligen Sowjetunion und des heutigen Russlands — Moskau und St. Petersburg — ermöglichte.

Zugleich lenkte er den Blick des jungen Adepten der Linguistik auf die *kleinen slavischen Sprachen* und so lautete das Thema der 1973 vorgelegten Dissertation: *Литературный русинский язык*.

Damit war thematisch der weitere wissenschaftliche Lebenslauf (in nuce) vorgeprägt — bedeutend erweitert dann durch die Habilitationschrift, die 1981 in Tallinn (Estland) unter dem Titel erschien: *Славянские литературные микроязыки*. Der von Herrn Duličenko gewählte Begriff *slavische Mikrosprachen* hat sich auch international bald durchgesetzt. Er ist der Oberbegriff für solche slavischen Sprachen wie etwa Russinisch, Sorbisch, Kaschubisch, Pomakisch, Resianisch (Slovenisch-Videm bei Udine) u.a., deren linguistische Struktur sich in mancher Beziehung deutlich von derjenigen der großen slavischen und erst recht der anderer Umgebungssprachen (wie Russisch, Ukrainisch, Deutsch, Italienisch, Ungarisch, Polnisch, Serbisch, Kroatisch, Bulgarisch etc.) unterscheidet.

Dass diese Monographie in Estland erschien, war kein reiner Zufall, sondern hatte biographische Gründe. Schon im Jahre 1976 wurde Herr Duličenko an die Universität in Tartu/ Dorpat in Estland berufen, wo er zunächst als Oberassistent, dann Dozent und schon bald (1981) als Professor des Lehrstuhls für Russische Sprachwissenschaft tätig war. Aufgrund seiner zahlreichen Publikationen zu verschiedenen slavischen Sprachen wurde er im Jahre 1992 zum Direktor des Instituts für Slavische Philologie ernannt.

Die wissenschaftlichen Arbeiten von Prof. Duličenko lassen sich *«cum grano salis»* wie folgt einteilen:

- 1) zum Einen in den Bereich der Allgemeinen und Nicht-slavischen Linguistik und
- 2) zum Anderen in den Bereich der Slavischen Linguistik mit den beiden Untergruppen der slavischen Mikro- und Makrosprachen.

ad 1

— Zum Bereich der Allgemeinen Linguistik zählen einerseits Arbeiten zur **Soziolinguistik** und **Ethnolinguistik**, andererseits solche zur Vergleichend-typologischen Linguistik, oft kontrastiv zu slavischen Sprachgegebenheiten dargestellt.

— Auf den Pfaden von Franz Miklosich (dem berühmten slovenisch-österreichischen Slavisten und Begründer einer wissenschaftlichen slavistischen Grammatikforschung: Autor der *Vergl. slav. Grammatik* in 4 Bänden) bewegt sich A.D. Duličenko, wenn er sich gelegentlich mit Beiträgen zur *Цыганология/ Zigeunerkunde* bzw. den Sprachen und Dialekten der Roma und Sinti beschäftigt.

— eine ganze Anzahl von Publikationen steuerte ADD dem Bereich der **Interlinguistik** bei, also den sog. ‘Welt-Hilfssprachen’, deren bekanntester Vertreter wohl das **Esperanto** ist. Besonders interessierte ihn die linguistische Struktur zu Kommunikationszwecken konstruierter Sprachen und deren Geschichte, besonders in der ehemaligen Sowjetunion, aber auch in der Slavia generell.

Zwei Buchpublikationen seien erwähnt: *Международные вспомогательные языки* (1990, ‘Welthilfssprachen’), *История интерлингвистики* (2007).

ad 2

Wenden wir uns nun dem wissenschaftlichen Gebiet zu, das in besonderer Weise mit dem Namen von Prof. Duličenko verbunden ist: **den slavischen literarischen Mikrosprachen**.

Bereits in seiner eingangs erwähnten Habilitationsschrift von 1981 hatte sich Herr Duličenko ausführlich mit dieser Problematik beschäftigt und besonders anhand des Russinischen detailliert erörtert.

Diese slavische Kleinsprache mit literarischen Zeugnissen unterteilt sich — und ich folge darin Herrn Duličenko — in das Russinische der Vojvodina, das sog. **Jugoslavo-Russinische**, mit den Zentren in Novi Sad — der Hauptstadt der Vojvodina — und (Ruskij) Kerestur (Dörfer und Siedlungen von Russinen gibt es in den historischen Gebieten der Bačka, von Syrmien/ Srem und Slavonien).

Zurück geht diese slavische (literarische) Mikrosprache auf das 18. Jahrhundert, als im Zuge der Türkenkriege eine Umsiedlung und Wandlungsbewegung von Slovaken und Ukrainern aus der Ostslowakei in die weithin menschenleer gewordenen heutigen Gebiete der Russinen stattfand. Komplizierte historische Siedlungsverhältnisse — auf die an dieser

Stelle nicht näher eingegangen werden kann: für weitere Einzelheiten sei vor allem auf die Publikationen des Jubilars verwiesen — sind der Grund dafür, dass es mehrere Varietäten des Karpato-Russinisch/ -Ruthenischen in der Ukraine, der Slowakei und in Grenzgebieten zu Polen und Ungarn gibt.

In den umgebenden Staaten wird das Russinische nur in der Vojvodina, d.h. in Nord-Serbien, als offizielle Amtssprache anerkannt, und das bereits seit den 70er Jahren des vorigen Jahrhunderts.

Dort gibt es eigene Minderheiten-Schulen und sogar ein Gymnasium für die Russinen, ebenfalls wurden alle Gesetze und Verordnungen des ehemaligen Jugoslawien in das Jugoslavo-Russinische übersetzt.

Von daher steht ein Textkorpus für das Russinische zur Verfügung, das es dem Forscher Duličenko ermöglichte, sich intensiv mit gerade dieser Sprache zu beschäftigen, die neben den Kriterien der Schriftlichkeit, Überregionalität, Kodifizierung und Normiertheit auch in wichtigem Maße über die Eigenschaft der Polyvalenz (der Anwendbarkeit auf verschiedenen stilistischen und sachlichen Ebenen) verfügt. Folglich handelt es sich beim Russinischen eben nicht mehr um einen ukrainisch-ostslovakisch-polnisch-serbisch-kroatischen Mischdialekt, sondern um eine eigenständige Sprache, die zudem über interessante literarische Zeugnisse verfügt.

Das klar herausgearbeitet und in zahlreichen Publikationen dargelegt zu haben, gehört zu den wichtigen Verdiensten von Aleksandr. D. Duličenko, dessen Veröffentlichungen generell von produktiver Originalität, gepaart mit immensem Fleiß, gekennzeichnet sind.

In seinem zweibändigen Werk über die **Slavischen literarischen Mikrosprachen**, eine ausführlich kommentierte Textsammlung, erschienen 2003–2004, führt A. Duličenko die von ihm entwickelten Mikro-Sprachen-Konzeption fort, indem er nicht weniger als **18 solcher Kleinschriftsprachen**, unterteilt in **4 große Gruppen**, unterscheidet:

- 1) **Autonome Mikro-Sprachen** (Ober-/ Niedersorbisch in Deutschland; Kaschubisch in Polen);
- 2) **Insulare/ Insel-Mikro-Sprachen** (z.B. das Jugoslavo-Russinische in Serbien, Montenegro, Kroatien; das Burgenland-Kroatische in Österreich);
- 3) **Periphere-/ Regional-Insulare/ Insel-Mikrosprachen** (z.B. das Ägäis-Makedonische und das Pomakische in Nord- Griechenland und Süd-Bulgarien);

4) **Peripherie-/ Regional(e)-Mikrosprachen** (z.B. Čakavisch, Kajkavisch in Kroatien; West- Polessisch in Weißrussland und der Ukraine). Auch die bisher jüngste Monographie von A.D. Duličenko: «Письменность и литературные языки Карпатской Руси. Вступительная статья. Тексты. Комментарии» (Užgorod 2008, 908 S.) ist wiederum der komplexen Mikro-Sprachenproblematik gewidmet, in einem Territorium, das nach den Worten von Nikita Tolstoj geradezu ein «Laboratorium» neuer slavischer Klein-Sprachen darstellt.

Für die betroffenen slavischen Minoritäten war die seit den bahnbrechenden Arbeiten von Prof. Duličenko einsetzende intensive Erforschung ihrer Regionalsprachen zugleich auch in sozialer und politischer Hinsicht sehr wichtig.

Die Arbeiten von Herrn Duličenko beschäftigen sich oft nicht nur mit rein sprachlich-grammatischen Problemen, sondern ebenso mit ethnolinguistischen und soziolinguistischen Aspekten verschiedener slavischer Sprachen. Darüber hinaus hat Herr Duličenko sich intensiv auch mit der Genese der slavischen Sprachen befasst und dabei immer wieder historisch-grammatische und lexikalische Fragestellungen mit kulturhistorischen Überlegungen verknüpft.

Seit der politischen Wendezeit vor rund 20 Jahren ist eine halbwegs unvoreingenommene Beschäftigung mit slavischen Kleinsprachen viel besser, manchmal gar überhaupt erst richtig möglich geworden.

Hinzu kommt, dass in einem sich immer mehr vereinigenden Europa mit seinen starken wirtschaftlichen und politischen Zentralisierungsbestrebungen und der damit oft einhergehenden Quasi-Monopolstellung des Englischen die Regionalisierung auch im sprachlichen Bereich als Gegenbewegung festzustellen ist.

In einem «Europa ohne Grenzen» bekommt der kulturelle und damit auch sprachliche Minderheitenschutz einen wichtigen Stellenwert. Für die sog. «kleinen Sprachen», deren Verschwinden als Reduktion und Niedergang der kulturellen Artenvielfalt betrachtet werden kann, wurde mittlerweile auf EU-Ebene als Schutzmaßnahme die ‘Charta zum Schutz der Minderheiten- und Regionalsprachen’ (1992) verfasst. In diesem Zusammenhang kommt dem wissenschaftlichen Werk des Jubilars eine ebenso wichtige wie aktuelle Bedeutung zu.

Dass Herr Kollege Duličenko dabei alles andere als ein «Gegner» der großen slavischen «Makro-Sprachen» ist, zeigt nicht nur ein Blick in seine Bibliographie, sondern etwa ein Hinweis auf die beiden, seiner

Muttersprache gewidmeten Monographien: «*Die russische Sprache am Ende des 20. Jahrhunderts*» (1994) und im Jahre 1999 eine Anchlussarbeit: «*Die Ethnosoziolinguistik der Perestrojka in der UdSSR*». So lässt sich auf jeden Fall feststellen: Aleksandr D. Duličenko hat in den von ihm bearbeiteten Disziplinen unsere Kenntnis sprachlicher und kultureller Phänomene bedeutend erweitert und vertieft.

Herr Duličenko ist inzwischen mit der Slavistik an der Universität Trier eng verbunden. Vertrat er im Wintersemester 2002/ –2003 eine damals vakante Professur, so ist er nunmehr als quasi «regulärer» Gast-Professor hier tätig, finanziell ermöglicht durch den DAAD, bereits im dritten Semester in Folge, dem sich noch ein viertes Semester anschließen wird.

Die Studierenden erhalten somit die Gelegenheit, zu hochaktuellen und interessanten Gebieten der slavischen Sprachwissenschaft — verstanden als kulturell-fundierte komparativistische Disziplin — aus wissenschaftlich besonders berufenem Munde Neues zu erfahren.

Unter den zahlreichen Ehrungen, die Herrn Duličenko — Autor von rund 500 Publikationen, darunter ca. 20 Büchern — zuteil wurden, möchte ich besonders hervorheben die Mitgliedschaft in der New Yorker (1997) und in der Göttinger Akademie der Wissenschaften (2004) sowie die Verleihung des internationalen Forschungspreises der Alexander von Humboldt-Stiftung (2005).

Herr Kollege Duličenko — lieber Aleksandr Dmitrievič — wir schätzen uns glücklich, Sie hier als äußerst angenehmen und willkommenen Gast bei uns zu haben und freuen uns, wenn Ihnen gleich die Frau Dekanin des Fachbereichs II — Sprach-, Literatur- und Medienwissenschaften — in Anerkennung und Würdigung Ihrer wissenschaftlichen Verdienste sowie der Verbundenheit mit der Universität Trier den Ehrendoktor-Grad/ Dr. phil. h. c. verliehen wird.

(Die Urkunde ist von der Frau Dekanin und dem Herrn Präsidenten der Universität Trier unterschrieben worden).

Trier, den 28. Mai 2009.

**G. Ressel. Pidustused professor dr A. Dulitšenko
pidulikul tunnustamisel Trieri ülikooli audoktoriks valimise puhul**

Kõne 28.05.2009. a. Trieri ülikooli audoktoriks valimise puhul.

Поздравление из села Гара Векил (Туркменистан)

Бу ятлама-гутлаг хаты Түркменистанлылар, хас дөгрусы Ахал велаят Гара Векил обасының яшайжылары гуванч билен язярлар. 1966-нжы йылда бизин Гара Векил обамыза, 4-нжи орта мекдебе А.Д. Дуличенко диен яш мугалым ише гелди. Бу мугалымы мугалымлар, окувчылар, хемме Гара Векил онат гармы алды...

Это поздравительное письмо-воспоминание пишут Вам туркменистанцы, а вернее жители села Гара Векил Бабадайханского этрата Ахалского велаята. В 1966 году в среднюю школу № 4 нашего села Гара Векил приехал молодой учитель Александр Дмитриевич Дуличенко. Этого учителя очень тепло встретили учителя, учащиеся и жители села Гара Векил. С первых дней своей работы в школе он пользовался большим авторитетом и полностью овладел туркменским языком. Работая в школе, он не только вел свою профессиональную деятельность, но и изучал национальные традиции нашего народа. Товарищ А.Д. Дуличенко быстро сошелся с сельскими жителями, у него проснулась любознательность ко всему окружающему. Так, например, учитель этой школы Мухамметсөйүн, его ученик Гурбандурбы Мереттурдыев вспоминают, как много раз ездили на мотоцикле за саксаулом в пустыню, собирали верблюжью колючку, дыни, арбузы. Словом, этот наш учитель стал одним из нас.

Когда он работал в школе, учителя о нем отзывались, что этот человек непростой. Во время работы в нашем селе он занимался научной работой, даже ездил из нашего села в Москву, где успешно защитил диссертацию. Дома у него была богатая библиотека. Женился он на учительнице Людмиле в селе Гара Векил, где родился его старший сын Митя (а Вася уже родился в Тарту). Он вел переписку с зарубежными коллегами. Этим самым он построил мост науки, а также расширял кругозор и себе, и нам.

Мы, Гаравекильцы, горячо поздравляем с 70-летием нашего любимого учителя А.Д. Дуличенко. Желаем ему крепкого здоровья, семейного благополучия, больших достижений в науке. Сельчане до сих пор вспоминают о нем с большим уважением.

Поздравительное письмо-воспоминание написали: сын бывшего директора школы № 4 Аннаевы Какажана, учитель школы, бывший

ученик А.Д. Дуличенко Какажанов Алтымырат, учителя Мухаммет-сейүн, Беки Гурдов, А. Шапеленов, Ата Аманберди, Хожамырадов, А. Нурягдыев, Р. Тойлыев, Сапармырат Аннаоразов, Г. Гылыжов, Д. Өvezов, И. Сапаров, Г. Хожатов, директор школы Д.м. Чопанов; ученики Гурбандурды Меретдурдыев, Нургелди Чарыев, Н. Худайбердиев, М. Уссатаев, А. Мәммедов, О.б. Мередова, О.б. Кakaева, Г. Бердиева, Режеп Хоммадов.

08.08.2011 года, село Гара Векил.

Поздравление из Самаркандинского университета

Уважаемый Александр Дмитриевич!

Ректорат и коллектив кафедры русского и общего языкознания Самаркандинского государственного университета имени Алишера Навои искренне поздравляет Вас, нашего бывшего сотрудника, с 70-летним юбилеем! Наши коллеги и все Ваши ученики знают Вас как крупного ученого-слависта, талантливого профессора-педагога, скромного и отзывчивого человека!

Почти 50 лет своей трудовой деятельности Вы посвятили науке и воспитанию молодежи.

На каком бы поприще не работали, Вы всегда трудились самоотверженно, шаг за шагом брали научные высоты и овладевали секретами педагогического мастерства. На протяжении всей своей трудовой и научной деятельности неустанно добивались улучшения качества преподавания и научных исследований.

Вы широко известны в странах СНГ и за рубежом как один из отечественных специалистов по славянским языкам, являясь продолжателем знаменитых русских ученых Н.И. Толстого, В.П. Топорова, О.А. Трубачева, Л.И. Ройзензона, А.В. Бондарко, А.Е. Супруна и некоторых других.

Много сил и энергии Вы отдаете популяризации славянских культур и языков, проводя различные научные конференции и симпозиумы.

Мы также помним Вас и в качестве прекрасного руководителя студенческих бригад на солнечных хлопковых полях Самаркандинской

области. Своим добросовестным трудом Вы приобрели огромный авторитет в научном мире, среди коллег вузов и студенческих коллективов разных лет выпуска.

Дорогой Александр Дмитриевич!

Желаем Вам, истинному труженику науки, долгих лет жизни, отличного здоровья и новых творческих свершений.

Ректор Самаркандинского государственного университета им. А. Навои

Т.Ш. Ширинов

Заведующий кафедрой русского и общего языкознания

проф. Е.А. Малиновский

К поздравлениям присоединяются:

К.А. Багдасаров (Ашхабад), А.А. Петров (Самаркандин), S. Gustavsson (Uppsala), R. Benacchio (Padova) , Г.А. Лилич (Санкт-Петербург), U. Obst (Köln), H. Gladkova (Praha), H. Steenwijk (Padova), M. Karanfilovski (Skopje), С. В. Ильясова (Ростов-на-Дону), R. Dapit (Udine).

Анатолий Михайлович Бушуй
Самаркандский институт иностранных языков

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О САМАРКАНДСКОМ ПЕРИОДЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА А.Д. ДУЛИЧЕНКО
(1968–1970 гг.)**

О профессоре Александре Дмитриевиче Дуличенко существует к настоящему времени обширная литература (Романчик 2006; Мокиенко 2006, 9–22; Журавлев 2006, 11–55 и др.). Хотелось бы обратиться к далекому самаркандскому периоду в деятельности будущего выдающегося лингвиста.

В 1969 г. ему и мне было поручено подготовить и издать сборник статей «Язык и литература» (Самарканд: СамГУ, 1969, 254 с.). В процессе совместной работы у меня была возможность отметить широту филологических познаний своего коллеги по самой различной проблематике. Особое впечатление произвели две предложенные молодым исследователем небольшие по объему статьи (Дуличенко 1969а, 60–71; 1969б, 71–75), которые оказались для нашего местного филологического сообщества полной неожиданностью. Прежде всего — это уникальность изучаемого языкового материала: язык южнославянских русин и теории его происхождения («украинская» и «словацкая»). В статье «К синтаксису падежей в языке югославских русин. (О специфике инструментального падежа)» описание особенностей инструментального падежа убедительно проводится посредством сопоставления с близкородственными украинским и словацким языками, а также с последующим использованием материала сербско-хорватского языка. Молодой исследователь углубляется еще и в изучение диалектных систем: это некоторые закарпатские говоры украинского языка (напр., говоры в районе верхнего течения реки Боржави), чакавское и кайкавское наречия сербско-хорватского языка. Отмечаются также и факты иноязычного воздействия на описываемые явления: румынского языка на закарпатские говоры украинского языка, немецкого языка на словенский и серболужицкие языки и др.

Предложенные статьи, как сразу стало очевидным при первом знакомстве с их содержанием, опирались на исчерпывающую по полноте фактологическую базу, созданную по текстам фольклорного, художественного и публицистического характера, и это весьма впечатляло. Это позволило системно осветить рассматриваемую проблему инструментального падежа по данным русинского языка, изучив применительно к его оформлению окончания в ракурсе рода и числа, соотношение предложности/ беспредложности и т.д. Тщательно подобранные иллюстрации дали возможность сформулировать такие теоретические обобщения, которые позволяли подойти к оптимально доказуемому аргументированию индивидуального в сущности русинского языка. Достоверность предлагаемых системно маркированных обобщений достигалась исследователем посредством анализа частотности употребления отдельно взятых форм выражения инструментальности (с охватом предложности и беспредложности), предрасположенности разных групп существительных к конструированию инструментальности и т.д. В итоге была разработана классификация инструментальных типов в одном из самых молодых современных славянских языков (микроязыков). Причем анализ явлений, казалось бы, порою весьма частных, неизменно ориентировался в исследовании на поиск строгих закономерностей становления и формирования русинского языка именно как литературного языка со своей нормативной грамматикой и со своими традициями в текстопорождении.

В другой статье исследователь пишет о суперлативизации глагольных форм в речи русин — явление, в кругу славянских языков довольно редкое. При этом описываются основные способы образования превосходной степени прилагательных (посредством префиксальной морфемы *най-*, суффиксов *-ейш-/сийш-, -иі-*, усилительных частиц *цо, ище*), выделяется суперлативная глагольная форма в настоящем и прошедшем времени и т.д. Причем именно суперлативизацию с префиксальной морфемой *най-* исследователь характеризует как специфическую черту морфологической системы русинского языка.

Уже в то время научно-исследовательскую манеру ученого отличало исключительно корректное отношение к работам своих предшественников таких, как В. Гнатюк, С.Б. Бернштейн, М. Ивич, Г. Костельник, М. Кошич, F. Pastrnek, J. Štolc, E. Pauliny и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Дуличенко 1969а — А.Д. Дуличенко. *К синтаксису падежей в языке южнославских русин. (О специфике инструментального падежа)*. Язык и литература. Самарканд, 1969, с. 60–71.
- Дуличенко 1969б — А.Д. Дуличенко *Об одном случае суперлативизации глагольных форм*. Язык и литература. Самарканд, 1969, с. 71–75.
- Журавлев 2006 — А.Ф. Журавлев. *Александр Дуличенко: труды и дни*. Р.Э. Романчик. Ординарный профессор Александр Дмитриевич Дуличенко. Библиография. Тарту, 2006, с. 11–55.
- Мокиенко 2006 — В.М. Мокиенко. *Малые языки большого ученого*. Микроязыки. Языки. Интеръязыки. Сборник в честь орд. проф. А.Д. Дуличенко. Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Тарту, 2006, с. 9–22.
- Романчик 2006 — Р.Э. Романчик. *Ординарный профессор Александр Дмитриевич Дуличенко. Библиография*. Вступит. статья А. Ф. Журавleva. Под ред. О. В. Никитина. Тарту, 2006.

A. Bushuj. Mälestusi professor A. Dulitšenko tegevusest Samarkandi perioodil (1968–1970)

Artiklis antakse lühiseloomustus A. Dulitšenko esialgsele tegevusele Samarkandi ülikoolis.

**ПУБЛИКАЦИИ ПРОФ. ДР. А.Д. ДУЛИЧЕНКО ЗА 2006–2011 ГГ.
(С ДОПОЛНЕНИЯМИ ЗА 2004–2005 ГГ.)**

Полную библиографию печатных научных трудов проф. др. А.Д. Дуличенко за 1963–2005 гг. см. в кн.: Р.Э. Романчик. *Ординарный профессор Александр Дмитриевич Дуличенко. Биобиблиография*. Вступит. статья А.Ф. Журавлева. Под ред. О.В. Никитина. Тарту: Universitas Tartuensis, 2006, 286 с. (493 позиции).

Ниже дан хронологический список публикаций А.Д. Дуличенко за 2006 – начало 2011 гг. с некоторыми дополнениями за 2004–2005 гг. Жирным шрифтом выделены книги, автором которых является А.Д. Дуличенко (в издании под № 495.2 — соавтором).

К библиографии приложены также сведения об отредактированных им сборниках научных трудов в сериях «*Slavica Tartuensis*» и «*Interlinguistica Tartuensis*».

2004

494.1. «Борьба словами»: лингвистическое явление с социальными последствиями (на материале русского языка последнего десятилетия). *Jazyk v komunikácii. Medzinárodný zborník venovaný Jánovi Bosákoví*. Ed. S. Mislovičová. Bratislava: Veda (Vydavatel'stvo Slovenskej Akadémie vied), 2004, s. 133–143. (Jazykovedný ústav L'udovíta Štúra). Дуличенко, Александр Д.

2005

495.2. *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Revised and Expanded Edition. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, XXVI, 569 p. Authors: M. Almashii... A.D. Dulichenko e. a.

496.3. *Language [of Subcarpathian Rus]: Vojvodina. United States and Canada. Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 275–276. A.D. Dulichenko.

- 497.4. *Language question [of Subcarpathian Rus]*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 276–281. A.D. Dulichenko. Соавтор P.R. Magocsi.
- 498.5. *Dudash Natalia*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 100. A.D. Dulichenko.
- 499.6. *Feisa Ianko/ Fejsa Janko*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 121. A.D. Dulichenko.
- 500.7. *Garianski Vladimir*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 128. A.D. Dulichenko.
- 501.8. *Kamenitski Mikola*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 226. A.D. Dulichenko.
- 502.9. *Kochish Mikola M./ Kočiš Mikola M.* Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 240. A.D. Dulichenko.
- 503.10. *Kovach Mihal/ Mikhailo*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 252–253. A.D. Dulichenko.
- 504.11. *Makai Silvester*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 316–317. A.D. Dulichenko.
- 505.12. *Nad' Havriil*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 344. A.D. Dulichenko.
- 506.13. *Niaradi Zvonimir*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 352–353. A.D. Dulichenko.
- 507.14. *Papharhai Diura/ Papharhaji Đura*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 374. A.D. Dulichenko.
- 508.15. *Ramach Iulian/ Ramač Julijan*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 412. A.D. Dulichenko.

- 509.16. *Skuban Mikola*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 461–462. A.D. Dulichenko.
- 510.17. *Sopka Liubomir/ Sopkov Ljubomir*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 471–472. A.D. Dulichenko.
- 511.18. *Striber Miroslav*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/Buffalo/London: Toronto University Press, 2005, p. 478. A.D. Dulichenko.
- 512.19. *Kostel'nik Havriil/ Gabor*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 248–249. A.D. Dulichenko.
- 513.20. *Tamash Iulian/ Tamaš Julijan*. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Ed. by P.R. Magocsi and I. Pop. Toronto/ Buffalo/ London: Toronto University Press, 2005, p. 489. A.D. Dulichenko. Соавтор P.R. Magocsi.

2006

- 514.21. *En la serêado de la mondolingvo aŭ interlingvistiko por ĉiuj*. Trad. A. Korjénkov. (Serio «Scio», vol. 7). Kaliningrado: Sezonoj, 2006, 159 p. Aleksandr Duličenko.
- 515.22. *Несколько слов о Е. А. Бокареве как интерлингвисте*. Гора языков... и еще один. К 100-летию со дня рождения Е. А. Бокарева. (РАН. Институт языкоznания). Отв. ред. М. Е. Алексеев. Москва, 2006, с. 128–130.
- 516.23. *Идея международного искусственного языка в дебрях ранней советской социолингвистики*. Sociological Theories of Language in the USSR, 1917–1938 / Социологическое направление в советском языкоznании, 1917–1938 гг. 9–11 September 2006. (Bakhtin Centre. Russian and Slavonic Studies. University of Sheffield).[Sheffield], 2006, p. 16. Alexandre D. Dulichenko.
- 517.24. *Градищанско-хорватские сказки по-штинацски из Южного Бургенланда*. (Запоздалый отклик). Finis coronat opus. Festschrift für Walter Kroll zum 65. Geburtstag. Hg. V. Bockholt e. a. Göttingen: Universitätsverlag, 2006, S. 35–38. Александр Дмитриевич Дуличенко.
- 518.25. *Кашубы и их языки: некоторые аспекты этно- и лингводифференциации на рубеже XIX и XXI вв.* Глобализация-этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. В двух книгах. Кн. II. Отв. ред. Г. П. Нещименко. Москва: Наука, 2006, с. 325–337.
- 519.26. *Тайны тела и тайны языка у славян* (*Skrivnosti telesa in skrivnosti jezika pri Slovanih*). Jezikoslovni zapiski (Glasilo Inštituta za slovenski jezik Frana

Ramovša), t. 12, Ljubljana, 2006, št. 1, s. 29–49. Рез. на англ. яз.: *Secrets of the body and secrets of the language with the Slavs*, p. 49. Александр Дмитриевич Дуличенко.

520.27. *О грамматикох югославянско-русского языка. (Увязи с виданьем «Грамматики русского языка» Юлияна Рамача)*. Швейцарія, рок XLIV, Нови Сад, 2006, ч. 3, липень – вересень, б. 332–340. Александр Д. Дуличенко.

521.28. *Славянские литературные микроязыки и современное славянское языкознание. Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту, 15–17 сентября 2005 г.* Под ред. А.Д. Дуличенко и С. Густавсона (при участии Дж. Данна). (Slavica Tartuensis VII). Тарту, 2006, с. 22–46. Рез. на англ. яз.: *Slavic Literary Microlanguages and Slavic Language Contacts*, p. 46.

522.29. *Славянские литературные микроязыки: грамматики, учебники, словари, очерки, периодика в библиографическом представлении. Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту, 15–17 сентября 2005 г.* Под ред. А.Д. Дуличенко и С. Густавсона (при участии Дж. Данна). (Slavica Tartuensis VII). Тарту, 2006, с. 386–408.

523.30. *Проблема словенских слов в санкт-петербургских «Сравнительных словарях всех языков и наречий» 1787–1789 гг.* Jezikovna predanost. Akademiku prof. dr. Jožetu Toporišiču ob 80-letnici. (Zora. 44). Uredila M. Jesenšek, Z. Zorko. Maribor: Slavistično društvo, SAZU (Ljubljana), 2006, с. 559–563. Рез. на словен. яз. А.Д. Дуличенко.

524.31. *The Language of Carpathian Rus': Genetic Aspects. Carpatho-Rusyns and their Neighbors. Essays in Honor of Paul Robert Magocsi*. Ed. B. Horbal, P. A. Krafčík, E. Rusinko. Fairfax: Eastern Christian Publications, 2006, p. 107–121. A.D. Dulichenko.

525.32. ...Страница из истории германизации славян: словинцы Померании и их языки. Слово в словаре и дискурсе. Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. Москва: Издательство «Элпис», 2006, с. 76–80.

2007

526.33. *История интерлингвистики. Учебное пособие*. Москва: Высшая школа, 2007, 184 с.

527.34. *От СССР к России: некоторые особенности политического дискурса ранней московской демократии (из недалекого прошлого)*. Политический дискурс в России. X юбилейный всероссийский семинар. 20 апреля

2007 г. Материалы. Москва: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2007, с. 90–101.

528.35. «*Index vocabulorum*» (1811) Андрея Кайсарова: первый словарь древнерусского языка. Russian Linguistics, vol. 31, Dordrecht, 2007, N 1, p. 1–29. Соавтор W. Lehfeldt.

529.36. Академик Измаил Иванович Срезневский и резьядница (с извлечениями из его путевых заметок по Резье в 1941 году). *Jezikoslovni zapiski*, t. 13: Merkujev zbornik, Ljubljana, 2007, N 1–2, s. 127–132.

530.37. О литературных микроязыках вообще и о славянских в особенности. (Возвращаясь к недалекому прошлому). Вестник Смоленского государственного университета, Серия 1: Филология, том 1 (Филологические школы и их роль в систематизации научных исследований), Смоленск, 2007, с. 137–142.

531.38. *Slovanska in slovenska interlingvistika ter problematika lingvokonstruiranja v zgodovini slovenskega knjižnega jezika*. Obdobja – Metode in zvrsti: Razvoj slovenskega strokovnega jezika, Ljubljana, 2007 , t. 24, s. 13–27. A.D. Duličenko.

2008

532.39. *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.). Вступительная статья. Тексты. Комментарии*. Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2008, 907 с. А. Дуличенко.

533.40. Статус и проблемы развития славянских микроязыков. XIV Меѓународен славистички конгрес. Охрид, 10–16 септември 2008. Зборник на резимеа. II том. Скопје: Македонски славистички комитет, 2008, с. 299–300.

534.41. Современная этноязыковая Микрославия: состояние и перспективы развития. Русиньский язык меджі двома конгресами. Ред. А. Плішкова. Пряшів: Пряшівська універзітета, 2008, с. 38–48.

535.42. Статус и проблемы развития славянских микроязыков в контексте современной Микрославии. *Slavica Tartuensis VIII*: Славянское языкознание: покидая XX век... К XIV Международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Tartu, 2008, с. 63–95.

536.43. От «книжной справы» к «типологии рефлексии» или об общем славянском литературном языке. *Slavica Tartuensis VIII*: Славянское языкознание: покидая XX век... К XIV Международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Tartu, 2008, с. 272–290.

537.44. Сучасна етноязыкова Мікрославія: теперішній став і перспективи розвитку. Русин, Пряшів, 2008, № 1, с. 13–15. А. Дуліченко.

538.45. *Юрий Крижанич и проект всеславянского языка*. Русский язык в школе, Москва, 2008, № 6, с. 85–91.

2009

540.46. *Jugoslavo-Ruthenica. Том II. Нови Сад: Универзитет у Новом Саду – Руске слово, 2009*, 411 с. Александр Д. Дуличенко.

541.47. *Русский язык: покидая XX век...* Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии. Астана, 2009, с. 25–35.

542.48. *Самарканد конца 60-х гг. XX в.: отголоски памяти о Е.Д. Поливанове*. (2). Девятые Поливановские чтения. Сборник статей по материалам докладов и сообщений (Смоленск, 2–3 октября 2009 года). Часть I: Е.Д. Поливанов. Проблемы социолингвистики. Вопросы методики. Лексикография. Смоленск: Смоленский гос. университет, 2009, с. 12–18.

543.49. *Нормативное и ненормативное в языке: к вопросу о разграничении и границах*. А. Bierich (Hg.). *Varietäten im Slavischen. (Heidelberger Publikationen zur Slavistik. Linguistische Reihe. Bd. 17)*. Frankfurt am Main: Internationaler Verlag der Wissenschaften Peter Lang, 2009, S. 39–46.

544.50. *К смене лексических парадигм и их составляющих в русском языке XX столетия*. Hg. V. Zhdanova. *Die Welt der Slaven. Sammelbände*. Bd. 38. München/ Berlin: Verlag Otto Sagner, 2009, S. 59–68.

545.51. *Идея международного искусственного языка в дебрях ранней советской социолингвистики*. *Interlinguistica Tartuensis IX: Международные языки в контексте европлингвистики и интерлингвистики./ Internaciaj lingvoj en konteksto de eŭrolingvistiko kaj interlingvistiko*. Материалы международной конференции (Тарту, 25–26.09.2009). Tartu: Universitas Tartuensis, 2009, p. 9–36. A.D. Dulichenko.

546.52. *Проблема общего (трансэтнического) языка в контексте европлингвистики и интерлингвистики*. *Interlinguistica Tartuensis IX: Международные языки в контексте европлингвистики и интерлингвистики./ Internaciaj lingvoj en konteksto de eŭrolingvistiko kaj interlingvistiko*. Материалы международной конференции (Тарту, 25–26.09.2009). Tartu: Universitas Tartuensis, 2009, p. 52–71.

547.53. *Bedeutung der slavischen Standard-Mikrosprachen für die kulturelle und sprachliche Vielfalt in Europa*. Cejano. *Almanako de Tartua Esperanto-Societo*, Tartu, 2009, p. 56–67. A.D. Duličenko.

548.54. *Славянские литературные языки в европейском лингвокультурном пространстве (о некоторых возможностях сравнительно-типологического*

го исследования). Отговорността пред езика. Кн. 3: Сборник, посветен на 65-годишнината на проф. д-р Кина Вачкова. Шумен: Университетско изда-
телство «Епископ Константин Преславянски», 2009, с. 34–40. А. Дуличен-
ко.

549.55. *Смена алфавитов и двуалфавитность в восточнославянских язы-
ках: из истории и практики*. Т. Berger e.a. (Hg.). Vom grammatischen Katego-
rien und sprachlichen Weltbildern — Die Slavia von der Sprachgeschichte bis
zur Politsprache. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag. (Wiener Sla-
wistischer Almanach. Sonderband 73). München/ Wien, 2009, S. 121–136.

550.56. *Этносоциальные предпосылки и факторы формирования литерату-
рных языков малых этнических групп (микроязыков)*. Rocznik Slawistyczny,
Warszawa, 2009, t. LVIII, s. 13–36. Резюме англ.: Ethnological and socio-
logical motivations and factors that influence the formation of literary languages
(micro-languages) in small ethnic areas, p. 36.

551.57. *Sprawozdanie z prac sekcji językoznawczych na XIV Międzynarodowym
Kongresie Slawistów w Ochrydzie (9–16 września 2008)*. Studia z Filologii Pol-
skiej i Słowiańskiej, Warszawa, 2009, t. 44, s. 279–281. A. Dulichenko. Соавто-
ры: H. Cychun, J. Siatkowski.

552.58. *О прекладах лужицкосербской поезиї на литературии язик югосла-
вянских Руснацох*. Шветлосц, рок XLVII, Нови Сад, 2009, число 1, януар –
марец, б. 67–75.

553.59. *Manuscript from the year 1773 on the Northern- and Southern-Estonian
languages by August Wilhelm Hupel (full-text publication on the manuscript)*.
Fенно-Ugristica 28: Läänenmeresoome keeltest./ On Finnougric languages. Tartu,
2009, p. 18–43. A.D. Dulichenko. В названии работы опечатка: 1733!

554.60. *Tolstoj, Nikita Il'ič*. Lexicon Grammaticorum. A Bio-Bibliographical
Companion to the History of Linguistics. 2nd ed. Ed. H. Stammerjohann. Vol. II.
Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2009, p. 1501–1503. Aleksandr D. Dulichenko.

555.61. *The Meeting of the Languages: Ruthenian Micro Languages in the Sou-
thern Slavonic Context*. Сусрет култура/ Susret kultura/ Encounter of Cultures.
Fifth International Interdisciplinary Symposium. Programme and Book of Ab-
stracts. Novi Sad: University of Novi Sad, 2009, p. 46. A. Dulichenko.

2010

556.62. *Идея международного языка в дебрях ранней советской социолин-
гвистики*. Russian Linguistics, vol. 34, Dordrecht, 2010, N 2, p.142–157.

557.63. *Югославянско-русински/ южнорусински у контексту язикох сучас-
ней Микрославиї*. Studia Ruthenica 15: Зборник радова/ Зборнік роботох, Но-
ви Сад, 2010, б. 27–54.

- 558.64. *Встреча языков: югославо-русинский микроязык в южнославянском контексте*. Susret kultura. Peti međunarodni interdisciplinarni simpozijum. Zbornik rada. Knj. I. Novi Sad: Univerzitet u Novom Sadu, 2010, s. 545–559. Резюме англ.: The Meeting of the Languages: Russian Microlanguages in the Southern Slavic Context, p. 558–559.
- 559.65. *Більня Владімір (Бильня Владимир)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 54–55. О.Д. Дуліченко.
- 560.66. *Гарянські Владімір (Гарянски Владимир)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 159–160. О.Д. Дуліченко.
- 561.67. *Дудаши Наталія (Дудаши Наталья)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 199. О.Д. Дуліченко.
- 562.68. *Каменіцькі Микола (Каменіцки Микола)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 305–306. О.Д. Дуліченко.
- 563.69. *Ковач Михал (Ковач Михал; Ковач Михайло)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 341. О.Д. Дуліченко.
- 564.70. *Костельник Гавриїл (Костельник Гомзов Гabor; Kostelnik Gavro)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 363–365. О.Д. Дуліченко. Соавтор П.Р. Магочій.
- 565.71. *Кочіш Микола М. (Кочиши Микола М.)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 371–372. О.Д. Дуліченко.
- 566.72. *Макаї Сілвестер (Макаї Сильвестер)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 439. О.Д. Дуліченко.
- 567.73. *Мова. Воєводина – Сполучені штати Америки та Канада*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт

Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 499–500. О.Д. Дуліченко.

568.74. *Мовне питання*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 501–509. О.Д. Дуліченко. Соавтор П.Р. Магочій.

569.75. *Надь Гавриїл*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 525. О.Д. Дуліченко.

570.76. *Няраді Звонімір (Няради Звонимир)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 545. О.Д. Дуліченко.

571.77. *Папгаргаї Дюра (Papharhaji Dura)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 572–573. О.Д. Дуліченко.

572.78. *Рамач Юліан (Рамач Юлиян)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 627. О.Д. Дуліченко.

573.79. *Скубан Мікола (Скубан Микола)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 691. О.Д. Дуліченко.

574.80. *Сопка Любомір (Сопков) Любомир*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 703. О.Д. Дуліченко.

575.81. *Стрібер Мірослав (Стрибер Мирослав)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 718. О.Д. Дуліченко.

576.82. *Фейса Янко (Fejsa Janko)*. Енциклопедія історії і культури карпатських русинів. [Текст] уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп. Заг. ред. П.Р. Магочія. Ужгород: Вид-во Валерія Падяка, 2010, с. 778. О.Д. Дуліченко.

2011

- 577.83. *Rusinski [mikrojezik]*. Uvod u slavenske jezike (s uvodom u balkanistiku). P. Rehder (ur.). Osijek: Sveučiliste Josipa Jurja Strossmayera, 2011, s.127–142. A. Duličenko.
- 578.84. *Rezijski [mikrojezik]*. Uvod u slavenske jezike (s uvodom u balkanistiku). P. Rehder (ur.). Osijek: Sveučiliste Josipa Jurja Strossmayera, 2011, s. 247–250. A. Duličenko.
- 579.85. *Banatsko-bugarski [mikrojezik]*. Uvod u slavenske jezike (s uvodom u balkanistiku). P. Rehder (ur.). Osijek: Sveučiliste Josipa Jurja Strossmayera, 2011, s. 329–333. A. Duličenko.
- 580.86. *К обоснованию славянской лингвонимики. Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева*. Отв. ред. Г. К. Венедиков. Москва: «Индрик», 2011, с. 116–129. (РАН. Институт славяноведения).

Редактирование

1. *Slavica Tartuensia VII: Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов*. Тарту, 15–17 сентября 2005 г. Под ред. А.Д. Дуличенко и С. Густавссона (при участии Дж. Данна). Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006, 412 с.
2. *Slavica Tartuensia VIII: Славянское языкознание: покидая XX век... К XIV Международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008)*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2008, 406 с.
3. *Interlinguistica Tartuensis IX: Международные языки в контексте европлингвистики и интерлингвистики./ Internaciaj lingvoj en konteksto de eŭrolingvistiko kaj interlingvistiko. Материалы международной конференции* (Тарту, 25–26.09.2009). Tartu: Universitas Tartuensis, 2009, 256 p.

II. ВОПРОСЫ ОБЩЕГО, ИСТОРИЧЕСКОГО И СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Валерий Михайлович Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет

БИСЕР ИЛИ РОЗЫ?

Духовная культура славян – библейская фразеология – метать бисер перед свиньями – структурно-семантическая многослойность ФЕ – амбивалентность ФЕ

*Хлебные крошки всегда вкусны,
а бриллианты бывают безвкусны.*

М.Г. Розовский. Штучки (Москва, 2008, с. 148).

Совсем, как кажется, недавно автору этих строк выпала честь писать «программную» статью в Юбилейный сборник профессора А.Д. Дуличенко, где читателю предлагался обширный обзор научной деятельности известного тартуского слависта. И вот река времени принесла следующий юбилей, а вместе с ним и проблему выбора юбилейной статьи. В этот раз сюжет подсказала работа над «Немецко-русским словарем библейских фразеологизмов» (Walter, Mokienko 2009) и «Толковым словарем библейских выражений и слов» (Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010). Детализация погружения в источники библеизмов напомнила мне скрупулезную методику анализа Юбилияром «малых языков» Славии, каждый из которых — жемчужинка в славянском языковом море. *Жемчуг – бисер*, а нередко и отношение к «малым языкам» с высокомерным пренебрежением со стороны носителей «великих и могучих» напомнило старый и мудрый библейский сюжет из «Нагорной проповеди» и пословицу и поговорку, выросшие на его основе.

Неодобрительно окрашенное выражение *метать бисер перед свиньями* давно известно в русском языке в значении ‘напрасно высказывать мысли и чувства, ценные в каком-л. отношении, тому, кто не способен понять, оценить это’. Оно образовано от пословицы *Не мечите бисера перед свиньями* ‘Не стоит тратить слов для убеждения, доказательства или разъяснения чего-л. с теми, кто этого не понимает или не может понять’.

Преимущественно книжная стилистическая окраска фразеологизма и пословицы задана их происхождением. Они являются метафорическим осколком «Нагорной проповеди» Иисуса:

Не дадите святыни псом, ни пометайте бисеръ вашихъ пред свинями, да не поперутъ их ногами своими (Матф. 7, 6).

В русском переводе **бисеръ** (*бисъръ*) был передан более точным современным эквивалентом *жемчуг*, а множественное число стало единственным: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вавшего перед свиньями, чтобы они не попростили его ногами своими, обратившись, не растерзали вас». Смыл высказывания глубок: бесполезно приобщать к духовным ценностям тех, кто не желает или не готов к своему духовному совершенству. Контраст между духовными ценностями и низменными интересами выражен здесь с помощью образов нечистых для израильтян и других народов Иудеи животных — псов и свиней, олицетворяющих в Евангельском тексте нечестивцев и беззаконников. *Бисер* (*жемчуг*) же здесь символизирует слово Божие (Дубровина 2008, 176–177).

Библейское происхождение оборота давно уже отмечают многие русские словари, не всегда, правда, оговаривая факт его заимствования именно из церковнославянского, а не современного евангельского текста (Редников 1883, 12; Михельсон 1902, I, 659; Займовский 1930, 210; Ашукины 1966, 440; Шанский 1985, 98; Опыт 1987, 89; БМШ 2000, 312–313; 2008, 2, 59; Худякова 2000, 162; Серов 2003, 465; Мелерович, Мокиенко 2005, 75; Алефиренко, Золотых 2008, 36–37; Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010, 69–70). Отсылка же именно к церковнославянскому **бисеръ** ‘жемчуг’ весьма важна, ибо сейчас это слово имеет иное значение — ‘очень мелкая цветная бусинка (из стекла или металла), используемая для изготовления украшений, вышивки и т.д., а переносно характеризует мелкий почерк’ (БТС 1998, 80).

Популярности выражения способствовало его употребление в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» 1783 г. (д. 2, явл. 5):

Кутейкин: Подавал я в консисторию челобитье... На что и милостивая резолюция вскоре воспоследствовала с отметкою: «Такого-то де семинариста от всякого учения уволить: писано бо есть — не мечите бисера перед свиньями, да не попрут его ногами».

В современном русском языке как пословица, так и образованный от нее оборот весьма употребительны. Об этом свидетельствуют не

только их точные воспроизведения в художественной литературе и прессе, но и активные трансформации. Их типология предложена в одном из наших словарей (Мокиенко, Мелерович 2005, 74–75). Воспроизведем ее, подключив и наиболее показательные контексты из разных словарей и других источников:

1. Нормативное употребление:

- Мишель, ты забыл заповедь Спасителя: *не мечите бисера перед свиньями*, ты забыл, что все святое в жизни должно быть тайно для профанов (В.Г. Белинский. Письмо М.А. Бакунину, 1 ноября 1837 г.);
- Ты вот молчишь. Монументально молчишь, как бронзовый. Это ты — по завету: «Не мечите бисера перед свиньями, да не попрут его ногами» — да? — Я не люблю проповедей. И проповедников, — сухо сказал Самгин (М. Горький. Жизнь Клима Самгина);
- И ты, гад, меня посмел принять за белогвардейца? Меня, русского летчика Тентенникова, Кузьму Тентенникова, чье имя знает каждый спортсмен и каждый любитель авиации в России... А, впрочем, зачем *метать бисер перед свиньями*, — сердито сказал Тентенников, ... с ненавистью глядя на Риго. — Жалею, что встретились (В.М. Саянов. Земля и небо);

Священник действительно оказался обладателем прекрасного голоса. Дома оказалась теща — интеллигентная сухая старушка, которая села за длинный рояль и стала аккомпанировать зятю... Старушка была сдержанна, противновата. Перед тем как сесть за инструмент, спросила: «А они понимают?» — в том смысле, что стоит ли *метать бисер перед свиньями*. Священник кивнул: дескать, стоит, можно *немножко пометать* (В. Токарева. Длинный день).

2. Структурные преобразования:

а) Расширение компонентного состава ФЕ:

Газета моя будет немного похоже «Северной пчелы». Угождать публике я не намерен; браниться с журналами хорошо раз в пять лет, и то Косичкину, а не мне. Стихотворений помещать не намерен, ибо Христос запретил *метать бисер перед публикой*; на то проза-мякина (А. Пушкин. Письмо М.П. Погодину);

— Сотник! Вы не имеете права так говорить о женщине, о русской женщине, которая в час опасности для родины встала под знамена и надела эту серую солдатскую гимнастерку. — Все они ... — выразился Нечитайло, и Небольсин понял, что *напрасно* будет *метать бисер перед свиньями*: здесь отношение к женщине только одно... (В. Пикуль. Из туника);

Поживи пока у меня, а там, может, и подвернется что-нибудь. Не жалей, что ушел от хозяина. Да и *бисер перед свиньями метал зря* (И. Козлов. Ни времени, ни расстояние);

Конечно, критик вправе нас во многом Сурово упрекнуть, но если он, К несчастью нашему, обижен богом И с малолетства юмора лишен... Пусть спрашивает — бог ему судья, *А бисера метать не буду я Перед свиньей, хотя бы и ученой* (А. Гитович. В землянках).

6) Замена компонентов ФЕ:

Первый признак умного человека — с первого взгляда знать, с кем имеешь дело, и не *метать бисера перед Репетиловыми и тому подобными* (А.С. Пушкин. Письмо А.А. Бестужеву, 25 января 1825 г.);

Скоро примемся за излюбленного автора нашего, будем *рассыпать чеховский жемчуг перед публикой*, будем кружево плести, кружево тончайшей психологии людской (О. Книппер-Чехова. Письмо Немировичу-Данченко);

Еще пословица: *«Не мечите бисера перед свиньями»*. *Перед кем мечет Чацкий свой гнев?* Перед Фамусовыми, Скалозубами, Хлестаковыми? Он должен презирать их и гордо молчать. Нет. Чацкий не мой любимый герой! (М. Прилежаева. Осень).

3. Трансформации ФЕ, основанные на вычленении ключевого компонента (эллипсис и др.):

Хотел было начать рассказывать о процессе над Мигулиным, очень драматичном и бурном, для молодежи поучительном, но почувствовал после первой же фразы, что особого интереса ни у кого нет, и умолк внезапно. Ни к чему все это. *Метать бисер* (Ю. Трифонов, Старики);

Но Чацкий осужден не за содержание своих речей, а за их адрес, иначе говоря, за способ своего действия. Он мечет бисер перед Фамусовым и Скалозубом (М. Нечкина. Грибоедов и декабристы);

И чего я ввязался? Право, стыдно. И даже пакостно. Нашел *перед кем бисер метать*. И про туризм, и про Афган... Совершенно напрасно, глаза-то у них бесстыжие... (Ю. Лошиц. Унион);

В воскресенье, перед вечером, пришел отец Яков... Как и в первое свое посещение, он был красив и потен, сел, как и тогда, на краешек кресла. Кунин порешил не начинать разговора о школе, *не метать бисера* (А. Чехов. Кошмар);

Смейтесь, дядюшка; вы правы; я виноват один. Поверить людям, искать симпатии в ком? *рассыпать бисер перед кем?* (И. Гончаров. Обыкновенная история);

— Чему вы улыбаетесь? — Незнакомка снова затянулась. — Слишком грубо работаю? — Есть немного, — засмеялся он. — А с мужчинами так и нужно, — хладнокровно заявила она. — Знаете, *бисер перед свиньями*. Да и времени у нас немного, того и гляди ваша пионерка вернется (Б. Акунин. Внеклассное чтение);

Раньше негодовали, что слабо учат писанию, а я и тогда говорил: «учат хорошо и сколько надо для всякого, *не мечите бисер — попрут*»; вот они его теперь и *попирают* (Н. Лесков. Полуношники).

4. Оккциональные ФЕ:

И для чего была борьба с тоской в часы визита до этого, ее щедрое рассыпание юмора в сыгранной «словоохотливости», которым она «занимала» их? *Бисер перед свиньями!* (А. Цветаева. Воспоминания);

Иона обвел всех сердитым внимательным взглядом, как будто желая удостовериться, действительно ли способен окружающий его народ проникнуться серьезностью его чтения и не унизится ли он, Иона, *до метания бисера перед свиньями* (Н.Н. Златовратский. Устои);

Доктор между тем с трудом удерживал выражение презрения к этому старому баричу и с трудом спускался до низменности его понимания; он понимал, что со стариком говорить нечего и что глава в этом доме мать. Перед нею-то он намеревался *рассыпать свой бисер* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина);

Первые сорок минут встречи Гольдберг разливался соловьем, щедро *сыпал свой бесцветный бисер, нет — не перед свиньей...* Зверь, который перед ним сидел, смотрел на него жесткими голубыми глазами, обладал стальными челюстями, железной хваткой и алмазной крепости честолюбием, соответствующим юношескому прозвищу [Боня от Бонапарт] (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого);

Если дать им хорошие вещи, то они сделают с ними то, что *делали с бисером* упомянутые в Евангелии свиньи (Н. Лесков. Загон).

Как видим, активность библейского выражения в современном языке и в произведениях русской классической литературы несомненна. Оно даже попало в современный молодежный жаргон, где, правда, несколько изменило свое значение: *метать бисер* — ‘бояться, испытывать чувство страха’ (Максимов 2002, 34).

Библейский фразеологизм *метать (рассыпать) бисер перед свиньями* не обошли своим вниманием и составители двух фразеологических словарей когнитологического направления, недавно появившихся в печати. В «Большом фразеологическом словаре» под ред.

В.Н. Телия он получил всестороннее лингвистическое и культурологическое описание. Вот комментарий к этому выражению:

«**МЕТАТЬ <РАССЫПАТЬ> БИСЕР [ПЕРЕД СВИНЬЯМИ]** кто [перед кем]. Высказывать мысли и чувства тому, кто не способен или не хочет понять и оценить их по достоинству. *Имеется в виду, что лицо или группа лиц (X) не предполагают, что лицо или группа лиц (Y), к которым обращена речь, не поймут их и не оценят сказанное. Говорится с неодобрением.* Книжн. ♦ *X мечет бисер перед Y-ом.*

Именная часть неизм. В констр. с отриц. возможна форма *бисера: не мечите бисера*. Глаг. обычно в повел. накл. Обычно в роли сказ. Порядок слов-компонентов нефиксир.

<...> Образ фразеол. восходит к библейским слоям культуры, в данном случае — к тексту Евангелия: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7, 6). Выражение *метать жемчуг перед свиньями* «означает то же самое, что и предлагать слова истины и благородства людям, презирающим оные и встречающим подобные советы насмешками и оскорблениеми» (Библейская энциклопедия. Москва, 1891, с. 630).

В образе фразеол. компонент *бисер* (церк.-слав. название жемчуга) выступает в роли символа чего-л. ценного, значимого, в то время как компонент свиньи служит эталоном низменного, невежественного человека (ср. с религиозными представлениями иудеев и мусульман о свинье как о нечистом животном; ср. тоже о собаке).

Образ фразеол. в целом выступает в роли символа поднесения «дара» недостойным его воспринять» (БФС 2006, 382–383).

Не менее развернутый когнитологический комментарий дает и словарь Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых (2008, 36–37):

«**МЕТАТЬ БИСЕР ПЕРЕД СВИНЬЯМИ** (прост.) Напрасно говорить о чем-либо или доказывать что-либо тому, кто не способен или не хочет понять это; говорить, рассуждать о чем-л. недоступном пониманию слушателей. Синонимы: **Хоть кол на голове теши** кому (прост.), **пушкой не прошибешь (не пробьешь)** кого (прост.). Антонимы: **Стоять на своем** (разг.) — упорно отстаивать взгляды, какое-л. мнение; упорствовать в чем-л.; **из кожи (из шкуры) лезть <вон>** (разг.) — усердствовать, упорствовать в чем-л.; стараться изо всех сил; **нашла коса на камень** (разг.) — непримиримо столкнулись различные взгляды, интересы, характеры и т.п., когда никто не хочет уступать другому; **гнуть свою линию** (разг.) — упорно, с упрямой настойчивостью добиваться своего (иногда наперекор здравому смыслу). <...>

а) В образной речи в функции предложения. Иногда используется в образной речи в функции присоединительной конструкции. Интонационно выделяется слово *бисер*.

б) Выражение библейского происхождения. В Евангелие от Матфея сказано, что однажды Иисус взошел на гору и произнес перед толпой народа проповедь. Она так и названа — Нагорной. Среди других мудрых поучений в ней содержится и такое: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтоб они не попрали его ногами и, обратившись, не растерзали вас» (Мф, 7, 6). Слово *бисер* употреблено здесь в значении ‘жемчуг’, поэтому в современных переводах Евангелия оно заменено словом *жемчуг*: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами и, обратившись, не растерзали вас» (Мф, 7, 6) <...>. И хотя оба слова (*бисер* и *жемчуг*) существуют в русском языке с XI в., в данном выражении слово *бисер* закрепилось в устарелом, сохранившемся в церковном языке, значении ‘жемчуг’, которое можно встретить еще в начале XIX в. Например: Все витязи и бояре знатные вокруг нее ухаживали: кто дарил ее золотой камкой, кто заморским бисером (М. Загоскин. Аскольдова могила). К середине XIX в. словом *бисер* уже называли только мелкие бусинки из стекла, т.е. более дешевое украшение, чем натуральный жемчуг. А словом *жемчуг* в современном русском языке называют только драгоценные перламутровые образования, возникающие в раковине.

в) Используется, когда хотят сказать, что бесполезно произносить слова истины и благородства перед теми, кто не может ни понять, ни оценить их по достоинству. Употребляется часто с отрицанием и в форме повел. накл. как предостережение о пустой трата времени при выскаживании своих суждений, мыслей перед теми, кто не в состоянии ни понять, ни тем более оценить их. Достаточно напомнить мысли А.С. Пушкина, высказанные им в письме к А. Бестужеву: *Первый признак умного человека — с первого взгляда знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед репетиловыми и тому под.*

г) Концепт «Напрасные усилия».

д) Элитная лингвокультура.

е) Языковая память поддерживается словами-ассоциатами: *копье, икру, мяч, молнии, диск, рвать, стрелы, искры, варенье, взгляды, вратарь, в сторону* и др.» (Алефиренко, Золотых, 2008, 36–37).

Как видим, при всей многослойности и терминологической усложненности когнитологической модели описания ядром словарной статьи в обоих словарях остается собственно этимологический, историко-источниковедческий параметр — отнесение оборота к конкретно-

му фрагменту «Библии» и семантическая расшифровка слова *бисер* в его составе. Традиционное толкование этого библеизма, следовательно, принимается составителями как аксиоматическое.

Могут ли дальнейшие историко-этимологические разыскания что-либо добавить к такой абсолютно точной культурологической паспортизации?

Как кажется, на этот вопрос можно ответить утвердительно, хотя источник выражения, несомненно, идентифицирован точно. Ведь ретроспективное углубление в сакральные и классические тексты способно обнаружить культурологические концепты, лежащие в самых нижних слоях фразеологического палимпсеста. Так, работая над «Немецко-русским словарем библейских фразеологизмов» (Walter, Mokienko 2009, 119–120), мы столкнулись с культурологической загадкой, связанной именно с этим библеизмом. В немецком языке оборот зафиксирован с 1200 г. и имеет ту же структуру и образность, что и в русском — *Perlen vor die Säue werfen*, поэтому его считают этимологически прозрачным: свиней кормят обычно отбросами, помоями, чем-л. абсолютно ненужным (Duden, Bd. 11/1992, 541).

Выражение известно всем языкам европейских христианских народов, и во многих из них речь идет именно о жемчуге, напр.:

белорус. *сыпаць бісер перад свіннямі*; укр. *метати (сипати, розсипати) бісер перед свиньми, кидати (розсипати) перла перед свиньми, кидати бісер свіням*; болг. *Свиня бісер не отира*; польск. *rzucić perły przed wieprze*; хорв.-серб: *bacati/ baciti biser pred svinje (pred krmke)*; англ. *to throw (to cast) pearls before swine; Pearls are ill valued by hungry swine; Neither cast your pearls before swine; и исп. *echar perlas delante los puercos, No arrojéis perlas delante de los puercos*; нем. *Perlen vor die Säue werfen; Perlen muß (soll) man nicht vor die Säue werfen; Wer Perlen schüttet vor die Schweine, Die bleiben schwerlich alle reine; франц. *donner des perles aux porcs (aux pourceaux), jeter ses (des) perles aux pourceaux; итал. *gettare le perle dinanzi a' porci; Buone ragioni male intese Sono perle a' porci* и др.***

На первый взгляд, противопоставление «нечто ценное» (жемчуг) – «нечто ненужное» (отбросы для свиней), заложенное в традиционном прочтении библейской фразы, кажется весьма убедительным. Но несколько «несовместным», однако может показаться пусты и антитезисное, но все-таки неоднородное приравнивание драгоценного и несъедобного жемчуга к съедобным пищевым отбросам. Такая

несовместность, как оказывается, имеет свои древние образные корни и в своих истоках порождена неточным переводом текста «Библии». На знаменитой картине голландского художника Питера Брейгеля «Нидерландские пословицы» свиньи едят не жемчуг, а ... мелкие цветочки.

Почему на его картине эта пословица иллюстрируется иначе?

Оказывается, разгадка скрыта именно в языковой ретроспекции евангельского текста. В латинском его переводе («Вульгате») эта цитата звучит так: *Neque mittatis margaritas vestras ante porcos, ne forte conculcent pedibus suis* (Mt 7,6; «Vulgata»), т.е. ‘Не бросайте *margaritas* перед свиньями, да не попрут его ногами *своими*’. Из этого перевода образовался и фразеологизм *proicere margaritas ante porcos*, эквивалентный русскому *метать бисер перед свиньями* (Arthaber 1989, 535).

Комментируя эту библейскую цитату из латинской «Вульгаты», некоторые исследователи (Г. и Р. Кахране) связывают слово *margaritas* ‘жемчуг’ со старой традицией византийской церкви, когда освященный хлеб, раздробленный на маленькие крошки, так и назывался по-гречески *μαργαρίτας* — букв. ‘жемчужинки’. До сих пор в новогреческом языке это слово является обозначением как жемчуга, так и хлебных крошек. Ср. название русской каши *перловка* и устаревшее *перл* ‘жемчужина’. Следовательно, соответствующее место «Библии» можно буквально перевести: *Не бросайте псам освященного мяса, а свиньям освященного хлеба* (resp. хлебных крошек). В этом контексте важно то, что в др.-еврейских представлениях свинья является символом нечистоты, святыня же должна сохранять абсолютную чистоту (Röhrich 1993, 4, 1147). Любопытно, что греч. *μαργαρίτας* (через лат. перевод «Вульгаты» — *margaritas*) приобрело в европейских языках народно-этимологические ассоциации с названиями цветов. М.И. Михельсон приводит, например, франц. *Il ne faut pas semer des marguerites devant le pourceaux* — букв. ‘Не нужно сеять эти маргариток перед свиньями’ (Михельсон 1902, 1, 659), а в многоязычном собрании европейских пословиц А. Артхабера зафиксирована франц. *C'est folie semer les roses aux pourceaux* — букв. ‘Безумие рассеивать розы перед свиньями’ (Arthaber 1989, 535).

Один из двух вариантов библейского выражения в нидерландском языке поэтому также включает название розы: *paarlen voor de*

zwijnen werpen и rozen voor de varkens strooien — букв. ‘бросать розы перед свиньями’. Именно этот второй вариант стал образной основой фрагмента картины Питера Брейгеля «Нидерландские пословицы».

Точная флористическая идентификация слова *маргарита* (*margaritas*) затруднена в силу его многозначности с древнейших времен:

«Слово *маргарита* (*margarit[a]*) — и популярное женское имя, и название различных видов цветов и некоторых фруктов и овощей, — пишет известный чешский этимолог Фр. Копечный. — В значении ‘жемчуг’ оно зарегистрировано лишь в древнерусском языке (*маргарит* или *маргарита*) и в болгарском (*маргарит*). Но исходное значение имени *Маргарита* в европейских языках в основе своей имеет лат. *margarita* ‘жемчужина’. <...> Само же латинское слово восточного происхождения. Через посредство др.-греческого и других языков оно восходит к др.-индийскому ‘бутон, почка’ и ‘жемчужина’» (Кореен 2009, 50).

Древняя символика жемчуга овеяна мифами. Так, на многих островах Средиземного моря были святилища Афродиты, где моряки приносили благодарственные молитвы этой богине — их покровительнице. И наиболее типичным даром моряков был именно жемчуг. Им во многих местах украшались статуи Афродиты. Отсюда один из эпитетов Афродиты — *Маргарито* «Жемчужная», породивший и популярное ныне европейское женское имя (Суслова, Суперанская 1991, 18).

Действительно, хотя слово *бисъръ* было основным наименованием для жемчуга в древнерусском языке, но и слово *маргаритъ* (из греч. *μαργαρίτας* ‘жемчужины’) употреблялось как его синоним и даже стало названием выбора из слов Иоанна Златоуста — книги из числа книг «Нового закона» (от «Апостольский заповеди») (Срезневский 1893–1912, 2, 112). В состав русского библейского выражения, тем не менее, оно так и не вошло, ибо уже с XI в. в древнерусском оно закрепилось лишь с компонентом *бисер* (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010, 53):

Не помѣтанте бисъръ вашихъ прѣдъ свиньями, да не попергутъ ихъ ногами своими [и вращьше ся растрѣгнутъ вы] (Матф. 7, 6. «Остромирово Евангелие», 1057 — СлРЯ XI–XVII, 17, 97, 22, 96, 23, 16);

Не помѣштете бисъръ прѣдъ свиньями (Матф. 7, 6. «Пандект Антиоха Черноризца», XI в. — СлРЯ XI–XVII, 17, 14);

Не помѣщите бисера моего предъ свиньями, да его не попрутъ ногами («Древнерусские слова поучения, направленные против язычества в народе», XV–XVI в.) — СлРЯ XI–XVII, 17, 14);

Не сыпь бисеру перед свиньями, да не попрут его ногами (Сим., 124);

Не мечи бисер (бисера) перед свиньями, да не попрут его ногами (Сн.1848, 277; ДП 2, 119; Д 1, 88);

Не мечи бисер перед свиньями (Д 2, 322).

Иные наименования жемчуга не вошли в состав библейского обрата и во многие другие языки, несмотря на древнюю фиксацию и активную варьируемость. Так, слово *biser* осталось «монополистом» в хорватском, где *bacati/ baciti biser pred svinje (pred krmke)* хорошо описан лингвистами и зарегистрирован большинством словарей (Fink Arsovski, Kovačević, Hrpjak 2010, 121).

Таким образом, история библейского выражения о жемчуге и свиньях не столь семантически проста, как может показаться теологам, культурологам и когнитивистам. Инерция амбивалентного восприятия заложена в нем этимологически: уже древнеиндийское обозначение жемчуга было синкетичным, именуя это драгоценное перламутровое вещество, скрытое в раковинах, метафорически, — как ‘бутон’ или ‘почка’. Метафорический синкетизм, перенесенный через восточные языки в греческий и латынь, обеспечил двойное семантическое истолкование фрагмента библейского текста. Отсюда и его разное восприятие читателями и слушателями разных переводов «Библии». И хотя противопоставление жемчуга пищевым отбросам тематически неоднородно, оно закрепилось в большинстве европейских языков. Питер Брейгель же, вдохновленный не только голландским переводом «Вульгаты», но и собственным чутьем художника, избрал для своей картины «Нидерландские пословицы» более древний и точный образ. Ведь библейские свиньи, попирающие ногами нежные розовые лепестки, столь же мало понимают в этих цветах, как и пресловутая современная свинья в апельсинах.

Пусть же розы и почести, которыми, несомненно, будет усыпан профессор Александр Дмитриевич Дуличенко в день своего Юбилея, станут ему достойной наградой за многотрудную и долголетнюю охоту за жемчужинами «малых языков» в необъятном море Славии. А те, кому недоступно увидеть великое в малом, пусть блещут на его празднестве своим отсутствием.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко, Золотых 2008 — Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. *Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики* [Текст]. Москва, 2008.
- Ашукины 1966 — Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина *Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения*. 3-е изд. Москва, 1966, 824 с.
- БМШ 2000 — В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. *Большой словарь крылатых слов русского языка*. Москва, 2000, 624 с.
- БМШ 2008–2009 — В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. *Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка*. : ок. 5000 ед.: в 2-х т. Т. 1–2. (Т. I. А–М. – 658 с.; – Т. II. Н–Я. – 656 с.). Под ред. С. Г. Шулежковой; 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск – Greifswald, 2008–2009.
- БТС 1998 — *Большой толковый словарь русского языка*. Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. С.-Петербург, 1998, 1536 с.
- БФС 2006 — *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. Отв. ред. В.Н. Телия. Москва, 2006, 784 с.
- Д — В.И. Да́ль. *Толковый словарь живого русского языка*. Т. 1–4. 3-у изд. Москва, 1955.
- ДП — В.И. Да́ль. *Пословицы русского народа*. Т. 1–2. 3-е изд. Москва, 1984 (1-е издание 1861–1862).
- Дубровина 2008 — К.Н. Дубровина *Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов русского языка* (рукопись, компьютерная версия). Москва, 2008, 553 с.
- Займовский 1930 — С.Г. Займовский. *Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризмы*. Москва – Ленинград, 1930, 493 с.
- Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010 — В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина *Толковый словарь библейских выражений и слов*. Ок. 2000 единиц. Москва, 2010, 639, [1] с.
- Максимов 2002 — Б.Б. Максимов. *Фильтруй базар. Словарь молодежного жаргона города Магнитогорска. Около 31500 слов и устойчивых слово-сочетаний*. Подготовка к рукописи и издан. и вступ. статья С.Г. Шулежковой. Магнитогорск, 2002, 506 с.
- Мелерович, Мокиенко 2005 — А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. *Фразеологизмы в русской речи. Словарь*. 3-е изд. Москва, 2005, 855 с.
- Михельсон 1902–1903 — М.И. Михельсон. *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Т. 1. С.-Петербург, 1902, 779 с.; т. 2, 1903, 580+250 с.

- Мокиенко 2006 — В.М. Мокиенко. *Малые языки большого ученого. Микроязыки, языки, интеръязыки. Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко*. Под ред. А. Кюнаппа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Tartu, 2006, с. 9–22.
- Мокиенко, Никитина, Николаева 2010 — В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. *Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц*. Под общ. ред. В. М. Мокиенко. Москва, 2010, 1024 с.
- Опыт 1987 — Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов. *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*. Москва, 1987, 239 с.
- Редников 1883 — И. Редников. *Сборник замечательных изречений, цитат, поговорок и т.п. различных времен и народов с историческим и сравнительным объяснением*. Вятка, 1883, 229+XV с.
- Серов 2003 — В. Серов. *Крылатые слова: Энциклопедия*. Москва, 2003, 831 с.
- Срезневский 1893–1912 — И.И. Срезневский. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 1–3. С.-Петербург, 1893–1912.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. Москва, 1975–2006.
- Сн. 1848 — И.М. Снегирев. *Русские народные пословицы и притчи, изданные И.М. Снегиревым с предисловием и дополнениями*. Москва, 1948.
- Суслова, Суперанская 1991 — А.В. Суслова, А.В. Суперанская. *О русских именах*. 2-е изд., испр. и доп. Ленинград, 1991, 220 с.
- Худякова 2000 — *Фразеологизмы русского языка*. Сост. М.Ф. Худякова. Екатеринбург, 2000, 208 с.
- Шанский 1985 — Н.М. Шанский. *Фразеология современного русского языка*. Москва, 1985, 160 с.
- Arthaber 1989 — A. Arthaber *Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica)*. Milano, 1989, 822 s.
- Duden 1992 — *Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Bearbeitet von Günther Drosdowski und Werner Scholze-Stubenrecht. Duden, Bd. 11. Mannheim–Leipzig–Wien–Zürich, 1992, 864 S.
- Fink Arsovski, Kovačević, Hrnjak 2010 — Ž. Fink Arsovski, B. Kovačević, A. Hrnjak. *Bibliografija hrvatske frazeologije i popis frazema analiziranih u znanstvenim i stručnim rđovima*. Zagreb, 2010, 814 s. (CD).
- Kopečný 2009 — *Dobrodružství etymologie. Články Františka Kopečného z prostějovského časopisu Štafeta (= Studia etymologica Brunensia 7)*. Ed. A. Bičan, E. Havlová. Praha, 2009, 227 s.

Röhrich 1993 — L. Röhrich. *Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. Bd. 1–IV. Feiburg–Basel–Wien, 1991–1993.

Walter, Mokienko 2009 — H. Walter, V.M. Mokienko. *Deutsche-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald, 2009, 199 S.

V. Mokienko. Klaaspärlid või roosid?

Slaavlaste hingekultuuri läbivad Piibli motiivid. Fraseologismi *метать бисер перед синьими* («pärleid sigade ette heitma») näitel vaadeldakse selle struktuur-semanticlist mitmekihilisust, jälgitakse antud fraseologismi semanticlist ambivalentsust, mida kinnitab ka mitmetest keeltest kogutud materjal.

Младен Ухлик/ Mladen Uhlik
Univerza v Ljubljani – Université de Lausanne

**ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО РОДСТВА
И СМЕШАННЫХ ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ ТРУДОВ
И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ И Ф.Ф. ФОРТУНАТОВА**

*История лингвистики – критика натуралистического направления –
языковое сродство – сравнение языков – смешение языков – гармония глас-
ных – зарождение социальной лингвистики – Бодуэн де Куртенэ – Форту-
натов*

Предметом нашего исследования является дискуссия о родстве языков и их смешанном характере. Таковая развернулась в последнее десятилетие XIX в., когда ряд языковедов поставили под вопрос концепцию эволюционизма А. Шлейхера (1821–1868), в соответствии с которой модель генеалогического древа основывается на аналогии, проведенной между эволюцией живых существ и эволюцией языков. Согласно модели *Sprachbaumtheorie* Шлейхера, наподобие того, как животные виды представляют собой следствие прогрессивной диверсификации первоначальных видов, многообразие языков есть результат дивергентной эволюции небольшого числа праязыков, из которых генетически произошли остальные языки. Гипотеза Шлейхера, таким образом, не что иное, как естественная наука, которая уподобляет языки биологическим организмам. Многочисленные лингвисты — такие как И.А. Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) и Мишель Бреаль (1832–1915) — упрекали лингвистов-натуралистов — Шлейхера и Макса Мюллера (1823–1900) в идее механического развития языков, без возможного вмешательства человеческой деятельности, способной повлиять на их изменение¹.

Поскольку мы акцентируем наше внимание также на проблеме сходства между различными языками, важно напомнить, что данная лингвистическая модель первой половины XIX в. объясняла сходство одним и тем же генетическим происхождением: два языка похожи, так как они принадлежат одной и той же семье и происходят

от общего прайзыка. Эта модель основывается на идее, согласно которой сравнительное исследование родственных языков позволяет реконструировать схему генеалогического древа. Анализ языковедов, придерживавшихся данной парадигмы, опирался исключительно на «автохтонные и стабильные речевые элементы, оставляя в стороне все переходные и заимствованные явления» (Ivanova 2006, 82), поэтому «проблема смешения языков часто сводилась к выявлению заимствований в представленном языке» (там же). Лишь во второй половине XIX в. проблематика смешения языков проявила себя во всей полноте, а именно в период кризиса модели натуралистической лингвистики, который был, в свою очередь, отмечен новым интересом к неиндоевропейским языкам. При этом актуальность данной дискуссии проявляется себя в последние десятилетия XIX в., когда представители старого движения начинают негативно отзываться об идее существования смешанных языков. Так, М. Мюллер, немецкий филолог и один из основателей сравнительной мифологии, выдвигает тезис «*Es gibt keine Mischsprache*»² («Не существует смешанных языков») (Müller 1872, 86). Данная концепция объясняется тем, что ученый отождествляет язык с грамматикой — организованной и прочной системой, которая никогда не меняет своей сущности и не смешивается с другими системами (там же). Эта позиция была сразу же подвергнута критике со стороны Хуго Шухардта (1842–1927), который, придавая особую значимость понятию скрещивания, заявил: «*Es gibt keine völlig ungemischte Sprachen*» существует³ («Абсолютно чистого языка не бывает») (Schuchardt 1884, 5).

Данная проблематика будет рассмотрена в виде сравнения двух подходов к языковому родству в соотношении с вопросом смешения языков.

Классификация языков и проблема их родства в работах Фортунатова

Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914) — один из языковедов, современников Бодуэна, чьи идеи, касающиеся языкового родства, не отстоят далеко от модели генеалогического эволюционизма. Его идеи о классификации языков и о проблеме родства вписываются в рамки сравнительно-исторического языкознания конца XIX в. В данной работе основным материалом для нас служат лекции Фортунатова, собранные после смерти ученого его двумя учениками —

В.К. Поржезинским (1870–1929) и М.Н. Петерсоном (1885–1962). Особенno важна глава под названием «Сравнительное языкоzнание» (Фортунатов 1956, 23–199).

В отличие от Бодуэна, московский лингвист никогда не подвергает критике модель Шлейхера. Напротив, он пользуется натуралистическими схемами и метафорами последнего: его классификацией индоевропейских языков, семей языков⁴; предполагает существование праязыка, делящегося на различные ветви (он различает следующие ветви: индийская, иранская, армянская, албанская, греческая, итальянская, кельтская, германская, балтийская, или литовская, и славянская⁵). Каждая ветвь объединяет языки, подразделяющиеся на диалекты. Согласно данной концепции нисходящего развития, все языки одной ветви развились из общего праязыка, а все и.-е. праязыки вышли, в свою очередь, из и.-е. праязыка (Фортунатов 1956, 41). Хотя Фортунатов считает, что каждая языковая семья имеет свой праязык, он, однако, не придерживается моногенетической гипотезы существования общего праязыка всех семей. Дивергентное развитие из общего праязыка ограничивается, таким образом, рамками одной языковой семьи. Он полагает, что современное ему языкоzнание не владеет достаточными средствами, чтобы доказать отношения родства между праязыками различных семей⁶, или чтобы засвидетельствовать существование универсального праязыка. Главная задача сравнительно-исторического метода, используемого Фортунатовым, — реконструировать и.-е. праязыки, основываясь на изучении всех языков каждой ветви данной семьи. Внутри каждой ветви историко-сравнительный подход позволяет нам осуществить реконструкцию каждого общего праязыка по отношению ко всем языкам этой группы, которые представляют свои изменения во времени (Фортунатов 1956, 42). Далее он предлагает схему различных семей не-индоевропейских языков, сгруппированных по континентам⁷. К натуралистической классификации он добавляет социально-историческую интерпретацию: эволюция языков не является результатом лишь внутренней речевой эволюции, но прежде всего истории общества, т.е. представляет результат внешней эволюции. История языка отражает историю социума. Так, в его первых лекциях мы находим идею о том, что развитие языка зависит от говорящих на нем:

«<...> язык в числе других элементов сам образует и поддерживает связи между членами общества, но связи в языке членов общества зависят,

в свою очередь, и от связей членов общества в других элементах. Язык с течением времени видоизменяется, язык имеет историю, но эту историю язык имеет в обществе, т.е. как язык членов общественного союза» (Фортунатов 1956, 59).

Идея о существовании связи между историей общества и историей языка подчеркивается в следующей цитате:

«Каждый язык принадлежит известному обществу, известному общественному союзу, т.е. каждый язык принадлежит людям как членам того или другого общества. Те изменения, которые происходят в составе общества, сопровождаются и в языке соответствующими изменениями» (Фортунатов 1956, 24).

Таким образом, распад социальной общности ведет за собой расчленение единого языка на диалекты (напр., распад и.-е. народности привел к разделению на языковые семьи), и, наоборот, объединение членов одной социальной общности становится причиной слияния различных диалектов в один язык. Внутри и.-е. семьи языки могут быть рассмотрены как бывшие диалекты одного прайзыка. Как пример разнонаправленного развития Фортунатов приводит дробление и.-е. прайзыков на диалекты, которые затем становятся отдельными языками (балто-славянский язык разветвляется на два диалекта — славянский и балтийский, которые, в свою очередь, подразделяются на различные языковые ветви). В качестве типа конвергентного развития он приводит пример литературного языка, который является результатом объединения различных диалектов (Фортунатов 1956, 69).

Фортунатов считает, что история языков, образование новых языков и новых диалектов является постепенным и беспрерывным процессом. Речь идет о постоянном чередовании расщепления и объединения языков и наречий внутри одной семьи. В отличие от Бодуэна, он не придает большого значения феномену смешения или скрещивания языков. Хотя Фортунатов и не декларирует это напрямую, очевидно, что он придерживается логики, согласно которой языки могут влиять друг на друга при помощи лексических заимствований, но всегда сохраняют характерную только для них сущность. Он полагает, что главными причинами сходства между различными языками являются следующие (там же, 69):

— общее сожительство (т.е. общее прошлое) сравниваемых языков (по его мнению, чем больше языки родственны, тем больше у

них шансов иметь общее прошлое). Здесь, в отличие от Бодуэна, он не затрагивает проблемы полигенетизма или скрещивания языков, которые вызваны следствием контакта языков, принадлежащих к разным языковым семьям;

- влияние одного языка на другой, которое проявляется в виде различного рода заимствований (хотя Фортунатов не исключает возможности подобного рода влияний между неродственными языками, но все случаи влияния, приведенные им, ограничиваются лишь и.е. языками) (Фортунатов 1956, 69).

Несмотря на то, что Фортунатов придерживается главным образом генеалогической логики, в его лекциях мы находим также идею о возможности сравнивания неродственных языков. Так, сходство между неродственными языками может быть и результатом похожих условий жизни носителей сравниваемых языков⁸. Другая причина сходства между неродственными языками заключается, по Фортунатову, в том, что все языки представляют собой различные проявления человеческой речи. В данном контексте он определяет предмет науки о языке следующим образом:

«Предметом, изучаемым в языковедении, является не один какой-либо язык и не одна какая-либо группа языков, а вообще человеческий язык в его истории» (Фортунатов 1956, 23).

Несмотря на все различия между построениями двух языковедов, отметим, что оба настаивают на том, что нельзя отделять изучение конкретных языков от изучения человеческой речи. Именно эта точка зрения отличает их идеи от идей Фердинанда де Соссюра⁹.

Смешанные языки у Бодуэна де Куртенэ: смешение как жизненный процесс

Касательно сравнения языков, их классификации и определения сходства и различий между ними отправной точкой у Бодуэна де Куртенэ является следующая:

«расщепление (языков) происходит постоянно, беспрерывно. Но, с другой стороны, происходит постоянное *смешение, слияние*» (Бодуэн де Куртенэ (далее БдК), 1930, цит. по БдК, 1963в, 350).

Если в своей концепции языкового развития Фортунатов рассматривает историю языков как беспрерывное чередование расчленения и объединения диалектов и языков *внутри одной семьи*, то позиция Бодуэна отличается именно в этом пункте. Вместо объединения язы-

ков он использует понятие *смешения*. Смешение приводит к тому, что границы между всеми языковыми разновидностями — говорами, диалектами, ветвями и даже разными семьями становятся прерывистыми, что, однако, не отменяет их существования. Так, в письме к Шухардту (1884 г.) он отрицает существование переходных диалектов между славянскими языками:

«Основываясь на вполне достоверных данных, мы ясно видим, что между чешским и польским, между великорусским и малорусским языками не наблюдается никакого переходного диалекта в прямом значении этого слова. Мы, безусловно, находим время от времени нечто, что можно было бы принять за переходный диалект; но речь идет о переходном состоянии лишь в том смысле, как это происходит, напр., с английским языком, который представляет собой переход между романскими языками и германской лингвистической зоной (и наоборот): это, всего-навсего, более позднее смешение и заимствование наравне с сохранением характерных признаков группы» (Письмо 1884 г., цит. по: Seldeslachts, Swiggers 1999, 278–279; переведено с немецкого автором настоящей статьи).

Однако, как мы увидим далее, в своих языковедческих исследованиях он затрагивает проблему, которую Фортунатов обошел в своих лекциях — это примеры контактов между неродственными языками. По отношению к идеям Фортунатова резко выделяется тот факт, что Бодуэн де Куртенэ не ограничивает контакт только уровнем заимствований.

Интересно отметить, что Бодуэн, который, в свою очередь, упрекал Шлейхера в его натурализме и сведении языков до уровня организмов, для объяснения феномена контакта между языками вдохновляется идеей проведения аналогии с формами биологической жизни:

«Если же взглянем собственными глазами на вопрос о смешении или несмешении языков, должны будем согласиться, что нет и быть не может ни одного чистого, не смешанного языкового целого. Смешение есть начало всякой жизни как физической, так и психической» (БдК 1901, цит. по БдК 1963б, 363).

Очевидно, что таким образом Бодуэн, перефразируя «*Es gibt keine völlig ungemischte Sprache*» Шухардта, критикует позицию тех лингвистов, которые, как М. Мюллер, отстаивали тезис о том, что существуют только чистые языки и что

«жизнь языков состоит в беспрерывном и невозмутимом течении по разным направлениям одного и того же первоначального строя и состава, без постороннего вмешательства» (БдК 1963б, 362).

Заметим, что в своей теории языковой эволюции Бодуэн испытывает влияние со стороны гипотезы о рекапитуляции Эрнста Геккеля (1834–1919), согласно которой

«индивидуум резюмирует в своем развитии филогенез, или развитие всего вида» (Jakobson 1962, 322).

Применяя данную гипотезу к языку, Бодуэн утверждает, что развитие каждого языка в некоторых аспектах аналогично эволюции человеческой речи. Смешение представляет, таким образом, характерную черту эволюции всей языковой формы — от человеческой речи до индивидуальных говоров через отдельные языки и наречия. В данном акценте, поставленном на смешении как на имманентном принципе, заключается отличие от концепции Фортунатова. Если Фортунатов предлагает нам иерархию классификационного единства (языковая семья > ветви > языки > диалекты > говоры), то Бодуэн выступает за то, что генеалогическая схема есть оперативный инструмент описания языкового разнообразия, который, однако, не достаточен для представления всей реальности конкретных и живых явлений: так, в случае, когда речь идет о живых языковых явлениях, он отмечает, что лучше избегать понятия «язык». Согласно Бодуэну,

последний «термин годится только для обозначения искусственного литературного языка, являющегося, с одной стороны, какой-то отвлеченностю из самых разнообразных фактически существующих, индивидуальных языков, с другой же стороны — условной нормой, объединяющей в литературном и других отношениях большее или меньшее количество людей, считающих себя и считаемых членами одного и того же языкового общества» (БдК 1897, 18).

На абстрактном уровне мы можем представить языки в виде схемы, но для описания конкретного и реального необходимо найти другой метаязык: напр., в описании славянских языков он рекомендует использовать термин «лингвистическая зона» (польская, чешская, словенская лингвистическая зона) вместо терминов «польский язык», «чешский язык» и т.д. ¹⁸⁾ Данная позиция может отчасти быть объяснена тем фактом, что тексты Бодуэна написаны в конце XIX в., когда большинство славянских языков, упоминаемых им, находились в процессе стандартизации.

Возвращаясь к проблематике нашего исследования, следует отметить, что, делая акцент на смешанном характере языковых явлений, Бодуэн модифицирует концепт родства. Данный концепт не сводится больше к моногенному родству: позиция исследователя близка к позиции Х. Шухардта, который полагает, что «язык, у которого есть мать, должен иметь также своего отца» (Schuchardt-Brevier 1928, 150). Генеалогическое родство и полигенез составляют то, что Бодуэн обозначает как «исторический субстрат» (БдК 1930, цит. по: БдК 1963в, 342), который есть лишь одна из причин сходства сравниваемых языков. Другая причина может заключаться в географическом соседстве (что Бодуэн называет «географическим субстратом»), или же соответствия между сравниваемыми языками могут быть результатом физиологических и психологических условий жизни человека, которые выходят за пределы границ между языками. Последний, «физиолого-психологический субстрат», представляет собой точку соприкосновения с теорией Фортунатова, придерживающегося мнения, что подобия условий жизни (физических и психологических) носителей неродственных языков являются одной из причин сходства между языками.

По Бодуэну, общие черты неродственных языков могут также объясняться его гипотезой, согласно которой языки имеют сходную эволюцию, ввиду их стремления к удобству и экономии усилий, что свойственно развитию всех человеческих языков (если этому стремлению не препятствует человеческая деятельность).

Резьянские диалекты — пример смешения языков

Для наглядного пояснения позиции Бодуэна по вопросу скрещивания языков возьмем в качестве примера его гипотезу «туранского» субстрата в говорах славян в долине Резия. Несмотря на то, что сегодня данная гипотеза опровергнута словенскими диалектологами¹⁰, важно представить ее в качестве иллюстрации к интерпретации языковых явлений с помощью теории полигенетического происхождения говорящих. В 1872 г. ученый посещает в первый раз эту изолированную долину в западной части Юлийских Альп на границе славянского и латинского миров. Проведенное им исследование говоров долины Резия становится в 1873 г. темой его диссертации «Опыт фонетики резьянских говоров». В своих последующих исследований Бодуэн часто возвращается к говорам этой долины, так как считает, что последние представляют собой важный для языкоznания при-

мер смешения языков. В своем письме 1886 г. К.С. Веселовскому он пишет:

«Я полагаю, что обнародование этих текстов <рязанских текстов. — М.У.> будет важно не столько для славянской филологии, сколько для языковедения вообще. Рязанские говоры принадлежат к числу весьма интересных языковых особей, к числу так называемых смешанных языков. В этих говорах исконный славянский элемент подвергся многосторонним и разновременным иноплеменным влияниям» (Цит. по: Толстой 1960, 68).

Как мы увидим ниже, Бодуэн заострит внимание на влиянии туранских языков (урало-алтайских и финно-угорских). На склоне своих лет, в 1927 г. в переписке с итальянским языковедом Карло Тальяви-ни он заявляет, что изменил свою точку зрения на гипотезу о туранском субстрате:

«Я изменил свое мнение о гармонии гласных в рязанских диалектах <...> Материал, собранный мною со времени публикации моей работы по данному вопросу, включает в себя несколько показателей, противоречащих моей теории, сформулированной 50 лет назад <...>. Моя аргументация должна претерпеть новый решительный пересмотр» (Цит. по: BdeC 1998, 99)¹¹.

Однако, вопреки тому, что Бодуэн оставляет туранскую гипотезу, он сохраняет убеждение, что данные говоры представляют собой смешение славянских и неиндоевропейских элементов. Так, в «Проблемах языкового родства», одном из своих последних текстов, изданном год спустя после его смерти в 1930 г., а значит написанном после письма к Тальявини, Бодуэн рассуждает:

«И вообще рязань связывает в одно языково-племенное целое чуждоязычный, неславянский налет. Таким образом, многодиалектный рязанский ‘язык’ выводится из многих ‘праязыков’: из многодиалектного славянского, из какого-то неизвестного типа устрофинского или урало-алтайского (‘туранского’) и, наконец, из позднейшего воздействия разнородных языковых элементов — как географических соседей рязань со славянской, романской и германской языковой принадлежностью, так и жителей более отдаленных мест» (БдЕК1963в, 347).

Обратимся теперь к примеру, который побудил его сформулировать гипотезу туранского субстрата в рязанских говорах. На IV-ом конгрессе востоковедов, организованном Грациадио Асколи во Флоренции в 1878 г., Бодуэн представляет свою работу «Note glottologiche

intorno alle lingue slave e questioni di morfologia e fonologia ario-europea» («Глottологические заметки о славянских языках и вопросы арийско-европейской морфологии и фонологии»). Главной темой его доклада было исследование резьянских говоров. Бодуэн утверждает, что их система гласных имеет два типа противопоставления. С одной стороны, данная система гласных фонем различает передние гласные, так наз. *светлые*, и задние гласные, так наз. *темные*, с другой стороны; он опирается на оппозицию по открытости, различая открытые и закрытые гласные¹² (BdC 1881, 8):

I.	Светлые гласные	е	и	о	у	
	Темные гласные	œ	у	ö	ü	
	Нейтральная гласная	а				
II.	Открытые гласные	е	о	œ	ö	а
	Закрытые гласные	и	у	ü	е	

Присутствие неславянского элемента, который мог бы свидетельствовать о полигенном происхождении резьянских говоров, относится к фонетическим изменениям, касающимся гласных одного слова: гласные безударных слогов подчинены гласным ударных слогов. Если в ударном слоге фигурирует «светлая» гласная, то все гласные других слогов будут «светлыми». Такой же принцип подходит и для оппозиции по открытости: гласные ударных слогов будут влиять на гласные безударных слогов. Напр. (БдЕК 1889, 8):

И. ед. *žanà* (жена), Д. ед. *žænæ`* (жене) (обе гласные темные), Т. ед. *žanó* (с женой);

И. ед. *otjà* (отец), Д. ед. *utjì* (отцу) (обе гласные закрытые);

И. ед. *ötrö`k* (ребёнок), Р. ед. *otrokà* (ребёнка), И. мн. *utrucì* (дети), Р. мн. *utruk* (детей), уменьш. *utruc`itj* (детишки) (BdC 1881, 8).

Бодуэн рассматривает данную ассимиляцию тембров гласных как вид гармонии гласных — частое явление в туранских языках (урало-алтайских и финно-угорских). Поскольку Бодуэн не нашел подобных примеров в индоевропейских языках, данное явление позволило ему выдвинуть гипотезу туранского субстрата, чье происхождение объясняется смешением туранских и славянских племен. Однако в финно-угорских и урало-алтайских языках гармония гласных имеет другой характер. В этих языках постоянное ударение, ударным всегда является слог основы (обычно первый слог), который приводит к

изменению гласных в окончаниях. Как мы это видели в резьянских примерах, даже в окончаниях гласные могут находиться под ударением, определяя тембр гласных в корне.

Интерпретируя различия между резьянскими и туранскими говорами, Бодуэн предполагает, что говоры славянских племен были подвержены влиянию говоров туранских народностей, которые населяли долину Резия до прихода славян. Последние должны были воспринять гармонию гласных без изменения своей системы ударения, которое осталось подвижным (БдК 1889, 15). Таким образом, по мнению Бодуэна, резьянские говоры представляют собой пример смешения языков: туранской гармонии гласных и системы ударения славянских языков. Для подтверждения этой гипотезы он находит подобный пример в «турко-татарских» говорах южной Сибири, о котором узнает из переписки с основателем тюркологии Василием Радловым (1837–1918): для данных говоров характерна классическая гармония гласных (с постоянным ударением на первом слоге основы), но в случае с заимствованиями из русского языка ударный слог может менять тембр других гласных и не быть обязательно в основе, а также не являться ее первым слогом. Таким образом рус. *пелёнка* [*p'el'ónka*] становится [*p'ol'ónk'ö*]. Или же имя собственное *Петрушка* [*P'etrus'ka*] становится [*P'öt'üs'k'ä*]¹³ (БдС 1881, 17). Бодуэн делает следующий вывод: если в далеком будущем народы, говорящие на урало-алтайских языках в степях южной Сибири, должны будут ассимилироваться с преобладающим русским населением, они будут говорить на смешении языков, чья фонетическая система будет напоминать резьянские говоры: гармония гласных с системой подвижного ударения. Согласно данной концепции, контакт между народами всегда приводит к смешению языков.

Напомним, что туранская гипотеза была опровергнута в конце 1920-х гг. Франо Рамовшем (1890–1952), словенским диалектологом и учеником Вильгельма Мейера-Любке, Ватрослава Ягича и Х. Шухардта. Рамовш считал, что подчинение гласных подчиненных слогов гласному доминирующему слогу есть результат первой редукции гласных (при которой краткие гласные утрачивают свое качественное значение и редуцируясь до нуля звука) (Ramovš 1928, 107–121). Он отмечает похожее явление в других словенских диалектах — в наречиях долины Гайлталь в Австрии и долины Фриули в Италии. В настоящее время фламандский ученый и стандартизатор резьян-

ских говоров Хан Стеэнвейк полагает, что подобного рода подчинение не свойственно всем резьянским говорам (Steenwijk 2007, 7).

Другие примеры смешения языков в работах Бодуэна де Куртенэ
 Возвращаясь к проблеме смешения языков в работах Бодуэна де Куртенэ, интересно отметить, что он уделяет диахроническому субстрату больше внимания, чем примерам синхронического смешения резьянских и романских говоров. Он утверждает, что романские говоры повлияли на резьянские говоры в синтаксическом и лексическом аспектах, однако, это произошло не столь систематично, как с гармонией гласных, т.е. с влиянием на фонетическом уровне (BdeC 1881, 10–11). Практически все примеры смешения языков, которые мы можем найти в других исследованиях Бодуэна, относятся к фонетическому и морфологическому уровню. В отличие от Х. Шухардта, для которого история скрещивания языков отражается главным образом на внутренней форме слов, Бодуэн не уделяет внимания результату языкового контакта в семантической сфере. Хотя он и отходит от предыдущей традиции, но проявляя интерес к проблеме смешанных языков, выбирая фонетические примеры предметом своих главных исследований, он все же придерживается той же парадигмы, что и младограмматики¹⁴.

Другим наглядным примером интерпретации языковых особенностей в славянском мире с использованием концепции смешения языков, связанного со смешением народов, является рефлекс *tart*, происходящий от праславянской формы **tort* в кашубских говорах. Отметим, что Бодуэн рассматривал кашубские говоры как отдельный язык, а вовсе не как диалект польского*, разделяя тем самым точку зрения, согласно которой резьянские говоры не являются сло-венскими наречиями. Касательно проблемы развития сочетания *tart* Бодуэн предлагает следующую схему: праслав. **tort* > польск. *trot*, рус. *torot*, южнослав. *trat*, но кашуб. *tart* (БдeК 1897, 89). Бодуэн полагает, что кашубские слова на *tart* все больше заменяются польскими дубликатами на *trot*, что он объясняет агрессивным этнографиче-

* Вопрос взаимоотношения польского и кашубского языков в интерпретации Бодуэна несколько сложнее — см., напр.: Р.-Э. Романчик. *И.А. Бодуэн де Куртенэ и кашубский языковой вопрос*. *Slavica Tartuensis V*: 200 лет русско-славянской филологии в Тарту. Тарту, 2003, с. 119–133. — Прим. ред.

ским ассимиляционным движением со стороны поляков, которое сопровождается также фонетическими завоеваниями (БдЕК 1897, 86). Что касается происхождения кашубского рефлекса, Бодуэн, объясняя присутствие гласного в кашубской форме —*tart* (*gard*, рус. *город*, серб. *град*), в качестве одной из возможных причин называет контакт племен поморских славян (предки кашубов) с германскими племенами (БдЕК 1897, 90). Согласно Бодуэну, сочетания *-ap*, *-al* являются частотными в германской лингвистической зоне (*Bart, Garten, walten*), что могло повлиять на говоры предков кашубов. Отметим, что отсутствие метатезы объясняется сегодня как результат позднего развития (это аннулирует гипотезу Бодуэна о контакте с германскими племенами).

В текстах Бодуэна мы находим также примеры смешения языков, возникновение которых связано с синхронным контактом с соседними языками, но без наглядных иллюстраций, включающего в себя детальный языковой анализ: напр., говоры немецкоязычных меньшинств в небольшой словенской крайней деревне Немшки Рут (*Deutschreuth*), расположенной в бассейне озера Бохинь:

«Когда я в 1872 и 1873 гг. посетил эти места, я попал как раз в переходный период: старые люди говорили между собой еще по-немецки, но понимали по-словенски; люди среднего возраста говорили между собой преимущественно уже по-словенски, но со старшим поколением могли разговаривать по-немецки; молодежь и дети преимущественно еще понимали по-немецки, но разговаривали как между собой, так и с родителями и дедами, исключительно по-словенски» (БдЕК 1930, цит. по БдЕК 1963в, 345).

Данный переходный период привел к смешению языков — любимой теме Бодуэна. Так, несмотря на то, что молодежь в Немшком Руте говорит по-словенски, их говор, по мнению Бодуэна, производит следующее впечатление:

«при слушании вблизи произносительно-слуховая сторона была отчетливым продолжением немецкой фонетики и психофонетики. Также и все языковое мышление в области морфологии, словообразования, синтаксиса и т.д. было основано на немецком языковом мышлении предыдущих поколений» (БдЕК 1963в, 345).

Однако Бодуэн осознает, что особенности говоров Немшкого Рута исчезнут в ходе социализации и обучения детей в школах, а также во время контактов с соседними словенскими деревнями. Таким

образом, Бодуэн проявляет большой интерес к пограничным говорам славянского мира, подверженным контактам с другими языками, к говорам переходного типа, поскольку последние служат ему в качестве примеров для иллюстрации его динамической концепции языка, согласно которой языки, не имея никакой собственной сущности, находится в постоянном изменении.

Таким образом, мы рассмотрели две различные интерпретации языкового родства в русском языкоznании на рубеже XIX и XX вв. С одной стороны, Фортунатов описывает языковое развитие как чередование дробления и объединения языков внутри одной и той же языковой семьи. С другой стороны, Бодуэн, не оставив целиком в стороне генеалогическую классификацию, расширяет понятие языкового родства. Как мы уже отмечали, оба лингвиста, чьи работы являются предметом нашего исследования, обогатили концепцию Шлейхера идеей о том, что история языков основывается также на внешней истории — истории общностей носителей языка. Особенность теории Бодуэна заключается в его толковании, согласно которому принцип смешения играет решающую роль в истории общественных групп (племени, коллектива) и в истории языков. Эта точка зрения, согласно которой языки не сводятся больше до уровня организмов и зависят от судьбы и истории их носителей, может быть рассмотрена как шаг в направлении социального языкоznания, которое переживает свой подъем в первые три десятилетия существования СССР.

Исследования рязанских говоров на границах славянского мира сыграли важную роль в дальнейшей истории российско-советского языкоznания: они побудили Бодуэна предложить Льву В. Щербе (1880–1944) заняться изучением серболужицких говоров. В отличие от Бодуэна, который особо выделял диахронический аспект, Щерба в своем описании серболужицких говоров придавал большое значение синхронным контактам между носителями серболужицкого и немецкого языков. Открытия Бодуэна в области гармонии гласных дали импульс его петербургскому последователю Евгению Д. Поливанову для создания детальной типологии всех видов сингармонизма (гармонии гласных) в урало-алтайских языках (см.: Поливанов 1991, 417–420).

Перевела с франц. А.Н. Красовец.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Положения Шлейхера являются предметом критики Бодуэна де Куртенэ (1870 г., см.: БдЕК 1963а, 35–44), тогда как упреки в адрес лингвистов-натуралистов у Мишеля Бреала рассмотрены в: Aarsleff 1979, 63–106.
- ² «Не существует смешанных языков» (Müller 1872, 86).
- ³ «Абсолютно чистого языка не бывает» (Schuchardt 1884, 5).
- ⁴ По мнению Фортунатова, и.-е. языковая семья занимает самое важное место в современном ему языкоznании: «Хотя индоевропейские языки составляют незначительную часть среди различных человеческих языков <...>, эти именно языки занимают главное место в сравнительном языкоzедении, так как на сравнительно-историческом изучении именно этих языков создавалось, развивалось и продолжает развиваться научное языкоzнание» (Фортунатов 1956, 48).
- ⁵ В дальнейшем были открыты хеттский и тохарский языки.
- ⁶ Таким образом, он полагает, что остается только доказать гипотетическую принадлежность к общему праязыку двух праязыков: и.-е. и семитского (Фортунатов 1956, 59).
- ⁷ В Европе и Азии наряду с индоевропейскими языками он выделяет урало-алтайские языки (в отличие от Бодуэна де Куртенэ, он не использует понятия туранских языков), баскский язык, язык этрусков, кавказские языки, семитские языки, дравидские языки и языки 'мунда', китайский язык, языки Индокитая, японский язык, малайско-полинезийские языки, сибирские языки (не принадлежащие к урало-алтайской языковой семье) и шумерский язык. В Африке он выделяет хамитские языки и языки нубийских племен. В отношении Америки наряду с и.-е. языками он говорит о языках американской расы, генеалогическую классификацию по семьям которых еще предстоит провести. Относительно Австралии он говорит, что мы обладаем слишком небольшим количеством информации для осуществления генеалогической классификации (Фортунатов 1956).
- ⁸ Фортунатов упоминает физические и духовные условия без каких-либо других пояснений.
- ⁹ Разница между 'языком' (*la langue*) Соссюра и 'языком' двух славянских лингвистов носит эпистемологический характер. Для Фортунатова и Бодуэна не существует разницы между объектом познания и объектом реальности, тогда как у Соссюра язык представляет собой объект, создание которого отталкивается от точки зрения, предшествующей анализу. Именно эта отправная точка зрения позволяет ему делать различие между лингвистикой языка и наукой об изучении речи.
- ¹⁰ Обзор современного языкового состояния резьянского диалекта и краткое описание истории его изучения в словенском языкоzнании см. в: Šekli 2001, 49–57.

- ¹¹ Письмо опубликованное в: J. Marchiori: *Corteggio Jan I. N. Baudouin de Courtenay – Emilio Tezza*. Estratto dalle Memorie della Accademia Patavina di SS. LL. AA. Classe di Scienze Morali, Lettere ed Arti. Padou, 1961–1962, vol. 74/ III; цит. по BdC 1998, 99.
- ¹² Таблица взята из: БдК 1881, 8.
- ¹³ Примеры и транскрипция взяты из БдК 1881, 17.
- ¹⁴ Единственным младограмматиком, затронувшим проблему смешения языков, был Герман Пауль, который ко второму изданию своего труда *Principien der Sprachgeschichte* добавил главу, посвященную данному вопросу (Paul 1898).

ЛИТЕРАТУРА

- БдК 1877 — И.А. Бодуэн де Куртенэ. *Глоттологические (лингвистические) заметки*. Воронеж, 1877.
- БдК 1897 — И.А. Бодуэн де Куртенэ. *Кашубский язык и кашубский вопрос*. С.-Петербург, 1897.
- БдК 1870 (1963а) — И.А. Бодуэн де Куртенэ. *Август Шлейхер*. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. Москва, 1963. с. 35–44.
- БдК 1901 (1963б) — И.А. Бодуэн де Куртенэ. *О смешанном характере всех языков*. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. Москва, 1963, с. 362–372.
- БдК 1930 (1963в) — И.А. Бодуэн де Куртенэ. *Проблема языкового родства*, Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. Москва, 1963, с. 342–352.
- Поливанов 1991 — Е. Поливанов. *Труды по восточному и общему языкознанию*. Москва, 1991.
- Толстой 1960 — Н.И. Толстой. *О работах И.А. Бодуэна де Куртенэ по славянскому языку*. И.А. Бодуэн (1845–1929), к 30-летию со дня смерти. Москва, 1960, с. 67–68.
- Фортунатов 1898 (1956) — Ф.Ф. Фортунатов. *Сравнительное языкознание. Общий курс*. Избранные труды. Т. 1. Москва, 1956, с. 23–197.
- Aarsleff 1979 — Н. Aarsleff. *Bréal vs. Schleicher: Linguistics and Philology during the latter half of the nineteenth Century*. The European Background of American Linguistics. Papers of the third Golden Anniversary Symposium of the Linguistics Society of America. Ed. by H..M. Hoenigswald. Dordrecht, 1979, p. 63–106.
- BdeC 1881 — I.A. Baudouin de Courtenay. *Note glottologiche intorno alle lingue slave e questioni di morfologia e fonologia ario-europea*. Atti del IV Congresso Internazionale degli Orientalisti tenuto in Firenze nel settembre 1878. Vol. 2. Firenze: Successori Le Monnier, 1881. с. 3–29.

- BdeC 1998 — I.A. Baudouin de Courtenay. *Degli Slavi in Italia/ o Slovanih v Italiji*. San Pietro al Natisone, 1998.
- Ianova 2006 — I.S. Ivanova. *Du développement des langues au bilinguisme: La question du mélange des langues dans la conception linguistique de Lev Ščerba*. Slavica Occitania, № 22, c. 81–96.
- Jakobson 1939 (1962) — R. Jakobson. *Les lois phoniques du langage enfantin. Selected writings*. Vol. 1. Hague, 1962, p. 317–327.
- Müller 1872 — M. Müller. *Lectures on the science of language*. Vol. 1. New York, 1872.
- Paul 1898 — H. Paul. *Principen der Sprachgeschichte*. Halle A. S., 1898.
- Ramovš 1928 — F. Ramovš. *Karakteristika slovenskega narečja v Reziji*. Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino, № 4, s. 107–121.
- Schuchardt 1884 — H. Schuchardt. *Slawo-deutsches und Slawo-italienisches*. Graz, 1884.
- Schuchardt-Brevier 1928 — H. Schuchardt-Brevier. *Ein Vademeum der allgemeinen Sprachwissenschaft. Geburtstag des Meisters zusammengestellt und eingeleitet v. Leo Spitzer*. Halle, 1928.
- Seldeslachts, Swiggers 1996 — H. Seldeslachts, P. Swiggers. *Ich erwarte mit Ungeduld das absolute Ende meiner elenden Existenz...: The ‘image’ of Jan Baudouin de Courtenay in his correspondence with Hugo Schuchardt*. History of Linguistics, 1996, S. 277–288.
- Steenewijk 2007 — H. Steenewijk. *Jan Baudouin de Courtenay e le origini del resiano*. Näs glas/La nostra voce, Prato di Resa, № 3/2, s. 6–7.
- Šekli 2001 — M. Šekli. *Rezja, Rezjanie i dialekt rezjański*. Zeszyty Łużyckie, Warszawa, t. 32/33, s. 49–57.

M. Uhlik. Keelesuguluse ja segakeelte probleem I.A. Baudouin de Courtenay ja F.F. Fortunatovi tööde valguses

XIX sajandi viimastel aastakümnetel seadsid paljud keeleteadlased küsimuse alla A. Scheicheri evolutsionismi kontseptsiooni, kritiseerides seega ka naturalistlikku suunda keeleteaduses. Mõned neist (sellised lingvistid nagu H. Schuchardt ja G. Ascoli) püüdsid teisiti tõlgendada erinevate keelte vahelise sarnasuse interpretatsiooni, mida senini selgitati eelkõige ühe ja sama geneetilise päritoluga. Ni-metatud probleemataika on läbi vaadatud XIX ja XX sajandite vahetuse vene keeleteadusele omase kahe keeltevahelise sarnasuse interpretatsiooni ja kahe keelesuguluse käsitlusviisi võrdlusena.

Holger Kuße

Technische Universität Dresden

JAN BAUDOUIN DE COURTENAY UND DIE KORRELATIVE SPRACHBESCHREIBUNG

Jan Baudouin de Courtenay – Korrelative Beschreibung von Sprachen – Sprachentstehung – Sprachprestige – Mischsprachen – Deutsch-russisches Russisch

Neben dem Romanisten Hugo Schuchardt ist Jan Baudouin de Courtenay (BdeC/ БдеК) einer der Begründer der Mikro- und der Mischsprachenlinguistik. Schon in seinen Arbeiten zur *Phonetik der resianischen Dialekte* (1873) verband er das eine mit dem anderen, indem er den Mischcharakter von Sprachen bzw. von Dialektkontinua am Beispiel einer slavischen Mikrosprache aufzeigte. Über die Beschreibung des Faktischen hinaus leistete BdeC ebenso wie Schuchardt in der Kreolistik mit seinem bloßen Interesse für Mikrosprachen etwas Wesentliches: die Überwindung des Prestigegefälles zwischen großen und kleinen Sprachen. In seiner späteren Hinwendung zu soziolinguistischen Fragestellungen (Aufzeichnungen zum Studentenjargon ebenso wie zur russischen Gaunersprache, der *blatnaja muzyka*) setzte er diese Einstellung zum Objekt auf der Ebene der Differenzierung von sozialen Sprachvarietäten fort (Mugdan 1984, 125–126; Budziak 1997). Auch hier sind Größe oder Kleinheit, soziales Prestige oder soziale Marginalität ebenso wenig wie die vermeintliche ‚Reinheit‘ von Sprachen Bewertungskriterien, nach denen Sprachen oder Sprachvarietäten als ‚besser‘ oder ‚schlechter‘ unterschieden werden könnten.

Baudouin de Courtenays These: Alle Sprachen sind Mischsprachen

Die wichtigste Begründung für die Wertfreiheit des linguistischen Objekts und die Notwendigkeit seiner wertfreien linguistischen Beschreibung war Baudouins bekannte These vom *Mischcharakter aller Sprachen* («О смешанном характере всех языков») (БдеК 1963б, 362–372), denn wenn alle Sprachen auf der Mischung von anderen Sprachen beruhen und schon der kindliche Spracherwerb an Varietäten partizipiert, die jeden kompetenten Sprecher zu einem individuellen Subjekt von vielerlei

Sprachen werden lässt — die Mischung sei der Beginn jedes Lebens, sowohl des physischen wie des psychischen («Смешение есть начало всякой жизни как физической, так и психической») (ebd., 363), — dann werden substantiell axiologische Unterschiede zwischen Sprachen und Varietäten obsolet. Insbesondere «dem indogermanischen Größenwahn» und der aus ihm abgeleiteten «Missachtung „minderwertiger Nationalitäten und Völkerschaften“» widersprach BdeC entschieden (BdeC 1984c, 193). Zwar lassen sich sowohl Sprachvarietäten als auch Sprachen voneinander abgrenzen, und dass es Differenzierungsprozesse gibt, die den Sprecher von mehreren Varietäten und erst recht mehreren Sprachen zu einem mehrsprachigen Subjekt machen, wird von BdeC natürlich nicht geleugnet, aber, wie er mit Blick auf Ethno- bzw. Nationalsprachen in der *Übersicht der slavischen Sprachenwelt* (1884) schrieb, sollte auf dem zentripetalen Prozess des Zusammenfließens getrennter Sprachformen ebensoviel Aufmerksamkeit gewidmet werden wie dem zentrifugalen der fortschreitenden Ausdifferenzierung:

«Нет оснований <...> допускать непрерывную, все углубляющуюся дифференциацию. Этот, так сказать, центробежный процесс постоянно чередовался с развитием в противоположном направлении. Такое развитие вело путем заимствования и путем смешения к взаимному этнографическому выравниванию и уподоблению, или ассимиляции» (БдЕ 1963а, 128).

Der Prozess der Mischung ist, wie BdeC (БдЕ 1963б, 362–372) feststellt, von unterschiedlichen Faktoren abhängig, die sich gegenseitig beeinflussen. Mischungen entstehen im Individuum aufgrund elementarer Sprachbeeinflussungen durch die Eltern, aber auch durch die soziale Umgebung des Heranwachsenden. Gemischte Ehen bringen Familiensprachen hervor und areale Kontakt Situationen von Sprechergemeinschaften führen zum sprachlichen Austausch. Mischungen ergeben sich aber auch durch ganz andere Einwirkungen von Kulturen aufeinander: etwa durch Kriege, durch erzwungene oder auch freiwillige Migrationen und vor allem durch kulturelle Einflüsse: BdeC verweist auf die Bedeutung des Kirchenslavischen für die Entwicklung des Russischen, aber auch auf die Rolle des Lateinischen und schließlich des Französischen in der Herausbildung der europäischen Standardsprachen. Daraus wiederum folgt, dass der Sprachvergleich zwar von historischen, kulturellen und gesellschaftlichen Beziehungen absehen kann, ein vollständiges Bild der Sprachlagen aber erst im Rahmen der Beschreibung von Sprachen in ihren histori-

schen und kulturellen Wechselbeziehungen möglich ist, als Vergleich von Sprachen unter dem Aspekt ihrer geographischen, gesellschaftlichen und literarischen Berührung und damit als Vergleich in ihrer gegenseitigen Beeinflussung im weitesten Sinne des Wortes:

«сравнение языков по их географической, общественной и литературной смежности, то есть сравнение по их взаимному влиянию в самом обширном смысле этого слова» (БдeC 1963б, 371).

Dass Mischung eine anthropologische und damit auch sprachliche Konstante ist und deshalb die sogenannte Reinheit von Sprachen keine Realität darstellt und somit auch nicht als Argument der Sprachbewertung dienen kann, begründet sowohl die Gleichwertigkeit von Mikrosprachen und großen Standardsprachen als auch die von BdeC eingenommene antipuristische Haltung gegenüber der Entwicklung von Einzelsprachen und ihren Varietäten. Das macht die These vom Mischcharakter aller Sprachen heute nicht nur sprach-, sondern auch kulturwissenschaftlich aktuell. Denn aus heutiger kulturwissenschaftlicher Sicht ist die Sprachmischung ein Merkmal transkultureller Identitäten, wie sie sich nicht erst, aber besonders in der globalisierten Moderne ausgeprägt haben. Ebenso wenig wie Sprecher auf eine Sprache zu reduzieren sind, sondern jedes Sprechen Multilingualität in sich trägt, ist die kulturelle Identität von Individuen auf eine Kultur zu reduzieren. Jedes Individuum ist Träger mehrerer Kulturen (Welsch 1995, 39–44), und jedes Individuum partizipiert in seinem Sprechen immer an mehreren Sprachen, ohne dass das eine vom anderen scharf zu trennen wäre. Sprachmischungen sind Teil von Kulturmischungen und verschiedene Kulturen sind im Sprechen der Individuen präsent (Erfurt 2003, 5–33; Földes 2003, 57–59; Hinnenkamp 2005, 91–95). Die Sprachmischung kann, wie E. Protasova feststellt, eine wichtige Hilfe für Sprecher sein, sich selbst und ihre eigene sprachliche und kulturelle Biografie zum Ausdruck zu bringen:

«<...> через смешение языков говорящим удается более адекватно выразить и самих себя, и свое отношение к происходящему» (Протасова 2004, 26).

Die korrelative Methode der Sprach- und Sprachentwicklungsbeschreibung

Zwischen der kulturellen und der sprachlichen Entwicklung des Einzelnen wie der Sprach- und Kulturgemeinschaften bestehen sprachlich-kulturelle Wechselbeziehungen, die im Sprachvergleich, aber auch in der Beschreibung von Einzelsprachen (als Mischsprachen) ins Zentrum des

linguistischen Interesses rücken. BdeC wie auch später die Prager Schule betrachtete Sprache dynamisch. Auch in der Synchronie ist sie ein prinzipiell diachrones Geschehen (Виноградов 1963, 9–13). In der historischen Entwicklung von Systemen interagieren individuell psychische und soziale Faktoren, die Sprache als psycho-soziale Tätigkeit verstehen lassen (Виноградов 1963, 14–15; Mugdan 1984, 51; Budziak 1997, 103). Auf diese Weise erfasste BdeC die Interdependenz von Faktoren der Sprachentwicklung, deren Darstellung ich (Kuße 2009, 49–50) als *korrelative Beschreibung* bezeichnet habe. *Korrelativ* meint, dass die Beschreibung von Sprachen die innere und äußere Sprachgeschichte verbindet, indem sie extralinguistische, also soziale, gesellschaftliche, kulturelle und politische Faktoren als primäre Gründe der Sprachentwicklung integriert, ohne sich allerdings auf sie zu beschränken. So wird einerseits davon ausgegangen, dass unmittelbare Beziehungen zwischen Sprache und Gesellschaft bestehen, dass dieser Zusammenhang besonders stark im Falle von Sprach- und Kulturkontakten zum Tragen kommt und dass er deshalb auch in besonderem Maße für Kleinsprachen gilt (s. Braunschmüller 2003, 89). Andererseits wird (undogmatisch) Roman Jakobsons Interferenzregel Rechnung getragen, dass Sprachen in ihrer Entwicklung nur solche fremden Strukturmerkmale annehmen, die ihrer eigenen (innersprachlichen) Entwicklung entsprechen (Jakobson 1938, 54). In der korrelativen Beschreibung der Sprachentwicklung werden deshalb Veränderungen aufgrund universaler Prinzipien (Ökonomie und Differenziertheit), sprachsystem-immanenter und genetisch beschreibbarer Prozesse, kontaktbedingten Wandels sowie aufgrund von sprachsystemexternen soziopragmatischen, kulturentwicklungsbedingten Ursachen zueinander in Beziehung gesetzt. Sprachkontaktbedingte Entwicklungsgründe stellen darin das Zentrum und die Verbindung zwischen der sprachsysteminternen und der sprachsystemexternen Beschreibungsdimension dar.

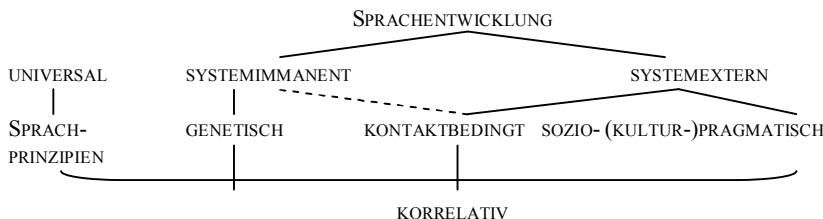

Abbildung: Korrelative Beschreibung der Sprachentwicklung (Kuße 2009, 50)

Kleinsprachen und Sprachentstehung

Da das korrelative Verfahren naturgemäß hochgradig komplex ist, bieten sich zum einen Kleinsprachen, deren historischer, gesellschaftlicher, kultureller und letztlich numerischer Radius noch halbwegs überblickt werden kann, für diese Beschreibung besonders an. Die in der letzten Zeit erschienenen Sammelbände zu slavischen Kleinsprachen dokumentieren, dass gerade hier die korrelative Methode deutlich präsent ist (s. u.a. Stolz 2001, 211–242; Zimmer 2001, 11–21; Дуличенко, Густавsson 2006; МЯИ 2006; Marti, Nekvapil 2007; Дуличенко 2008b).

Mit dem Baudouinschen Begriff erfasst die korrelative Methode aber vor allem auch ein Phänomen, das heute besonders beachtet werden sollte: das Phänomen der *Sprachentstehung*. Kleinsprachen werden als gesellschaftliche Phänomene vor allem unter dem Aspekt der Marginalisierung, des Schwundes oder gar des Sprachtods betrachtet (Dalby 2002). Diese Prozesse sollen durch politische Maßnahmen wie die Europäische Sprachencharta von 1992 aufgehalten werden. Der (nicht unberechtigte) Blick auf Untergangsszenarien übersieht jedoch leicht umgekehrte Entwicklungen, die heutzutage ebenso zu beobachten sind: die Prestigehebung, den Ausbau und die Standardisierung von vermeintlich zum Verschwinden verurteilten Kleinsprachen. Nicht zuletzt für den Sprachenschutz ist es aber von zentraler Bedeutung, die Bedingungen, Möglichkeiten und eventuellen Regelhaftigkeiten von Ausbauprozessen zu verstehen, die nicht nur dem Sprachenerhalt dienen, sondern auch zur *Sprachentstehung* führen können. Über die Beobachtung von Schwund, Erhalt oder Wiederbelebung von Kleinsprachen hinaus sollten deshalb noch andere Formen sprachlicher Diversität als mögliche Objekte der korrelativ verfahrenden Sprachwissenschaft und besonders der Linguistik kleiner Sprachen in Betracht gezogen werden (Kuße 2009, 55–56): die Entstehung von Sprachen durch Pidginisierung und Kreolisierung, durch soziolektale Differenzierung (Zimmer 2001, 17), durch die ethnische Differenzierung von Sprachen, insbesondere der weltweiten *New Englishes* (Kachru 1992; Bolton, Kachru 2006), durch Aufmerksamkeit auf Formen des Sprechens, deren Wahrnehmung als Kleinsprachen nicht selbstverständlich ist (wie bei manchen Kleinsprachen der Slavia) sowie schließlich durch Spracherfindungen. Zwar ist die Wahrscheinlichkeit gering, dass die zum Teil fragwürdigen Erfindungen ‚slavischer‘ Sprachen, die Berger (Berger 2004, 19–28) beschrieben hat, Kommunikationsmittel werden, aber unbestreitbar ist, dass Spracherfindungen sekundäre Spre-

chergemeinschaften bilden können, wie das bei den Plansprachen Volapük und Esperanto der Fall ist, die Baudouin de Courtenay als künstliche gemischte Sprachen für die internationale Kommunikation propagierte:

«искусственные смешанные языки, долженствующие-де служить органом международного общения всех народов земного шара» (БдК 1963б, 366).

Sie weisen Merkmale von Kleinsprachen und nicht unerhebliche Zahlen von Sekundärsprechern auf. Hinzu kommen heute fiktive Sprachen wie Tolkiens Elbensprachen oder Klingonisch, in dem im Internet sogar die Deutsche Welle zu lesen ist (<http://klingon.dw-world.de/ kleingon/index.php>).

Wichtig ist, den Status dieser Sprachen und Varietäten linguistisch vorurteilsfrei zu klären, v.a. dann, wenn es sich um kleine, in ihrem gemischten Charakter eindeutig erkennbare Mischsprachen handelt. BdeC machte auch hier keine wertenden Unterschiede und verteidigte zu seiner Zeit nicht nur das Jiddische als vollgültige, v.a. aus dem Hebräischen und Deutschen hervorgegangene Sprache (Виноградов 1963, 18), sondern sah unter anderem in der zu seiner Zeit noch lebendigen russisch-chinesischen Sprachmischung im Grenzgebiet zwischen Russland und China (кяхтинский язык, *Kjachtinisch*) eine neu entstandene eigenständige Sprache (БдК 1963а, 137).

Das deutsch-russische Russisch auf dem Weg zur Mikrosprache

Abschließend möchte ich auf ein Phänomen in Deutschland hinweisen, das ich zwar noch nicht als Sprache bezeichne, das sich aber auf dem Weg der eklatanten Mischung bereits zu einer Varietät mit deutlichem Abstand zur Standardsprache entwickelt hat. Ich meine die russisch-deutschen Sprachmischungen von in Deutschland lebenden russischen Muttersprachlern, zu denen zum großen Teil auch die deutsch-russischen Migranten zu rechnen sind.

In den letzten Jahren ist Phänomene der Migrationssprache (für das Russische besonders Земская 2001) und vor allem der Sprachmischung in der Sprache von Migranten vermehrt Aufmerksamkeit geschenkt worden (z.B. Krefeld 2004; Hinnenkamp, Meng 2005). Sprachmischungen von Russisch und Deutsch wurden in Deutschland zunächst auf der Basis des Deutschen der Russlanddeutschen untersucht (Berend 1998; Baur u.a. 1999; Meng 2001; Мэнг, Проракова 2002, 29–40; Meng, Protassova 2003, 173–202; 2005, 229–266; Blankenhorn 2003). Hier handelt es sich um russisch-deutsches

Deutsch. Inzwischen gibt es aber auch Forschungen zu deutsch-russischen Sprachmischungen auf der Basis des Russischen (Шиндлер 2001, 343–357; Goldbach 2005; Жданова 2006, 5–178). In Dresden entstanden an den Instituten für Slavistik und Anglistik einige (unveröffentlichte) wissenschaftliche Abschlussarbeiten, die ein reiches Belegmaterial bieten (Gerdowa 2006; Hilgenberg 2007; Dobbelt 2009; Beger 2010). Mischsprachliche Phänomene auf der Basis des Russischen gibt es natürlich nicht nur in Deutschland. Sie bilden mittlerweile weltweit Varietäten des Russischen (z.B. Polinsky 2000, 787–803 zum *American Russian* oder Протасова 2004 zum *Finnorussischen*).

Es ist nicht ausgeschlossen, dass diese Sprachmischungen zu neuen Mikroliteratursprachen werden. Sie werden nicht alle Kriterien der Standardsprachlichkeit (Rehder 1995, 352–366) erfüllen können, aber im Sinne Duličenkos einige dieser Merkmale aufweisen, die dann ausreichen, um von einer Mikroliteratursprache zu sprechen, wenn eine Tendenz zur Literarisierung erkennbar ist (Дуличенко 1981; 2000, 843–852; 2008a, 63–95).

Das deutsch-russische Russisch zeichnet sich durch Mischungsphänomene auf allen sprachlichen Ebenen aus. Am auffälligsten sind direkte Übernahmen aus dem Deutschen, um lexikalische Lücken zu schließen. Diese Funktion betrifft besonders berufliche Bereiche sowie Amts- und Behördenbezeichnungen, die nicht übersetzt werden (Жданова 2006, 94). Der Plural *амты* kann für alle staatlichen Dienststellen stehen (*Sozialamt*, *Arbeitsamt*, *Standesamt*, *Finanzamt*) usw. (Dobbelt 2009, 30). In der gesprochenen Sprache ebenso wie in der russischsprachigen Presse in Deutschland werden zahlreiche institutionelle Realien mit deutschen Lexemen bezeichnet, für die es zwar Äquivalente geben kann, die aber im deutschen Kontext andere Handlungsformen bezeichnen als in Russland, z.B. *Selbständiger* (индивидуальный / самостоятельный предприниматель / бизнесмен) oder *Bewerbung* (= заявление о приёме на работу / о назначении на должность / о зачислении в учебное заведение). In Presseanzeigen werden solche Begriffe oft nicht transliteriert:

«У *Selbständigen* заработка учитывается, исходя из трёх последних лет; Сделайте свой *Bewerbung* приспособляемым к постоянно меняющимся требованиям рынка труда» (Dobbelt 2009, 37).

Bei Begriffen wie *Bewerbung* können für Deutschlandkundige längere Erklärungen notwendig werden, um den Ablauf und die Formen dieser Kommunikationsform begreiflich zu machen. Im Internet lassen sich solche Erklärungen und Ratgeber leicht finden; z.B.:

«*Bewerbung* — это письменное заявление, в котором Вы должны написать, откуда Вы взяли адрес этой фирмы, почему Вы хотите работать именно у них и почему Вы считаете, что Вы как никто другой подходите для этой работы. Писать *Bewerbung* — это целое искусство» (<http://katrusja.narod.ru/rabota.htm> [Zugriff: 08.01.2011]).

Übernommene Lexeme für besondere deutsche Realien stammen aber natürlich nicht nur aus dem administrativen und beruflichen, sondern auch aus dem privaten und Freizeitbereich; z.B.

- a) *кнайпа/ кнайне* (= *Kneipe*): *Они пошли в кнайпу и поужинали* (Meng, Protassova 2003, 182).
- b) Eines der bekanntesten Lexeme des deutsch-russischen Russisch ist sicher *термин* als direkte Übernahme des schwer ins Russische übersetzbaren *Termin* (= *срок, дата, прием, встреча*). Die freie Betonung des Russischen verhindert hier die Homophonie, so dass neben *термин* in der Bedeutung von *Terminus* nun analog zu Paaren wie *замок/ замок* oder *мука/ муха* ein zweiter Begriff mit Betonung auf der zweiten Silbe gebildet worden ist, der alle Chancen hat, auch ins Standardrussische überzugehen; vgl. *А нельзя прийти по термину? Сделать термин* usw. (Goldbach 2005, 54).

Aus dem Deutschen übernommen werden aber auch Wörter, die leicht übersetzbar sind, jedoch andere Positionen im Begriffsfeld einnehmen als die russischen Äquivalente, z.B.

приват (= *личный / частный / домашний*) (Goldbach 2005, 43) oder *хенхен* (= *цыпленок / курица*; dt. *Hähnchen*, im Unterschied zum Russischen von *mask. Hahn*) (Goldbach 2005, 3).

Deutsche Bezeichnungen bleiben bei Begriffen erhalten, die kulturelle Markierungen als ‚typisch deutsch‘ enthalten wie z.B.

вайнахтский рынок (= *рождественский рынок*; dt. *Weihnachtsmarkt*) (Beger 2010, 43).

Direkte Übernahmen deutscher Lexeme müssen aber nicht semantisch motiviert sein. Ad hoc treten in der gesprochenen Sprache auch zahlreiche Germanismen auf, die unmissverständliche russische Äquivalente haben; z.B.

фрайбад (= *открытый бассейн*), *шпаркассе* (= *сберкасса*), *штат* (= *пробка*), *ноты* (= *оценки*), *штуфе* (= *уровень*), *ангебот* (= *предложение, скидка*) usw.; vgl. *На какой штуфе ты посещаешь курсы?* (= *На каком уровне ты посещаешь курсы?*); *ангеботные билеты* (= *билеты со скидкой*).

Der Grad der semantisch motivierten und semantisch nicht motivierten deutschen Fremdwörter kann so hoch sein, dass Äußerungen im deutsch-russischen Russisch für Hörer ohne Deutschkenntnisse unverständlich werden; z.B.

Ноты? *Не все ли равно какие ноты? Главное шафовать!* (= *Не все ли равно какие оценки? Главное успевать!*) (Beger 2010, 31); Курц перед танкштеле *свернёшь* нах рехтс и скоро увидишь большой паркплатц, там можеши паркен.<...>. Капишуешь, что я майнаю? (= *Неподалеку перед заправочной станцией свернёшь направо и скоро увидишь большую автостоянку, там можеши стоять* <...>. Понимаешь, что я имею в виду?) (Шиндлер 2001, 343).

Die lexikalischen Germanismen werden in der Regel grammatisch integriert, d.h. mit russischen Endungen versehen und russisch flektiert. Diese morphologische Integration ins russische System betrifft v.a. Verben, die aspektanzeigend suffigiert werden; z.B. *шафовать* (= *успевать* или *работать*, разг.), *майновать* (= *думать*, *считать*, *иметь в виду*), *копировать* (= *понимать*), *аннельдоваться* (= *прописываться*), *йбертрейбовать* (= *перевеличивать*, in diesem Fall auch in der Schrift mischsprachlich) usw. Die Integration findet aber nicht immer statt;

vgl. *Она тоже попутывает у них* (= *Она тоже у них занимается уборкой*) (Жданова 2006, 76) vs. *Она ходит там путцен.* (= *Она там занимается уборкой*) (Goldbach 2005, 43); *Там можеши паркен* (= *Там можеши стоять*) (Шиндлер 2001, 343).

Und es findet auch das Gegenteil statt, nämlich die Germanisierung von russischen Lexemen. Diese kann phonetisch sein, z.B. *шнать* statt *спать* (Gerdowa 2006, 36) in Analogie zur deutschen Aussprache von/ sp/ als [ʃp]; vgl. *Sprache* [шпрахе] (язык), *Spiel* [шил] (игра), *Spatz* [шпаз] (воробей). Ebenso gibt es aber auch morphologische Germanismen, z.B. *критизировать* statt *критиковать* von dt. *kritisieren* (Жданова 2006, 78).

Deutsche Lehnwörter können morphologisch stark verändert werden. Komposita werden verkürzt wie z.B.

шпрах (= *курс немецкого языка*) von *Sprachkurs*; vgl. *Мы на шпрахах учили; Я после шпрахов сдала экзамен на 1; социал* (= *пособие по линии соцобеспечения*) von *Sozialhilfe*; vgl. *Он живет на социал* (Жданова 2006, 79).

Nicht weniger bemerkenswert als lexikalische sind syntaktische Entlehnungen im deutsch-russischen Russisch. Dazu gehören besonders die nach deutschem Muster gebildeten Konstruktionen

mit *делать*, z.B. *делать экзамены/ практику/ спорт/ профессию* (Goldbach 2005, 56; Жданова 2006, 78) oder auch *делать кухен* (Beger 2010, 67) bis hin zu unpersönlichen Konstruktionen mit *machen + man*: *В России ман делает ...* (Жданова 2006, 82). Nicht wenige dieser Konstruktionen sind im Standarddeutschen gar nicht möglich oder stark restriktiv, z.B. **einen Beruf machen* statt *einen Beruf ausüben*, **Kuchen machen* statt *Kuchen backen* usw.

Hier handelt es sich also im deutsch-russischen Russisch um spezifische, zwar nach deutschem Vorbild gebildete, aber nur in der deutsch-russischen Varietät des Russischen mögliche Konstruktionen, die ich als Pseudogermanismen bezeichnen möchte.

Verbreitet sind schon von Glovinskaja aufgeführte Konstruktionen mit *получить* (*bekommen*), die verschiedene standardrussische Konstruktionen ersetzen (Гловинская 2001, 452–454); vgl. *Я получил перед сном стакан теплого молока* (= *Мне дали ...*); *Мы получили два места за столиком* (= *Мы нашли ...*) (Гловинская 2001, 453); *Она получила ребенка* (= *Она родила ребенка*) (Gerdowa 2006, 60). Nach deutschem Vorbild (*können*) wird die Bedeutung von *мочь* erweitert; vgl. *Она почти не может русский* (= *Она почти не говорит / не умеет говорить по-русски*; dt. *Sie kann fast kein Russisch*) (Gerdowa 2006, 60). Entlehnungen von Konstruktionen haben häufig phraseologischen Charakter, z.B. *Не будем делать стресс!* nach *Machen wir keinen Stress!* (Жданова 2006, 78); *Идет на вопрос* *Как дела?* (Жданова 2006, 81); *Ходила к профу по поводу своей хансарбайт.* *Теперь хотя бы тема стоит* (= *тема определена*; dt. *Das Thema steht*) (Beger 2010, 66).

Starke kommunikative Signale des deutsch-russischen Russischen sind deutsche Partikeln und andere Pragmalexeme, die in die Rede eingebunden werden:

Hy dann tschüss, пока (= *Ах так, ну тогда пока*) (Жданова 2006, 83); *Спроси его, он* *bestimmt* (= *наверняка*) *знает* (Жданова 2006, 83); *Тебе* *холодно!* — *Нет, мне не* *холодно, я же* *крепкая немка.* — *Дох, тебе* *холодно* (Goldbach 2005, 61); *Я ее* *назвал «Азия».* — *Ах, ты ее* *назвал «Азия»?*! (Goldbach 2005, 63); *Айнфах кошмар!* (= *Просто кошмар!*) (Goldbach 2005, 69).

Diese Elemente haben idiomatische Funktionen und sind in die Rede von Sprechern eingebunden. Zur Pragmatik des deutsch-russischen Russi-

schen gehört aber noch eine weitere Funktion: das Code switching in der Funktion der Zitierung; z.B.: *Это потому, что он ин мих ферлибит, говорим* (Goldbach 2005, 48).

Schon diese wenigen Beispiele zeigen die Fülle der sprachlichen Besonderheiten des deutsch-russischen Russischen, die es sowohl vom Standardrussischen wie natürlich auch vom Standarddeutschen unterscheiden. Linguistisch ist damit das Potenzial für eine aus Sprachmischung entstandene Mikroliteratursprache gegeben. Die Sprachentstehung ist aber nicht zwangsläufig, sondern wesentlich von sprachexternen Faktoren abhängig. Es sind wahrscheinlichere und weniger wahrscheinliche Szenarien vorstellbar. Die gemischte Varietät kann wieder verschwinden, weil die Sprechergemeinschaft entweder zu einer Standardsprache wechselt (nur Russisch oder nur Deutsch) oder zwei Standardsprachen verwendet (Bilingualismus ohne Sprachmischung). Beide Varianten sind derzeit nicht zu erwarten, da die Mischsprache durchaus praktischen Bedürfnissen der Kommunikation folgt (Ökonomieprinzip) und die Sprechergemeinschaft dynamisch ist. Durch Studien- und Arbeitsmigration wird sie immer wieder erneuert, zugleich findet aber auch ein regelmäßiger Austausch mit dem Herkunftsland statt. Zweitens kann spekuliert werden, dass die Mischsprache zu einem kodifizierten Kreol und damit zu einer Minderheitensprache in Deutschland wird. Auch dieser Prozess ist nicht zu vermuten, und zwar erstens aufgrund der genannten Dynamik der Sprechergemeinschaft, die keine ‚eigene Ethnie‘ bildet, und zweitens aufgrund eines konstitutiven Merkmals der Mischsprache: Sie lässt Ad hoc-Bildungen nicht nur zu, sondern erfordert sie sogar. Eine grammatische und lexikalische Kodifikation widerspricht also dem kommunikativen Charakter des deutsch-russischen Russischen, das zwar Regelmäßigkeiten aufweist, aber keine präskriptiv kodifizierten Regeln erlaubt.

Gleichwohl ist damit zu rechnen, dass das deutsch-russische Russisch nicht nur erhalten bleibt, sondern seinen Anwendungsbereich noch ausbaut, so dass am Ende vielleicht doch von einer besonderen Sprache gesprochen werden kann. Im Unterschied zu anderen slavisch-deutschen Sprachmischungen wie zum Beispiel Mischungen des Bulgarischen und Deutschen (Zlatanova 2010), die ganz ähnliche Erscheinungen aufweisen, verfügt das deutsch-russische Russisch schon heute über ein stattliches Mediennetz mit z.B. über 50 Zeitungen und Zeitschriften (Margolina 2009), in denen die Mischsprache jeweils mehr oder weniger stark angewendet und damit verfestigt wird. Auch ein parodistisches Internetprojekt gibt es schon: *Креативная Quelia* (<http://www.strannik.de/ quelia/>).

Ein, wenn nicht das entscheidende Kriterium für die Zukunft dieser Mischsprache wird aber die Spracheinstellung der Sprecher sein, d.h. ihre

eigene Bewertung sprachlich-kultureller Mischungen. Wird das deutsch-russische Russisch von seinen Sprechern und Sprecherinnen als «Schlechtes Russisch» abqualifiziert, wird es sich schwer etablieren, wird es von ihnen dagegen als Varietät neben dem Deutschen und dem Russischen akzeptiert und als Teil ihrer sprachlich-kulturellen Identität erkannt, kann es eine besondere soziale Identität in Deutschland schaffen und zugleich den Kosmos der Sprachen der Welt um eine neue Sprache bereichern. Die Zukunft des deutsch-russischen Russisch liegt deshalb in der Trilingualität (Russisch, Deutsch, Deutsch-russisches Russisch). Funktional gesehen erfüllt diese Mischsprache nicht nur kommunikativ-informative Bedürfnisse nach dem Ökonomieprinzip, das für Baudouin ein wesentlicher Grund für Sprachmischungen war, sondern sie kommt dem Bedürfnis nach Spiel in der Sprache und an den Grenzen der Sprache entgegen (Норман 2006). Darauf hat schon Baudouins Schüler Lev.V. Ščerba in seinem kritischen Beitrag zum Begriff der Sprachmischung (Щерба 1974, 60–74) hingewiesen, in dem er feststellte, dass bereits Mischungen von sprachlichen Varietäten innerhalb einer Standardsprache nicht selten komische Effekte erzeugen sollen oder zumindest der Ausdrucksverstärkung dienen:

«шутки ради или для того, чтобы сделать более выразительным наш язык» (Щерба 1974, 72).

Die Mischsprache wird, mit R. Jakobson gesprochen, in ihrem Wert nicht nur durch die kommunikativ-darstellende Funktion, sondern ganz erheblich durch die poetische Funktion sprachlicher Kommunikation legitimiert. Es spricht einiges dafür, das deutsch-russische Russisch als poetische Mikrosprache zu klassifizieren.

LITERATUR

- BdeC 1984a — J. Baudouin de Courtenay. *Ausgewählte Werke in deutscher Sprache*. Mit einem Vorwort von E. Malachowska. Hg. J. Mugdan. München, 1984.
- BdeC 1984b [1884] — J. Baudouin de Courtenay. *Übersicht der slavischen Sprachenwelt*. Ausgewählte Werke in deutscher Sprache. Mit einem Vorwort von E. Malachowska. Hg. J. Mugdan. München, 1984, S. 1–21.
- BdeC 1984c [1910] — J. Baudouin de Courtenay. *Klassifikation der Sprachen*. In: *Ausgewählte Werke in deutscher Sprache*. Mit einem Vorwort von E. Malachowska. Hg. J. Mugdan. München, 1984, S. 190–197.

- Baur u.a. 1999 — R.S. Baur, Chr. Chlosta, Chr. Krekeler, C. Wenderott. *Die unbekannten Deutschen. Ein Lese- und Arbeitsbuch zu Geschichte, Sprache und Integration rußlanddeutscher Aussiedler*. Baltmannsweiler, 1999.
- Berend 1998 — N. Berend. *Sprachliche Anpassung. Eine soziolinguistisch-dialektologische Untersuchung zum Rußlanddeutschen*. Tübingen, 1998.
- Berger 2004 — T. Berger. *Vom Erfinden slavischer Sprachen*. Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für P. Rehder zum 65. Geburtstag. Hg. M. Okuka, U. Schweier. (= Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd. 21). München, 2004, S. 19–28.
- Blankenhorn 2003 — R. Blankenhorn. *Pragmatische Spezifika der Kommunikation von Russlanddeutschen in Sibirien: Entlehnung von Diskursmarkern und Modifikatoren sowie Code-switching*. Frankfurt am Main u.a., 2003.
- Bolton, Kachru 2006 — K. Bolton, B.B. Kachru (eds.). *World Englishes: Critical concepts in linguistics*. London, 2006.
- Braunmüller 2003 — K. Braunmüller. *Language, typology and society: possible correlations*. Minor Languages. Hg. J. Sherzer, Th. Stolz. (= Diversitas Linguarum. Bd. 3). Bochum, 2003, S. 89–101.
- Budziak 1997 — R. Budziak. *Jan Baudouin de Courtenay als Soziolinguist und Sprachsoziologe*. Bamberg, 1997. (Dissertation).
- Dalby 2002 — A. Dalby. *Language in Danger*. London, 2002.
- Erfurt 2003a — J. Erfurt. «*Multisprech*»: *Migration und Hybridisierung und ihre Folgen für die Sprachwissenschaft*. «*Multisprech*»: Hybridität, Variation, Identität. Hg. J. Erfurt. (= Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. Bd. 63). Osnabrück, 2003, S. 5–33.
- Erfurt 2003b — J. Erfurt (Hg.) «*Multisprech*»: *Hybridität, Variation, Identität*. (= Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. Bd. 63). Osnabrück, 2003.
- Földes 2003 — C. Földes. *Interkulturelle Linguistik. Vorüberlegungen zu Konzepten, Problemen und Desiderata*. Veszprém — Wien, 2003.
- Goldbach 2005 — A. Goldbach. *Deutsch-russischer Sprachkontakt: deutsche Transfereenzen und Code-switching in der Rede Russischsprachiger in Berlin*. Frankfurt am Main u.a., 2005.
- Hinnenkamp 2005 — V. Hinnenkamp. «*Zwei zubir miydi?*» — *Mischsprachliche Varietäten von Migrantenjugendlichen im Hybriditätsdiskurs*. Sprachgrenzen überspringen: sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis. Hg. V. Hinnenkamp, K. Meng. Tübingen, 2005, S. 51–103.
- Hinnenkamp, Meng 2005 — V. Hinnenkamp, K. Meng (Hg.) *Sprachgrenzen überspringen: sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis*. Tübingen, 2005.

- Jakobson 1938 — R. Jakobson. *Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues*. Actes du quatrième Congrès international de linguistes tenue à Copenhague du 27 août au 1 septembre 1936. Copenhague, 1938, S. 48–58.
- Kachru 1992 — B.B. Kachru (ed.). *The other tongue. English across cultures*. Urbana et al., 1992.
- Krefeld 2004 — Th. Krefeld. *Einführung in die Migrationslinguistik: von der «Germania italiana» in die «Romania multipla»*. Tübingen, 2004.
- Kuße 2009 — H. Kuße. *Kleinsprachenlinguistik. Zur Typologie von Kleinsprachen und den Aufgaben ihrer linguistischen Beschreibung am Beispiel slavischer Kleinsprachen*. Konzeptualisierung und Status kleiner Kulturen. Beiträge zur gleichnamigen Konferenz in Dresden vom 3. bis 6. März 2008. Hg. von Chr. Prunitsch. (= *Specimina philologiae Slavicae*. Bd. 155). München, 2009, S. 41–61.
- Margolina 2009 — S. Margolina. *Russischsprachige Medien in Deutschland, Österreich und der Schweiz*. Majak 19.06.2009. URL: <http://www.maiak.info/russische-medien-deutschland-oesterreich-schweiz>. (Zugriff: 04.01. 2011).
- Marti, Nekvapil 2007 — R. Marti, J. Nekvapil (Hg.). *Small and Large Slavic Languages in Contact*. (= *International Journal of the Sociology of Language*. vol. 183). Berlin — New York, 2007.
- Meng 2001 — K. Meng. *Russlanddeutsche Sprachbiografien. Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien*. Tübingen, 2001.
- Meng, Protassova 2003 — K. Meng, E. Protassova. *Deutsche, Russlandsdeutsche, Russe-Deutsche, rusaki — Selbstbezeichnungen und Selbstverständnisse nach der Aussiedlung*. «Multisprech»: Hybridität, Variation, Identität. Hg. J. Erfurt. (= *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie*. Bd. 63). Osnabrück, 2003, S. 173–202.
- Meng, Protassova 2005 — K. Meng, E. Protassova. «*Aussiedlerisch*». *Deutsch-russische Sprachmischungen im Verständnis ihrer Sprecher*. Sprachgrenzen überspringen: sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis. Hg. V. Hinnenkamp, K. Meng. Tübingen, 2005, S. 229–266.
- Mugdan 1984 — J. Mugdan. *Jan Baudouin de Courtenay (1845–1929): Leben und Werk*. München, 1984.
- Polinsky 2000 — M. Polinsky. *The Russian Language in the USA*. Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Ein internationales Handbuch. Bd. 2. Hg. L. Zybatow. Frankfurt am Main u.a., 2000, S. 787–803.
- Rehder 1995 — P. Rehder. *Standardsprache: Versuche eines dreistufigen Modells*. Die Welt der Slaven, München, № 40, S. 352–366.
- Stolz 2001 — T. Stolz. *Minor languages and general linguistics (with special focus on Europe)*. Minor Languages of Europe. A Series of Lectures at the Uni-

- versity of Bremen. April–July 2000. Hg. T. Stolz. (= Bochum-Essener Beiträge Bd. 30.) Bochum, 2001, S. 211–242.
- Welsch 1995 — W. Welsch. *Transkulturalität. Zur veränderten Verfasstheit heutiger Kulturen*. Zeitschrift für Kulturaustausch, 1995, 45/1, S. 39–44.
- Zimmer 2001 — S. Zimmer. *Linguistisches zur Zukunft der «Kleinen Sprachen» in Europa*. Europäische Kleinsprachen. Zu Lage und Status der kleinen Sprachen an der Schwelle zum dritten Jahrtausend. Hg. H.P. Kelz, R. Simek, S. Zimmer. Baden-Baden, 2001, S. 11–21.

UNVERÖFFENTLICHTE
MAGISTER-, LEHRAMTS- UND BACHELORARBEITEN

- Beger 2010 — M. Beger. *Deutsche Einflüsse im deutsch-russischen Russisch*. Dresden, 2010.
- Dobbelt 2009 — A. Dobbelt. *Jüngere Sprachentwicklung des Russischen. Dargestellt an der in Deutschland aktuellen russischen Werbung*. Dresden, 2009.
- Gerdowa 2006 — E. Gerdowa. *Languages in contact: English and German Interference with Russian in Non-Russian Language Environment*. Dresden, 2006.
- Hilgenberg 2007 — C. Hilgenberg. *Sprache der russischen Diaspora in Deutschland*. Dresden, 2007.
- Zlatanova 2010 — D. Zlatanova. *Deutsch und Bulgarisch im Kontakt. Deutsche Einflüsse in der Rede Bulgarischsprachiger in Dresden*. Dresden, 2010.
- БДК 1963а [1883/ 1884] — И.А. Бодуэн де Куртенэ. *Обозрение славянского языкового мира в связи с другими ариоевропейскими (индогерманскими) языками (перевод с немецкого)*. С.Г. Бархударов (отв. ред.). Избранные труды по общему языкознанию. Москва, 1963, с. 127–138.
- БДК 1963б [1900/ 1901] — И.А. Бодуэн де Куртенэ. *О смешанном характере всех языков* (вступительная лекция, С.-Петербургский университет, 21-е сентября 1900 г.). С.Г. Бархударов (отв. ред.). Избранные труды по общему языкознанию. Москва, 1963, с. 362–372.
- Виноградов 1963 — В.В. Виноградов. *И.А. Бодуэн де Куртенэ*. С.Г. Бархударов (отв. ред.). И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Москва, 1963, с. 6–20.
- Гловинская 2001 — М.Я. Головинская. *Общие процессы в языке метрополии и эмиграции. Язык русского зрубежья. Общие процессы и речевые портреты*. Отв. ред. Е.А. Земская. Москва — Wien: Языки Славянской Культуры/ Wiener Slawistischer Almanach, 2001, с. 341–483.
- Дуличенко 1981 — А.Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Таллин, 1981.

- Дуличенко 2000 — А.Д. Дуличенко. *Славянские микроязыки в Европе на пороге XXI века. Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Ein internationales Handbuch.* Bd. 2. Hrsg. L. Zybatow. Frankfurt am Main u.a., 2000, S. 843–852.
- Дуличенко 2008а — А.Д. Дуличенко. *Статус и проблемы развития славянских микроязыков в контексте современной Микрославии. Slavica Tartuensis VIII: Славянское языкознание: покидая XX век. К XIV международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008).* Ред. А.Д. Дуличенко. Тарту, 2008, с. 63–95.
- Дуличенко 2008б. — А.Д. Дуличенко (ред.). *Slavica Tartuensis VIII: Славянское языкознание: покидая XX век. К XIV международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008).* Тарту, 2008
- Дуличенко, Густавссон 2006 — А.Д. Дуличенко, С. Густавссон (ред.). *Slavica Tartuensis VII: Славянские литературные микроязыки и языковые контакты.* Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту, 15–17 сентября 2005 г. Тарту, 2006.
- Жданова 2006 — В. Жданова. *Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней. Русские и «русскость».* Лингво-культурологические этюды. Ред. В.В. Красных. Москва, 2006, с. 5–178.
- Земская 2001 — Е.А. Земская (отв. ред.). *Язык русского зрубежья. Общие процессы и речевые портреты.* Москва — Wien: Языки Славянской Культуры/ Wiener Slawistischer Almanach, 2001.
- МЯИ 2006 — *Микроязыки — Языки — Интеръязыки. Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко.* Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Тарту, 2006.
- Менг, Протасова 2002 — К. Менг, Е.Ю. Протасова. *Языковая интеграция российских немцев в Германии.* Известия РАН: Серия литературы и языка. Т. 61, Москва, 2002, № 6, с. 29–40.
- Норман 2006 — Б.Ю. Норман. *Игра на гранях языка.* Москва, 2006.
- Протасова 2004 — Е.Ю. Протасова. *Феннароссы: жизнь и употребление языка.* С.-Петербург, 2004.
- Шиндлер 2001 — Н. Шиндлер. *О русском языке трех волн эмиграции. Jelitte.* H. Horkavtschuk, M. (Hg.), Frankfurt am Main u.a., 2001, S. 343–357.
- Щерба 1974 [1936] — Л.В. Щерба. *О понятии смешения языков. Языковая система и речевая деятельность.* Ленинград, 1974, с. 60–74.

H. Kuße. Jan Baudouin de Courtenay ja keele korrelatiivkirjeldus

Artikkel on pühendatud Jan Baudouin de Courtenayle kui keele korrelatiivkirjelduse eelkäijale. Keele korrelatiivkirjelduse all peetakse silmas konkreetse keele või keelte arengu ja oleku sise- ja välispõhjuste, sh sotsiaalsete ning ajalooliste põhjuste lahtiseletamist. Korrelatiivse lähenemise abil näidatakse keelesegunemise ja kultuurihübridiseerumise rolli olulisust keelte arenemisel. Näitena kirjeldatakse tänapäeva saksa ja vene keelte segunemist Saksamaa venekeelsel elanikkonnal. Oletatakse, et see «saksa-vene keel» muutub omamoodi luuleliseks mikrokeeleks.

Дамина Дисингалеевна Шайбакова

**Казахский университет международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана, г. Алма-Ата**

ВАРИАТИВНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ВАРИАНТЫ ЯЗЫКА

Вариативность – эндогенная, экзогенная – синергетика – асистемные элементы – энтропия нормы – поведение системы – влияние среды – корректировка картины мира

Вариативность может быть эндогенной, внутри системы, и экзогенной, связанной с влиянием других языков. При взаимодействии языков происходит смешение разносистемных элементов, их приспособляемость к новой среде является взаимонаправленной. Исследование стабилизации процессов приспособления к новым условиям возможно с применением синергетического подхода.

Еще в 1995 г. акад. Р.Г. Пиотровский сказал, что проблема синергетики языка и речи станет одной из центральных проблем языкоznания XXI в. (Пиотровский 1995, 418). Слово *синергетика* происходит от греч. *sinergija* ‘совместная деятельность, общая энергия что-то сделать’. В синергетическом аспекте исследуются системы, состоящие из большого числа элементов. При взаимодействии эти элементы порождают новые свойства.

Синергетическое описание начинается с уже известного состояния системы со всеми заданными величинами управляющего параметра. Когда меняются управляющие параметры, система может стать неустойчивой. В ней появляются новые структуры, модели поведения. Синергетика

«объясняет результаты взаимодействия в открытых неравновесных системах таких противоположных тенденций, как неустойчивость и стабильность, беспорядок и порядок, дезорганизация и организация, случайность и необходимость» (Базылев 2007, 114).

Поведение системы зависит от условий среды. Среда влияет на изменения системы, но залогом стабильности является то условие,

что обязательно существуют параметры порядка, устойчивости. Они задаются инвариантом и подчиняют себе поведение составных частей системы. Параметры порядка основаны на общих закономерностях и ограничивают и регулируют процессы адаптации. Если говорить о языке, то в качестве примера параметра порядка можно использовать грамматические категории — высшую степень абстракции, которые организуют все элементы системы. Достаточно привести в качестве примера категории рода, числа, времени. Так, категория времени в английском языке определяет морфемику, морфонологию, синтаксис.

На параметры порядка влияют отдельные части системы, и отрывающиеся от системы элементы становятся переменными величинами, влияющими на константы. Система, стремясь к упорядочению, пытается подчинить и их общим закономерностям. Поясним это на примере одной грамматической категории русского языка. Напр., категория рода русской грамматической системы относится к параметрам порядка. Значение рода организует синтаксис фразы: *Та молодая женщина, которая зашла к врачу, не стояла в очереди*. Значение женского рода здесь выражено пять раз. В русской грамматической системе все существительные получают значение рода. А в категории одушевленных существительных образуются родовые пары. И это тоже параметр порядка. Однако нет оппозиции по роду для довольно большого числа одушевленных существительных, ср.: *мужчина – женщина; спортсмен – спортсменка; студент – студентка; актер – актриса*, но только *врач, профессор, кассир, няня* и т.п. Когда же грамматические закономерности требуют указания на род, говорящий вынужден решать эту задачу, и тогда появляются аномальные сочетания, вроде *врач пришла, кассир отсчитала сдачу*. Возникает циклическая причинность: алогизм проявляется в том, что профессия, которой сейчас занимаются и мужчины, и женщины, не получает в своей номинации оппозиционного обозначения, но в синтаксике система принуждает подчинить своим закономерностям эти асистемные элементы.

Как только устанавливаются параметры порядка, можно сделать заключение о поведении отдельных частей. В данном случае это заключение о возможностях синтаксического согласования по роду в структуре фразы или словосочетания. Растет степень свободы системы. Происходит расшатывание нормы, ее энтропия. И уже может

быть ненормативное, просторечное *кассирица, врачиха, косметичка*. Но даже при такой свободе применения асистемных элементов есть жесткие ограничения. Так, в просторечии может быть *профессорша*, но все-таки нет **академичка* или **академиха*. Проблему позволяет решить синтаксика. Появляются сочетания типа *усатый нянь*. Иногда они проникают в узус и тогда перестраиваются оппозиции или появляются новые, вроде *доярка – дояр*. Параметры порядка, допускающие отсутствие оппозиции для ряда названий лиц по профессии, перестают управлять некоторой группой имен, но они встраиваются в систему по другому параметру, напр., синтактическому.

В русском языке последнего времени активизируются безличные конструкции: *принято считать, подчеркивается, что...* В научном дискурсе, напр., в жанре доклада, употребляется местоимение *не я, а мы*. Употребляются обороты *мы считаем, наши наблюдения показывают*. Это объясняется влиянием культуры: принятие на себя ответственности за то, что говоришь, или нет, соображения политкорректности, осторожность. Появившиеся сочетания стали устойчивыми единицами дискурса.

С позиций синергетики объясняется порождение новых смыслов. Если брать систему лиц, социальную систему, то в ней могут быть люди, относящиеся к разным этническим, возрастным, гендерным, профессиональным, языковым и т.п. группам, группам, характеризующимся по физическим признакам. В их картине мира формируются свои концепты, обусловленные жизненным опытом, способом существования. Индивидуальными частями их когнитивной системы будут ментальные и языковые концепты.

В ментальной системе каждого индивида выстраиваются понятийные парадигмы, которые и являются основой для познания. Так, я знаю, что означает слово *изжога*, но как реальное явление со всеми дифференцирующими признаками я это явление не знаю, потому что никогда не ощущала изжогу. Мое представление о ней может быть далеким от реального, объективного понятия — поскольку само ее познание возможно лишь через физическое ощущение. В моей когнитивной системе не выстраивается ряд, в который я могла бы включить изжогу на основании ассоциаций, сходства ощущений. Но совсем иным будет представление о ней у лиц, страдающих изжогой. Еще более ясным является представление медиков об этом симптоме, для которого они находят причинно-следственные связи

и которые включают этот феномен в другой понятийный ряд — напр., это может быть связано с характеристикой кислотности желудочного сока.

Иначе говоря, в понятийной системе индивида парадигмы смыслов будут различаться, что обусловлено внешними обстоятельствами, влиянием опыта. Можно привести массу примеров, когда специфическая интерпретация служит целям манипулирования общественным сознанием, и тогда как за спасительную соломинку социум хватается за новую интерпретацию, она утверждается в узусе. Такого рода манипуляции происходят со словами с размытой семантикой: *демократия, патриотизм, национализм, нация, свобода*. Так, в казахстанском политическом дискурсе слово *нация* стало частотным, а само понятие, обозначаемое данным словом, — предметом оживленной дискуссии в связи с предложением «Ассамблеи народов Казахстана» принять «Доктрину национального единства». Нация отождествляется с понятием «народы Казахстана». Противоположное мнение связывает это понятие с народом Казахстана. Грамматические нюансы — ед. — мн. ч. существительного (*народы — народ*) — меняют смысл концепта. Хаос, путаница понятий в результате дискуссии приведут к порядку, единому пониманию этого феномена.

Индивидуальная импровизация может приниматься обществом, языковым коллективом, отдельными слоями населения. Так, на рубеже веков слово *оптимизация* в значении ‘приведение в порядок’ стало частотным. Чиновники говорили об оптимизации, когда закрывали школы, детские сады, больницы. Так появилось новое значение ‘какое?’ и употребление данного слова, которые уже никого не удивляют, как это было поначалу.

Примером экзогенной вариативности языка, обусловленной социальной дифференциацией, служит жаргон. Его порождает социально-групповое единство. Жаргон презентирует своеобразные концепты. Напр.: *юзать* — это не то же самое, что ‘пользоваться компьютером’. В литературно-нормативном *пользоваться компьютером* означает ‘решать какие-то задачи с помощью компьютера’. Но *юзать* не предполагает столь серьезного отношения к этому действию. *Хабар* (казах. *хабар* ‘новость’) в контексте *хабар идет* не тождественно казахскому слову *хабар*. Слово в русскоязычном контексте употребляется в значении ‘слухи’ и входит в сочетание с глаголом *идти* по аналогии с устойчивым нормативным сочетанием

слухи идут. Приведенные примеры являются случай широкой диффузии семантики иноязычного слова.

Экстремальным проявлением социальной дифференциации выступают так наз. мужские и женские языки, напр., у племени караибов. В сосуществовании этих языков отмечаются и центростремительные тенденции (иначе невозможно будет взаимопонимание) — они формируют общее ядро — и центробежные, направленные к мужчине и к женщине. Порядок и хаос должны привести к коммуникативному равновесию, без чего не может быть понимания.

Параметрами порядка в культуре выступают константы национальной концептосферы. Переменными величинами являются те элементы, судьба которых зависит от обстоятельств. Напр., светское и религиозное, национальное и интернациональное, процедурное, ритуальное и не являющееся таковыми. Являясь открытой, система просеивает их: отбирает одно и отвергает другое. Возможность селекции — это условие самореализации системы.

Итак, ключевым понятием синергетики является понятие самоорганизации. В сложных системах определяются закономерности упорядочения, образования новых оппозиций, которые следует рассматривать как проявление системных отношений. Возникает вопрос: есть ли общие принципы, управляющие поведением сложных систем, когда в них происходят качественные изменения? Это основной вопрос синергетики (Борбелько 2007).

Положения лингвосинергетики применимы к интерпретации проблемы вариативности в языке и вариантности языка. Под вариативностью в языке мы понимаем сосуществование вариантов единиц и смыслов. Она рассмотрена выше. Вариантность языка связана с дистанцированием от инварианта — стандартного языка. Варианты языка могут быть структурными, когда различия отмечаются на всех уровнях системы языка, и функциональными, когда отмечается дифференциация в употреблении языка, в pragmatике речи.

Приведенные положения дают основание обратиться к проблеме поведения системы в чуждых для нее условиях. Так, некий язык, функционирующий в условиях иноэтнической, инокультурной среды, должен приспосабливаться к ней. Неизбежным становится включение новых элементов в систему. Казахстанский русский язык не претерпел по понятным причинам существенных структурных преобразований. Однако нельзя утверждать, что в казахстанском вари-

анте русского языка вовсе не происходит системных изменений, так как иноязычное влияние перестраивает парадигматические и синтагматические отношения в системе. Так, расширяются синонимические ряды (парадигмы) за счет средств контактирующего языка, напр.: *аким* – *мэр*, *мажислис* – *парламент*. В армии существуют обращения к офицерам *мырза* – *господин*. Существование разных единиц иллюстрирует следующий текст:

«Серик... был задержан актюбинскими чекистами... Каэнбэшники обвиняют его по 307 статье... В актюбинском КНБ ... от комментариев воздержались» («Диапазон», 16.08.2007). Выделенные единицы *чекисты* – *каэнбэшники* – КНБ (Комитет национальной безопасности) представляют один и тот же денотат.

Символы общей многонациональной казахстанской культуры формируются на базе казахских лексем. Главным символом Казахстана является *шанырак* — верхняя часть юрты. *Шанырак* — это символ домашнего очага. Но в связи с последними событиями, когда было принято решение о сносе незаконных строений в микрорайоне г. Алма-Ата «Шанырак», а жители оказали упорное сопротивление, *шанырак* выступает как символ борьбы, ассоциируется с простым народом. Для понимания таких символов необходимы фоновые знания. Ср.:

«Люди на примере Шанырака ощутили свою силу»; «можно сказать, что начинается шаныракизация общества»; «шаныракцы не только отстояли свой кров, но и своей борьбой повлияли на характер и форму социальных протестов» («Свобода слова»).

Самоорганизация системы происходит по тем же правилам: аккумулируется то, что подчиняется закономерностям системы. В лексической системе накапливаются иноязычные слова, обозначающие реалии новой среды. Здесь реализуются универсальные принципы комплементарности, функциональной дополнительности. Далее система управляет их поведением. Так, иноязычные существительные, попадая в систему русского языка, приобретают грамматическую категорию рода. Но поначалу наблюдается существование устойчивых и переменных элементов. К примеру, на уровне морфологии отмечаются колебания в роде существительного *тенге* (название национальной валюты Казахстана) в русской речи. Фонетические закономерности оказываются причиной неполного соответствия произ-

ношения заимствованных слов нормам языка-донора. Именно это объясняет написание и произношение таких казахских слов, как *джайляу*, *Джезказган*, *Джетысу* в русской речи (в казахской — *жайляу*, *Жезказган*, *Жетысу*). Но в последнее время их произношение меняется в соответствии с нормами языка-донора. На уровне словообразования следует отметить существование слов *астанинцы*, *астанчане*, *астанайцы* — для названия жителей столицы Казахстана г. Астаны. В перспективе должна произойти кодификация этих случаев. В синергетических исследованиях отмечается, что длительное время идут процессы роста одних параметров и угасание других. Заимствованные единицы активно вступают в словообразовательные связи. Вследствие этого пополняется система регионального варианта русского языка обязательными, безальтернативными компонентами. Примером могут служить обозначения государственных (*аким* — *акимат*), конфессиональных (*муфтий* — *муфтият*) институтов, должностей (*мажилис* ‘парламент’ — *мажилисмен*), обрядов, праздников. Заимствуются имена родства (*бажа* ‘муж сестры жены’).

Применяемый в социологии термин «устойчивое развитие» должен быть отнесен и к языку. И он направляет внимание к прогнозированию. Насколько подвержен русский язык в Казахстане влиянию казахского языка? Сейчас, когда еще не сформировался русско-казахский билингвизм, а по-прежнему остается лишь казахско-русский, изменения почти незаметны. Сказанное характеризует внутреннюю систему языка. Для языковой системы фундаментальным, организующим является принцип оппозиций. Если система приспосабливает какие-то элементы, то намечается движение от хаоса к порядку. Иначе говоря, неравновесность служит источником организации и порядка. Это касается не только структурных единиц, но и идеальных сущностей, напр., смысла. Ведь жизнь языка — в его употреблении в различных ситуациях общения. Этот аспект неразрывно связан с культурой среды. Напр., тенгрианство повлияло на мировосприятие казахов. Оно организует казахскую культуру. Это отношение к природе, животным, к дому, к взаимоотношениям людей, что находит отражение в формировании смыслов. Чужой язык и чужая культура в состоянии взаимодействия могут в разной степени отражать эти смыслы. Самопорождение смысла — возникновение нового качества смысла. Единственным стимулом этого следует

считать изменение среды. Так, степь и горы — это не только ландшафт, не только известное благодаря казахстанскому поэту Олжасу Сулейменову противопоставление («Возвысить степь, не унижая горы»). Это оппозиция, понятная жителям Казахстана, так как понятия символизируют новую и старую столицы — Астану и Алма-Ату. Но *степняк* и *горец* никак не связаны с данной оппозицией. В российском дискурсе *степняк* — это не россиянин, проживающий в степи, это азиат. И *горец* — это не житель Алма-Аты, а кавказец. Порядок одной системы вовсе необязателен для другой.

Русские слова используются как символы, если обозначение какого-либо предмета, феномена имеется в русском языке. В качестве этнолингвистического материала часто привлекаются названия животных. Приведем один пример. *Коза* воспринимается казахами как упрямое животное, поведение которого непредсказуемо. Считается, что у нее нет прародителей: «кто пасет меня, того я и скотина». Коза может не реагировать на действия других субъектов, не проявляет почтения к другим. Поэтому, когда банальное и обидное обозначение женщины за рулем автомобиля именем *коза* ничего не говорит представителям других культур, в языковом сознании казахстанцев ассоциируется с архетипом казахской этнической культуры. Считается, что действия женщины-водителя продиктованы только соображениями собственного удобства. При этом она не очень-то обращает внимание на других участников дорожного движения. Таким образом, метафора *коза* становится негативным символом непредсказуемого поведения на дороге женщины-водителя. Неравновесность констатируется потому, что не используется в подобном значении оппозит со значением мужчины за рулем (*козел*). Слово *козел* как инвектива в характеристике мужчины, конечно, частотно, но это не рассматривается однозначно как поведение на дороге. Прогноз по поводу того, что появится элемент оппозиции (обозначение мужчины) к дискурсивному элементу *коза* в значении ‘женщина за рулем’, ненадежен. Потому что дискурс как структура, тесно сопряженная с культурой, — это диссипативная, рассеянная структура (Зинченко и др. 2007).

В функциональном варианте языка специфика проявляется в употреблении. Асимметрия между социумом и языком порождает процесс расшатывания нормы. Это может быть потребность в номинации, в дискретном или цельном представлении объекта. Происходит

корректировка коммуникативного поведения, отражающаяся в селекции языковых средств, отношении к своему и чужому. Действие фатической функции является стимулом принятия чужого на иноэтнической территории. Личностная импровизация может приниматься, может отвергаться. Если она принимается, то корректируется картина мира.

Выводы:

1. Неустойчивые элементы, возникающие по необходимости или создаваемые искусственно, служат причиной качественных изменений в системе языка, создают эндогенную вариативность языка.
2. Асистемные элементы должны быть включены в систему, в процесс функционирования языка, прагматику коммуникации. Это корректирует систему и употребление языка.
3. Движение от хаоса к порядку прослеживается в возникающих побочных процессах, которые вначале незаметны, но потом выходят на первый план.
4. Единственным способом существования языка является направленное и согласованное взаимодействие со средой — коэволюция.
5. Аккумуляция дифференцирующих признаков под влиянием иных языковых систем ведет к накоплению отличий, создает эндогенную вариативность языка, увеличивает дистанцию между данным идиомом и стандартным языком. Это приводит к формированию варианта языка. Если изменения происходят в системе, то формируется структурный вариант языка. Изменения в употреблении языка под влиянием чужого языка и чужой культуры, не перестраивающие значительно систему, все ее ярусы, способствуют созданию функционального варианта языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Базылев 2007 — В.Н. Базылев. *Общее языкознание. Учебное пособие*. Москва, 2007.
- Борботько 2007 — В.Г. Борботько. *Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике*. Москва, 2007.
- Зинченко и др. 2007 — В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. *Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме*. Москва, 2007.

Пиотровский 1995 — Р.Г. Пиотровский. *Теоретические и прикладные проблемы языкоznания на рубеже XX в.* Лингвистика на исходе XX в.: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Ч. 2. Москва, 1995, с. 417–419.

D. Shaibakova. Varieerumine keeles ja keelevariandid

Lingvosünergeetika sätteid rakendatakse keelevarieerumise ja keelevariantide probleemi käsitlemisel. Keele variandid on seotud distantseerumisega invariantist (keelenormist). Keelevariandid võivad olla struktuarsed kui erinevusi leidub kõigil keelesüsteemi tasemetel ning funktsionaalsed kui diferentseeritus esineb keelekasutuses, kõnepragmaatikas.

Jiří Zeman
Univerzita Hradec Králové

JAZYKY V KONTAKTU – TRANSFONEMIZACE

Sociolinguistika – jazykový kontakt – proprium – transfonemizace

0. Mezikulturní komunikace a změny jejího charakteru patří stále mezi aktuální téma. Výzkum mezikulturního kontaktu a jeho důležitých sfér je složitý proces interdisciplinární povahy. Tento fakt se odráží v metodologii výzkumu celého fenoménu, např. ve využívání konceptu modelu světa, v areálových studiích aj. Speciální místo v tomto výzkumu zaujímá lingvistika, protože jazyk je jedním ze systémů, ve kterém kulturní statky nebo jejich dílčí složky vznikají, a navíc právě jazykem lze o kultuře určité sociální skupiny komunikovat. Zvláštním druhem kulturního kontaktu je jazykový kontakt, který zkoumá hlavně sociolinguistika.

Příspěvek vychází z takových komunikačních situací, v nichž mluvčí určitého jazyka L2 odkazuje ve svém mluveném ~ psaném projevu na jev z odlišného kulturního prostředí, v němž je komunikačním prostředkem jiný jazyk L1. Jevem z jiného kulturního prostředí budou v dalším textu osobní jména (OJ). Příspěvek se soustředí na adaptaci OJ ve zvukové rovině, tj. na **transfonemizaci** (*transfonologizaci*), jíž se rozumí nahrazení fonetických a fonologických prvků východiskového jazyka L1 elementy cílového jazyka L2.

1. Výslovnost OJ představuje v každém jazyce specifický problém, protože základní pravidla, která se uplatňují v ortoepii apelativ, při jejich výslovnosti nemusí fungovat. Modifikace ortoepie OJ se týká jak segmentální, tak i suprasegmentální roviny. I mluvčí se základními znalostmi fonetického a fonologického systému konkrétního jazyka může mít problémy s výslovností OJ a jejich fungováním v příslušném kulturním prostředí (viz 3.3.2).

Chybá výslovnost OJ při identifikaci osoby může vést v nepřímé komunikaci k nesrozumitelnosti a komunikačním bariérám¹, v přímé komunikaci může negativně ovlivnit mezilidské vztahy (porušení zdvořilosti, urážka aj.). V češtině je výsledek transfonemizace důležitý proto, že

ovlivňuje začlenění OJ do gramatického systému, tj. *transmorfologizaci*, *transmorfemizaci* a *transderivaci* (viz Zeman 2008, 245–250): skloňování OJ se v češtině řídí «především podle jejich podoby zvukové» (MČ 2 1986, 350).

2. Začleňování cizích OJ do mluveného ~ psaného projevu v jazyce L2 je složitý mnohostranný proces. Nejčastěji — např. v gramatikách, slovnících, učebnicích aj. — bývá popisován jako ***translexikalizace***, při níž dochází k integraci cizí lexikální jednotky (tj. slova východiskového jazyka L1) do cílového jazyka L2 a k systémové adaptaci na jednotlivých jazykových rovinách. OJ je přitom považováno — obdobně jako apelativum — za lexikální jednotku, nepřihlíží se však k jeho nositeli.

2.1 U *propria* — obdobně jako u apelativa — můžeme vymezit dvě základní složky: významovou a výrazovou. Z hlediska výrazové roviny jazyka má *proprium* dvě základní komunikační formy — psanou a mluvenou (zvukovou).

OJ má v systému jazyka, z něhož je přejímáno (L1), grafickou formu (G) a zvukovou formu (Z). Přijme-li toto OJ jiný jazyk (cílový jazyk L2), pak i v něm bude mít formu grafickou (G) a zvukovou (Z). Schematicky lze jednotlivé vztahy znázornit takto²:

Na výslednou formu ZL2, o kterou zde jde především, má vliv vztah výslovnosti a grafiky ve východiskovém jazyce L1 (tj. vztah ZL1 ↔ GL1), týž vztah v cílovém jazyce L2 (tj. vztah ZL2 ↔ GL2) a vztahy mezi různými soustavami grafiky (tj. vztah GL1 ↔ GL2)³ a výslovnosti (tj. vztah ZL1 ↔ ZL2) východiskového a cílového jazyka. Proto se při popisech výslovnosti cizích slov uvažuje především o ortoepii a ortografii obou jazyků na pozadí jejich fonetických a fonologických systémů.

2.2 Čeština, která je v našem příspěvku cílovým jazykem (tj. L2 = č), má s přebíráním cizích slov bohaté zkušenosti. Při popisu tohoto procesu česká lingvistika vychází důsledně z konceptu tří stylů a vymezuje tři stupně adaptace:

2.2.1 ***nulová***: ponechává v cílovém jazyce původní formu OJ shodnou s východiskovým jazykem. Výsledkem je citátová výslovnost nebo její imitace jako důsledek přepínání kódů mluvčím.

VSC 1978 tuto výslovnost považuje za přiměřenou v odborném stylu, jinak ji hodnotí jako přehnanou a afektovanou (VSC 1978, 59). V praxi je

však situace poněkud odlišná: tuto výslovnost nacházíme i v publicistice, dokonce i v uměleckém stylu (např. v rozhlasových hrách). Zdá se, že podmínkou pro «adekvátní a přiměřené» hodnocení této výslovnosti je naprostá totožnost ZL1 a Zč. Pokud tomu tak není, tj. pokud je součástí Zč koncovka nebo přípona, pak se citátová výslovnost uplatňuje řidce.

2.2.2 **částečná**: nahrazuje dílčí prvky východiskové formy OJ elementy z cílového jazyka; výsledkem je počeštěná výslovnost.

2.2.2.1 U samohláskového systému dochází nejčastěji k těmto adaptacím:

- (a) přední labializované samohlásky (např. [ö], [ü]) se nahrazují nelabializovanými vokály ([e], [i]): *Höger* [högr] – [hégr];
- (b) nosovky (např. [ö], [ě]) se nahrazují spojením příslušného vokálu a souhlásky [n]: *Conchon* [kõšõ] – [konšõn];
- (c) česká výslovnost nelíší otevřenosť/zavřenosť samohlásek východiskového jazyka;
- (d) neutrální [ə] se nejčastěji nahrazuje samohláskou či hláskovým spojením shodným s grafikou: *Robert* [robət] – [robert].

2.2.2.2 U souhlásek dochází nejčastěji k těmto adaptacím:

- (a) aspirované souhlásky (např. [px], [tx], [kx]) se nahrazují neaspirovanými souhláskami ([p], [t], [k]): *Kurt* [kxurt] – [kurt];
- (b) zadopatrové [ŋ] se nahrazuje – ve shodě s grafikou – spojením [ŋg]/[ŋk]: *Browning* [brauniŋ] – [brauniŋk];
- (c) bilabiální [ü] se nahrazuje labiodentálním [v]: *Watt* [üat] – [vat].

2.2.3 **úplná**: zcela začleňuje OJ do systému cílového jazyka; výsledkem je česká výslovnost podle pravidelných vztahů zvukové a grafické formy v češtině (viz 3.8.1).

2.3 Stupeň adaptace OJ — obdobně jako u apelativ — je závislý především na strukturních rozdílech mezi východiskovým a cílovým jazykem. Podle shod či odlišností mezi fonologickými systémy angličtiny a češtiny může mít anglické *properum* *Robert* varianty s transfonemizací nulovou ([robət]), částečnou ([roubrt]) či úplnou ([robert]).

Systémová adaptace OJ je většinou dlouhotrvajícím procesem a je ovlivněna také vlivem kulturního kontaktu. Je předpokladem postupné integrace cizího OJ do cílového jazyka. Pokud při tomto procesu vznikají obtíže a překážky, fungují v cílovém jazyku speciální adaptační mechanismy, které je překonávají.

3. V praxi se u jednotlivých OJ všechny tři druhy výslovnosti nemusí realizovat (a také většinou nerealizují). Česká lingvistika věnovala nej-

větší pozornost druhému stupni adaptace zvukové formy OJ – *počeštěné výslovnosti*.

3.1 Slovníky i četné příručky formulují základní výslovnostní zásady, které lze shrnout do tří pravidel:

3.1.1 Při určování výslovnosti cizích slov se vychází z jejich zvukové formy ve východiskovém jazyce.

3.1.2 Ve výslovnosti cizích slov se využívají jen české hlásky. Cizí hlásky se nahrazují artikulačně nejbližšími českými hláskami (viz 2.2.2).

3.1.3 Přebírá se jen hlásková stavba cizího slova. Jiné jevy se přizpůsobují zákonitostem češtiny. Jde zejména o pravidla české fonotaktiky (specifické souhláskové skupiny, samohláskové/souhláskové zakončení slabik, asimilace znělosti, místa a způsobu artikulace, výslovnost geminát aj.) a prozodie (přízvuk na první slabice).

Počeštěná forma je ovlivněna i zvláštnostmi vztahu zvukové a grafické formy příslušných jazyků, např. samohláskové grafémy s čárkou a jejich výslovnost ve španělštině či portugalštině (označení přízvučné slabiky) a češtině (označení dlouhé samohlásky) (viz Robovská 2009–2010, 129–143). Výrazně se mohou projevit i další jazykové a extralingvální faktory (např. kulturní a dobový kontext).

3.2 Ačkoliv se uvedená pravidla (viz 2.2.2) mohou stát východiskem pro určení počeštěné zvukové formy OJ, neznamená to, že jejich striktním uplatněním dostaneme jednoznačnou podobu OJ. Stanovit příbuzné české hlásky k určité hlásce jazyka L1, jak uvádí pravidlo (b), nemusí být vždy snadné: např. anglická hláska *th* (*Smith [smiθ]*) a její počeštěná variantní výslovnost *[t]* (*[smít]*) nebo *[s]* (*[smis]*), jež ovlivňuje i variantní zařazení do skloňovacího systému — k tvrdému skloňování (2. pád *Smitha [smita]*) i měkkému skloňování (2. pád *Smitha [smise]*). Navíc výslovnost formy Zč není s ZL1 totožná, pouze z ní vychází (pravidlo (a)). Výsledná forma Zč tak může mít i několik variant⁴.

3.3 Hlavním důvodem, proč nelze tato pravidla zcela mechanicky uplatnit při stanovování výslovnosti OJ, je skutečnost, že OJ nejsou jen součástí systému cizích slov, ale tvoří zároveň součást specifického systému proprií: OJ tvoří v jazyce zvláštní skupinu cizích slov, která nepatří přímo k centru jazykového systému, ale spíše k jeho periferii, a cizí OJ vytvářejí periferii této periferie. Specifickost systému proprií je dána jejich funkcí a zvláštnostmi propiálního významu (srov. MČ 2 1986, 345–346). Důsledkem toho je řada odlišností mezi fungováním OJ a apelativ. Zřetelné je to především při sledování vztahu Gč ↔ Zč.

3.3.1 Přijme-li čeština cizí apelativum, pak je jeho grafická forma shodná s grafickou formou východiskového jazyka L1. Stává se, že vztah $GL1 \leftrightarrow ZL1$ neodráží vždy vztahy obvyklé pro vztah těchto dvou forem slova v češtině. Stupeň zdomácnění cizího apelativa se pak projevuje v pravopisu a to tak, že se grafická forma postupně přizpůsobí její odpovídající výslovnosti: pravopis se počeští (blíže viz VŠČ 2 1978, 32–35).

3.3.2 Také OJ mají ve východiskovém jazyce formu grafickou a zvukovou. Přijme-li čeština toto OJ, zůstane však grafická forma Gč totožná s grafickou formou GL1 a na rozdíl od apelativ se nepočešťuje. Zvuková forma Zč, která vznikla na základě zvukové formy ZL1, a odpovídající grafická forma OJ se u některých OJ od sebe liší. Forma, která se pak může počeštit a přizpůsobit formě druhé, je jedině forma zvuková. Toto «počeštění» však neznamená zároveň zdomácnění OJ v češtině.

Jistá výlučnost proprií se projevuje i tím, že vztah jejich grafické a zvukové formy nemusí vždy odrážet vztahy obou forem obvyklé pro apelativa téhož jazyka. Tak může jedné grafické formě propria odpovídat několik forem zvukových (např. anglicky *Raleigh* – [róli], [ráli] i [reli]), jindy jedné formě zvukové může odpovídat několik forem grafických (např. česky [švarc] – Švarc, Schwarz, Schwartz aj.). Navíc jedné grafické formě shodné pro několik jazyků mohou být přiřazeny v těchto jazyčích různé zvukové formy (např. *Bernstein* – anglicky [bə:nstajn], amer. [bə:rnstýn], německy [bernstajn], francouzsky [bernstén]).

3.4 Při sledování vztahu Zč \leftrightarrow Gč je pak potřebné lišit rozdíly mezi oběma formami v koncové a nekoncové pozici OJ. Pokud se rozdíly vyskytnou v nekoncové pozici, jde hlavně o problém ortoepický a ortografičký. Pokud se však rozdíl objeví v koncové pozici OJ, jde navíc o problém gramatický: OJ se v češtině jako flektivním jazyku zařazuje do gramatického systému, tj. skloňuje se, přibírá adjektivní a přechylovací přípony apod. Při velkém rozdílu mezi oběma formami se pak může OJ začlenit jinak do gramatického systému podle zvukové formy a jinak podle grafické formy. Gramatická zakončení (K) se pak mohou vzájemně vyrovnávat a výsledkem jsou dvojtvary, někdy charakteristické pouze pro určitou formu OJ (srov. 3.2): jde např. o anglická jména typu *Shelley* (2. pád *Shelleyho* [šeliho] vycházející ze zvukové formy i *Shelleye* [šelije] vycházející z grafické formy), anglická a francouzská OJ s němým koncovým -e (*Blake* [blejk] – 2. pád *Blacea* i *Blaka* [blejka]) apod. (srov. Zeman 1997, 81–86).

Schematicky je možné konkrétní vztahy vyjádřit graficky takto:

Výsledná zvuková forma Zč je pak ovlivněna vztahy ZL1 → Zč a Gč → Zč a dále zařazením OJ do gramatického systému češtiny.

3.5 Určit zvukovou formu ZL1 a vytvořit z ní zvukovou formu Zč je někdy pro českého mluvčího velmi nesnadné. Proto se objevují snahy odvodit Zč z formy Gč na základě pravidel specifických pro jednotlivé východiskové jazyky (tzv. «písmenková» výslovnost). VSČ 2 1978 taková pravidla již vypracovala: např. v maďarském OJ *Sütő*: *s* = [š], *ü* = [i], *ő* = [é] → [šíté]. A. Stich tuto výslovnost doporučuje připustit alespoň jako variantní pro jazyky z hlediska jazykové praxe «periferní» (Stich 1982, 86–101).

3.6 Zde je naznačen další faktor, který má vliv na stanovení formy Zč — východiskový jazyk. Tím může být pro OJ přejímaná čeština kteříkoli jazyk. Vliv na obecné zákonitosti české výslovnosti OJ mají především ty jazyky, s nimiž má čeština jako cílový jazyk nejživější kontakty, z nichž přebírá nejvíce OJ, popř. jejichž znalost je u uživatelů češtiny největší. S tím počítala i VSČ 2 1978: zatímco pro angličtinu, francouzštinu či němčinu jsou pravidla vypracována podrobně, poučení o výslovnosti např. islandských jmen je stručné.

3.7 Na přejímání OJ do češtiny však nelze pohlížet jen synchronně. V průběhu vývoje češtiny se totiž řada konkrétních zvukových forem již vytvořila⁵, a proto při vytváření pravidel výslovnosti OJ je nutné přihlédnout i k této tradici.

3.8 Lze zaznamenat rozdíly mezi počeštěním rodných jmen a příjmení.

3.8.1 Rodné jméno může být v českém textu (zvl. v beletrie) nahrazeno (substituováno) odpovídajícím českým ekvivalentem (např. *John* – *Jan*, *Fridrich* – *Bedřich*), zatímco u příjmení je tento jev řídký (uplatňuje se pouze v textech uměleckého stylu: *John Smith* – *Jan Kovář*).

3.8.2 Existují taková rodná jména, která mají stejnou (nebo velmi podobnou) grafickou formu v několika jazycích, z nichž jedním je právě čeština (*Alan*, *Artur*, *David*, *Edvard*, *Ernest*, *Robert*, *Samuel*, *Valter* apod.). Pak se vedle počeštěné zvukové formy užívá i česká forma bez ohledu na národnost nositele OJ: *Robert Browning* – [roubrt braunink] i [robert braunink]; *Robert Desnos* – [robér desno] i [robert desnos]. Příjmení zřetelněji identifikují národnost nositele a tato tendence u nich není.

3.9 Cizí OJ se dostávají do slovní zásoby češtiny především v souvislosti s konkrétními aktivitami jejich nositelů. Ti mohou být po určitou dobu v centru pozornosti zejména masmédií a jejich OJ se začleňují do mediální komunikační sítě. Jen malá část těchto jedinců zůstane v centru mediální pozornosti delší časové období: většina z nich po určité době z oblasti zájmu odchází a tím se přestane v mediální komunikační síti užívat i jejich OJ (srov. Zeman 1997, 81–86). Z hlediska užívání lze tedy OJ rozdělit na

3.9.1 **sezonní**, která se v masmédiích objeví na krátký čas (jednorázové užití).

3.9.2 **stálá**, která se v masmédiích ze současného pohledu objevují již desítky let a jejichž nositelé se začlení do českého kulturního kontextu (např. *Shelley, Verne*); právě jejich OJ se ve výslovnosti ustalují a stávají se vzorem pro výslovnost obdobných OJ.

3.10 V této souvislosti je důležité řešit problém, koho považovat za nositele ortoepické výslovnosti OJ. Rozhodující pro českou výslovnost cizích slov je podle VSC 2 (1978, 27) to, jak je slovo vyslovováno uživateli spisovného jazyka v mluvených spisovných projevech za předpokladu, že je toto slovo součástí jejich slovní zásoby (VSC 2 1978, 27). Tento princip však nelze mechanicky aplikovat na stanovování ortoepické výslovnosti OJ. Pro některé práce je zatím východiskem úzus hromadných sdělovačích prostředků.

4. Závěr: Výslovnost OJ musí být zkoumána nejen z hlediska výslovnosti a grafiky východiskových a cílových jazyků na pozadí jejich fonetických a fonologických systémů, ale je nezbytné přihlížet i k dalším faktorům, hlavně gramatickým, sociolinguistickým a psycholinguistickým, a využít nejnovějších poznatků o systému a fungování propíří.

POZNÁMKY

¹ Tak např. v anglosaské jazykové oblasti se příjmení českého hokejisty Jágra [jágr] vyslovuje [džegr], v románské oblasti příjmení fotbalisty Rosického [rosicki] ve formě [rosiki] apod. Ve zvukové formě [vaklavél] český příjemce jen stěží identifikuje OJ Václav Havel [václaf havel].

² V příspěvku jsou některé vztahy nutně zjednodušeny. Nebudeme zde např. uvažovat o situaci, kdy je výsledná zvuková forma ZL2 zprostředkována jiným jazykem L3. To však neznamená, že v konkrétních případech není nutné takové formy vzít v potaz.

- ³ Dále budeme uvažovat pouze o těch východiskových jazycích, které užívají grafický systém latinky. Stranou tedy zůstanou problémy spojené s transliterací grafických systémů.
- ⁴ Je nutné počítat s tím, že u některých OJ bude mít forma Zč i několik variant (k tomu viz i Sedláček 1984, 59–76). Pokud je však těchto variant mnoho, může to působit rušivě při porozumění textu. Např. zvuková forma příjmení anglického básníka *Wordswortha* má v počeštěné výslovnosti prokazatelně osm variant (pokud vezmeme v úvahu kolísání v kvantitě samohlásek, pak dokonce 32 variant). Příjemce nemusí pochopit, že formy [vórcvort] a [vertsverš] jsou dvě zvukové varianty odpovídající též grafické formě.
- ⁵ Jednou z hlavních výtek na adresu VSČ 2 1978 (srov. Stich 1982, 86–101) i příruček, které tato pravidla aplikovaly (např. Honzáková, Honzák, Romportl 1996; k tomu viz Sedláček 1982–1983, 85–88), je právě to, že jen málo přihlížely k tomu, jak se skutečná výslovnost OJ v české jazykové praxi ustálila.

LITERATURA

- Honzáková, Honzák, Romportl 1996 — M. Honzáková, F. Honzák, M. Romportl. *Čteme je správně? Slovníček výslovnosti cizích jmen*. Praha, 1996.
- MČ 2 1986 — *Mluvnice češtiny 2. Tvarosloví*. Praha, 1986.
- Robovská 2009–2010 — L. Robovská. *Výslovnost portugalských osobních jmen v češtině*. Češtinař. Hradec Králové, 2009–2010, roč. 20, s. 129–143.
- Sedláček 1982–1983 — M. Sedláček. *Čteme je správně? Český jazyk a literatura*. Praha, 1982–1983, roč. 33, s. 85–88.
- Sedláček 1984 — M. Sedláček. *Tvoření přídavných jmen přivlastňovacích od cizích příjmení*. Naše řeč. Praha, 1984, roč. 67, s. 59–76.
- Stich 1982 — A. Stich. *Výslovnostní kodifikace přejaté slovní zásoby*. Naše řeč. Praha, 1982, roč. 65, s. 86–101.
- VSČ 2 1978 — *Výslovnost spisovné češtiny. Výslovnost slov přejatých. Výslovnostní slovník*. Praha, 1978.
- Zeman 1997 — J. Zeman. *Problémy se skloňováním: Stanley cup 1993 aneb McSorley, Robitaille a ti druzí*. Naše řeč. Praha, 1997, roč. 80, s. 81–86.
- Zeman 2008 — J. Zeman. *Začleňování cizích osobních jmen do českého kulturního prostředí*. Český jazyk a literatura v evropském kulturním kontextu. Račice, 2008, s. 245–250.

J. Zeman. Keeled kontaktis – transfonemisatsioon

Artiklis vaadeldakse nn transfonemisatsiooni küsimusi, st laensõnade fonoloogilist vormistamist keevelis-kultuuriliste kontaktide puhul. Tsehhiki keele pärismõimed materjali näitel eraldab autor, kasutades süsteem-struktuurset lähenemist, null-, osa- ja täi transfonemisatsiooni ja pakub välja oma interpretatsiooni nime-tatud protsessile.

Ago Küppar
Тартуский университет

ПОД КАКИМ ЯЗЫКОВЫМ ВЛИЯНИЕМ ОБРАЗОВАЛСЯ РУССКИЙ ПАРТИТИВ НА -У?

Языковые контакты – типология – русский партитив на -у – финно-угорское воздействие

Орест Ткаченко пишет:

«<...> в русском языке, как и в ряде славянских языков, <...> возникла <...> дублетность окончания родительного падежа на -а и -у. В разных славянских языках эта дублетность была использована по-разному, но нигде, кроме русского языка, она не была применена <...> для передачи двух оттенков значения: если с окончанием -а в русском языке связано чисто генитивное значение (*цена чая*), то с окончанием -у <...> связывается семантический оттенок партитивности <...> (*стакан чаю*). Для передачи этих значений в прибалтийско-финских языках употребляется два специальных падежа, генитив и партитив <...> (ср. эст. *tee hind* ‘цена чая’ – *teed saama* ‘получить чаю’). <...> Наличие данной черты, чуждой остальным славянским языкам и в то же время свойственной части финно-угорских, можно с наибольшей вероятностью объяснить воздействием мерянского или прибалтийско-финского субстрата» (Ткаченко 2007, 190–191, ср. также: Ткаченко 1989, 81–82).

Мерянский является языком вымершим и реконструированным на основании сохранившихся его следов, причем не зафиксировано ни одного случая употребления мерянского партитива (Ткаченко 2007, 66–71). Поэтому здесь надежнее упоминать в качестве источника влияния прибалтийско-финский субстрат, считая при этом влияние мерянского субстрата предположительно возможным.

В качестве одной падежной формы прямого дополнения в мордовских языках применяется аблатив. Окончания мордовского аблатива *-do*, *-to*, *-de*, *-d'e*, *-te*, *-t'e*, *-da*, *-ta*, *-d'i*, *-du* (см.: Евсевьев 1963, 59–61; Мосин, Баюшкин 1979, 46), несомненно, являются этимологическими соответствиями прибалтийско-финского окончания партитива **-ta/-tä*, исходом которого был также аблатив (см., напр.:

Korhonen 1981, 215). Мордовский ablativ в качестве падежного окончания прямого дополнения употребляется обычно с глаголами *пить* и *есть*, напр., эрзянское *кельме ветьте симан* ‘я пью холодную воду’, *сывельде ярцан* ‘я ем мясо’ (Евсевьев 1963, 60; Мосин, Баюшкин 1979, 47–48). Ср. также фин. *kylmää vettä juon* ‘я пью холодную воду’. Имеется также указание Раи Бартенс на то, что мордовский ablativ употребляется и с рядом других глаголов, например, в литературном эрзянском *stak lopat’ned’e t’etradkazot* ‘вщей эти листы в свою тетрадь’. В большинстве случаев Бартенс обоснованно считает такие ablativные формы не падежными формами дополнения, а формами, указывающими на источник (Bartens 1996, 67–69). Подобные мордовские ablativные формы (см. также: Якубинская-Лемберг 2000, 50–51) можно лишь до определенной степени сравнить с прибалтийско-финскими партитивами, с которыми они частично совпадают. Но на образование русского партитива на *-у* мордовские языки через свои ablativные формы в некоторой степени все же могли повлиять.

В случае множественного прямого дополнения в удмуртских диалектах выступает суффикс *-ти/-ты*, напр., в якшурском диалекте: *mon ad’zi kionjosty* (*-jos-* является показателем мн. ч.) ‘я вижу волков’. Предложена этимологическая связь этого удмуртского суффикса с прибалтийско-финским окончанием партитива (Wickman 1955, 59). Среди регулярных удмуртских падежных окончаний только окончание транзитива *-ти* внешне напоминает суффикс *-ти/-ты* (см., напр.: Winkler 2001, 27). Думается, что происхождение последнего остается пока невыясненным.

В отрицательном предложении, в отличие от утвердительного, прямое дополнение как в русском, так и в прибалтийско-финских языках стоит в другом падеже: ср., напр., рус. *Он не принес чая* (генитив) – *Он принес чаю* (партитив) с их эстонскими соответствиями *Ta ei toonud teed* (партитив) – *Ta tõi tee* (генитив). Имеются попытки считать это явление влиянием прибалтийско-финских языков на русский (см., напр.: Künnap 2000, 64–65). Однако С. Г. Томасон и Т. Кауфман обоснованно считают это случайностью, поскольку указанная черта имеется и в других индоевропейских языках (Thomason, Kaufman 1988, 245).

Можно, следовательно, предположить, что русский партитив на *-у* образовался под влиянием не только прибалтийско-финских (и,

возможно, мерянского), но и в некоторой мере под воздействием мордовских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Евсевьев 1963 — М.Е. Евсевьев. *Избранные труды*. Том VI. *Основы мордовской грамматики*. Саранск, 1963.
- Мосин, Баюшкин 1979 — М.В. Мосин, Н.С. Баюшкин. *Эрзянский язык. Учебное пособие*. Саранск, 1979.
- Ткаченко 1989 — О.Б. Ткаченко. *Очерки теории языкового субстрата*. Киев, 1989.
- Ткаченко 2007 — О.Б. Ткаченко. *Исследования по мерянскому языку*. Кострома, 2007.
- Якубовская-Лемберг 2000 — Э.А. Якубовская-Лемберг. *К вопросу о выражении прямого дополнения в эрзя-мордовском языке*. Кафедра финно-угорской филологии 75 лет. Избранные труды. С.-Петербург, 2000, с. 48–56.
- Bartens 1996 — R. Bartens. *Über die Deklinationen im Mordwinischen*. Finnisch-Ugrische Forschungen 53, Helsinki, 1996, S. 1–113.
- Korhonen 1981 — M. Korhonen. *Johdatus lapin kielen historiaan*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 370. Helsinki, 1981.
- Künnap 2000 — A. Künnap. *Contact-induced Perspectives in Uralic Linguistics*. LINCOM Studies in Asian Linguistics 39. München, 2000.
- Thomason, Kaufman 1988 — S.G. Thomason, T. Kaufman. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley – Los Angeles – London, 1988.
- Wickman 1955 — B. Wickman. *The Form of the Object in the Uralic Languages*. Uppsala Universitets Årsskrift 1955, 6. Uppsala, 1955.
- Winkler 2001 — E. Winkler. *Udmurt*. LINCOM EUROPA. Languages of the World/ Materials, 212. München, 2001.

A.Künnap. Millise keelelise mõju tõttu moodustus vene keele *u*-partitiiv?

Вене кеэle *u*-partitiiv (*выпить чаю 'juua teed'*) on moodustunud ehk läänemeresooome, samuti mordva keelte mõjul. Artiklis vaadeldakse nimetatud keelte partitiivi mudeleid võrrelduna vene keelega. Samas näustub artikli autor sellega, et vene keele vaadeldav käändeline iseärasus võib olla indoeuroopa päritolu.

Tadeusz Lewaszkiewicz
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

TENDENCJE INTEGRACYJNE/ UNIFIKACYJNE I DEZINTEGRACYJNE W HISTORII JĘZYKÓW SŁOWIAŃSKICH

Słowiańskie języki literackie – starocerkiewnosłowiański język – integracyjne tendencje – tendencje dezintegracyjne – słowiańskie mikrojęzyki literackie

W artykule chciałbym ukazać obecność tendencji integracyjnych/ unifikacyjnych i dezintegracyjnych w kształtowaniu słowiańskich języków literackich, które objęły obie strefy kulturowe Słowian: Slavia Latina/ Romana (tj. strefę kultury katolickiej i od czasów Reformacji także protestanckiej/ rzymskiej — Polska, Łużyce, Czechy, Słowacja, Slovenia i Chorwacja) oraz Slavia Orthodoxa (strefę kultury prawosławnej/ greckiej/ bizantyjskiej — Rosja, Ukraina, Białoruś, Bułgaria, Serbia, Czarnogóra, Bośnia i Hercegowina). Tendencje integracyjne symbolizują dążenie do ściślejszej wspólnoty językowej i kulturowej wspomaganej m.in. przez czynniki religijne, tendencje dezintegracyjne zaś oznaczają dążenie do rozdrobnienia słowiańskiego świata językowego. W moich rozważaniach odwołuję się do dotychczasowych ustaleń historycznojęzykowych, kładąc nacisk na kwestię integracji i dezintegracji językowej (zob. Dąlewska-Greń 1997, 560–586; Lewaszkiewicz 1992, 133–138; Pianka 1997, 79–90; Siatkowska 2004, 111–140; Tolstoj 1988).

Jednym w dziejach wszystkich Słowian (tj. pierwszym i jednocośnie ostatnim) wspólnym/ogólnym językiem międzyludzkiego komunikowania się był język prasłowiański, występujący tylko w funkcji języka mówionego. Niemal pełna (zwłaszcza fonologiczno-gramatyczna) jednolitość językowa cechowała Prasłowian przynajmniej do przełomu VI–VII w., gdy zajmowali oni małe, a w okresie praojczynny Słowian jeszcze mniejsze terytorium. Później pojawiły się tendencje stopniowo naruszające prasłowiańską jedność językową — widać to szczególnie w obrębie fonetyki (np. wyniki III palatalizacji, *tl*, *dl>l*, przestawka spółgłosek płynnych), ale jeszcze w IX–X w. (tj. właściwie w okresie późnoprasłowiańskim) Słowianie — zajmujący już duże terytorium — wciąż jeszcze dobrze się rozumieli.

Dezintegrację językową Słowian pod koniec okresu prasłowiańskiego i po ostatecznym rozpadzie prasłowiańskiego pogłębiało kilka czynników: m.in. migracje Słowian i związane z tym zasiedlenie nowych obszarów, powstawanie państw słowiańskich, towarzyszące dialektom/ językom wewnętrzsystemowe tendencje do zmian językowych i kontakty z językami niesłowiańskimi (z łacińską, grecką, niemieckim, z językami bałtyckimi, z fińskim, albańskim, węgierskim, rumuńskim, dalmatyńskim, włoskim, tureckim itd.), które w pewnym stopniu przeobrażały systemy gramatyczne języków słowiańskich, ale przede wszystkim przyczyniały się do powstania dużych różnic między zasobami leksykalnymi poszczególnych języków słowiańskich. Pod koniec średniowiecza języki słowiańskie znacznie się już różniły.

W grupie słowiańskiej najstarszym językiem liturgicznym i później literackim był język starocerkiewnosłowiański (w skrócie: scs.), stworzony przez Cyryla i Metodego na podstawie dialekту macedońskich Słowian z okolic Sołunia/ Salonik. Do najstarszych tekstów przeniknęły też elementy językowe dialektów morawskich i panońskich. Język scs. z drugiej połowy IX w. — zwany także językiem pratarocerkiewnosłowiańskim — znamy tylko z odpisów z przełomu X-XI w. Te rękopisy zaliczamy do tekstów kanonicznych scs. Język scs. wcześnie stał się językiem literackim (tj. językiem piśmiennictwa nie tylko religijnego) Słowian w Bułgarii, Macedonii, Serbii oraz na Rusi. Prawie do XVII w. był językiem literackim w Rumunii, później używanym głównie w Cerkwi prawosławnej. Posługiwali się nim także wyznawcy prawosławia w Albanii.

Funkcjonując na ogromnym terytorium Słowiańskiego, scs. wchłaniał ludowe elementy fonetyczno-gramatyczne i leksykalne, tracąc stopniowo względną jednolitość. Wpływ różnych dialektów słowiańskich widać już w tekstach XI i XII w., np. w staroruskim *Ewangeliarzu Ostromira* (1056/1057) i w serbskim *Ewangeliarzu Miroslawa* (ok. 1180), dlatego też zabytków tych nie zalicza się do kanonu scs. Tego typu rękopisy z następnych stuleci włączamy do języka cerkiewnosłowiańskiego, lokalne zaś odmianki nazywamy redakcjami: bułgarską, macedońską, serbską, chorwacką, ruską. Czasem w publikacjach naukowych odpowiednie teksty tego rodzaju określa się również jako redakcje scs. Z redakcji ruskiej (z okresu Rusi Kijowskiej) wydzielają się później redakcje terytorialne: ukraińska, białoruska i rosyjska. Język religijny całej Cerkwi prawosławnej nosi nazwę cerkiewnosłowiański ruskiej (cerkiewnosłowiańskiego ruskiej redakcji), ponieważ kodyfikacja M. Smotryckiego z 1619 r. nawiązuje do wzorców małoruskich.

A zatem niedługo po rozpadzie języka prasłowiańskiego pojawia się i szybko poszerza obszar funkcjonowania wspólnego języka literackiego

części Słowian południowych i Słowian wschodnich. Pod wpływem prawosławia doszło zatem do integracji dużej części słowiańskiego świata językowego. Warto pamiętać też o tym, że istniała przynajmniej teoretyczna szansa upowszechnienia scs. w funkcji języka literackiego także wśród Słowian rzymskiej strefy kulturowej. W okresie od końca IX do przełomu X/XI w. scs. pełnił w ograniczonym stopniu funkcję języka literackiego w Czechach, skąd jednak został wyparty przez łacинę i później przez język czeski. Nie można wykluczyć, że scs. posługiwano się przez pewien czas w liturgii na Łużycach. Pod koniec IX w. misjonarze z Moraw ochrzczili prawdopodobnie księcia państwa Wiślan. Niektórzy badacze uważają, że obrządek słowiański mógł się utrzymać w południowej Małopolsce do XI w. Karierę scs. w Czechach, na Słowacji, na Łużycach, w Polsce, w Słowenii (*Zabytki z Freising* są być może związane z tradycją posługiwanego się scs.) powstrzymała prawdopodobnie schizma Kościoła wschodniego z 1054 r. Scs. traktowano od tego czasu jako atrybut prawosławia i symbol wrogości wobec katolicyzmu. Scs./cerkiewnosłowiański redakcji chorwackiej pełnił przez pewien czas funkcję języka literackiego w nadmorskiej części Chorwacji, gdzie w liturgii przetrwał śladowo do dzisiaj. Cerkiewszczyznę wyparła dynamicznie się rozwijająca od XIII w. czakawszczyzna, którą zastępował stopniowo od XVI w. język oparty na dialekcie sztokawskim (literatura dubrownicka). Nieco później pojawił się również trzeci regionalny język literacki — oparty na dialekcie kajkawskim, tj. mowie Zagrzebia i okolicy. Oddziaływanie różnego typu czynników dezintegracji językowej doprowadziło w Chorwacji do wielojęzyczności, tj. funkcjonowania w piśmiennictwie XVIII w. trzech języków: sztokawskiego, kajkawskiego oraz wycofującego się od połowy stulecia czakawskiego. Działalność ilirystów z L. Gajem na czele przyczyniła się do zwycięstwa idei integracji językowej Chorwatów, czego wyrazem było zdobycie dominującej pozycji przez język oparty na sztokawszczyźnie oraz zawarcie tzw. umowy wiedeńskiej (1850) z Serbami (zwolennikami reformy V. Karadžicia) w sprawie «wspólnego» języka Chorwatów i Serbów.

Choć język cerkiewnosłowiański nie był jednolity, to jego redakcji nie uznajemy za osobne języki, lecz za odmianki wspólnego języka Słowian prawosławnych. Kres jego funkcjonowania jako języka literackiego przypada — w zależności od terytorium — na okres od połowy XVIII do połowy XIX w. Później jest już (pod postacią cerkiewszczyzny ruskiej) wyłącznie językiem Cerkwi prawosławnej. Do sił napędowych rezygnacji z

języka/redakcji cerkiewnosłowiańskiego należały przynajmniej dwa czynniki: świadomość dużych różnic między językiem piśmiennictwa i językiem potocznym (zwłaszcza gwarami ludowymi) oraz postępujący od połowy XVIII w. wzrost świadomości narodowej wśród Słowian, określany jako słowiańskie odrodzenie narodowe i językowe. Wyrazem tego było odczuwanie potrzeby posiadania odrębnych narodowych języków literackich.

M. W. Łomonosow wyróżnił w swojej gramatyce (1757) trzy normy/ style języka rosyjskiego: styl wysoki — bliski językowi cerkiewnosłowiańskiemu, styl niski — bliski językowi potocznemu, styl średni — język o charakterze mieszanym, tj. oparty na mowie potocznej i licznych elementach cerkiewnosłowiańskich. Styl średni stał się w ciągu drugiej połowy XVIII i w pierwszych dziesięcioleciach XIX w. rosyjskim językiem literackim. W większym stopniu na mowie czysto ludowej oparły się pozostałe języki wschodniosłowiańskie: ukraiński (kształtujący się w XIX w.) oraz białoruski (formujący się od drugiej połowy XIX w., ale ukształtowany właściwie dopiero w okresie międzywojennym XX w.). Od połowy XVI do połowy XVIII w. z cerkiewszczyzną ukraińską konkurował «prosty» język ukraiński, tj. język ludowy z elementami cerkiewnosłowiańskimi i polskimi. Warto też wspomnieć, że na Ukrainie istniały w drugiej połowie XIX w. dwa typy języka literackiego: zachodnioukraiński (powstały w nim utwory m.in. Szaszkiewicza, Franki i Łesi Ukrainki) oraz wschodnioukraiński (oparty na dialekcie połtawsko-kijowskim). Ostatecznie doszło do integracji językowej na podstawie wschodniego wariantu języka literackiego, ponieważ wielu pisarzy (m.in. Franko) zaakceptowało połtawsko-kijowską normę językową.

Na obszarze Serbii najpierw funkcjonował scs., później redakcja serbska cerkiewnosłowiańskiego. W XVIII w. w użyciu były aż trzy języki: cerkiewnosłowiański ruskiej redakcji, slavenosrpski (język mieszany: zawierający elementy cerkiewnosłowiańskie redakcji serbskiej i ruskiej, elementy rosyjskie i serbskie), pod koniec XVIII w. ludowy język sztokawski z elementami cerkiewnymi (m.in. język D. Obradovicia). Reforma językowa Vuka — polegająca na przyjęciu za podstawę serbskiego języka literackiego sztokawskich gwar wschodniohercegowińskich — nie tylko zintegrowała językowo samych Serbów, ale również doprowadziła do integracji językowej Serbów i Chorwatów.

W XVIII w. podobną sytuację językową jak w Serbii można zaobserwować w Bułgarii. Konkurowały ze sobą dwa zasadnicze wzorce języka

literackiego: cerkiewnosłowiański ruskiej redakcji oraz język mieszany zawierający elementy cerkiewnosłowiańskiego redakcji bułgarskiej, serbskiej i ruskiej, elementy rosyjskie oraz ludowe elementy bułgarskie. Ten drugi typ języka funkcjonował w Bułgarii do połowy XIX w. W drugiej čwierci XIX w. ścierały się trzy szkoły językowe: cerkiewnosłowiańska, nowobułgarska oraz słowianobułgarska. Zwyciężyły w drugiej połowie XIX w. zwolennicy oparcia języka literackiego na mowie ludowej, tj. na dialektach wschodniobułgarskich i częściowo zachodniobułgarskich.

W Macedonii do połowy XIX w. dominowały różne odmiany cerkiewnosłowiańskiego, chociaż od początku XIX w. coraz częściej pisano ludowym językiem macedońskim z elementami cerkiewnosłowiańskimi. Od połowy XIX w. spierały się zwolennicy dwóch orientacji językowych: koncepcji wspólnego języka macedońsko-bułgarskiego oraz koncepcji stworzenia odrębnego języka macedońskiego na ludowej podstawie dialektałnej. Język macedoński skodyfikowano jednak dopiero po 1944 r., gdy powstała republika macedońska w ramach Jugosławii. Fakt polityczny stał się czynnikiem umożliwiającym kodyfikację nowego języka słowiańskiego na podstawie dialektów centralnomacedońskich, które jako podstawę języka literackiego wskazał K. Misirkow.

Rywalizację czynników integracyjnych i dezintegracyjnych w kształtowaniu języków literackich obserwujemy również w strefie kultury rzymskiej. O sytuacji językowej w Chorwacji była już mowa. Język słoweński ukształtował się w drugiej połowie XVI w. dzięki przekładowi biblijnym Trubara i Dalmatina na podstawie dialekту doleńskiego. Jednak w XVIII w. na słoweńskim obszarze dialektałnym funkcjonowało kilka regionalnych języków literackich. Dopiero w ciągu pierwszej połowy XIX w. udało się stworzyć wspólny język nowosłoweński dzięki społecznej akceptacji licznych modyfikacji jego podstawy dialektałnej.

W grupie języków zachodniosłowiańskich najmniej skomplikowane są dzieje polszczyzny. Język polski kształtował się w średniowieczu na podstawie dialektu wielkopolskiego i małopolskiego (w pewnym stopniu również pod wpływem dialektu mazowieckiego). Ostatecznie w pełni sprawna funkcjonalnie polszczyna literacka powstała w ciągu pierwszej połowy XVI w. W historii języka polskiego pojawiało się piśmiennictwo zabarwione regionalnymi cechami językowymi (m.in. polszczyna kresowa), ale nie zagrażało ono polskiej jedności językowej, tj. nie można mówić o istnieniu odrębnych języków regionalnych w historii polszczyzny.

Bardziej skomplikowane są dzieje języka czeskiego, którego forma literacka ukształtowała się już w zasadzie w XIV w., a w XV i XVI w. powstało w nim bogate piśmiennictwo. Po bitwie na Białej Górze (1620) następuje regres języka czeskiego pod względem kultury i sprawności funkcjonalnej, jak również znacznie się zmniejsza liczba jego użytkowników, tj. Czesi się germanizują. Odradzanie się czeskiego języka literackiego od przełomu XVIII–XIX w. do połowy XIX w. polegało na wykorzystaniu wzorców językowych *Biblia kralickiej* z końca XVI w. oraz na korzystaniu z zasobów leksykalnych języków słowiańskich (głównie polskiego i rosyjskiego) i wprowadzaniu rodzimych neologizmów. Oderwanie języka literackiego od żywej podstawy dialektańskiej spowodowało jednak to, że język pisany (*spisovná čeština*) i jego wariant mówiony (*hovorová čeština*) znacznie się różnią od potocznego języka mówionego (*obecná čeština*). Nowa kodyfikacja języka czeskiego z pierwszej połowy XIX w. stała się czynnikiem dezintegrującym czeską wspólnotę komunikatywną.

Na Słowacji długo posługiwano się językiem czeskim oraz czeskim z elementami słowackimi. Od końca XVIII do połowy XIX w. miała miejsce rywalizacja kilku orientacji językowych: kodyfikacji A. Bernoláka (na podstawie dialektów zachodniosłowackich), czeskiej «bibličtiny», kodyfikacji L'. Štúra (na podstawie dialektów środkowosłowackich), koncepcji J. Kollára (język czeski z elementami słowackimi). Zwyciężyła koncepcja Štúra, którą na początku XX w. potwierdziła kodyfikacja S. Czambela.

Na Łużycach do połowy XIX w. istniały trzy języki literackie: dolnołużycki (oparty na dialekcie chociebuskim) oraz dwa regionalne języki górnolużyckie: wariant protestancki (oparty na dialekcie budziszyńskim) oraz wariant katolicki (oparty na dialekcie okolic Chróścic). Dualizm językowy Górnoluzyczan udało się przewyściążyć dopiero w drugiej połowie XIX w. — podstawą wspólnego (bezwyznaniowego) języka górnolużyckiego jest prawie wyłącznie dialekt budziszyński. Nie udało się jednak skłonić Dolnołuzyczan do przyjęcia górnolużyckiego jako wspólnego języka lużyckiego lub znacznego zblżenia obu języków.

Podsumowując powyższe rozważania, wypada stwierdzić, że w świecie kultury prawosławnej tendencje dezintegracyjne doprowadziły do zastąpienia ponadnarodowego (choć niejednolitego) języka literackiego językami narodowymi. Jednocześnie działały tendencje integracyjne, które eliminowały wariantyność językową w obrębie jednego narodu. W

strefie kultury rzymskiej brak było wspólnego języka literackiego. Polski język literacki jako jedyny w całej Słowiańszczyźnie legitymuje się nieprzerwaną tradycją rozwojową na tej samej podstawie dialektałnej (głównie wielkopolsko-małopolskiej) od średniowiecza do epoki współczesnej. W Czechach ukształtowała się specyficzna sytuacja językowa wskutek zmiany typu języka na podstawie sztucznej kodyfikacji. Inne języki (chorwacki, słoweński, słowacki) stały się językami narodowymi po przezwyciężeniu regionalizmu językowego i odmiennych orientacji językowych. Na Łużycach zredukowano liczbę języków piśmiennictwa z trzech do dwóch.

Sytuację w słowiańskim świecie językowym prawie całego XX w. można określić jako stabilną. Poważną zmianą była tylko kodyfikacja języka macedońskiego. Jednak rozpad Jugosławii doprowadził do zerwania już wcześniej rozluźniających się więzi między językiem serbskim i chorwackim. Chorwacka polityka językowa nastawiona jest od dwudziestu lat na pogłębianie różnic (zwłaszcza w słownictwie) między chorwackim a serbskim. Doszło również do oficjalnego proklamowania odrębnych państw i języków, tj. Bośni i Hercegowiny z bośniackim oraz Czarnogóry z czarnogórskim. Kodyfikatorzy języka bośniackiego postarali się o znaczone oddalenie tego języka od serbskiego i chorwackiego. Kodyfikacja czarnogórskiego jest mniej radykalna, ponieważ społeczeństwo Czarnogóry nie życzy sobie, aby czarnogórski wyraźnie się różnił od serbskiego.

Wątpię, czy większość użytkowników bośniackiego i czarnogórskiego będzie w stanie osiągnąć zadowalający poziom opanowania norm języka ojczystego i ogólnej kultury językowej, skoro często będą oni poddawani silnemu oddziaływaniu interferencyjnemu trzech blisko spokrewnionych języków — serbskiego, chorwackiego oraz czarnogórskiego lub bośniackiego. Aby zapewnić tym językom normalne warunki funkcjonowania, należałoby przetłumaczyć na nie przynajmniej ważniejsze pozycje z literatury serbskiej, chorwackiej i literatury światowej, część piśmiennictwa naukowego itd., co wydaje się przedsięwzięciem niezbyt sensowym.

Kilka języków światowych (angielski, niemiecki, hiszpański i portugalski) funkcjonuje w różnych państwach, które troszczą się o przestrzeganie wspólnych norm językowych. W Słowiańszczyźnie takie rozwiązanie — niestety — nie było możliwe, tj. nie doszło do zaakceptowania wspólnego języka przez kilka narodów południowosłowiańskich.

Ideę integracji językowej Słowian w szczególny sposób wyrażali zwolennicy wzajemności słowiańskiej/słowianofilstwa/panslawizmu. Terminy *wzajemność słowiańska/słowianofilstwo* można uznać za całkowite synonimy. Termin *panslawizm* kojarzy się jednak najczęściej z politycznym nurtem słowianofilstwa rosyjskiego drugiej połowy XIX w., który propagował ideę zjednoczenia wszystkich Słowian w ramach imperium carskiego. Zaczątki słowianofilstwa można już dostrzec w średniowiecznych kronikach słowiańskich. W pełni ideologia słowianofilstwa/ pansiawizmu ukształtowała się w ciągu XIX w. pod wpływem rozwoju wiedzy o historii Słowian, ich kulturze, piśmiennictwie, folklorze i językach.

W historii słowianofilstwa szczególnie symboliczne są dwa momenty: ukazanie się rozprawy J. Kollára pt. *O literárni vzájemnosti mezi kmeny a nárečími slavskými* (1836) oraz I Zjazd Słowiański w Pradze w 1848 r. Kollár opowiadał się za istnieniem jednego narodu słowiańskiego składającego się z czterech zasadniczych rodzin (Stämme), które posługują się czterema językami literackimi: rosyjskim, polskim, czeskim i ilirskim, tj. chorwackim/serbskim na podstawie sztokawskiej. Nie widział on potrzeby tworzenia innych słowiańskich języków literackich, ale też nie proponował zredukowania liczby istniejących już języków. Koncepcja Kollára miała charakter kompromisowy — jako zwolennik (nieracjonalnej) idei jednego narodu słowiańskiego akceptował umiarkowaną dezintegrację słowiańskiego świata językowego, ale wykluczał jego dalszą dezintegrację. Koncepcja ta stała jednak w sprzeczności z ideami słowiańskiego odrodzenia narodowego i językowego, które przyczyniły się do powstania nowych słowiańskich języków literackich: słowackiego, ukraińskiego, białoruskiego, serbskiego (wkrótce funkcjonującego w ramach wspólnoty serbsko-chorwackiej), bułgarskiego (tj. nowobułgarskiego) i macedońskiego (oficjalnie po 1944 r.). Język słoweński (nowosłowiański) skodyfikowano na nowo w ciągu pierwszej połowy XIX w. Górnoużyści i dolnołużycki wyszły poza krąg piśmiennictwa religijnego.

Słowianofile/panslawiści propagowali też idee wspólnego języka słowiańskiego, co należy uznać za skrajną próbę integracji Słowian. Bardzo aktywni byli w tej kwestii od połowy XIX w. pansiawisi rosyjscy (m.in. A.F. Hilferding, W.I. Łamański, A.S. Budiłowicz), którzy proponowali przyjęcie rosyjskiego jako wspólnego języka literackiego wszystkich narodów słowiańskich. O upowszechnieniu żywego języka chorwackiego (a właściwie sztokawskiego języka chorwackiego i serbskiego) wśród wszystkich narodów południowosłowiańskich i nawet w całej Słowiań-

szczyźnie marzyli chorwaccy rzecznicy idei ilirskiej z L. Gajem na czele. Pomyśl ten był jednak całkowicie nirealny, ponieważ Chorwaci — w przeciwnieństwie do Rosji — nie mieli nawet najmniejszej szansy na urzeczywistnienie tego planu. Ostatecznie iliryści ograniczyli się do pożytecznej idei «wspólnego» języka literackiego z Serbami.

W XIX w. pojawiło się wiele (szczególnie w Rosji, Bułgarii oraz w Macedonii) projektów przekształcenia martwego języka scs./ starobułgarskiego/ starosłowiańskiego w język ogólnosłowiański. Realizacje powyższego pomysłu — w zależności od konkretnej koncepcji — miałyby w mniejszym lub większym stopniu charakter esperanta słowiańskiego, ponieważ uzupełniane słownictwo pochodziłyby z jednego żywego języka słowiańskiego lub z kilku języków.

Podobny charakter miały też inne idee utworzenia języków ogólnosłowiańskich lub regionalnych języków słowiańskich. Wymienię ważniejsze projekty: J. Križanicia z XVII w. (na podstawie elementów górnosłowiańskich, cerkiewnosłowiańskich, rosyjskich, chorwackich), S.B. Lindego z początku XIX w. (na podstawie języka polskiego z elementami różnych języków słowiańskich), J. Herkela z 1826 r. (głównie na podstawie języka słowackiego), M. Majara (projekty przedstawione w kilku publikacjach z lat 1848– 1865), J.B. Podstránskiego (projekt języka zachodniosłowiańskiego i ogólnosłowiańskiego z lat 1851–1852), Krołmusa (projekt języka ogólnosłowiańskiego opracowany w rękopiśmiennej rozprawie), Lipenskiego z lat 1904–1905 (konsepcja języka czesko-polskiego), J. Hoška z 1907 r. (konsepcja języka nowosłowiańskiego dla Słowian zamieszkujących monarchię austro-węgierską), J. Konečnego z 1912 r. (Slava Esperanto).

Projekty wspólnych języków słowiańskich nie doczekały się dotąd wyczerpującego opracowania (odpowiednia literatura znajduje się w następujących pozycjach bibliograficznych: Дьяков 1998, Дуличенко 1990; 1992, 431–444; Иванова 2001, 89–107; Lewaszkiewicz 1980; 1994, 53–65; 1998, 59–75; 2003, 769–775; Moritsch 1993). Uważam, że nigdy nie powstała głęboko przemyślana propozycja esperanta słowiańskiego, oparta na obszernej gramatyce, dużym słowniku i antologii tekstów w języku ogólnosłowiańskim.

Ideę posługiwania się rosyjskim jako wspólnym językiem narodów wschodniosłowiańskich zrealizowano — obniżając rangę białoruskiego i ukraińskiego — w ZSRR. W Czechosłowacji nie powiodła się w okresie międzywojennym próba stworzenia języka czecho-słowackiego. Rozpad

Jugosławii uniemożliwił realizację idei języka «jugosłowiańskiego», którym miał się stać w przyszłości serbsko-chorwacki.

Pomysły na integrację językową Słowian należą już do historii. Materiały o jedności językowej (a nawet narodowej i państowej) Słowian były tylko fanaberią słowianofilsko usposobionej inteligencji. Nie doszła do skutku nawet możliwa do zrealizowania idea wspólnego alfabetu słowiańskiego. Koncepcja pełnej jedności słowiańskiej była i jest nieracjonalna i szkodliwa, tak jak nie do przyjęcia jest całkowita jedność polityczna, kulturowa i moralna narodu. Z pewnością powstanie odrebnych narodów słowiańskich i języków literackich było nieuniknione i korzystne pod względem cywilizacyjnym. Idee jednościowe/ wspólnotowe propagowano w epoce, gdy nie było możliwości ich realizacji. Kiedy zaistniały ku temu odpowiednie warunki, urzeczywistniano je z zastosowaniem środków państwowego przymusu, aż narody słowiańskie zapragnęły dezintegracji — stąd rozpad Słowiańskiego Wschodniego w ramach ZSRR, Jugosławii (po bratobójczej wojnie) i Czechosłowacji. Obecnie świat słowiański jest w dużym stopniu rozbity i skłócony.

Wyrazem dezintegracji językowej i częściowo narodowej są istniejące od dawna lub powstałe w ciągu ostatnich kilkudziesięciu lat słowiańskie mikrojęzyki literackie. A.D. Duliczenko wyróżnił w 1981 r. 12 tego typu języków, w dwutomowej zaś pracy z lat 2003–2004 18 mikrojęzyków i 2 projekty/ eksperymenty (Дуличенко 1981; 2003–2004): mikrojęzyki wyspowe — rosyjski w Wojwodinie i Chorwacji, chorwacko-gradiszciański w Austrii, na Węgrzech, na Morawach i pod Bratysławą, chorwacko-moliszański w prowincji Molise we Włoszech, rezyński (dialekt słoweński we Włoszech), banacko-bułgarski w Rumunii i Serbii; peryferyjno-wyspowe — karpacko-rosyjski/łemkowski na Ukrainie, we wschodniej Słowacji, w Polsce oraz na Węgrzech i w Rumunii, w USA i w Kanadzie, macedońsko-gegejski (Grecja, skąd Macedoniańczycy emigrowali do różnych krajów), pomacki w Bułgarii i Grecji, wenecko-słoweński we Włoszech; peryferyjne/regionalne — czakawski, kajkawski, prekmursko-słoweński w Słowenii, Austrii i na Węgrzech, laski na pograniczu czesko-polskim, wschodniosłowacki, zachodniopoleski; autonomiczne — kaszubski, górnoużycki i dolnołużicki. Podjęto również próby kodyfikacji innych mikrojęzyków słowiańskich, np. morawskiego, mazurskiego, podhalańskiego, śląskiego, wickiego (vięcki janzyk — język oparty na polskich gwarcach kresowych z obszaru Litwy), holszańskiego (język oparty na gwarcach białoruskich z obszaru Litwy).

Nie wiadomo dokładnie, jaki jest stosunek językoznawców, publicystów, polityków itd. do sprawy mikrojęzyków słowiańskich. Z pewnością istnieją ich zdecydowani zwolennicy, przeciwnicy oraz reprezentanci kompromisowego stanowiska. Zdecydowanym przeciwnikiem zarówno odrębności serbskiego, chorwackiego, bośniackiego i czarnogórskiego, odrębności górnoużyckiego i dolnoużyckiego, jak i sensowności kodyfikacji kaszubskiego, chorwacko-gradiszciańskiego i zapewne innych mikrojęzyków słowiańskich jest m.in. O. Kronsteiner (Kronsteiner 1999a, 127–137; 1999b, 139–148).

Moim zdaniem kodyfikacje mikrojęzyków literackich wzbogacają słowiańskie kultury regionalne i wyspowe, podtrzymując tożsamość narodową/ etniczną użytkowników mikrojęzyka i dzięki temu zapobiegają ich asymilacji. Nie popieram jedynie tendencji separatystycznych, tj. wykorzystywania kodyfikacji językowych do uzasadniania potrzeby przyznania autonomii, które mogą być wstępem do przyszłych secesji. Jestem też przeciwnikiem zmuszania społeczności regionalnych do uczenia się nowych mikrojęzyków i posługiwania się nimi w życiu społecznym — w urzędach, sądach, szkołach, w pracy. Użytkownicy mikrojęzyków powinni mieć jasną świadomość tego, że nie wolno zaniedbać nauki języka państwowego, ponieważ konsekwencją może być brak — z własnej winy — perspektyw awansu społecznego. Z pewnym niepokojem odnoszę się do sprawy kodyfikacji języka wickiego, holszańskiego i zachodniopoleskiego. Publikacje tekstów wickich, holszańskich i zachodniopoleskich traktuję jako interesujące wydarzenia kulturalne. Wiadomo jednak, że część obywateli Litwy — posługujących się na co dzień gwarami polskimi i białoruskimi — uważa się za zeslawizowanych Litwinów, ale mimo to świadomie unika nauki języka litewskiego. Grozi im inwalidz two językowe, tj. to, że nie będą znali dobrze ani litewskiego, ani polskiego lub białoruskiego. Konieczna jest w ich wypadku pełna akceptacja języka państwowego. Zwolennicy posługiwania się językiem zachodniopoleskim powinni zadbać we własnym interesie o opanowanie na odpowiednim poziomie rosyjskiego i białoruskiego (na Białorusi) oraz ukraińskiego (na Ukrainie).

Mikrojęzyki literackie — powstałe pod wpływem tendencji do dezintegracji słowiańskiego świata językowego — mogą być wartościowym składnikiem kultury duchowej Słowian, jeśli polityce ich upowszechniania będzie towarzyszyła świadomość konieczności opanowania na wysokim poziomie języka państwowego oraz języka angielskiego. Wkrótce w

Europie normą stanie się dwujęzyczność — niezbędna znajomość języka państwowego i języka angielskiego. Słowiańskie mniejszości narodowe (nosiciele mikrojęzyków literackich) będą zmuszone zdecydować się na trójjęzyczność, która będzie wymagała nadzwyczajnej pracowitości.

LITERATURA

- Dalewska-Greń 1997 — H. Dalewska-Greń. *Języki słowiańskie*. V. Języki literackie. Pisownia. 1. Kształtowanie się narodowych literackich języków słowiańskich — typy dróg rozwojowych. Warszawa, 1997, s. 560–586.
- Kronsteiner 1999a — O. Kronsteiner. *Sind Burgenländischkroatisch, Kaschubisch, Niedersorbisch und Russinisch eigene Sprachen?* Die Slavischen Sprachen, Salzburg, 63, s. 127–137.
- Kronsteiner 1999b — O. Kronsteiner. *Die Sprachbezeichnung Illirisch. Utopisches Plädoyer für europäische Lösung des sinnlosen bosnisch/ kroatisch/ montenegrinisch/ serbischen Sprachen Separatismus*. Die Slavischen Sprachen, Salzburg, 63, s. 139–148.
- Lewaszkiewicz 1980 — T. Lewaszkiewicz. *Panslawistyczne osobliwości leksykalne S.B. Lindego i jego projekt stworzenia wspólnego języka słowiańskiego*. Wrocław, 1980.
- Lewaszkiewicz 1992 — T. Lewaszkiewicz. *Rola kontaktów językowych we wstępny okresie formowania się słowiańskich języków literackich (na tle ogólniejszym)*. Z polskich studiów slawistycznych, seria VIII. Warszawa, 1992, s. 133–138.
- Lewaszkiewicz 1994 — T. Lewaszkiewicz. *Slowianofilstwo a idea wspólnego języka słowiańskiego*. L'idea dell'unità e della reciprocità slava e il suo ruolo nello sviluppo della slavistica. Red. S. Bonazza, G. Brogi Bercoff. Roma, 1994, 53–65.
- Lewaszkiewicz 1998 — T. Lewaszkiewicz. *Slowianofilstwo a kodyfikacja słowiańskich języków literackich w XIX wieku (ze szczególnym uwzględnieniem języków lużyckich)*. Veda a ideológia v dejinách slavistiky. Materiály z konference – Stará Lesná, september 1997. Red. T. Ivantyšynová. Bratislava, 1998, s. 59–75.
- Lewaszkiewicz 2003 — T. Lewaszkiewicz. *Uwagi o języku przekładu i słowianofilstwie językowym H.N. Bońkowskiego*. Paweł Józef Szafarzyk, Słowiańskie starożytności. Poznań, 2003, s. 769–775.
- Moritsch 1993 — A. Moritsch (red.). *Die slavische Idee*. Beiträge am Matija Majar-Ziljski-Symposium vom 6. bis 10. Juli 1992 in Tratten/ Pošišće, Kärnten. Bratislava, 1993.

- Pianka 1997 — W. Pianka. *Slowiańskie języki literackie — utopie pozytywne i negatywne w skutkach*. Utopia w językach, literaturach i kulturach Słowian. T. 1. Ze świadomości utopijnej w refleksji językowej. Katowice, 1997, s. 79–90.
- Siatkowska 2004 — E. Siatkowska. *Podstawy dialektałne słowiańskich języków literackich*. Eadem, Szkice z dziejów literackich języków słowiańskich. Warszawa, 2004, s. 111–140.
- Дуличенко 1981 — А.Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Таллин, 1981.
- Дуличенко 1990 — А.Д. Дуличенко. *Международные вспомогательные языки*. Таллин, 1990.
- Дуличенко 1992 — А.Д. Дуличенко. *Фран Миклошич и Матия Маяр Зильский: от языка праславянского к языку всеславянскому*. Obdobja 13: Miklošičev Zbornik. Mednarodni simpozij v Ljubljani od 26. do 28. junija 1991. Red. J. Toporišič, T. Logar, F. Jakopin. Ljubljana, 1992, s. 431–444.
- Дуличенко 2003–2004 — А.Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов*. I–II. Тарту, 2003–2004.
- Дьяков 1998 — В.А. Дьяков, ред. *Славянская идея: история и современность*. Москва, 1998.
- Иванова 2001 — Д. Иванова. *Концепции и модели за общославянски книжо-вен език в културната история на славянските народи в периода на националното им възраждане (XVII–XIX в.)*. VIII Kolokwium Slawistyczne Polsko-Bułgarskie/Collectanea Polono-Bulgarica. T. I. Red. M. Walczak-Mikołajczakowa. Gniezno, 2001, s. 89–107.
- МЯИ 2006 — *Микроязыки – Языки – Интеръязыки. Сборник в честь ordinarnого профессора Александра Дмитриевича Дуличенко*. Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Тарту, 2006. (Tutaj bibliografia Jubilata).
- Толстой 1988 — Н.И. Толстой. *История и структура славянских литературных языков*. Москва, 1988.

T. Lewaszkiewicz. Integratsiooni-, unifitseerimis-, ja desintegreerimistentsid slaavi keelte ajaloos

Artiklis käsitletakse püüdlusi ühendada ja tugevdada erinevate slaavi maade ja rahvuste keele- ning kultuurikogukondi. Autor räägib integratsiooni-, unifitserimis- ja desintegreerimisnähtuste rollist nende katsete puhul.

Alexander Bierich
Universität Heidelberg

**KULTURSEMANTISCHE ASPEKTE DES SLAVISCHEN
WORTSCHATZES
(AM BEISPIEL DES POLNISCHEN, TSCHECHISCHEN, RUSSISCHEN,
KROATISCHEN/ SERBISCHEN)**

Kultursemantische Aspekte – Polnische – Tschechische – Russische – Kroatische/ Serbische

1. Einleitung

Innerhalb der Linguistik gibt es zwei Traditionslinien, die sich damit befassten, die Sprache nicht isoliert zu betrachten, sondern in ihrem Verhältnis zu Mensch und Kultur. Die erste Traditionslinie speiste sich aus der Sprachphilosophie Wilhelm von Humboldts und wurde von Franz Boas; Edward Sapir und Benjamin Lee Whorf zur linguistischen Anthropologie entwickelt. Unter *Kultur* werden in der linguistischen Anthropologie sehr weitläufig alle materiellen und geistigen Leistungen des Menschen verstanden. Die Kultur wird in zwei verschiedene Teilsysteme untergliedert, nämlich: in die nonverbale und verbale Kultur. Zur nonverbalen Kultur gehören die mentale Kultur, welche die Weltsicht, das Wertesystem und das Wissen eines Volkes enthält; die aktionale Kultur, d.h. das Verhalten bzw. das Handeln eines Volkes, und die materielle Kultur, d.h. die Gegenstände, welche von Menschen geschaffen wurden. Dem gegenüber steht die Sprache als verbale Kultur (Salzmann 1998, 46), wobei zu berücksichtigen ist, dass die Sprache nicht nur als eine Art Speicher kollektiver Welterfahrung fungiert, sondern auch ein Werkzeug der Kultur darstellt, vor allem wenn man an die schöngestigte Literatur denkt, deren Ausdrucksmittel bekanntlich das Wort ist (Nagórko 2007, 205).

Diesen Ansatz hat die Kultursemiotik, die in den 60er Jahren des 20. Jahrhunderts aufkam und vor allem mit den Namen J. Lotman, V. Ivanov, U. Eco u.a. verknüpft ist, weiterentwickelt. J. Lotman und B. Uspenskij (Лотман, Успенский 1971, 854) zufolge nimmt die Sprache in der Typologie der Kulturen eine Sonderstellung ein, da sie den «primären Kode»

in der Modellierung der Welt bildet, während die anderen kulturbildenden Phänomene sekundäre modellierende Systeme darstellen. Dem Zeichensystem «natürliche Sprache» stehen Kulturphänomene gegenüber, die ebenfalls als Zeichensysteme, als Produkte mentaler Informationsprozesse, als «Texte» in spezifisch semiotischem Sinne, aufgefasst werden (vgl. auch Dobrovolskij, Piirainen 1997, 20).

Die Prämissen der Kultursemiotik über den Parallelismus von Kultur und Sprache als Zeichensystem wurden von der slavischen Ethnolinguistik übernommen. Ihre wichtigsten Vertreter hat sie mit der Moskauer (N. Tolstoj, S. Tolstaja, T. Agapkina, A. Gura u.a.) und der Lubliner (J. Bartmiński) ethnolinguistischen Schule. Sie geht davon aus, dass die Sprache ein Phänomen ist, das sich aufgrund funktioneller und struktureller Eigenschaften isomorph zur Kultur verhält, die Kultur symbolisch widerspiegelt und den Zugang zur Kultur gibt. Die Ethnolinguistik untersucht das Zusammenspiel der kulturellen Zeichenarten und die daraus hervorgehende kulturelle Information. Diese Art der Information entstammt unterschiedlichen Bereichen (z.B. der Religion, der Mythologie, dem Alltagsleben) und wird durch verschiedene «Kanäle», wie z.B. folkloristische Texte, Rituale, Sitten und Bräuche oder Volkskunst vermittelt (Березович 2007, 9).

Die zweite Traditionslinie, die die Sprache in ihrem Verhältnis zu Mensch und Kultur betrachtet, entwickelte sich im Rahmen der kognitiven Semantik, welche die mentale Verarbeitung und Repräsentation von sprachlichen Bedeutungen untersucht. In der kognitiven Linguistik wird die Sprache als ein mentales Kenntnissystem aufgefasst, mit dessen Hilfe die Welt wahrgenommen, mental geordnet und repräsentiert wird. Der Mensch teilt das, was er wahrnimmt, in Kategorien ein, welche mental in Form von Konzepten existieren. Konzepte enthalten gespeicherte Informationen über die Welt, sowie das kulturelle Wissen einer Sprachgemeinschaft (Schwarz⁵ 2007, 24 ff.; Löbner 2003, 301).

Die Konzepte sind eng an die sprachlichen Ausdrücke geknüpft. Wortbedeutungen sind somit auch konzeptuelle Informationseinheiten. Jedoch ist nicht jedes Konzept die Bedeutung eines Wortes, was umgekehrt heißt, dass nicht für jedes Konzept ein Wort existiert, das es bezeichnet. Es gibt unendlich viele Konzepte, die nur durch komplexe sprachliche Ausdrücke verbalisiert werden können, wobei es auch Konzepte gibt, die nur unzureichend oder überhaupt nicht versprachlicht werden. Im Deutschen unterscheiden wir z.B. zwischen *Wand* und *Mauer*,

Arm und *Hand*, *Finger* und *Zehe*, im Russischen, wie auch in vielen anderen slavischen Sprachen, gibt es für das jeweilige Paar nur ein Lexem: *стена, рука, палец*.

Die Wortbedeutungen fallen nicht einfach mit den Konzepten zusammen. Die Konzepte sind stets reichhaltiger, als Wortbedeutungen, da sie in der Regel nicht nur allgemeines, sondern auch persönliches Wissen über bestimmte Gegenstände enthalten. Das System der Wortbedeutungen ist also nur ein Teil des riesigen Konzeptsystems in unserem Gedächtnis, und die Bedeutung eines Wortes ist jeweils nur ein Teil eines viel reichhaltigeren Konzepts, das wir mit dem Wort verknüpfen (Löbner 2003, 258).

Die Gesamtheit dieser in einer bestimmten Weise organisierten Konzepte, die durch konkrete sprachliche Einheiten repräsentiert werden, ergibt das sprachliche Weltmodell.

2. Universales und nationales im sprachlichen Weltmodell

Das sprachliche Weltmodell trägt „anthropozentrischen“ Charakter und ist daher kein objektivistisches, «wahrheitsgetreues Abbild» der Welt (Dobrovolskij 1995, 72). Die Sprache fixiert die Welt nicht, «wie sie wirklich ist», sondern wie wir sie sehen. Man spricht sogar von einem alltäglichen, sprachlich fixierten Weltmodell, das sich im Wesentlichen von dem «wissenschaftlichen» Weltmodell unterscheidet.

Das alltägliche, sprachlich fixierte Weltmodell weist viele übereinzelnsprachliche Regularitäten auf, da die Gliederung der Welt in der menschlichen Kognition bis zu einem gewissen Grade biologisch verwurzelt ist. Es hat aber dennoch keinen universellen Charakter. Da die Gliederung der Welt durch verschiedene Sprachen erfolgt, kann das Weltmodell in jeder einzelnen Sprache nationale Spezifität aufweisen. Diese Spezifität äußert sich in der zum Teil unterschiedlichen Gliederung bestimmter Fragmente der Wirklichkeit (so ist z.B. *ympo* ‘Morgen’ im Russischen nur der ‘Anfang des Tages vor der Arbeit’ und nicht wie im Deutschen ‘früher Vormittag’), in verschiedenen Sprachbildern, durch welche diese Fragmente der Wirklichkeit benannt werden, aber auch in der kulturellen Bedingtheit eines Großteils des Sprachwortschatzes. Verschiedene Vorausstellungen, Wertordnungen, Realien der Lebensweise, Lebenserfahrungen eines Volkes, die in der Sprache tradiert werden, sind zugleich in seiner materiellen und geistigen Kultur verankert. So gibt es im Slawischen, wie auch in anderen europäischen Sprachen, außerordentlich viele sprachliche

Ausdrücke, die mit dem Volksaberglauben und der Religion verbunden sind. Vgl. z.B. feste Wendungen wie

russ. *воро́чать как чёрт в боло́те* «schalten und walten wie der Teufel im Sumpf» ‘nach Belieben schalten und walten’, *в ти́хом озере че́рти водя́тся* ‘im stillem See gibt es böse Geister’, *у че́рта на кули́чках* «beim Teufel auf den kulički» ‘sehr weit weg’, die mit der abergläubischen Vorstellung verbunden sind, wonach der Teufel nicht in der Hölle, sondern im Sumpf, in Gewässern oder auf den verlassenen und verwilderten Ackerflächen im Wald (кулиčki) haust.

Das Sprachspezifische darf allerdings auch nicht überbetont werden. In der slavischen Sprachwissenschaft geschieht dies jedoch sehr häufig. So werden z. B. ohne eingehende vergleichende Untersuchungen einzelne lexikalische und grammatische Erscheinungen zu Schlüsselkonzepten des russischen Weltmodells oder sogar der nationalen Mentalität erhoben. So kommt nach A. Wierzbicka (Wierzbicka 1992, 433) in der russischen Wendung *на аво́сь* ‘aufs Geratewohl, auf gut Glück’ eine wichtige Besonderheit des russischen nationalen Charakters zum Ausdruck, nämlich ‘der blinde Glaube an die Macht des Schicksals’. Die zahlreichen Beispiele aus verwandten und nichtverwandten Sprachen (vgl. kroat./ serb. *na sreću*, *na bum*, *naslijepo*; poln. *na «a nuż»*; tschech. *nazdarbüh*; dt. *aufs Geratewohl, auf gut Glück*) belegen ausdrucksvooll, das der Glaube an Glück in jedem Volk verbreitet und keine ausschließlich russische Besonderheit ist.

Hierzu noch ein Beispiel. V.N. Telija verdeutlicht das Konzept von russ. *жени́чина* ‘Frau’ mit einer Reihe von Beispielen wie *аннеми́тная* ‘appetitliche’, *пышная* ‘üppige’, *сбитая* ‘gedrungene, kräftige’, *в со́ку* ‘eine, die im Saft steht’, *пальчики оближсе́шь* ‘man leckt sich die Finger nach ihr’ und stellt fest, dass die Basismetapher für all diese Wortverbindungen die gastronomische Metapher «die Frau ist ein appetitlicher Happen» sei. Daraus zieht sie folgende Schlussfolgerungen:

«Die kulturell-nationale Konnotation der angeführten Verbindungen, deren Inhalt aus der Korrelation mit dieser Basismetapher abgeleitet werden kann, verleiht ihnen den Status von kulturellen Zeichen, die davon sprechen, dass für die russische männliche Mentalität ein Blick auf die Frau als etwas rein physisch Verführerisches charakteristisch ist» (Теля 1996, 264).

Man muss die angeführten Wendungen nur mit Entsprechungen aus anderen Sprachen vergleichen, um festzustellen, dass wir hier nicht nur mit

der russischen Mentalität zu tun haben (Eismann 2002, 116). Das National-Spezifische im sprachlichen Weltmodell eines Volkes lässt sich folglich nur im Vergleich mit anderen Sprachen bestimmen.

3. Kulturelle Spezifik von semantischen Feldern

Das sprachliche Weltmodell bzw. bestimmte Ausschnitte aus dem sprachlichen Weltmodell lassen sich am besten anhand von semantischen Feldern aufzeigen. Unter einem semantischen Feld innerhalb des Wortschatzes einer Sprache verstehe ich eine Gesamtheit von lexikalischen und phraseologischen Einheiten, die einen bestimmten Bezeichnungsbereich erfassen und gemeinsame dominante semantische Merkmale aufweisen. Der Terminus «semantisches Feld» ist somit synonym zu «Wortfeld» bzw. «lexikalisches Feld». Im Gegensatz zu vielen Wortfeldforschern (z.B. zu P. Lutzeier) schließe ich jedoch die phraseologischen Einheiten in das Feld ein. Neben den Wörtern dienen die Phraseologismen ebenfalls dazu, einen semantischen Bereich auszudifferenzieren. Außerdem sind begriffliche Bereiche, in denen eine pejorative Einschätzung eines Fehlverhaltens gegeben wird ('Betrug', 'Prahlgerei', 'Trunkenheit' usw.) oder negativ bewertete Zustände und Eigenschaften des Menschen benannt werden ('Dummheit', 'Verrücktheit', 'Erschöpfung', 'Krankheit' usw.), fast ausschließlich durch Phraseologismen besetzt. Daher spreche ich hinfür nicht mehr von Wortfeldern, sondern von semantischen Feldern.

Die wesentlichen Besonderheiten semantischer Felder lassen sich wie folgt darstellen:

(a) Semantische Felder sind Klassen von Wörtern und Phraseologismen, die einen bestimmten Ausschnitt aus dem Lexikon einer Sprache bezeichnen. Die Elemente eines semantischen Feldes

«sind, was ihre Bedeutung angeht, einander ähnlich, aber auch, falls es sich nicht um strikte Synonyme handelt, gleichzeitig voneinander verschieden. Das Ausmaß an Ähnlichkeit überwiegt dabei das Ausmaß an Verschiedenheit» (Lutzeier 1992, 69).

Beispiele für semantische Felder sind die Bezeichnungen von Farben, Körperteilen, Bewegung, räumlichen Dimensionen usw.

(b) Die Inhaltsebene der semantischen Felder kann nach verschiedenen semantischen Prinzipien strukturiert sein, da der Bezeichnungsbereich unter unterschiedlichen Gesichtspunkten (in der Terminologie von P. Lutzeier «Dimensionen») betrachtet werden kann. Die Verben, die den Vorgang des Sprechens bezeichnen, können z.B. im Russischen nach folgenden Dimensionen unterschieden werden:

- a) laut sprechen: *кричать, орать*; b) leise sprechen: *шептать*; c) viel sprechen: *разглагольствовать, распространяться*; d) schnell sprechen: *маятить, шпарить* usw.

Zur inhaltlichen Struktur des semantischen Feldes zählen neben den Dimensionen die Sinnrelationen zwischen Wörtern und/ oder Phraseologismen, die das Feld als Elemente konstituieren. Ein Beispiel für eine Sinnrelation ist die Partonymie-Relation (Teil-von-Beziehung), die innerhalb eines Bezeichnungsbereiches hierarchische Strukturen bildet. So werden im semantischen Feld 'Körperteile des Menschen' die Lexeme 'Kopf', 'Rumpf', 'Arm' und 'Bein' der Hierarchieebene 'Körper' untergeordnet, da sie sich zu diesem Substantiv in der «Teil-von-Relation» befinden. Zu den Sinnrelationen gehören außerdem die Hyponymie- (Gattung - Art), Synonymie-, Antonymie- und einige andere Relationen, die von den Prinzipien des Über- bzw. Unterordnens und des Gegenüberstellens abgeleitet sind.

(c) Die Elemente der semantischen Felder sind nicht gleichwertig; vielmehr finden sich zentrale und periphere Vertreter des Bezeichnungsbereiches¹. Wörter und Wendungen mit der Bedeutung 'jmdn. täuschen, betrügen; jmdm. etw. vormachen' gehören z.B. nur zur Peripherie des Feldes 'Sprachliche Äußerungen'. Im semantischen Feld 'Betrug' sind sie hingegen im Zentrum angesiedelt. Dies zeigt, dass sich die einzelnen semantischen Felder überschneiden können. Zudem können sie als Bestandteile größerer Felder auftreten². Das semantische Feld 'Sterben/ Tod' besteht z.B. aus zwei Feldern: 'eines natürlichen Todes sterben' und 'eines unnatürlichen (gewaltsamen) Todes sterben', die nach verschiedenen Gesichtspunkten in solche Mikrofelder wie 'im Sterben liegen', 'sterben', 'tot sein' u.ä. gegliedert werden können.

Die Ermittlung des Bestandes und der Struktur semantischer Felder kann somit zur Rekonstruktion eines bestimmten Fragments des sprachlich fixierten Weltmodells beitragen. Durch den Sprachvergleich dieser Fragmente können universelle Regularitäten aufgedeckt und einsprachliche, kulturbedingte Besonderheiten dargestellt werden.

Als Ansatzpunkt für die Beschreibung eines semantischen Feldes dienen mir semantische Reihen. Eine semantische Reihe besteht aus Lexemen und Phraseologismen mit gleicher Semantik und ähnlicher bildlicher Grundlage (innerer Form). Aufgrund der inneren Form lassen sich verschiedene semantische und strukturell-semantische Modelle aufstellen und ursprüngliche Motivationen beleuchten. So können z.B. die russi-

schen und polnischen phraseologischen Wendungen mit der Bedeutung ‘unterwürfig sein’ aufgrund ihrer aktuellen Bedeutung und inneren Form folgendermaßen unterteilt werden:

- a) «vor jmdm. einen krummen Buckel machen»: russ. *гнуть спину* (*горб, шею, хребет*) *перед кем*; poln. *uginać karku* (*szły*) *przed kim*; b) «vor jmdm. auf dem Bauch kriechen (liegen)»: russ. *ползать на брюхе (на коленях)* *перед кем*; poln. *leżeć przed kim* *plackiem*; c) «jmdm. die Füße (die Hände, die Stiefel u.ä.) lecken»: russ. *лизать пятки (ноги, руки, задницу, сапоги) кому*; poln. *lizać czajeć stopy* (*lapy, buty*); d) «vor jmdm. Männchen machen»: russ. *становиться на задние лапки перед кем, ходить на задних лапках* *перед кем*; poln. *służyć (być) na łapkach przed kim* usw.

Zur Illustration des Gesagten werde ich das semantische Feld «ein gutes Leben führen, im Überfluss leben» heranziehen. Die Lexeme und Phraseologismen aus dem Russischen habe ich mit polnischen, tschechischen, kroatischen und serbischen Entsprechungen verglichen.

Lexeme und Mehrwortlexeme, die das ‘gute Leben’ umschreiben, sind durch verschiedene Vorstellungen motiviert. Christlichen Ursprungs sind z.B. die Wendungen, in denen der Bezug zu einem Leben im Paradies oder bei Gott hergestellt wird, vgl. das

russ. *жить как в раю, как у Бога (Христа) за пазухой*. Ein ähnliches Bild stellen auch das kroat./ serb. *živjeti kao u raju, živjeti kao mali bog*, poln. *żyć jak w raju, jak u Pana Boga za piecem*; tschech. *má se (žije si) jako v nebi, u Pánabohá [za kamny]*, *jako v ráji, jako svatí v nebi* dar.

Den größten Teil dieser semantischen Gruppe bilden jedoch Mehrwortlexeme, die mit dem alltäglichen Leben und der Hauswirtschaft verbunden sind. Das Leben im Wohlstand bedeutet in den Volksvorstellungen zunächst ‘satt sein’, ‘sich satt essen können’, ‘einen Überfluss an Gerichten’, ‘gutes Essen’ usw. haben. Vgl. z. B. einige russische Sprichwörter:

У богатого всякий волос в масле, а у бедного и в кашу нет; У богатого и по бороде масло течёт; Полон чан — сам себе пан. Ähnlich im Tschechischen: *sedět u plných hrnců, jist velkou lžíci* ‘ein gutes Leben führen’.

Das «im Fett schwimmen» ist auch im Slavischen ein Symbol für ein wohlhabendes Leben, vgl.:

russ. *как сыр в масле кататься*; poln. *żyć jak pączek w maśle*; tschech. *má se (žije si) jako šiška* (dial. *haluška*) *v másle*, *má se jako punček v másle*, ein ähnliches Bild, jedoch nicht mit dem Essen verbunden, findet sich im Kroati-

schen/ Serbischen und Bulgarischen: *živjeti kao bubreg u loju*; *плувам като бъбрек в лой*. Zu den Zeichen eines Lebens im Wohlstand gehörten auch Honig oder Süßigkeiten, vgl. das russ. *одна нога в меду, другая в патоке*; kroat./ serb. *živjeti u slasti i lasti, plivati u slasti i lasti (masti)*; tschech. *má se jako s medem* ‘ein wohlhabendes Leben führen; in Saus und Braus leben’.

Das reichliche und fette Essen war besonders an den Feiertagen geläufig, daher die Vergleiche im Russischen:

не жизнь (не житьё), а масленица und im Tschechischen: *má se jako na hodech (na posvícení)* ‘ein wohlhabendes Leben führen; es gut haben’.

Zu den weiteren Vorstellungen, die sich in einigen Vergleichen dieser Gruppe widerspiegeln, gehört das aufwendige prachtvolle Leben der oberen sozialen Schicht, vgl.

russ. *жить как барин*; kroat./ serb. *živjeti kao gospodin, kao paša, kao [mali] bog, kao lord, kao [mali] car*; bulg. *живея бейски, като бей, като цар*; poln. *żyć jak książę*; tschech. *má se jako baron; jako [kníže] pán, jako turecký paša*; deutsch: *leben wie ein Fürst*.

Ein aufwendiges Leben wird auch oft durch den Phraseologismus russ. *жить на большую ногу*; kroat./ serb. *živjeti na velikoj nozi*, poln. *żyć na weikiej stopie*; tschech. *žít na velké/ velký (vysoké/ vysoký) noze* ‘auf großem Fuß leben’ charakterisiert.

Das wohlhabende Leben kann auch mit dem Leben von Tieren oder Vögeln verglichen werden, die im Überfluss Futter haben, vgl.:

russ. *жить как мыши в крепе*; tschech. *žije si jako vlk v ovčině, jako prase v žitě, jako svině na krmníku, jako myš v otrubach, jako dudek v kobylinci, jako mlynářská kura při koší*. Ähnlich auch im Deutschen: *leben wie die Made im Speck, wie der Vogel im Hansamen*.

4. Kulturelle Spezifität von sprachlichen Einheiten

Kultureme stellen sprachliche Einheiten dar, die neben ihrer sprachlich-systematischen Bedeutung zusätzliche kulturelle Komponenten aufweisen. In einigen Lexemen und festen Wortverbindungen können die kulturellen Komponenten sogar überwiegen; es handelt sich dabei um Bezeichnungen von mythologischen Wesen, Festen, Riten und Bräuchen, verschiedenen Termini der Volkskultur u.ä. Hierzu ein Beispiel: Die Bezeichnungen des Heiligabends im Serbischen/ Kroatischen und Bugarischen *Бадњак, Badnjak, Бъдник* werden mit dem urslavischen Verb **bъděti* ‘wach, wachsam sein’ verbunden. Diese etymologische Bedeutung kann durch den südslavischen Brauch erklärt werden, am Heiligabend

nach der Abendmesse einen Eichenbaum bzw. einen Eichenklotz, den man Badnjak nannte, zu verbrennen. Da Badnjak fast die ganze Nacht brannte, musste man dabei wachsam und wach bleiben. Auch der russischen Bezeichnung des Heiligabends *сочельник* liegt ein Ritus zugrunde: Nach der kirchlichen Ordnung aß man am Heiligabend einen Graupenbrei mit Honig und Rosinen, der *сочиво* hieß.

Eine weitere Gruppe von Kulturemen bilden Lexeme, welche sich nicht auf kulturelle Realien beziehen, sondern auf kulturelle Konzepte, die fest in der geistigen Kultur und dem Gesellschaftsleben eines Volkes verankert sind und alltägliche, religiöse, abergläubische u.ä. Vorstellungen, geschichtliche Ereignisse und Lebensweise einer Gesellschaft wider-spiegeln. Zu dieser Gruppe können solche kulturelle Konzepte wie «Schicksal», «Sünde», «Seele», «Tod», «Heimat» u.a. hinzugerechnet werden.

Wörter und Wendungen, die das Konzept «Tod» umschreiben, haben einen religiösen, abergläubischen oder volkstümlichen Charakter. Schon die erste Sichtung des umfangreichen Materials hat gezeigt, dass der Wortschatz des «Todes» sich in relativ wenige, ständig wiederkehrende Bildmotive gliedern lässt. Zu diesen gehören, z.B. a) der Tod als Ende, Abschluss; b) Trennung von Körper und Seele; c) Reise und Weggang; Heimkehr ins Jenseits; d) der Tod als Person; e) der Tod als ewiger Schlaf; f) Bezug auf den Vorgangs des Sterbens und auf die Bestattung.

Eine besonders große Anzahl von Wörtern und Wendungen liegt die Vorstellung des personifizierten Todes, «der den Menschen aus dem Leben holt» zugrunde. Die Allegorie des Todes erscheint im Slawischen als Femininum, während dagegen vom deutschen *der Tod* maskuline Bildungen ausgehen, wie z.B. *Sensenmann*, *Freund Hein*, *Knochenmann* u.ä. Vgl. wir zunächst:

russ. *смерть за ним пришла* ‘der Tod kam, um ihn zu holen’; kroat./ serb. *smrt je došla po njega* ‘der Tod kam, um ihn zu holen’; poln. *śmierć zabrала kogoś* ‘der Tod holte jmdn.’; tschech. *přišla si pro něho Smrtka (Smtholka)* ‘der Tod kam, um ihn zu holen’; usw.

In den russischen Sprachdenkmälern wird der Tod als Gerippe mit gefletschten Zähnen und eingefallener Nase dargestellt. Daher die Euphemismen im Russischen: *курносая*, *курноска* ‘die Stumpfnäsigе’, *безносая* ‘die keine Nase hat’, *костлявая* ‘die Knochige’. Vgl.: *курносая турнула со двора козо* ‘die Stumpfnäsigе hat jmdn. vom Hof gejagt’ = ‘er ist gestorben’. Die Tschechen bezeichnen den Tod als *hubená* ‘die Magere’, *kostlivá* ‘die Knochige’, *zubatá* ‘die Zahngige’. Vgl.: *hubená si ho vzala* ‘die Magere nahm ihn

zu sich', *přišla si pro něho zubatá* 'die Zahngige kam, um ihn zu holen'. Dem Slavischen ist auch die Allegorie des «Todes als Schnitter» bekannt, vgl. im Russischen: *старуха с косой* 'die Alte mit der Sense', *смерть занесла свою острую косу над кем*; im Tschechischen: *hubená s kosou* 'die Magere mit der Sense', *skosila ho Smrtka* 'der Tod hat ihn abgeschnitten'.

Besonders häufig wird in den verglichenen Sprachen der «nahe stehende Tod» personifiziert. Er «lauert» (russ. *смерть уже караулит кого*; kroat./ serb. *smrt ga već vreba*) oder «wartet» schon auf den Sterbenden (tschech. *smrt už na něj čeká*); «klopft an die Tür» (kroat./ serb. *smrt mu je već pokucala na vrata*; poln. *śmierć kolacze do drzwi*; tschech. *smrt mu už klepe na dveře*) oder «steht an der Schwelle» (russ. *смерть за порогом*; poln. *śmierć stoi u progu*). Der Tod kann aber auch «ganz nahe stehen» (tschech. *smrt mu je stojí nablízku*), z. B. in der Handbreite (russ. *смерть на пядень*) oder am Kopfende (tschech. *smrt mu už stojí v hlavách*). Dann langt er nach dem Sterbenden (tschech. *smrt už po něm/ na něj sahá*), legt seine Hand auf ihn (poln. *śmierć położyła na kimś rękę*), spielt mit ihm (tschech. *smrtka s ním zahrává*), hängt über ihm (tschech. *smrt už nad ním visí*) und umarmt ihn (poln. *śmierć wzięła kogoś w objęcia*). Der Tod kann im Sterbenden ein Nest bauen (russ. *в нём смерть уже гнездо свилá*). Er befindet sich auf der Zunge (tschech. *mít už smrt na jazyku*), im Halse (tschech. *mít už smrt v hridle*), auf der Nase (russ. *смерть уже на носу*), schaut dem Sterbenden in die Augen (russ. *смерть уже смотрит в глаза кому*; poln. *śmierć zagląda komuś w oczy*) oder aus den Augen (tschech. *smrt mu kouká z očí*). Im Kroatischen/ Serbischen schwebt der Tod dem Sterbenden auf den Lippen (*smrt lebdi mu na usnama*) oder sitzt ihm im Nacken (*smrt mu je za vratom*). Im Tschechischen, Kroatischen und Serbischen schaut der Sterbende dem Tod ins Gesicht (tschech. *hledět smrti v tvář*) oder in die Augen (kroat./ serb. *gledati smrti u oči*).

In einigen tschechischen Ausdrücken hat sich der Name der slavischen heidnischen Todesgöttin Morana bewahrt: *sáhla na něho Morana* 'Morana hat ihn berührt', *Morana vztahla ruku po něm* 'Morana hat ihm die Hand gebracht'; *Morana uspala na věčný spánek koho* 'Morana hat jmdn. in den ewigen Schlaf gebracht' = 'er ist gestorben' (Бояркин, Степанова 1992). Der Eigename *Morana* (häufig in der Form *Mara*, *Marena*, *Marzena* u.a.) ist auch in einigen anderen slavischen Sprachen erhalten geblieben. Im Russischen trifft man außerdem auf den Namen *Karačun*, einen bösen Geist, der bei den Ostslaven den Tod, Winter und böse Mächte der Natur personifizerte. Vgl.: *карачун пришел к кому* 'der Karačun kam zu jmdm.'; *карачун хватил кого* 'der Karačun hat jmdn. erfasst' = 'er ist gestorben'.

Die letzte Gruppe von Kulturemen bilden allgemeingebräuchliche Wörter und Wendungen, deren kulturelle Markierung erst durch folkloristische

Texte (Volkslieder, Volksmärchen, Sagen und Legenden, Rätsel, Sprichwörter u.ä.), Mythologie, Aberglaube, Sitten und Bräuche u.ä. ersichtlich wird. Zu dieser Gruppe gehören z.B. einige Bezeichnungen von Pflanzen, Tieren, Gerichten u.ä. So werden z.B. in der Folklore einige Bäume als männlich oder weiblich dargestellt. Die Eiche verkörpert das männliche Prinzip, ihr wird die typisch männliche Eigenschaft der Kraft und Stärke zugeschrieben: kroat./ serb. *jak kao hrast*; russ. *крепкий как дуб*; tschech. *silný jako dub*. Kleinen Jungen antwortet man auf die Frage nach ihrer Herkunft: *Ты на дубочку сидел* — Die Eiche symbolisiert somit auch der Ursprung des Männlichen (Толстой, 1995–2004, 2, 144). Als Gegensatz zur «männlichen» Eiche tritt die Birke auf, welche das weibliche Prinzip verkörpert und für ein junges Mädchen oder Frau steht. In den russischen Hochzeitsbräuchen stellt die Eiche den Bräutigam dar, die Birke die Braut: «*У тибе ... есть бярёза, а у нас дуб. Не стали б их умести случать?*» [‘Du hast eine Birke und wir eine Eiche. Können wir nicht die beiden zusammenführen?’] (Толстой, 1995–2004, 1, 156). Der Birkenzweig gilt als Zeichen der Zustimmung des Mädchens bei der Brautwerbung, der Eichenzweig als Ablehnung (Брагина ²1986, 19).

5. Zusammenfassung

Die angeführten Beispiele zeigen deutlich, dass eine vollständige Beschreibung der kulturellen Semantik von Lexemen und festen Wortverbindungen nur aufgrund eines umfangreichen Materials mit kulturspezifischen Informationen möglich ist. Hierzu gehören nicht nur die Standardsprache unter synchroner Perspektive (z.B. feste Vergleiche, derivate Lexeme, Synonyme), sondern auch historisch ausgerichtete Sprachmaterien, sowie Dialekte und Substandardvarietäten, folkloristische Texte (Volkslieder, Volksmärchen, Rätsel u.ä.), Aberglaube, Mythologie usw. Die gesammelten sprachlichen und extralinguistischen Fakten müssen einer detaillierten Analyse unterzogen werden: etymologischen, ideographischen (anhand von semantischen Feldern), kontrastiven (im Rahmen der Varietäten einer Sprache bzw. verschiedener verwandter und nicht-verwandter Sprachen) usw. Nur durch solch eine umfassende Analyse kann man der Gefahr entgehen, dass einzelne isolierte sprachliche Fakten zu nationalen kulturellen Schlüssel-Begriffen erklärt werden, ohne dabei zu überprüfen, ob ähnliche kulturelle Erscheinungen nicht doch in anderen Sprachen existieren.

BEMERKUNGEN

- ¹ In dieser Hinsicht weist die Wortfeldtheorie Gemeinsamkeiten mit der Theorie semantischer Prototypen auf.
- ² Vgl.: «Wortfelder überlappen untereinander oder sind sogar in anderen Wortfeldern enthalten, wodurch der Wortschatz einer natürlichen Sprache sich sicherlich nicht als bloßes Mosaik mit den Wortfeldern als Einzelstücken präsentiert. Dies widerlegt die Vorstellung, dass sich der Wortschatz in Wortfelder lückenlos ausgliedert» (Lutzeier 1992, 77).

LITERATUR

- Dobrovol'skij 1995 — D. Dobrovol'skij. *Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik: Studien zum Thesaurus deutscher Idiome*. Tübingen, 1995.
- Dobrovol'skij, Piirainen 1995 — D. Dobrovol'skij, E. Piirainen. *Symbole in Sprache und Kultur. Studien zur Phraseologie aus kulturremietischer Perspektive*. Bochum, 1997.
- Eismann 2002 — W. Eismann. *Gibt es phraseologische Weltbilder? Nationales und Universales in der Phraseologie*. Wer A sägt, muss auch B sägen. Beiträge zur Phraseologie aus dem Westfälischen Arbeitskreis. Hrsg. D. Hartmann, J. Worrer. Baltmannsweiler, 2002, S. 107–126.
- Löbner 2003 — S. Löbner. *Semantik. Eine Einführung*. Berlin — New York, 2003.
- Lutzeier 1992 — P. Lutzeier. *Wortfeldtheorie und kognitive Linguistik*. Deutsche Sprache, 20 (1). Место издания, 1992, S. 62–81.
- Nagórko 2007 — A. Nagórko. *Lexikologie des Polnischen*. Hildesheim — Zürich — New York, 2007.
- Salzmann 1998 — Z. Salzmann. *Language, Culture, and Society. An Introduction to Linguistic Anthropology*. Boulder — Colorado u.a.,² 1998.
- Schwarz, Chur 2007 — M. Schwarz., J. Chur. *Semantik. Ein Arbeitsbuch*. Tübingen⁵, 2007.
- Wierzbicka 1992 — A. Wierzbicka. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York u.a., 1992.
- Березович 2007 — Е. Березович. *Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования*. Москва, 2007.
- Бояркин, Степанова 1992 — В. Бояркин, Л. Степанова. *Фразеологические единицы со значением «умереть» в русском и чешском языках (на материале ономастической фразеологии)*. Исследования по семантике русского языка. Кострома, 1992, с. 55–61.

- Брагина 1986 — А. Брагина. *Лексика языка и культуры страны. Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте*. Москва, 1986.
- Лотман, Успенский 1971 — Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский. *О семиотическом механизме культуры*. Труды по знаковым системам V. Тарту, 1971, с. 144–166.
- Телия 1996 — В.Н. Телия. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва, 1996.
- Толстой 1995–2004 — Н.И. Толстой (ред.). *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 1–5. Москва, 1995–2004.

**A. Bierich. Slaavi sõnavara kultuurilis-semantilised aspektid
(poola, tšehhi, vene, horvaadi/ serbia keelte näitel)**

Artiklis vaadeldakse leksikaaltühikute kultuurisemantika väljaselgitamise erinevaid meetodeid. Kultuurilisi konnotatsioone leidub reeglina lekseemidel, mis on seotud mütoloogiliste olendite, rahvatavade ja -kommetsite, pühadega, samuti ka traditsioonilise kultuuri erinevate reaaliattega jne. Kultuurispetsiifika esineb ka sõnavaral, mis väljendab erinevaid keelekujundeid kasutades teatud kontsepte, mis omavad erilist tähdust imimese vaimu- ja argielus («*patt*», «*hing*», «*saatus*», «*rikkus*», «*vaesus*», «*surm*» jne). Artiklis pakutakse metoodikat ülalmainitud analüüsi läbiviimiseks kontseptide «*rikkus*» ja «*surm*» näitel.

Andras Zoltan

**Eötvös Loránd Tudományegyetem,
Keleti Szláv és Balti Filológiai Tanszék, Budapest
Nyíregyházi Főiskola**

**ПОЧЕМУ *WITEBSK*, А НЕ **WICIEBSK*,
ИЛИ ПОЧЕМУ ПОЛЯКИ НАЗЫВАЮТ
БЕЛОРУССКИЕ ГОРОДА ПО-УКРАИНСКИ?**

Общеизвестно, что белорусская столица официально по-белорусски называется украинской по своему происхождению формой *Mińsk* (< *Měńść*; собственно белорусская форма данного географического названия звучит *Менск* и употребляется в настоящее время в некоторых эмигрантских и/или оппозиционных изданиях)¹. Поскольку уже большинство белорусов называет столицу своего государства по-украински, то в данном случае нет ничего странного в том, что и в польский язык данный топоним был заимствован в украинской огласовке как *Mińsk*. (Интересно, что и в польском топониме *Mińsk* [*Mazowiecki*] современная форма с *-i-* исторически заменила более раннюю форму *Mieńsk[o]*)².

Оказывается, однако, что поляки заимствовали названия белорусских городов в украинской форме не только в таких случаях, как *Mińsk*, т.е. когда фонетический облик названия был украинизирован уже в самом белорусском языке, но и тогда, когда белорусские формы довольно четко отличаются от украинских. При этом со стороны польской фонологической системы обычно не возникает никаких трудностей при передаче русского звучания названия. Так, напр., белорус. *Vitebsk* в польском языке с полным успехом могло бы передаваться как **Wiciebsk*, но такой формы в польской письменной традиции нет. Как раз наоборот: уже в самых ранних латино- и польскоязычных версиях белорусско-литовских летописей мы встречаем только формы, передающие твердое *t*: *Vitebsk*, *Wythewsko*, *Vitepska ziemia*, *viteblanie*³. Если в польских соответствиях белорусских географических названий белорус. *u'* или рус. *m'* передается польск. *ć*, то мы имеем дело скорее с поморфемным переводом прозрачных с

точки зрения этимологии инославянских названий, как, напр., белорус. *Амсьцілаў*/*Мсціслаў*, рус. *Мстиславль* > польск. *Mścisław*,ср. укр. *Мстиславль*. Прозрачная для носителей близкородственного польского языка структура белорусского названия могла препятствовать отражению белорусского аканья в польских соответствиях типа *Mohylew* (раньше также *Mohylow*)³: *Magilę́j*, хотя, как видно, из белорусских фонетических особенностей игнорируется только аканье, а общее с украинским языком *у* не «переводится» в польское *g*, а передается заимствованной из соседних языков (чешского, немецкого, «русского») фонемой *h*. То есть поляки с белорусским названием *Magilę́j* поступили так же, как и с украинским *Mогилів*-*(Подільський)*, а дифференциация двух названий (совр. польск. *Mohylew* в Белоруссии и *Mohylów* на Украине) произошла позже. Однако в случае таких соответствий, как, например, *Ашмяны*: *Oszmiany* (ср. укр. *Ошмяни*), *Полац*(а)к: *Polock* (ср. укр. *Полоцьк*), этимология не могла сыграть никакой роли, поскольку в основу этих названий легли не славянские, а, скорее всего, балтийские корни, которые ко времени начала интенсивных польско-белорусских языковых контактов после Кревской унии 1385 г. не были уже прозрачны ни для поляков, ни для белорусов.

Итак, на основе немногочисленных, но важных и пользующихся большой известностью топонимов Белоруссии создается впечатление, что в язык соседних с белорусами поляков названия этих крупных географических объектов были заимствованы не прямо из белорусских говоров, а из языка, произносительные нормы которого были ближе к нормам украинского языка, чем к нормам белорусского языка.

«Украинизацию» белорусских топонимов при заимствовании их в польский язык можно интерпретировать по-разному. Произношение *ѣ* > *i* и отсутствие аканья можно было бы объяснить влиянием церковнославянского языка украинской редакции, но это противоречило бы светскому в основном характеру польско-восточнославянских контактов. Думаю, однако, что для данного явления можно найти и более естественное объяснение, которое хорошо вписывается в общую картину развития канцелярского языка Великого княжества Литовского (ВкЛ), в свое время обрисованную Хр. Стангом и В. Курашкевичем и сохраняющую свою актуальность также по мнению В.М. Моисеенко⁴. Согласно этой концепции, традиции кан-

целярского языка ВкЛ ведут свое начало от краковской «руськой», т.е. галицкой, канцелярии Казимира Великого, которая появилась при польском королевском дворе после присоединения Галичины (1349 г.) и которую унаследовал потом Владислав Ягеллон. Выросшая на основе этого первоначально галицкого, т.е. староукраинского по своим диалектным чертам, канцелярского языка «руська мова», как известно, не была языком крестьянским, диалектным, а представляла собой светский литературный язык⁵, который культивировался в среде «руськой», т.е. украинской и белорусской знати ВкЛ. Кроме орфографических, грамматических и лексических норм, этот язык противопоставлялся церковнославянскому языку и украинской и/ или белорусской речи, надо думать, также по своим произносительным нормам, которые сформировались, по-видимому, еще в начальный период развития этого языка, когда в нем преобладали еще украинские черты. Поскольку «руська мова» и в свой «зрелый» период представляла собой компромиссный украинско-белорусский литературный язык, можно предположить, что он не принимал белорусское аканье или дзеканье не только в свою орфографическую, но и в фонетическую систему. Ничтожное количество описок, вызванные аканьем в документах центральных властей ВкЛ, позволяет думать, что не акали не только краковские писари-галичане, но также и виленские писари-белорусы. На основании кириллического написания *Витебскъ* мы, конечно, ничего не можем сказать о качестве *t* в данном названии, но польская форма *Witebsk*, существующая с самого начала польской письменной традиции при полном отсутствии форм типа **Wiciebsk*, наводит на мысль о том, что поляки должны были слышать это название с твердым *t* у своих «руськомовных» литовских партнеров именно как норму, а не какой-то случайный индивидуальный произносительный вариант.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср., напр., журналы «Arche – Пачатак» и «Беларускі Гістарычны Агляд», которые, судя по их титульным листам, выходят не в *Мінске*, а в *Менске*. В межвоенный период форма *Менск* в белорусском языке была в официальном употреблении, она была заменена формой *Мінск* решением Верховного Совета БССР от 29 июля 1939 г. об изменении названия города *Менск* на *Мінск* (<http://www.newsby.org/news/2008/07/29/text10043.htm> – 09.09.2010).

² Название польского города было образовано от названия реки *Mienia* (Rymut 1980, 152–153; Malec 2003, 160), этимологически тождественного др.-рус. *Мънь*, откуда *Мъньськъ* (Фасмер II, 625).

³ См. ПСРЛ 35 (по указателю).

⁴ Stang 1935, 50–51; Kuraszkiewicz 1937; ср. Моисеенко 2007, 47. Другую точку зрения представляет Г.П. Півторак (2005). Последний обстоятельный обзор взглядов на историю и характер «руської мови» ВкЛ см.: Мякишев 2008, 9–40.

⁵ Ср. Успенский 2002, с. 388–404.

ЛИТЕРАТУРА

- Моисеенко 2007 — В.М. Моисеенко. *Этноязыковая принадлежность «русской мовы» во времена Великого княжества Литовского и Речи Пополитой*. Славяноведение. Москва, 2007, № 5, с. 45–64.
- Мякишев 2008 — В. Мякишев. *Язык Литовского статута 1588 г.* Kraków, 2008.
- Півторак 2005 — Г.П. Півторак. *Державна мова у Великому князівстві Литовському і проблема розмежування українських та білоруських пам'яток*. Мовознавство. Київ, 2005, № 3–4, с. 80–84.
- ПСРЛ 35 — Полное собрание русских летописей. Т. XXXV: *Летописи белорусско-литовские*. Москва, 1980.
- Успенский 2002 — Б.А. Успенский. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва, 2002.
- Фасмер 1964–1973 — М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Перев. с нем. и дополн. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. Москва, 1964–1973.
- Kuraszkiewicz 1937 — W. Kuraszkiewicz. [Рец. на кн.: Stang 1935]. *Rocznik Slawistyczny*. Kraków, 1937, т. XIII, с. 39–58.
- Malec 2003 — M. Malec. *Slownik etymologiczny nazw geograficznych Polski*. Warszawa, 2003.
- Rymut 1980 — K. Rymut. *Nazwy miast Polski*. Wrocław etc., 1980.
- Stang 1935 — Chr.S. Stang. *Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen*. Oslo, 1935.

A. Zoltan. Miks. *Witebsk*, mitte **Wiciebsk*, ehk miks poolakad nimetavad Valgevene linnu ukrainapäraselt?

Mitmed Valgevene geograafilised nimetused antakse poola keeles üle vormide abil, mis oma kõla poolest on ligemal nende objektide ukraina nimetustele, kui

vastavate valgevene nimetustele. Selle nähtuse põhjust näeb autor Leedu Suur-vürstiriigi *русъка мова* esialgse ukraina (galiitsia) päritolus ja erilise normatiiv-häälduse olemasolus kogu Leedu riigi territooriumil. See häälitus on traditsiooniliselt säilitanud ukraina hääduseripärasid ka ajal, mil Leedu vürstiriigi kantseleikeele lingvistiline tüvi oli nihkunud põhjapoole, Valgevene maadele Vilniuse ümbruses.

Темчин Сергей Юрьевич
Lietuvių kalbos institutas

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ПЕРЕВОДНАЯ ГОМИЛИЯ НА ПРАЗДНИК ПРЕПОЛОВЕНИЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ

Кирилло-методиевистика – старославянская переводная литература – гомильтика – повторные переводы – праздник Преполовения Пятидесятницы

Предложенная недавно методика отождествления кирилло-методиевских гомилий (Темчин 2009, 125–137), учитываяющая наличие нескольких раннеславянских переводов-редакций одних и тех же произведений, литургическая функция которых не противоречит старославянскому богослужению миссионерского типа, позволяет утверждать, что во времени солунских братьев восходит также древнейший славянский перевод слова Амфилохия Иконийского (Иоанна Златоуста?) на Преполовение Пятидесятницы *“Ωσπερ ἡ φαεσφόρος σελήνη...”* Богослужебная функция этого текста не противоречит кирилло-методиевской литургической системе, которая предусматривала церковную службу в праздник Преполовения (Темчин 1999б, 117–121, 135; Темчин 2004, 25–28).

О. Неделькович еще в 1977 г. обратила внимание славистов на существование двух сильно различающихся славянских версий указанной гомилии на Преполовение (Nedeljković 1977, 27–60) — одна содержится в восточнославянском «Успенском сборнике» конца XII – начала XIII в. (Усп, л. 250–254 об.)¹, а другая находится в составе сербского (рашского) гомилиария Михановича конца XIII – первой четверти XIV в. (Мих, л. 155–158)². Датировка рукописей указывает, что возникновение обеих версий предшествовало деятельности «Тырновской литературной школы». Переиздав текст гомилии по обоим спискам, исследовательница справедливо указала на то, что: а) перевод этого текста, несомненно, восходит к первоначальному славянскому репертуару произведений проповеднической литературы; б) при создании обеих славянских версий использовался грече-

ский оригинал; в) несмотря на многочисленные языковые и редакционные различия, славянские версии гомилии содержат тождественные фрагменты текста, свидетельствующие о существовании между ними определенной текстологической связи. Совокупность указанных обстоятельств говорит о том, что перед нами пример *повторного* славянского перевода, выполненного не позже конца XIII – первой четверти XIV в. Как и в иных случаях, повторный перевод-редакция производился с греческого оригинала при одновременном использовании более раннего славянского перевода, из которого заимствовались отдельные переводческие решения и целые пассажи.

Исследование О. Неделькович было опубликовано более тридцати лет назад, когда палеославистика еще не располагала достаточным фактическим материалом для признания типичности повторных переводов и осмыслиения их как особого явления. Поэтому не удивительно, что некоторые положения этой публикации сегодня нас уже не удовлетворяют.

Во-первых, автор считает версию Усп древнерусской редакцией гомилии, видимо, на том основании, что она дошла до нас в восточнославянском списке³. Сейчас уже можно вполне определенно утверждать, что протограф Усп возник в Восточной Болгарии. Ранние древнерусские рукописи, восходящие к восточноболгарским оригиналам, представляют собой хорошо документированное явление (см.: Турилов 1995, 33). Структура и литургические особенности Усп роднят его с восточноболгарской «Супрасльской рукописью» XI в. (Заимов, Капалдо 1982–1983) (далее — Супр) — оба сборника представляют собой сочетание месячной Минеи четью (содержащей тексты для большинства дней месяца) и фрагментарного цветно-триодного Торжественника⁴. Гомилии, находящиеся в обеих рукописях, представляют тот же самый славянский перевод и тождественную редакцию текста, восходя к общему оригиналу (Благова 1966, 77–87). Эта редакция, общая для Усп и Супр, может восходить только к болгарской письменности, поскольку самая ранняя миграция восточнославянских рукописей на Балканы (так называемое *первое восточнославянское влияние*) датируется XII – XIII вв. (Турилов 1995, 32 и прим. 3).

Столь же неправомерным представляется мнение автора о том, что в Мих представлена сербская редакция гомилии на Преполовение. Как известно, сербская рукописная традиция, известная своей

архаичностью, восходит к западноболгарской книжности эпохи Первого царства, хорошо сохранив репертуар последней (Турилов 2000, 153–161). На основании языкового анализа Д. Иванова-Мирчева показала, что Мих восходит к болгарскому четьему сборнику⁵, который был составлен (или как минимум отредактирован) в «Преславской литературной школе» (Иванова-Мирчева 1968, 381–391; ср.: Bláhová 1963, 12–15). Нет ничего необычного в том, что восточно-болгарский четий сборник перешел сначала в македонскую, а через нее и в сербскую рукописную традицию.

Таким образом, обе славянские версии гомилии на Преполовение, исследованные О. Неделькович, восходят, вероятно, к болгарской книжности эпохи Первого царства.

Во-вторых, отметив, что количество и характер различий между двумя славянскими версиями гомилии таковы, что впору говорить о различных переводах, исследовательница тем не менее посчитала, что имеет дело с разными изводами одного и того же первоначального славянского перевода, которые появились в результате постепенного накопления редакционных различий и потому одинаково далеко отстоят от общего архетипа. В результате был сформулирован парадоксальный вывод о том, что Усп лучше сохраняет композиционную структуру и грамматические конструкции, а Мих — лексику первоначального славянского перевода, как будто средневековые славянские писцы и редакторы (несведущие в грамматике) не только были в состоянии отчетливо различать лингвистические уровни (являющиеся теоретическим конструктом современного языкоznания), но и по собственному усмотрению ограничивали свою практическую деятельность по исправлению текста лишь некоторыми из них!

Исследование нескольких заведомо независимых друг от друга переводов художественных произведений с английского языка на русский, проведенное в качестве следственного эксперимента по делу о пLAGиате, показало, что в среднем процент совпадения слов в таких переводах составляет 42%, а в отдельных местах может доходить до 62% (без учета собственных имен и личных местоимений) (Рецкер 1963, 45, 57–58). Следовательно, процент разнотений в независимых переводах составил в среднем 58%, снижаясь на отдельных страницах до 38%. По оценкам текстологов-палеославистов, в процессе бытования церковнославянского текста в рукописных ко-

ниях может *спонтанно* возникнуть лишь 5–10% лексических замен (от общего числа всех перестроек текста) (Алексеев 1988, 207), а в результате *сознательной правки* может появиться до 25% глагольных разнотчений (от общего числа глагольных форм) (Темчин 1991, 32, прим. 43). Различия между исследованными О. Неделькович славянскими версиями гомилии на Преполовение настолько многочисленны и существенны, что их следует считать даже не самостоятельными редакциями, а разными переводами греческого текста. К этому же выводу пришел Ф. Томсон, уточнивший, что рассматриваемые славянские переводы были сделаны с разных греческих редакций гомилии (Thomson 1984, 593–601).

В-третьих, О. Неделькович имела в своем распоряжении по одному списку каждой славянской версии гомилии на Преполовение, поэтому некоторые индивидуальные особенности списка (или одного из архетипов) были приняты ею за характеристики всей редакции, что не могло не сказаться на качестве выводов. Приведем показательный пример. Анализируя славянские варианты зачина текста — *Якоже светоносная луча, нощъ просвещающи...* (Мих, л. 155) и *Якоже светел месяцъ, нощъное обеляя...* (Усп, л. 250) — и их соответствие греческому инципиту *Οσπέο ἡ φαεσφόρος σελήνη, τὰ τῆς νυκτὸς ἀμαυρὰ λευκαίνουσα...*, исследовательница попыталась определить, как выглядел этот фрагмент в исходном славянском переводе гомилии. Признав первоначальным вариант Усп, О. Неделькович предположила, что впоследствии «сербский редактор», опираясь на греческий оригинал, ввел в славянский текст сложное прилагательное *светоносный*, но ввиду необычности получившегося сочетания *светоносный месяцъ*, решил заменить существительное на *луча* (ж.р.). В действительности же представленная в Мих словоформа *луча* появилась не вследствие сознательного редакторского решения, а в результате коррупции первоначального *луна* (в кириллице смешение **н** и **ч** облегчено их внешним сходством)⁶. Об этом говорит не только семантическое тождество ряда *σελήνη* — *месяцъ* — *луна*, но и наличие последнего слова в иных славянских списках данной гомилии⁷. Содержащаяся в Мих версия гомилии вообще характеризуется высокой степенью коррупции текста (Nedeljković 1977, 48, 55–57).

Приняв правомерные выводы О. Неделькович и внеся необходимые корректизы в иные суждения автора, можно констатировать,

что рассмотренные ею славянские версии гомилии на Преполовение: а) являются разными переводами греческого оригинала; б) связаны некоторой текстовой преемственностью; в) восходят, вероятно, к болгарской книжности эпохи Первого царства. Все это вполне определенно указывает, что перед нами еще один пример повторного перевода раннего времени. Если это действительно так, то один из этих славянских вариантов гомилии должен восходить к кирилло-мифодиевской эпохе, а другой следует отнести к болгарскому переводческому наследию. Которая же из рассмотренных версий старше? Ответ на этот вопрос может дать сравнительный анализ лексики обоих славянских списков текста (в целях повышения надежности выводов ниже рассматриваются лишь разнокоренные образования).

Во-первых, в ряде случаев Мих содержит лексемы, встречающиеся в рукописях узкого старославянского канона, тогда как Усп представляет варианты, узкому канону неизвестные (здесь и далее на первом месте приводятся чтения Мих):

богатъ 157в 10 – εὐπόρος – **имовитъ** 254а 17–18; **мыщати** 156а 32 – ἔκδικέω – **испирати** 251б 19; **обычай** 157г 10–11 – συνήθεια – **наоукъ** 254б 20; **просвѣчати** 155б 20–21 – λευκάνω – **обѣлати** 250б 16; **рѣзаніе** 156а 21 – τομή – **кроеніе** 251б 8; **съжалити си** 156б 5 – συμπαθέω – **страстовати** [в изд.: **страстова о(у)**] 251б 30.

Во-вторых, если в обеих славянских версиях употребляются лексемы, известные узкому старославянскому канону, то в Мих нередко представлен архаичный, а в Усп — инновационный лексический или текстовой вариант (в обоих случаях это видно по списку классических рукописей, в которых они встречаются⁸):

вѣскрѣшеніе 156в 26 – ἀνάστασις вариант: ἀνάληψις – **вѣсюль** 251г 27–28 (также Супр); **красынь** 157а 3–4 (также Мар, Син, Евх, Супр, Рыл) – ϕωριοῖς – **изборынъ** 253в 6 (также Ас [вне евангельского текста], Супр); **лоуня** [в рук.: **лоучя**] 155б 19–20 – σελίνη – **мѣсѧцъ** 250б 15, ср.: Мф 24.29 и Лк 21.25 **лоуня** Мар, Ас, Сав – **мѣсѧцъ** Зогр; **мъвити** 155г 35 (также Зогр, Мар, Ас, Сав) – θορυβέω – **говорити** 251а 18 (также Супр); **пасти сѧ** 157а 9 – ὀλισθάνω – **попльзинки сѧ** 253в 12 (также Супр); **пониже** 157б 9–10 – ἐπειδή – **иельма** 253г 15 (также Супр); **привидовати** 157г 24 – φαντάζομαι – **мъчътати** 254в 1, ср.: **привидѣніе** Евх, Рыл – φάντασμα – **мъчътъ** Супр; **сиати** 155б 24 – δαδουχέω – **освѣчати** 250б 20 (также Евх, Супр); **шыствие** 155б 25–26 (также Зогр, Ас, Сав, Евх, Супр) – πορεία – **ходъ** 250б 21 (также Супр).

Как видим, инновационные лексические варианты роднят версию Усп с Супр, что может служить дополнительным свидетельством общего (восточноболгарского) происхождения обоих сборников. Этот вывод подкрепляется тем, что в славянской версии Мих употребляются архаичные лексемы **иудеи**, **иудеискъ** (155б 30–31, 155б 35–155в 1, 156г 1, 156г 4, 157г 36–158а 1, 158а 16–17) и **мъножицѣ** (157б 25–26), которым в Усп соответствуют инновационные лексические варианты **жидове**, **жидовъскъ** (250б 27, 250в 2, 252а 7, 252а 11, 254в 13, 254г 2) и **мъногашъды** (253г 28), характерные для преславской (симеоновской) редакции богослужебных книг (Славова 1989, 59–62, 75–76).

В-третьих, О. Неделькович отметила, что, в отличие от авторского текста, который сильно отличается в рассматриваемых славянских версиях гомилий, цитаты из Евангелия остаются в них практически идентичными. Все же некоторая разница в передаче евангельских цитат существует, и она говорит о большей инновационности версии Усп, которая отклоняется от лексики и грамматики древнейших славянских евангельских списков⁹, в то время как вариант Мих следует им:

Ин 7.22 в' **сѹбетоу ѿбрѣзаете младѣнце** Мих, 155г 19–21 – **обрѣзова-
иетъ сѧ младеницы** Усп, 250г 31–251а 1 (в евангельском тексте вместо
младѣнца употреблено существительное **члвѣкъ**);

Ин 7.23 **ѡбрѣзаніе приимлетъ члвкъ** Мих, 155г 5–6 – **въземлеть**
Усп, 250г 12, ср.: Мф 17.24 и 25 **приимати** Мар, Ас – **възимати** Сав;

Ин 7.23 **здрава створиъ** Мих, 155г 9, 155г 27, 156а 11 – **цѣла сътво-
риъ** Усп, 250г 17–18, 251а 8–9, 251а 29–30.

Представленный выше материал позволяет заключить, что Мих содержит первый, а Усп — второй славянский перевод гомилии на Преполовение. В пользу этого вывода говорят и иные обстоятельства. Во-первых, славянский перевод, представленный в Мих, характеризуется большей свободой по сравнению с версией Усп, которая точнее воспроизводит языковую форму греческого оригинала, что было отмечено О. Неделькович. Как известно, большая степень переводческой свободы характерна для самых ранних славянских переводов (прежде всего для евангельского текста (Grivec 1956, 194–197)), тогда как более поздние переводчики предпочитали придерживаться не только смысла, но и формы греческого оригинала (Иванова-Мирчева 1977, 37–48; Иванова-Мирчева 1982, 125–126). Во-

вторых, степень коррупции текста в Мих гораздо выше, чем в Усп, который вполне исправно излагает оригинальное повествование. Высокая степень коррупции является признаком длительного бытования текста (см.: Bakker 1994, 175–180) и показывает, что повторный славянский перевод-редакция подобных произведений был вызван не прихотью болгарских книжников, но насущной необходимостью в исправлении (и языковой модернизации) функционировавших текстов.

Однако Мих представляет первый славянский перевод не в первоначальном, а уже в заметно модифицированном виде – он был подвергнут вторичной языковой правке в соответствии с восточно-болгарской языковой нормой. В результате в некоторых местах именно Мих содержит языковые новации по сравнению с Усп (теперь на первом месте цитируется Усп):

ο **въсемъ** 251а 13 – διὰ πάντων – **въхъма** 155г 31 (также Супр, Зогр-лл); **людие** 252б 17 – λαός – **плема** 156г 36 (преславизм: Сав, Супр); **пoвѣдати** 251г 28 – σαλπίζω – **тржбити** 156в 27 (также Супр); **ради** 251а 15 – ἐνεχεν – **дѣла** 155г 32 (преславизм: Сав, Супр); **сильнъ** 254б 16 – δυνατός – **моцънъ** 157г 6–7 (преславизм: Супр, Зогр-лл); **събъти са** 251б 15 – ἐνεργέω – **дѣиствовати** 156а 27–28 (также Супр).

Кроме того, в версии Мих обнаруживаются некоторые лексемы, неизвестные рукописям узкого старославянского канона:

гнѣвати са 251в 7–8 – διαποίω – **пъхати са** 156б 16; **даръ** 254а 12, 23 – δῶρον – **тоунъба** 157в 5, 16–17; **немоющъ** 252б 12–13 – ἀρρωστία – **болѣниe** (в рук.: **болѣниa** Род. п.) 156г 33; **ходатай** 251г 14 (также Евх, Клоц, Супр) – μεσίτης – **срѣдѣникъ** 156в 15.

В одной цитате из Евангелия Усп следует тексту классических славянских евангельских рукописей, а Мих сходится со вторичными версиями текста: Ин 5.6 **хощеши ли цѣль быти** Усп, 253г 20–21 – **здравъ** Мих, 157б 19 = Толковое евангелие Феофилакта Болгарского, Чудовский Новый Завет святителя Алексия, а также четвероевангелие второй половины XIV века (Санкт-Петербург, РНБ, собр. М.П. Погодина, № 21; Алексеев 1998, 20 (второй пагинации)).

Изложенный материал подтверждает вывод Д. Ивановой-Мирчевой о том, что оригинал Мих был подвергнут редактированию в восточноболгарской языковой среде. Однако количество и характер соответствующих лексических новаций показывают, что это редактирование было непоследовательным и проводилось без обращения

к греческому тексту. В будущем было бы интересно узнать, сохранился ли в рукописном наследии первый славянский перевод гомилии на Преполовение, не затронутый позднейшей преславской правкой.

Еще одна любопытная деталь говорит о том, что первый славянский перевод рассматриваемой гомилии на Преполовение восходит к кирилло-мефодиевскому времени. Как убедительно показал Л. Мошиньский, славянские названия дней недели имеют паннонское происхождение и созданы по аналогии с наименованиями воскресных дней пасхального литургического цикла (Moszyński 1985, 223–230). Лишь для названия среды исследователь не нашел аналогии в пасхальном цикле и потому обратился к иному (великопостному) периоду, что нарушает логику этого очень остроумного сопоставления. Логическая последовательность будет восстановлена, если прототипом названия среды, центрального дня недели, считать центральный день пасхального цикла – праздник Преполовения Пятидесятницы, отмечаемый в среду (*sic!*) недели *O расслабленном*. Таким образом, структура славянской недели находит точное соответствие в структуре пасхального литургического цикла, ср.: **недѣля** (воскресенье Пасхи), **понедѣльникъ** (воскресенье Антипасхи), **вторникъ** (2-ое воскресенье после Пасхи), **срѣда** (Преполовение Пятидесятницы), **четвртъкъ** (4-ое воскресенье после Пасхи), **пятъкъ** (5-ое воскресенье после Пасхи), **сѫбота** (воскресенье Святых отец, предшествующее Пятидесятнице). В славянских числовых наименованиях **вторникъ**, **четвртъкъ** и **пятъкъ** нашла отражение кирилло-мефодиевская нумерации воскресных дней пасхального цикла, заимствованная из практики Западной Церкви (Темчин 1999а, 35–50).

Правомерность ассоциации Преполовения Пятидесятницы с названием дня недели **срѣда** становится очевидной при чтении следующего фрагмента из рассмотренной выше гомилии, где указанный праздник описывается так (цитируется по Мих, л. 156 об.):

Гнъ бо ѹ настоеиши ѹ срѣдни праздники. срѣдникъ гнъ. срѣдовный праздникъ. присно же срѣ край тврьдъ ѹ. сего ради соущий срѣдни праздникъ. сѹгѹбоу вьскрѣшению блгъ йматъ. вьскрѣшению бо ѹ пентикостию срѣдоу дръже. вьскрѣшению показа пентикостию прѣстомъ кажеть.

В отношении *внутренней формы* слав. **срѣда** ‘среда (день недели)’ является калькой с нар.-лат. *media septimana* (*media hebdomas*) ‘среда

(день недели)’ или гот. *midja wiko*,ср.-в.-нем. *mittawech* ‘то же’ (Фасмер 1987, 607 (словарная статья *середá*); Moszyński 1985, 225–226), в то время как его *положение в системе* славянских обозначений дней недели мотивировано ассоциацией с Преполовением – праздничным днем пасхального богослужебного цикла, занимающим срединное положение между Пасхой и Пятидесятницей. Невозможно отделаться от мысли, что цитированная выше гомилия на этот праздник должна была читаться (в старославянском переводе) в церквях Паннонии и что именно через этот текст христианское население страны постигало природу ассоциации среды (центрального дня недели) с праздником Преполовения, который в этом произведении охарактеризован как *Средник Господень*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Москва, Государственный исторический музей, собр. Успенского собора, № 4 перг. (СК 1984, № 165; Котков 1971).
- ² Загреб, Архив Хорватской АН, III с 19 (Mošin 1955, 95–100; Aitzetmüller 1957; Турилов 2009, 461–468).
- ³ Идея о восточнославянском происхождении памятника, списком которого является древнерусский Успенский сборник, развивалась и иными исследователями (Щепкина 1972, 60–80).
- ⁴ На взаимную связь этих рукописей было обращено внимание уже сто лет тому назад (Сергий 1997, 260–263).
- ⁵ В сборник вошли оригинальные сочинения Клиmenta Охридского: Слово на Рождество Иоанна Крестителя и Слово о воскресении Лазаря.
- ⁶ Подобное смешение кириллических букв (á и â) обнаруживается в Усп, где на л. 117а 18–19 читается **ѠБ ҃ЕМЛЮ ДѢЛАѠ ОРА**, хотя греческий оригинал предполагает перевод **ѠВ ҃ЕМЛЮ ДѢЛАѠ ОРА**, см. (Freydank 1973, 702).
- ⁷ Так в версии текста, помещенной в сербской триоди № 645 (ок. 1328 г.) Народной библиотеки Сербии в Белграде (Иванова 1987, 31) и в панегирике посл. четв. XIV в. из собрания П. Н. Тиханова Санкт-Петербургской Российской национальной библиотеки (Димитрова 1990, 119).
- ⁸ Сведения о встречаемости лексем в классических рукописях и сокращенные обозначения самих рукописей (сиглы) даются по словарю (СС 1994). Если слово зафиксировано более чем в пяти рукописях узкого старославянского канона, то их сиглы не указываются.
- ⁹ Состояние текста Евангелия от Иоанна в древнейших рукописях можно контролировать по критическому изданию (Алексеев 1998).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 1988 — А. А. Алексеев. *Цели и методы текстологического исследования лингвистических источников XI–XVII вв.* Русистика сегодня. Язык: Система и ее функционирование. Москва, 1988, с. 188–209.
- Алексеев 1998 — А. А. Алексеев (ред.). *Евангелие от Иоанна в славянской традиции.* (Novum Testamentum Palaeoslovenice, t. 1). Санкт-Петербург, 1998.
- Благова 1966 — Э. Благова. *Гомилии Супрасльского и Успенского сборников.* Исследования источников по истории русского языка и письменности. Москва, 1966, с. 77–87.
- Димитрова 1990 — М. Димитрова. *Из историята на триодните панегирици през XIV в. Сборник Тиханов 540.* Старобългарска литература, кн. 23–24. София, 1990, с. 99–124.
- Заимов, Капалдо 1982–1983 — Й. Заимов, М. Капалдо. *Супрасълски или Ретков сборник.* Т. 1–2. София, 1982–1983.
- Иванова 1987 — К. Иванова. *Неизвестна редакция на триодния панегирик в състава на триода.* Старобългарска литература, кн. 20. София, 1987, с. 20–39.
- Иванова-Мирчева 1968 — Д. Иванова-Мирчева. *Хомилиарът на Миханович.* Известия на Института за български език, кн. 16: В чест на Владимир Георгиев по случай шейсетгодишнината му. София, 1968, с. 381–391.
- Иванова-Мирчева 1977 — Д. Иванова-Мирчева. *К вопросу о характеристики болгарских переводческих школ от IX–X до XIV века.* Palaeobulgarica, София, 1977, № 1, с. 37–48.
- Иванова-Мирчева 1982 — Д. Иванова-Мирчева. *Староболгарские литературные центры как ‘языковые школы’.* Palaeobulgarica. София, 1982, № 3, с. 119–128.
- Котков 1971 — С. И. Котков (ред.). *Успенский сборник XII–XIII вв.* Москва, 1971.
- Рецкер 1963 — Я. Рецкер. *Плагиат или самостоятельный перевод? (Об одной судебной экспертизе).* Тетради переводчика [вып. 1]. Москва, 1963, с. 42–64.
- Сергий 1997 — Сергей (Спасский). *Полный месяцеслов Востока.* Т. 1: Восточная агиология [1901]. Москва, 1997.
- СК 1984 — *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.* Москва, 1984.
- Славова 1989 — Т. Славова. *Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод.* Кирило-Методиевски студии, кн. 6. София, 1989, с. 15–129.

- СС 1994 — Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова (ред.). *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. Москва, 1994.
- Темчин 1991 — С. Ю. Темчин. *Дистрибуция глагольных разночтений в древнейших славянских списках Евангелия и объем первоначального перевода. Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола*. Москва, 1991, с. 9–41.
- Темчин 1999а — С. Ю. Темчин. *К установлению кирилло-мифодиевской системы нумерации воскресных дней пасхального цикла*. *Slavistica Vilnensis* 1999 (Kalbotryga 48 (2)). Vilnius, 1999, p. 35–50.
- Темчин 1999б — С. Ю. Темчин. *Что представляла собой первая славянская книга, переведенная с греческого Кириллом и Мефодием*. *Byzantino-slavica*, t. 60. Praha, 1999, № 1, p. 114–154.
- Темчин 2004 — С. Ю. Темчин. *Этапы становления славянской гимнографии (863–около 1097 года). Часть первая*. Славяноведение. Москва, 2004, № 2, с. 25–62.
- Темчин 2009 — С. Ю. Темчин. *Методика отождествления кирилло-мифодиевских гомилий*. Text – Sprache – Grammatik. *Slavisches Schrifttum der Vormoderne: Festschrift für Eckhard Weiher. (Die Welt der Slaven. Sammelbände, Bd. 39)*. München–Berlin, 2009, S. 125–137.
- Турилов 1995 — А. А. Турилов. *Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV–XVI вв. (заметки к оценке явления)*. Славяноведение. Москва, 1995, № 3, с. 31–45.
- Турилов 2000 — А. А. Турилов. *После Клиmenta и Наuma (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X–первой половине XIII в.)*. Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А., Судьбы кирилло-мифодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. С.-Петербург, 2000, с. 82–162.
- Турилов 2009 — А. А. Турилов. *О датировке и происхождении рукописи Гомилиария Михановича*. *Slavia*, roč. 78. Praha, 2009, № 3–4, № 3–4, s. 461–468.
- Фасмер 1987 — М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Издание второе. Т. 3. Москва, 1987.
- Щепкина 1972 — М.В. Щепкина. *О происхождении Успенского сборника. Древнерусское искусство: Рукописная книга [сб. 1]*. Москва, 1972, с. 60–80.
- Aitzetmüller 1957 — R. Aitzetmüller (ed.). *Mihanović Homiliar*. Graz, 1957.
- Bakker 1994 — M. Bakker. *The New Testament Lections in the Euchologium Synaiticum. Полата кънигописьна*, № 25–26. Amsterdam, 1994, p. 155–212.
- Bláhová 1963 — E. Bláhová. *Homilie Clozianu a homiliáře Mihanovićova (Syn-taktický rozbor)*. *Slavia*, roč. 32. Praha, 1963, № 1, s. 1–16.

- Freydank 1973 — D. Freydank. *Verzeichnis griechischer Paralleltexte zum Успенский сборник*. Zeitschrift für Slawistik, Bd. 18, № 5: Beiträge für den VII. Internationalen Slawistenkongreß (Warschau, 1973). Berlin, 1973, S. 695–704.
- Grivec 1956 — F. Grivec. *O svobodnih prevodih v staroslovenskih evangelijsih*. Slavia, roč. 25. Praha, 1956, № 2, s. 194–197.
- Moszyński 1985 — L. Moszyński. *Kto i kiedy ustalił słowiańskie nazwy dni tygodnia*. Litterae Slavicae Medii Aevi: Francisco Venceslao Mareš Sexagenario Oblatae (Sagners Slavistische Sammlung, Bd. 8). München, 1985, S. 223–230.
- Mošin 1955 — V. Mošin. *Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije*. Dio 1. Opis rukopisa. Zagreb, 1955.
- Nedeljković 1977 — O. Nedeljković. *Crkvenoslavenske tekstološke paralele u prijevodu Zlatoustove homilije И јЕЖЕ НЕ СОУДИТИ НА ЛИЦА*. Slovo, sv. 27. Zagreb, 1977, s. 27–60.
- Thomson 1984 — F. J. Thomson. *The Slavonic Translations of the Oratio in Mesopentecosten, in paralyticum, et in illud: 'Nolite iudicare secundum faciem' Attributed Variously to Amphilochius of Iconium and John Chrysostom*. Byzantion, t. 54. Bruxelles, 1984, № 2, p. 593–601.

S. Temčinas. Kirilli ja Methodiuse tõlgitud õpetussõnad esimese nelipüha pidustuste puhul

Artiklis vaadeldakse kaht kirikuslaavi versiooni Bütsantsi Ikonumi Amphilochiuse esimese nelipüha pidustuste õpetussõnadest, mis päinevad vanabulgaaria kirjamälestistest ning on slaavi varase perioodi korduva tõlke näidiseks. Kuna selle teksti liturgiline funktsioon ei ole vasturääkivuses vanaslaavi misjonäri tüüpi ju malateenistusele, siis, kooskõlas varem välja pakutud Kirilli-Methodiuse õpetussõnade identifitseerimise metoodikale, peab vanimat käsitletava teose slaavi versiooni tunnustama kui Thessaloniki vendade ajastust päinnevat.

Наталья Алексеевна Нечунаева

**Таллинский университет,
Академия МВД Эстонии**

**РУКОПИСЬ МИНЕИ СОФ. 203 XII в.
ИЗ СОБРАНИЯ РНБ КАК ТЕКСТ И СПИСОК**

Гимнография – Минея – рукопись – список – устав – состав рукописи – структура текста – языковые разнотечения

Гимнографические источники сыграли важную роль в становлении и развитии славянского языка и культуры в ареале *Slavia Orthodoxa*. Вычленение из круга гимнографических памятников рукописей разного типа и определение их роли в истории языка в качестве неотъемлемого его компонента является важной исследовательской задачей современной диахронической лингвистики. Язык переводной книжности, повлиявший на становление норм русского литературного языка на всех уровнях и на становление правил организации текста, дает прекрасную возможность для изучения глубинных процессов дихотомии «свое – чужое» в языке и усвоение «чужого» как одного из компонентов «своего».

Минея вместе с Триодью и Октоихом образует корпус гимнографических книг. Минея состоит из изменяемых песнопений неподвижного годового круга православной церкви и содержит расположенные по месяцам последования на каждый день года в честь святых и праздников. Научная проблематика, связанная с изучением гимнографических текстов как особых источников достаточно многообразна. В истории русского языка гимнография была проводником византийской культуры, явившись богатейшим источником по истории богослужения, агиографии, теории и технике перевода, древним славянским языкам на любом уровне — от фонетики до стилистики. В то же время литургический текст для современного человека часто является «закрытым».

Обсуждение сложной научной проблемы — содержательной стороны гимнографии, особенно на материале недостаточно исследованных средневековых рукописей, — вызывает живой интерес в кругах специалистов. Корпус гимнографических книг — Триоди, Минеи и Октоиха,

относящихся к начальному периоду славянской письменности, — долгое время оставался мало изученным с понятийной точки зрения. Свидетельство тому — редкое использование цитат из гимнографических книг в словарях древнерусского языка. Хотя в последнее время это ситуация стала меняться в связи с публикацией в разных формах рукописей Минеи и Триоди. Появилось немало исследований разного типа гимнографических книг, в т.ч. и исследований их понятийной стороны: работы Е.М. Верещагина, В.Б. Крысько, В.А. Баранова М.А. Моминой, Н. Трунте (см.: Верещагин 2006; Крысько 2005; Баранов, Марков 2003; Момина, Трунте 2004) Изучение особенностей языка в совокупности с учетом богословского основания содержательного аспекта дополняет исследования по семантике и символике слова в древних рукописях, о его образно-поэтическом употреблении, о соотношении слова и текста.

Язык гимнографических текстов относится к книжно-славянскому типу древнерусского литературного языка. Одной из проблем изучения языка гимнографии становится исследование закономерностей нормативного словоупотребления, связанного не только с конкретным списком, но и типом текста, реализованного в данном списке. Сложность изучения лексики в многосписочном памятнике традиционного содержания определяется большим количеством вариантов в списках. Причины могут быть различными: территориальная и временная принадлежность списка, изменение значения слова, обусловленное развитием лексической системы языка; индивидуальное употребление лексемы, принцип перевода — «свободный» или максимально приближенный к оригиналу. Важно, что варьирование является приметой лексической системы языка памятников традиционного содержания, при этом не происходит разрушение текста во времени и сохраняется возможность его прочтения и понимания спустя тысячелетие. Поэтому понимание текста является необходимой задачей любого исследования. Анализ текста Минеи как типа книги и слова в тексте неразрывно связан с анализом конкретного списка и слова в списке. Но первым этапом исследования становится лингвотекстологическое описание рукописи. Оно позволяет вписать список в общую типологию текста Минеи или Триоди и проследить специфические особенности анализируемой рукописи.

Минея в силу своей конфессиональной принадлежности относится к числу самых распространенных текстов в славянском ареале XI–XIV вв. По количеству сохранившихся рукописей этого периода Минея занимает второе место после «Евангелия». В «Сводном ката-

логе славяно-русских рукописей XI–XIII вв.» (СК 1984) учтено 494 рукописи: из них 131 список «Евангелия» и 68 списков Минеи, 29 списков Триоди, 14 списков Октоиха. Благодаря современным компьютерным технологиям, списки Минеи из труднодоступных источников перешли в разряд представленных не только в печатном варианте, но и в интернете (Манускрипт 2004–2011).

Славянская служебная Минея на май сохранилась в наибольшем количестве списков. Согласно «Сводному каталогу», до нас дошли 11 списков XI–XIV вв. Памятник имеет интернет-версию электронного многотекстового издания (<http://manuscripts.ru/>). В ней представлены древнерусские списки майской Минеи, включающие пять рукописей XI–XIII вв.: 1) Служебная Минея на май («Путтина Минея»), XI в. (РНБ Соф. 202; СК 1984, № 21); 2) Служебная Минея на май, XII в. (ГИМ Син. 166; СК 1984, № 89); 3) Служебная Минея на май, XII в. (РНБ Соф. 203; СК 1984, № 90); 4) служебная Минея на май, XIII в. (РНБ Соф. 204; СК 1984, № 282); 5) Праздничная Минея (служебная на май), кон. XII– нач. XIII вв. (РНБ Ф.п.И.25; СК 1984, № 156). Первая публикация этой/ последней рукописи была осуществлена в 2001 году (2). В «Сводном каталоге» и в каталоге РНБ рукопись имеет другой шифр Q.п. I.25.

В кругу списков Минеи студийского типа один из самых интересных — список майской Минеи Соф. 203 XII в. из рукописного собрания РНБ (СК 1984, № 90). Древнерусский список Минеи служебной, май XII Соф. 203 написан уставом на 136 пергаменных листах в четверку. Текст рукописи поврежден мышами, проеден насекомыми, частично стерся, размыт, некоторые листы выпадают, есть утраты листов в середине. На первом листе имеется запись скорописью XVII в. «*Книга Благовещенского монастыря*», на обороте первого листа помещены обрывки молитвы и пробы пера. На 1-м, 10-м, 20-м листах имеются пометы 1855 г. о принадлежности рукописи новгородскому Софийскому собору. Рукопись содержит службы на 1–31 мая. Однако утрачены: 49-й и 50-й листы в службе 10 мая; 49-й лист/об. конец стихиры Симону Зилоту; 50-й лист, начиная с 4-й песни канона ему же; между 129-м и 130-м листами, в службе 20 мая; 129-й лист конец. 1-й песни канона мученице Феодосии, 130-й лист, начиная с Богородична 3-й песни канона Исааку исповеднику, 31 мая.

Список не опубликован в печатном варианте, однако его электронная версия находится на указанном выше сайте. Список так-

же использован в качестве параллельного текста в двух публикациях «Путятиной Минеи» XI в., осуществленных в Америке (Страхов 1990–2008) и в Москве (Щеголева 2001). Рукопись послужила источником материала для трех наших публикаций (Нечунаева 1993, 188–198; 2000; 2010, 850–851).

Список Соф.203 представлен в описаниях рукописных источников РНБ:

- И.К. Куприянов. *Обозрение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки*. Т. VI, вып. 1. С.-Петербург, 1857, с. 50–51 (публикация отрывка);
- И.И. Срезневский. *Древние памятники русского письма и языка*. Изд. 2. С.-Петербург, 1898, стб. 77;
- Сергий, архиепископ 1901. *Полный месяцеслов Востока*. Т. I. Восточная агиология. Владимир, 1901, с. 211–212;
- Н.В. Волков. *Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI–XIV вв. и их указатель*. С.-Петербург, 1897, с. 66;
- Е.Э. Гранстрем. 1953. *Описание русских и славянских пергаменных рукописей (ГПБ)*. Рукописи русские, болгарские, молдавляйские, сербские. Ленинград, 1953, с. 20 (публикация записи).

Традиционно минейные списки XI–XIV вв. доходили до исследователей и читателей благодаря словарям. Уже И.И. Срезневский включил 25 минейных списков в число источников «Материалов для словаря древнерусского языка». Но среди этих источников его словаря нет рукописи Соф. 203. СДРЯ XI–XIV вв расширил список минейных источников, но список Соф. 203 в этом перечне тоже отсутствует.

Типологически списки Минеи подразделяются на 3 типа: архаичный, студийский, иерусалимский с подразделениями на ранний иерусалимский и классический иерусалимский. В основе классификации лежит текстологическая типология списков — набор памятей и структура службы в соответствии с тем или иным уставом, а также языковые чтения параллельных мест текста. Количество рукописей по типам распределяется неравномерно — это связано с сохранностью списков и распространённостью самого типа текста.

Архаичному типу соответствуют всего 10 древнерусских, южнославянских и греческих списков (Нечунаева 2008, 9–23). Достаточно многочисленны списки второго типа — их более 60 по «Сводному каталогу». Они следуют студийскому уставу и относятся к типу гимнографических книг, сложившемуся на Руси во второй половине XI в. в результате правки по оригиналу. Нормативный аспект этих списков связан с тем, что редакторы-переписи-

чики стремились быть как можно ближе к первоисточнику и допускали наименьшее количество расхождений с ним. Такой текст считался образцовым. При всем своем единстве эти списки все же дают некоторое разнообразие, как в текстологии, так и в языковых чтениях.

Списки раннего иерусалимского типа представлены также ограниченным количеством текстов. Среди майских миней нам известны 3 списка этого типа XIV в. Это списки Т.112 и Т.114 из коллекции РГАДА и список 15462 из собрания Ярославского музея. Классический иерусалимский тип представлен большим количеством списков, число которых не установлено, так как списки X–XVII вв. не всегда внесены в изданные каталоги. Примером списков такого типа являются рукописи из собрания Кирилло-Белозерского монастыря и Печерского монастыря.

Совершенствуется методика исследования списков Минеи. Сама возможность сравнения типов и версий памятника подсказана реальным увеличением состава и структуры одного и того же текста, что хорошо соответствует общему принципу средневековой работы с текстом, который увеличивается в версиях как состав, но сохраняет единство как текст. При исследовании многосписочных гимнографических памятников в отношении их структуры, состава и языковых разнотечений наиболее эффективным является комплексный метод, направленный на привлечение максимально возможного количества списков. Для майской Минеи — это 11 списков XI–XIII вв. и 6 типовых списков XIV в. Изучение миней XI–XIV вв. проводится синхронно и диахронно. Синхронное изучение необходимо для выявления характеристик, общих для всех рукописей названного периода и специфичных, для каждой в отдельности — в данном случае для Соф. 203. Диахронное изучение нужно для определения динамики развития Минеи как типа книги в рамках рассматриваемого периода (установление типологии рукописей, связь с уставом). Рассматривая движение текста в диахронии, внутритекстовое варьирование разных языковых единиц, процессы «свертывания» и «развертывания» значений многомерного смысла, можно выявить новые нюансы значений, связанные с принципами перевода. Отсюда варьирование в старших списках Минеи и стабильность текста в поздних рукописях.

По данным «Сводного каталога рукописей XI–XIII вв.», хронологически среди майских Миней списку Соф. 203 предшествует «Пу-

тятине Минея», относящаяся к архаичному типу, и список Син. 166 XII в., входящий в круг студийских миней.

Состав памятей — один из ведущих текстологических признаков списка. Список Соф. 203 имеет текстологические особенности, связанные с набором памятей. Специфика календаря списка заключается в том, что он отличается как от календаря «Путятиной Минеи», так и от списков студийского типа, совпадающих с ним хронологически. Так, 4 мая служба св. Никите отсутствует в архаичных и студийских списках. Она отмечается в иерусалимских списках, но под 28-м мая. Аналогично 13 мая служба св. Гликерии, кроме Соф. 203, имеется в иерусалимских списках обоих подтипов. 15 мая память св. Пахомию соответствует ее местоположению в списках иерусалимского типа. Таким образом, в списке Соф. 203 отмечаются текстологические признаки списков, следующих иерусалимскому уставу и получивших распространение на Руси с конца XIV – начала XV вв. В оригинале появление списков иерусалимского типа датируют XII в. Самое раннее следование иерусалимского устава в списках майских Миней, судя по составу памятей, отражено в списке XII в. Соф. 203, т.е. почти одновременно с греческими списками.

Структура текста — второй важный текстологический признак. Структура текста Соф. 203 полностью совпадает со структурой текста в студийских списках: канон следует после малых песнопений — седальна и стихиры (в архаичном типе порядок обратный). Однако кондак может быть помещен по порядку следования службы после 6-й песни канона (24 мая, св. Симон) так, как это и положено по иерусалимскому уставу. Такое местоположение кондака в тексте свидетельствует о том, что уже самые старшие списки могли иметь не только жанровую структуру, но и в структуре текста отражать порядок следования песнопений при службе.

Список Соф. 203, имеющий особенности состава, обладает некоторой спецификой в языковых чтениях. Отмечены лексические варианты, отличающие текст Соф. 203 от текста списков всех типов: **силою прѣпоясавъся** (Соф.203) – крѣпостию прѣпоясанъ; **женихъ краси**ны (Соф.203) – женихъ блѣдѣны.

Чтения в Соф. 203 могут совпадать с чтениями в «Путятиной Минее» и отличаться от остальных студийских списков: **прѣчта срѣда твоего овра** (Соф.203, ПМ) – чистлаго сърдца твоего славыне (студийский тип). В таком совпадении чтений отражается момент стабилизации

текста Соф. 203 по тексту-предшественнику, зафиксированному в «Путятиной Минее». Студийские же списки имеют какой-то другой образец, на который и ориентируются. Вариант в остальных студийских списках появляется при справе и дает стабилизацию уже по тексту-оригиналу.

Синтагматическое варьирование и обратный порядок слов в словосочетании *мо^гдро^{ст}ь не^вѣрн^иж^и* (ПМ, Соф. 203) – *не^вѣрн^иы съ^мысль* (студийские списки) свидетельствует об архаичности перевода в «Путятиной Минее» и Соф.203: выражено по-славянски, а не по-гречески. Прямой порядок слов во всех списках студийского типа отражает греческий текст *τὸ ἀπίστεον*. В списках иерусалимского типа зафиксирован словообразовательный вариант *м^вдрование* (РНБ Кир/ Белоз.361/618). В славянском варьировании *мо^гдро^{ст}ь не^вѣрн^иж^и* – *не^вѣрн^иы съ^мысль* хорошо прослеживается путь, по которому шли редакторы-переводчики минейного текста, — настороживое приближение к оригиналу по принципу максимального соответствия оригиналу, выразившегося в методе пословного перевода.

«Путтина Минея» и Соф.203 более свободны в переводе и так же, как и «Ильина книга», являются «памятниками неконтролированного, т.е. не подлежащего исправлению по греческим образцам славянского минейного текста» (Верещагин, Крысько 1999, 3–26).

Вариативные чтения в списке Соф. 203 отражают некоторые тенденции, обычно связанные с иерусалимским типом, напр., реставрацию грецизмов в тексте: *ол^темь* вместо *масломъ* и замены немаркированных лексем на лексемы с неполногласием: *глы вѣрны* (Соф.203) – *глаголы благочестивыя* (иерусалимский тип). Новые ориентиры в тексте, обычно связанные со вторым южнославянским влиянием, явно не укладываются в принятые хронологические рамки данного явления. Начало процесса обычно связывают с концом XIV в. Список Соф. 203 XII в. свидетельствует о более ранних возможностях проявления второго южнославянского влияния. Однако структура текста оказывается более значимым показателем, чем состав. Как бы список Соф. 203 ни тяготел по составу то к архаичному типу, то к иерусалимскому, все же он относится к спискам студийского типа по расположению песнопений и языковым чтениям, в большинстве случаев, соотнесенных с чтениями в типовых студийских списках: *չълօկ եծակոնիկ* (архаичный тип) – *չլօօմնիկ* (Соф. 203, студийский тип) – *չլօօմնիկ/չլօօմնիւն* (иерусалимский тип)

Список Соф. 203 показывает, что в пределах большого массива однотипных списков возможно существование нестандартного подтипа, особенно в момент начального этапа справы. Аналогичная закономерность проявилась в момент появления древнейших рукописей — «Путятина Минея», старший список, отличается от всего корпуса других списков Минеи по тем же показателям: составу, структуре текста и лингвистическим особенностям. Таким же своеобразием отличаются списки так наз. раннего иерусалимского типа XIII–XIV вв. Они не ориентированы полностью на студийские образцы, так как имеют порядок следования песнопений по иерусалимскому уставу, имеют особые лексические чтения, но сохраняют состав текста, соответствующий студийскому уставу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Рукописные хранилища

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

2. Источники

РНБ Соф. 202 — Минея служебная, май («Путятина Минея»), XI в.

РНБ Соф. 203 — Минея служебная, май, XII в.

РНБ Соф. 204 — Минея служебная, май, XII в.

РНБ Q. п. I.25 — Минея праздничная, май, конца XII – начала XIII вв.

РНБ Кир/Белоз.361/618 — Минея служебная, май, начало XVI в.

ГИМ Син. 166 — Минея служебная, май, XII в.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов, Марков 2003 — *Путятина минея. Текст, исследования, указатели*. Изд. подг. В. Баранов, В. Марков. Ижевск, 2003.

Верещагин 2006 — *Древнейший славянский богослужебный сборник «Ильяна книга». Факсимильное воспроизведение рукописи. Билингварно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием*. Подготовил Е.М. Верещагин. Москва, 2006.

Верещагин, Крысько 1999 — Е.М. Верещагин, В.Б. Крысько. *Наблюдения над языком, текстом невмами архаичного источника — Ильиной книги. Вопросы языкоznания*, Москва, 1999, № 2, с. 3–26.

- Крысько 2005 — Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. Москва, 2005.
- Момина, Трунте 2004 — *Triodion und Pentekostarion: nach slavischen Handschriften des 11–14 Jahrhunderts*. Hg. M.A. Momina und N. Trunte. Pabern. 2004. Internet/ Веб-ресурс: www.schoening.de.
- Манускрипт 2004–2011 — *Манускрипт. Древние славянские памятники. 2004–2011*. Веб-ресурс: <http://manuscripts.ru>.
- Нечунаева 1993 — Н.А. Нечунаева. *Минейный список XII в. на фоне синхронных древнерусских текстов* Проблемы исторического языкознания. Русский язык донационального периода. С.-Петербург, 1993, с. 188–198.
- Нечунаева 2000 — Н.А. Нечунаева *Минея как тип славяно-греческого средневекового текста*. Tallinn, 2000.
- Нечунаева 2008 — Н.А. Нечунаева *Минея: история текста и списков XI–XIV вв.* Slavica Tartuensis VIII: Славянское языкознание: покидая XX век. К XIV Международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Tartu, 2008, с. 9–23.
- Нечунаева 2010 — Н.А. Нечунаева *Минея: типология текстов и список Соф. 203 XII в. из собрания РНБ*. Русский язык: исторические судьбы и современность (V Международный конгресс исследователей русского языка). Москва, 2010, с. 850–851.
- СДРЯ 1988, 2001 — *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. I. Гл. ред. Р. И. Аванесов. Москва, 1988; Т.VI. Гл. ред. И. С. Улуханов. Москва, 2001.
- СК 1984 — *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.* Москва, 1984.
- Страхов 1990–2008 — *Путятина Минея на май*. (Подготовка текста и параллели М.Ф. Мурьянова; ред., пред. и комм. А.Б. Страхова). Palaeoslavica VI–VIII, Cambridge – Massachusetts, 1998–2000.
- Щеголова 2001 — Л.И. Щеголова. *Путятина Минея (XI век) в круге текстов и истолкований*. Москва, 2001.

**N. Netšunajeva. Menea Sof. 203 (XII sajand)
Vene Rahvusraamatukogu kogust kui tekst ja käsikiri**

Artiklis kirjeldatakse Meneat — vanaslaavi hümnograafilist kiriklikku teksti. Teksti esimesed tõlked on tehtud kreeke keelest Kirill ja Methodiuse ajastul. Rakendades lingvotekstoloogilist analüüsimeetodit, tehakse kindlaks lingvotekstoloogiline tüpoloogia ja keelevariantide iseärasused. Toetudes nendele omadustele näidatakse käsikirja Sof. 203 keelelist omapära.

III. МИКРОЯЗЫКИ СОВРЕМЕННОЙ СЛАВИИ: (СОЦИО)ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Джон Данн/ John Dunn
University of Glasgow/ Bologna

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И «ЕВРОПЕЙСКАЯ ХАРТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ ИЛИ ЯЗЫКОВ МЕНЬШИНСТВ»

Совет Европы – региональные языки и языки меньшинств – лингвистическая карта Европы

«Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств» (далее — Хартия) была принята Советом Европы 25 июня 1992 г., а вступила в силу 1 марта 1998 г., когда ее ратифицировало 5-е по счету государство. Ситуация на октябрь 2010 г. такова: процесс ратификации завершен в 25 странах; 8 стран подписали Хартию, но еще не ратифицировали ее; 14 стран-членов Совета Европы не подписали ее. К Хартии могут присоединяться государства, которые не являются членами Совета Европы (в эту категорию входит Белоруссия), но на данный момент нет ни одной такой страны, которая бы решилась на такой шаг¹.

Если сосредоточить внимание на тех странах, где говорят или предположительно говорят хотя бы на одном славянском языке, получится такая картина: ратифицировали Хартию Австрия, Армения, Босния и Герцеговина², Венгрия, Германия, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Черногория, Чехия. Следующие страны подписали, но еще не ратифицировали Хартию (в скобках дан год подписания): Азербайджан (2001), Италия (2000), Македония (1996), Молдавия (2002), Россия (2001). Наконец, в группу стран, еще не подписавших Хартию, входят Албания, Болгария, Греция, Грузия, Латвия, Литва, Эстония.

Когда страна ратифицирует Хартию, она одновременно составляет и так наз. декларацию, в которой указываются те языки, на которые распро-

страняется Хартия, и тот уровень поддержки, который будет оказываться тому или иному языку. Есть два уровня поддержки: первый — это когда страна делает общую декларацию о том, что будет применять принципиальные положения Хартии в отношении того или иного языка, а второй — это когда страна принимает на себя специфические обязательства, касающиеся употребления того или иного языка в целом ряде сфер деятельности (образование, судебная система, административная система и государственные службы, СМИ, культурные мероприятия и объекты, экономическая и социальная жизнь)³. Важно здесь отметить, что целью Хартии является сохранение и поддержка самих языков, а не соблюдение прав национальных меньшинств; последним вопросом занимаются другие институции Совета Европы.

Через три года после ратификации начинается процесс мониторинга: каждая страна составляет отчет о работе по выполнению обязательств, принятых в ратификации, и эта работа оценивается экспертной комиссией. Процесс мониторинга, который повторяется каждые три года, завершается составлением списка официальных рекомендаций, который провозглашает Комитет министров Совета Европы. Некоторые страны, напр., Венгрия или Хорватия, проходят или уже прошли 4-й цикл мониторинга, но большинство стран Центральной и Восточной Европы находятся на начальном этапе: Сербия, Украина, Черногория и Чехия прошли только первый цикл, а страны, присоединившиеся к «Хартии» лишь в последние годы (Польша, Румыния), только начали его. После завершения каждого цикла все документы публикуются на сайте Хартии.

Вопрос о том, как функционирует (или не функционирует) Хартия в отношении славянских литературных микроязыков, рассматривался С. Густавссоном (Gustavsson 2006, 82–101; 2008, 54–62). Здесь внимание сосредоточивается на более общей проблематике, связанной с самим существованием Хартии и с применением ее принципов в тех странах и регионах, где говорят на славянских языках. При этом нельзя пройти мимо работы тех ученых, которые вместе с проф. А.Д. Дуличенко занимаются славянскими литературными микроязыками и, в частности, докладов, опубликованных в двух сборниках серии «Slavica Tartuensia» (Slavica Tartuensia VII, 2006; VIII, 2008).

Первые вопросы возникают уже в связи с самим процессом присоединения к Хартии. Оказывается, что 7 стран, принадлежащих или потенциально принадлежащих к «славянскому миру», не подписали

Хартию, а остальные 5 стран подписали ее, но еще не завершали процесс ратификации. К тому же, как видно из второго абзаца этой статьи, в некоторых странах процесс ратификации по той или иной причине затягивается на годы. Особенно любопытна ситуация в Италии, где законопроект о ратификации Хартии был одобрен низшей палатой парламента (*Camera dei deputati*) уже в 2003 г.⁴

Заметно, что особые проблемы с подписанием и с ратификацией Хартии возникают в трех регионах Европы, а именно: в Закавказье, в южной части Балканского полуострова и в странах Балтии. Как известно, во всех этих регионах существует сложная и иногда напряженная ситуация вокруг идентификации и определения статуса групп, которые могли бы попасть в сферу применения Хартии. Скорее всего Хартия сама по себе не может принести благо, где ее не существует; наоборот, она может быть задействована только тогда, когда уже проделаны основательные работы по определению и выяснению статуса региональных языков и языков меньшинств. И, действительно, в некоторых случаях Хартия является дополнением к уже существующим законам о языках меньшинств: в Италии, где процесс ратификации еще не завершен, закон об охране исторических языковых меньшинств существует с 1999 г.⁵

Из 26 деклараций, опубликованных на сайте Совета Европы⁶, 12 упоминают хотя бы один славянский язык. Общее количество славянских языков, упомянутых в этих декларации, равняется 19: белорусский (Польша, Украина), болгарский (Румыния, Сербия, Словакия, Украина), боснийский (Сербия), верхнелужицкий (Германия [Саксония]), градищанско-хорватский (Австрия [Бургенланд]), кашубский (Польша), лемковский (Польша), македонский (Босния и Герцеговина, Румыния), нижнелужицкий (Германия [Бранденбург]), польский (Босния и Герцеговина, Румыния, Словакия, Украина, Чехия — в некоторых регионах), русинский (Босния и Герцеговина, Румыния, Сербия, Словакия, Хорватия), русский (Армения, Польша, Румыния, Украина), сербский (Венгрия, Хорватия, Румыния), словацкий (Австрия [Вена], Босния и Герцеговина, Венгрия, Польша, Румыния, Сербия, Украина, Хорватия, Чехия), словенский (Австрия — 2 региона, Босния и Герцеговина, Венгрия), украинский (Босния и Герцеговина, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Хорватия), хорватский (Венгрия, Румыния, Сербия, Словакия), черногорский (Босния и Герцеговина), чешский (Австрия [Вена], Босния и Герцеговина).

на, Польша, Румыния, Словакия, Хорватия). Язык-чемпион по количеству упоминаний — это словацкий, который фигурирует в 9 разных декларациях. Страна-чемпион по количеству славянских языков, упомянутых в ее декларации, — Румыния: там, оказывается, говорят на 10 славянских языках.

Частичное объяснение того, что общее количество языков достигает 19, находится в том, что в декларациях ряда стран явно и недвусмысленно зафиксировано разложение бывшего сербско-хорватского языка на 5 отдельных языков: боснийский, сербский, хорватский, черногорский и градищанско-хорватский. Последний из этих языков заслуживает особого внимания: упоминание градищанско-хорватского языка (*Burgenlandcroatian*) в декларации Австрии (и ее языковая политика) дает официальное признание факту, что славянское население провинции Бургенланд считает себя хорватским, но в то же время язык, на котором говорит это население, и его постепенно формирующийся стандарт, отличается от стандартного хорватского языка, использующегося в самой Хорватии (Tugan 2006, 122–137). Англоговорящие давно привыкли к тому, что их язык функционирует в нескольких общепризнанных вариантах, но существование двух официально признанных вариантов хорватского — это, кажется, уникальный случай среди славянских языков.

Градищанско-хорватский язык отражает и вторую тенденцию, приведшую к увеличению количества славянских языков. В первой статье Хартии эксплицитно выражено, что действие Хартии не распространяется на диалекты, но для ответа на вечный вопрос — где кончается язык и где начинается диалект — необходимо обратиться к «Пояснительному докладу» (см. примечание 3), где объясняется, что решение этого вопроса оставлено на усмотрение каждого отдельного государства «в рамках присущих ему демократических процедур» (статья 32).

На практике, оказывается, во многих странах преобладает либеральная тенденция, и многие «формы выражения» (= языковые образования)⁷, которые полвека назад принято было считать диалектами, теперь получили статус отдельного языка и впоследствии право на официальную поддержку со стороны того или иного государства. Эта тенденция, может быть, более заметна в отношении некоторых западноевропейских языков, но, помимо градищанско-хорватского, можно указать на присутствие обоих вариантов серболужицкого в

декларации Германии и на присутствие кашубского и лемковского в декларации Польши.

Тем не менее ситуация вокруг языков и диалектов неоднозначна. Декларация Польши подтверждает статус кашубского как отдельного языка, но демократические процедуры, присущие этой стране, привели к иному решению в отношении силезского, который не включен в список охраняемых языков, несмотря на то, что, согласно последней переписи населения Польши (2002), столько же людей (или чуть больше), сколько на кашубском, говорят дома на силезском⁸.

Возникают проблемы и с русинским языком, который упоминается в декларации 5 государств (Босния и Герцеговина, Румыния, Сербия, Словакия, Хорватия)⁹, но который отсутствует в декларации Украины, так как местные власти имеют иную точку зрения на статус этого языка (Gustavsson 2006, 86–87; Падяк 2006, 269, 279–283). В то же время не совсем ясно, как соотносится лемковский язык, упомянутый в польской декларации, с русинским. Возможно, что такие расхождения во мнениях и в языковой политике являются неизбежным последствием формулировки Хартии и «Пояснительного доклада»; в таком случае единственным механизмом, который мог бы содействовать выработке согласованной позиции по таким вопросам в соседствующих странах, может стать процесс мониторинга, но на данный момент неясно, насколько этот процесс будет эффективным. В отношении Украины недавно завершился первый цикл мониторинга: замечание в «Докладе» комитета экспертов о ситуации русинского выражено в максимально мягкой форме (Application 2010, 97)¹⁰, но оно тем не менее не соотносится с позитивным откликом со стороны украинских властей (Application 2010, 107).

Согласно первой статье Хартии, ее действие не распространяется и на язык мигрантов. В 31-ой статье «Пояснительного доклада» выясняется, что

«действие хартии не распространяется на группы выходцев из неевропейских стран, недавно приехавших в Европу и получивших гражданство того или иного европейского государства. Формулировки, использованные в Хартии, <...> ясно указывают на то, что Хартия охватывает только исторические языки, т.е. те, на которых в течение длительного периода говорят в данном государстве» (см. примечание 3).

Здесь явно просматривается западноевропейская ориентация Хартии: во Франции или Великобритании нетрудно при желании отграничить, допустим, бретонский от кабильского или валийский от языка панджаби. Но такая формулировка не учитывает ситуацию в тех странах, где демографические процессы, произошедшие за последние 100–150 лет, сделали термины «язык мигрантов» или «исторический язык» неоднозначными. Самым ярким примером проблемы, созданной вышеприведенной формулировкой, является положение русского языка в странах Балтии, где расплывчатость использованных терминов оставляет место для противоречивых выводов, осложняя тем самым процесс присоединения этих стран к Хартии.

По всей видимости, Хартия не может стать тем инструментом, который был бы способен решить сверхсложный и очень специфический вопрос о статусе русского языка в независимых странах бывшего Советского Союза. Этот вывод подтверждается ситуацией в Украине. Согласно 10-ой статье «Пояснительного доклада», «Хартия призвана защищать и поддерживать региональные языки и языки меньшинств как находящуюся под угрозой исчезновения часть культурного наследия Европы» (см. примечание 3), и тот аргумент, что русский язык не входит в категорию языков на грани исчезновения, используется украинским правительством в пререканиях с российской стороной по поводу языкового вопроса¹¹. Такое «минималистское» понимание целей Хартии вряд ли можно назвать бесспорным, но оно еще раз демонстрирует ограничения, присущие Хартии. Для решения вопроса о русском языке более значительную роль могли бы сыграть, скорее всего, другие инструменты Совета Европы, напр., те, которые относятся к правам самих меньшинств или к местному самоуправлению.

Подытоживая сказанное выше, можно сделать несколько общих выводов.

1. От того, что многие страны еще не подписали Хартию, а в некоторых процессе ратификации затягивается на годы, создается впечатление, что Хартия по региональным языкам или языкам меньшинств не является приоритетным направлением для работы Совета Европы; по-видимому, нет того желания оказывать давление на «трудные» страны, которое усматривается в других сферах работы Совета.

2. Хартия не может сама по себе оказаться той «волшебной палочкой», которая была бы способна решить все проблемы, связанные с региональными языками и языками меньшинств. Отсутствие консенсуса вокруг этой проблематики в некоторых странах и неоднозначность отдельных формулировок в самой Хартии создают условия, препятствующие эффективному применению в общем благородных принципов, изложенных в этом документе.

3. Тем не менее там, где уже существует добрая воля, ратификация Хартии и процесс мониторинга действительно могут играть позитивную роль в решении ряда вопросов, имеющих отношение к статусу и употреблению региональных и миноритарных языков и содействовать их сохранению и развитию. В более общем плане Хартия помогает в созидании климата толерантности в отношении региональных языков и языков меньшинств по всему континенту.

4. Однако может быть, что самым важным и самым интересным эффектом Хартии окажется другое: в связанных с Хартией документах просматриваются значительные изменения в лингвистической географии Европы. Та новая карта, которая постепенно вырисовывается перед нами, изображает континент, где существует не 12, а 19 общепризнанных славянских языков; где в Румынии говорят не менее, чем на 10 разных славянских языках; где словацкий язык используется не только в Словакии, но еще в 9 странах; где есть не только отдельный хорватский язык, но и два признанных варианта этого языка. И за всеми этими языками закрепляется какой-то определенный статус, который может быть разным не только в разных странах, но и в различных регионах одной отдельно взятой страны. В силу новейших тенденций лингвистическая карта Старого континента не упрощается, а, наоборот, становится все пестрее и сложнее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст Хартии и большой набор других документов, относящихся к ней (включая список стран, подписавших или ратифицировавших ее), см. на сайте: <http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/default_EN.asp?>. Официальный текст Хартии и «Пояснительного доклада» опубликован на английском и французском языках, но неофициальные переводы на целый ряд других языков можно найти здесь: <http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/textcharter/default_en.asp>.

- ² Босния и Герцеговина ратифицировала Хартию 21 сентября 2010 г., и она там вступит в силу только с 1 января 2011 г.
- ³ Здесь воспроизводится терминология русского перевода «Пояснительного доклада» о Хартии (<http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/text-charter/Charterexpl_rus.pdf>, ст. 44).
- ⁴ <http://www.camera.it/_dati/leg14/lavori/stenografici/framedinam.asp?sedpag=sed374/s000r.htm>.
- ⁵ *Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche* (<<http://www.camera.it/parlam/leggi/994821.htm>>). Соответствующий польский закон, вступивший в силу в 2005 г., см.: <http://www.mswia.gov.pl/portal/pl/178/2958/Ustawa_o_mniejsosciach_narodowych_i_etnicznych_oram_o_jezyku_regionalnym.html>. Некоторые другие законы можно найти в оригинале и в английском переводе на сайте: <<http://www.minelres.lv/NationalLegislation/natleg.htm>>.
- ⁶ Тексты деклараций опубликованы только на английском и французском языках. Английский вариант деклараций см.: <http://conventions.coe.int/treaty/Commun>ListeDeclarations.asp?NT=148&CM=1&DF=&CL=ENG&V_L=1>.
- ⁷ Здесь сохраняется тот перевод английской фразы «forms of expression», который употребляется в «Пояснительном докладе».
- ⁸ Точные цифры: 56 643 для силезского, а 52 665 для кашубского; результаты переписи 2002 г. см.: <http://www.stat.gov.pl/gus/5840_4520_PLK_HTML.htm>. Вопрос о статусе силезского поднимался во время дебатов в польском Сейме о ратификации Хартии (см.: <<http://orka.sejm.gov.pl/Buletyn.nsf/31a5e0f7750d0317c1256b2900339858/91ef5473e7e9cbfac125703700431fa6?OpenDocument>>. О ситуации в Польше см. также: Hentschel 2000, 893–909; Czesak 2006, 360–385; Moser 2008, 123–153).
- ⁹ Здесь есть один терминологическое расхождение: в большинстве англоязычных деклараций русинский язык называется Ruthenian; однако в декларации Боснии и Герцеговины он почему-то называется Rysin [так!].
- ¹⁰ «Other languages are not mentioned in the instrument of ratification of Ukraine, but could nevertheless be covered by part II of the Charter, such as Armenian, Czech, Karaim, Krimchak, Romani, Ruthenian and Tatar» (Application 2010, 97).
- ¹¹ См.: <<http://www.mfa.gov.ua/mfa/ua/news/detail/9948.htm>>.

ЛИТЕРАТУРА

Падяк 2006 — В.И. Падяк. *Закарпатье (Подкарпатская Русь): проблемы и особенности функционирования русинского литературного языка в контексте национального возрождения*. Slavica Tartuensia VII. Tartu, 2006, с. 265–284.

- Application 2010 — *Application of the Charter in Ukraine. Initial Monitoring Cycle*. Strasbourg, 2010. URL: <http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/default_en.asp>.
- Czesak 2006 — A. Czesak. *Góralski i śląski — mikrojęzyki in statu nascendi?* Slavica Tartuensia VII. Tartu, 2006, s. 360–385.
- Gustavsson 2006 — S. Gustavsson. *The Framework Convention for the Protection of National Minorities, The European Charter of Regional or Minority Languages, Euromosaic and the Slavic Literary Microlanguages*. Slavica Tartuensia VII. Tartu, 2006, p. 82–101.
- Gustavsson 2008 — S. Gustavsson. *Slavenski književni mikrojezici, regionalni jezici i manjinski jezici*. Slavica Tartuensia VIII. Tartu, 2008, s. 54–62.
- Hentschel 2000 — G. Hentschel. Zum «sprachlichen Separatismus» im heutigen Polen — vergleichende Beobachtungen zum Schlesischen und Kaschubischen. Lew N. Zybatow (Hrsg.). Sprachwandel in der Slavia. T. 2. Frankfurt-am-Main etc., 2000, S. 893–909.
- Moser 2008 — M. Moser. *Slavische Regional- und Minderheitensprachen auf dem Gebiet der Republik Polen*. Slavica Tartuensia VIII. Tartu, 2008, S. 123–153.
- Slavica Tartuensia VII — А.Д. Дуличенко и С. Густавсон (ред.). *Славянские литературные микроязыки и языковые контакты*. Slavica Tartuensia VII. Tartu, 2006.
- Slavica Tartuensia VIII — А.Д. Дуличенко (ред.). *Славянское языкознание: покидая XX век*. Slavica Tartuensia VIII. Tartu, 2008.
- Tyran 2006 — K. Tyran. *Die Streit um die Standardsprache bei den Burgenländischen Kroaten*. Slavica Tartuensia VII. Tartu, 2006, S. 122–137.

J. Dunn. Slaavi keeled «Regionaal- või vähemuskeelte Euroopa harta»

Artiklis vaadeldakse «Regionaal- või vähemuskeelte Euroopa harta» tööd slaavi keelte suhtes. Tuginedes sellele, et mitmed riigid ei ole veel hartale alla kirjutanud ja/või seda ratifitseerinud, tehakse järelitus, et harta ei ole Euroopa Nõukogu prioriteetseks suunaks. Nendes riikides, kus juba eksisteerib hea tahe, võivad harta ning sellega kaasnev monitooringu protsess soodustada regionaalsete ja väikeste keelte olukorra paranemisele ning aidata tolerantse õhkkonna loomisel taolistele keeltele suhtes. Samas on harta peamiseks efektiks Euroopa lingvistilise kaardi põhjalik muutmine: hartaga seotud dokumentidest saame üha uut infot tsiooni slaavi keelte arvukuse ja nende jaotumuse kohta Vana Maailma riikides.

Александр Сергеевич Герд
Санкт-Петербургский государственный университет

МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКИ В СВЕТЕ ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ЭТНОЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

*Социолингвистика – проблема малых языков – распространение в Европе –
двуязычие – бикультурность*

Общее понятие «малые языки» (миноритарные языки) включает в себя как языки письменные, так и бесписьменные, как находящиеся на положении диалекта, так и обретшие официальный статус¹.

За последние годы немало докладов и статей посвящено проблеме отмирания языков. По данным ЮНЕСКО на 21 февраля 2009 г. («Международный день родного языка»), в мире насчитывается около 6 000 языков. При современных темпах языкового развития к концу XXI ст. около 2000 из них исчезнут. Однако здесь важнее не констатация этого прогноза, а скорее более внимательный анализ механизма функционирования и развития так наз. миноритарных, или малых, языков, функционирующих в разных этнолингвистических ситуациях. Одна из таких ситуаций — ситуация многоязычия.

Основная тенденция этнолингвистического развития большинства современных государств — это тенденция к полизтичности и многоязычию. Абсолютное их большинство в той или иной мере заключают в себе разноэтнические компоненты и характеризуются тем самым двуязычием (билингвизмом). Это могут быть как народы, проживающие на данной территории с глубокой древности (русские и карелы), так и те, кто поселился здесь в более поздние эпохи (русские в Бурятии), а также переселенцы относительно недавнего времени (XIX–XX вв.), включая и большое число иммигрантов (французы, англичане в России XIX в., русские на Балканах, во Франции после 1917 г., народы Юго-Восточной Азии в Нидерландах или в Швеции, турки в современной Германии).

В Испании (население свыше 30 млн. чел.) государственный язык — испанский. Помимо этого, распространены: баскский — около 2 млн.,

каталонский (кастильский) — 7 млн., галисийский — 2 млн. 400 тыс. чел.

В Люксембурге свыше 360 тыс. чел. говорит на официальном государственном люксембургском языке; официальная деловая литература — на французском и немецком языках.

В Нидерландах (Голландии) (население свыше 15 млн. чел.) нидерландский — официальный язык. На фризском же языке во Фрисландии говорит около 400 тыс. чел.; на фризском говорят также в Германии.

В Финляндии (население свыше 5 млн. чел.) с 1919 г. официальные языки — финский и шведский; на саамском говорит 5700 чел.

Таким образом, отмеченные тенденции характерны для всех западноевропейских стран. К этому следует добавить, что во всех странах Западной Европы проживают миллионы иммигрантов из стран Азии и Африки.

В современной России насчитывается свыше 140 языков. Напр., только в Дагестане сегодня имеем письменные языки: аварский, даргинский, кумыкский, лезгинский, лакский, табасаранский, ногайский, татский, русский и около 20-ти бесписьменных языков.

Билингвизм — это способность человека к употреблению двух языков в зависимости от ситуации, обстановки. Напр., на работе, в официальной обстановке человек может пользоваться одним языком, а дома в семье, с друзьями говорить на другом. Так, сегодня, в начале XXI в., в Германии проживает около 4 млн. турок-мусульман, во Франции — около 5 млн. В России, по данным на 2010 г., официально пребывали 12 млн. иностранцев — большинство из бывших республик СССР и из КНР.

С отмеченной выше тенденцией к полигиэтничности и многоязычию связана и следующая тенденция — к билингвизму и бикультуре. В ряде случаев билингвизм со временем приводит к бикультуре, т.е. к положению, когда человек постепенно начинает осознавать себя принадлежащим и к одной, и к другой культуре. Напр., носителями двух культур обычно являются потомки иммигрантов 1–2 поколения. В третьем и четвертом поколениях они обычно переходят к монокультуре языка страны постоянного проживания. При этом именно язык и религия нередко играют едва ли не основную роль в процессе становления бикультуры и перехода на новую монокультуру. Такова во многом бикультура карел, вепсов, ижорцев.

В первом поколении в семье обычно используются два, реже три языка обучения, дети — типичные билингвы от рождения. Став

взрослыми, они, в зависимости от среды, сохраняют еще элементы старой семейной монокультуры; их дети — внуки первого поколения — переходят к новой монокультуре. Чаще всего это монокультура престижной нации, государства проживания, включая смену вероисповедания, переход на социально престижный доминирующий язык, включение в инфраструктуру новой служебной карьеры. При этом носители бикультуры нередко становятся активными адептами, пропагандистами и идеологами новой монокультуры во всех областях жизни. Таковы были почти все немцы в России в XVIII–XIX вв. Сегодня таково третье поколение от 50-х годов XX в. турок — граждан Германии, считающих себя немцами и баллотирующихся в земельный парламент.

Смешанные браки и выбор языка обучения, на работе, с друзьями, дома, переход на другое вероисповедание — таковы основные черты этого процесса.

В качестве внешних проявлений бикультуры могут выступать родной язык в семье, ностальгия по традициям и обычаям отцов и дедов, борьба за возрождение родного языка, создание обществ и организаций по сохранению языка, фольклора и литературы. Билингвизм и бикультура — основные тенденции развития современных европейских государств и России.

Одной из основных тенденций языкового развития во многих странах является отход от родного языка и переход на другой, социально доминирующий государственный язык (русский в России, английский в США, французский — частично в Африке). Это именно та ситуация, о которой больше всего пишут сегодня. Часто в качестве причин этого явления называют глобализацию и урбанизацию. Однако одновременно, как мы покажем ниже, как раз в Африке, Юго-Восточной Азии — там, где урбанизация протекает гораздо более активно, чем в Европе, мы наблюдаем бурный рост новых миноритарных языков. Важным фактором отхода от родного языка является, конечно, политика государства. Такова была политика Советского Союза в отношении многих языков народов СССР. Такова политика Индонезии по утверждению индонезийского языка. Это же происходит и во многих других странах.

Проблема отхода от родного языка и перехода на доминирующий официальный язык многогранна. Это и численность этноса и компактность его проживания, и наличие письменности, и соотношение

культурных традиций. Напр., провансальский язык, обладающий богатой средневековой литературой, не без оснований заявляет о себе и сегодня, рядом с великим французским языком.

И едва ли не главное — каковы социальные перспективы для членов общества, говорящих на этом языке. Сюда относятся и наличие школ, газет, радио, телевидения, право выступать в государственных учреждениях и оформлять юридические документы, заявления, отчеты на родном языке. В конечном счете, эта, казалось бы, чисто этнографическая проблема перерастает в проблему прав языка и прав народа, на нем говорящего.

Установление и распределение государственного официального языка сразу же порождает эмоциональный вопрос о правах и возможностях других языков, в плане социальном — вопрос о правах народов, на них говорящих. Так возникает тревога за судьбу родных языков, начинается борьба за их спасение. Язык снова выступает как знак, как символ и знамя борьбы за сохранение и возрождение народа, своей культуры.

В таких языковых ситуациях нередко принимаются законы о языке. Однако закон о языке не должен быть мелочен и чересчур детализирован. В нем никогда невозможно предусмотреть все случаи и ситуации использования языка в обществе. В принципе закон о языке только регулирует *status quo*, т. е. уже сложившуюся в стране языковую ситуацию. Он не должен разделять общество и порождать социализацию и межнациональную напряженность. Закон о языке должен заключать в себе допуски к компромиссам и уточнениям отдельных его положений. Любые постановления по таким законам должны предусматривать период длительной проверки действенности и результативности применения таких законов в жизни.

Слова языка — не серия новых марок машин или станков, предназначенных к выпуску к определенной дате. От закона о языке нельзя ждать скорых или мгновенных результатов. Язык — это неотъемлемая часть биологического сознания, психологии, души человека, и любой закон о языке должен предусматривать длительный период психологической и языковой адаптации человека, индивида к его положениям. Сюда же примыкают такие документы, как «Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств» (1992), и различные целевые программы по функционированию местных языков и изучению государственного языка. Но надо чест-

но посмотреть правде в глаза и вспомнить то, о чем писал В.П. Берков: «У значительной части малых народов <...> отчетливо проявляется сознательное стремление к языковой ассимиляции».

Примеры подобной тенденции нетрудно найти не только в России, США и Канаде, но и в Европе. И здесь одним из вечных дискуссионных вопросов государственной этноязыковой политики остается вопрос: все ли местные языки надо развивать и как, и в какой степени. С точки зрения государственной, экономической и чисто финансовой этот вопрос не может быть снят с повестки дня. В любом случае языковая политика тесно переплетается с политикой внутренней, государственной и требует больших знаний, внимания, осторожности, деликатности и такта.

По возможности надо создавать все условия для свободного и равноправного функционирования современного живого языка, дать возможность ему развиваться, проявить себя, закрепиться в любых языковых состояниях и в любых ситуациях (семья, быт, газета, радио, телевидение, художественная литература, официально-деловая сфера, обучение в школе), в ряде случаев и типов ситуаций обеспечить преимущественное приоритетное развитие государственного языка.

В языковой политике следует весьма осторожно ориентироваться на историю, так как, как справедливо отмечал еще Ф. де Соссюр, для говорящих на языке существует только одна перспектива — настоящее употребление языка, они не знают прошлого и не думают о будущем языка. В вопросах языковой политики нельзя опираться на чувства, эмоции, а только на реальные факты живого функционирования языка.

В расширении сферы использования и применения того или иного языка особое место занимает фактор социальной перспективы, выступающий в качестве регулятора языкового развития. А это — ответ на такие вопросы, как «куда идти после школы? кем быть? где учиться, работать? каковы перспективы получения той или иной должности, личной карьеры? каков набор профессий и специальностей, предлагаемый страной, республикой и за ее пределами?»

Таким образом, язык вновь выступает как знак, как символ, но теперь уже как социальный фактор личного и социального благополучия, притяжения к престижным в мире областям науки, техники, культуры.

Однако наряду с отмиранием языков, с переходом на доминирующий в государстве официальный язык в разных районах мира наблюдается и противоположная тенденция — ревитализация, рост и активизация миноритарных и региональных языков. Приведем примеры.

В Испании официально признаны не только баскский и каталонский, но и галисийский, астурийский, окситанский.

Мирандезе — новый миноритарный язык на северо-востоке Португалии (на границе с Испанией). Официальный статус получил в 1998 г. (15 тыс. говорящих).

Во Франции все выше «поднимают голову» корсиканский, бретонский и снова язык старой культуры — провансальский.

Язык вальзаров в Австрии — около 14 тыс. говорящих.

В бывшей Югославии на глазах утверждаются боснийский, черногорский.

В Бельгии, наряду с французским и фламандским (нидерландским), признан валлонский язык.

В Южно-Африканской республике по конституции 1994 г. официальными языками признаны не только африкаанс и английский, но и еще 9 языков. В таких странах, как Индонезия, Филиппины, с каждым днем все сильнее движения за эманципацию и официальное признание множества местных островных, региональных языков наряду с избранным официальным (индонезийский, тагальский).

Более чем 200 лет насчитывает история прекмурско-словенского литературного языка (переводы «Библии», церковные тексты, печать).

На Украине, в Карпатах и Закарпатье, проживают не только венгры, румыны, словаки, но и гуцулы, бойки (верховинцы), лемки, русины. Русины Украины в последнее время все активнее требуют официального признания своего языка; у лемков выходит газета «Лемки Карпат», функционируют общества лемков во Львове и Тернополе. По всей Украине быстро и активно формируется новый язык-посредник — суржик.

В Польше активно начинает развиваться кашубский язык.

Параллельно идет отмирание не только языков, но и диалектов крупных языков (русский, английский, французский), но они трансформируются другими путями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Закономерности развития малых славянских литературных языков (микроязыков) столь детально рассмотрены в работах А.Д. Дуличенко, что

вряд ли я смог бы что-либо еще добавить. См. список трудов А.Д. Дуличенко: Р. Э. Романчик. *Ординарный профессор А.Д. Дуличенко*. Биобиблиография. Тарту, 2006.

A. Gerd. Väikesed keeled kaasaegse etnokeeelelise arengu tendentside valguses

Vaadeldakse kaasaegse Euroopa väikeste keelte sotsiolingvistilisi aspekte: levikut, kasutust jne. Eri list tähelepanu pööratakse kakskeelsuse probleemidele mikrokeeli emakeelena kõnelevatel inimestel ning samuti ka bikultuursusele.

Юлиян Тамаш

**Универзитет у Новим Садзе, Оддзелене за русинистику
Войводянска академија наукох и уметносцох, Нови Сад**

ПОЕТИКА И ИНДИВИДУАЛНИ РОЗЛИКИ ГЕНЕРАЦИЈ (ОДВИТ НА ПИТАНСЕ «ЧИЙО ВИ ДЗЕЦИ»)¹

Жридована руска традиција – етаблована литературана традиција – маргинални групи – андерграунд – негативни категорији – зомби – тротеска – приватносц – универзални вислови – опозит надчловек/ сетинячко – опозит еротичносц/ религиозносц – женска «паметика розума»

1. Кедиш ше знало же «яки оцец таки син», гоч перши тримал руки опрез бруха, а дуги за хрибтом. Знало ше и же «патри на мацер та выберай дзивку». Дзеци здабали на родичох, без огляду кельо им родичи були за пиху, потіху и уляд.

Нешка дзеци углавним не сцу здабац на родичох — еден з автентичных модерных мудерцох, Душко Радович, поручуе родичом же «чим обачице же дзеци здабу на вас, почніце их биц», а други, Огден Неш, заключуе же оцец у фамелії «найвекша домашня животиня — не сцу буц їх клони, бо «стари» то «маторци» и «ментоли» хтори вообще не розумя цо живот и цо значи буц «ин» и «кул». У литератури, окреме рускей, доказує тата антология, то значи же *млади ані не знаю, ані не почитую жридову руску традицию*, за хтору ше їх предходнікі, од Гаврийла Костельника по Михала Рамача и Дюру Гардия, так чежко и корчовито борели же би ю стабилизовали.

Просто, не препознал сом ту заступеного поету лебо приповедача хтори здабе на «класикох» рускей литератури, але препознал сом зоз хтойер сферы живота наставаю їх тексти и цо на ніх уплівовало. А уплівовало углавним *шицко цо не етаблована, официйна, такволана озбільна литература, ані руска, ані шветова*. По тим би аналитичар могол заключиц же ткв. озбільну литературу млади ані не читают; же слухаю рок, поп и панк, геви и хард, реп, патра філми, пестую жаргон и игнорую шицко цо препознаваю як надрілени авторитет. Софт и сентиши емоциі, евергрин, не интерсую их и то вишмеюю. Їх швет

то ішвет маргинальних групох, дружтвеней периферії. У плітким чежко пренайсці глібіну, без огляду же гранічни ситуацій, обовязна тема кождай літератури, як дакеди так нешка, не мож заобісці гоч би ше сцело. Бо кед их млади сцу обкеровац, зоз рижніма средствамі з хторима ше забува а не проблематизуе швет, гранічни ситуацій и младих непогришно и незаобіходно здібаю. И кед не читаю озбильну літературу, култивоване іскуство вікох, праве питане чом пишу, чом маю потребу самовіражиц ше.

Чи то значи же не маю потребу за комунікацию и діялогом. До-статочні им монолог. Чи то можліве, чи лем спрэводзка же чловек дружтвене ество; вон лем осамена душа запатрена до власней тілесносці. Чловек лем фізика. Зачувац тото кус души у себе вецей не найважннейше.

Особне, не верим же так. Кед би було так, тата генерація би не писала поезію, бо, прешвечени сом, зна же од поезії не мож жиц, але пре поезію ест смысла и вредзи жиц. И после двацет пятого року, як тоту граніцу, не так давно, поставел Т.С. Елиот у култним есею *Традиція и индивідуалні таланти*. Ясне ми, у сущносці, же ше медзи мою и тоту генерацію не пременели ані природа, ані функціоноване літератури. Пременели ше літературни конвенції и система вредносних ориєнтаційох. Прицисок егзистенції и історії остал істи.

Ту іще єдна «квака». Їх побуна заш лем не нова. Франсоа Вийон им єдно з нашенъох св. Августіна з хторого и вони вирошли гоч то и не знаю. И звук руского валаского соула, нігерского кореня у рускей верзії, уж зме чули у поезії джезисти Владимира Малацка. Падлаша. Конечно, без огляду же Дюра Гарди звучи керестурски и модернно, його римски корені ані не застарени а ані не у прошивносці з вредносними ориєнтаціями маргинальних групох. Його дистанца спрам етаблованих вредносцох ніч не менша од дистанци Славка Романа Ронда. О рускокерестурским бестіярю Юліяна Надя най не бешедуєме.

Уж описані одредніці цагаю на заключене же література ту представеней генерації єдна файта андерграунд (поджемней) літератури. Специфичносц у тим же *андерграунд* у узвичаенім хаснованню урбани феномен, а наша ситуація іще вше преважно валалска, рурална, гоч ше преебываю и урбани елементи и ситуації. Вельо подобного ест медзи жидовску и русску судьбу, кельо и медзи амери-

канську, нигерську і індіянську, з тим же у жидовській верзії преживовання — у основі фарисейській — под зложенима мимикиріями Жидом ше удало прежиц руценосц до урбаних условийох; Нигри остали розпяти; Індіянци нє прежили урбанизацію.

Окремни феномен при найновішій генерації же вона хаснє ткв. *негативни категорії*, оспорює етабловану літературну традицію, але нє так як то описал В. Гуто. Фридрих кед структуру модерній лірики видзел як оспорйоване романтичарской літературнай традиції. При нашай генерації ані нє присутна свідомосц о Фридриховых негативных категорійох — гоч веќшина модерністичных и авангардных рухох при розвитих націоналных літературных традиційох то ясно виражує и практикує як вибор особних кельо и генераційных поетикох — гоч дехуманізация животного простору, цемносц бешеди, превелька асоціативна шлебода итд. остали. У тей рускей генерації шицко ше слчує стихийно, од индивідуалного ришеня по гледане намислом самого себе и власних нукашніх реперох. Могли бізме повесц же то блукане през ноц, нє знаюци кадзи ше ідзе и цо ше сце. Ясне лем цо ше нє сце. А чим ше ество опера на тото цо нє сце буц, нє знаюци цо є або сце буц, результат крекки и з малим ступньом виталносци. Вельке питане хто з тих цо прегварели останю поетове и после Елиотового двацет пиятого року, без огляду на наявені неповторлівосци.

Так шицко зошицким остава тей генерації гледац себе без ясного реперу, попольньоване пражніні ества зоз сурогатами кедишнай «твардей валути» ткв. озбільней літератури. Селене слова и смисла ~ безсмисла з цмоти до цмоти. Место читаня кніжкох, у хторих ше мож врацац на прочитане и ознова раздумовац о прочитаним, а кажде нове читане іншаке дожице истого, маме конзумоване основних інформаційох за хвильково практични потреби и тоти інформацій нє уходза до основи креативного ества и нє даваю нови несподзіваюци результат. Єдна файта інтелектуалней и креативней рутини, без огляду кельо формуляция парадоксална, на ділу. З таким справовавњом, та наволайме го и творчим у задатих условийох, писателє и вообще млади людзе, поставаю єдна файта зомбійох, як цо то кажда програма, та и при мудрих машинох, дзе креативносц лімітована зоз саму програму. Творчосц заш лем остава тим хтори програми креативних машинох обдумую и польня.

Індикативне же при младих людзох поэзия премага. То лем ёден з доказох же проза естетично зложенши феномен од поэзії, та ше млади чежже опредзелюю за ню, без огляду же присутни гибридни, не тельо литературни, файты, кельо мишане литературных родох. Дахто тот родовски гибрид наволус *проэзия*. Факт же вон присутни у лей анализованей генераційнай творчосци.

Гротеска, розкрок висціх и нізких пасмох чловековей природи, незаобіходна и буквально няст автора хтори ю заобишол. Завиши яка литературна культура младого поэти, та длуство гротески заходзи по Гіронімуса Боша, лебо остава на ясним имитованю поетики Бори Джорджевича.

Цали час, при векшини поетох, преплета ше філозофски дискурс, опарти на дефініції и становиска, зоз поетским, у основі з поетичними сликами. Познате же філозофове, кед им затаї систем логічних конструкцийох, сцекаю до поетичнай слики. Не меней познате же и поетски и прозни дискурс рахую зоз универсалними и партікулярними висловавами. Лем то функцыонуе при майстрох литературнаго висловійовання. При початнікох твор зохабя у ёдним недефінованым просторе хтори збунюе читача же чо би то мало буц — вецей не помага ані читачов смысл за цудзе становиско — але ані потенціял добрих поєдинощох не приводзи по ясносц дожица текста. Смысл, и добре унапрямени, пресцерані з ёдну файту недошлідносцох з оглядом на основну конструктивну ідею текста.

Шыцко цо висловюем похопліве теоретичарови литератури, окрэме знавцові креативнаго писаня. За початнікох би було нужне конкретизавац висловеві становиска, але задати обім антології, та ані природа гоч хторей антології, то не дошлебодзую. Пост фестум мож то зробиц у ёдним креативным литературным мигелю.

На ділу цали час потреба поетох самовиражиц ше, у смыслу Сократоваго начала *спознай самого себе*. Виражиц власну неповторлівосц, достойну факта же Бог створел мілярды индивиду и твари, але ані ёдна не здабе на другу, окрэм клонох. А клони умножоване истога, непродуктивне, ище меней креативне. Бог ше нігда не повторел. Не шме то ані писатель, млади чи стари, шыцко ёдно.

Млади ше углавним споведаю, виражую власну прыватносц. И развити писателе, з веліма насловавами, углавним пишу ёдну кніжку, кніжку власнаго искусства, без огляду на литературни файты хторим їх конкретни тексты припадаю и без огляду да наративни матрицы чи

мимикрий з хторима приватносці пробую даць универсалні значення. Але вяза медзі особным, локальным и универсалным муси быць чытліва. При тих поетах найчастейшы страцена вяза медзі текстом и приватным примордиялным зародком з хторога почал роснуч текст. Можебуйць то и найвекаша слабосць тих текстох. Їх актуалносць и универсална резонанса часто зменшаны прэто же страцена вяза медзі «мамцеру» и «дзецком», медзі универсалным и особным искусством, лябо е ні ёсць ясно артикулована.

Часто ше пребыва *опозит надчловека и сегинята*, тих цо през живот себе зволюю, найчастейшы незаслужено, и тих цо церпя, тиж так найчастейшы незаслужено. У тим швеце веций не важы християнска потіха же ше Христос обяўяс худобным и сегинятком, ані вредним, мудрым и чесним, але зме кождоднёво у можлівосці преверіць же зло, спрэвоздка и злодійства ефікаснейши од добра, чесці и самопожерцтвовання. Та як вец браніць простор чистоты, кед держава и дружтво тот простор не браня, питане хторе не стабілизуе поєднанца же би ше ориентовал согласно було яким вредносним ориентиром окрем егойстичных и безскрупульозных.

О отримованю дистанцыі спрам етаблованай літературнай, рускай и шветовай, традиціі бешедуем цагі час. Медзітим, традиціі ніхто не вімкнё, кед не пре іншэ а воно прэто же без традиціі не мож описаць ані похопіц іновацыю. Бо з нами не настава швет, без огляду кельо не сцеме ніч маць зоз задатима нам слабосцями швета у хторым жысцем. Паноццове ту можу швекіць о глубшай животнай правды, а то же іх должноста така як и пісательства, стараць ше о чесных християнах кельо и о гришнікох и курвох, тілесных кельо и духовных. Нічия слабосць не моя добра прикмета. У літературы тиж: и тот хто не дзелі мою систему вредносцю обовязуе ме же бым дзбал о його існованню, та го пробовал прешвекіць кадзи жридло чистей и швіжей воды, же би ше ей напіл и з ню окріпел. Кед то одбіе, вец сам одлучел о власнай судьбі и ту пісатель и його література не можу ніч. Але пісатель нема право занедзбаць нічий існованіе. Його порученя, гоч без одвіта, нігда не даремны.

У ўдзіні рукавку тэй генерацыі моцна вяза медзі істочасним выражаваньнем *незатримовнай ёротычносці поетох*, точнейшы поетесох, и *рэлігіозным чувствам*, веций манифестативным як ўширим. Здогадуем ше совіту іскуснага чалавека з мойого торонтонскага вінаженства. Совітовал ми же, пять Юліянен, тогі жени цо ше найві-

цей модля и споведаю — найлепши: знаю прецо то робя. Идз за німа, знаю любиц! Остава отворене питане, без ясного генераційного одвіту: Бог потіха за одрекане од любовних, цо значи преважно тілесних, гоч нє меней духовних, страсцох, чи є спокуса за інтензивну любов без граніцох, а сама любов и оправдане и по дзеки самого Господа.

Два констатациі о тей антології, медзитим, видза ше ми як безспорни.

Швет без емоцийох, без огляду на заснованосці критичнай дистанцыі дзецеох спрам швета родичнох, зводзи их на физичні цела, а то нє виход ані за творчосці, ишче меней за кождодньови живот. Гоч и без вельких претензийох, з приставаньем на обичносці живота у согласносці з природу, окруженьем чи стереотипами на хтори ше пристава же би ше чловек умірел и пристал на живот о хторим сам нє одлучуе, але ше препуштує животней стихії, нє ошлєбодзи го од горкого спознаня, кед не болю, же ше опущел, и без борби, пристал на кождодньово банальносці. Як старши, хтори шицки ілузії потрацел так як и тата, та и кожда генерація, цо их потраци, ишче віше верим же треба, гоч и як самоспредавдзу, мац идеал, же кед чловек німа прецо, и за цо, кед треба, умрец, вец нє мал ані причини народзиц ше и жиц.

Векшина у тей антології ишче віше хлопски гласи, гоч віше частейше хлопи виражую високу меру женственосці, а *млади жени* пишу твардо, без ілузійох, агресивно, посесивно, як хлопи, з одредзену меру «патетики розуму». Думам же того мутіране нє плодне, же би хлопи мали буц хлопи, а жени жени. Бо кед першим цошка хиби, другим то нє вирошнє. Конечно, на женох остава и далей швет, та гоч и з «валькох» у основи рускей метафізики праху и преходносці, мнє особнє блізкей, а велика векшина историйних глупосцох найостаню хлопски глупосці, уж кед сцу остац найчастейше пульяки хтори нє обачаю же им над карком якиш газда, хторого нє сцу видзіц, оштри нож. Конечно, жени віше жени, а хлопи лем дзекеди.

Без огляду на високу меру критичносці, тот увод антологичара нє треба похопиц як бешеду проців младей генерацій. Напроців, нами-ра антологичара охрабриц авторох най ше точнейше препознаю, випросца у себе и обяvia свой перши, други и треті кніжки. Кажде бависко, та и творче, вимага овладац зоз виковним искусством тей файти бавячох, та вец надбавиц предходнікох.

Векшини, най повем и то, характеристика *слабе панованє з руску язичну норму*. И не лем слабе пановане, але и єдна файта ей систематичного занєдзбаня. И ту дакедишні идеал, буц виртуоз власнога язика, преврацена рукавичка, веций не важи.

По тераз ше у руским литературним живоце, од «просвіташох» по «заряшох», и од «союзашох» по «маткошох», оначело и даремно розсиповала енергия на проукраїнски и антиукраїнски национални ориєнтації, место же би ше писала добра література. З тим зме сцигли поталь же, судзаци по наймладшій генерації, традиція нам не лем не проукраїнска, але ані не проруснацка. *Тоти дзеци у основи апатриди, дзеци «народу ніодкадз»*, як то зловисно означел Пол Роберт Магочи. Але и таких ше не одрекаме, бо зме вец уж бизовно щезли. З німа ше нам іще віше видзи же жиєме як Руснаци, кед ше не спрєведам, як кожди устарени «ментол».

2. Надалей описуєм препознати индивідуални поетики кождого з авторох и сутерус напрями можлівого розвою.

Весна Папута Берец (1966–1994) іще віше знука традиції руского женскаго писма, цо значи же не дзелі феміністичну поетику, гоч за ню, як и за Ангелу Прокоп, мож повесц же ю забило премоцне слово, одвічательносц спрам висловеного. Кельо така одвічательносц морално импонує, тельо література траци. Жывот, и його неповторлівосц, заш лем важнейши од одвічательносци спрам себе, и теди кед нам ше видзи же не прилаплюєм задатосци власнога живота. При славянских поетох зоз сласци самомуччя и церпеня наставали добри літературни твори. И ту бул виход, хторого Весна не була свидома, а не бул ей хто на ньго обращиц увагу, понукнуц ей тот нукашній репер.

Мирон Джуня (1969) прихильни апстракцій и астрологій, значи іраціональному доживіваню швета, дешіфрованню знакох паралелних шветох, з єдним вітхнутим висловом, хтори не лапсус лінгва але психологійни катализатор — «Збунста и злекнута / Як герлічка бим вилет зоз тей кліткі» — наявює може творчо плодну позицію присуства женскога и хлопскога начала у єдним еству. И сама «плітка даремносци», як сам гвари, без огляду кельо є вираз страценей особи, у поетским смыслу може принесц творчи іновації.

Сашо Медесіи (1971–2002) іще єден талант хтори преозбільно похопел власни слова. У його поезії надія умарла, та дармо знал сцигнуц од дробніци по препознаване ей универзалнай важносци, дармо мал дар мудросци релативізованя, и вон випатра не мал у своім околіску нікого хто би му препознал и понукнул можліви нукашній репер за преживіюва-

нс. Кед не пре иише, пре поезию вредзи жиц. Без огляду кельо ше дакому видзи же поезия периферна ствар, велi пенежни тот дар не можу куциц. Бо тот дар Бог чи универзум не кождому даруе.

Михайло Гайдук (1972) оформел индивидуалну поетику. Його сми-セル за имагинативне повязоване маски, одже людской твари як рефлексу души, и мешачкових пременкох, як и повязоване чичара зоз дильвом, уж висша файта креативносци, далей од непостреднога виражованя власних емоцийох. У рамикох назначеней индивидуалней поетики могол бы оформиц кнiжку, а надалей му будзе поетске тирване завишиц од самодисциплини и упартосци. Кед бы доконченосц цалосци писнi одлучовала, а не лем добри фрагменти з нука писньох, Михайло бы мал места у кождей антологиi.

Даниела Тамаш (1973) нательо об shedнута з негативними одреднiцами, без свидомосци о негативних категориох Гуга Фридриха — як цо то «нiхто», «нi зоз ким», «нiчого» «одгук» место конкретни звук, «кнаисце» место конкретного цо — же то мож препознац лем як вираз общей несигурносци пред шветом. Єй швет зведзени на поединосци хтори не випольнюю ество, вони лем вираз кождодньового швидла. Кед бы аналитичар сцел буц дошлiдни, поетеса не препознала у себе любов лем прето же нiхто коло ней не бул нательо прешвчлiви же бы ю упутел як ю препознац. А и тоти хтори ю ориентовали, не даровали ей себе, але ю, жену, брали як цо ше яблуко обера за хвильково потреби. Хто пое яблуко крашне му, а цо то значи за поedзене яблуко най себе розяшнi сама поетеса. Кратше и яснейше праве питане: чом мудри жени вибераю по-гришних хлопох.

Лариса Оноди Парвати (1973) добра поетеса, лем у швеце без Бога треба витримац та буц продуктивни, окреме поетски. Єй доминантне начало аморалносц, ровнодушносц на морал, але чежко ровнодушносц на морал видзиц иншак як неморал. Бо швет не створени лем за поединца, без огляду хтори му людски потенциял. Поединец тельо спольнел власне ество кельо освоел животнога, моралного и творчого, простору за других. Прето треба трошиц себе и за других, не лем других трошиц за себе. А же любов за любов, як по Библиi, а «сир за паре», як любя повесц нашо сербски браца з централней Сербiй хтори углавним «Библию» не читаю, не точно. У робним разменьованю вiше хтошка спрэвездзени и траци. Основне начало животнай економiї демонструе жена: робу ма, робу разменi и робу затрима. На боку жени лем едно начало: хлоп пита, а жена ше дава лебо не дава. Так же, кед есть вообще неморалу на тим швеце, вон вiше завиши, у любови, од женской одлуки. О чистоти дзба лем шнiг кед одлучи нападац на наш швет и дочасно прикриц наш бруд.

Синиши Сопки (1974) «дрчносц» импонує, але ніч не ришує. Вон оформлени автор без огляду же му з ножа «капка крев невиних». Драматичносци веций вираз слабосцюх окружена у хторим жие, як вираз власней моци. Ортография ніч не одлучуе ані о квалитету литератури, а ані о людских вредносних ориентаций. То ствар дагварки медзі хаснователями ёдного языка и тарговинох политичных центрох моци. У таких тарговинох релативно чесни чловек и писател вше на утрати. Треба поцешыц и обычну швиню, хтора невиновата же є така створена, як и витримац «псовску жиму».

Борис Варга (1975) оформлени приповедач. Дома є и у валалским, рускокерестурским, келью и у городским милсю, повязуючи локални мити и легенди, углавним онезвичасни, зоз глобалними абурдами сучасного швета. Повязуе деталь зоз веckшима «фалатами» звонкаязичнай структури, од бестиярия по реификацию чловека (‘зводзене чловека на предмет, *попредметоване* чловека’; од лат. *res* ‘ствар’). Простор и час конкретизаванни, не одрекол ше ані фабули и индивидуализації и характеризації подобох гоч су з началом абсурда моцно условеви, цо шыцко прикмети и стварноснай приповедацкай прозы. Буквализэм звонкаязичнай стварносци превозиходзи зоз онезвичайованьем и монтажу, нагліма пременякамі напряму приповеданя, цо твори когерентносці микро и макро структурох приповеданя.

Мирко Горняк-Коле (1975) рошнє на истим полю як и Владимир Малацко Падлаш и Славко Роман. Рондо зоз своіма нигерскими аксиомами и баладичними интонациями. Нигерство ту подрозумює же поет и людзе коло нього церпя бо веря же дзешка коло ніх и сам Исус Христос, незаслужено розпяты; вони з нім, такповесц, на ти, як пайташе з истей улічки, та зоз свою пустосцю, обешеняштвом, хторе веций вираз немоци и жажды за лепшим шветом, як цо су насправди една файта безскрупулозносци. Кед чловек не може пременіц швет, вец му ше може голем нашмейц до твари указуюци же є свидоми його несовершеносцю.

Мирослав Задрепко (1975) потенціяльно добри поет, конкретни, стварни, вериста, хтори не може превозисц, а то ёдно з условийох природи поэзії, почитоване звонкаязичнай стварносци. Прето ше, вироятно, лепше чувствус у новинарстве як у поэзії, цо ище не значи же, кед зосце, у поэзії не може пренайсц себе.

Каролина Джуджар (1976), по тим цо ту представене, велью озбильнейша як то на перши попатрунок випатра. Ю власна природа обовязує и вона од ней не сцека, без огляду чи себе видзи як Пандору, чи то лем добре оформлены психични и егзистенциялни простор митологійнай подоби. Привидзене же у цыхосци беспечносц знак мудрости, але у тей позиції мало з ніх витримує. Ёдна з ніх Наталия Канюх, правда язично

розкошнейша, але то ище не значи же и Каролина не може у тим напрямі рушиц. Можебуц ту за ню и виход, и як особи и як поети. Просто, отвориц ше, без калкулацийох и обаваньох же будзе ранівша.

Олег Колбас Колби (1976) найвиразнейши представнік ткв. проезій, дзе не знаце чи пред вами прозни и есейстични запис чи писня. Язична интензификация слаба, цо би було индикативне твердзіц же то не поэзія. Конкретни простор и час присутні, але то ище не значи же пред на-ми проза кед индивидуализация подоби чи подобох дата у основных ри-сох, як кроки. У каждым случаю позиция творчо потентна, лем треба на неї витримац.

Славко Винаї (1976) пестує крекки поетски запис, опарти на дискретни, чежко обачліви поєдиносци, та и кед ше чувствує аутоиронія або гротеска, то не пре осуду зявењох, просто то висловене пре смуток и боль же нам животи так ушорени. Рибки у акваріуму намагаю ше гу шлебоди, але кед би ше їм вона дошлебодзела, поздихали би. Чоловек, у ствари, часто цошка жада, а кед то здобудзе вец не зна цо почнє зоз реа-лізовану жажду.

Златко Грубеня Треню (1976) поет радикальней оцудзеносци, добре замеркованей поєдиносци яка поставя питання без одвітох швету, але ви-ходу нст. Мож лем констатовац безнадійносц.

Сашо Кетелеш (1977) особне ми блізки по поетским резону єднай моей фази, з часу моего «звичайного дня». Теди ми швет бул, гоч XX столітіе, як на малюнкох Г. Баша, цо присутнє и у Кетелешовей поезії, але вец обачуем же його Баш «домашнього» походзеня, з поезії Б. Джорджевича и других рок маргналзох. Шыцко то не одбера творчі потенціял Кетелешови, бо му писні докончени. Слово о препознаванию чийо зме дзеци.

Ваня Дула (1978) пише добру філозофски ориентовану поезію, з де-финиціями, универсальними висловами. Дзекеди ёй хиби стварносни контекст, але основни проблем тей поезії же природа поетского язика ориентована на слику, не согласна є радикальному філозофскому дис-курсу, а як філозофски дискурс тим писню хиби аргументация. Поет не страцени, хиби читлівша вяза медзи поетичну слику и рефлексию. Мож гармонизовац.

Владимир Еделінски Миколка (1978) на добрей драги бо спознац са-мого себе основне условие випросц ше у себе та вец и у исторії. Самота продуктивна за поету, знане не чкодзи, напрочив, лем треба дриляц напредок у обегованю зоз самим собу и шветом.

Валентина Чижмар (1979) мудра и учена. Муши похопиц, кед сце буц поетеса, не лем разлику медзи поетским и філозофским дискурсом,

але и прецизовац спознане о природи стварох, цо феномен за поету а цо за филозофа. Чловек не абстрактне ество. Вон хлоп лябо жена, може и цошка помедзи, а може и једно и друге. Але ћибор муши буц препознатаўви у тексту.

Марко Маркович (1979) виражел себе и власну неповторлівосц. То поэзия.

Сашо Паленкаш (1979) на шліду дискурса Ничеовага «Заратустри». Ту ма и једну сущну іновацію: надчловек ше конфронтуе зоз «сегіннятком», та остава отворене питане чи сегіннятко аксиологійно не стой вішне од надчловека. Єдно заключене достойнне паметаня: кельо наша сависц чиста пред нами, таки будзе и одраз у жвератку! Воно правда же то веџей хрыстиянске як ничеанскне заключене, але — Боже мой, ест смысла гледац ше та гоч и заобіходно.

Сергей Жирош (1979) добре позна и почитуе руску традицию, але спрам ней ма и критичну дистанцу. Плодна позіцыя, лем треба на ней вітримац, напр. як Михайло Лалич у «Военім щесцу».

Татяна Бодянсц Колбас (1979) містифікуе моц власнай женственосці. Вельке питане на цо ше опре тата моц у старосці, кед прейду ілүзій. На памяткі може...

Татяна Колесар (1979) нам сообщуе вельку правду же жем ма віше уста отворени, же рай доживлю лем тоги без ідентитету и же час ше закончuje же би ознова віше розпочал. Нам, смертним людзом, остава відзіц дзе нам писня настава, достойнна паметаня.

Анамария Регак (1982) проблематизуе одношене єротики и побожносці. Препознац Бога у гриху мож, лем пред тим треба велью гришиц, а не покутовац.

Іван Медеши Шукс (1982) поставя питаня за хтори зна же нет одвіту. Яка розлика чи бога воламе Надармо чи Задармо. Любел бим видзиц хто ше понука за ратунок швета, нашого кельо и Шуксовоаго.

Михайло Сабадош (1982) гледа потіху у Господові, але то веџей віходзі на богоборчтво, на ненаходзене потіхі у нім без огляду на формалні обращаня гу ньому. Хиби, кед же є, ясна еретична позіцыя. Так остава шыцко нідефиноване.

Любомир Папуга (1988) поет. Кед ма трицец писні того квалитета може обявиц кніжку.

Наташа Регак (1985) тих проблематизуе побожносц и єротику. Гварел сом, ствар ћибору поетеси, цо ішце не гарантуне поетски результат.

Ася Папуга (1986) емотивно обезхрабрена женственосц. Остава физика, а и то не сигурне же потіху.

Тамара Хрин (1987) приемне несподзиване, як женски Милькович, з патетику розуму и обовізку най ме не «забие премоцне слово». За книжку.

Златка Чижмар (1987) не зна дзе виход зоз круга, бо спрэводзка у кругу кельо и звонка нього. Выход найсц у самей себе и випросциц ше так же особа сама выбира а не препуштуе же би за ню други выберали.

Іван Кіш (1989) пише так як ше не могло обчековац у руских стredкох. Медзитим, треба раздумац чи то не автентичны поручэння дзецем и унуком ткв. одроснутых, на хторых одвичательносц.

Ваня Дудаш (1992) най чита цо долапи и най шейта коло води, не же би ше у ней задавел, але же би ше на ню припатрал. Писац мож легкы и вельо, але добре мало.

3. Описаны процесы у литературним живоце, психології и поетицох генерації 1990–2010 у рускай литературы указую же дестабилизовані вредносні ориентациі у чиёй основі националны ідентитет и жридлова руска литературна традиция, вредносні ориентациі маргінальных групох, одрекане од ёства региональнага ідентитета зноска украінскай нації, не стабилизовало руски националны ідентитет ані литературну традицию на руским микроязыку. Напроців, одведло до анаціональносці тэй генерації, далеко и од маткох шветовей озбільней литературы. Инсистоване на антиукраінскай фобіі за результат ма национальне щезоване, так же руски дзеци и писателі вецеі ані не паную з рускім язіком, а не указую ані же им стало до руского/ руснацкого/ русинскаго/ лемковскаго национальнага ідентитета. Кед «народ ніодкадз», вец и «дзеци нічыйо».

Новембер 2010.

ЗАУВАГИ

¹ Сообщене представя увод до антології *Дзеци з урбанага двора*. Нови Сад: Руске слово – МАК, 2010.

З оглядом же антологія *Дзеци з урбанага двора* комплементарна поетиком з антології рускай поэзіі Юлиян Тамаш, *Ошлепени соловей* (Нови Сад: Руске слово, 2005), але представя источансно дысконтинуитет у одношэнно на ню, одвіт на питане «чыйо ви дзеци?» достава важносць прыводзеня под питане смысла намаганя генераційох рускіх писательох же би стабілизавали жридлову литературну традицию кельо и смысл писаня на «литературним микроязыку» як го наволуе наш ювілар Александр Д. Дуличенко.

J. Tamaš. Poeetika ja põlvkondade individuaalsed jooned

Tekst kujutab endast teoreetilist sissejuhatust lõunarussiini kirjanduse 1990-2010ndate aastate põlvkonna luule- ja proosaantoloogia jaoks. Antoloogia kannab nimetust «Lapsed linnahoovist» (2010). Sellesse kuuluvad peamiselt noorte ja tunnustamata kirjanike tekstid erinevatest perioodikaväljaannetest. Esitletud on nii autorid, kelle on sulest ilmunud raamatud, preemiaid pälvinud autorid ning nende teosed, aga ka need, kes on pikaajaliselt osalenud noorte manifestides ja festivalides.

Юлиян Рамач

Универзитет у Новим Садзе,
Оддзеленіе за русинистику

ПРИКМЕТНІКИ ЗОЗ СУФІКСОМ *-ов(и)* У ЙОЖНОРУСКИМ ЯЗИКУ

*Йожноруски язик – творене словох – прикметніки зоз суфіксом *-ов(и)* – сербски уплів*

О прикметнікох на *-ов(и)* пишеме 1) же бизме указали на веци вариянти їх законченьох у номинативе (два основни вариянти) и 2) же бизме указали на барз обачліве трацене суфікса *-ов(и)* на хасен друхих суфіксах.

I. Прикметніки виведзени зоз суфіксом *-ов-* найчастейше знача припадносць у узшим смыслу, т.е. знача припадане поєдинцови — особи, животині або предмету и теди маю закончения: *-0*, *-a*, *-o*, мн. *-o*. х. р.: *оцов калап*, ж. р.: *мацерова хустка*, с. р.: *сушедово дзецько*, мн.: *оцово шмати, мацерово шестри, сушедово дзеци*. Тоти прикметніки знача и припадносць у ширшим смыслу, т.е. знача припадане колективу або файти або одношене на колектив або файту: *чловеков живот, тацьково гніздо, голубово вайцо*.

Прикметніки на *-ов-* часто знача одношене на предмет: *парохийово здание, Гімназийова улічка* (у Керестуре). Тото значене часто преходзи до описнога значеня, напр. назви фарбах: *тарови, челови, доганови, кафови* и др. Тоти прикметніки маю двояки закончения у хлопским и штреднім роду и у множине: х. р. *-0* (без закончения) и *-i* (бензинов *пах* и бензинови *пах*), ж. р. *-a* (*витрионова лампа*), с. р. *-o* и *-e* (*гадвабово платно* и *гадвабове платно*), мн. *-o* и *-i* (*кафово шмати* и *кафови шмати*). Даєдни з тих прикметнікох маю частейше закончения *-0*, *-a*, *-o*, мн. *-o* (*дубово древо, мн. дубово лесси*), даєдни частейше закончения *-i*, *-a*, *-e*, мн. *-i* (*кафови, кафова, кафове, мн. кафови*). Даєдни ше хасную з обидвома закончениями (*витрионов газ* и *витрионови газ*). Даєдни, преважно прикметніки зоз значенем фарби, материіл або зявеня, маю више номинатив х. р. на *-i*: *блишови, ла-*

тоги, мескови, лимункови, голубкови; ражкови хлеб, витрови чловек. Форми завиша и од синтагми у якей ше хасную: ружков квет (не ружови квет), витрионов пах, але ружсов олей и ружкови олей. Тоти розлични форми можеме провадзиц уж од наших перших виданьох 20-их р. ХХ. в.

У хаснованю тих двояких законченъох иснує така рижнородносц же би чежко було одредзиц правило кеди хторе закончене ше хаснүе. Єдно обще правило заш лем мож обачиц: у якей мири ше при прикметнікох одн. синтагмох траци присвойне значене, у такей мири над законченнями -0, -a, -o, мн. -o превладую закончена -i, -a, -e, мн. -i. Напр. у синтагмох *магазинов простор*, *магазиново здание*, мн. *магазиново простори* ѹще ше чувствує присвойне значене, а у синтагмох *наукови сход*, *наукове зване*, мн. *наукови випитованя* тото значене ше страдело.

Але найбаржей трацене законченъох -0, -a, -o, мн. -o обачліве при формох хлопского роду: досц часто ше у єдинини хаснует форма x. р. на -i, але штреднї род на -o (а не на -e), а множина на -o (а не на -i):

лесов(i): Нови лесови закон... (РН 22/29, 1). Але форма штредн'ого роду на -o: Верхи Карпатах то вообще єдно лесово морйо... (РН 28/30, 3); *порцийов(i):* У Милановцу заварти порцийови урядник (РН 16/30, 1); праведни и єднаки порцийови закон (РН 7/1927, 1). Але множина на -o: *порциово приходи* (РН), *порциово званія* (РН).

То тиж и приклади: *паперови пенеж*, але у множини *паперово пенежи*, *паперово банкноти*; тиж так у єдинини *фейдеров(i)* канабель, а у множини *фейдерово канабелі* (не *фейдерови*); *ленови мех*, але *леново мехи* (не *ленови мехи*), *порцийови закон*, але *порцийово закони* (не *порцийови закони*). З другого боку даєдни прикметніки з тей групи находиме з форму множини на -ови: *нови телефонови апарати* (РН 21/27, 4), *наукови твори* (РН 48/32, 1).

Прикметніки з двоякими законченнями наводзели зме и у «Руско-сербским словніку» (Руско-сербски словнік 2010), т.е. наводзели зме обидва закончения як ровноправни (форми множини у словніку не на-водзены, бо ше подрозумюе же тоти прикметніки маю и двояки форми множини -ово и -ови): *абецедов(i)* -а -o/-e....., *азбестов(i)*, -а -o/-e..., *азбуков(i)* -а -o/-e ... итд.

II. Прикметніки на -ов(i) зоз значенъом одношена на предмет досц часто хасновали нашо авторе медзи двома войнами. Напр.:

Порцийово власци почали виганяц порцію (РН 1928). – Зос *воздухову* ладю прешол океан (РН 1929). – Шедли на свой *моторови* чамец (РН 1929).

Подобни приклады находзиме и у первых децений по Другей швейцарской войни:

Першє стартнуче товариша Тіта зоз Індію було у Бомбайским пристаніцу. На *пристаніщових* просторох не було места за стотки тисячи гражданох. Велі стали на закрицох магазинох, роботньох, хижох. *Маси пристаніщових* роботнікох ягод бобки грозна були налітени на турньох вельких дзвігачкох. Шицки сцели видзиц и привітац товариша Тіта (ПЗ, ч. 9–10, 1960, 8).

Даёдни таки прикметніки хасную ще и у сучасным литературным языку. Найвецей приклады хтори ту наводзиме зазначени у виданьох 1921–1941, але их находзиме и у сучасным языку. (У номінативе ёднини тоты прикметніки наводзиме у форми на *-ов(и)*, бо не знаме хтору форму би автор похасновал: на *-ов* чи на *-ови*):

брамушков(и): брамушкова квашніна, **бурйов(и):** по бурйовим дижеджу (РН 34/35, 2), **вітрионов(и):** вітрионов диждж, вибил вітрионови гас (РН 43/30, 1–2), **древков(и):** древково печаци (у бешеди), **дубов(и):** дубови леси (РН 30/34, 3), **іглов(и):** іглово ушко, **кишенков(и):** кишенкова годзинка (РН 41/30, 3), **кухньюов(и):** кухньюова соль (РК 1921, 58), **лагов(и):** лагово чипели (РН 8/1927, 1), **ленов(и):** два часцы ленового олею (РК 1921, 58), **лесов(и):** лесово морію (РН 28/30, 3), **магазинов(и):** магазиново здания (Грам. 77), **майов(и):** майови молебен (РН 24/32, 3), **муро-в(и):** мурово новини, **науков(и):** наукови творы (РН 48/32, 1), **овоцлов(и):** овоцово древка (РН 29/35, 1), **паперов(и):** паперово пенежы (РН 36/29, 2), **угльов(и):** угльово рудокопи (Грам. 77), **цолов(и):** цолово дески, **швейтров(и):** швейтрове чудо (РН 2/33, 3), **шлівков(и):** фини маджун шлівкови (РН 50/32, 2), **шнігов(и):** шнігова буря (РН 8/32, 2) и др.

Але у литературным языку 1921–1941. находзиме и прикметніки на *-ов(и)* хтори ще у сучасным литературным языку не хасную. Поцисли их з хаснованя ўх синоними преважно сербскага походзеня.

Прикметніки на *-ов(и)* характеристични и за «угорорускі» и украінски (тиж и за польски и словацки) язік. Прето допушчаеме же даёдни форми хтори ніжей наводзиме похаснованы под уплівом «угорорускага» и украінскага язіка (*класови* – укр. *класовий*). Але наводзиме и прикметніки на *-ов(и)* хтори у «угорорускім» и украінскім не маю форму на *-овий*, а то значи же их нашо авторе не похаснова-

ли под уплівом «угорорусского» и українського язика: [моторов(и) – укр. *моторний*; *кристалов(и)* – укр. *кристалічний* и *кристальний*; *спортивов(и)* – укр. *спортивний* и др.]. Же при хаснованю прикметнікох на *-ов(и)* у нашим литературним языку «угороруски» и українски язик не окончел векши уплів, потвердзуе и вельке число прикметнікох на *-ов(и)*, *-ови* и *-ов* хтори сам народ хаснүе:

Гимназийова улічка, парохийова заграда, криштальов(и) цукер, ражови хлеб, хлебова мука, витрови чловек ‘незобильни чловек’, цименттова хижса ‘омалтерована хижса’, инігово лабди (квеце), инігово хмари, дижджосва хмара, маков цукер, орехова торта, орехово покераї, сламково квеце, медово колачи, муррова годзина, пойдов облачок, пойдова дзира, черепови пец, цегелкови пец, цеглови мурик, турньова годзина, орманов(и) змаржляк, ладов(и) змаржляк, кромпльов цукер, парадичова (млекова, цескова, яблукова, копрова) мачанка и др.

Значи же нашо авторе хасновали тоти прикметніки найбаржей прето же их чувствовали як свойо.

Слідуючи приклади зазначені углавним у виданьох 1921–1941. За прикладом за смугу наводзиме сучасни эквивалент наведзеного прикметніка, а кед ше вон хаснүе под сербским уплівом (сербски суфикс або цале слово), за знаком за походзене (<) наводзиме и сербску форму.

автомобилов(и): уредзене автомобиловых фабрикох (РН 23/30, 3) – суч. *фабрики автомобилох* < серб. *фабрике аутомобила*;

воздухов(и): воздухово маневри ..., воздухова флота (РН 29/30, 2) – суч. *воздушни* < серб. *ваздушни*;

войсков(и): войсково выдатки (РН 33/32, 1) – суч. *военни* (укр. *воєнний*);

гадвабов(и): зос гадвабовых шматох – суч. *гадвабни* (тота форма превладае у бешеди старших, та ю трымаме за народну);

гранитов(и): гранитова скала (РН 2/31, 2с) – суч. *гранитни* < серб. *гра-нитни*;

доганов(и): доганово фабрики (Грам. 2002, 77) – суч. *фабрики догану* < серб. *фабрике дувана*;

експресов(и): экспресови гайзібан (Грам. 2002, 77) – суч. *експресни* < серб. *експресни*;

квадратов(и): квадратово парцели (РН 41/34, 3) – суч. *квадратни* < серб. *квадратни*;

класов(и): класово неспоразуми (РН 38/29, 1) – суч. *класни* < серб. *класни*;

концертов(и): концертово карти (Грам. 2002, 77) – суч. *концертни* < серб. *концертни*;

- кубиков(и):** кубиков метер (РК21, 49) – суч. кубни < серб. кубни;
- металов(и):** металови пенеж (РН 36/29, 2) – суч. метални < серб. метални;
- миліонов(и):** мільйонови індійски народ (РН 13/31, 2) – суч. мільйонови и мільйонски < серб. мільйонски;
- млеков(и):** млекова квашніна (РН 25/35, 4) – суч. млечни < серб. млечни;
- моторов(и):** вожели ше на моторовей бицикли (РН 34/30, 1), моторови чамец (РН 27/29, 3) – суч. моторни < серб. моторни;
- новинов(и):** новиново уряди (РН 10/33, 2) – суч. новински < серб. новински;
- одборов(и):** вредносці одборових заключкох (РК 21, 11) – суч. заключеня одбора < серб. закључци одбора;
- озонов(и):** озонови пахняци воздух (РН 28/30, 3) – суч. озонски < серб. озонски;
- памятков(и):** памятково кніжки ... значене єдного памяткового зборніка (РН 17/29, 2) – суч. памятни < од «угорусского» и українського памятний;
- пенежсов(и):** злато основа пенежовей вредносци (РН 36/29, 2), пенежово задруги (Грам. 2002, 77) – суч. пенежни < серб. новчани;
- пергаментов(и):** пергаментови папер (РН 1/30, 7) – суч. пергаментни < серб. пергаментни;
- пияцлов(и):** пияцова цена (РН 33/30, 3) – суч. пияцлов(и) и пиячни < серб. пијачни;
- подморійов(и):** у подморійовей войни (РН 9/35, 2) – суч. подморски < серб. подморски;
- позагробов(и):** вира до позагробового живому (РН 39/32, 2) – суч. загробни < серб. загробни;
- порційов(и):** порційови урядник (РН 16/30, 1), порційови закон (РН 7/1927), порцію приходи, порцію званія – суч. порційни (суфікс -йни з українського);
- пошмерцлов(и):** пошмерцова припомоц (Грам. 2002, 77) – суч. посмертни < серб. посмртни;
- поштов(и):** поштови чек на 7.500 фунти (РН 13/31, 4), зос поштового вагону краднул (РН 16/30, 1), поштова карта (РН 25/27, 4) – суч. поштови и поштански < серб. поштански;
- пристаніщлов(и):** на пристаніщових просторох (ПЗ ч. 9–10, 1960, 8) – суч. пристаніщни и пристаніщлов < серб. пристаниши;
- радійов(и):** преношели радійово габи шицки торжества (РН 43/34, 3), радиово стациї (Грам. 2002, 77) – суч. радио-габи, радио-станіца < серб. радио-тадаси, радио-станица;
- рентгенов(и):** препатрує хорох зос рентгенову машину (РН 7/1927, 7) – суч. рентгенски, рентген-апарат < серб. рендгенски, рендген-апарат;

- спортов(i):** вишеліяки ... спортиво забави (РН 11/31, 1), спортова организация (РН 27/35, 3) – суч. спортски < серб. спортски;
- телеграфов(i):** телеграфова драга (РК21, 54) – суч. телеграфски < серб. телеграфски;
- телефонов(i):** телефонова вяза (Грам. 2002, 77), нови телефонови аппарати (РН 21/27, 4) – суч. телефонски < серб. телефонски;
- терхов(i):** терхови гайзібан (Грам. 2002, 77) – суч. терховни < серб. теретни;
- хоров(i):** хорова писня (РН 38/32, 1) – суч. хорски, < серб. хорски;
- чеков(i):** чекова уплатніца (РН 22/30, 1) – суч. чекови и чековни < серб. чековни;
- челіков(i):** барда челіково (РН 1/1927, 6) – суч. челічни < серб. челични;
- шветлов(i):** єден шветлови рок (РН 1/35, 8) – суч. шветлосни рок < серб. светлосна година.

Кед преанализуеме наведзени приклады, увидзиме же зоз 38 одредніцох 35 у сучасним литературным языку маю сербски еквиваленты або еквиваленты створены под сербским упльвом (найчастейше виведзени зоз суфиксами *-ски* и *-ни*), три одредніцы маю «угоруски» и украінски еквиваленты (ту рахуеме и суфикс *-йни*) [*войсков(i)* – *воєни*; *памятков(i)* – *памятни*; *порцийов(i)* – *порційни*], а єден ма руски народни еквивалент [*гадвабов(i)* – *гадвабни*].

Же бизме баржей отворели дзвери суфиксу народного языка *-ов(i)* у литературным языку и указали хаснователью словніка на можлівосці народного языка, у «Руско-сербским словніку» (Руско-сербски словнік 2010) зме попри сербских и других формох тих прикметнікох часто наводзели и форми на *-ов(i)*. При тим зме два дублеты у одредніцы не наводзели віше по азбучним шоре: на перше место зме кладли форму за хтору зме тримали же ёй треба дац предносц над ёй дублетом (без огляду чи вона народна чи не) [*азбестов(i)* и *азбестни* – дата предносц форми на *-ов(i)*; *атомски* и *атомов(i)* – дата предносц сербской форми *атомски*, бо ё уж укорененна у бешеди]; под *алуминийов(i)* зме наведли лем форму на *-ов(i)*, понеже таку форму и народ хаснусе.

- абецедни** -а -е и **абецедов(i)** -а -о/-е абецедан;
- азбестов(i)** -а -о/-е и **азбестни** -а -е азбестни;
- азбуков(i)** -а -о/-е и **азбучни** -а -е азбучни;
- азотни** -а -е и **азотов(i)** -а -о/-е азотни;
- акордов(i)** -а -о/-е и **акордни** -а -е (од *акорд¹* и *акорд²*) акордни;
- акцентов(i)** -а -о/-е и **акцентски** -а -е акценатски;

алармни -а -е и *алармов(и)* -а -о/-е алармни;
алкоголни -а -е и *алкоголов(и)* -а -о/-е алкогольни;
алуминийов(и) -а -о/-е алюминијски, алюминијев;
алфабетни -а -е и *алфабетов(и)* -а -о/-е алфабетски;
аминов(и) -а -о/-е и *амински* -а -е хем. амински;
ангрови -а -о/-е и *ангровски* -а -е ангорски;
анкетни -а -е оп. *анкетов(и)*;
анкетов(и) -а -о/-е анкетни; ~ *лісток* анкетни листић;
антенов(и) -а -о/-е и *антенски* -а -е антенски;
антилопов(и) -а -о/-е и *антилопски* -а -е (од *антилоп*) антилопски;
арендов(и) -а -о/-е и *аренди* -а -е арендни;
астраганов(и) -а -о/-е и *астрагански* -а -е астрагански;
ателев(и) -а -о/-е и *ателейски* -а -е (од *ателє*) ательерски, ательски;
атмосферов(и) -а -о/-е и *атмосферски* -а -е атмосферски;
атомски -а -е и *атомов(и)* -а -о/-е атомски...;
атрибутов(и) -а -о/-е и *атрибутски* -а -е грам. атрибутски, атрибутни;
 атрибутиван...;
бавилійщи -а -е и *бавилійцов(и)* -а -о/-е игралишни;
базалтни -а -е и *базалтов(и)* -а -о/-е базалтан итд.

ЛИТЕРАТУРА

Руско-сербски словнік 2010 — Ю. Рамач (ред.). Г. Медеши, О. Тимко-Дітко, М. Фейса. *Руско-сербски словнік*. Нови Сад: Філозофски факултет – Завод за культуру войводянских Руснацох, 2010, 886 б.

Грам 2002 — Ю. Рамач. *Граматика руского языка за I, II, III и IV класу гимназий*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2002, 615 б.

ЖРИДЛА

ПЗ — *Пионирска заградка. Часопис за дзяці*, Нови Сад, 1947–1991.

РК — *Руски календар за югославянских Русинох*. Видатель и властитель Руске народне просвітне дружтво. Руски Керестур, 1921–1941.

РН — *Руски новини за Русинох у Кральовини С. Х. С.* Властитель Руске Народне Просвітне Дружтво. Руски Керестур, 1924–1941.

СКРАЦЕНЯ

серб. — сербски јазик;

суч. — сучасни литературни јазик;

укр. — українски јазик

J. Ramač. Omadussõnad sufiksiga -(oč) lõunarussiini keeles

Vaadeldakse omadussõnu sufiksiga -(oč) ja nende morfoloogilise vormistamise iseärasusi lõunarussiini mikrokeeles. Tehakse kindlaks antud mudeli funktsioneerimistingimused. Autor teeb järelduse, et posessiivtähenduse nõrgenemisel või kadumisel vormistatakse omadussõnad teiste fleksiate abil. Erilist tähelepanu pööratakse serbi-horvaadi keele adjektiivmudelite mõjule.

Михайло Фейса
Універзитет у Новим Садзе,
Оддзелене за русинистику

МЕНА И ПРЕЗВИСКА ВОЙВОДЯНСКИХ РУСНАЦОХ

Войводянски Руснаци – мена – презвиска – мадярски уплів

Русинистична література хтора облапя тематику менох, презвискох и назвискох у рускей национальней заєдніци не велька. Тримаме же три статі и три дипломски роботи представляю найзначнейши референци хтори зоз своім змістом обезпечую увид до тей тематики. Од статіох то «Фамилійни презвиска и назвиска Руснакох у Югославії» Миколи М. Кошиша (Кошиш 1978, 187–218), «Прилог гу исторії рускей школи у Шидзее» Василя Мудрого и Янка Саламона (Мудри, Саламон 1992–1993, 208–268) и «Презвиска мадярского походзеня при бачванско-срімских Руснацох» Гайналкі Фірис (Фірис 2008, 210–228), а од дипломских роботох — «Власни хлопски и женски мена у Коцуре» (Гарди 1998, 293–304), «Власни женски мена у Руским Керестуре» (Дюрко 2004, 189–204), «Власни мена и презвиска у Шидзее» (Говля 2008, 102–125)¹.

На основі резултатах вигледованьох винесених у дипломских роботох у можлівосці зме утврдзіц фреквенцию женских менох. Заступеносц женских менох представена и процентаулно.

Соня Дюрко до шлідуюцих резултатах за Руски Керестур пришла на основі зазначованя шыцких женских менох хтори записані у церковных матрикулох у періодзе од неполных 220 роках, од 1779. р. по октобер 1999. р. (Дюрко 2004, 193):

1. Мария – 25,89 % (4610 раз)	6. Ирина – 4,08 % (727 раз)
2. Ана – 21,99 % (3916 раз)	7. Елизабета – 2,38 % (423 раз)
3. Гелена – 9,54 % (1698 раз)	8. Леона – 1,94 % (346 раз)
4. Юлияна (Юла) – 5,50 % (979 раз)	9. Веруна – 1,80 % (321 раз)
5. Мелания – 4,77 % (850 раз)	10. Наталия – 1,56 % (278 раз)

Снежана Шанта свой корпус вигледованя формовала з виписованием женских менох у Коцуре хтори давани кажди пейц роки у периодзе од 1845. по 1995. р. (Гарди 1998, 301–302):

1. Мария – 20,70 % (249 раз)	6. Ирина – 4,84 % (58 раз)
2. Ана – 13,7 % (161 раз)	7. Павлина – 3,6 % (44 раз)
3. Мелания – 8,01 % (96 раз)	8. Ксения (Сена, Сенка) – 2,75 % (33 раз)
4. Юлияна – 7,5 % (90 раз)	9. Наталия – 2,50 % (30 раз)
5. Гелена – 6,65 % (82 раз)	10. Катарина – 2,17 % (26 раз)

Анита Говля руски особни мена у Шидзе спатрела у периодзе од 1811. по 2000. р. (Говля 2008, 116):

1. Мария (Маря) – 23 % (214 раз)	6. Мелания (Мелана) – 3,2 % (30 раз)
2. Ана (Ганя) – 18,7 % (174 раз)	7. Олга – 2,3 % (21 раз)
3. Гелена – 8,7 % (81 раз)	8. Веруна – 2,1 % (20 раз)
4. Юлияна (Юла) – 8,3 % (77 раз)	9. Марта – 2,1 % (20 раз)
5. Катарина (Ката) – 5,8 % (54 раз)	10. Ирина – 1,7 % (16 раз)

Евидентне же найфrekвентнейши женски мена *Мария* и *Ана*. Тоти мена по початок ХХ в. виразно превладовали, же би, гоч зоз змееншану фrekвенцию звийована, свойо доминантне хасноване затримали по нешкайши днї. Шлідза, у просеку патраци, мена *Гелена*, *Юлияна* и *Мелания*, и попри тим же іх хасноване нешкада преридзене або цалком видрилене зоз интернационалними або сербскими менами. Мено *Гелена* напр. зачеране зоз меном *Єлена* (часточно, концом ХХ в., и зоз *Олена*), мено *Мелания* ше з часу на час звյюе и нешкада, а мено *Юлияна*, можеме констатовац, цалком вишло зоз хаснованя.

Дадайме и результати первого теренского ономастично-лексикологичного вигледованя, хторе организовало Дружтво за руски јазик и литературу у Руским Керестуре и Коцуре так же вигледоваче виписовали особни мена дзецах народзених 1945., 1955. и 1965. р. (Киш и др. 1978, 53–59). По тим вигледованю, хторе покрива стредок ХХ века, у Руским Керестуре найфrekвентнейше мено було *Мария*, и по-единечно за кажди рок и вкупно за шицки три роки (1945 – 19,56%, 1955 – 23,08% и 1965 – 15,9%), док у Коцуре воно било найфrekвентнейше 1955. року зоз 23,81% (1945. було друге по фrekвенций зоз 13,33%, за *Меланию* 16,66%). З других особних менох барз части и *Мелания*, *Наталия* и *Ксения* (у Руским Керестуре), *Ирина*, *Цецилия* и *Серафина* (у Коцуре).

Медзি хлопскими менами не находзиме даєдно за хторе би ше могло повесц же є у доминантним хаснованию.

У Шидзе шлідуюча ситуация (Говля 2008, 116–117):

1. Янко – 14,70 %	6. Владимир – 4,40 %
2. Михал – 13,20 %	7. Андри – 4,20 %
3. Дюра – 10,40 %	8. Осиф – 3,90 %
4. Микола – 5,80 %	9. Василь – 3,60 %
5. Петро – 5,10 %	10. Штефан – 2,40 %

У Коцуре (по Гарди 1998, 298–302):

1. Йовген (Евген) – 13,98 %	6. Владимир (Владо) – 4,75 %
2. Михал – 11,90 %	7. Петро – 4,43 %
3. Дюра (Георгий) – 9,62 %	8. Юлиян – 3,81 %
4. Микола (Миклош) – 7,98 %	9. Андри – 3,13 %
5. Янко (Йоан) – 4,80 %	10. Дионизий (Денчи) – 2,82 %

А стредком прешлого вику, тиж у Коцуре (по: Киш и др. 1978, 58):

1945:	1955:
1. Владимир – 17,5 % (7 раз)	1. Владимир – 12,5 % (5 раз)
2. Дюра – 17,5 % (7 раз)	2. Дюра – 10 % (4 раз)
3. Йовген – 7,5 (3 раз)	3. Янко – 7,5 % (3 раз)
4. Янко – 5 % (2 раз)	4. Михайло – 7,5 % (3 раз)
5. Михайло – 5 % (2 раз)	5. Милорад – 7,5 (3 раз)
6. Микола – 5 % (2 раз)	6. Микола – 5 % (2 раз)
7. Йован – 5 % (2 раз)	7. Мирослав – 5 % (2 раз)
8. Петро – 5 % (2 раз)	7. Бошко – 5 % (2 раз)
	8. Момчило – 5 % (2 раз)

Точни податки о даваню menoх у Руским Керестуре существую лем за период од 1945. по 1965. р. (по: Киш и др. 1978, 58):

	1945:	1955:	1965:
1.	Владимир – 14,77 % (11 раз)	Владимир – 12 % (12 раз)	Владимир – 10,87 % (5 раз)
2.	Янко – 14,77 % (11 раз)	Дюра – 11,1 % (7 раз)	Михайло – 10,87 % (5 раз)
3.	Яким – 14,77 % (11 раз)	Юлиян – 9,52 % (6 раз)	Дюра – 10,87 % (5 раз)
4.	Михайло – 13,16 % (10 раз)	Йоаким – 9,52 % (6 раз)	Любомир – 10,87 % (5 раз)
5.	Юлиян – 13,16 % (10 раз)	Янко – 6,35 % (4 раз)	Янко – 8,7 % (4 раз)
6.	Дюра – 6,58 % (5 раз)	Михайло – 6,35 % (4 раз)	

7.	Мирон – 5,26 (4 раз)	Яким – 6,35 % (4 раз)	
8.		Мирон – 6,35 % (4 раз)	

По податкох у наведзених вигледованьох 10% хаснованя даскелью раз преходза мена Янко/ Йоан/ Йован, Михал/ Михайло/ Михайл/ Махайл/ Михаэл, Дюра/ Георгий/ Георгий, Владимири/ Владо, а раз и Йовген/ Евгений/ Евген, Любомир/ Любо, Яким/ Йоаким и Юлиян.

Цо ше дотика фреквенцій прозвискох вона статистично представлена лем за Шид (Говля 2008, 117):

Канюх – 3,5 % (67 раз)	Крайцар (Грайцар) – 2 % (38 раз)
Горняк – 2,9 % (56 раз)	Загорянски – 1,9 % (37 раз)
Данчо – 2,7 % (52 раз)	Лазор – 1,7 % (33 раз)
Еделински – 2,1 % (41 раз)	Миклош (Микловш) – 1,6 % (31 раз)
Ждиняк – 2,1 % (41 раз)	Торма – 1,6 % (31 раз)

На основі найподполнейшого списка офиційних фамелійних прозвискох, хтори составел М. Коциш (Коциш 1978, 187–218), обачуєме зявене же у Руским Керестуре фамелій порядно маю и бешедни фамелійни прозвиска (назвиска). Число таких неофиційних прозвискох ~ назвискох руша ше од 2 по 8. Док вони у жриду нє дати поровнуюцо, ми их на тим месце наводзиме обединено, коло офиційного прозвиска за хтори ше вяжу. Гоч би було интересантне вигледовац спосobi на хтори фамелійни назвиска настали, нас з тей нагоди интересує лем іх квантитативна заступеносц, бо вязане векшого числа фамелійных назвискох за одредзене прозвиско без подозривосци указує и на векшу фреквенцию зявівданя датого прозвиска. Реалне предпоставиц же ше найфреквентнейши прозвиска при Руснацох у Руским Керестуре находза праве медзі тима хтори маю 6, 7 або 8 назвиска.

Два назвиска маю: Гаргай – Гатраши и Гомза, Гербут – Гажи и Льовчош; **три** назвиска маю: Бесермині – Берци, Грицко, Олекса; Варга – Галушка, Шокец, Шокінь; Виславски – Мудри, Мудричка, Палко; Костельник – Адамчо, Гомза, Маснога; Няради – Бучко, Дзвонарка, Дзвонаров; Папута – Дюрков, Дюрча, Яким; Семан – Загорски, Петрашка, Радьоў; Симунович – Керекярта, Полівка, Янов; Гайдук – Лацканін, Лиси, Штефанчик; Горняк – Адамчо, Илияш, Кухар;

штири назвиска маю: Барна – Гробар, Гайдер, Шутого, Югас; Будински – Бругош, Бурян, Гуздер, Миля; Еделински – Бругош, Горняк, Мікол-

ков, Фунтош; Югас – Барна, Гичко, Томаш, Писи; Сабадош – Бора, Гика, Лиси, Сабадощик; пейц назвиска маю: Микловш – Кулич, Лалицки, Мица, Няради, Миколка; Мудри – Берци, Колесар, Лусканци, Минар, Шандор; шейсц назвиска маю: Дудаи – Данко, Иван, Мийов, Рагай, Романчо, Семан; Михняк – Пекаров, Мица, Мичурков, Мишкань, Мицко, Мишков; Рац – Грицо, Дзвонар, Креніцки, Мишко, Рацмишка, Тиркайла; Чижмар – Босого, Ержань, Пештика, Русов, Сцеранка, Чижмарянка; седем назвиска маю: Пап – Галушка, Дюрань, Дулич, Матов, Папянко, Петрань, Янов; Гарди – Вереш, Войвода, Иванов, Малацко, Мишкань, Мишков, Шокец; Сивч – Винцириль, Гично, Катрина, Марков, Феркань, Ферко, Ферчо; осем назвиска маю: Киш – Адам, Арсим, Грицо, Гали, Дюриков, Медесши, Ондер, Філіпков; Надь – Андришико, Бандурик, Джамбас, Єва, Макаїчка, Надьмишка, Поштаров, Янов.

Прозвиска ~ назвиска зявлю ще у функції розликованя фамелії од фамелії. Як єдна з причинох за ідентифікацио фамелійох на тот способ, по Кошишови, и потреба же би ще обезпечел знак хтори би указивал на тото же одредзени фамелії нє у родзинских одношеньох (Кочиш 1978, 188). З огляdom же по нешкa нє окончене даєдно вигледоване хторе би указало на фреквенцию прозвискох у Коцуре, за тоту нагоду послужели зме ще зоз «Телефонским менаром» Коцуре обявеним 2004. р. На основи менара найчастейши прозвиска у Коцуре: *Бесермині, Буила/ Буїла, Фейса, Горняк, Хроміш, Иван, Макай, Русковски, Сабо, Шанта и Варга.*

Додаваня прозвискох у бешедней комуникації якого ест у Руским Керестуре, у Коцуре ест барз мало. Регистровали зме даскельо приклади: неофиційне *Пельваши* за офиційне *Цап*, неофиц. *Кухар* за офиц. *Горняк*, неофиц. *Дайко* за офиц. *Сабо*, неофиц. *Пипати* за офиц. *Молнар* и неофиц. *Онда* за офиц. *Олеяр*. Два приклади указую же можліве же би ще з часом и неофиційне прозвиско приключело гу офиційному и же би так обидва ведно формовали зложене офиційне прозвиско: *Горняк Кухар* и *Сабо Дайко*. Финални продукт идентични з гевтим до хторого ще доходзи кед ще на винчаню, пред матичаром, єден зоз супружнікох вияшні же гу своїому прозвиску додава прозвиско супружнїка.

Дзепоєдни прозвиска характеристични лем за єдно населене. Так напр. прозвиско автора тих шорикох характеристичне лем за Коцур. Кед же, заш лем, даєдна особа зоз прозвиском *Фейса* нє жиє у Коцур-

ре, зоз сигурносцу можеме твердзіц же ше тата особна, або дахто з ей предкох, приселела до датого места пребуваня зоз Коцурा. Презвіско автора тей роботи ілюстративне и по ещи єдней основи. Презвіско *Фейса* походзи од мадярского слова *fejsze*, хторе у перекладу значи ‘шекера’ и найвироятнейше указує на предка хтори ше добре служел зоз шекеру, предпоставя ще як древоруб у Карпатах. Тото презвіско одвітує презвіску *Сикирица*.

Г. Фірис заключує же перши презвіска мадярского походзеня настали ещи у періодзе пред XVII в., на початку старомадярского язичнаго періода, и же настали пре уплів мадярского язіка на рускі — цо шведочи о заєдніцким живоце Мадярох и Руснацох и о руско-мадярским билингвізме при Руснацох. Фірисова преноши и податок же у Австро-Угорской монархіі концом XVI в. уж было обовязнє записоване презвіскох (Фірис 2008, 210). Юліян Рамач тоти презвіска учішлює до старших гунгаризмох, хтори настали у періодзе пред присельваньем Руснацох до Бачки стredком XVIII в. (Рамач 2002, 404–408).

Мадярске походзене презвіскох у рускей національней заєдніці анализовали Іштван Удвари з Ніредьгази (Мадярска) (оп. напр. Удвари 1985, 40–62), Г. Фірис зоз Руского Керестура хтора, по одаванкі, жиє у Сегедину (оп. Фірис 2008, 210–228), а мастер робота пошвецена пожичком зоз мадярского язіка, та и патронімом, праве за-кончує и Ксения Бенчик з Нового Орахова. Єдно зоз заключеньюх дисертаций Фірисовей и податок же 50% (299) од 594 руских презвіскох, а 35,5% (186) руских назвіскох мадярского походзеня. По авторох найвецей руских презвіскох мадярского походзеня походза од мадярских общих меновнікох (медзи хторима и презвіска настали на основі заніманя особох, на основі даєдних іх прикметох або на основі местох у хторих вони або іх предки жили) або од мадярских особных менох и презвіскох (Фірис 2008, 216–219). Дзепоедни з прикладох за презвіска хтори настали на основі мадярских назвох за одредзени заніманя:

Пап (од *священік, поп*), *Сакач* (од *кухар*), *Сабо* (од *скравец*), *Молнар* (од *млінар*), *Югас* (од *пастир*), *Ловас* (од *коняр*), *Чордаш* (од *кравар*), *Човс* (од *польочвар*), *Дудаш* (од *гайдош*), *Керетярта* (од *колесар*), *Кетелеш* (од *штрангар*), *Сивч* (од *скорар, күшнір*), *Катона* (од *вояк*), *Шайтош* (од *сирар*) и др.; на основі прикметох: *Надь* (од *вельки*), *Киши* (од *мали*), *Барна* (од *браон*), *Фекете* (од *чарни*), *Балог* (од *ліворуки*), *Лабош* (од *ла-*

бати, ногати), *Надъфей* (од главати), *Мелег* (од цепли), *Шови* (од слани), *Шарик* (од залюштани, блатни), *Жирош* (масни) и др.; на основи местох: *Бесермині* (зоз *Бесерминя*), *Емеди* (зоз *Емеду*), *Арваі* (зоз *Арви*), *Мученски* (зоз *Мученю*), *Салонтаї* (зоз *Салонти*), *Бодваі* (зоз *Бодви*), *Маточ* (зоз *Маточа*), *Үйфалуши* (зоз *Үйфалуя*), *Колошняї* (зоз *Колошні*), *Каиш* (зоз *Каиш*, т. е. *Кашицох*), *Керестурик* (зоз *Керестура*), *Медеши* (зоз *Медесша*), *Дорокази* (зоз *Дорогази*), *Сегеди* (зоз *Сегедину*), *Радвані* (зоз *Радваня*), *Кевежеди* (зоз *Кевежда*), *Макаї* (зоз *Макова*) и др.; на основи menoх и презвискох: *Балінт*, *Миклови*, *Тамаш*, *Гайнал*, *Шандор*, *Берци*, *Лацко*, *Шимко* и др.; на основи назви народох: *Лендер* (од *Поляк*), *Орос* (од *Рус*), *Том* (од *Словак*), *Рац* (од *Серб*) и др. Дзепоєдни презвиска зложени зоз двух мадярских презвискох, односно menoх: *Кишиюгас*, *Рацмишка*, *Рацпети*, *Папгаргай*, *Папданко*, *Паплацко*, *Папандории* и др.

Тренд же ше у рускей етничней заєдніци число презвискох зменшує, а число menoх звекшує. На тото, пообщено патраци, уплівує соживот зоз Сербами и интернационализация, та отадз, з ёдного боку, *Зорица*, *Саня*, *Драгана*, *Биляна* и *Желько*, *Деян*, *Драган*, *Синиша*, а, з другого боку, *Роберт*, *Кристиян* и *Дияна*, *Жаклина*, *Кристина*, *Анита*, *Виолетта*. Интересантне зявене же ше скращени мена, хаснованы першне як назвиска, зявию и як официйни мена: *Мая* (од *Мария*), *Сандра* (од *Александра*), *Ема* (од *Емилия*), *Ваня* (од *Валерия*), *Таня* (од *Татьяна*), *Саша* (од *Александар* або *Александра*) и др. Тиж обачліве и пороснуце хаснованя библійских menoх (напр. *Давид*, *Сара*, *Ребека* и др.), але и menoх спрам народзеня дзецка на дзень хтори по Мешацслову пошвецени даєдней святей або даєдному святыму (оп. Холошняй 2008, 229–249).

Цо ше дотика назвискох, праве зме окончели ёдно пилот-анкетоване у Основнай школи Братство единство у Коцуре и на основи нього здобува ше упечаток же ше назвиска при основношколцох найвецей даваю пейоративно, пре визначоване даєдней тілесней прикмети або даякей гришки, але даваю ше и з цілью скрацована menoх або прикметох, по заніманю родителя або предка, як и по родней вязи.

ЗАУВАГИ

¹ Треба надпомнуц же ище пред Другу шветову войну Ристо Јеремић писал о руских презвискох и назвискох: Р. Јеремић. *Бачки Руси (Рушињаци, Руцинини)*. Летопис Матице српске, Нови Сад, 1928, књ. 316, св. I: Прилози

Летопису Матице српске, год I, 1928, књ. I, св. 2, Март – Април, с. 62–64 («Презимена бачкоруских породица», «Надимци»). — Заувага редактора научовеј сериј «*Slavica Tartuensia*».

ЛИТЕРАТУРА

- Гарди 1998 — С. Гарди. *Власни хлопски и женски мена у Коџуре* (дипломска робота одбранена 1996). *Studia Ruthenica*, 6. Нови Сад: Друштво за руски језик, литературу и културу, 1998, б. 293–304.
- Гавриловић 1977 — С. Гавриловић. *Русини у Бачкој и Срему од средине XVIII до средине XIX века*. Годишњак Друштва историчара Војводине. Нови Сад: Друштво историчара Војводине, 1977, б. 153–215.
- Говля 2008 — А. Говля. *Мена и презвиска у Шидзе* (дипломска робота одбранена 2007). *Studia Ruthenica*, 13. Нови Сад: Друштво за руски језик, литературу и културу, 2008, б. 102–125.
- Дрљача 2006 — Д. Дрљача. *Руснаци у етнографских записох*. Нови Сад: Друштво за руски језик, литературу и културу, 2006.
- Дјорко 2004 — С. Дјорко. *Власни женски мена у Руским Керестуре* (дипломска робота одбранена 1999). *Studia Ruthenica*, 9. Нови Сад: Друштво за руски језик, литературу и културу, 2004, б. 189–204.
- Жирош 1997 — М. Жирош. *Бачанско-сримски Руснаци дома и у швеце (1745–1991)*, 1. том. Нови Сад: Грекокатолицка парохија св. Петра и Павла, 1997.
- Киш и др. 1978 — Г. Киш, Г. Скубан, М. Сакач, М. Фејса. *Сучасни особни мена у Руским Керестуре и Коџуре*. Творчосц. Нови Сад: Друштво за руски језик и литературу, 1978, б. 53–59.
- Кочиш 1978 — М.М. Кочиш. *Фамилијни презвиска и назвиска Руснакох у Југославији*. Лингвистични роботи (репрント зоз: Шветлосц, 2, 1973, 164–194) Нови Сад: Руске слово, 1978, б. 187–218.
- Кучмаш Клеменс 2008 — А. Кучмаш Клеменс. *Як настали презвиска. Русини/Руснаци/ Ruthenians (1745–2005)*. 2. том. Гл. уред. М. Фејса. Нови Сад: ИК Прометеј, Филозофски факултет – Одсек за русинистику, Културно-просветно друштво ДОК – Куџура, 2008, б. 203–209.
- Лабош Гайдук 2010 — Л. Лабош Гайдук. *Руснаци у Шидзе 1990–1950*. Шид: Културно-просвите друштво Дюра Киш, НВУ Руске слово, 2010.
- Лабош 1979 — Ф. Лабош. *История Русинох Бачкей, Сриму и Славониј 1745–1918*. Вуковар: Сојуз Русинох и Українцох Горватской, 1979.
- Лађевић 1969 — М. Лађевић. *Савремена ономастика града Н. Сада*. Прилози проучавању језика, 4. Нови Сад: Институт за јужнословенске језике Филозофског факултета, 1969, б. 175–196.

- Лађевић 1977–1978 — М. Лађевић. *Лична имена у Новом Саду (1972–1975).* Прилози проучавању језика, 13–14. Нови Сад: Институт за јужнословенске језике Филозофског факултета, 1977–1978, б. 93–132.
- Мудри, Саламон 1992–1993 — В. Мудри, Я. Саламон. *Прилог ту историї рускай школы у Шидзе.* Studia Ruthenica, 3. Нови Сад: Дружтво за руски јазик и литературу, 1992–1993, б. 208–268.
- Рамач 2002 — Ю. Рамач. *Граматика русского языка*, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2002.
- Удвари 1985 — И. Удвари. *Фонетичне адаптоване мадярских словох у бачванско-сримским языку.* Творчосц, 11. Нови Сад: Дружтво за руски јазик и литературу, 1985, б. 40–62.
- Фирис 2008 — Г. Фирис. *Презвиска мадярского походзеня при бачванско-сримских Руснацох.* Русини/ Руснаци/ Ruthenians (1745–2005). 2. том. Гл. уред. М. Фејса. Нови Сад: ИК Прометеј, Филозофски факултет – Одсек за русинистику, Културно-просветно друштво ДОК – Куцура, 2008, б. 210–228.
- Холошний 2008 — М. Холошний. *Мешацслов/ Мисяцслов.* Русини/ Руснаци/ Ruthenians (1745–2005). 2. том. Гл. уред. М. Фејса. Нови Сад: ИК Прометеј, Филозофски факултет – Одсек за русинистику, Културно-просветно друштво ДОК – Куцура, 2008, б. 229–249.
- Чучка 1973 — П.П. Чучка. *О чим шведочи антропонимия војводянских Руснакох.* Шветлосц, 1. Нови Сад: Руске слово, 1973, б. 95–110.

M. Fejsa. Vojevoodina russiinide ees- ja perekonnamimed

Autor käsitleb russiinide ees- ja perekonnamimed levikut Vojevoodinas. Seejuures pööratakse tähelepanu nimede sagedusele ja nende varieerumisele piirkonniti. Autor järelldab, et Vojevoodina russiinidel on kasutusel ligikaudu 600 perenime, millest suur osa on ungari päritolu.

Янко Рамач

Универзитет у Новим Садзе, Оддзелене за русинистику

РУКОПИСНИ ХРОНІКИ РУСКОГО КЕРЕСТУРА З 18. И 19. ВИКА

Руснаци у Южнай Угорскай – Бачка, Войводина – Керестур/ Руски Керестур – хроніки – рукописни зборніки

По нешка не утвэрдзене хто и кеды почал водзиц хроніку Руского Керестура. Обявени штири верзій тей хронікі (Гнатюк 1903, 5–6; СВК 1921, 92–95; Миз 1970, 90–96; Рамач 1988, 527–550), а у рижніх оригиналных рукописных зборнікох або у копійох ест ище коло 10 верзій керестурскай хронікі, цо дава основу твердзиц же у 19. в. такі рукописы було вельо веций и же писане и преписоване хронікох було барз популярне медзі руским валалскім жительством. У дальнім тексту ше дава краткі інформаціі о ёденац рукописных верзійох хронікі Руского Керестура.

1. Визначни украінски етнограф и фолклорист Володимир Гнатюк (1871–1926) влеце 1897. року, теды як студэнт на трецім року студійох исторії у Львове, препровадзел три и пол мешаці на науковей экспедиції медзі Руснацамі у Бачки (Мушинка 1967, 7–69; Мушинка 1987, 332). Теды у Керестуре чул же у валале ніби ест велька хроніка у котрой записаны найважнейши події зоз жыцця людзох у тым валале. Нажаль, Гнатюкові ше теды не поспишело пренайсць рукопис тей хронікі, але познёйше достал од Міколи Ерделя з Керестура штири рукописни зборнікі Михайла Туринскаго (Гнатюк 1903, 5–6). У ёдним зоз тих зборнікох, котры зложены 1888. року., а В. Гнатюк го означел як рукопис М. Туринскаго «Г», на концу як дзвеветнасти текст у зборніку, на бокох 350–355 записана хроніка Керестура *Спомен вични керестурски* (Гнатюк 1985, 136–137), у котрой описаны події од 1746–1895. р. Гнатюк 1903. р. обявел туту хроніку зоз необходдімна коментарами (Гнатюк 1903, 7–9). Вон тримал же то лем краткі вывод зоз обширнай хронікі, котру ше му не поспишело пренайсць у Керестуре 1897. р. (Гнатюк 1903, 6). Медзитим, ані по нешка не пренайдзени такі обширні рукопис хронікі, за котру Гнатюк

трямал же иснує. Шицки познати хроніки котри описую події у Керестуре у періодзе од половки 18. по кінець 19. або початок 20. в. барз подобни по обсягу, змісту и подійох котри описую аж по 80–90-и роки 19. в., як кед би походзели зоз єдного жридла, а аж од того часу їх авторе, преписоваче або составяче велько обширнейше запи-
сую їм уж сучасни події, уношаци часто и поєдиносци зоз власних животох.

Випатра просто невилюютне же В. Гнатюк, пребываючи у Керестуре влі-
це 1897. р., не нашол рукопис керестурскай хроніки, бо сам наводзи же теди мал у рукох веций рукописни зборнікі парашерковнай поезії и прози, а у даєдних зборнікох, котри зачувані по нешкі, записана даєдна верзія керестурскай хроніки. У пятым томе Гнатюковых *Етнографич-
них зборнікох з Угорской Руси* видрукована керестурска хроніка *Спомен
вични керестурскі* (Гнатюк 1988, 217–219), але то не тата *верзія хроні-
ки, котру В. Гнатюк обявіл 1903. р.* у зборніку *Записки Наукового то-
вариства ім. Шевченка*, але превжжата верзія хроніки котра була друко-
вана у *Руским календаре* 1922. р. (СВК 1921, 92–95).

Хроніка *Спомен вични керестурскі* по 1886. р. записує найважнійши події котри ше слуховали у валалеє скоро телеграфски, прето не чудне же В. Гнатюк тримал же то лем вивод зоз обширнейшай хроніки. Події по рокох записані на шлідуючи способ: «1746. Кеть почали сельць»; «1772. Кеть почали церкву правиць»; «1836. Кеть колера перша була»; «1848. Кеть ше буна зорвала у Мадярской»; «1861. Кеть новтаруша виг-
налі, Салая»; «1878. Нашь царь Босну отнялъ». За народного хронічара або за валалску заєдніцу, шицко єдно, на істи способ ше чуваю у паме-
таню и записую найважнійши події у валале юк цо то початок присельо-
ваня, початок будованя церкви, велька епідемія колери, виганяніс ва-
лалского новтаруша, як и значни историйни події юк цо то революція 1848. або заберанс Босни и Герцеговини з боку Австро-Угорской 1878. р. Дакеди ше даєдней необичнай події, котра «потряслася» валалску заєдні-
цу, придава веckше значене як велькай историйнай події, напріклад: «Кеть бирова вицагли за власі Гудака на вельку ноць, а веckа позавера-
ли 37 хлапцох до Зомбора»¹.

2. *Друга верзія* хроніки Керестура *Спомен вични керестурскі* обяве-
на у *Руским календаре* 1922. р. (СВК 1921, 92–95). То уствари прев-
жжата хроніка котру обявіл Г. Гнатюк 1903. р., але часточко дополне-
на з податкамі зоз рукописнай хроніки Янка. Ерделя (СВК 1921, 92).
Тата хроніка провадзи події по 1909. р., а Гнатюкова лем по 1895.
рок. Други значнійши розлики медзі німа нет.

3. *Трецу верзию* хроніки Руского Керестура з насловом *Спомин вични керестурски* обявел Роман Миз 1971. р. (Миз 1970, 90–96). Вон наводзи же хроніку превжал зоз рукописнога зборніка непознанаго автора и же зборнік ма два часцы: у першай ёвангелски тексты писаны на мішаніни старославянскага и народнаго рускага язіка, а у другей часцы наведзена хроніка, котра праходзі подіі ад 1746–1940. р. Медзитим, Миз у публікованю тей хронікі віхабя подіі ад 1746–1890. р., тримаючи же тата часц хронікі ідентична з хроніку *Спомен вични керестурски*, котра обявена у Рускім календаре 1922. р. (Миз 1970, 90–91), а обявюе лем часц ад 1890–1940. р., кед ше тоти два хронікі досц розликую. З детальну анализу мож установіць же тоти два верзіі керестурскай хронікі ані по 1890 р. не ідентичны, як наводзі Р. Миз, але то заслужуе окрему анализу.

Автор односно составяч хронікі *Спомин вични керестурски*, обявеней 1971. р., очиглядно по 1890. р. хаснүе исте жридло як и автор/ составяче наведзених хронікох обявеных 1903. и 1922. р., або други жридла, барз подобне тим, а ад 1890 р. вон и сам водзі хроніку и записуе за ныго значни подіі, або пребера податкі и зоз других жридлох або других подобных хронікох.

Гоч Р. Миз наводзи же хроніку превжал зоз зборніка непознанаго автора, тот зборнік мож наволац «Бабінчаков», бо на вецеі бокох на горнай маргині стойі подпись «Бабінчак»². У тай верзіі керестурскай хронікі ше спомінаю вецеі подіі, котры ше не спомінаю у других верзійох, наприклад:

«1897. <...> и царицу заклали мадярску у Женеви з ресельвом»; «1910. Гвізда ше показала з хвостом»; «1912. Вербаску цукрову фабрику пра- ве-ли и у нас цвіклу такой садзели и червінскую цукрову фабрику теды почали правиц»; «1913. <...> И тог рок Габор Гомза першу службу слу- жел у Керестуре. И омнібус почал вожиц. И телефон до Керестура по-ложили»; «1921. Кед порти достала худоба коло валалу».

Інтересантне же даєдни ту наведзены подіі мали значене за цалу вала- ласку заєдніцу, а не записаны су у других верзійох керестурскай хронікі. Медзитим, за хронічара вістка и кед ше у єдним року у вала- лае двоме обешели и єдному дзвоніли и ховал го паноцец, а друго- го не³.

Кед за крижевскаго епіскопа поставени Юлий Дрогобецки, хрон- чаре у своіх хронікох наглашовали же то перши епіскоп Русин од сноўнаня епархіі 1777. р. У хронікох записане же под час першай на-

щиви Руснацом у Бачки кресцел дзеци Назаренох у Старим Вербаше: 1892. «Положели владику Юли Дрогобецки⁴ и такой кресцел бу-герчата»⁵.

У хронікох Керестура записані и події под час виберанкох за по-сланікох 1892. р. Вибор Войнича у трох хронікох означени як велика манипуляция зоз слабо упутенім народом до політичних обставінох, бо кандидат легко «купо вал» гласи з пенежом и госценьом людзох по карчмох⁶. Події у вязі з тима виберанками за посланікох до парламенту описані и у даскеліх народних писньох котри В. Гнатюк записал у Керестуре и Коцуре 1897. р.⁷.

4. *Штварту верзію* хроніки Керестура под насовом *Спомин од створення швєта* обявел Янко Рамач 1988. р. (Рамач 1988, 527–550). Тота хроніка зоз рукописного зборніка парацерковных прозних текстох, а на маргінох хроніки на даскеліх бокох записане же ю писал Дюра Фейди. Текст тей хроніки ше по осемдзешати роки 19. в. барз мало розликує од хроніки котру 1903. р. обявел В. Гнатюк и од хроніки обявеней у Руским календаре 1922. р., а од теди автор/составяч водзи свою хроніку самостойнейше або хаснус податки зоз других жридлох. Вон наводзи велико интересантні податки зоз власного жи-вота, наприклад, под 1886. р. записане: «Я заробел у Руми дзеведзе-шат форинти за дзевец тижні». Чкода же ту автор нє наводзи цо там робел. Под 1896. р., окрем другого, наводзи: «Купели зме хижу за штиристо фотинти» (Рамач 1988, 531). Автор спомина же ше 1896–1897. р. у Керестуре дзвигли соціалисти, же була велика драготня, жито слабо зродзело и було барз драге. Далей наводзи же 1913. р. робел на копаню яркох у валале: вони дзешецме викопали вецей як 6 км за дзешец дні и ведно достали 1240 форинти.

Тота хроніка провадзи події по 1926. р. Єй автор/составяч вироятно припадал гу худобнейшому пасму жительох, цо мож заключиц зоз непреривного споминаня великой драготні и наводзеня ценох основных польопривредных продуктох, статку и живини, ценох меса, поготов под час Першай шветовей войны и непостредно по ней. На то наводза и тото же записал же 1886. р. робел у Руми, а 1913. р. на копаню яркох у Керестуре.

5. *Виславски Янко* з Керестура, родзени 1886. р., 1905. р. почал пи-сац хроніку Керестура по руски, але зоз латиницу и з мадярским правописом⁸. Хроніка писана у теки на линії, формата А4, зоз твар-

дима рамиками. Описує події од 1747–1936. р. Велі податки, часто і цали виречения і їх конструкції у тей хроніки од 1890. р. очиглядно кореспондую зоз хроніку Бабинчака и Г. Балінта.

6. **Житель Керестура Габор Балінт**, по тераз бліжей нє ідентифікована особа, охабел *два рукописни хроніки Керестура*, котри ше сущно медзи собу нє розликую. Хроніка з 1911. р. написана на 10 непагинованих бокох/ паперох. Други рукопис хроніки состояна часц рукописнога зборніка котри ма 62 боки, але хибя перши 12 боки. Хроніка виписана на бокох од 21–38 и провадзи події од 1747–1909. р. Тот рукопис писані часточко з друкованиями церковнославянскими буквами, часточко з руску писану кирилку.

Перша верзия хроніки Г. Балінта з 1911. р. нє ма окремни наслов, а на першым, дакус украшеним боку стої: «Балінт Габор писал 1911. Списани роки од 17.. року до нєшка. Хто сце знац и почитац ту є виписане». Ту події по 1848. р. нє вше пошоровані по хронологийним шоре, з чого мож заключиц же составяч хроніки преписуюци податки з другей, виroatно старшай хроніки, або зоз вецей жридлох, направел препущеня у шорованю подійох⁹. Тота хроніка потераз нє була публікована або споминана у літератури.

7. У рукописним зборніку *Страсцох Христовых*¹⁰ на концу записана **хроніка под насловом Спомин од зачатия Керестура**. Хроніка по тераз нє була публікована ані спомина у літератури. Виписана є на 15 бокох, пагинованих од 1–15, але хиби 8. и 9. б., на котрих були записані події од 1907–1912. р. Хроніка описує події од 1747–1923. рок.

Автор у хроніки наводзи же його оцец умар у януаре 1869. р., же Маря родзена 9. августа 1880, а Єфрем — 1893. р. (то його дзеци, дзивка и син). Наводзи и же 1895. р. зламал ногу, а 1897. р. ше приселел до Керестура (не наводзи одкаль). Лем у тей хроніки ше наводзи же «1882. Гвізда ше показовала з метлу наяр и вешені», же 1884. р. будовали вондніцу на шлайсу и же даєдни з Керестура 1887. р. були з паломніцтвом у Риме. Наводзи и же 1898. р. забили австрійску царицу.

За валал вистка и же 1902. р., кед ше син женел, його оцец бул на другей свадзби староста. У тей хроніки ше спомина, а у других не, же 1904. р. була суша, же було огні и же вельо хижі у валале згорели. Хронічар спомина и же му син Єфрем 1916. р. бул моблизовани як айстро-угорски вояк и же бул на святочносци под час коруннованя мадярскаго краля Карла IV. На тей святочносци була и Єфремова мац, хронічарова

супруга. У хроніки под 1917. р. записане, бо за валал и то подія за паметане, же син забил мацерового любовніка — зараброваного Руса. У хроніки ше спомина винчане сербского краля Александра и країці Марії 1922. р. На тей святочносци у Београдзе були и члени авторовей фамилій Дюра и Цила. И у Керестуре у тей нагоди пририхтана пригодна святочносц.

8. *Хроніка Керестура Габра/ Гавриїла Виславського* состояна часці його рукописного зборніка *Хождение Богородици по мукам*¹¹. Хибя перши два боки зборніка. Текст *Хождение Богородици по мукам* идзе од 3–22. б. На 23. б. часці хроніки од 1905–1909. р., вец шлідза други парацерковни тексты, а од 38–40. б. текст *Спомин колери* — кратки текст о колери у Керестуре 1836. р., и ту написане же текст записал учитель Дюра Магоч. Тот текст о колери состояна часці и даєдних других верзийох керестурскай хроніки. Хроніка *Спомен вични* виписана на трох бокох, од 40–42, и провадзи події од 1751–1889. р. Хибя остатні боки зборніка, дзе було предлужене хроніки.

9. У кніжки *Молитослов*, друкованей у Почаївским манастире 1776. р.¹², такой после твардих рамикох урutzени и ушити штири папери на котрих **Янко Гарвильчак** записал хроніку Керестура од 1864–1880. р., и хроніку Дюрдьова од 1880–1889. р. Хроніка писана зоз руску/українську кирилицу, з писанима буквами. Автор/власнік кніжки водзел свою хроніку, або податки преберал зоз другого жридла, або зоз даякей, потераз непознатей хроніки. Хроніка антересантна по тим же ю автор почал водзиц у Керестуре (1864–1880), а кед ше преселел до Дюрдьва, почал водзиц хроніку Руснацох у Дюрдьове (1880–1889).

Лем у Гарвильчаковей хроніки ше наводза тоти податки за 1864. р. у Керестуре: «1864. рок то таки буль же статок гинул од гладу. Не було трави, не було води». Ту ше наводзи и же 1865. р. було велью шнігу и же теди пренайдзене цело мертвого легінія по походзеню з Баварскай. И у других хронікох ше споміна лем же того року було велью шнігу, вельке фуркане, и же людзе дзешец дні не могли виходзіц зоз хижох. Скоро шицкі хроніки Керестура наводза же 1871. р. були вельки води, але Гарвильчак то сликовито описуе: «1871. Рок бул водни, ишла вода през валал як Дунайом», а за 1872. р. наводзи же людзе зоз валалу виходзели на чамцох, цо тиж так не наведзене у других хронікох. Гарвильчак наводзи же ше 1880. р. преселел з Керестура до Дюрдьова, же у Дюрдьове 1884. р. почали правиц руску школу, котра 1885. р. була пошвецена.

10. У рукописним зборніку духовній/парацерковній поезії котри зложела **Ганя Берек** 1885. р.¹³ на першим пагинованим боку описана нащива крижевського владики Керестуру 1884. р., дзе му пририхтани святочні дочек. На остатніх трох боках у тим зборніку виписана керестурска хроніка *Спомін вичні*, дзе ше провадзи події од 1751–1849. р., а хибя остатні боки зборніка и предлужене хроніки. Ту и запис о колери у Керестуре 1836. р., котри зложел учитель Дюра Магоч.

11. Найновшого датума хроніка Руского Керестура *Спомін вични керестурски* котру *условно подписьмо двоме авторе: Янко Чакан и Дюра Будински*¹⁴. Хроніку зложел або преписал Я. Чакан з Руского Керестура (1871–1957), а осемдзешатих роках ю до своєй теки преписал Дюра Будински зоз Руского Керестура (1965–1989), имитуюци писане Чакановей або и других старих руских хронікох и текстох зоз церковнославянскими буквами. Медзитим, Будински дополньовал хроніку з податками зоз других хронікох и историйней литератури. Оригинални рукопис хроніки Я. Чакана не препнайдзены.

12. Остатні хронічар чи літописец Руского Керестура академик **Юлиян Тамаш**: 1992. р. обявел монографию *Руски Керестур. Літопис и история (1745–1992)* (Тамаш 1992), котру писал як літописец и историчар. Тамаш перше як літописец записуе шицки важни події од приселеня Руснацох до Керестура, пишучи у першим ліцу єднини, як кед би бул учашнік або сучашнік шицких тих подійох од 1745–1992. р., пребераюци податки зоз народних хронікох, зоз других историйних жридлох и литератури, а вец як историчар прави анализу и критично спатра прешлосц Керестура.

На концу заключене: вироятно свідоми же усна традиція кеди-теди не стане, а писане слово тирва велью служей, у страху же єднога дня не станю на тих просторах як націонална и религійна заєдніца, Руснаци у Бачки пестовали писане хронікох своїх населенъюх и такчували паметане о самих себе. Тоти хроніки мали вельке значене учуваню їх національнога ідентитета.

ЗАУВАГИ

¹ О тей події, кед селяне бирова Гудака «вицагли за власні» зоз валалскей хижи и «випровадзели го зоз цеглами», а вец до валалу пришол одряд войска, же бичувал порядок и мир (обширнейшее у: Рамач 2007, 311–312).

- ² Копії тей рукописній хроніки достал сом од Мирона Жироша, визнач.ного руского новинара и публіцисти, та хаснуєм нагоду щиро му за тото подзековац. Поровнуючи текст тей хроніки и хроніки котру обявел Р. Мир, мож заключиц же слово о ідентичним тексту.
- ³ «1922. <...> Штефан Надьмишка ше обешел на Вельку ноц и паноцец го ховал и дзвонели Надьмишкови. <...> И тот рок Михал Кашовски ше обешел на Петра. Його не ховал паноцец» (Миз 1970, 94).
- ⁴ Юлій Дрогобецький (1853–1920), крижевски епископ (1891–1920), по походзеню Русин з зоз грекокатоліцкай Мукачевскай епархії, промадярски ориентавані.
- ⁵ И други жридла записали же епископ Ю. Дрогобецький под час тей нащиви Руснацом у Бачкей у Ст. Вербаше кресцел дзеци Назаренох. Тота подія ше на істи способ споміна у хроніки Бабинчака, Янка Виславського и Габра Балінта, цо указує же тоти хроніки хасновали исте жридло або іх авторе/ преписоваче медзисобно преберали податки.
- ⁶ О тим споміна у хроніки Я. Виславський: «1892: <...> I tot rok deputirczoh 18-ho januara i vibrali Vojniča i to bulo sz hamisztvom, hto scel jescz, piez, penjezsi», а исте о тим пише и у хроніки Г. Балінта.
- ⁷ Писні 376. *Вибори у Вербасі*; 377. *Про Пульського*; 378. *Про Войніча*; 379. *Про Лелбаха* (Гнатюк 1986, 256–257)
- ⁸ Сам факт же хроніку писал млади чловек и же ю писал з латиницу и з мадярским правописом указує кельо претворйоване конфесійнай школи у Керестуре на руским языку до комуналней, а вец 1899. р. до державней, з державним мадярским наставним язиком уплівовало на мадяризацію Руснацох у Бачки.
- ⁹ Вон події по 1848. р. наводзи тим шором: 1747, 1777, 1784, 1816, 1831, 1834, 1836, 1751, 1772, 1806, 1813, 1821, 1830, 1846, 1844, 1848.
- ¹⁰ Рукописни зборнік непознаного автора, чува ше у бібліотеки грекокатоліцкай парохії у Руским Керестуре.
- ¹¹ Рукописни зборнік ше чува у Музейній збирки у Руским Керестуре, без сигнатури.
- ¹² Кніжка ше чува у бібліотеки у збирки старих кніжкох на грекокатоліцкай парохії у Руским Керестуре.
- ¹³ Кніжка ше чува у бібліотеки у збирки старих кніжкох на грекокатоліцкай парохії у Руским Керестуре.
- ¹⁴ Хроніка ше чува у бібліотеки у Руским Керестуре.

ЛИТЕРАТУРА

Гнатюк 1903 — В. Гнатюк. *Керестурська хроніка*. Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. ЛІІІ, кн. III. Львів, 1903, с. 5–6.

- Гнатюк 1985 — В. Гнатюк. *Угороруські духовні віри*. Етнографічні матеріали з Угорської Руси. Т. I. Нови Сад: Руске слово, 1985, с. 136–137.
- Гнатюк 1986 — В. Гнатюк. *Етнографічні матеріяли з Угорської Руси*. Т. IV. Нови Сад, 1986, с. 256–257.
- Гнатюк 1988 — В. Гнатюк. *Етнографични материали з Угорской Руси*. Т. V. Нови Сад: Руске слово, 1988, с. 217–219.
- Миз 1970 — Р. Миз. *Спомин вични керестурски*. Християнский календарь за вирних Крижевацкой епархии 1971. Руски Керестур, 1970, б. 90–96.
- Мушинка 1967 — М. Мушинка. *Володимир Гнатюк — перший дослідник життя і народної культури русинів-українців Югославії*. Народні приповедки бачванських Русинох. Руски Керестур: Руске слово, 1967, б. 7–69.
- Мушинка 1987 — М. Мушинка. *Володимир Гнатюк. Життя та його діяльність в галузі фольклористики, літературознавства та мовознавства*. Париж – Нью-Йорк – Сідней – Торонто, 1987.
- Рамач 1988 — Я. Рамач. *Спомин вични керестурски або Спомин од створення шветла*. Швейцарія: Нови Сад, 1988, № 5, б. 527–550.
- Рамач 2007 — Я. Рамач. *Руснаци у Южнай Угорской (1745–1918)*. Нови Сад, 2007, б. 311–312.
- СВК 1921 — *Спомен вични керестурски*. Руски календар 1922. Руски Керестур: Руске народне просвітнє друкарство, 1921, б. 92–95.
- Тамаш 1992 — Ю. Тамаш. *Руски Керестур. Літопис и история (1745–1992)*. Руски Керестур, 1992, 494 б.

J. Ramač. XVIII-XIX sajandite Ruski Krsturi käsikirjakroonikad

Bačkas (Vojevoodina, Serbia) elavad lõuna-russiinid pidasid alates XVIII sajandi keskpaigast kroonikaid, milles kirjeldati elu uues kohas. Nendes leiavad kajastamist ka kõige tähtsamad sündmused. Käesoleva ajani on avastatud 11 versiooni lõuna-russiinide keskuse (Ruski Krstur) kroonikast. Artiklis esitatakse kõikide versioonide sisuline ja tekstoloogiline iseloomustus.

Michael Moser
Wiener Universität

ПРОЩАННЯ З УКРАЇНСТВОМ: ДЕКІЛЬКА ЗАВВАГ ПРО МОВНУ ІСТОРІЮ РУСИНІВ ЗА ВЛАДИ МІКЛОША ГОРТЯ

Карпаторусинистика – конец 30-х – первая половина 40-х гг. XX в. – вопрос о карпаторусинском литературном языке – язык периодических изданий – язык грамматик

1. Русини чи русини-українці?

У всіх регіонах, де живуть русини, одні вважають русинів складовою частиною українського народу, а інші — окремим народом. За даними останніх офіційних переписів, у Закарпатській області України прихильників русинської національної ідентичності доволі мало (приблизно 10100; пор. Kuzio 2005, 1–15), тоді як у Словаччині вони складають більшість порівняно з тими, що визнають українську національність (приблизно 24000 русинів супроти 11000 українців; див. Census 2001 in Slovakia. URL: www.centroconsult.sk/Genealogy/census.html). Зазвичай ані прихильники русинської, ані прихильники української національної ідентичності русинів не заперечують певну регіональну специфіку русинів/українців у Закарпатській області, в Східній Словаччині, в Польщі, в Угорщині, в Румунії, в Сербії та Хорватії. Трохи складніше, натомість, знайти те спільне, що єднає русинів у всіх цих регіонах між собою, за винятком того, що вони не приймають для себе етнонім «українці» та глотонім/ лінгвонім «українська мова» (які інші українці прийняли протягом пізнього XIX і раннього XX ст.).

Серед найважливіших, безсумнівно позитивних, наслідків нового русинського руху після 1991 р. можна було б назвати те, що від цього часу зроблено багато що для збереження й дослідження культурної й мовної спадщини названих регіонів не лише там, але й за кордоном. Від самого початку професорові Александру Дуліченкові належить почесне місце в цій царині не лише через його діяльність як провідного дослідника слов'янських мікролітературних мов загалом,

але й зокрема через його найновіші праці, приміром його вагому антологію під назвою «Письменность и литературные языки Карпатской Руси» (Дуличенко 2008; пор. мою рецензію: Moser 2011, 408–414). Обширна антологія А. Дуліченка

«предназначена для того, чтобы заложить основы всестороннего изучения литературно-языковой истории Карпатской Руси на протяжении полутысячелетия — от появления первых памятников письменности в XV веке и по XX век включительно» (Дуличенко 2008; з обкладинки).

Без застережень можна погодитися, що цей твір насправді суттєво сприяє осягненню названої мети.

Варто вказати, що в антології представлено, за словами видавця й автора передмови, «некоторые тексты», які мають «явно пропагандистский и радикально-политический характер» (Дуличенко 2008, 26). У цьому контексті А. Дуліченко завважує:

«<...> включая их, составитель совсем не имел в виду их «оживление» для нынешних целей, но лишь хотел показать, какие языковые средства были в них использованы. К ним следует относиться именно как к лингвистическим текстам» (Дуличенко 2008, 26).

2. Русини в гортіївській Угорщині та «Нова Недъля»/ «Карпатска Недъля»

Для істориків мови тексти яскраво пропагандистського характеру часто належать до найцікавіших, позаяк не завжди йдеться нам лише про мовні форми: Не менш цікавими є ідеології, на чийому підґрунті ці самі форми ввійшли чи не ввійшли до різних пам'яток. Предметом цієї статті є гірстка яскраво пропагандистських текстів з підкарпатських газет, що виходили після того, як Угорщина за влади диктатора й регента Королівства Угорщини Міклоша Гортія захопила Підкарпаття двома кроками: Нагадаймо, що внаслідок Першого Віденського арбітражу мадярські гонведи вже в листопаді 1938 р. Захопили найважливіші частини Підкарпаття включно з Ужгородом, Мукачевом та Береговим. Позосталі частини Підкарпаття ще перетривали кілька місяців як автономний регіон у складі Чехословаччини під назвою «Карпатська Україна», що з неї після остаточного розпаду Чехословаччини нарешті було створено самостійну державу. Проте з 15 по 16 березня 1939 р. ця держава проіснувала лише кілька годин...

Певна річ, ці історичні події спровоцирували певен вплив на історію мов. Після Першої світової війни на Підкарпатті завзято змагалися

були між собою прихильники українства та русофіли. Набагато скромнішу роль відігравали тоді нечисленні прихильники окремої русинської ідентичності, що в додаток мали досить різні уявлення про те, в чому саме мала полягати суть цієї ідентичності й пов'язаної з нею мови. Після того, як гортіївська Угорщина захопила Підкарпаття, переможці швидко запровадили різні заходи в галузі мовної політики, зокрема на користь поновної мадяризації цього регіону. Щодо русинських ідентичностей, мадярська влада раптом заборонила українство, тоді як підтримувала вузькорегіональну русинську етнічну й мовну ідентичність у складі угорської держави, не забороняючи при цьому традиційне русофільство (пор. Магочій 2007, 100). Саме цей підхід до русинського питання дуже гарно віддзеркалюється вже в перших постановах гортіївського режиму, що про них уже через два дні після I Віденського арбітражу писав (по-російському) у газеті «Нашь Путь» підкарпатський русофіл Стефан Фенцик:

«Недавнее распоряжение карпаторусского правительства о закрытии всѣхъ русскихъ газетъ, сего дняшнимъ днемъ отмѣняется. Одновременно запрещается изданіе всѣхъ чешскихъ и украинскихъ газетъ в Ужгородѣ, Мукачевѣ и Береговѣ. Русскія и мадьярскія газеты съ сегодняшняго дня на основаніи этого распоряженія не подлежатъ цензурѣ. Постановленіе вступаетъ въ силу съ момента его опубликованія. Ужгородъ, 4 XI. 1938. Съ повѣренія Мадьярскаго Национальнаго Совѣта П. Бернатъ» (цит. за Капраль 2006, 233).

Русофіли були в захваті: у мадярському Підкарпатті вже не було простору для українства, що міцно розвивалося було після Першої світової війни. Навіть русофіли тоді ще не усвідомлювали, що гортіївці таки найбільше схилялися до підтримки місцевого «русинства», в чийому таборі, зрештою, опинилося чимало колишніх «українофілів» (Капраль 2008а, 10). Це, зрештою, не дивно, бо саме українці вже раніше ставилися були здебільшого досить толерантно до місцевих підкарпатських мовних традицій, починаючи з галичан Івана Панькевича й Володимира Бірчака аж до самих підкарпатських русинів на кшталт Августина Волошина (пор. Мозер 2010, 68–93; Мозер у друці а; Лукачина 2010, 58–62).

У статті П.-Р. Магочія можна знайти стислі інформації про найважливіші заходи в мовній політиці цих днів:

«Першым кроком было выданя пятёх чітанок про основны школы [в посиланні: *Первый/ Другой/ Третий/ Четвертый/ Пятый* цвѣтъ дѣтской

мудрости для I./II./III./IV./V. класса народной школы, Унгварь 1939)] і «угро-русської» граматіки про середні школи, котру зложили дакотри русинські учителі і культурні діятели як члени комісії Мадярського штату <...> Векший вплив мав язык приятый новозаложенным Підкарпатським обществом наук, котрый ся хосновав в ей публікаціях, як і в русинській граматіці Івана Гарайди» (Магочій 2007, 100).

Про мову першої з названих граматик торонтський вчений пише таке:

«Грамматика угороруського языка для середнихъ учебныхъ заведений» (Унгварь 1940). На члі комісії були Александр Ільницький і Василій Сулинчак, хоць радя угорської влади про школи Підкарпаття Юлій Марина написав передслово, зато го поважають, хоць хъбно, за автора граматики [так]. Дакотри автора і учителі барз крітізовали тоту граматику, бо, подля них, не була достъ орєнтована на російський язык, позерай Г. І. Геровській і В. Крайняниць, ред., *Разборъ грамматики угорорусского языка* (Ужгород 1941). Такое позад того, як Мадярсько припойло Підкарпатську Русь, Георгій Геровський видав *Русскую грамматику для народныхъ школъ* (Унгварь – Ужгородъ 1939), але нігда ся не вжывала у школах» (Магочій 2007, 100).

Щодо першої граматики, пряшівська дослідниця Анна Плішкова слушно згадує про те, що її вже в свій час критикували за «слабку репрезентацію місцевих слів у цій публікації» («the weak representation of local words in this publication»; Plishkova 2009, 62). Іншими словами, від русинської мови в сьогоднішньому розумінні вона була дуже далеко.

Що ж до граматики Івана Гарайди, П.-Р. Магочій пише, що

Гарайда вірив, же найде «в дѣйсноти [так, зам. дѣйсности, М.М.] компромисъ», котрый бы одзеркалив говоровий русинський язык, доповинив го дакотрима словами, котрі ся уж прияли або мали быти прияты як неооділна [так] часть «традиціного карпаторуського языка». Но як ся указало, многи были лем пожычками з російского языка (довольно, только, просвищатися і под.) (Магочій 2007, 100–101).

Натомість А. Плішкова твердить, що

Гарайда знайшов «компроміс між говірною мовою та ‘традиційною карпато-русською’ мовою» («a compromise between the spoken language and the ‘traditional Carpatho-Russian [!, M.M.]’ language») і досить обережно формулює, що «попри те, що Гарайда зберіг багато запозичень з російської мови, певні науковці погоджуються з думкою, що нова граматика тоді справді виконувала ‘фактично кодифікаційну функцію’» («In spite

of the fact that Haraida retained many borrowings from Russian, certain scholars agree with the view that the new grammar at that time did indeed fulfil 'a factually codificatory function'»; Plishkova 2009, 63).

Саме вибір граматик, що їх було дозволено для вжитку в школах гортіївської Угорщини, віддзеркалює мовну ідеологію тодішньої влади та її співпрацівників. Поза цим, обидві граматики цікаві в нашому контексті з принаймні двох різних причин: поперше, в наведених статтях указано на обидві граматики, при цьому цілком ясно, що редакція ставиться (чи мала ставитися) до них дуже прихильно. Попарує, за граматиками й за газетою, що з неї походять вибрані статті, принаймні частково стоять ці ж самі особи (зокрема член товариства «Подкарпатське Общество Наук» і головний редактор газети Александр Ільницький, канонік мукачівської греко-католицької капітули, що також став головним порадником регентського комісара; пор. Капраль 2006, 236)¹.

3. «За права нашого домашнього народного языка (малоруського нарв'чія) с рѣшучим откиненем нашему народу чужой и ненавидженой украинини»

Тексти, що їх ми розглянемо в цій статті, походять з газети, що мала назви «Нова Недѣля» (виходила в Ужгороді з 1 січня до 22 жовтня 1939 р.) та «Карпатска Недѣля» (виходила з 5 листопада 1939 до 20 липня 1941 р.; Капраль 2010, 6–7). Щодо загального опису газети, стислі дані подає Михаїл Капраль (2006, 237–239), який також повідомляє читачів про наклад («Як и *Нова Недѣля* виходжовала *Карпатска Недѣля* невеликим тиражом — до 1000 екземплярів»; Капраль 2006, 243) і про те, що «новинка пудтримовала са фінанчно державными структурами» (там-таки, 244). Попередником названих газет була «Недѣля», що виходила була ще за чехословацької доби з вересня 1935 до листопада 1938 р. Усі названі газети були під безпосереднім контролем Мукачівської греко-католицької єпархії. Принагідно слід завважити, що саме цей церковний осередок у 1920-х рр. особливо завзято відстоював русофільські, а в рамцих можливого також мадярофільські позиції. Однак з 1935 р. саме газета «Недѣля» почала пропагувати певну самостійну регіональну русинську ідентичність. Так сталося після того, як Чехословаччина, зокрема під впливом тодішнього міністра закордонних справ Е. Бенеша і, розуміється, перш за все власних інтересах — почала дедалі активні-

ше сприяти розвиткові русинської орієнтації супроти української та русофільської (EP 2005, 349)². Газета завжди виступала передусім проти української орієнтації, яка стала дуже успішною в міжвоєнному Підкарпатті. Залишки русофільської ідеології яскраво перетривали в рамках цього нового (й одночасно старого) регіоналізму, що походив саме з місцевого русофільства. Щоправда, в 1935 р. «Недѣля» ще виступила під гаслом толерантності:

«Мы честуеме пересвѣдченье каждого человѣка. Мы высоко цѣниме культурну силу так великорусского як и украинского народа, мы в поче-сти держиме их справедливѣ національнѣ цѣли и стремленья, але при-том не хочеме забыти о своем... Зато рѣшили мы сю нашу новинку вы-дати и писати на чисто народном языцѣ» (цит. за Капраль 2008a, 9).

Ми вже побачили, що цей дух толерантності раптом зник тоді, коли мадяри захопили владу в країні. У листопаді 1939 р., А. Ільницький підтверджив у статті з газети «Карпатска Недѣля» сuto вороже ставле-ння мukачівської єпархії до українства (й до колишньої чеської вла-ди):

«А по приключению змагалася Карпатска Недѣля, чтобы доцѣльно, провиджаючи и освѣтною роботою прочистила тѣ руины и пропасти, якѣ в дорогу мадярско-русской братской спольной судьбы, посвященой столѣтними спольными традиціями, поставила ческо-украинска чужа управа с так великою злобною волею, столько обманами и хитрощами» (цит. за Капраль 2006, 236).

Попри все варт сумніватися, чи гортіївський період був таким пози-тивним для русинства в сьогоднішньому розумінні, яким його вио-бражають деякі представники сучасного русинського руху. Зреш-тою, і «Нова Недѣля» й згодом «Карпатска Недѣля» з 19 листопада 1939 до 20 липня 1941 р. виходили не лише слов'янською мовою, але паралельно й угорською (про що мовчить більшість русиністич-них праць)³, а після 20 липня 1941 р. ситуація для газети напевно не стала кращою.

Для тих, що раніше переконалися про те, що українська мова є найпридатнішою стандартною мовою, найкращим мовним дахом для підкарпатських русинів, обставини значно змінилися за влади гортіївської Угорщини. З другого боку, побачимо, що важко собі уявити «русинство» цієї доби без його міжвоєнного досвіду з україн-ством, зокрема з українством в його галицькому різновиді. Чому нас, отож, зацікавлять понижче наведені статті з газети «Нова Недѣ-

ля»/ «Карпатска Недѣля»? З одного боку, бо вони містять вказівки на мовну свідомість і мовні ідеології іхніх авторів, а з другого, бо вони написані своєрідною, зрештою навряд чи «народною русинською» мовою.

3.1. «Едноть нашого руського народа»

9 квітня 1939 р. «Нова Недѣля» оприлюднила наступний заклик до передплати:

Отворяєме передплату на «НОВУ НЕДѢЛЮ»

«Теперь, коли послѣ 15-го марта т.р. обновилась единоть нашего руського народа а из стороны восточной Словаччины еще и щасливо розширилась область наших русских територій в границях Мадяршины, своею повиннотью считаеме попросити Впр. Духовенство, Впочт. Учительство наше, якож и всю иншу нашу интелигенцію и простый сельский Народ наш, чтобы нас своими передплатами подпоровати изволили [...]»

Із огляду языкового ‚Недѣля‘ заставається за права нашого домашнього народного языка (малоруського нарѣчія) с рѣшучим откіненем нашему народу чужой и ненавидженой украинцини. Кедъ нашъ братя Лемки можуть мати свою новинку и своѣ книжкѣ [так] выданѣ на своем домашнем нарѣчію а так само розвивати можуть свое нарѣчіе и нашъ братя Сотаки, то и нашему руському народу на Подкарпатіах належиться право народное, чтобы мог мати свою новинку и своѣ книжки выданѣ на том языцѣ, котрый сей народ считаете своим, и котрому розумѣе найлѣпше. Словом: Подкарпатскому Русинови даеме литературу кождоденну на его языцѣ, чого он на цѣлой линіѣ повним [!] правом и желае. Розумѣєся: что сим против руського литературного языка не ставимеся и против него интелигенція, до котроѣ наукове образованя середных и высших школ стремиться не боремеся, а признаеме его права в середных школах и выше, там, де того потребує загальна высша» (РД 2010, 28).

Якщо за цими словами «едноть нашего руського народа» відновилася саме завдяки захопленню Карпатської України мадярськими гонведами, то з цього можна зробити висновок, що тут насправді малися на увазі саме русини Підкарпаття — і тільки вони. Згодом це підтверджується тим, що йдеться про «область наших руських територій в границях Мадяршины». Ще цікавішим здається те, що читаємо про мовні справи. Автор дослівно пише про «права нашего домашнього народного языка (малоруського нарѣчія) с рѣшучим откіненем нашему народу чужой и ненавидженой украинцини». Чи це не означає, що «нашъ домашний народный языкъ», на думку автора, знову мав мати лише статус «малоруського нарѣчія» під дахом яко-

гось «руського літературного» — очевидно, нарешті все-таки в розумінні «руського літературного» — языка? Відомо, що саме прихильники ідеології «єдиного/-аго недільного/-аго русського/-аго языка» з найзавзятішою ненавистю ставилися до створення й існування окремої «українщини» («української мови»); саме так було й на Підкарпатті, тим більш за міжвоєнної доби. Цілком згідно з цим «нашъ домашний народный языъкъ» аж ніяк не поставлено в наведеній статті на рівень визнаних тоді слов'янських мов, але лише на рівень «домашних нарѣчий» «наших братов Лемков» і «наших братов Сотаков» (у східній Словаччині). Автор намагається наголосити, що «сим против русского литературного языка не ставимеся и против него не боремеся, а признаеме его права в середных школах и выше, там, где того потребуете загальна высша интелигенция, до которой научковое образованя середных и высших школ стремится». Іншими словами: за думками автора, не існує ніякої самостійної русинської чи карпаторуської мови. В його уявленні існували лише різні «малоруські» й інші «нарѣчія» з одного боку, а «руський (або все-таки: русский) літературний язы́къ» з другого.

3.2. «Одноцѣльна руська граматика»

15 липня 1940 р. в газеті «Карпатська Недѣля» вийшло повідомлення про нову «руську» граматику:

«В подкарпатской администраціѣ и научованю повинна уживатися нововыдана грамматика

С концем 20 лѣтной языковой борьбы — як знакомо — змаганя представников русского культурного живота звернулося на то, чтобы выробити одноцѣльну руську грамматику, котра поверне на передвоен-нѣ обставины и з огляду на грамматичнѣ формы возьме в увагу головно вымоги народного языка. В интересѣ полагодженя рожных назоров скликали из фаховцев складаочує[-]ся [так у виданні, *M.M.*] ‘редагуючу коллегію’, котра по довгой працѣ зложила одноцѣльну всѣм вымогам отповѣдаючу руську грамматику, котру теперъ выдавъ [так] подкарпат-ский регне[ен]тский [так у виданні, *M.M.*] комиссаріят.

Проводним принципом грамматики из огляду на фонетику и наголос взяли мѣстный выговор. В кругѣ слов поддержали всѣ уживанѣ подкарпатскѣ формы, еще и в тых случаях, если дакотрѣ слова из части або цѣлком не уживаются в нынѣшном русском литературном языцѣ. Так само и в синтаксѣ, в конструкціѣ предложений держали перед очима дух мѣстного русского языка.

Введенія до нової грамматики написав министерский совѣтник др Юлій Марина, шеф культурного отдѣлення. Первый раз высказує свою

подяку головному совєтодателю [так] Александру Ільницькому за его стараня у вирівнанні супротивних назоров и дякує за працю також членам редактуючої комісії [так], котръ мали на увазѣ только интерес русского народа. Виявив то свое желаніе, чтобы подкарпатское учи-тельство сю граматику держало за урядову грамматику русского языка.

Регентский комиссар барон Зигмунд Перенѣ в новой грамматицѣ опредѣленный русский язык выголосив за урядовый язык подкарпатско-го научования и администраціѣ [без крапки]» (РД 1939–1944/ 2010, 120–121).

Хоча в русиністичних публікаціях часто твердиться, що — принай-мні тимчасовий — кінець мовних спорів на Підкарпатті настав лише тоді, коли совети «зукраїнізували» цей регіон, наведена стаття пока-зує, що певні еліти підкарпатських русинів були глибоко переконані в тому, що вже вони в рамках і з підтримкою гортіївської Угорщини поставили крапку над мовними дискусіями передусім через заборо-ну українства. Автор статті підтверджує, що автори граматики та їх-ні однодумці лише повернулися «на передвоеннѣ обставини» не останньою чергою через те, що «з огляду на грамматичнѣ форми» вони «взяли в увагу головно вимоги народного языка», при цьому вони, мовляв, зорієнтувалися на «мѣстный выговор» та на «всѣ ужи-ваннѣ подкарпатскѣ форми, еще и в тых случаях, если дакотрѣ слова из части або цѣлком не уживаются в нынѣшном русском литератур-ном языцѣ», а навіть на рівні синтакси «в конструкціѣ предложений» вони, мовляв, «держали перед очима дух мѣстного русского языка». Деякі представники сучасного русинського руху схильні повірити таким твердженням. Де-не-де можна читати, що «се была перва провба мадярськай власти кодіфіковати русинський литературный язык» (Капраль 2006, 239). Скільки з цим усім можна погодитися, про це вже було згадано повище, і ми це перевіримо додатково в 4 частині цього розгляду. Варт підкresлити заздалегідь, що автор стат-ті в газеті «Карпатска Недѣля» взагалі вважав потрібним згадати про те, що в граматицї певні форми вживалися навіть тоді, коли їх не бу-ло в російській літературній мові. Так чи так, колишнім союзникам з кола русофілів, приміром Георгієві Геровському, це, без сумніву, не було до вподоби⁴.

3.3. Подальші повідомлення про граматики

Мадярська влада вже в останній чверті XIX ст. і тим більш за між-военної доби була готова підтримувати переважно тих представни-

ків підкарпатських русинів, що намагалися плекати будь-яку «угорсько-русську» мову. Саме тому й граматика під редакцією А. Ільницького й Василія Сулинчака була ухвалена угорською владою, про що повідомлено в статті 1 вересня 1940 р.:

«Уживання одностайної грамматики руського языка обовязательный е от 1-го сентября в школах и урядах Подкарпатия

Ізвѣстным е, что Регентский комиссаръ Подкарпатія двома мѣсяцами переже выдав одностайну грамматику подкарпатскаго русскаго языка, приготовану особленною комиссіею. В связи з сим теперь появилось разпоряженіе в 'Подкарпатскомъ Вѣстнику'. Розпоряженія регентскаго комиссаря проголошуе, что в урядах и школах належачих до круга его компетенції урядовое уживаніе от 1-го сентября 140 робиться обовязательнымъ.

В змыслѣ разпоряженія регентскаго комиссаря в всѣхъ середныхъ и народныхъ школахъ Подкарпатія в новомъ школьнѣмъ роцѣ наука зачнется на основѣ сей одностайной грамматики» (РД 2010, 133).

Через кілька місяців, 16 березня 1941 р., «Карпатска Недѣля» повідомила своїх читачів про те, що в Будапешті «заложився филологично-литературный отдѣл Подкарпатского Общества Наук», що «в рамках довгой и змѣстовой дискуссї погодився в засадничих вопросах» та «[р]ѣшив, что в языковомъ вопросѣ стане на основѣ народного языка» (РД 2010, 187). Зрештою,

«[н]а засѣданію сего отдѣлу основно перетрактовали, что в короткомъ часѣ и в первомъ рядѣ на якѣ працѣ дастъ повѣренія до написанія» (там-таки). Нічого не подано в цій статті про те, що головною бідою надалі залишилася та, що дуже важко було встановити, що саме треба було зрозуміти під виразомъ «народный языкъ»...

У статті 18 травня 1941 р. читачі нарешті дізналися про граматику Івана Гарайди:

«Общество Наук выдало нову руську грамматику

Подкарпатское Общество Наук, як дозналися мы, составило нову руську грамматику, которую при сповѣрацѣ членовъ языковой и литературной секції зложив Иван Гарайда (рож. в Заричовѣ), директор Общества Наук и бывший лектор краковского университета им. Ягелло. Се первое выданіе Общества заосмотрѣв вступнымъ словомъ Антоній Годинка, предсѣдатель Подкарпатского Общества Наук.

9 архову и 144 сторонну грамматику, на которую еще в слѣдующемъ числѣ нашей новинки звернеме окремѣшну улагу, починаяючи от слѣдую-

чого тыждня можно буде закупити в Обществѣ Наук (Ungvár, Drugeth-tér 21)» (РД 2010, 199).

Варт підкresлити, що І. Гарайда, як член товариства «Подкарпатське Общество Наук», трохи раніше став був співпрацювати також із газетою «Карпатська Недѣля»:

«ПОН, що було прообразом національнї академії наук [?, М.М.], в котрум єднов из трох фунговала языкова и литературна секція, перебралило од редакції проклерикалной маймасову новинки ‘Карпатська Недѣля’ і прилогу ‘Литературна Недѣля’ (первоє число увіділо світло світа 25 мая 1941 года) и регулярно, начинавучи з шестого числа, пуд редакціїв Ивана Гарайды издавало ї два раз на місяць» (Капраль 2008б, 5).

3.4. «Урядовий погляд про нову руську грамматику»

6 липня 1941 р. в трохи обширнішій статті «Карпатська Недѣля» повідомила своїх читачів про «урядовий погляд» на грамматику І. Гарайди:

«Урядовий погляд про нову руську грамматику

<...> министерский совѣтник др. Юлій Марина подав урядовий поглядъ [так] школьного отдѣленія про нову руську грамматику, котру под редакцією др. Ивана Гарайды выдало Подкарпатськое Общество Наук. Урядова думка тата, что з помежи всѣх тут появившихся грамматик, сеся грамматика найбóльше приблизилася до синтаксиса живого руського народного языка и взагалъ есть способна на то, чтобы на основѣ сей грамматики составити методичну грамматику для высших класс народных школ, и чтобы составленна русской науковой грамматики началося на сей основѣ. В дальшому установляе, что грамматика Общества Наук содержит в собѣ много новостей, але всетаки была составлена на основѣ грамматики Волошина з 1907 року. Есть много отхилок от грамматики Волошина, бо выключуе всѣ противорѣчія и неконсеквенції. Нова грамматика бере огляд и на двадцатироочный розвыток [так, М.М.] мѣстного руського народного языка, а терминологію в повнѣ [так] можно уважати чисто подкарпав[т]скою [так у виданнї, М.М.]. Автор грамматики велику увагу звертае и на подкарпатскѣ традиції — установляе урядовий погляд, котрый так закончуеся: Взявиши до громады добрѣ и негативнѣ стороны грамматики, спокойно можеме установити, что еще не появилася досконалѣйша грамматика мѣстного руського народного языка. Однак в другом виданю мається дальше удосконалювати. И до того часу было бы желательным выдати пару сторон додатку и на 30–40 страниц правописный словарь» (РД 2010, 210).

Отже, мовляв, з усіх граматик, що вийшли були на Підкарпаттї, «сеся грамматика найбóльше приблизилася до синтаксиса живого руського народного языка», та саме вона могла б служити зразком для

граматик для «вищих» потреб (хоча гортіївський уряд навряд чи був готовий прийняти мовознавчі праці такого визначення). Мовляв, граматика Гарайди «содержить в собѣ много новостей, але всеетаки была составлена на основѣ грамматики Волошина з 1907 року», при цьому йшлося передусім про долання «противорѣчій и неконсеквенцій», та про увагу на гаданий «двацятироочный розвыток [так, М.М.] мѣстного руського народного языка». Що це означає? — Якби дійсно йшлося про Волошинову граматику 1907 р., то все ж таки слід було б писати не про 20, а про більш ніж 30 років розвитку «мѣстного руського народного языка»! Можливо, автор таки мав на увазі Волошинову граматику 1919 р., що її дуже шанували русофіли…

Варто додати, що термінологія, що про неї згадує автор, завжди була в центрі уваги противників українства, які постійно критикували «штучність» нових українських термінологій, незважаючи на простий факт, що термінології завжди є штучними, включно з традиційними церковнослов'янськими термінологіями. Цікаво, зрештою, що навіть згідно з «урядовим поглядом» граматика I. Гарайди мала «добрѣ и негативнѣ стороны», а в другому виданні треба було б її «далше удосконалювати». Навряд чи можна виходити з того, що рецензентам ішлося лише про те, що «было бы желательным выдати пару сторон додатку и на 30—40 сторон правописный словарь». Проте в чому саме вони вбачали вади граматики I. Гарайди, важко сказати.

Так чи так, граматика I. Гарайди має почесне місце в русинському каноні, пор. слова М. Капраля (2008а, 7–8):

«Начинавучи з 20-ых годув літературна борьба все ішла на фонѣ жестокуї языковуї войны межи русофілами и украинофілами и была лем ї составнов частёв. Повнохосенно у сей процес языкового будованя сторонники окремого русинського языка вступили вже лем при пудготовцї гу фунгуваню ПОН ['Подкарпатское Общество Наук', М.М.], властнуй научнуй інституції, коли у яри 1941 года была вудана граматика Ивана Гарайды, а 17 авгуаста того же года регентський комисарь росказав ї хоснавати у вушколованю и інших сферах культурного и газдувського жывота у Пудкарпатю» (Капраль 2008б, 7–8).

3.5. «Толькo см'ятися над критиками»

Уже 20 липня 1941 р. «Александер Ильницкій» вперше попрощався з читачами своєї газети. Тоді йшлося лише про те, що зупинено друк угорськомовної частини газети. Відтоді, з 3 серпня до кінця жовтня

1944 р., газета виходила під новою назвою «Недѣля» (Капраль 2006, 243).

«Карпатська Недѣля» прощається зі своїми читателями

<...> не видиме днесь перед собою важнѣйшое завданя, як тут-там межи мадярами и русинами возникшѣ недорозумѣння выровнати, их в имени доброй волѣ и своѣ права взаимно честовати, и так приготовити послѣ тысячулетнїй славной минувшинѣ [так] дальшу славну тысячулетку для нашей дорогой Мамы, для святостефанской отчины <...>.

Мы уже за ческого панованя были ширителями того народного, культурного напряму, котрый без заграничных языковых вплывов на Подкарпатю хотѣв и в культурѣ и в урядах здѣйнисти пытомый руський народный язык. Из стороны представников чужой языковой и культурной орієнтації нераз требало нам перенести дробнѣ, хвальковѣ и порожнѣ критикованя, але се нияк не значить то, чтобы мы переполитизовали языковый вопрос, котрими тутешни критики люблять нас оскаржовати. Але наоборот, се то значить, что на Подкарпатю народный язык скалѣчили только українцѣ, великоросси и их тутешнѣ епигоны — котрѣ то з языкового вопросу зробили політику — и понижили сей вѣками розвинну и сохранину дорогоцѣнносты.

Мы и теперь только можеме смѣятися над критиками и над тою тенденціею, котрою теперь нападают на культурный напрям и на грамматику Подкарпатскаго Общества Наук, бо ясно видно того крученя фактov и дѣйстностей, котрое вытворилося за ческого панованя на взор ‘культурного рецепта’ и котрое теперь належить до музею... Тѣ критицизуют з точки погляду великорусской або українской грамматику[и], разумѣяся мають выгоднѣйшое положеня як тогѣ, котрѣ науковим пробиваньем составляють грамматику тутешнаго народного руського языка, чтобы поступово розвивали и поднимали сей язык на повный уровень литературного языка. Слѣдуючѣ роки безсумнѣво [так] оправдывают и дадуть правду тым, котрѣ еще днесь з високा яко языковѣ знавцѣ критизуют. Нѣ панове! Не мы хочеме выкрутити з правного положеня подкарпатський руський язык, але тогѣ, котрѣ чужу культуру уперто хотять пришити и примусѣти [так] на сей народ [...]» (РД 2010, 211–212).

Отже, вже в липні 1941 р. через місяць після 22 червня 1941 р., коли гітлерівська Німеччина напала на Советський Союз, треба було «межи мадярами и русинами возникшѣ недорозумѣння выровнати» й вказати на «тысячулетнїй славной минувшину» та «дальшу славну тысячулетку для нашей дорогой Мамы, для святостефанской отчины». Варт було наголосити в цій ситуації, що, мовляв, завжди йшлося лише про те, щоб «без заграничных языковых вплывов на Подкарпа-

тю» «и в культурѣ и в урядах здѣйнисти пытомый русъкій народный язык» навѣтъ тоді, коли «из стороны представников чужой языковой и культурной оріентаціѣ нераз требало нам перенести дробнѣ, хвальковѣ и порожнѣ критикованя». Закид противників, мовляв, був та-
кий, що «мы переполитизовали языковый вопрос», хоча, за словами Ільницького, «на Подкарпатю народный язык скалѣчили только украинцѣ, великороссы и их тутешнѣ епигоны» й лише вони «з язы-
кового вопросу зробили политику — и понижили сей вѣками розви-
ванну и сохранену дорогоцѣнность».

Перед нами досить цікавий дискурс, що його часто повторюють прихильники сучасного русинського руху. Ідеться про гадану тради-
ційну «угороруську» чи «русинську» мовну ідилу, що їй, мовляв, за-
вадили лише люди, що за міжвоєнної доби приїхали ззовні, зокрема з Галичини. Лише зрідка додається в цьому контексті, що «руська»
мова була в агонії, коли після Першої світової війни Підкарпаття
ввійшло в склад Чехословаччини, і що мігранти були потрібні, коли в Празі планували модернізацію цього регіону. Очевидно, Ільниць-
кого дуже дратувало те, що граматику І. Гарайди критикували
«з точки погляду великорусской або украинской грамматики», хоча ці люди мали набагато «выгоднѣйшое положенія як тотъ, котрѣ на-
уковым пробиваньем составляютъ грамматику тутешнаго народного
русскаго языка, чтобы поступуло розвивали и поднимали сей язык
на повный уровень литературного языка». Закид, що прихильники
граматики І. Гарайди намагалися «выкрутити з правнаго положенія
подкарпатскаго русскаго языка», звернено та тих, хто «чужу культуру
уперто хотять пришити и примусѣти [так] на сей народ». Зрештою,
звертає на себе увагу, що смішний аргумент про «переполітизу-
вання» висували ще декілька поколінь тому — відомо, що в «політи-
зації» мовних питань завжди винні ті, що не поділяють власних по-
глядів...

Саме на підставі цих досить завзятих дискусій варт запитати ще раз із сучасної перспективи: Яка це насправді мова — мова газети «Нова Недѣля»/«Карпатска Недѣля», а також мова граматики І. Га-
райди?

4. Руцинська мова?

В одній з передмов до своїх цінних видань М. Капраль твердить, що «‘Нова Недѣля’ продовжовала языкову політику новинки ‘Недѣля’ 1935–1938 гг. вуданя» і що «[т]радиції йсї тримали ся на слідованю

єднуй з двох гонарь розвоя русинського літературного языка, што еволюційно сформувався на базі розличних ізводів церковнославянського языка и під впливом містних (майбуліш западних) говорів у другій половині XVIII – зачатку XIX сторочі» (Капраль 2008б, 8–9). Мовляв, ішлося про «язичіє», при цьому

«[и]пен сей язык сповняв функції літературного такої щіліє XIX сторочі, а у кунціві того же сторочі быв доста демократізований, т.е. наближений за многими параметрами гу містним говором з мінімальним захованнєм поєднаних традиційних языкових елементів (друга гоноря привела гу практично тотальному злученню з великоруським літературним языком)» (Капраль 2008б, 8–9).

Нýїредьгальський дослідник далі зазначає, що

«[В] текстах, написаних подля етимологічного прінципа ортографії (на місті історичного *o*, што вуговорює ся у булшості містних говорів ги у вадь *ї*, писала ся буква ‘*o*’), мож було увійти доста языковых елементів розличних рівнів, што обстали ся ішо з часув Андрея Бачинського, хоті не стрічавуть ся в основных говорах Підкарпаття (поз. слова *что,proto; формы брехнею, бородою, нею* и т.д.)» (Капраль 2008б, 9).

Далі автор вказує на те, що «практично тотальне ігнорування нима мадяризмів в писемному языкови тых рокув» (мається на увазі 1 пол. ХХ ст.) свідчить про значну відстань цієї мови до справжньої народної мови Підкарпаття (Капраль 2008б, 11–12). Зрештою, варто звернути увагу на загальну оцінку мовного оформлення наших газетних видань:

«На якусть языка вудань тых годув, безусловно, свуй отпечаток надавали воені тяжкости, в краю и без того все быв дефіцит редакторських робутників и вошколованих авторов. Лем сым мож вусвітлiti слабость многих публікацій русинських новинок, котрі на практиці не все слідовали властным програмовим прокламаціям. Май грішили удаленостю од народного языка публікації творов [так] красного писемства в новинці ‘Неділя’ другий половки войны. Доста часто тоті же авторы-украинофіли (а вни [так] тримали в туй сітуації булшость на боках русинських вудань) слідовали лем граfcічным и ортографічним нормам русинського языка, и, видав, сознательно (авадь из незнаня языка властного народа) не мерьковали на лексику творув» (Капраль 2008б, 11).

Як наслідок, у художніх творах цих часів М. Капраль спостерігає таке:

«В новелох май плодовитого (и єдного из майталантованих) містного автора научно-популярных и умілецьких текстів того часу Федора По-

тушняка мож стрітити много чудних про містну челядь слов. Намісто обычайних про ‘простакув’ хыжа, шваблики, шкатулка, глядатъ автор хоснус — хата, сѣрники, коробка, шукае и т. п. (поз. повіданя ‘Бабина смерть’). Слідувучи за граматиков Івана Гарайди Федор Потушняк и інші писателі хоснувуть чужі про обывателюв Пудкарпатя книжнї форми прономена онъ, что, хъбаль дагде на періферії познатї діалектнї слова мінты мовъ, такожъ, союза але и т.п.» (Капраль 2008б, 11).

Отож, місцева русинська мова насправді була представлена в цих виданнях лише дуже обмеженою мірою навіть тоді, коли гортіївська влада підтримувала саме цей напрям, при цьому те, що походило з народноговірної мови, найчастіше не було типове лише для Підкарпаття, але для ширшого україномовного ареалу. Це не останньою чергою походить з того, що в колах нових гаданих чи справжніх прихильників русинства знайшлося багато колишніх (чи все-таки не лише колишніх) «українофілів», бо дійсно «у вуданях ПОН <...> публіковали ся в булшти пережі українофілі» (Капраль 2008б, 10).

Як постала така ситуація? Здається, через те, що все-таки самі прихильники українства були перші, що були готові писати мовою, досить близькою до народноговірної. Вони до цього звикли вже тоді, коли вони в рамках української мовної діяльності поступово відштовхувалися від церковнослов'янських і російських форм на користь тих, що їх вони вважали «народними», при цьому досить часто таки не йшлося про «народні» форми в вузькому місцевому розумінні, але про форми й слова нової української стандартної мови, що або були вжитку і в Підкарпатті, або й ні. Під владою Гортія ці самі прихильники українства мали попросту повернутися частково до вживання певних церковнослов'янських і російських форм, що їх не було прийнято до української літературної мови, та додати певну, зрештою дуже обмежену, частину суто підкарпатських форм (под. нижче).

Важко не погодитися з загальними спостереженнями й висновками ньїредьгазького дослідника: Не лише в граматиці І. Гарайди, але також у газетах «Нова Недѣля» й «Карпатска Недѣля» трапляється мова, що її навряд чи можна впрост ототожнити з «русинською» в сучасному розумінні. Певна річ, мова Л. Чопея, зокрема в його шкільних підручниках, чи то мова кількох видань Г. Стрипського була набагато близчча до місцевої русинської, ніж будь-яка стаття з названих газет. Їхня мова нагадує «руську» мову XIX ст. на народно-

говірному підгрунті, чиї носії шукали досить значної відстані до церковнослов'янської й російської мов, спираючись до певної міри на мовний матеріал свого регіону, але також на мову того нецерковнослов'янського письменства, що єднало традиції всіх русинів/ українців (а частково й білорусів), а саме: мову катехізмів, мову чисельних церковних пісень, і мову значної частини гомілетичної літератури. Зрештою, сфера вживання цієї мови була набагато ширшою в Галичині, ніж у Підкарпатті.

Отже, парадокс полягає в тому, що мова тих газет, в яких так активно ширили крайнє негативне ставлення до українців і зокрема до галичан, мало в чому відрізняється від традиційного галицького «руського языка», що його ще дотримувалися значною мірою й галичани в міжвоєнній Галичині, на чолі з Іваном Панькевичем. Якщо ми на підставі певного досвіду з галицькими текстами XIX й раннього ХХ ст. розглянемо наведені газетні статті, то ми бачимо, що не більше ніж гірстка їхніх мовних рис або трапляється дуже зрідка, або взагалі не трапляється в старіших галицьких текстах: це написання *середных* тощо, дієслівне закінчення 1 ос. мн. теп. ч. *-ме* (*отворяме, считаеме* тощо), дієслівна форма *заставається* (у галицьких текстах швидше трапляється чергування *става-*, *стај-*), сполучник *кедъ* (пор. словацьке *ked'*, що вживався поряд з *коли*) та вжиток дієслова *розумѣти* в зв'язку з дав. відм. як у словацькій і чеській мовах, пор. *на том языцѣ, <...> котрому розумѣе найлѣтие*. Інші гаданії типово підкарпатські форми дуже часто трапляються також у старіших галицьких текстах, включно з редуплікованими формами займенників на кшталт *сеся* [грамматика], *томѣ* [, *котрѣ...*] чи то формою частки в займеннику *дакотрѣ* [слова]. З іншого боку, дуже багатьох форм, що були б суто підкарпатськими, трапляється або зрідка, або цілком не трапляється в цих текстах. Скажімо, іноді спостерігається вжиток літери *ы* згідно з підкарпатськими обставинами, але також написано *який*, *сельский*, *вымоги* тощо⁵.

Всі інші мовні елементи на всіх рівнях, що можна було б вважати суто русинськими народноговірними формами через те, що вони не є російські або церковнослов'янськими, насправді трапляються не менш часто в галицьких текстах, при цьому багато з цих елементів навряд чи походять з самого Підкарпаття. Більшість цих форм — розуміється, абстрагуючи від правописних справ — просто збігається з сучасною українською стандартною мовою (*змаганя*, *взагалѣ* тощо).

Те, що тут сказано про мову газет «Нова Неділя» й «Карпатська Неділя», значною мірою стосується й інших ключевих підкарпатських текстів гортіївської доби, включно з граматикою І. Гарайди, яку вже розглянув, між іншим, Йосиф Дзендерівський (Дзендерівський 1998, 153–158). Неважаючи на те, що ужгородський славіст дивився на І. Гарайду зі своєї, української й напевно не русинської (в сьогоднішньому розумінні) перспективи, не можна вважати браком «об'єктивності», коли він пише, що «як свідчать його добрі знайомі, сам І. Гарайда усвідомлював себе русином-українцем, саме такою вінуважав і свою граматику» (Дзендерівський 1998, 147). І. Гарайда не лише відвідував у Krakowі семінар галицького мовознавця Івана Зілинського (там-таки, 145), але й за гортіївської доби — зрештою, з тоном широї поваги — листувався з І. Панькевичем і (пор. там-таки, 158–159). Про кодифікаторську практику І. Гарайди Й. Дзендерівський писав таке:

«По-перше, всі [...] явища, яким надається статус закарпатського літературного стандарту, у переважній своїй більшості досить далеко сягають за межі Закарпаття. По-друге, І. Гарайда у своїй граматиці не надає стану норми жодній такій місцевій чи граматичній діалектній рисі, яка б охоплювала лише увесь чи переважну частину ареалу закарпатських говорів, тобто не виходила за ареал Закарпаття» (Дзендерівський 1998, 154).

Це саме можна сказати про газети «Нова Неділя» й «Нова Неділя» — й напевно не лише тому, що в їхніх редакціях працювали колишні (а може, таки не колишні) прихильники українства, які неначебто заважали русинам писати справжньою русинською мовою. Мова цих видань однозначно означала досить своєрідний крок назад, про що на вітві загадували ті, що нею писали. Мова цих видань не була одночасно кроком до переду, напевно не з української, а також навряд чи й з русинської перспективи.

ПРИМІТКИ

¹ Пор. Капраль (2008, 10) про співпрацівників газети «Нова Неділя»: «Головні сотрудники вуданя були Теодор Ортутай і Др. Александр Немет» (Капраль 2008a, 10). Цікаво, що газету друкували в друкарні «Уніо-Миравчик» (пор. Капраль 2006, 235); в друкарні «Уніо» раніше виходило багато видань Августина Волошина...

² Пор. Капраль (2008, 9) стосовно першого тому його дуже цікавої тритомної праці «Русинський Дайджест»: «Новинки, гу которым приключені туй

презентовані тексти, зачали ся з ‘Недѣлѣ’ половки тридцятих годув, як результат консолідації ‘третій’ силь в русинському соспоплнум житові, природню реакції на поширення русофілства и украинофілства» (Капраль 2008а, 9).

³ Пор., однак, цікаві інформації у статті М. Капрала (Капраль 2006, 236): «З входжованем високий посадовий особи у властні структури процес ‘виведування русько-угорського приятельства и взаємного порозуміння’ вийшов на нову якістну рівінь. За ініціативов главного ідеолога епархії Александера [так] Ільницького ся програма мала са пудсилити паралелним выходом новинки мадярським языком. [Пор. посилання: «Первый раз за наміреня видавав новинку иши й паралелно мадярським языком Александер Ільницький сповіщав иши у другий половині септембра того же 1939 года у своєму журналі *Душпастьрь*]. По ёго думаню, се треба было чинити зато, ‘чтобы сим способом и на виѣ проуказовався той дух угро-русского приятельства, який проникає все [так, М.М.] стороны сеѣ газеты, а який она всадити намѣряе и до сердецъ своихъ читателев’ (*Душпастьрь* [часопис, М.М.] 9–10 (1939), 30)» (Капраль 2006, 236–237). Зрештою, «‘[и]з технических причин’ мадярська верзія новинки зачала выходити мало пузніше (з 26 новембра)», а «[ч]италники новинки нараз передплачовали обї дві верзї [!, М.М.]» (там-таки, 237).

⁴ М. Капраль (2006, 241) додає, що граматики під редакцією Юлія Марини й І. Гарайди «критізували са гостро русофілами (сторонники українській орієнтації, хоть лем офіціално, не участвовали в сюй дискусії позад їх повнуй дикредитациї и заказаности)» й що «[т]ак, напримір, Бродієва *Русская Правда* у двух іюльських числах 1940 года надруковала рецензю без пудпіса з доста нейтралним титулом ‘Новая грамматика предписана для школъ и дѣлопроизводства’, у котрой фест крітично высловлюваласа на адрес граматики, што была пуготовчена пуд руководством Юлію Марини» (Капраль 2006, 241). Варт додати, що саме завзятій русофіл Г. Геровський кілька разів анонімно оприлюднював дуже гострі рецензії, що їх іноді писав паралельно з більш-менш науковими (пор. Мозер у друці б.). Чи це не знову був саме він?

⁵ Щоправда, певною несподіванкою є словоформа *відхилка* (пор. з розглядалих статей *много отхилок*) — в сучасній українській стандартній мові є лише форми *відхилення* й *відхил*, а в словнику Л. Чопея, скажімо, нема ані іменників, ані їхньої дієслівної словотворчої бази (пор. Чопей 1883). Словоформа *научованя* вражас до певної міри, але вона не дуже типова ані для Галичини (нема її в Желехівський 1886), ані для Підкарпаття. Лексеми *живіт* (пор. змаганя представников руського культурного живота нема, скажімо, в словнику Євгена. Желехівського (Желехівський 1886), тоді як у словнику Л. Чопея вона фігурує (Чопей 1883) — українське

стандартне слово *животіти* показує, що воно не чуже й українській мові поза Підкарпаттям.

ЛІТЕРАТУРА

- Дзендерівський 1998 — Й.О. Дзендерівський. *Гарайда як філолог*. Acta Hungarica 1996–1997, VII–VIII. Ужгород – Дебрецен, 1998, с. 144–167.
- Дуличенко 2008 — А. Дуличенко (ред.). *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.)*. Вступительная статья. Тексты. Комментарии. Ужгород, 2008.
- Желехівський 1886 — Є. Желехівський. Малоруско-німецкий словар. Т. 1: уложив Євгений Желеховский, т. 2: уложили Євгений Желеховский і Софрон Недільский. Т. 1–2. Львів, 1886.
- Капраль 2006 — М. Капраль. *Карпаторусинскі мас-медіа 1938–1944 гг.: Новинка Карпатска Неділя*. Carpatho-Rusyns and their Neighbors. Essays in Honor of Paul Robert Magocsi. Eds. B. Horbal, P. Krafcik, E. Rusinko. Fairfax – Virginia, 2006, p. 233–247.
- Капраль 2008а — М. Капраль. *Спередслово*. Русинський Дайджест 1939–1944. I. Наука. [...] Матеріалы ушорив и спередслово написав Михаил Капраль. (= Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia 23). Ніредьгаза, 2008, с. 5–10.
- Капраль 2008б — М. Капраль. *Спередслово*. Русинський Дайджест 1939–1944. II. Красне писемство. [...] Матеріалы ушорив и спередслово написав Михаил Капраль. (= Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia 24). Ніредьгаза, 2008, с. 5–13.
- Капраль 2010 — М. Капраль. *Спередслово*. Русинський Дайджест 1939–1944. Ніредьгаза, 2010, с. 5–8.
- Лукачина 2010 — Я. Лукачина. *Діалектизми у шкільних підручниках Закарпаття міжвоєнного періоду*. Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства. Збірник наукових праць. Випуск 14. Ужгород, 2010, с. 58–62.
- Магочій 2007 — П.Р. Магочій. *Языковый вопрос*. Русинський язык. Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Red. P.R. Magocsi. 2-е изд. по-польски. Opole, 2004 [фактично йдеться про друге видання 2007 р.], с. 85–112.
- Мозер 2010 — М. Мозер. [Moser, Michael] «Граматика руського языка» Івана Панькевича та галицька українська мова в Підкарпатті. Studium Carpati-Ruthenorum – Штудії з карпаторусиністіки 2009. Ед. К. Копорова. Пряшів, 2010, с. 68–93.
- Мозер у друці а — М. Мозер. *Шляхи «українізації» Підкарпаття за міжвоєнної доби — перші граматики української мови*. Збірник на пошану Іштвана Удварі. Вид. А. Золтан. Ніредьгаза [у друці].

- Мозер у друці б — М. Мозер. «Граматика руського языка» Івана Панькевича та галицька українська мова в міжвоєнному Підкарпатті [у друці]. РД 2010 — Русинський Дайджест 1939–1944. III/1. Кроиника. Тексты з ужгородських новинок «Нова Недъля» и «Карпатска Недъля» 1939–1941 гг. Матеріали ушорив и спередово написав Михаил Капраль. (= *Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia* 25). Ніредьгаза, 2010.
- Чопей 1883 — Л. Чопей. *Русько мадярский словарь*. У Будапештѣ, 1883.
- EP 2005 — *Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and expanded edition*. Ed. P.R. Magocsi, I. Pop. Toronto, 2005.
- Kuzio 2005 — T. Kuzio. *The Rusyn question in Ukraine: Sorting out fact from fiction*. Canadian Review of Studies in Nationalism. XXXII (2005), 2005, p. 1–15.
- Moser 2011 — M. Moser. *Рецензія на Дуличенко 2008 Die Welt der Slaven*, München, 2011, Bd. LVI, S. 408–414.
- Plishkova 2009 — A. Plishkova. *Language and National Identity. Rusyns South of Carpathians*. Translated by P.A. Krafcik. With a bio-bibliographic introduction by P.R. Magocsi. New York, 2009.

**M. Moser. Hüvastijätt ukrainsusega:
mõningaid märkmeid keeleajaloost Miklós Horthy valitsemisajal**

Autor vaatab Podkarpatje sotsiolingvistilist olukorda ungari okupatsiooni (1939–1944) ajal. Perioodikaväljaannete ja Ivan Harajda grammatika (1941) põhjal näidatakse, et karpatorussiini nende keel erines üsna vähesel määral ukraina keele galitsia variandist. Artikkel on kirjutatud poleemilises žanris M. Kapraliga, kes kaitseb karpatorussiini keelelist strateegiat.

Михал Капраль/ Mihály Káprály
Nyíregyházi Főiskola

**РУСИНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ XXI ВЕКА
(К СТАНОВЛЕНИЮ И РАЗВИТИЮ
ЛИТЕРАТУРНЫХ МИКРОЯЗЫКОВ)**

Славянская микролингвистика – литературные микроязыки – становление русинской лексикографии в странах Центральной и Восточной Европы

Несмотря на то, что до начала XX в. большинство карпаторусин проживало в составе Венгерского государства (за исключением лемков, населявших юго-восточную часть Польши), этот восточнославянский народ никогда не пользовался едиными языковыми нормами прежде всего из-за отсутствия собственного государства и из-за значительных различий между карпаторусинскими диалектами. Этот маленький народ никогда не создавал междиалектных койне, поскольку его представители в своем большинстве были и остаются до наших дней преимущественно сельскими жителями. С одной стороны, эта особенность русинского населения позволила ему сохранить до наших дней патриархальные черты собственной культуры, в частности, местные говоры, однако, с другой стороны, из-за диалектной раздробленности процесс языковой стандартизации у них проходил всегда с известными трудностями. Более того, часто в качестве стандартизированного языка местные жители использовали уже состоявшиеся литературные языки (церковнославянский, великорусский, латинский и т.п.) или же в той или иной степени насыщали их собственными диалектными особенностями (Дуличенко 2008, 14).

Языковая карта Средней Европы в XX ст. весьма существенно изменилась вследствие перекраивания государственных границ по итогам двух мировых войн, что привело к заметным изменениям в языках значительных групп населения, оказавшихся за пределами собственных национальных государств. Безусловным лидером в подобных процессах стали русины, которые в силу сложившихся обстоятельств не только не сумели сформировать собственное национальное государство, но после раз渲ала Австро-Венгерской монархии оказались в составе сразу несколь-

ких государственных образований. Если в предыдущие столетия русины в условиях патриархальности без особых проблем сохраняли и приумножали собственные духовные ценности (прежде всего на уровне устного народного творчества), то в эпоху становления национальных государств оказались в весьма непростых условиях. В частности, ориентируясь на длительное время в языковом строительстве на более развитые родственные языки (прежде всего на великорусский), русины так и не смогли в рамках общего для большинства из них государства выработать единые нормы литературного языка. Словари Александра Митрака (Митракъ 1881) и Ласлова Чопея (Чопей 1883), подготовленные и изданные во второй половине XIX в., лишь зафиксировали формирование двух основных лагерей в языковой борьбе русин Подкарпатья — русофилов и украинофилов. Спустя полвека уже в составе отдельных государств, в которых оказались русины, были предприняты первые попытки стандартизации языковых норм. Из всех русин Австро-Венгрии южнославянские представители данного этноса, не взирая на свою малочисленность, первыми сумели кодифицировать литературный язык, а уже с 70-х гг. в составе Автономной области СФРЮ Воеводина значительно расширить сферы его использования не только при создании художественных произведений различных жанров (что характерно для большинства современных литературных микроязыков), но и на страницах СМИ, в сферах образования, административной, научной деятельности, религиозной жизни и т.д.¹.

Многообещающие начали этот процесс в середине 30-х гг. и особенно (как это ни парадоксально) в годы Второй мировой войны русины Подкарпатья (Капраль, ред., 2006, 178–195), которые и составляют большинство этноса. Однако с приходом Красной Армии русинское языковое строительство прекратилось полностью².

Только с началом демократических преобразований в Средней Европе в последние два десятилетия русины возобновили прежние попытки формирования литературного языка. В середине 90-х гг. прошлого века кодифицировали свой литературный язык русины Словакии (Magocsi 1996), за ними польские лемки (Фонтаньский, Хомяк 2000), которые, впрочем, и до кодификации выработали достаточно жизнестойкие языковые традиции. Налаживают культурную жизнь русины Венгрии. Похоже, наибольшие проблемы на этом пути испытывают русины на Украине, где они и вовсе лишены статуса отдельного этноса.

Становление литературного языка весьма важная составляющая национального возрождения русин, однако, этот процесс — лишь завершающая фаза языкового строительства. Параллельно в условиях весьма бурно развивающихся обще-

ственных отношений в Европе на протяжении последнего столетия происходили и продолжаются естественные ассимиляционные процессы, что само по себе весьма существенно сужает питательную базу формирования литературного языка. Первыми в этой ситуации страдают «новые» горожане (а таковых в условиях бурной урбанизации последнего века было немало) и население окраинных и островных территорий. За последнее столетие безвозвратно потеряны огромные духовные ценности, гибнет самобытная и неповторимая культура целого этноса. По мере убыстрения разрушительных процессов в среде традиционной народной культуры ее носители все отчетливее ощущают необходимость защиты собственных ценностей, в т.ч. местных говоров. Именно этот фактор, надо полагать, вкупе с послевоенной насилиственной «украинизацией», привел к тому, что после падения коммунистических режимов в Центральной Европе в своем языковом строительстве русины Польши, Словакии и Украины ориентируются исключительно на собственные языковые ресурсы, что и фиксируют русинские словари последних десятилетий.

Несмотря на то, что университетская кафедра для исследования русинской филологии и истории была открыта в Будапештском университете еще в 1919 г., русинистика и в лучшие свои времена всегда испытывала недостаток в профессиональных исследователях-языковедах, тем более специалистах-лексикографах. За исключением югославских русин (при Новосадском университете с 1981 г. работает кафедра южнорусинского языка и литературы), составлением русинских словарей занимались преимущественно филологи-любители или же в лучшем случае бывшие русисты и/или украинисты. При этом составителями словарей последних двух десятилетий выступают авторы, которые работали над своим детищем в одиночку. Неразвитость русинской лексикографии подчеркивает и тот факт, что давляющее большинство вышедших словарей двуязычны. Не обладая богатыми традициями в данной области знаний, их составители-билингвы, каковыми являются практически все русины Центральной и Восточной Европы, «опираются» на языковые достижения соседних народов. Именно этим путем добились значительного успеха составители двухтомного «Сербско-русинского словаря» (Српско-русински речник 1995–1997), которые взяли за основу материалы 6-томного «Речника српско-хрватскога књижевног језика», вышедшего в 1967–1976 гг. Лексика обоих языков (около 80 000 словарных единиц) представлена во всем ее многообразии: наряду с общеупотребительными единицами, весьма широко представлена специальная лексика, разговорная и просторечная, устаревшие и редкие слова.

В тех случаях, когда в русинском языке существует несколько слов с идентичным или близким значением, словарная статья фактически представляет собою синонимический ряд, ибо, как пишут составители словаря в предисловии, они стремились расставлять такие слова (дублетные формы) «по їх значносци и фреквенциї у літературним язику»: *лакрдија* ж. 1. комендия, фиглярство, парада, кепкарство, гунцутство³. Словарные статьи зачастую иллюстрируются наиболее употребительными и/или различной степени спаянности словосочетаниями, в составе которых реализуется та или иная лексема, ср.: *радан -дна -дно* роботни, вредни: ~ *човек* роботни человек и т.п. Понятно желание авторов словаря как можно шире представить речевое богатство русинского языка, — напр., в словарной статье существительного *глава* дано более 90 идиом! Однако такое стремление составителей представить все богатство живой народной речи, литературного языка, включая его различные формы, терминологические подсистемы и т.д., приводит к определенной интеллектуальной «перенасыщенности» словаря и, по-видимому, к некоторым трудностям при пользовании им неспециалистами. В то же время такая информационная насыщенность выводит его за рамки обычного двуязычного словаря, делает работу лексикографов универсальной, что поможет преодолеть определенные сложности, которые в настоящее время возникают у носителей русинского языка и связаны с отсутствием у них большого толкового и энциклопедического словарей. Работа над словарями в Воеводине продолжается. Вышел «Сербско-латинско-русинский словарь медицинской терминологии» (Речник 2006). В настоящее время на кафедре южнорусинского языка и литературы Новосадского университета Михайлом Фейса подготовлен к изданию орфографический словарь; другой новосадский автор Радмила Шовлянски издает «Сербско-русинско-латинско-английский словарь защиты растительной и животной среды».

Гораздо позже приступили к практике составления собственных словарей⁴ русины в других странах. Первыми здесь, как и на политическом уровне, отличились лемки (с апреля 1989 г. действует объединение представителей данного этноса в Польше «Стоваришиня Лемків»⁵). В 1993 г. вышло первое издание лемковско-польского и польско-лемковского словаря Ярослава Горощака (Горощак 1993), второе издание которого, несколько переработанное с учетом кодификации языка, вышло спустя десятилетие (Horoszczak 2004). Это

издание открывает целый ряд подобных словарей, характерных для начального этапа развития лексикографии. В словарной статье представлен минимум информации, ср., напр., фрагмент: *музыкувати* – *muzykować*; *мука* – *mąka*; *мука* – *męka* и т.п. Варианты, если таковые встречаются, представлены в одной словарной статье, ср.: *мутити, коломутити, каламутити* – *mącić*. Отмеченная нами литера *л* (у составителя с диакритическим знаком), как следует из предисловия, на практике может обозначать как звук [л], так и [в], в зависимости от произношения носителей диалектов. Впрочем, та минимальная информация о произношении звуков [в], [л], [ы], о некоторых других особенностях лемковских говоров, которая представлена в этом предисловии, отнюдь не восполняет всех недостатков словаря, который, как самокритично признает его составитель во вступительном слове, не претендует на совершенство и нуждается в дальнейшем усовершенствовании, ибо подготовлен не коллективом языковедов, а всего лишь одним человеком, имеющим отношение к технике. Достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться в несовершенстве словарника словаля. Для переработки второго издания его составитель не воспользовался вполне доступными материалами польских славистов, например, работой Я. Ригера, которая фиксирует значительное количество лексических единиц, не представленных в словаре, ср.: *chromyj, chudaczka, chudak, smacznyj* и т.п. (Rieger 1995, 37, 119). Такое ощущение, что словарь отнюдь не фиксирует значительных достижений лемковской интелигенции, которая на протяжении многих десятилетий без словарей и кодификации литературного языка создает ценные тексты. Только в одном номере лемковского журнала «Бесіда» (№ 106, січень-лютий 2009), который редактирует один из наиболее известных русинских авторов нашего времени, замечательный поэт и эссеист Петро Трохановский, мы обнаружили целый ряд слов, ср.: *селиско, публика, плесканя, циклічний, сымпатык, поліцянт, можніст* (есть *можливіст*), которых нет в словаре Я. Горощака. В данном случае, по-видимому, будущим составителям лемковских словарей еще только предстоит зафиксировать богатую и достаточно длительную языковую практику как авторов первой половины ХХ в., так и своих современников.

На более высоком профессиональном уровне составлены словари в Словакии. Местным русинам повезло, поскольку среди активистов русинского этнического возрождения оказалось сразу несколько

профессиональных лингвистов, работавших ранее в области украинистики или русистики. Уже в 1994 г. в Пряшеве увидел свет «Орфографический словарь русинского языка» (более 42 000 слов), подготовленный коллективом авторов под руководством Юрия Панько (Панько, ред., 1994а), который оказался весьма существенным аргументом в пользу кодификации литературного языка словацкими русинами в 1995 г. (Magocsi, ed., 1996). В отличие от словаря Я. Горощака, словарная часть пряшевского издания снабжена лингвистическим аппаратом, рядом со всеми (!) существительными и большинства местоимений представлены их формы генетива в ед. и мн. числе; формы лица (1 лица в ед. и мн. числе) и императива глаголов; в отдельных случаях заглавные слова снабжены маркерами, квалифицирующими их лингвистический статус, ср., напр.: *глутáня, -i, -áнь; глúпо, присл.; гнéсти, -éту, -емe, гнеть!*; *гов, чутéсл.* и т.п. В том же году вышел первый терминологический словарь словацких русин (Панько 1994а/б), который стал значительным подспорьем для составителей первых школьных учебников, учителей, всех интересующихся развитием русинского языкоznания. Следующим шагом пряшевских лексикографов стал орфографический и грамматический словарь (Ябур, Плóшкова, Копорова 2007), в котором несколько дополнен и переработан словарь с учетом изменений в графической и орфографической системе языка 2005 г. Особенностью этого издания является словообразовательно-гнездовой способ подачи лексического материала, ср., напр.: *хlop -a -iв м.; -скýй; (no) -скы* адв.; *-ость -и с; хлóпство -a с; хлописко -a -писк. м.* (впрочем, не всегда последовательно и корректно⁶). Значительно увеличено количество грамматических и иных помет, в частности, маркируются областные и диалектные единицы, указан язык заимствования отдельных слов и т.п. В условиях, когда столь значительная часть представителей малого народа уже ассимилировалась, а немало русин не владеет основами собственного литературного языка, всегда актуальными остаются двуязычные словари. Подобный (уменьшенный вариант словаря лемков) появился в Требишове в 2003 г. «Краткий русинский словарь» (Нnát 2003). При том, что пряшевские словари демонстрируют достаточно высокий, по сравнению со словарем Я. Горощака, уровень общей лексикографической культуры, учитывая богатую языковую практику русин Восточной Словакии наших дней (функционирование средств массовой коммуникации, школьного и

вузовского обучения, профессионального театра, духовной сферы и т.п.), следует еще немало поработать местным специалистам, в частности, над созданием толкового словаря литературного языка словацких русин или же над созданием «универсального» двуязычного словаря по образцу «Сербско-русинского словаря» бачских единоплеменников, а также терминологических и иных словарей, современных «больших» литературных языков соседей русин в Центральной и Восточной Европе.

Сколь богата, столь и противоречива лексикографическая ситуация у украинских русин Закарпатья последнего десятилетия. При исследовании процессов языкового строительства в крае следует учитывать два основных фактора, которые коренным образом определяют их характер и результаты. Во-первых, на Украине все вопросы, имеющие отношение к русинству, выведены за рамки демократических процессов, которые идут в стране. Законсервированными остаются все предписания советских органов, которые на протяжении долгих десятилетий определяли характер научных исследований в области общественных наук, в том числе и лингвистических. Последний постулат привел к тому, что в процессе не участвуют профессиональные филологи, что естественно оказывается на качестве конечных результатов местных лексикографов. Во-вторых, пока не преодолимой преградой на пути языковой унификации (в том числе и на лексическом уровне) предстают существенные различия основных говоров края. В условиях, когда нет единого направляющего центра, каким могла бы стать, скажем, университетская кафедра и/или достаточно авторитетная для большинства сообщества личность, превалируют пока центробежные силы. Подавляющая часть авторов (часто бессознательно) стремится возвести в ранг литературной нормы элементы родного диалекта и собственное видение решения языковых вопросов.

Большинство словарей, созданных на начальном этапе становления русинского литературного языка на Украине, отражает прежде всего уровень самоидентификации русин в настоящее время. После разрушительного и длительного периода запретов всего русинского создатели таких словарей пытаются доказать всему окружающему миру собственную этническую самодостаточность и право на существование родного языка. Именно эту задачу и решают небольшие по объему трех- и четырехъязычный словари, которые первыми по-

явились в ряду лексикографических опытов украинских русин (Попович 1999; Алмашій, Поп, Сидор 2001; Поп, Поп 2001). Все они декларируют (заметим, не всегда корректно) отличие русинской лексики от лексических систем в родственных языках. Составитель первого словаря из этого ряда, в котором помещены русинские (т.е. из местных говоров) слова из словарей Александра Митрака, специально проводит количественный анализ словарника и приходит к выводу, что корни 42% от общего количества русинских лексем являются полностью оригинальными, а еще 23% русинских слов, имея общие корни со словами родственных языков, существенно отличаются от них на морфемном и/или фонетическом уровне (Попович 1999, 249). Оригинальным в этом ряду предстает небольшой словарик прозвищ Дмитрия Попа, которыми до сих пор обмениваются жители соседних подкарпаторусинских сел (Поп 2007).

Значительного прогресса в своем развитии добилась русинская лексикография последних лет, когда вышли сразу три значительных публикации. Отличились неутомимые и одни из наиболее продуктивных подкарпаторусинских авторов последних двух десятилетий — известный литератор и фольклорист Юрий Чори, славист Дмитрий Поп и замечательный переводчик, литератор и редактор Игорь Керча. Интересно, что все они представляют один регион, для всех троих родным является бережский говор. Двое первых и не скрывают своего желания возвести в ранг общелитературных норм лексические, фонетические и иные особенности родного говора. Характерно, что и, в частности, на графическом уровне оба вводят отдельную граffitiему ѿ, напр.: *говурливый, ѿборുг, ѿгурок* и т.п. (Поп 2007а/б); *бетӯг, вӯн, справедливусть* и т.п. (Чорі 2002–2010). Оба словаря фиксируют все пласти лексики, которую используют современные носители русинских диалектов, включая общеславянскую, заимствования из других языков, ср., напр.: *дуплó, ду́чино, дым, контакт* и т.п. (Поп 2007а/б); *анонс, ба́ран, био́лог, безчи́нство, бульдо́зер* и т.п. (Чорі 2002–2010). Помимо лексем, Д. Поп вводит в словарь словаря отдельные формы слов, фразеологические единицы и словосочетания. Некоторые слова маркируются специальными по-метами, напр.: *мед., бот., церк.* К сожалению, богатый словарный материал, собранный автором, не получил адекватной лексикографической обработки, как того предполагает словарь литературного языка. Отдельные его языковые элементы, на наш взгляд, не могут

использоваться в качестве литературной нормы, поскольку характерны зачастую только для одного русинского говора. Рядовому пользователю или ученику школы зачастую нелегко разобраться в особенностях богатой и, к сожалению, не достаточно обработанной ни языковедами, ни литераторами русинской лексики. По нашему мнению, усложняет восприятие материала и фонетический принцип орфографии, к слову, не всегда обосновано доминирующий в текстах современных русинских авторов Бережанчины. В словаре почти не представлена собственно языковая характеристика заглавных слов, не решены в достаточной мере вопросы полисемии и омонимии. Переводы русинских языковых единиц на украинский и русский языки не всегда точны и корректны. В качестве иллюстрации наиболее типичных, на наш взгляд, особенностей словаря Д. Попа представляем его фрагменты, см.:

дáйте пóзюр зверніть увагу обратите внимание// [здесь и далее этот знак указывает на новую строку] кúкати квакати (про жаб); виглядати квакать (о лягушках); выглядывать// кúкіль (бот.) кукіль (бот.) куколь (бот.)// кúкер бінокль бинокль// кукурíкати кукурікати кукарекать// кукуріче кукурікає кукарекает // минí ся відить мені здається мне кажется.

Вышел словарь достаточно большим тиражом (500 экз.) и доступен широкому кругу пользователей. В отличие от словаря Юрия Чори (Чорі 2002–2010), первый том которого вышел тиражом 20 экземпляров и известен узкому кругу пользователей. Словарная статья строится по более привычному для современного читателя образцу. Заглавное слово выделяется жирным шрифтом, последовательно представлена информация о его языковых характеристиках, перевод на украинский язык. К достоинствам словаря следует отнести богатые словарные иллюстрации к каждому заголовочному слову. Чаще всего они носят произвольный характер, иногда представлены из устного народного творчества, известным знатоком которого в крае и является Ю. Чори. В качестве иллюстрации представляем типичные, на наш взгляд, словарные статьи, ср.:

Бетега (-ы), жс. = бетéг – хворота: *Напала на нього якась бетега, мусів прилячи.*// **Бетегашний (-а, -ое, -и)** – хворий, хворякуватий: *Ко бетегашний — най сидить дома, а не йде на танці.*// **Бечўловати (-ує, -уєш, -ує, -уєме, -уєте, -уւуть) = бичаловати** – шанувати, поважати: *Його бечўловали за доброту и справедливость; Кінь ты будеши челядника бечўловати, то й вўн тебе.*// **Дя'ка (-ы), жс.** – дяка: 1) настрай: *Буде*

хліб — буде й дяка; У нього била добра дяка. 2) Подяка: Єдна дяка што за рибу, што за рака; Вїн пїшиов до нього, вби въказати му дяку за пом'ч. 3) На додому: Йому нигда нич не зробили на дяку. 4) При повчанні: *Перший погар дяку робить, а десятый — гробить.*

Наиболее профессиональным и полным (более 58 000 слов) словарем русинского литературного языка со временем первых попыток его становления на лексикографическом уровне, на наш взгляд, следует признать «Русинско-русский словарь» Игоря Керчи (Керча 2007). В отличие от своих земляков, автор пытается развивать современный русинский литературный язык на основе pragматических принципов, во-первых, используя в русинской грамматике особенности всех основных местных говоров в зависимости от их распространения; во-вторых, кодифицируя в литературном языке те лексические единицы, которые были обнаружены в предшествующих русинских словарях или же фиксируются в наиболее ценных, на его взгляд, текстах местных авторов прошлого и современности⁸. Ставшие уже давно для широкого круга пользователей русинских диалектов притчей во языцах проблемы правописания И. Керча с тщательностью и дотошностью естествоиспытателя также решает подобным образом. За основу им принят у-говор, который, с одной стороны, объединяет носителей как западного (ужанского), так и восточного (южномараморошского) говоров Подкарпатья; с другой стороны, именно на одном из южномараморошских говоров написаны выдающиеся, по мнению многих, русинский памятник первой половины XVI в. «Няговская постилла» и тексты Антония Годинки, венгерского историка первой половины XX в., который своими текстами и словарем 1922 г. (см.: Годинка 1991) первым среди русинской интеллигенции сознательно и последовательно пытался возвести в ранг русинского литературного языка родной сокырницкий диалект.

«Русинско-русский словарь» И. Керчи отличается от традиционных двуязычных словарей. Насыщенность информационными элементами и нередко сложность построения самой словарной статьи делает словарь, возможно, чересчур универсальным, что, впрочем, объясняется как практичесностью его составителя, так и сегодняшним дефицитом подобного рода литературы в русинском языкоизнании. Последние неутешительные обстоятельства, в свою очередь, вызваны как незавершенностью языкового строительства, так и слабостью культурных традиций у современных украинских русин после дол-

гих десятилетий их полного забвения во второй половине XX в. в целом.

Заглавное слово в словаре представлено полужирным курсивом и строчными буквами. Далее даются грамматические и/или стилистические маркеры и список словарей, в которых данная лексическая единица фиксировалась ранее, после чего идет русский эквивалент. В круглых скобках или после знака / подаются варианты слова, его полные синонимы или близкие по значению единицы; менее близкие семантически слова представлены после точки с запятой. Отдельные значения слова в статье не нумеруются. С помощью знака * маркируются переносные значения слова и цитаты, иллюстрирующие его особенности употребления (рядом указан автор или источник цитаты), дается его перевод на русский язык. Знак ** предваряет фразеологические единицы, представленные в качестве иллюстрации; *** — производные слова (дериваты со значением женственности, деминутивности, адвербимальности и т.п.). Все эти и другие особенности структуры словарной статьи и словаря в целом хорошо прописаны его составителем в справочных материалах в самом начале издания. В качестве иллюстрации представляем несколько типичных словарных статей, см.:

кин m АГ БГ ЛД **Яя** = образ; способ; *тым ~ом = таким образом; итак; *никóтрым ~ом = ни под каким соусом (фам.); никоим образом; ни в коем случае; ни в коей мере; ни под каким видом; *жу́нськым/ дóхторськым ~ом = как женщина/ врач; в образе женщины; **кóрмань** f БС ОБ [Алм] [Мгч] = руль; *(авта) = барабанка; *(шíфы, аероплáна) = штурвал; *(поэт) = кормило; *опачина – дóвгое весло~ [Кпр]; *вже ~ не могá дати ся морякáм – // черленокóжі вищих юміли [ПтИ]; **перебráти** ~ = взять бразды правления в свои руки; **пýдлýй** adj АГ БС ЕБ ЛД ЛЧ СП ЯГ = плохой, худой; скверный; дурной; низкопробный; *(непорядный) = подлый; *~а якóсть = скверное качество; *на ~ой учити кóго = подавать дурной пример; *у гомáри сёго селá землí... сут ~i [Джв] = в угодьях этого села земли плохие; **нич не є такóе, жeбы не было на дáшто дóбroe [флк] = нет худа без добра; ***adv *~о =плохо; дурно; скверно; (непорядно) подло; и т.п.

Вышел словарь в хорошем полиграфическом исполнении, однако тиражом всего в 150 экземпляров, что, учитывая его качественные параметры и потребность в подобной литературе в среде русинской интеллигенции, сделало его библиографической редкостью сразу же после выхода.

Естественно, что в столь объемной работе не обошлось без отдельных погрешностей, и словарь нуждается в дальнейших исправлениях и дополнениях. Об этом хорошо знает его составитель, который продолжает усиленно работать над усовершенствованием своего детища. Параллельно этот же автор готовит к изданию «Русско-русинский словарь», который ждут прежде всего представители русинской интеллигенции, получившие образование на языках восточных соседей.

Дальнейшее развитие карпаторусинской лексикографии, как и культуры в целом, зависит, на наш взгляд, во многом от политического решения русинского вопроса на Украине, где сосредоточены основные людские и интеллектуальные ресурсы этноса, ибо, как свидетельствует прошлое и настоящее народа в центре Европы, лишенного государственности, значительных достижений в своем культурном развитии его представители смогли/смогут достичь лишь при государственной поддержке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Процесс формирования собственного литературного языка начинается у бачцев в 1904 г., когда Гавриил Костельник выпустил сборник стихов на русинском языке «З мойого валала», а в 1923 г. — «Граматику бачваньско-русской бешеди», которые и стали исходной точкой развития русинского литературного языка. После серии сербскохорватско-русинских словарей для учащихся средних школ и профессионально-технических учебных заведений 70-80-х гг. (Кочиш 1972; Јерковић, Перинц, ред., 1981; Медеши, Сабадош 1989 и др.) в последнее десятилетие прошлого века в двух томах вышел «Сербско-русинский словарь» (Српско-русински речник 1995–1997), который является несомненным достижением югославорусинской лексикографии. Югославорусинский язык как один из наиболее развитых современных европейских микроязыков в своем стремлении стать бровень с «большими» славянскими языками заметно приблизился к цели.

² Более того, процесс этот новые хозяева края пытались даже обратить вспять. Советскими лексикографами разрабатывались словари, в которых указывались лишь «правильные» значения русинских слов, ср., напр.: *Будити, бӯджу, бӯдиши, бӯдяти*. 1. Заставляти проснуться. 2. книжн. Визивати, породжувати. [Не коптити, напр. шинку та ін.] (Дзендулівський 1958, 12).

- ³ Здесь и далее все фрагменты исследуемых словарей представлены с максимальным сохранением их графических особенностей.
- ⁴ Еще на Первом конгрессе русинского языка в 1992 г. (Bardejovské Kúpele, Словакия) его делегаты приняли решение: учитывая сложившиеся обстоятельства, на начальном этапе развивать языковое строительство по отдельности в каждой стране, где они проживают. В настоящее время ведется определенная работа по координации деятельности русинских лингвистов с тем, чтобы не допустить в дальнейшем расхождений языковых норм в национальных вариантах русинского литературного языка, более того, стремиться к сближению в этой сфере, чтобы на конечном этапе выработать единые для всех русин языковые нормы. Именно с этой целью с 2007 г. действует «Интеррегиональный языковой совет», в состав которого вошли русинисты из тех стран, в которых они проживают.
- ⁵ Подобные русинские общественные организации появились в начале 90-х гг. XX в. и в других странах, где в настоящее время проживают европейские русины (подробнее о современном состоянии русин в целом, см., напр.: Дуличенко 2004, 439–453).
- ⁶ Отметим, что раздел словообразования в современных грамматиках сербских, словацких и польских русин, кодифицировавших собственные литературные микроязыки, представлен, на наш взгляд, наименее удачно и в наибольшей мере нуждается в дальнейших исправлениях и дополнениях (см., напр.: Панько 1997, 86–91).
- ⁷ Наиболее заметны эти сложности в правописании. Напр., на месте исторического [o] (в корнях слов *конь*, *поп* и т.д.) на большей части края произносится звук [y], на несколько меньшей — звук, напоминающий немецкий [ü]. Подобную проблему еще в начале XX в. попытался решить автор русинских грамматик Августин Волошин, который предложил специальный графический знак (ð), который каждый волен читать на свой лад. Однако даже это, казалось бы, соломоново решение не всегда готовы принять современные русинские авторы и читатели. Интересно, что на лексическом уровне подобные проблемы авторы одного из словарей решают путем квалификации лексических единиц из разных диалектов синонимами, правда, доминантой подобного синонимического ряда у них все же остается «свое», ср., напр.: *Никати и позерáти, дивити – дивитись* (Поп, Поп 2001, 26).
- ⁸ Список источников к словарным иллюстрациям в словаре содержит 172 позиции, т.е. практически полностью в нем представлены все авторы, когда-либо писавшие на русинском языке, или же изучавшие лексику карпаторусин.

ЛИТЕРАТУРА

- Алмашій, Поп, Сидор 2001 — М. Алмашій, Д. Поп, Д. Сидор. *Русинсько-українсько-російський словник*. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2001.
- Годинка 1991 — А. Годинка. *Русинсько-мадярський словаръ глаголъв. Глаголница. Сборка всѣхъ глаголовъ пудкарпатсько-русинського языка*. Собравъ, упорядивъ и передословіе написавъ с. Тоній. Романувъ. С. р. н. [Hodinka Antal]. *Ruszin-magyar igetár*. Szerk. Udvari. István; előszó Cselényi István Gábor; kiad. a Görögkatolikus Hittudományi Főiskola. Nyíregyháza, 1991. LXX VII, 436 с.: ил.
- Горощак 1993 — Я. Горощак. *Перший лемківсько-польський словник / Pierwszy słownik lemkowski-polski*. Легніца, 1993. Сондажове видання.
- Дзендрівський 1958 — Й.О. Дзендрівський. *Практичний словник семантичних діалектизмів Закарпаття*. Ужгород, 1958.
- Дуличенко 1995 — А.Д. Дуличенко. *Jugoslavo-Ruthenica. Работи з рускей филології*. Нови Сад: Руске слово, 1995.
- Дуличенко 2004 — А.Д. Дуличенко. *Карпатские русины сегодня: некоторые этнолингвистические аспекты*. Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). Москва: Индрик, 2004, с. 439–453.
- Дуличенко 2008 — А.Д. Дуличенко. *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.). Вступительная статья, тексты, комментарии*. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2008.
- Јерковић, Перинц, ред., 1981 — Ј. Јерковић, Р. Перинц (ред.). *Минимални речник српскохрватског језика: српскохрватско-русински*. Нови Сад, 1981.
- Капраль, ред., 2006 — М. Капраль (ред.). *Изученя русинського языка у Мадяриї и за її гатарами*. Матеріали міжнародної наукової конференції на честь Антонія Годинки. Русинські листки I. Будапешт, 2006.
- Керча 2007 — І. Керча. *Словник русинсько-руський*. У двох томах, верхъ 58 000 слов. Т. 1. Ужгород: ПоліПрінт, 2007.
- Кочиш 1972 — М.М. Кочиш. *Приручни терминологијни словнїк сербско-горватско-руско-українски*. Нови Сад: Руске слово, [1972].
- Медеши, Сабадош 1989 — Г. Медеши, П. Сабадош (ред.). *Минимални словник руского язика: руско-сербскогорватски*. Нови Сад, 1989.
- Митракъ 1881 — А. Митракъ. *Русско-мадярский словарь*. Унгваръ, 1881.
- Панько 1991 — С. Панько. *Русько-мадярські і мадярсько-руські словники до 1945 року*. А. Годинка Антоній. *Глаголница. Сборка всѣхъ глаголовъ пудкарпатсько-русинського языка*. Собравъ, упорядивъ и передословіе написавъ Тоній. Романувъ. Nyíregyháza, 1991, с. LXII–LXXVII.

- Панько, ред., 1994а — Ю. Панько (ред.), М. Гиряк, К. Копорова, А. Кузмакова, М. Мальцовска, А. Плішкова. *Орфографічний словник русинського языка*. Приблизно 42 000 слов. Пряшів: Русинська оброма — Інштітут русинського языка і культури, 1994.
- Панько 1994б — Ю. Панько. *Русинсько-русько-українсько-словенсько-польський словник лінгвістичних термінів*. Пряшів, 1994.
- Панько 1997 — С.С. Панько. «Граматика бачвансько-рускей бешеди» про складові частини теорії словотвору. *Tanultmányok az ukrán és ruszin filológiá köréből/ Наукові дослідження в галузі української та русинської філології*. Szerkesztette. Udvari István. *Studia Ukrainianica et Rusinica Nyíregyháziensia 5*. Nyíregyháza, 1997, с. 86–91.
- Поп 2007а — Д.І. Поп. *Русинський інтересний словарик*. Ужгород, 2007.
- Поп 2007а/б — Д. Поп. *Русинсько-українсько-руський и русско-украинско-русинский словарь*. Ужгород, 2007.
- Поп, Поп 2001 — Д.І. Поп, Д.Д. Поп. *Русинський синонімічний словарй из українськыма оддповідниками*. Ужгород: Удавательство В. Падяка, 2001.
- Попович 1999 — С. Попович. *Поруналный русинсько-мадярсько-русско-український словарчик*. Мукачово — Будапешт, 1999.
- Речник 2006 — Речник медицинске терминологије: српско-латинско-русински/ Словник медицинской терминологии: сербско-латинско-руски. Нови Сад, 2006.
- Српско-русински речник 1995–1997 — Српско-русински речник/ Словник сербско-руски. Т. I–II. Главни. редактор. Ю. Рамач, редакторе: М. Фейса и Г. Медеши. Нови Сад, 1995; Београд, 1997; Нови Сад–Београд 1995–1997.
- Фонтаньський, Хомяк 2000 — Г. Фонтаньський, М. Хомяк. *Граматыка лемківского языка*. Katowice, 2000.
- Чопей 1883 — Л. Чопей. *Русъко-мадярский словарь*. Будапешт, 1883.
- Чорі 2002–2010 — Ю. Чорі. *Словарь русинского языка*. В 6 т. Ужгород, 2002–2010.
- Ябур, Плішкова, Копорова 2007 — В. Ябур, А. Плішкова, К. Копорова. *Русинська лексіка на основі змін у правилах русинського языка про основы і середні школы з навчальним русинськым языком і з навчанем русинского языка (Правописный і граматичний словник)*. Пряшів: Русин и Народны новинки, 2007.
- Ннát 2003 — А. Ннát. *Krátke rusinsky slovník*. Trebišov, 2003.
- Horoszczak 2004 — J. Horoszczak. *Словник лемківско-польський, польско-лемківський/ Słownik łemkowsko-polski, polsko-łemkowski*. Warszawa: Rutenika, 2004.

Magocsi, ed., 1996 — P.R. Magocsi (ed.). *A New Slavic Language Is Born. The Rusyn Literary Language of Slovakia*. New York, 1996.

Rieger 1995 — J. Rieger. *Slownictwo i nazewnictwo lemковskie*. Warszawa, 1995.

**M. Káprály. XXI sajandi russiini leksikograafia
(väikeste kirjakeelte tekkimisest ja arengust)**

Uuritakse russinistika eriharu, russiini leksikograafia, kaasaegset olukorda, mis pärast teada olevaid poliitilisi muutusi ja russiinikogukondade etnilise eneseidentifitseerimise õiguse taastamist Kesk- ja Ida-Euroopa maades on viimase kahe-kümne aasta jooksul intensiivselt arenenud. Artiklis esitatakse laiaulatuslik ülevaade nendel aastatel Jugoslaavias (russiini keele kirjanorm kodifitseeriti juba XX saj 20ndatel aastatel), Slovakkias ja Poolas (kirjakeele variandid kodifitseeriti 1995. ja 2000. aastatel) ilmunud lingivistilistest sõnaraamatutest. Eritine olukord on kujunenud Ukrainas, kus hoolimata leksikograafide aktiivsusest ja silmapaistvatest saavutustest ja russiinide kultuuri iseseisvat arengut toetavate isikute rohkusest (enamus Karpaatia russiinide esindajatest elab Ukrainas), pole kohalike russiinide kirjakeele kodifitseerimisprotsess paljuski poliitilisel põhjustel oma loogilist lõppu leidnud. Riik eitab russiinide elementaarset õigust etnilisele enesemääratlusele ning seega ei toeta russinistika kui iseseisva slavistika distsipliini arengut.

Федор Данилович Климчук
Інстытут мовазнаўства, Мінск

БЕРЕСТЮКИ-ЗАГОРОДЦЫ: ЧИСЛЕННОСТЬ В МИРЕ

Белоруссия – сопредельные регионы – этногенетическая группа берестюков-загородцев – численность в Белоруссии и за пределами

Один из регионов Полесья — Брестско(Берестейско)-Пинское Полесье. Основная его часть находится в пределах Брестской области Белоруссии, окраины — в составе Украины и Польши. Коренное население около двух третей территории указанного региона (средняя полоса и юг) представляет собой этнографическую (этногенетическую) группу. Ее представители осознают свою принадлежность к восточному славянству и к указанной группе. Противопоставляют себя своим соседям. В качестве самоназвания чаще всего служит обозначение *наши люди* (*нашы людэ*). Но существуют и другие, более конкретные, наименования, хотя они малоупотребительны. К ним, в частности, относятся: *берестюкі*, *пінчукі*, *загородцы*, *zahorodzianie* (польск.), *западные полесуки* и некоторые другие. Наименование *берестюки* может относиться только к западной части региона, а может и ко всему региону, наименование *пінчукі* — только к восточной части региона, а может и ко всему региону. Правда, *пінчуками*, кажется, никогда не именовали жителей западных окраин региона. *Загородцами* обычно именуют жителей всего региона, кроме западных окраин. Однако наименование употребляется редко. За жителями западных окраин региона (в настоящее время это территория Польши) закрепилось название *подляшане*.

Учитывая рассмотренную ситуацию употребления приведенных названий, в данной статье указанную этногенетическую группу будем именовать *берестюкі-загородцы*. Среди переходных групп, причисляемых некоторыми исследователями к берестюкам-загородцам, отметим *верхнєя сельдцев* и *бережнёвцев*.

В 1988 г. создано общественное культурно-просветительское общество «Полісьсе» (Клімчук 2006, 340–341). До конца 1990-х гг. его

деятельность была весьма активна. Общество возглавил Н.Н. Шелягович. Члены общества в 1985–1992 гг. опубликовали ряд произведений на западнополесских говорах в газетах и журналах, издаваемых в Минске. Общество «Полісьсе» издавало страницу «Балёсы Полісься» в газ. «Чырвоная змена» (в 4-х номерах за 1988 г.). В 1989 г. изданы № 5–9 бюллетеня «Балёсы Полісься». Но особенно много печатной западнополесской продукции дала газета «Збудінне», издаваемая обществом «Полісьсе». За 1989–1995 гг. издано 85 номеров. Материал разнообразный: публицистика, художественная литература, история, этнография и проч. В 1990 г. обществом была проведена международная «Западнополесская (Ятвяжская) научно-практическая конференция». Опубликованы ее тезисы и материалы. В 1994–1995 гг. проведены фестивали западнополесской эстрадной песни (в Бресте, Пинске, Дорогичине, Янове). На западнополесском была издана брошюра, посвященная шахматной игре. Общество продолжает существовать. Изредка его члены собираются для решения всевозможных проблем. Для нас существенно то, что большинство членов общества «Полісьсе» являются представителями этногенетической группы *берестюкóв-загорóдцев*, о которой мы ведем речь.

В одной из работ мы привели численность берестюков-загородцев по районам Брестской области за 1999 г. (Клімчук 2006, 352–355). Исчисления наши. О принципах исчисления см.: Клімчук 1991, 150–160). Учитывая дополнительные сведения о диалектном составе отдельных населенных пунктов, вносим в указанную работу следующие корректизы: 1) Город Береза: а) внести бережновцев — 4500 чел., б) уменьшить численность периферийных загородцев на 4500 чел.; 2) Город Пружаны: внести бережновцев — 5100 чел.; 3) Сельское население Столинского района: увеличить численность бережновцев на 400 чел. В связи с указанными изменениями сделать пересчет по Березовскому, Пружанскому и Столинскому районах и по области в целом.

Наша работа посвящена определению приблизительной численности берестюков-загородцев в мире. За ориентировочную дату отсчета мы приняли 1989 г.: в этом году проведена последняя советская перепись и опубликованы ее данные (НСН 1991; ЧВС 1991). На нее можно в какой-то мере ориентироваться, хотя указанная этногенетическая группа здесь не выделена.

Приводим данные о численности берестюков-загородцев в 1989 г. по регионам Брестской области. Используем данные переписи (ЧВС 1991); о принципах исчисления см.: Климчук 1991, 150–160.

Таблица № 1

№ п/п	регион	собственно загородцы	периферийные загородцы	верхне ясельцы (в) и бережновцы (б)
1	г. Барановичи и Барановичский р-н	2.540 – 1,2 %	40 – 0,0 %	(в) 50 – 0,0 % (б) 30 – 0,0 %
а	г. Барановичи	2.500 – 1,6 %	40 – 0,0 %	(в) 50 – 0,0 % (б) 30 – 0,0 %
б	пгт Городище
в	сельское население	40 – 0,1 %
2	Березовский р-н	28.780 – 41,6 %	16.730 – 24,2 %	(в) 7.530 – 11,0 % (б) 3.310 – 4,8 %
а	г. Береза	3.190 – 13,7 %	8.000 – 34,5 %	(в) 1.590 – 6,9 % (б) 3.310 – 14,3 %
б	г. Белоозерск	5420 – 51,0 %	1.890 – 17,7 %	(в) 340 – 3,2 %
в	сельское население	20.170 – 57,1 %	6.840 – 19,4 %	(в) 5.600 – 15,8 %
3	г. Брест и Брестский р-н	170.050 – 57,0 %	2.410 – 0,8 %	(в) 2.880 – 1,0 % (б) 500 – 0,2 %
а	г. Брест	136.900 – 53,5 %	2.410 – 0,9 %	(в) 2.880 – 1,1 % (б) 500 – 0,2 %
б	пгт Домачево	930 – 69,7 %
в	сельское население	32.220 – 78,4 %
4	Ганцевичский р-н	30 – 0,1 %
а	г. Ганцевичи	10 – 0,1 %
б	сельское население	20 – 0,1 %
5	Дрогичинский р-н	49.010 – 91,7 %
а	г. Дрогичин	11.160 – 85,6 %
б	пгт Антополь	1.950 – 79,2 %
в	сельское население	35.900 – 94,6 %
6	Жабинковский р-н	20.450 – 80,5 %
а	г. Жабинка	8.060 – 74,4 %
б	сельское население	12.390 – 85,6 %
7	Ивановский р-н	48.760 – 93,2 %
а	г. Иваново	11.600 – 85,7 %
б	сельское население	37.160 – 95,8 %
8	Ивацевичский р-н	3.610 – 5,4 %	3.340 – 5,0 %	(б) 2.110 – 3,2 %
а	г. Ивацевичи	90 – 0,5 %	90 – 0,5 %	...
б	г. Коссово
в	пгт Телеханы	50 – 1,0 %	350 – 8,1 %	(б) 2.110 – 49,1 %
г	сельское население	3.470 – 8,1 %	2.900 – 6,7 %	...

9	Каменецкий р-н	34.010 – 78,1 %
а	г. Каменец	5.720 – 69,9 %
б	г. Высокое	3.120 – 72,9 %
в	сельское население	25.170 – 81,0 %
10	г. Кобрин и Кобринский р-н	68.210 – 77,4 %
а	г. Кобрин	30.890 – 68,4 %
б	сельское население	37.320 – 86,9 %
11	г. Лунинец и Лунинецкий р-н	10.480 – 12,7 %	...	(в) 5.280 – 6,4 % (б) 3.060 – 3,7 %
а	г. Лунинец	1.000 – 4,4 %	...	(в) 5.280 – 23,0 % (б) 450 – 2,0 %
б	пгт Микашевичи	20 – 0,1 %
в	сельское население	9.460 – 20,3 %	...	(б) 2.610 – 5,6 %
12	Ляховичский р-н	30 – 0,1 %	...	
а	г. Ляховичи	10 – 0,1 %	...	
б	сельское население	20 – 0,1 %	...	
13	Малоритский р-н	24.690 – 84,7 %	...	
а	г. Малорита	7.510 – 73,7 %	...	
б	сельское население	17.180 – 90,6 %	...	
14	г. Пинск и Пинский р-н	144.330 – 76,0 %	2.770 – 1,5 %	(б) 1.100 – 0,6 %
а	г. Пинск	80.960 – 68,5 %	1.820 – 1,5 %	(б) 400 – 0,3 %
б	пгт Логишин	1.680 – 55,3 %
в	сельское население	61.690 – 89,8 %	950 – 1,4 %	(б) 700 – 1,0 %
15	Пружанский р-н	4.200 – 6,1 %	...	(в) 16.840 – 24,6 % (б) 4.960 – 7,2 %
а	г. Пружаны	240 – 1,0 %	...	(в) 6.800 – 30,0 % (б) 4.960 – 21,7 %
б	пгт Ружаны
в	пгт Шерешево	20 – 0,8 %
г	сельское население	3.940 – 10,0 %	...	(в) 10.040 – 25,4 %
16	Столинский р-н	27.350 – 30,0 %	19.040 – 20,9 %	(б) 4.840 – 5,3 %
а	г. Столин	1.040 – 10,1 %	7.340 – 70,7 %	(б) 100 – 1,0 %
б	г. Давид-Городок	20 – 0,2 %	80 – 1,0 %	(б) 40 – 0,5 %
в	пгт Речица	1.040 – 15,0 %	4.750 – 68,9 %	(б) 30 – 0,4 %
г	сельское население	25.250 – 38,0 %	6.870 – 10,3 %	(б) 4.670 – 7,0 %
	Брестская область	636.530 – 43,9 %	44.330 – 3,1 %	(в) 32.580 – 2,3 % (б) 19.910 – 1,4 %
а	городское население	315.130 – 38,5 %	26.770 – 3,3 %	(в) 16.940 – 2,1 % (б) 11.930 – 1,5 %
б	сельское население	321.400 – 51,0 %	17.560 – 2,8 %	(в) 15.640 – 2,5 % (б) 7.980 – 1,3 %

Таким образом, в 1989 г. на территории Брестской области насчитывалось около 681 тыс. берестюков-загородцев (включая периферийных), в том числе на территории этнического Загородья около 673 тыс., за его пределами, на территории северной и северо-восточной Брестчины — около 8 тыс. Верхнеялесьдцев насчитывалось более 30 тыс., бережновцев — около 20 тыс. За пределами Брестской области в Белоруссии берестюков-загородцев более всего в Минске (около 65 тыс.), в других областях — около 13 тыс. Всего на территории Белоруссии в 1989 г. их насчитывалось около 750 тыс., что составляло около 9,6% по отношению к общей численности белорусов. Основная территория расселения берестюков-загородцев — южные районы Брестской области.

Другие республики бывшего СССР

Этническую и национальную принадлежность берестюков-загородцев во второй половине XIX — первой половине XX вв. определяли по-разному (Клімчук, 1995–1996, 12–13). С 1939 г. за небольшими исключениями во время переписей и при исчислениях их включали в число белорусов. В связи с этим, исходя из данных о численности белорусов, можно попытаться определить приблизительную в разных регионах численность берестюков-загородцев.

В Белоруссии берестюки-загородцы (без переходных групп) в по-словоенный период составляли 9,6% по отношению ко всем белорусам. Если определять численность загородцев за пределами Белоруссии без учета специфики миграций, то следует брать 9,6% из общего числа белорусов в каждой области, крае, республике, стране. Однако при учете специфики миграций из Белоруссии в целом и из Брестской области в частности численность берестюков-загородцев в разных регионах, на наш взгляд, можно определить более точно, хотя приводимые цифры, полученные в результате наших исчислений, все равно будут условными. Просто во втором случае они, на наш взгляд, будут более близкими к истинным, поэтому процент в 9,6, исходя из указанной специфики, и будем менять.

Происходили значительные миграции из Белоруссии в Россию до вхождения в 1939 г. Брестской области в состав СССР и БССР. Кроме того, издавна были более значительными миграции из восточных регионов Беларуси в Россию, нежели из западных. Исходя из этого, указанный процент (9,6%) для большей части России (кроме Северного Кавказа) уменьшаем в 1,5 раза, получаем 6%. 6% от общего числа белорусов Европейской России без Северного Кавказа составля-

ет 47.000 чел. 6% от общего числа белорусов Азиатской России (восточный Урал, Сибирь, Дальний Восток) — 21.000 чел.

На Северный Кавказ до войны миграция белорусов не была значительной. В то же время наблюдались весьма ощутимые миграционные потоки в этот регион из Брестчины после того, как здесь была проведена коллективизация. Более всего эти миграции коснулись Краснодарского края. Происходило это в 1950-е гг., когда проводилась политика селения с хуторов. Тогда очень многие хуторяне переселялись из хуторов не в свои деревни, а в Краснодарский край. Поэтому указанный выше процент 9,6% сохраняем для Ставропольского края и автономных республик региона. Для Краснодарского края этот процент увеличиваем в 1,5 раза, т.е. 15%. В итоге получим следующие цифры: 9,6% от общего числа белорусов Ставропольского края и северокавказских автономий составит 2000 чел.; 15% от общего числа белорусов Краснодарского края составит 7000 чел.

После Первой мировой войны в России (преимущественно Европейская Россия) осталось немало беженцев, выходцев из южных районов Брестчины. Теперь их (или их потомков, помнящих о своем происхождении) насчитывается, скорее всего, около 10000 чел. Записаны они, как правило, русскими.

На Украину, особенно в ее восточную и южную части, имели место значительные миграции из восточной Белоруссии в дореволюционную и межвоенную эпохи. Из Брестчины значительные миграции на Украину проходили и в послевоенное время. Но они уступали прежним миграциям из восточной Белоруссии. Кроме того, на Украине берестюки довольно быстро ассимилируются с украинцами. Поэтому для Украины принимаем процент лишь немногим выше, чем для России — 7%, что от общего числа белорусов Украины составит 30000 чел. Кроме того, в 1939 г. в состав УССР вошла часть исторической Берестейшины. Ныне это части Заречненского и Дубровицкого районов Ровенской области и Любешовского района Волынской области. Здесь проживает около 80000 чел. автохтонного населения. Выходцев из этих мест в других районах Украины около 15000 чел. На Украине проживает также около 10000 чел. Восточнославянских выходцев из южного Подляшья (ныне в составе Польши, преимущественно северо-восточная часть Люблинского воеводства), которые относятся к этногенетической группе берестюков-подляшан.

В Казахстане белорусское население формировалось в основном после Великой Отечественной войны, в первую очередь при освоении целины. Поэтому при его формировании примерно в одинаковой степени приняли участие все регионы Беларуси. Для Казахстана указанный выше процент (9,6 %) снижаем немного и принимаем 8%, что от общего числа белорусов Казахстана составит 15.000 чел.

В Литве, Латвии и Эстонии проживает в основном автохтонное белорусское население или выходцы из северо-западной Беларуси. Для этих стран принимаем условно 2% загородцев по отношению к общей численности белорусов, что составит: Латвия — 2400 чел., Литва — 1200 чел., Эстония — 400 чел.

В Литве еще около 400 чел. — жители сел Айренай-2 и Гейсишкес-2 Вильнюсского района — потомки переселенцев начала XX в. из Брест-Литовского уезда. Живут компактно. Сохранили западнополесский говор. Записаны русскими.

1,5–2,5% загородцев по отношению ко всем белорусам условно принимаем для Армении, Азербайджана, стран Средней Азии. Это составит ориентировочно: Узбекистан — 400 чел., Киргизия — 200 чел., Таджикистан — около 200 чел., Туркменистан — 100 чел., Армения — около 100 чел., Азербайджан — около 100 чел.

Для Молдавии и Грузии принимаем 3% загородцев по отношению ко всем белорусам, что составит: Молдавия — 600 чел., Грузия — 300 чел.

Таким образом, по бывшему СССР за 1989 г. условно принимаем число загородцев в 1003, 4 чел. (округленно — 1 млн.).

Польша: 1) Северное (Среднее) Подляшье — район Бельска, Гайнеки, Семятич, Дрогичина. Численность автохтонного западнополесского населения в 1945 г. определялась: 78425 чел., для 1947 г. после депатриаций — 77716 (Hawryluk 1999, 142). К настоящему времени их численность снизилась и составляет примерно 65000 чел. Численность носителей местных восточнославянских говоров здесь несколько ниже (Vitajemto 2010); 2) Южное Подляшье (район Бялы Подляски, Владавы) — около 10000 чел. (НБН 1999, 28); 3) Выходцы из Северного (Среднего) Подляшья в других регионах Польши — около 15000 чел.; 4) Выходцы из Южного Подляшья в других регионах Польши — около 10000 чел.; 5) Выходцы из Брестской области в других регионах Польши — ок. 15000 чел. Всего в Польше: около 115000 чел.

Другие страны Европы. Из других стран Европы первое место занимает Германия. В Германии остался кое-кто из загородцев, среди вывезенных на работы в годы войны, из военнопленных. Поселились в этой стране после войны отдельные люди, покинувшие Брестщину по политическим соображениям. В целом численность загородцев в Германии условно определяем в 1000 чел. Есть сведения, что выходцы из южных районов Брестщины, берестюки или загородцы, есть в Англии, Голландии, Франции, Чехии, Австрии, Сербии, Италии, Греции, Швейцарии. Условно определяем их общую численность во всех указанных странах в 1000 чел.

Америка. Массовое появление берестюков-загородцев на Американском континенте относится к концу XIX в. Но это были выезды на заработки. В конце XIX – начале XX вв. большинство взрослых мужчин из нынешней Брестской области побывало на заработках в Америке. Многие более чем по одному разу. Но оставались на американском континенте немногие. Зона миграций ограничивалась США и Канадой. В 1920–1930-е гг. миграции продолжались, но их характер имел свои особенности. На заработки ездило меньше людей. Пожалуй, более половины мужчин не было в Америке ни разу. Зато многие на американском континенте оставались. На Брестщине нет такого населенного пункта (относительно крупного), из которого несколько человек не осталось бы в Америке. Расширилась зона миграций: к США и Канаде добавились Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай. При исчислении количества загородцев в США тоже есть основания исходить из численности белорусов, хотя официальная статистика не дает сведений о численности белорусов. Но зато есть неофициальные их исчисления. К последним, в первую очередь, необходимо отнести работу В. Кипеля (Кіпель 1993).

Правда, к исчислениям подобного рода необходимо подходить осторожно, поскольку весьма реальны преувеличения. Чтобы этого, по возможности, избежать, мы максимально снизим процент численности загородцев по отношению к общей численности белорусов у В. Кипеля. Итак, в 1989 г. численность загородцев в Белоруссии по отношению ко всем белорусам составляла 9,6%. Если ограничиться Западной Белоруссией, то здесь численность загородцев (686 тыс.) по отношению ко всем белорусам сотовит около 28%. И тем не менее, принимая самый высокий вариант численности белорусов в США по В.Кипелю, во избежание серьезных преувеличений и уни-

тывая другие факторы (сопоставление числа загородцев в США, России, Минске), процент загородцев по отношению ко всем белорусам берем не 28% и не 9,6%, а около 7%, что лишь немногим выше, нежели в России. По В. Кипелю, белорусов в США насчитывается около 600–650 тыс. Однако, если сплюсовать данные по штатам, то получим 739 тыс. Вот эту цифру мы условно и принимаем за общее число белорусов в США, а от нее исчисляем около 7% (6,8%) и получаем 50 тыс. Учитывая ассимиляторские процессы, снижаем эту цифру до 40000 чел. Это приблизительная численность берестюков-загородцев в США.

При исчислении численности загородцев в других странах Америки, с одной стороны, используем данные об общей численности белорусов по отдельным странам, с другой стороны, — разнообразные иные сведения и сопоставления. Об общей численности белорусов в разных странах используем исчисления, приведенные в публикациях (NDJS 1998, 19; Гардзіенка 2004). Исходя из этих данных и разного рода других (преимущественно устных) источников и сопоставлений, условно принимаем следующие цифры числа загородцев по странам Америки: Канада — 10000, Аргентина — 8000, Бразилия — 5000, Парагвай — 2000, Уругвай — 1000 чел.

Австралия и Африка. Есть сведения, что загородцы проживают в Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке. Условно определяем их численность в этих странах следующим образом: Австралия — 300 человек, Новая Зеландия — менее 100 чел., Южная Африка — около 100 чел.

Общий итог приблизительной численности берестюков-загородцев:

Европа — 1083 тыс.: 1) Белоруссия — 760 тыс., в т.ч. южные р-ны Брестской обл. (Загородье) — 673 тыс.; 2) Украина — 135 тыс., в т.ч. юго-восточная периферия исторической Берестейщины — 80 тыс.; 3) Польша — 115 тыс., в т.ч. Подляшье — 75 тыс.; 4) Россия, Европейская часть, включая Северный Кавказ — 66 тыс.; 5) Латвия, Литва, Эстония — 4,4 тыс.; 6) Германия — 1 тыс.; 7) Молдавия — 0,6 тыс.; 8) другие страны (Англия, Голландия, Франция, Чехия, Австрия, Сербия, Италия, Греция, Швейцария) — 1 тыс.

Америка — 66 тыс.: 1) США — 40 тыс.; 2) Канада — 10 тыс.; 3) Аргентина — 8 тыс.; 4) Бразилия — 5 тыс.; 5) Парагвай — 2 тыс.; 6) Уругвай — 1 тыс.

Азия — 37,4 тыс.: 1) Россия (Восточный Урал, Сибирь, Дальний Восток) — 21 тыс.; 2) Казахстан — 15 тыс.; 3) Средняя Азия (Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан, Туркменистан) — 0,9 тыс.; 4) Грузия, Армения — 0,4 тыс.; 5) Азербайджан — 0,1 тыс.

Австралия и Новая Зеландия — 0,4 тыс.

Южная Африка — 0,1 тыс.

Всего — 1186,9 тыс. (округленно 1,2 млн.), в т.ч. на территории основного расселения (южные районы Брестской области, прилегающие микрорегионы Украины и Польши) — 828 тыс. (70% от всего числа).

Какова численность берестюков-загородцев, владеющих говорами своей этнографической группы?

Имеются в виду традиционные родные говоры берестюков-загородцев. В научной литературе их называют: говоры брестско-пинские, загородские, западнополесские. Каков процент берестюков-загородцев считает эти говоры родными? Условно примем, что владели и пользовались (преимущественно или изредка) те берестюки-загородцы, которые при переписях назвали родным языком язык своей национальности (ЧВС 1991). В 1989 г. 81,4% белорусов Брестской области назвали родным языком язык своей национальности. В северной и северо-восточной части области этот процент выше и составляет 90,8%, в южных районах, где концентрируются берестюки-загородцы, этот процент ниже — он составляет 75%. Вот этот процент условно принимаем за процент берестюков-загородцев Загородья, владеющих брестско-пинскими говорами. Здесь представители рассматриваемой этногенетической группы проживают компактно и брестско-пинские говоры для большинства ее представителей являются основным средством общения. Еще берестюки-загородцы проживают компактно в прилегающих к Брестской области микрорегионах Украины и Польши. Остальные берестюки-загородцы, как было указано, рассеяны по всему миру, живут среди представителей разных народов. Какая-то часть их владеет брестско-пинскими говорами, но пользуется ими изредка. Другая часть берестюков-загородцев, проживающая в разных странах мира, помнит о своем происхождении, но говорами своей этногенетической группы не владеет.

Ниже приводим таблицу, где весьма условно определяем численность берестюков-загородцев, владеющих брестско-пинскими говорами.

Таблица № 2

№ п/п	регион	численность берестюков- загородцев	процент владеющих брестско- пинскими говорами	численность владеющих брестско- пинскими говорами
1	Беларусь	760.000		
а	Загородье	673.000	75	504.750
б	<i>Другие регионы Беларуси</i>	87.000	70	60.900
2	Украина	135.000		
а	Юго-восточные окраины Загородья	80.000	95	76.000
	<i>Другие регионы</i>	55.000	70	38.500
3	Польша	115.000		
а	Среднее и Южное Подляшье	75.000	90	67.500
б	<i>Другие регионы</i>	40.000	70	28.000
4	Россия	87.000	65	56.550
5	Казахстан	15.000	60	9.000
6	Литва	1.600	90	1.440
7	<i>Другие страны Бывшего СССР</i>	4.800	40	
8	<i>Другие страны Европы</i>	2.000	75	1.920
9	Страны Америки	66.000	45	29.700
10	Австралия, Новая Зеландия, Африка	500	55	275
		1.186.900 (округленно 1,2 млн.)		874.535 (округленно 875 тыс.)

ЛИТЕРАТУРА

- Гардзіенка 2004 — Н. Гардзіенка. *Беларусы ў Аўстраліі. Да гісторыі дыяспары*. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2004, 468 с.
- Кіпель 1993 — В. Кіпель. *Беларусы ў ЗША*. Менск 1993. : Беларусь, 352 с.
- Клімчук 2006 — Ф.Д. Клімчук. *К истокам письменной традиции Берестейско-Пинского Полесья и о западнополесском литературном микроязыке в частности*. Slavica Tartuensis VII: Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Материалы международной конфе-

ренции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту, 15–17 сентября 2005 г. Под редакцией А.Д. Дуличенко и С. Густавсона (при участии Дж. Данна). Тарту, 2006, с. 340–359.

Клімчук 1995–1996 — Ф. Клімчук. *Некаторыя асаблівасыці этнанацыянальнай самасвядомасыці заходніх палешукоў*. Форум. Інфармацыйна-культурны бюлетэнь, Менск, 1995–1996, № 2, с. 11–19 (12–13).

Климчук 1991 — Ф.Д. Климчук. *Этническая структура населения Брестской области (к вопросу о «скрытых» этносах)*. Международный симпозиум «Право и этнос». Материалы для обсуждения. Голицино (Московская обл.) 1–5 октября 1991 г. Москва, 1991, с. 150–160.

НБН 1999 — *Над Бугом і Нарвою*. Bielsk Podlaski, 1999, № 3 (43), с. 28.

НСН 1991 — *Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.* Москва: Финансы и статистика, 1991, 160 с.

ЧВС 1991 — *Численность, возрастная структура, состояние в браке, число и размер семей, национальный состав, уровень образования и источники средств существования населения Брестской области. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.* Брест, 1991, 422 с.

Hawryluk 1999 — J. Hawryluk. *Kraje ruskie Bielsk, Mielnik, Drohiczyn*. Kraków, 1999.

NDJS 1998 — *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Беларуская мова*. Opolje, 1998, с. 19: ссылка на работу: Г. Р. Сергеева. *Сучасная національна дыяспара: стан і праблемы ўзаемадзеяння з Бацькаўшчынай*. Беларусь: шляхі абаўлення і развіцця. Мінск, 1993.

Vitajemo 2010 — *Vitajemo. Pošto je siéty sajt*. In: Сайт/ Веб-ресурс: <http://svoja.org/> [Просмотрено: 15.07.2010].

F. Klimtšuk. Berestjukid-zagorodetsid: arvukus maailmas

Polessje ühes regioonis — Bresti-Pinsko Polessjes (Bresti oblast Valgevenes, ääremaad Poola ja Ukraina kootseisus), moodustavad 2/3 ülalnimetatud piirkonna põlisasukatest etnogeneetilise rühma, mis nimetab end kui «наши люди (наши лю́дэ)» («meie rahvas»; lisaks sellele on see rühm tuntud ka nimetuste *берестюкі*, *пинчукі*, *загородцы*, *zahorodzianie* (poola k), *западные польши*, jt all. Rahvastikuloenduste ja veel mõningate kaudsete allikate põhjal jaotatakse gruupi statistilis-geograafiliselt Valgevene, sellega kulgnevates piirkondade ja teistes maailma riikide vahel.

Ромаш Эрленд Романчик
Тартуский университет

**АНАЛИЗ ОТКЛОНЕНИЙ
КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ НОРМЫ
НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЕКТА
КАШУБСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА Ф. ЦЕЙНОВЫ**

Ф. Цейнова – проект литературного языка – норма – Skôrb Kaszébsko-słowińskie móvē – типология отклонений – родительный – формы ludu, njeludu

Наблюдаемая в последние десятилетия активизация интереса к кашубскому литературному языку естественным образом заставляет пристальнее посмотреть и на историю его стандартизации. Очевидно, что особое место в этой истории занимает деятельность Ф. Цейновы — автора первых проектов кашубского литературного языка.

В докладе представленном на XIV Международном съезде славистов я обосновал необходимость последовательного научного анализа адекватности языка, на котором писал Цейнова, требованиям, предъявляемым к литературному языку со стороны общей теории литературного языка (см. Романчик 2008). Принципиальным требованием к такому анализу является выявление системных и функциональных свойств этого языка безотносительно к другим идиомам. Это значит, что, во-первых, язык Цейновы может быть рассмотрен как дискретная система, вопреки тезису Е. Тредера:

«Dopiero na tak zarysowanym tle dialektnym ujmować trzeba język piśmienictwa Ceynowy (Treder 2005, 94).

Во-вторых, никакой критерий, внешний по отношению к языковой системе, созданной Цейновой, не может быть основанием для оценки нормативности его текстов.

Такой подход позволяет выделить основные критерии внутренних свойств реализуемого проекта, с точки зрения «литературности», и предопределяет специфику такого центрального понятия, как *норма*.

Там же я показал, что отношения между нормой, кодифицированной нормой и нормативностью в проекте литературного языка, возникающем в ситуации, характеризующейся отсутствием естественных наддиалектных языковых образований и предшествующей традиции, отличны от отношений между соответствующими параметрами в сложившемся литературном языке, как различны и механизмы их становления. Напомню, что речетворчество (прежде всего — в письменной форме) в рамках проекта одновременно является актом создания нормы и ее кодификации. В то же время действуют противоположные тенденции, поскольку норма не является устоявшейся в процессе языковой практики. Порождение речи в таком случае происходит в условиях значительно более широкого диапазона вариативности. Выражается это в возможности большего числа отклонений от прослеживающейся нормы и, возможно, меньшей степени урегулированности отдельных языковых участков. Из сказанного следует также, что предметом анализа должна быть *норма в ее реализации*, то есть тексты.

Данное обстоятельство указывает также на необходимость, рассматривая работы разных лет, различать *нормотворческую эволюцию* Цейновы и *эволюцию языковой нормы*. Первая соотносится с изменением лингвистических взглядов автора, вторая — с характером нормы, ее стабильностью и регулярностью. Очевидно, что как явления разного порядка рассматривать их следует отдельно.

Таким образом, изучение нормы Цейновы является той основой, с опорой на которую можно говорить как о его кодификации, так и в целом о проекте.

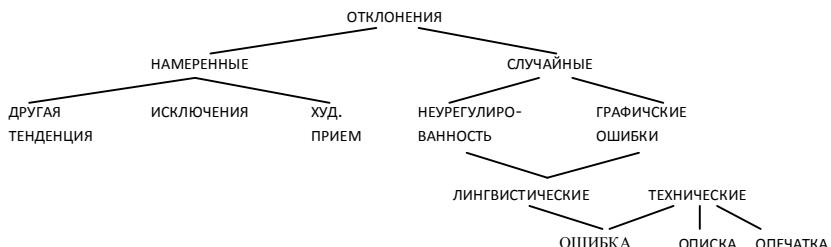
В общем виде процедуру выявления кодифицируемой нормы можно описать следующим алгоритмом:

1. выявление общих тенденций реализации определенного языкового элемента или функции,
2. их интерпретация и определение места в системе,
3. на основе п.1. и 2. выведение правила.
4. выявление отклонений от установленных закономерностей,
5. их интерпретация.
6. на основе п. 4. и 5. уточнение правила, выведенного в п. 3.

Особое значение этим алгоритмом приписывается отклонениям. Интерпретация отклонений в первую очередь предполагает определение их характера. На сегодняшний день разработанная на основе

текстов «*Skôrb*» типология отклонений подготовлена мною к печати. Здесь основные типы отклонений можно представить в виде схемы:

Схема 1

Определение типа отклонения в каждом конкретном случае требует отдельного рассмотрения, тип не может быть распознан «на глаз» (за исключением случаев очевидных опечаток). Невозможно также в общем виде дать набор инструментов анализа. Закономерно, что прежде всего следует обращать внимание на такие свойства нормы как воспроизведимость и регулярность, которые и позволяют говорить об определенных тенденциях. Однако часто в тексте удается обнаружить единичный прецедент, — в этом случае приходится полагаться на иные методы анализа.

Очевидно, что лингвистическая ценность отклонений различна, равно, как и их природа. Поэтому без дифференциации этих явлений неправомерно выносить суждения о степени нормированности текста. Еще раз следует подчеркнуть, что норма может существовать лишь в определенной системе, потому судить о ее реализации на основании соответствия/ несоответствия закономерностям иных систем (диалекта, другого литературного языка или другого проекта литературного языка) было бы грубой ошибкой.

В качестве примера анализа приведу довольно простой случай отклонения, выявленный при анализе флексий родительного падежа существительных мужского рода на согласный в выпускаемом Цейновой первом кашубском периодическом издании «*Skôrb*». Анализ проводился на материале, собранном методом сплошной выборки из полного корпуса текстов.

Выявлено, что, как и следовало ожидать, образование форм родительного падежа единственного числа осуществляется посредством трех флексий *-a*, *-u*, *-é*¹.

Впрочем, в отношении возможного набора окончаний нетрудно констатировать противопоставление существительных по категории одушевленности/ неодушевленности.

Родительный падеж одушевленных существительных мужского рода на согласный образуется только при участии флексии *-a*, и это правило не знает исключений:

brat (24 и др.) – *brata* (184); *człovjek* (1 и др.) – *człovjeka* (9 и др.); *gbur* (5 и др.) – *gbura* (124, 125, 151); *kòvôł* (8 и др.) – *kòvôła* (11); *pan* (1 и др.) – *pana* (4 и др.); *Pòlôch* (5, 151) – *Pòlòcha* (98); *Pòmarènk* (160-4) – *Pòmarènka* (160); *pôpjeż* (187, 190) – *pôpjeża* (10); *stolém* (9 и др.) – *stoléma* (143-3); *széper* (119-5 и др.) – *szépra* (119, 121); *vjlk* (6 и др.) – *vjlnka* (13, 14, 147, 148, 158-2); *wójc* (20 и др.) – *wójca* (11-2, 173, 186-2); *wòrèdovnjk* (64) – *wòrèdovnjka* (47); *xadz* (8 и др.) – *xędza* (103, 104, 140-3, 142); *żołnérz* (126, 160-2) – *żołnérza* (126-2)².

Полный указанный ряд флексий возможен только для неодушевленных существительных:

dzenj (145-3, 171) – *dnja* (7-2, 119, 126, 140-2, 148-2, 163-2)/ *dnja* (48), *zark* (128) – *zarka* (126-3, 127, 128-2, 145-2), *wóz* (142, 194) – *wòza* (s.1, 151-3), *wògjèn* (144)/ *wògjenj* (19, 153)/ *wògjen* (95) – *wògnja* (91, 143-2); [Вин.пад.] *grób* (11, 140, 144-2, 184-2) – *grobu* (14, 126), *krój* (2, 153) – *kráju* (167-2, 169), *rok* (47, 97, 141) – *roku* (97, 141, 146, 166, 191, 197), *zamk* (162-3, 163, 164-3) – *zamku* (159); *dwór* (125, 142) – *dwòré* (21, 140, 189), *glód* (5, 174) – *glodé* (19, 23), *czas* (s.1-2, 5, 16, 27, 87, 93, 97, 190) – *czasé* (19, 46-2, 78-2, 90-2, 124, 140, 144, 154-2, 158, 162, 171, 172, 185, 189-4), *deszcz* (s.1-2, 2, 5, 153, 164) – *deszczé* (7).

На основе анализа можно утверждать существование определенной корреляции между конечным согласным основы и флексией, что наиболее последовательно наблюдается в отношении дистрибуции флексий *-u* и *-é*:

- после твердых губных (*b*, *p*, *m*, *v*), лабиализованного *l*, заднеязычных (*g*, *k*, *ch*) и *J* (после гласного) — *-u*;
- в остальных случаях, т. е. после среднеязычных (твердых *d*, *t*, *n*, *s*, *z*, *r* и отвердевших *c*, *rz*, *cz*) — *-é*.

Особые отношений между этими флексиями ожидаемы, так как выражающие их материально звуки связаны генетически (*é* < *ü*). В све-

те этого и зависимость от предшествующего согласного подчиняется общим закономерностям перехода *í* > *é*: после твердых согласных за исключением губных и заднеязычных (после *l* и *l*, а также шипящих менее последовательно, но это — отдельная тема, на которой здесь заострять внимание не следует). Таким образом, можно говорить о том, что родительный на *-i* и *-é* восходят к одной разновидности родительного на *-i*, и, таким образом, как единое целое противопоставлены формам родительного на *-a*. На синхронном же уровне, в принципе, достаточно констатации, что флексии *-i* и *-é* находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Вопрос выбора между *-i/ -é* и *-a* пока оставим в стороне (статья по этому поводу подготовлена к печати), сосредоточив внимание на уже выявленной тенденции распределения *-i* и *-é*, точнее на отклонениях от нее.

Отклонение от этого принципа встречается лишь дважды. Впрочем, можно говорить и о единичном отклонении, поскольку, во-первых, оба случая представлены в пределах одного предложения; во-вторых, являются однокорневыми образованиями:

Dlô teho jim titule professorów, doktorów, literatów é t. d. nadajq é jejich bezbôžnè pjsma majq ve Francijsi é v Njemczéch vjci czételnjków, Jak nasze snôže drékôvqnè žewòté Svjetéch, pôvôdstkj mòralnè é vjele Jinszéch xâžk dla ludu przez njelédzi sklejonéch — té dlô njeludu przez czlovjeka napjsanè jesz na svjat njevészlé — mjèdzé Slovjanamj; dze, njestejé! Ju czasę dajq sè czéc mjona: Volter, Russó, Sue, Renan é t. d. abo Strauss, Bauer, Feuerbach, Herwergh é t. d. (193-194).

В отношении этих форм любопытно отметить два обстоятельства. Прежде всего, наряду с представленной здесь формой родительного падежа для *lud* (74, 76, 87, 90, 91, 94, 97, 132, 154, 167-2, 186) ‘народ; собирает к человек, люди’ находим в тексте и ожидаемые, «регулярные» формы, в полной мере отвечающие выявленной тенденции, ср.:

Z njektérnech czinnosci kòscelnéch, wòsobévyje rzimsko kateléckjch, Jakto svycenjô wòdè, vjna, krèdè, szatlachu, zelô, vjnôszkóv, lubljq wònij se njezmjernje nasmjevac é takòvè ganjc, njibé z tè dobrè przeczéné, že té rzeczé le dajq przebjeglim wòszustqam spòsobnosc do zwòdzenjô przostèho lédé pòd czas chòrbó é przé Jinszéch ležnoscach (191).

Примечательно, что этот фрагмент из того же текста, что и приведенный выше — «Rozmòwa Kaszébé s Pòlôchę». А вот пример из «Zvéczaje é wòbéczaje Kaszébskosłovjnskjého narodé»:

Jejich zarząd przechodził czasę, jednak w jedno s dozwolonym lédé, na nô-starszeho séna, chteremu młodszii bracô se swòjimj dzélamj pôdlegac muszle; jaž na wòstaku é to v zvèczôj veszlo, že sobje vszétcé bracô pô wòjcu nj-bé wôdziedziczoni krój bez pitanjô lédé dzelélé, a pòtemu dosc często mjèdzé sobq wòjnè provadzélé. (88)

Второй момент, на который следует обратить внимание, — это общий вид формы (*nje*)*ludu*, т. е. вокализм корня, где вместо ожидаемого *é* представлено *u*, т. е. отсутствует обязательное чередование (см. Cybulski 2005, 19-30). Данное обстоятельство тем более любопытно, что в том же предложении есть еще одно слово с тем же корнем *nJelédzi* (вин. пад., мн. ч.), с закономерным *é*.

Как интерпретировать этот случай? Вероятность случайности можно сразу отклонить, поскольку четыре однотипные «случайности» в одном предложении — это уже закономерность. По тем же причинам трудно допустить возможность типографской ошибки. Если же мы приходим к заключению о преднамеренности такого формоупотребления, следует ли признать вариантность форм родительного падежа для существительного *lud*?

При положительном ответе на такой вопрос, следует допустить и возможность существования в норме других вариантических пар, второй член которых просто не нашел отражения в тексте, что вполне вероятно при невысоких в целом числовых показателях выборки. Далее пришлось бы пересмотреть отношение между формами на *-i* и *-é*, которые, естественно, неправомерно было бы характеризовать как взаимоисключающие.

Однако с подобным заключением не следует спешить, с учетом «двойной ненормативности» отмеченных словоформ. У нас нет никаких оснований предполагать связь между вариативностью падежного окончания и чередованием гласных в корне, соответственно «вариант» выглядел бы как ‘*lédę*’ (ср. также с вокализмом формы Твор. пад. *lédę* (158)). Следовательно, перед нами преднамеренное формоупотребление, которое, однако, вариантом не является. Что же это? По всей видимости фонетический и грамматический полонизм. На использование Цейновой такого приема указывает и Е. Тредер:

«Warto wreszcie wspomnieć o zastosowaniu przezeń stylizacji językowej: Otóż Polak wypowiada się po polsku, zaś Kaszuba po kaszubsku, przy czym w wypowiedziach Kaszuby pojawia się świadome polonizowanie...» (Treder 2005, 113)

В нашем фрагменте, обращенные к Поляку слова *dla ludu* и *dlō nje-ludu*, находятся под сильным логическим ударением, так что «сознательная полонизация» приходится на сильную позицию, потому не может оставаться не замеченной — во-первых; и, еще более усиливает акцент на важном для говорящего смысловом отрезке — во-вторых.

Таким образом, мы возвращаемся к тому, что принцип распределения флексий *-i* и *-é* не знает исключений, и, следовательно, может быть сформулирован как правило. Форма *ludu* не является вариантом, т.е. не предполагается нормой, действующей в тексте. В то же время эта форма не может быть определена как ошибка, поскольку ее употребление обусловлено pragматически. Использование ее для художественной стилизации возможно потому и только потому, что она противопоставлена норме, что еще раз доказывает существование последней.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чередования, возможные при формообразовании здесь специально не рассматриваются.

² Здесь и далее в скобках указаны номера страниц в «*Skôrb*». Если на одной странице данная форма встречается несколько раз, об этом информирует числовой показатель, подаваемый после черточки. Напр., *żolnérz* (126, 160-2): форма *żolnérz* встречается на с. 126 и 160, на последней — дважды.

ЛИТЕРАТУРА

- Skôrb — F. Cenôva. *Skôrb Kaszébsko-slovjnskјe mòvē*. Z. 1–12. Świeciè, 1866.
- Treder 2005 — J. Treder. *Historia kaszubszczyzy literackiej. Studia*. Gdańsk, 2005.
- Cybulski 2005 — M. Cybulski. *Alternacje morfonologiczne w pismach Floriana Ceynowy*. Gdańskie Studia Językoznawcze IX, Gdańsk, 2005, s. 19–30.
- Романчик 2008 — Р. Э. Романчик. *Междупримативом и языковой практикой*. *Slavica Tartuensia* VIII: Славянское языкознание: покидая XX век... К XIV Международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Tartu, 2008, с. 33–53.

Romasz Erlend Romantšik.

Normist hälbijmiste analüüs kui normi väljaselgitamise vahend.

F. Cejnova kašuubi kirjakeele projekti materjalide põhjal

Artiklis püstitatakse kirjakeele normi väljaselgitamise küsimus ning pakutakse välja selle lahendamise viis. Normi realiseerimist vaadeldakse F. Cejnova kirjakeele projekti põhjal, mis realiseerus esimeses perioodilises väljaandes *Skórb Kaszébsko-slovjnskјé mòvé*, ilmumisaeg 1866 a. Vaadeldakse kõrvalekaldeid domineerivatest tendentsidest eesmärgiga selgitada välja kirjakeele projekti norm, mis reguleerib keele teatud fragmenti. Näitena analüüsitakse genitiivi ebaregulaarseid vorme *ludu, nJeludu*.

Tomasz Kamusella
Uniwersitet sanctus Andrzyja

Andrzej Rocznik
Ślōnsko Nacyjowo Ȑficyna,
Zwiōnzek Ludziōw Ślōnski Nacyje

SZTANDARDYZACYJO ŚLŌNSKI GODKI

Ślōnzoki a ônych godka i hajmat
Ślōnzoki pomiyszkujōm na Wiyrchnym Ślōnsku, kery terozki je we Polsce, i tyz na ôstyn tajli Pepickigo Ślōnska, kero roztopyrzo sie pojstrzōd Ostravōm a Těšinym. Ze Geszichtowego blikniýcio, ôd pojstrzedniowieczo ku ôstatka II weltowy wojny, bôl to plac, kaj doimytovaly sie dialekty słowianowe a germanowe. We efekcie powstania landów nacjowogodkowych we Pojstrzodkowej Europie po 1918 roku, plac tyn roztajlowany ôstoł pojstrzōd Czechosłowacyjo, Niymce a Polska. Te tajlowanie uznali Alianty i niy powożali majnunga samych Ślōnzoków. Nojwincy Ślōnzokōm zdało sie coby Wiyrchny Ślōnsk ôroz ôstyn poły Pepikowego Ślōnska (wtyncoz jeszcze mianowany Ślōnsk Esterajchowy) zrychtować za samostanowiony land (nacyjowy) Ślōnzoków, abo dociepnōńc za autônomijowy rigijōn ku Niymcōm abo ku Czechosłowacyje.

We roztajlowanym hajmacie Ślōnzoków Berlin, Praga a Warszawa robiôły we swych tajlach regijōna, politika germanizowanio, pepiczkowanio i

Tomasz Kamusella
University of St Andrews

Andrzej Rocznik
Narodowa Ȑficyna Ślōnska, Związek
Ludności Narodowości Ślōnskiej

STANDARDYZACJA JĘZYKA ŚLĄSKIEGO

Ślązacy a ich język i hajmat
Ślązacy mieszkają na Górnym Śląsku, obecnie w Polsce, a także we wschodniej połowie Czeskiego Śląska, która się rozciąga między Ostravą a Těšinem. Z historycznego punktu widzenia, od średniowiecza po koniec II wojny światowej był to obszar przenikania się dialektów słowiańskich i germanaskich. W wyniku postwania etnicznojęzykowych państw narodowych w Europie Środkowej po roku 1918, obszar ten został rozdzielony między Czechosłowację, Niemcy i Polskę. O tym Rozbiorze zadecydowali Alianci, nie biorąc pod uwagę woli samych Ślązaków. Większość Ślązaków zda się chciała aby z Górnego Śląska oraz wschodniej połowy Czeskiego Śląska (wtedy jeszcze zwanego Śląskiem Austriackim) utworzyć niepodległe państwa (narodowe) Ślązaków, lub włączyć je jako regiony autonomiczne do Niemiec lub Czechosłowacji.

W podzielonym hajmacie Ślązaków Berlin, Praga i Warszawa uprawiały w swych częściach regionu, odpowiednio, politykę germanizacji, czechizacji i po-

polonizowano. Koncek tolerancyje co do śląski identyfikacyje i kultury ludziów wykozywali regirungi czechosłowackowe a niymcove. Tym piyrywym dowało to sztopowanie niymiecki a polski mynšošci nacyjowj coby niy bôlo jyj za wielu na Pepikowym Ślônsku, zaś drugim na wciōnganie niy-niymieckogodajonych Ślônzoków ku niymiecki nacyje podug kultury, to je, za tako mianowanych *Kulturdeutsche*. W pojstrzôdwojny Czechosłowacyje trefiôł sie herny bašnik Óndra Łysohorsky (przidômek Erwina Goja, we 1970 roku bez Helwetyjo nominirowany ku literaturowyj nadgrodzie Nobla), kery podug pôlnconomorawikowých dijalektyjów i ze polednia Wiyrchnego Ślônska zrychtwoł godka lasko (blank wielu podano ku sztandard ślônski godki, kery je terozki). Ta toleransz politika Berlina wedle ślônskoši smiyniôla sie na hart politika germanizowano bez II weltowo wojna, kej Wiyrchny Ślônsk a prawie cołki Pepicki Ślônsk dociepniynte ôstaly ku Trzecji Rzeszy.

Po 1945 roku Pepicki Ślônsk erbla nazod Czechosłowacyjo, a cołki Wiyrchny Ślônsk ôdkozano powojynnyj Polsce wroz ze inkszymi niymieckimi placami na ôstyn ôd lajny Ódry a Nise. Podug decyzyjów Poczdam Kônferencyje ze Czechosłowacyje a Polski wiecniepiôno Niymcôw.

Atoli we ôbach landach sztopniynte ôstali Ślônzoki (uramyntrne prociw ich kcynio), skuli jejich słowianowoj godki, a nawet skuli słowianowego miana po familije (kej godali ino po niymieckimu). Po prostu ani we Czechosłowacyje ani we Polsce niy bôlo wielgij party wyszkolonych robotnikow, kere

lonizacji. Pewną dozę tolerancji wobec śląskiego wymiaru tożsamości i kultury mieszkańców wykazywały władze czechosłowackie i niemieckie. W pierwszym wypadku pozwalało to na ograniczenie liczebności mniejszości niemieckiej i polskiej na Czeskim Śląsku, a w drugim na włączanie nie-niemieckomówiących Ślązaków do narodu niemieckiego na bazie kultury, to jest, jako tak zwanych *Kulturdeutsche*. W międzyczwiernej Czechosłowacji pojawił się wybitny poeta Óndra Łysohorsky (pseudonim Erwina Goja, w roku 1970 nominowanego przez Szwajcarię do literackiej nagrody Nobla), który na bazie dialektów pôlnconomorawskich oraz z południa Górnego Śląska Utworzył język laski (w dużej mierze zbieżny ze współczesnym standardowym językiem śląskim). Oową tolerancyjność wobec śląskości Berlin zastąpił Politykę twardzej germanizacji w okresie II wojny światowej, kiedy Górnny Śląsk i prawie cały Śląsk Czeski zostały włączone do Trzeciej Rzeszy.

Po roku 1945 Śląsk Czeski zwrócił się Czechosłowacyji, a całość Górnego Śląska przekazano powojennej Polsce wraz z innymi obszarami niemieckimi na wschód od linii Odry i Nisy. Zgodnie z decyzjami Konferencji Poczdamskiej z Czechosłowacji i Polski wysiedlono Niemców.

Jednak w obu krajach zatrzymano (często wbrew ich woli) Ślązaków, ze względu na ich słowiańską mowę, a nawet słowiańskie nazwiska (jeśli mówili już wyłącznie po niemiecku). Po prostu ani w Czechosłowacji ani w Polsce nie było tak dużej grupy wykwalifikowanych robotników, którzy mogliby za-

poradziły by być za Ślōnzoków we wiyrchnoślōnskich ôroz ôstrawskich grubach a hutach. Bez produkcje tych grubów a hutów ônmyjgliś bôlo by gibkie stowianie juzaś gospodorkôw Czechosłowacyje, a zwłaszcza Polski. We tym drugim falu Ślōnzoki (wele Mazurów a Kaszubów) byli tyż trômfym na «ôdwieckowe polnic» niymieckich zîymiów inkorporowanych ku Polsce po II weltowej wojnie.

Bez kômunizmus Ślōnzoki mieli być Pepikami we czchosłowacyje a Polokami we Polsce. Pepikowanie a polôñizacyjo bôly bardzi, a efekta roslý skuli roztopiyrzanu sie mass mediôjow jak radyjok i ferwencyjo. Proces tyn ôstol spragdany bez wyżyniencie ze życia społecznego a kulturowego niymiecki godki. A dyé godka i kultura ślônsko ôstały uformirowane we XIX wieku i piyrwy poły XX wieka bez dynamisz dzołanie pojstrzôd germanowymi a słowianowymi dijalektôma, do kerych we II połce XIX wieku (skuli rozwoja powszechnego szkolynio podstawowego) doczepiôla sie sztandardt niymiecko godka.

Ze wiyrchu zadekretiowane Polnisz i pepiczkość Ślōnzoków niy przekłodała sie na realyja społecznno-politykowe. We ôbach landach Ślōnzoki traktowane byli za ludziôw drigi zorty, a nawet za «kryptô-Niymcôw». Powodowało to, iže kej ino bôlo myjgliś Ślōnzoki wyjyżdżali do Niymcôw Zachodnich, kaj za *Aussiedlerôw* (echt «przekludzône», bai za Niymcôw etnicznych) automatisz dostowali niymiecke ôbywatelstwo. Tym knifym

stapić Ślazaków w górnôślaskich oraz ostrawskich kopalniach i hutach. A bez produkcji tychże nie byłaby możliwa szybka odbudowa gospodarek Czechosłowacji, a zwłaszcza Polski. W tym drugim przypadku Ślazacy (obok Mazurów i Kaszubów) stanowili również dowód na «oddwieczna polskość» niemieckich ziem inkorporowanych do Polski po II wojnie światowej.

W okresie komunizmu Ślazacy mieli być Czechami w Czechosłowacji a Polakami w Polsce. Czechizacja i polonizacja nasiliły się znacznie, a ich efektywnośc wzrosła dzięki upowszechnieniu sie takich nowych mass mediów jak radio i telewizja. Proces ten został też wzmocniony przez wykluczenie z życia społecznego i kulturowego niemczyzny. A przecież mowa i kultura ślaska zostały ukszałtowane w wieku XIX i pierwszej połowie XX stulecia w wyniku dynamicznego oddziaływanie między dialektami germaniskimi i Słowianiskimi, do których w II połowie XIX wieku (w związku z rozwojem powszechnego szkolnictwa podstawowego) dołączył standardowy język niemiecki.

Odgórnie zadekretowana polskość i czeskość Ślazaków nie przekładała się na rzeczywistość społecznno-polityczną. W obydwu krajach Ślazacy byli traktowani jak obywatele drugiej kategorii, a nawet jako «kryptô-Niemcy». Powodowało to, iż kiedy to tylko było możliwe emigrowali oni do Niemiec Zachodnich, gdzie jako *Aussiedlerzy* (dosłownie «przesiedleńcy», czyli jako Niemcy etniczni) automatycznie uzyskiwali obywatelstwo niemieckie. Tym to Spo-

godka wyrchnośląskich Aussiedlerów zaś brała ze niymiecki godki.

Kej óbalony óstoł komunizmus, na zod stało sie myjgliś fraj rajzowanie i kōmuniķirowanie pojstrzōd Ślōnzokami we Niymach, Czechosłowacyje (Pepikach) i we Polsce. Demokracjo dała tyż Ślōnzokom sposobnoś ônaczynio swojich welunków politikowych. Na Ślōnsku Wyrchnym a Pepikowym same znodły sie myńszoście niymiecke, kerych członki bierom sie spojstrzōd Ślōnzoków. Skuli pepikowanio i polōnizowaniu blank wiela ich niy godo po niymieckimu. Bestuż, kej majōm do czyniynio ze Polokami abo Pepikami godajōm po ślōnsku co mo być cechōm ichni niymieckoście.

Ze drugi zajty, jednako we Polsce jak i we Pepikach Ślōnzoki napoczli rychtować swoje organizacyje, kere majōm brōnić ônych interesów jako Ślōnzoków, eli to na bazie nacyjowo-godkowy eli tyż na gruncie politikowego regionalizma. We wyniku tego procesa pojawiōł sie tyż ruch, kery mo na celu docyniynie ôroż sztandardyzacyje ślōnski godki.

Kurc geszichte sztandardyzacyje ślōnski godki

We rokach 90. XX wieka napoczynto wydować pîrwo literatura świadomie szrajbowano bez autorōw po ślōnsku. Niykere anknifowali ku tradycyje pojstrzōdwojnyj godki laskij, jako tyż ku badaniōm dialektologicznych Feliksa Steuera. We pojstrzōdwojnyj Polsce zrychtwoł ôn pîrwo w miara sztandardt (na potrzeba badaniōw godkoznawcowych) szrajbunek ślōnski godki, we keryj wydoł dwa hefta. Wroz ze rozwojym interneta na

sobem mowa górnosłaskich Aussiedlerów ponownie czerpała z niemczyzny.

Po upadku komunizmu, na powrót stało się możliwe swobodne podrózwanie i komunikowanie między Ślązakami w Niemczech, Czechosłowacji (Czechach) i Polsce. Demokracja dała też Ślązakom sposobnoś do dokonywania własnych wyborów politycznych. Na Śląsku Górnym i Czeskim pojawiły się mniejszości niemieckie, których członkowie rekrutują się spośród Ślązaków. Z powodu czechizacji i polonizacji ogromna ich większość nie mówi obecnie po niemiecku. Dlatego w Kontaktach z Polakami lub Czechami często wykorzystują śląsczyznę jako znak swej niemieckości.

Z drugiej strony, zarówno w Polsce jak i w Czechach Ślązacy poczeli tworzyć własne organizacje mające chronić ich interesy jako Ślązaków, czy to na bazie etnicznojęzykowej czy też na gruncie politycznego regionalizmu. W wyniku tego procesu pojawił się też ruch mający na celu docenienie oraz standaryzacjję języka śląskiego.

Krótka historia standaryzacji języka śląskiego

W latach 90tych XX wieku zaczęto wydawać pierwsze utwory świadomie pisane przez autorów w języku śląskim. Niektórzy nawiązywali do tradycji międzywojennego języka laskiego, jak i do badań dialektologicznych Feliksa Steuera. W międzywojennej Polsce stworzył on pierwszą w miarę Standardową (na potrzeby badań językoznawczych) pisownię języka śląskiego, w której wydał dwie broszurowe książeczki. Wraz z rozwojem internetu na

szwele XXI wieka prziloz boom używanio ślōnski godki na tematikowych zajtach internetowych, a przde wszyjskim na forach, blogach i we brifach mailowych.

We 2003 roku powstała Ślōnsko Nacyjowo Ôficyyna (NOŚ), kero jako piyrwo programmowo wydowu publikacyje po ślōnsku, ôroz ô sprawach ślōnskich po polskymu i niymieckymu. Trzi roki niyskorzi NOŚ napoczła publikirowanie piyrwego ślōnskogodkowego periodyka, *Ślōnsko Nacyja*, we keryj teksty sōm tyž po polskymu. Tyž we 2006 roku zainicjowano ôstała Ślōnsko Wikipedyj¹, kero oficjal chyciôla sie czelodki uznanych Wikipedyj dwa roki niyskorzi. Terozki je ôna nojsrogszym zamlungym tekstów szrajbowanych po ślōnsku. Tyž we 2008 roku powstały dwie ferajny, ker zadali se spômogać chowanie ślōnski godki, mianowicie, Pro Loquela Silesiana ôroz Tôwarzistwo Piastowaniô Ślōnskij Môwy «Danga».

Ransi, bo juž we 2007 roku, parta inicjatywno sebrano wele ZLNS (Zwiôンzek Ludziôw Ślōnski Nacyje) i NOŚ dokladziôla do uznania ślōnski godki na placu pojstrzôdlandowym. Zônaczôno to bez chycynie cechy klasifikasirowanio *szl* dlo ślōnski godki na Wîyrchnym Ślōnsku i we welcie. Bes-tuż niykere, zamias smolić abo czterować ciôngotôm kulturowo-godkowym Ślōnzokôw, umiyniły spômogać te ciôngoty, po prawie zważować, co može sie to przeciepnôńć na kônkret profit we postaci wielości na welunku.

progu XXI stulecia nastąpił boom użycia śląscczyzny na przedmiotowych stronach internetowych, a przde wszyjskim na forach, blogach i w korespondencji emailowej.

W roku 2003 powstała Narodowa Oficyna Śląska (NOŚ), która jako Pierwsza programowo wydaje publikacje po śląsku, oraz o sprawach śląskich po polsku i niemiecku. Trzy lata później NOŚ rozpoczęła publikację pierwszego śląskojęzycznego periodyku, *Ślōnsko Nacyje*, w której teksty ukazują się również po polsku. Również w roku 2006 zainicjowano Śląską Wikipedię¹, którą oficjalnie przyjęto do grona uznanych Wikipedií dwa lata później. Obecnie stanowi ona największy zbiór tekstów zapisanych po śląsku. Również w 2008 roku powstały dwie organizacje mające na celu wspieranie rozwoju śląscczyzny, mianowicie, Pro Loquela Silesiana oraz Tôwarzistwo Piastowaniô Ślōnskij Môwy «Danga».

Wcześniej, bo juž w roku 2007, grupa inicjatywna skupiona wokół NOS doprowadziła do uznania śląscczyzny za język na gruncie miedzynarodowym. Dokonano tego poprzez użyskanie kodu klasifikasiacyjnego *szl* dla języka śląskiego w ramach normy ISO693-3. Politycy regionalni nie mogli nie zauważyc rosnącej akceptacji dla języka śląskiego na Górnym Śląsku i w świecie. Dlatego niektórzy, miast ignorać lub przeszkaďać dążeniom kulturowo-językowym Ślązaków, postanowili wspierać te dążenia, słusznie uważając, że może się to przełożyć na konkretny zysk w postaci głosów w wyborach.

We 2008 roku, ze inicjatywy ZLNS i Śląskiego Uniwersytetu, przy spōmoganiu wicemarszałka Synata Polski Kris-ty Bochynek, zrychtowano piyrwo we geszichtze kōnferyencyjo poświyencōno sztandardyzacyji ślōnski godki.

Konferencyjo ta bōla we geszichtowym chalpie Sejma Śląskiego² we Katowicach. Rok potyn bōla w tym samym placu podano piyrwyj kōnferyencyjo, na kerej ôznomiōno sztandardt kanōna szrajbowanjo ślōnski godki. Zarozki potyn, w roku 2010 Pro Loquela Silesiana i NOŚ wydały dwa ślabikorze ślōnski godki przipasowane do elematyntar szkołow na Wyrchnym Ślōnsku³. Noleży tyż nadmiynić, co w latach 2007–2010 NOŚ wydała przestronny zbornik polsko-ślōnski na 27 tałzynōw wortōw⁴, kerego ôstatni (trzeci) tōm wyloz już we sztandardt szraj-bunku⁵.

Czissowa, Zabrze a Sapporo
Februar a Juni 2011

W roku 2008, z inicjatywy NOŚ i Uniwersytetu Śląskiego, przy wsparciu Sejmiku Śląskiego, zorganizowano pierwszą w historii konferencję poświęconą standaryzacji języka śląskiego.

Konferencja ta odbyła się w historycznym budynku Sejmu Śląskiego² w Katowicach. Rok później odbyła się w tym samym miejscu podobna konferencja, na której przyjęto reguły standardej ortografii języka śląskiego. Idąc za ciosem, w roku 2010 Pro Loquela Silesiana i NOŚ wydały dwa elementarze języka śląskiego przeznaczone do szkół podstawowych na Górnym Śląsku³. Należy też nadmienić, że w latach 2007–2010 NOŚ wydał obszerny słownik polsko-śląski⁴, którego ostatni (trzeci) tom ukazał się już w standardowym zapisie⁵.

Czissowa, Zabrze i Sapporo
luty i czerwiec 2011

UWAGI

¹ Ślūnsko Wikipedyjo. URL: <http://szl.wikipedia.org/wiki/%C5%9Al%C5%A1nskoWikipedyjo>.

² We okresie pojstrzódwojynnyj Polski Sejm Śląski bōł nojwiyngszym stanicielem zakōnōw Autonomicznego Województwa Śląskiego, kere zrychtowano ze tych tajli Wyrchnego Ślōnska i Ślōnska Esterajchowego, kere ôstało dano Warszawie po I weltowej wojnie.

³ R. Adamus et al. *Gōrnoślōnski ślabikōrz*. Chorzów: Pro Loquela Silesiana: Towarzystwo Kultywowania i Promowania Mowy Śląskiej, 2010; B. Grynicz, A. Roczniok. *Ślabikorž ABC*. Tarnowskie Góry: Przymierze Śląskie a Zabrze: Narodowa Oficyna Śląska/ Ślōnsko Nacyjno Ôficyno, 2010.

² W okresie międzywojennym Polski Sejm Śląski był najwyższym ciałem ustawodawczym Autonomicznego Województwa Śląskiego, które utworzono z tych części Górnego Śląska i Śląska Austriackiego, które przekazano Warszawie po I wojnie światowej.

⁴ A. Rocznik. *Słownik polsko-śląski/ Zbiorник polsko-ślůnski*. Zabrze: Narodowa Oficyna Śląska/ Ślônsko Nacyjno Ôficyno, 2007–2010.

⁵ A. Rocznik. *Słownik polsko-śląski/ Zbiorник polsko-ślônski (tom 3: R-Z)*. Zabrze: Narodowa Oficyna Śląska/ Ślônsko Nacyjno Ôficyno, 2010.

T. Kamusella, A. Rocznik. Sileesia keele standardiseerimine

Artiklis kirjeldatakse sotsiolingvistilist olukorda Sileesia Poolale kuuluvas osas. Autorid pöörduvad sileesia kirjakeele loomiskatsete ajaloo poole, aktsenteerides küsimuse tänapäevast olukorda. Artikkel on kirjutatud paralleelselt sileesia ja poola keeles.

Klaus Steinke
Erlangen – Kraków

GORANISCH
(Idiom einer slavischen Minderheit in Albanien)

Slavic minorities in Albania – Goranisch – Našinski – mikro literary language

Als Aleksandr D. Duličenko 1981 seine bekannte Monographie über die vischen «Kleinstschriftsprachen»¹ veröffentlichte, waren die Voraussetzungen für die Erstellung eines möglichst vollständigen Inventars der betreffenden slavischen Varietäten noch sehr ungünstig. Und das nicht nur, weil er mit seiner Arbeit weitgehend Neuland betrat und erst die Grundlage für die Beschäftigung mit diesem Phänomen schuf, sondern auch weil einige Gebiete mit slavischen Minderheiten für die Forschung verschlossen waren. Die Heimat der Pomaken in Nordostgriechenland lag im militärischen Sperrgebiet an der Grenze zu Bulgarien, und ebenfalls unzugänglich waren die Wohnsitze der slavischen Minderheit in Albanien. Immerhin konnte er in seiner jüngsten, bisher umfangreichsten und vollständigsten Übersicht über die slavischen Kleinstschriftsprachen, begleitet von zahlreichen Textbeispielen, etliche Ergänzungen vornehmen, und so wurde auch das Pomakische in Griechenland erfasst (Дуличенко 2004 II, 40–51). Allerdings fehlen dort weiterhin Angaben zu Albanien.

In einem von der Deutschen Forschungsgemeinschaft über mehrere Jahre geförderten Projekt haben Xhelal Ylli und ich eine umfangreiche Untersuchung über die verschiedenen slavischen Gruppen in Albanien durchgeführt und die betreffenden Gebiete besucht und dort Aufnahmen gemacht (Steinke-Ylli 2007, 458; 2008, 462; 2010, 474). Drei Bände zu diesem Projekt wurden bisher veröffentlicht, und der abschließende vierte Band wird voraussichtlich 2011 erscheinen. Die Goranen, auf deren Sprache im weiteren einzugehen sein wird, behandelt der dritte Band.

In Albanien leben mehrere, offiziell anerkannte nationale und ethnisch-kulturelle Minderheiten. Zur ersten Gruppe gehören die Griechen, Makedonier und Montenegriner und zur zweiten die Aromunen und Zigeuner (Bërxholi 2005, 165). Nicht erfasst werden indessen die slavopho-

nen Muslime in Golloborda und Gora sowie in Borikaj. Die Angehörigen der verschiedenen südslavischen Gruppen leben teils in ziemlich kompakten Siedlungen zusammen, teils vereinzelt unter Albanern.

Untersucht haben wir in unserem Projekt fast ausschließlich die noch geschlossenen slavischen Siedlungen, die sich freilich sowohl in ihrer Geschichte wie auch sprachlich erheblich voneinander unterscheiden und verschiedenen südslavischen Mundartarealen zuzuordnen sind. Insgesamt gibt es fünf Gebiete mit einer relativ kompakten und homogenen slavischen Bevölkerung:

1. in Südostalbanien das *Prespagebiet* mit neun Dörfern sowie Resten in *Vërnik* und *Boboshtica* in ihrer Nachbarschaft,
2. in Mittelostalbanien das *Gollobordagebiet* mit fünfzehn Dörfern sowie Resten in *Herbel* und *Kërçishti i Epërm*,
3. in Nordostalbanien das *Goragebiet* bei Kukës mit neun Dörfern,
4. in Nordwestalbanien das *Vrakagebiet* bei Shkodra mit wenigen verstreuten Resten,
5. in Mittelwestalbanien das Dorf *Borakaj* bei Durrës.

Die Makedonier am Prespasee und die wenigen bei Shkodra verbliebenen Montenegriner wurden schon zu kommunistischer Zeit als nationale Minderheiten anerkannt und haben bzw. hatten ihre eigenen Schulen. Die anderen drei Gruppen, die fast ausschließlich muslimisch sind, wurden bisher nicht als besondere nationale oder ethnische Entität betrachtet. Mittlerweile haben allerdings die Bosnjaken in Borakaj auch Minderheitenstatus. Ferner gibt es bei den slavophonen Muslimen in Golloborda und Gora ebenfalls Bestrebungen, als Minderheit anerkannt zu werden. Im besonderen Maße trifft das für die Goranen im Bezirk Kukës im Nordosten Albaniens an der Grenze zum Kosovo zu.

Die Situation der Goranen weist einige Besonderheiten auf. Sie sind durch die Grenzziehungen zu Beginn des 20. Jh. in zwei Gruppen geteilt worden. Ein Teil von ihnen lebt auf der anderen Seite der Grenze in Kosovo, der andere in Albanien. In Exjugoslawien hatten sie serbische Schulen und ihre Mundart wurde vom Serbischen überdacht. Inzwischen hat man die Nomination der Unterrichtssprache zu «Bosnisch» geändert und muslimische Lehrer aus Bosnien und Herzegowina geholt. Die im Kosovo gesprochene Mundart hat R. Mladenović (2001) in seiner Doktorarbeit sehr ausführlich und gründlich beschrieben (Младеновић 2001). Der bis zum Zweiten Weltkrieg recht enge Kontakt der Goranen über die Grenze hinweg wurde nach dem Bruch zwischen Tito und Hoxha 1948

unterbrochen. Erst nach der politischen Wende Ende des 20. Jh. werden die Kontakte wiederbelebt und der kleine Grenzverkehr funktioniert wieder reibungslos.

Auf der albanischen Seite gibt es für die Goranen nur albanische Schulen, und die Verwendung ihres Idioms beschränkt sich auf die Familie und den dörflichen Alltag. Allerdings zeigen sich seit der politischen Wende Initiativen zur Stärkung der kulturellen Eigenart und auch zur Pflege der Sprache. Dazu gehören die Sammlung der Volkslieder und das vor kurzen erschienene monumentale Wörterbuch von Dokle (Dokle 2007). Nazif Dokle, der im Kulturleben der Bezirkshauptstadt Kukës eine leitende Stellung einnahm, stammt aus dem Goragebiet und hat sich um die Pflege der dortigen Kultur und Sprache sehr verdient gemacht und auch den Kulturverein «Gora» mitbegründet. Von ihm stammen nicht nur mehrere Volksliedsammlungen (Dokle 2000a; 2003), sondern sogar in der Mundart verfasste Gedichte (Dokle 2000b; 2004). Von grundlegender Bedeutung ist natürlich sein in Sofia erschienenes Wörterbuch des Goranischen, für das er mehrere Jahrzehnte das Material zugetragen hat. Mit diesem Opus magnum hat er sich und seinen Goranen ein Denkmal gesetzt. Ob es auch als Grundlage für die Kodifizierung einer weiteren Kleinstschriftsprache reicht, bleibt offen. Außerdem gibt es noch eine bisher leider nicht veröffentlichte Grammatik des vor einiger Zeit verstorbenen Professors Safet Hoxha von der Universität Shkodra.

Der *Rečnik goranski* oder auch *našinski* ist kein gewöhnliches deskriptives Wörterbuch der Mundart, sondern er verfolgt offensichtlich auch normative Absichten. Das wird sofort klar, wenn man sich die einzelnen Lemmata genauer anschaut. Bei den Substantiven werden in der Regel jeweils die drei Artikelformen angegeben: *narodot*, *narodov*, *nardon*. Diese Angabe ist fraglos als präskriptiv zu betrachten, da sie nicht der Sprachpraxis entspricht. Im Gegenteil, unsere Aufzeichnungen zeigen einen sehr ungeregelten Artikelgebrauch, der keine Norm erkennen lässt (Steinke-Ylli 2010, 274). Interessanterweise trifft diese Feststellung auch für die mit Dokle geführten Gespräche zu, der keineswegs immer den Artikel mit dem *t*-Suffix gebraucht und die beiden anderen Formen fast gar nicht benutzt.

Die Sprecher selbst bezeichnen sich als *Goranen* ‘Einwohner von Gora’ oder auch als *Našinci* ‘Unsrige’. Ihre Sprache wird von ihnen nur als *Našinski* und von den Albanern als *Goranče* bezeichnet. Sie wohnen in den folgenden Dörfern: Borja (*Borje*), Cernaleva (*Cărnolevo* / *Cărnelevă*),

Kosharisht (*Košarišta*), Oreshka (*Orešek*). Orčikla (*Óčikle*), Orgjost (*Or-gosta*), Pakisht (*Pakiša/ Pakišća*), Shishtavec (*Šištaec/ Šišteec*) und Zapod (*Zapod*). Insgesamt handelt es sich dabei um 6.000–7.000 Slavophonen. Die Frage nach der ethnischen Identität der Goranen ist schwer zu beantworten. Es gibt Verbindungen sowohl mit Serben, Makedoniern und Bulgaren wie auch mit Albanern und Aromunen. Die geschichtlichen Quellen sind zudem dürfzig, und die sonst wichtigen Merkmale für die Identitätsbestimmung wie Sprache und Konfession liefern ebenfalls keine eindeutigen Indizien. Daher gibt es mehrere Hypothesen über ihre Abstammung:

1. Es handelt sich ursprünglich um Serben.
2. Die Goranen sind Bulgaren bzw. Makedonier und eventuell Nachfahren der Bogomilen.
3. Die Goranen sind eine Mischung aus Illyro-Albanern, Aromunen und später hinzugekommenen Südslaven.
4. Die Goranen sind einfach slavophone Muslime bzw. Bosniaken.

Die Quellenlage ermöglicht bisher keine eindeutige ethnische Einordnung². Selbst die Zuordnung der Sprache zum Bulgarischen, Makedonischen oder Serbischen bleibt umstritten. Der Zustand der heute in Gora gesprochenen Sprache zeigt, daß sie überwiegend makedonische Sprachzüge trägt. Allerdings fällt bei einigen wichtigen Erscheinungen wie dem bestimmten Artikel, dem Perfekt usw. die abschließende Bewertung schwer. Die Goranen selbst nennen ihr Idiom einfach *Našinski* oder *Goranski*, und damit grenzen sie es von den anderen südslavischen Sprachen ab: *vo sélo se zbóri jézik góranski, jézik máterin já nášinski* (Steinke-Ylli 2010, 26).

Zur Schreibung des Goranischen wird in Albanien von den Angehörigen der Minderheit gewöhnlich das lateinische Alphabet, und zwar entsprechend der albanischen Orthographie verwendet (vgl. die Texte im Anhang). Das hat praktische Gründe, da alle Goranen heute zweisprachig sind und in der Schule Albanisch gelernt haben.

Das phonologische System des Goranischen weist Merkmale der westmakedonischen peripheren Dialektgruppe sowie einige serbische Einflüsse auf. Das Vokalsystem umfasst die sechs Vokalphoneme /i, e, u, o, ā, a/. Als Fremdphonem tritt in Wörtern albanischen und türkischen Ursprungs ferner /ü/ auf. Das Konsonantsystem der Mundart umfasst 26 Phoneme. Erhalten ist in einigen Fällen das / h/:

<i>stimmhaft</i>	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>g</i>	<i>g'</i>	<i>dz</i>	<i>dž</i>	<i>v</i>	<i>z</i>	<i>ž</i>	
<i>stimmlos</i>	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>k</i>	<i>k'</i>	<i>ts</i>	<i>č</i>	<i>f</i>	<i>s</i>	<i>š</i>	<i>(h)</i>
<i>Sonanten</i>	<i>m</i>	<i>n</i>		<i>n'</i>	<i>r</i>	<i>l</i>	<i>đ</i>			<i>j</i>

Die Morphologie des Goranischen zeichnet sich durch einen starken Analytismus im nominalen und durch Synthetismus im verbalen Bereich aus. Allerdings hat es sich durch deutliche Verfallserscheinungen sowie durch Mundartmischung erheblich vom balkanslavischen Modell entfernt.

Der postpositive Artikel — mit den Varianten *-ot/ -ov/ -on* und der gelegentlichen Kurzform *-o* —, ein typischer Balkanismus, wird nicht konsequent gebraucht, vor allem nicht alle drei Formen, wie es im Standardmakedonischen der Fall ist. Für die Verwendung der verschiedenen Suffixe lassen sich keine eindeutigen Regeln formulieren. Eine Interpretation des Zustandes bleibt schwierig. Generell ist der Gebrauch des Artikels im albanischen Teil von Gora unregelmäßig, und das System befindet sich entweder in der Auflösung oder ist noch nicht fest etabliert. Wahrscheinlich ist dieser Zustand auf eine häufige Dialektmischung zurückzuführen.

Der Dual ist als eigenständige Numeruskategorie geschwunden, hat aber in der Zählform der Maskulina seine Spuren hinterlassen. Für die mehrsilbigen Maskulina ist die Pluralendung überwiegend *-i*. Bei den einsilbigen Maskulina findet man sowohl die Endung *-i* wie auch *-ovi* mit Stammerweiterung, das nach dem Ausfall von *v* zu *-oj* kontrahiert wird. Allerdings sind manche einsilbigen Maskulina wie *put, kon, den* nur mit der Endung *-i* im Plural vertreten. Generell sind Schwankungen bei der Pluralbildung zu beobachten, und man trifft daher die erweiterte Endung gelegentlich bei mehrsilbigen Maskulina neben der regulären Endung *kili-mi/ kilimoj*. Der Plural der Feminina wird mit *-i* oder *-e* gebildet und der Neutra mit *-a*.

Im Formenbestand des Verbs zeigt das Goranische Übereinstimmungen mit dem Makedonischen. Nach der Präsensform lassen sich die Verben in die *a-, e-* und *i*-Klasse einteilen, von denen die Endungen der *a*-Klasse sehr produktiv sind und sich auf die beiden anderen ausbreiten.

Von den Vergangenheitstempora werden Perfekt und Aorist häufig und Imperfekt und Plusquamperfekt selten gebraucht. Perfekt wird überwiegend mit der Kopula und dem *l*-Partizip gebildet, während die neue Form des Makedonischen mit *imam* und dem *n*-Partizip kaum verbreitet ist. Auffällig ist ferner der Ausfall einiger Personalendungen, vor allem für die 1. Person Singular, im Aorist und Imperfekt. Die gemeinsame En-

dung für die 1., 2. und 3. Person Singular des Imperfekts lautet *-še: ja rá-bótaše vo báhća; a já siješe jónđza, a K'érím siješe pčénica* (Steinke-Ylli 2010, 118).

Das Perfekt kennt zwei Bildungsweisen: 1. mit dem Hilfsverb ‘sein’ und dem kongruierenden *l*-Partizip. (Da das *-l* im Silbenauslaut zu *-ă/ -v* wird, enden die Formen der Maskulina im Singular aufgrund der Auslautverhärtung auf *-f*), 2. mit den Hilfsverben *imam* und dem Partizip Präteritum Passiv. (Diese Form ist allerdings selten.)

Detailiertere Informationen über den augenblicklichen Zustand des Goranischen und die Situation der Goranen gibt unsere im Erscheinen begriffene Arbeit (Steinke-Ylli 2010).

BEMERKUNGEN

- ¹ Diese sehr adäquate Übersetzung schlägt P. Render (1998, 12) für den von A.D. Duličenko geprägten Terminus «литературный микроязык» als deutsches Äquivalent vor (Дуличенко 1981).
- ² Mladenović vermutet neben einer ursprünglichen serbischen Schicht eine jüngere makedonische sowie eine aromunische Schicht (Младеновић 2001, 49–53). Dokle geht vor einer vorslavischen Basis und einem bogomilischen Adstrat aus (Dokle 2002; 2009).

LITERATUR

- Bërxholi 2005 — A. Bërxholi. *Minoritetet në Shqipëri*. Tirana 2005.
- Dokle 1999 — N. Dokle. *Kukësi. Vështrim enciklopedik*. Tirana, 1999.
- Dokle 2000a — N. Dokle. *Горански народни песни*. Скопје, 2000.
- Dokle 2000b — N. Dokle. *Muke milje*. Prizren, 2000.
- Dokle 2002 — N. Dokle. *Për Gorën dhe goranët*. Prizren, 2002.
- Dokle 2003 — N. Dokle. *Iz narodne goranske proze. Nga proza popullore gorane*. Prizren, 2003.
- Dokle 2004 — N. Dokle. *Sveni bre ashik, sveni bre dusho*. Prizren, 2004.
- Dokle 2007 — N. Dokle. *Rečnik goranski (našinski) — albanski. Fjalor goranče (nashke) — shqip*. София, 2007.
- Dokle 2009 — N. Dokle. *Bogomilizmi dhe etnogjeneza e torbeshëve të Gorës së Kukësit*. Tirana, 2009.
- Hoxha 2002 — M. Hoxha. *Gora dhe goranët. Vështrim fizik, historic dhe etnokulturor*. Tirana, 2002.
- Rehder 1984–1985 — P. Rehder. *Slavische Mikro-Literatursprachen?* Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1984–1985, 27/28, с. 665–670.

- Rehder 1995 — P. Rehder. *Standardsprache Versuch eines dreistufigen Modells. Die Welt der Slaven XL*. München 1995, 2, S. 352–366.
- Rehder 1998 — P. Rehder (Hg.). *Einführung in die slavischen Sprachen*. 3. Aufl. Darmstadt 1998.
- Steinke-Ylli 2007 — K. Steinke Xh. Ylli. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA) 1. Teil Prespa — Vernik — Boboshtica*. Slavistische Beiträge. München, 2007, № 458.
- Steinke-Ylli 2008 — K. Steinke Xh. Ylli. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA) 2. Teil Golloborda — Herbel — Kërçishti i Epërm*. Slavistische Beiträge. München, 2008, № 462.
- Steinke-Ylli 2010 — K. Steinke Xh. Ylli. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA) 3. Teil Gora*. Slavistische Beiträge. München, 2010, № 474.
- Ylli 2007 — Xh. Ylli. *Sprache und Identität bei den slavischsprechenden Goranen in Albanien: 'Nie sme nasinci'*. The Pomaks in Greece and Bulgaria. A model case for borderland minorities in the Balkans. München, p. 193–200.
- Бояджиев 2007 — Т. Бояджиев. *Архаизми и иновации в диалектите на Гора и Голо Бърдо*. Българските острови на Балканите. София, 2007, с. 52–63.
- Дуличенко 1981 — А.Д. Дуличенко. Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин, 1981.
- Дуличенко 1998 — А.Д. Дуличенко. Языки малых этнических групп: статус, развитие, проблемы выживания. *Slavica Tartuensia IV: Языки малые и большие...* In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. Tartu 1998, с. 6–36.
- Дуличенко 2003–2004 — А.Д. Дуличенко. Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. I–II. Тарту, 2003–2004.
- Младеновић 2001 — Р. Младеновић. *Говор шарпланинске жупе Гора*. Београд, 2001.
- Селищев 1931 — А.М. Селищев. *Славянское население в Албании*. София, 1931.

K. Steinke. Goraani keel (Slaavi vähemuse idioom Albaanias)

Goraani keel, mida ei mainitud tema hiljutises samateemalises krestomaatias (Dulichenko 2004), on kindel kandidaat A. Dulichenko *Slaavi mikrokeelte nimekirja*. Pärrast kommunistliku režiimi langemist on etniliste ja keeleliste vähemuste uuringine Albaanias muutunud võimalikuks. Autor kirjeldab esmakordselt oma projektis erinevaid slaavlaste gruppide, mis endiselt riigi territooriumil eksisteerivad. Autor toob esile 5 piirkonda ja rühma: 1) ühekso küla Prespa järvest kagus; 2) viisteist küla Gollobordas riigi keskosas ning idapiiril; 3) ühekso Gora küla Kosovo piiri ääres; 4) mõned hajutatud asupaigas Shkordast põhja pool ja 5) Borikaj küla Durrës lähistel. Goraani keelt kõneleb umbes 6000–7000 inimest. Tuleb nimetada ka kirjalikke allikaid nagu rahvaluulekogumikke ja N. Dokle'i sõnaraamat (2007). Ülalnimetatud idioomi täieliku kirjeldus on koostanud Steinke-Ylli (2010).

Красимира Колева

Шуменски университет «Епископ Константин Преславски»

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРАНОВ В КОСОВО

Косово – этнографическая область Гора – гораны – миноритарная языковая и религиозная общность – болгарско-македонский диалект

На Западных Балканах происходят значимые социальные перемены, оказывающие сильное влияние на мультиэтническую языковую и культурную ситуацию. Конвергентные и дивергентные процессы типичны для Балкан. Они сопоставимы в различных его точках. В косовском ареале они предваряют их описание. Объект исследования — Косовская Гора — до сих пор стоял в стороне от комплексных научных проектов. Общность была изолирована на длительный период времени, что поддерживало центростремительные силы в языковых и культурных процессах. Ареал находится в сложной и динамичной контактной зоне, и ресурсы известных исследований, лишенные интердисциплинарного подхода, не являются достаточными. Опираясь на них, мы их расширяем, а кроме того мы работаем еще и с информантами всего социолингвистического спектра.

Культурно-языковая картина ареала Гора рассматривается как балкано-славянский социокультурный феномен, в котором закодирована ментальность *homo balcanicus*. Язык горанов представляет собой идиом маленькой славянской мусульманской общности западного балкано-славянского ареала в контактной зоне между тремя крупными автохтонными языковыми континуумами: албанским — на северо-западе, македонско-болгарским на юге и сербском на востоке. В диахроническом лингвистическом плане он связан с арумунским языком, а также и с турецким — в историческом контексте воспоминания о принудительной перемене конфессионального кода от христианства к гетеродоксной мусульманской практике.

Настоящая тема включена во все еще продолжающееся исследование в государствах этого динамически меняющегося балканского

мира, которое осуществляется с 2007 г. в Македонии, Сербии и в Косово. В данной работе представлены результаты научного проекта Шуменского университета «Этнополитика языка и языки политики на Балканах». Наши результаты сопоставимы с исследованиями автора статьи, посвященными общностям в Болгарии и в диаспоре. В осуществленных комплексных экспедициях на Западных Балканах акцент пал на общности с болгарскими корнями, но работа не ограничилась только ими. На основании собранного материала мы планируем обобщающую линию анализа процессов в категориях культурной антропологии (устные рассказы из личных и коллективных воспоминаний и документов носителей одного этнического (литературного) языка/ диалекта, в конкуренции с другими балканскими языками). Узкая социолингвистическая и диалектологическая проблематика с такой точки зрения интегрирована с параллельными процессами в литературе, средствах массовой коммуникации, искусстве и массовой культуре, что является новым в полевой практике. В октябре – ноябре 2009 г. в рамках проекта мы исследовали сегодняшнее состояние исторических славянских общностей в Республике Косово путем прямого диалога с представителями всех социальных и возрастных групп. Экспедиция была полностью осуществлена на территории всего Косово, где эти люди живут компактными группами, в виде островов (в анклавах) или где они вкраплены в косовское албанское море. По данным OSCE/ OCCE (Organization for Security and Co-operation in Europe) в Косово с 2005 г. проживает: албанцев — 92%, а сербов — 4%. Признанных меньшинств соответственно: бошняков и горанов — 4%, цыган — 1%, турок — 1%. (Первая официальная перепись населения в новом государстве еще предстоит в 2011 г.).

Гора расположена на территории Южного Косово — района со смешанным населением. Географически она находится в районе горы Шар, южнее Призрена, причем часть высокогорных деревень — в бассейне реки Призренская Бистрица. До большинства из них добраться трудно из-за особенностей ландшафта, неблагоприятных климатических условий и неразвитой инфраструктуры. Осенью и зимой люди спускаются главным образом в Призрен, где устроились их дети. Это слабо населенный район на границе с Македонией, при том единственной прямой связью с Тетово является сельская дорога через ущелье под вершиной Кобилица (2526 м). Физико-географиче-

ские особенности рельефа служили в историческом плане естественной защитой населения, но в экономическом плане в цивилизованном XX в. район еще больше маргинализировался. Хозяйство все еще связано с природными особенностями. Больше половины территории — это высокогорные пастбища, пригодные для овцеводства. Всемирно известна местная шарпланинская брынза. На ограниченных площадях развиваются фруктоводство и виноделие. Традиционное ремесло *строительство* — известная марка горанов, давно превратилось в «экспортное» для преобладающей части мужского населения.

Этнографическая область *Гора* в прошлом была закрытым этно-культурным ареалом и попадала в различные политические границы. До 1971 г. власти записывали население *турками*, после 1971-го включали его в *мусульманскую народность*, в период с 1996 по 1999 гг. для того, чтобы доказать мультикультурность Косово, оно было объявлено новым уникальным этносом — *горанцами* (на сербском). В местном говоре словообразовательный вариант звучит как *горани*. Позднее исламизирование населения на практике отрывает его от участия в национальных движениях на Балканах, которые сопровождались незатухающими миграционными процессами. В Горе перескаются две крупные культуры (христианская и мусульманская), все еще манипулятивно конфронтируемые в одном сильно политизированном общественном дискурсе, приведшем к серии кризисных событий в новой истории Западных Балкан. Гораны исламизированы. Они являются шиитами, что дополнитель но отрывает их по конфессиональному признаку. Албанцы называют их *торбешами*. В отличие от других славянских мусульманских общин на Балканах, они давно мигрируют по экономическим причинам. Целые роды установились на Балканах в Македонии, Сербии, Хорватии, Турции и Болгарии, а также и в ряде других странах на континенте, где они известны как кондитеры, мастера кебаба или строители. В своем районе они считаются знаменитыми овцеводами и разводят известную породу — *шарпланинскую собаку*. Также производят и продают холодное оружие. Их обычай хорошо сохранился. Общность собирается в день *Джурджевден* (6-го мая), чтобы отметить начало лета и сезон свадеб. Работающие вне деревни возвращаются, празднуются помолвки. Свадьба длится 5 дней, и в ней принимает участие вся деревня. Гораны маркируют свою территорию

организацией архитектурной среды. В деревне оформлен центр около мечети и общественных зданий. Дома построены и расположены иначе, чем албанские и сербские. Мужчины организуют сальную борьбу (*пехливанлык*) и конные скачки (*кушии*). Музыка, танцы и песни сохраняют свой славянский характер. Традиционные костюмы разнообразны, пестры, богато украшены и соответствуют суровому климату. Оформлен и новый сегмент в этом этнографическом пласте — эмигрантская одежда. Работающие вне деревни обязательно покупают фотоаппараты, и благодаря этому культура общности документировалась на протяжении всего XX в. (см.: Kosova 2007). Записана и значительная часть фольклорного словесного и музыкального наследия. Издаются и авторские произведения. Сегодня однако мы не располагаем синхронными данными о культуре и говорах в Горе, поскольку, как известно, политические границы разделяют ее после 1912 г. между Албанией и Сербией. В Албании и до сих пор общность не признана официально. Записи горанской речи и фольклора собирают и издают местные краеведы. Большой двуязычный словарь Назифа. Докле *«Reçnik goranski (nashinski) – albanski»* (Dokle 2007) окончательно закрепил уникальное, с точки зрения языковой классификации, самоопределение языка как *нашинского* (*нашински*), которое используется по всей территории Горы. Ареал нашинского субстандарта в Албании известен как *Кукъска Гора* по урбониму муниципального центра. Билингвальная языковая ситуация исследуется македонскими и болгарскими авторами (см.: Асенова 2005, 73–78; 2007, 45–51). Большая часть территории, обитаемой горанами, сегодня находится в Республике Косово. Административно она включена в округ с центром Призрен. В публичном пространстве известна как *Косовска Гора, Жупа и Подгор*, а в научных изданиях встречается как *Призренска Гора и Жупа*. Диалекты в Призренской Горе с центром Драгаш исследованы в конце прошлого века македонскими учеными (Видоески 1995) и сербскими лингвистами (Младенович 2001; Balkan Research 2007). В классических трудах и более новых публикациях, посвященных населению, культуре и языку/языкам в сегодняшнем Косово, Гору иногда упоминают, но полностью она не подвергалась исследованию. Причины наличия небольшого количества данных комплексны и часть, но объективны: район и сегодня труднодоступен, его этно-демографическая карта меняется, причем славянское население тает, а косовское албанское

значительно; в прошлом в горанских деревнях жило компактное население, сегодня же увеличивается число пунктов со смешанным населением. Растет албанское присутствие, уменьшается сербское; непрерывный до косовского кризиса этнографический и языковой континуум Горы уже нарушен албанским клином в районе Ополе, который отрывает Жупу и Подгор от Драгашкой Горы в Косово. Сегодня убавляющаяся горанская общность живет (с запада на восток) в соседних районах: Кукъска Гора (в Албании) и Драгашка Гора (в Косове), рядом с ней — населенное косовскими албанцами Ополе (в составе муниципалитета Драгаш) и районы Жупа и Подгор (в муниципалитете Призрен) с двумя типами деревень — с преобладающим пока гомогенным горанским населением (10) и смешанных (с сербским — 5, но уже и с албанским — 1. В статистических источниках горанская общность сегодня записано различным образом (в основном *бошняками* и *турками*). Причина этого кроется и в том, что после администрирования Косово со стороны УНМИК/UNMIK (United Nations Interim Administration Mission in Kosovo) в 1999 г. гораны в Жупе и Подгоре не только не получают обещанную административную самостоятельность, но и к большей и более населенной Драгашкой Горе присоединено албанизированное Ополе (муниципалитет, расположенный между Драгашкой Горой и Призреном с 1991 по 1999 гг.). Демографическое соотношение в муниципалитете Драгаш составляет 43% горанов и 57% албанцев. База НАТО с мандатом ООН КФОР/ KFOR (The Kosovo Force) в Драгаше является турецкой. Призренский муниципалитет находится под контролем немецкого контингента, в который входят турецкий и болгарский взводы. У компактной и закрытой общности в Горе появляются новые, значительно изменившиеся ареальные, демографические и языковые характеристики.

В мультиэтническом Косово тренд рождаемости доминирующей общности определяет динамику языковой ситуации и уже на протяжении полувека превращается в инструмент языковой политики. В Горе сожительство этносов базируется на конфессиональной основе. Паритетный принцип фактически не соблюдается в официальном двуязычии (албанский/ сербский), что является следствием гипердинамических демографических процессов и отсутствия сбалансированной языковой политики. Агрессивное присутствие иностранных средств массовой информации подкармливает почву для новых ми-

фов в сфере этнической и языковой самоидентификации населения, что отражается и на языковой ситуации. Отсутствуют три столпа, на которых стоит и консолидируется общность: *школа* на материнском (родном) языке, *духовный храм* со служением на понятном языке и *учреждения культуры*, сохраняющие и развивающие традиции. Чтобы получить образование, гораны должны выбирать между сербским и албанским языками обучения, которые меняются местами по признаку престижности и находятся в оппозиции друг к другу с точки зрения дальнейшей социальной реализации и доступа к высшему образованию. В Горе родной язык никогда не изучался. Это домашний патриархальный язык, чье применение молодыми людьми в век глобализации все более ограничивается. Это касается и внешней миграции, которая постоянно нарастает. В сельских школах языком преподавания является пока еще сербский. Гораны, которые мигрируют внутрь страны, говорят только по-албански. В 2006 г. Скопье безуспешно попыталось ввести македонский стандарт для «исламизированных македонцев», т. е. горанцев. Турецкий язык и бошняцкий конструкт тоже используются, что негласным образом признается, при этом ограничивается общение на сербском языке в анклавах. В региональных СМИ Горы появляются новые партнеры, например, Болгария при посредничестве «Deutsche Welle». Создаются культурно-просветительские общества. Формируется интеллигенция. Усиливается политическая активность путем вступления в коалицию с албанцами и бошняками. В новой действительности процветание зависит от владения албанским и английским языками. Билингвизм с сербским в качестве домашнего языка поддерживается, но и расширяется. Полилингвизм — на этапе домашнего языка (субстандарта) — сербского стандарта — албанского субстандарта, который скоро станет стандартом под давлением среды. У горан наличествуют условия для увеличения использования турецкого, который не является незнакомым, а также для изучения при желании болгарского языка. Это представляет собой предпосылку для возникновения дилюнгвии. Полностью утратились языковые контакты с арумунами, о которых в 1860 г. писал болгарский книжник Петко Славейков:

«В Прилете цинцарщина [арумунщина] так приклеилась к болгарщине, что, если взять да расклейть ее, то живое мясо надо рвать» (Славейков 1861).

Образованным горанам известны арумунские следы в ономастике (топонимии и антропонимии) (Idrizi 2008).

Перераспределение территории Западных Балкан в прошлом веке касается и Горы. Сегодня она расположена в двух государствах (Албании и Косово) и граничит на юге с Македонией, где в области Тетово находятся две деревни с переселенцами горанами. Кризис идентичности, характерный для конфликтного общества, уже является фактом. В Призренской Горе с 1971 г. гораны записывают себя как *мусульмане*, а с 1993 г. — как *бошняки* и *турки*. В конституции Косово 2008 г. общность признана меньшинством под именем *гораны*, но она не только не афишируется, но и все чаще мимикрирует, причем наблюдается ситуативное этническое самоопределение, в сочетании с языковым поведением би- и полилингвального типа (Колева 2011, 166–179). Колеблющаяся идентичность обязана и отсутствию общественно-социальных традиций, интеллектуальной и политической элиты. Показательно определение общностей в сербской науке амбивалентным *скривене мањине* ‘скрытые/ скрываемые меньшинства’. Для конфессиональной доминанты при заявлении этнической и языковой принадлежности наличествует много причин, причем серьезных. Некоторые из них связаны с социолингвистическим маркером престижности. Его можно толковать и как защитную реакцию в перманентно тяжелой кризисной экономической ситуации. Фактор выживания, по мнению наших информантов, стоит на первом месте. Кроме турецкого контингента, в Призренский округ вкладываются крупные турецкие инвестиции. Во время нашей экспедиции крупнейшее частное СМИ стало собственностью турецкой компании. Получивший работу в турецкой фирме неохотно и с требованием не-разглашения признается, что он горан, неохотно говорит, что он носитель диалекта. В конфессиональной среде появляются новые факторы, которые агрессивно влияют на идентичность и язык. В косовском конфликте на стороне албанской военной организации УЧК (Ushtria Çlirimtare d Kosovës/ Kosovo Liberation Army) участвуют вахабиты, и официальная исламская общность не дистанцируется от них, но в ее религиозной практике заканчиваются интенсивные процессы клерикализации, связанные с глобализацией. Кроме того, косовские албанцы — это не только мусульмане. В Призрене находится центральное представительство их католической деноминации. В Косово албанская идентичность демонстрируется не через конфес-

сиональные признаки и язык, а через рождаемость, показатели которой очень высоки, и, как следствие, через бурное строительство. Гораны опасаются, что появление арабских мусульманских училищ в их деревнях не только помешает развиваться местным школам, но и разъединит общность.

Материнский (родной) язык не только домашний, но его никогда и не изучали институционально. Население получает образование на других языках. Для эмигрантов родной язык тоже ограничен домом и подвергается интерференции. У родного языка аналитическая структура, но он сохраняет свои архаические особенности. Его носители делятся мнением, что есть небольшие различия между говорами в Драгашкой Горе и в Жупе, также как и между жупскими деревнями. Это основывается на естественных границах, воздвигаемых труднодоступным рельефом местности. Пожилые информаторы распознают языки, на которых говорят в Косово и в соседних государствах, и ориентируются в сходствах и различиях между ними. Они легко учат языки. Интернет позволяет молодым людям осуществлять современную коммуникацию, также есть возможность общаться на родном языке в эфире совсем новых местных и региональных средств массовой информации. **Гораны и горанский язык** — это понятия, нагруженные этноидеологическим смыслом во время проведения политики, сопровождающейся этнической чисткой. Поэтому общность самоопределяет себя по признакам, общим и ценностным для всех носителей, независимо от заявляемой в стране и заграничным паспортом эммигранта национальности. Мы принимаем определение этой миноритарной общности и соответственно ее говор по признакам, которые ее члены считают релевантными: *гораны* — как географический региональный маркер, связанный еще и с этнографическими особенностями; *нашинцы* и *нашинский* — самобытный балканский двойной код, указывающий на принадлежность к общности с одинаковым языком и одной и той же религией, в котором содержится пресуппозиция, что ни этническая, ни языковая, ни конфессиональная принадлежность, как комплекс признаков, не идентичны с другой общностью, причем они не могут быть афишированы. Концепт *наши човек* (*наше чедо/нашенец/ от нашите*) [*наши человек* (*наше дитя/наши-то/из наших*)] является в балкано-славянском ареале знаком как маркер принадлежности к этнорегиональной общности, чьи члены не живут непременно там, но у них один и тот

же материнский язык/ диалект. В разговорах с нашими информантами мы целенаправлено использовали болгарский стандарт. Хотя они и не всегда понимали нас полностью, что легко объяснимо, но называли *своими*. Это является убедительной языковой экспликацией ментальности *homo balcanicus* в оппозиции *свой ~ чужой*, в которой язык своеобразным способом занимает передовое место среди категорий, связанных с родовой/ этнической принадлежностью.

Исследование динамических процессов в этноязыковой и культурной ситуации на Балканах в конце XX и начале XXI вв. занимает ведущее, важное место среди современных научных приоритетов. При помощи таких научных программ, как балканистическая для «Малый диалектологический атлас балканских языков» (МДАБЯ/ Kleiner Balkansprachatlas) и контактно-лингвистическая программа EUROJOS, «Культурно-языковой образ мира славян и их соседей в сравнительном аспекте» («Językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów na tle porównawczym») и при использовании этно-лингвистической диалектологии, этимологии и когнитивистики, а также с включением ономастических данных, можно исследовать актуальные факты в этом языковом и культурном кotle — удачной метафоре для *Terra Balkanica*.

ЛИТЕРАТУРА

- Асенова 2005 — П. Асенова. *Архаизми и балканизми в един изолиран български говор* (Кукъска Гора, Албания). 10 години специалност «Балканистика». София, 2005, с. 73–78.
- Асенова 2007 — П. Асенова. *Бележки върху българските острови в Албания*. Българските острови на Балканите. София, 2007, с. 45–51.
- Видоески 1998 — Б. Видоески. *Дијалектите на македонски јазик*. I. Скопје, 1998.
- Колева 2011 — Кр. Колева. *Об языковой политике в Косово*. Власт и кодификация. Пловдив, 2011.
- Младенович 2001 — Р. Младеновић. Говор шарпланинске жупе Гора. Београд, 2001.
- Славейков 1860 — П.Р. Славейков. Смешний календар за нова година 1861. Цариград, 1860.
- Balkan Research 2007 — *Kosovo and Metohija. Living in the Enclave*. Belgrade.
- Dokle 2007 — N. Dokle. *Rečnik goranski (nashinski) – allbanski. Fjalor goran-çe (nashke) – shqip*. София, 2007.

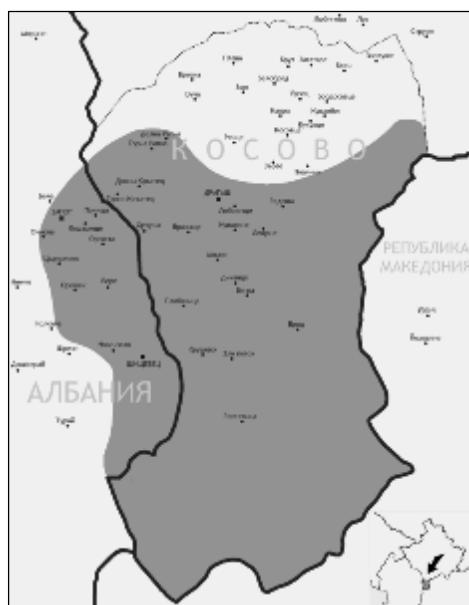
Gora dialect — *Gora dialect*. From Wikipedia, the free encyclopedia. URL: http://www.en.wikipedia.org/wiki/Gora_dialect.

Idrizi 2008 — S. Idrizi. *Aromunsko-vlaški tragovi u Gori*. URL: <http://www.archive.org/details/AromunskoVlaskiTragoviUGori>.

Kosova 2007 — P. Kosova. *Gora dhe veshja tradicionale e saj gjatë shekullit XX. Gora and its traditional costumes during the XX century*. Prishtinë, 2007.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Карта этнолингвистической области *Гора*

K. Koleva. Goraani kultuur ja keel Kosovo piirkonnas

Goraani rahvas on lõuna-slaavi vähemusrahvus ning nii nad end tõepoolest ka identifitseerivad. Nad on islami usku ning omavad rikast ja eripalgelist rahvakultuuri. Kogukond oli pikka aega isoleeritud, mis edendas tsentripetaalseid jõudusid keele- ja kultuuriprotsessides. Goraanlased kõnelevad bulgaaria-makedoonia murrakut, mis on tuntud kui «Nashinski» või «Goranski» ning mis kuulub suurema torlakaani dialekti alla. See informatsioon koguti 2009. a.

IV. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВ СЛАВИЙ

Svetla Čmejrková
Ústav pro jazyk český AV ČR

ČESKÁ JAZYKOVÁ SITUACE A TEORIE DIGLOSIE

Čeština – diglosie – spisovná čeština – obecná čeština – psaný jazyk

Česká jazyková situace bývá někdy označována jako diglosní. Říká se tím, že se v ní o souhrn komunikačních událostí dělí dva jazykové útvary, geneticky příbuzné, a střídají se celkem pravidelně, podle určitých pravidel. Tak charakterizoval diglosní jazykovou situaci Charles A. Ferguson v r. 1959. Podle Fergusona je diglosie

«relativně stabilní jazyková situace, v níž kromě původních dialektů (jež mohou zahrnovat standard nebo regionální standardy) existuje velmi divergentní a vysoko kodifikovaná (často gramaticky komplikovanější) nadřazená varieta, která je vyjadřovacím prostředkem rozsáhlé a respektované psané literatury, jež vznikla buď ve starším období, nebo v jiné řečové komunitě, je osvojována formálním vzděláním a užívána ve většině psaných projevů a ve většině formálních mluvených projevů, avšak není užívána žádnou součástí společnosti při běžné konverzaci» (Ferguson 1959, 336).

O jaký vyšší a nižší jazykový útvar podílející se na komunikaci v prostoru dorozumívání se čeština jde, to je zřejmě domácím mluvčím i cizincům učícím se česky: jde o spisovnou čeština na jedné straně a tzv. obecnou čeština na straně druhé. (Na Moravě a ve Slezsku je ovšem situace složitější, je tu třeba počítat s interakcí spisovné češtiny a místních nářečí, interdialektů nadnářečního regionálního charakteru, a teprve pak též obecné češtiny.) Termín diglosie vztahuje na českou jazykovou situaci zejména bohemisté zahraniční. Poprvé ji označil jako diglosní americký slavista Lew R. Micklesen (1978), dále např. Charles E. Townsend (1990), Adela Grygar-Rechzieglová (1990), Galina Neščimenko (1999, 2003), Laura Janda (2005), Neil. Bermel (2010) aj. Domácí bohemisté si ce aplikaci pojmu diglosie na českou jazykovou situaci nepopírají, ale uvažují vždy o korekcích, jež je vhodné při tom provést. Je to ostatně v souladu s teoretickým zápasem, který se v sociolinguistice o pojem diglosie svádí od doby, kdy Ferguson pojem diglosie formuloval. Od té do-

by vznikly ve světové lingvistice na tři tisícovky teoretických pojednání a případových studií (srov. Hudson 2002, 1–48), které se diglosií jazykových situací zabývají. K svému někdejšímu pojetí i studiím jiných lingvistů, které na něj navázaly, se Ferguson vrátil statí z r. 1991 (Ferguson 1991, 214–234). Nekladu si za cíl poskytnout tu přehled názorů na diglosii, uvedu jen, že diglosní jazyková situace je na jedné straně odlišná od situací, v nichž se na bilingvismu panujícím v daném společenství podílejí jazyky geneticky odlišné, a na druhé straně od jazykových situací, v nichž fungují vedle útvaru majícího status standardu jednotlivé lokálně omezené dialekty. Jednotlivé situace, jež vykazují nezpochybnitelné rysy diglosie, se případ od případu mohou lišit, nicméně právě analýza těchto variabilních manifestací je pro sociolingvistické teorie poučná.

V české lingvistice zvažoval aplikaci pojmu diglosie na českou situaci František Daneš již v r. 1988. Postupně probíral vztah spisovného jazyka, tj. vyšší variety (V), a obecné češtiny, tj. nižší variety (N), z hlediska jednotlivých parametrů diglosie a formuloval tyto závěry: (1) *podmínky příznivé pro vznik diglosie* — existence bohaté a společensky hodnotné literatury ve V, (2) *funkce* — N je vyloučena z jazykových projevů písemných s výjimkou soukromých dopisů, v oblasti promluv ústních je zřetelná distribuce, v médiích je situace pestrá a dochází tu k různému «mísení a přepínání kódů», přičemž společenské normy jsou dosti nejednotné, (3) *společenská prestiž* — vysoká prestiž V je vázána na literární dědictví, zatímco o N bývají vyslovovány pochybnosti, (4) *osvojování* — dítě si osvojuje přirozeným způsobem N, zatímco V je osvojována institucionálně, (5) *norma a kodifikace* — na rozdíl od normy V není norma N dostačně popsána a její kodifikace neexistuje, (6) *jednotlivé jazykové roviny* — ve *fonologii* V a N představují jediný celkový hypersystém; v *ortografii* existují jen pravidla pro V, zatímco N nemá ustálenou ortografiu; pokud jde o *gramatiku*, má N jednodušší formální morfologii, větší symetrii paradigm, méně kategorií vyjadřovaných morfologicky a omezenou kongruencí a rekci; pro *slovní zásobu* je charakteristická existence slovních dvojic téhož významu, ale různých stylistických hodnot, a také dublet náležejících V a N, přičemž slovní zásoba V je bohatší a slovník N expresivnější, (7) *stabilita* — zatímco diglosní situace v jiných společenstvích přetrvávají staletí, o české jazykové situaci se uvádí, že užívání «smíšeného kódu» v rámci N svědčí o jisté tendenci sbližovací.

Z uvedených parametrů české jazykové situace se v literatuře nejvíce probírají ty, jež jsou spjaty s distribucí obou variet, jejich funkcí a se sta-

bilitou či proměnlivostí takto charakterizované jazykové situace. Pozornost vyvolává otázka, zda je užití V a N skutečně jasně řízeno funkcí a zda je překrývání útvarů skutečně minimální. V situaci diglosie by to znamenalo, že ve většině komunikačních situací se hodí jen jedna varieta, kdežto volba «nesprávné» variety je sankcionována, uvádí čtenáře či posluchače do rozpaků, pisatele či mluvčího zesměšňuje apod. Ferguson charakterizuje důležitost užití správné variety ve správné situaci takto:

«Ten, kdo přichází do jazykové komunity zvenčí a naučí se mluvit plynou N a potom ji použije ve formálním projevu, je předmětem posměchu. Stejně tak je předmětem posměchu člen řečové komunity, který užívá V v čistě konverzační situaci nebo při nějaké neformální činnosti, jako je nakupování» (Ferguson 1959, 329–330).

V české jazykové situaci ovšem není užívání V a N takto přísně vymezeno a není vyhraněna ani recepce V a N v jednotlivých komunikačních situacích. Užívání V v konverzačních situacích není vyloučeno, patří-li V k samozřejměmu idiolektu mluvčího nebo jedná-li se o konverzaci na vyšší společenské úrovni, a stává se i to, že při konverzaci užívá jeden z mluvčích V a druhý N. Naproti tomu ani pro formální projevy neplatí v českém prostředí beze zbytku závaznost V: záleží opět na osobnosti mluvčího, pro jakou varietu se vzhledem ke konstrukci své řečové identity rozhodne, a záleží také na toleranci adresátů, jak volbu variety přijmou. Je tomu tak proto, že obecná čeština může být sice ve formálních situacích chápána jako znak nekultivovanosti, stylistické ledabylosti nebo předstírané lidovosti (srov. emblematické «mluvím, jak mi zobák narost»), ale jindy — v závislosti na osobnosti mluvčího a sympatiích k němu — také jako znak upřímnosti, srdečnosti a vřelosti. Situací a kontextů, v nichž lze uplatnit jak spisovnou, tak obecnou češtinu nebo jejich míšení, postupně přibývá, přičemž nejde jen o míšení v rámci N, ale především v rámci V (srov. Hoffmannová, Müllerová 2000, 102–111). V českém prostředí se setkáváme s tím, co je podle Fergusona pro diglosní situace typické, např. že člověk vyslechne formální projev ve varietě V a následně o něm mluví, často se samotným řečníkem, v N, nebo že člověk předčítá nahlas z novin ve varietě V a obsah zprávy diskutuje v N. Takové přepínání z variety V na varietu N je u českých mluvčích dosti běžné a většinou probíhá zcela nereflektovaně.

Ještě jedno Fergusonovo pozorování vyplývající z jeho analýz diglosních jazykových situací lze na českou jazykovou situaci vztáhnout bez obav, že její prožívání mluvčími zkreslíme. Pro jazyková prostředí,

v nichž se o komunikační situace dělí dvě jazykové variety nacházející se ve vztahu diglosie, podle Fergusona platí, že mluvčí považují varietu V za nadřazenou N:

«Někdy je tento pocit tak silný, že je za opravdovou považována jenom V a o N se říká, že „neexistuje“» (Ferguson 1959, 329–330).

Posuzuje-li se česká jazyková situace kritérii užívanými při popisu diglosní situace, vytváří se představa, že proti varietě V, tj. proti útvaru spisovné češtiny s její kodifikovanou normou, stojí nějaký stejně kompletní útvar N, označovaný jako obecná čeština. S touto představou se sice dá pracovat, vlastní popis této variety však není snadný, neboť její norma je živá, a tudíž i proměnlivá, teritoriálně, generačně, žánrově, situačně apod., a průniků obecné češtiny se spisovnou je pravděpodobně na všech jazykových úrovních více než oblastí, kterými jsou obě variety diferencovány. Právě prostupnost obou variet zpochybňuje diglosní interpretaci české jazykové situace. Koncept obecné češtiny je komplikovaný, v zásadě jej definovala již *Česká mluvnice* Bohuslava Havránka a Aloise Jedličky, totiž jako «původem český interdialekt», který «se vytváří na tomto podkladě ve vzájemných vztazích k ostatním českým nářečním skupinám a nověji také ke spisovnému jazyku jako běžná mluvená podoba češtiny vázaná především na oblast českou» (Havránek, Jedlička 1986, 481). (K řeči Moravanů v Praze srov. Willson 2010.) Podobně se s pojmem «obecné češtiny, útvaru původně interdialektického, dnes však — především v Čechách — všeobecně užívaného v běžné mluvě» vyrovnala také na Moravě vzniklá *Příruční mluvnice češtiny* (PMČ 1995, 93). Pozoruhodné je, že termín *obecná čeština* nevešel do obecného povědomí uživatelů češtiny, přestože s ním po desetiletí pracují jak bohemisté domácí, tak zahraniční (ti zahraniční zpravidla pod označením Common Czech, případně Colloquial Czech, (srov. Sgall et al. 1992, Eckert 1993 aj.). Přehled prací, které s termínem obecná čeština pracují, a zejména analýzu významů, v nichž tento termín užívají, podává Marie Krčmová (Krčmová 2000, 63–77). Není jisté, zda lze obecnou čeština chápat jako «soubor prostředků», budu nicméně vycházet z předpokladu, že čtenář si usouvzažní výroky typu *pěknej dům a votočil se k němu zádama* s obecnou češtinou a výroky typu *pěkny dům a otočil se k němu zády* s češtinou spisovnou.

Distribuce jazykových variet: situace v psané komunikaci

V psaném textu je spisovná čeština vnímána jako útvar samozřejmý, jak o tom svědčí užití v odborné a vědecké literatuře, např.

*Motivovaná slova označující abstraktní pojmy, která nejsou uvedena ve slovnících ani nejsou známa badateli, ale jsou doložena v korpusech či na internetu v nízkých, avšak nikoli zanedbatelných frekvencích, lze pokládat za objektivní languově-parolovou hodnotu, s níž lze operovat ve výzkumech a teorických slovotvorné produkтивitě. (František Štícha. *Korpusové statistiky a slovotvorná produkтивita*. F. Štícha, J. Šimandl (eds.). Gramatika a korpus, Grammar & Corpora 2005. Praha, 2006, s. 251).*

v právních textech, např.

Předmětem daně je ... pořízení zboží z jiného členského státu Evropské unie (dále jen «členský stát») za úplatu, uskutečněné v tuzemsku osobou povinnou k dani nebo právnickou osobou, která nebyla založena nebo zřízena za účelem podnikání, a pořízení nového dopravního prostředku z jiného členského státu za úplatu osobou, která není osobou povinnou k dani... (Zákon o dani z přidané hodnoty. URL: <http://zakony-online.cz>).

v administrativních písemnostech, např.

Zasíláme Vám pravidelný měsíční výpis z Vašeho účtu a výběr aktuálních informací o programu OK Plus a Českých aeroliniích. V případě jakýchkoliv dotazů kontaktujte servisní středisko OK Plus. Přejeme Vám příjemný let za Vašimi cíli v r. 2009. Váš tým OK Plus.

ve zpravodajství a většině publicistických textů, např.

Projekt budovy Národní knihovny nedávno zesnulého architekta Jana Kaplického podpoří manifestace, která se bude v Praze konat 5. února. Přesné místo pořadatelé, kteří se zorganizovali na síti Facebook, oznámí poté, co pražský magistrát konání akce potvrdí. (URL: <http://www.novinky.cz/clanek/159243-v-praze-se-5-unora-bude-manifestovat-za-kaplickeho-blob.html>).

v části současné beletrie, např.

*Stoupal jsem s těžkým kufrem do stráne, spěchal jsem zkratkou k nádraží a pod nohy se mi začaly motat círy a hadovité útržky mlhy a přibývalo jich, jako kdybych se každým krokem přibližoval k jakémusi obrovskému a nacpanému mlžnému seníku. (Jiří Kratochvíl. *Balada z mlhy*. Má lásko, postmoderno. Brno, 1994, s. 10).*

Vybrala jsem tu úryvek z knížky moravského autora a nelze se nezamyslet nad otázkou, nakolik regionální jazykové zázemí spisovatele ovlivňuje

jeho výběr jazykové variety. V části beletrie se totiž rozšiřuje i čeština nespisovná, nejčastěji obecná (Mareš 1995, 233–240; 1996, 179–182; 2004a, 341–344; 2008, 111–123; Čmejrková 1997b, 114–132). Její užití v umělecké literatuře nelze poměrovat kritériem náležitě či nenáležitě volby «správného» či «nesprávného» útvaru, neboť odklon od neutrálního vyjádření je tu výrazem fokalizace, tj. autorské hry s hlediskem postav i samotného vypravěče, jejichž idiolekt, tedy jak idiolekt postav, tak samotného vypravěče, je předmětem zobrazení.

Výrazným příkladem vyhrocené nespisovnosti jsou prózy Petry Hůlové, která upoutala jazykovou uvolněností hned svojí první prázou *Paměť mojí babičce*:

Hustý dlouhý vlasy mladých holek by měly bejt chráněný. Stejně jako jsou horský kamzíci nebo klášter v Erdeni-dzú. Hloupý holky nevěděj, co je správný a co ne, hned se do něčeho poblázněj, a pak pláčou. Každej druhej den přišla nějaká, která chtěla krátký, a pak, přes ramena ještě igelitové plášt' a v ruce teply mince, dala se do usedavého breku a my ji museli vyvist. To byla taky moje práce. Ríkat, že je to dobrý, a konejšit jí vyměšlením. (P. Hůlová. *Paměť mojí babičce*. Praha, 2002, s. 96).

Platilo-li ještě v první polovině 20. století, že kritériem jazykové správnosti je jazyk dobrého autora, normy správnosti bychom dnes v beletrii ne-našli. S tím, jak literatura stírá rozdíly mezi autorskou řečí a řečí postav, dochází v jejím jazyce k mnoha míšením. Textovým lingvistům nezbývá než konstatovat jazykovou a stylovou nespoutanost, neomezené experimentování s hybridizací vysokého a nízkého, spisovného a nespisovného na ploše jedné promluvy. Často se podmíněnost výrazu obsahovým zá-měrem odhalit dá, ale mnohdy ne. Stane se, že je analytik hned na počátku interpretační práce zastaven samotným autorem, který prohlašuje své záměrně nepravidelné zacházení s morfologií slov a jejich stylovými charakteristikami za nemotivované. Jáchym Topol si v doslovu k románu vymrazuje právo na kolísání ve výběru spisovných a nespisovných tvarů v zájmu vlastní poetiky a jazykové hry, proti starému jazyku staví Topolův vypravěč *jazyk svuj, živej, tajnej a otevřenej*:

Tehdy jsem tam, lovci a náčelníci, psal knihu, psal jsem ji už jen vlastními slovy, byl jsem v pasti, tak jsem kašlal na to, jestli je ta kniha hygienická... vysel mi z toho, sestry a přítelkyně, blíbol, bábel a babylón... ale psal jsem už svým vlastním otročím jazykem... abych už nebyl otrok... ale bylo mi to tak silný, že sem moh nebejt... sekal jsem do jazyka a hladil ho a on mi to vracel, muj jazyk mi byl živej. A je to tajnej a otevřenej jazyk... (J. Topol. *Sestra*. Brno, 1996, s. 168).

Mimetičnost beletrie může vykonávat tlak i na jiné žánry, v nichž je užití obecné češtiny motivováno snahou navodit zobrazením spontánní řeči blízký a neformální vztah k čtenářům, zpravidla mladým (srov. k tomu Hoffmannová 1996, 195–200; Mareš 2007, 37–47), sdílet s nimi jejich zájmy, hodnoty a chování, včetně jazykového. Tvůrce textu dává najevo, že hovoří stejným jazykem jako cílová skupina čtenářů, a tím na ni také nejpříměji apeluje. Nejpříznačnější je tato strategie pro reklamní komunikáty (Čmejrková 2000). Kolokviální čeština má minimalizovat vzdálenost k oslovenému auditoriu a navodit intimní kontakt. Za předpokladu, že jsou reklamy tohoto typu orientovány na mladší věkové skupiny, mohou tyto reklamy rozvíjet to společné, co mezi vysílateli a příjemci je, totiž neformálnost, uvolněnost, bezprostřednost. Ovšem na jiné sociální a věkové skupiny působí zřejmě takové reklamy spíše způsobem šokujícím. Jejich jazyk a komunikační strategie využívají někdy češtinu opravdu expresivní, tvrdou, až vulgární:

BONTON. Hrajeme na plný kule. BONTON. Od teď na plný kule.

PEPSI. Osvěž si vohoz. PEPSI. Nalej si to do uší. PEPSI. Dej si Pepsi a vodjed'.

Co tedy vnáší do psané komunikace čeština nespisovná? Odklon od spisovné češtiny v psané komunikaci signalizuje blízký a neformální vztah pisatele a adresáta, jak tomu již dříve bývalo v soukromé korespondenci. Zdeňka Hladká, která se věnuje analýzám tohoto žánru, konstatuje:

«Jazyk soukromé korespondence je v důsledku přátelského neformálního vztahu jejích účastníků blízký konverzačnímu stylu běžné mluvy. Paralely je možno vidět mj. v neoficiálnosti projevu, ve skryté dialogičnosti, v upřednostnění kontaktové funkce a také v relativní volnosti výběru jazykových prostředků. Odraz běžné mluvy v soukromé korespondenci se zvláště v poslední době a zejména v dopisech mladých lidí projevuje mj. vztřústajícím pronikáním nespisovných prvků. Tradiční sepětí psanosti se spisovností stále více ustupuje síle funkčního spojení soukromosti (neoficiálnosti) s nespisovností» (Hladká 2005).

Dodejme, že s příklonem k mluvené nespisovnosti, již ovšem v psaném textu chybí zvuková realizace, souvisí často odklon i od ostatních vypracovaných norem psaného jazyka. To můžeme nejlépe pozorovat na příkladu soukromé elektronické komunikace:

Ahoj radku tak jsem se zase po case dostal na net a nasel jsem tu meila od tebe. Musím uznat ze me potesil. Do Prahy se ted nechystam neb pomalu ale jistě mi konci semestr a tak dodelavam všechny seminarky a ucím se na pi-

semky a do toho diplomka no co ti budu povidat vsak jsi to sam zazil na vlastní kuzi. Co se tyka fotek tak jsem dopadl jak hubkar neb mi sice Matej vše vypalil ale to CD je poskrabany takže mam slovy devet fotek z celyho ceda takže pokud by to neak slo tak mi prosím ty fotky neak posli at me to take dojme...

S nástupem technologicky podmíněné komunikace, umožňující navodit blízký kontakt vzdálených pisatelů a simulovat rozhovor tváří v tvář, nastává tak velký nárůst situací, v nichž se uplatňuje obecná čeština v psané podobě, že je s psanou verzí obecné češtiny třeba rozhodně více v bohemistice počítat; tomu také odpovídá množství publikací věnovaných tomuto jevu (srov. Čmejrková 1997a, 114–132; 1999, 113–126; 2006a, 4–15; Hoffmannová, Müllerová 1999, 55–63; 2000, 102–111; Hoffmannová 2000, 154–163; 2003, 57–70; Uhlířová 1994, 273–282; Jandová a kol. 2006; Jandová 2007).

Hře s výrazovým účinkem «jiného» idiolektu na pozadí očekávaného neutrálního spisovného vyjádření se ovšem nevyhýbají ani jiné psané texty, dokonce občas ani ty, jež se stýkají s žánry odbornými a vědeckými (srov. Mareš 2004b, 332–339; 2007, 37–47). Zobrazení nespisovného autorského, resp. vypravěčova idiolektu, jímž může být obecná čeština, ale i jiná varieta, např. moravský dialekt, je v kontextu psaného odborného vyjadřování samozřejmě ojedinělým, a o to překvapivějším aktualizačním postupem; tento postup, spočívající v nasazení si masky naivního prostřáčka, jen částečně prozrazujícího erudovanost a obeznámenost s «náležitou» vědeckou akribií (v tomto ohledu se jednotlivé texty využívající zmíněnou perspektivu liší), patří do oblasti mystikační hry s čtenářským očekáváním.

Další typ psané manifestace obecné češtiny, který dynamizuje relativní stabilitu výchozí distribuce V a N a posouvá ji směrem k rostoucí intervenci obecné češtiny do psané sféry, nacházíme v publicistice (Čmejrková 2006b, 47–63; Hoffmannová 1996, 195–200; Müllerová 2004, 198–203). Začíná se tu prosazovat praxe, která dříve běžná nebyla, uveřejňovat novinová a časopisecká interview s lidmi, jejichž idiolekt je založen na preferenci obecné češtiny, v podobě zachovávající rysy jejich běžné mluvy, nebo je alespoň naznačovat (záleží na osobě tazatele, možná i na přání tázaného a na normách příslušné tiskoviny). Snahu navodit v psaném textu dojem spontánnosti je opět třeba posuzovat v kontextu vývoje současných médií, nejen tištěných.

Srov. např. rozhovor s punk-rockovým zpěvákem a skladatelem Lou Fánkem Hagenem ze skupiny *Tři sestry*:

- ID *Jak byste charakterizoval Sahulův život?*
 LFH *Byl šílenej. Sahulu nezajímal, že má všude dluhy, nevadilo mu to. Když prohlásil, že je v prdeli, tak to znamenalo, že je zamilovanej... Vždycky zareagoval po svým.*
(Mívám noční můru, snad letos umřu, iDNES 10. září 2008).

Závěrem. V 80. letech 20. stol. bylo možné konstatovat, že obecná čeština je vyloučena z jazykových projevů písemných s výjimkou soukromých dopisů a vzkazů a tato formulace vystihovala situaci (snad se zmíněnou rezervou pro beletrie). Sféra užití obecné češtiny v (nejen) psaném textu se od té doby rozšířila. Při posuzování distribuce vyšší a nižší variet češtiny, její motivace, funkce a efektu, je ovšem třeba se zamýšlet i nad tím, do jaké míry je volba «překvapivé», «nečekané», «nesprávné» variет výsledkem neadekvátního jazykového chování či nereflektovaného mišení a kdy je výsledkem záměrných, ozvláštňujících metajazykových operací s kódem, který takové jazykové hry díky svému rozčlenění dovoluje.

LITERATURA

- Bermel 2010 — N. Bermel. *O takzvané české diglosii v současném světě. Slovo a slovesnost*. Praha, 2010, 71, s. 5–30.
- Čmejrková 1997a — S. Čmejrková. *Čeština v síti: Psanost či mluvenost?* Naše řeč, Praha, 1997, 80, s. 225–247.
- Čmejrková 1997b — S. Čmejrková. *Jazyk literatury*. F. Daneš a kol. Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997, s. 114–132.
- Čmejrková 1999 — S. Čmejrková. *Czech on the Network: Written or Spoken Interaction?* B. Naumann (ed.). Dialogue Analysis and the Mass Media. Tübingen, 1999, s. 113–126.
- Čmejrková 2000 — S. Čmejrková. *Čeština v reklamě, reklama v češtině*. Praha, 2000.
- Čmejrková 2006a — S. Čmejrková. *E-čeština. Čeština doma a ve světě*. Praha, 2006, 1–4, s. 4–15.
- Čmejrková 2006b — S. Čmejrková. *Čeština mediální, mluvená a psaná*. Přednášky z 49. běhu Letní školy slovanských studií. Praha, 2006, s. 47–63.
- Daneš 1988 — F. Daneš. *Pojem «spisovného jazyka» v dnešních společenských podmínkách. Jazyk a text. Výbor z lingvistického díla Františka Daneše I, část 2*. Praha, 1999, s. 289–296.
- Eckert 1993 — E. Eckert (ed.). *Varieties of Czech. Studies in Czech Sociolinguistics*. Amsterdam, 1993.

- Ferguson 1959 — Ch. A. Ferguson. *Diglossia*. Word, New York, 1959, 15, s. 325–340.
- Ferguson 1991 — Ch.A. Ferguson. *Diglossia Revisited*. Southwest Journal of Linguistics, Edinburg – Texas, 1991, 10, s. 214–234.
- Grygar–Rechziegel 1990 — A. Grygar-Rechziegel. *On Czech Diglossia*. M. Grygar (ed.). Czech Studies. Literature, Language, Culture. Amsterdam, 1990, s. 9–29.
- Havránek, Jedlička 1986 — B. Havránek, A. Jedlička. *Česká mluvnice*. 6. Vydání. Praha, 1986.
- Hladká 2005 — Z. Hladká a kol. *Čeština v současné soukromé korespondenci. Dopisy, e-maily, SMS*. Brno, 2005.
- Hoffmannová 1996 — J. Hoffmannová. *Mluvenost, nespisovnost a psaný text (v publicistice)*. R. Šrámek (ed.). Spisovnost a nespisovnost dnes. Brno, 1996, s. 195–200.
- Hoffmannová 2000 — J. Hoffmannová. *Rodinné mailování*. Princípy jazyka a textu. Bratislava, 2000, s. 154–163.
- Hoffmannová 2003 — J. Hoffmannová. *Čeština v současné soukromé korespondenci (dopisy, e-maily, esemesky)*. Přednášky z 46. běhu Letní školy slovanských studií. Praha, 2003, s. 57–70.
- Hoffmannová, Müllerová 1999 — J. Hoffmannová, O. Müllerová. *Ein Privatbrief auf E-mail: immer noch ein Brief oder eher eine Plauderei?* B. Naumann (ed.). Dialogue Analysis and the Mass Media. Tübingen, 1999, s. 55–63.
- Hoffmannová, Müllerová 2000 — J. Hoffmannová, O. Müllerová. *O českém míšení*. K. Buzássyová (ed.). Človek a jeho jazyk. 1. Jazyk ako fenomén kultúry. Bratislava, 2000, s. 102–111.
- Hudson 2002 — A. Hudson. *Outline of a Theory of Diglossia*. International Journal of the Sociology of Language, Berlin, 2002, 157, s. 1–48.
- Janda 2005 — L. Janda. *Czech. Encyclopedia of Language and Linguistics*. Vol. 3. Oxford, 2005, s. 339–341.
- Jandová a kol. 2006 — E. Jandová a kol. *Čeština na www chatu*. Ostrava, 2006.
- Jandová 2007 — E. Jandová. *Konverzace na www chatu*. Ostrava, 2007.
- Krčmová 2000 — M. Krčmová. *Termín obecná čeština a různost jeho chápání*. Z. Hladká, P. Karlík (eds.). Čeština — univerzálie a specifika 2. Brno, 2000, s. 63–77.
- Mareš 1995 — P. Mareš. *Spisovná a nespisovná čeština v umělecké literatuře. Spisovná čeština a jazyková kultura* 2. Praha, 1995, s. 233–240.
- Mareš 1996 — P. Mareš. *«Tajnej a otevřenej jazyk»*. Spisovnost a nespisovnost dnes. Brno, 1996, s. 179–182.
- Mareš 2004a — P. Mareš. *Podoby nespisovnosti v současné české próze*. E. Miňářová, K. Ondrášková (eds.). Spisovnost a nespisovnost. Brno, 2004, s. 341–344.

- Mareš 2004b — P. Mareš. *Hry na neformálnost. K neformálnímu vyjadřování v současných českých odborných textech*. Čeština: univerzália a specifika 5. Praha, 2004, s. 332–339.
- Mareš 2007 — P. Mareš. *Některé vývojové tendenze současné češtiny*. Přednášky z 50. běhu Letní školy slovanských studií. Praha, 2007, s. 37–47.
- Mareš 2008 — P. Mareš. *Mezi spisovnou a obecnou češtinou. K užívání jazyka v současné české próze*. Česká slavistika. Příspěvky k XIV. mezinárodnímu sjezdu slavistů. Slavia. Praha, 2008, 77, sešit 1–3, s. 111–123.
- Micklesen 1978 — L.R. Micklesen. *Czech Sociolinguistic Problems*. Folia Slavica, Columbus, Ohio, 1978, 1, 3, s. 437–455.
- Müllerová 2004 — O. Müllerová. *Ke spisovnosti a nespisovnosti v současné psané publicistice (novinová interview)*. E. Minářová, K. Ondrášková (eds.). Spisovnost a nespisovnost. Brno, 2004. s. 198–203.
- PMČ 1995 — *Příruční mluvnice češtiny*. Ed. P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová. Praha, 1995.
- Sgall et al. 1992. — P. Sgall, A. Stich, J. Horecký. *Variation in Language*. Amsterdam, 1992.
- Uhlířová 1994 — L. Uhlířová. *E-mail as a New Subvariety of Medium and its Effects upon the Message*. S. Čmejrková, F. Štícha (eds.). *The Syntax of Sentence and Text*. Amsterdam, 1994, s. 273–282.
- Townsend 1990 — Ch.E. Townsend. *A Description of Spoken Prague Czech*. Columbus, 1990.
- Wilson 2010 — J.A. Wilson. *Moravians in Prague. A Sociolinguistic Study of Dialect Contact in the Czech Republic*. Bern – Berlin – Bruxelles – Frankfurt am Main – New York – Oxford – Wien, 2010.
- Нещименко 1999 — Г.П. Нещименко. *Этнический язык: опыт функциональной дифференциации. На материале сопоставительного изучения славянских языков*. München, 1999.
- Нещименко 2003 — Г.П. Нещименко. *Языковая ситуация в славянских странах*. Москва, 2003.

S. Čmejrková. Tšehhi keele olukord ja düglossia teoria

Artiklis käsitletakse tšehhi keele olukorda, võrreldes selle aspektide nendega Asiiktidega, mis on tuvastatud diglossia puhul. Seda stimuleerib standartse tšehhi keele, mille kasutamine on nõutud formaalse/ametliku kontakti puhul, opositsioon selle erinevate mittestandardsete variatsioonidega, kus nn tava-tšehhi keelel on nende seas domineerival positsioonil (eelkõige Tšehhimaal, kus olukord erineb Moraaviast). Tava-tšehhi keele imbumine avalikesse tekstidesse, aga samal

ajal ka kirjalikesse tekstidesse, kus veel hiljaaegu eeldati standartse tšeesti keele kasutamist, muudab keeruliseks selle sirgoonelise pildi, mis tähistas kahe kaas-aegse tšeesti keele variatsioonide funktsioneerimist selgelt piiritletud aladel. Artiklis esitatakse kõnekeele tunnuste imbumist kirjatekstidesse: esiteks eesmärgiga stiliseerida neid kõnekeele moodi kunstipärasel eesmärkidel (nt kirjanduses); teiseks, kui ei soovita kaotada loomulikult esinevaid ütlusi (intervjuude toimeta misel) või kolmandaks, uue ajakirjanduse eksperimenteeriva loomuse tõttu (vestlused).

Ирина Валерьевна Абисогомян
Тартуский университет

НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕХИИ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ ОТРАЖЕНИЯ В СЛОВАРЕ

*Языковая ситуация в Чехии – национальное Возрождение – идея (вос)становления чешского языка – туристические тенденции по отношению к немецкому языку – анализ слов-концептов *Cech*, *český* ↔ *Němec*, *německý* в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна*

Оценка языковой ситуации в Чехии в период национального Возрождения и основная стратегия языковых преобразований

Как известно, будители избрали основным атрибутом, символом чешского национального Возрождения (далее — НВ) родной язык, который отождествлялся с нацией и, как и весь чешский народ (= язык, государство, культура), нуждался в «возрождении», под которым понималось различное для разных периодов НВ отношение к (вос)созданию языковых средств и функций на фоне нередко непримиримой борьбы прежде всего с немецким влиянием.

Несомненно, процесс германизации оказал негативное влияние на развитие чешского языка (см., напр.: Абисогомян 2002, 21–23). Однако было бы слишком категорично утверждать, что чешский язык находился в состоянии тяжелейшего кризиса или, более того, на грани исчезновения, тем не менее именно этот тезис в той или иной мере пропагандировался чешскими будителями. Этот кризис они совершенно обоснованно связывали с рядом прежде всего экспатионистических факторов: первоочередным стала потеря независимости чешским государством в 1620 г., а самыми печальными последствиями этого события — онемечивание чешской нации и постепенное уничтожение чешского языка, которое было остановлено только в эпоху НВ. Однако, напр., Г. Гладкова отмечает, что

«объективные исследования последнего времени (прежде всего имеется в виду работа: Starý 1995 — И.А.) доказывают, что функциональные из-

менения чешского НЯ (национального языка. — И.А.) <...> не представляли такой резкий или абсолютный спад, который был бы угрозой существованию самого чешского НЯ» (Гладкова 2001, 343; ср. также: Бобраков-Тимошкин 2004, 211; Гланц 2004, 241; Шимов 2005, 259–260).

При этом, конечно, нет оснований обвинять деятелей чешского НВ в искажении фактов, а необходимо иметь в виду, что процесс построения концепции национального, а соответственно и языкового Возрождения опирался на национально-патриотическую идеологию, на антагонизм между чешским и немецким, поэтому для обоснования своего подхода к проблеме развития, в частности, чешского языка выбирались такие факты из истории и современного состояния чешского общества и языковой ситуации на территории Чешских земель, которые подтверждали и подчеркивали все негативные последствия потери независимости Чешским королевством и результаты германизации чешского общества. Так, напр., Й. Добровский совершенно справедливо писал о трагических событиях, последовавших после 1620 г.:

«Битва у Белой горы в 1620 г. парализовала и ослабила как плоть, так и дух всей чешской нации. Из-за последовавшего переселения (resp. Эмиграции. — И. А.) некатоликов чехи были уничтожены, а после 30-летней войны вся страна была настолько опустошена, что патриотически настроенный иезуит Балбин по праву удивлялся, как вообще здесь еще могли остаться жители»¹ (Dobrovský 1955, 113).

С нескрываемой болью и негодованием тот же автор повествует об уничтожении «еретических» книг на чешском языке (Dobrovský 1955, 114–115, 121; ср. также, напр.: Thám 1918, 20); дает характеристическую оценку школьной реформе 1774–1775 гг.: с одной стороны, была введена многоуровневая система образования с обязательной начальной ступенью, но, с другой стороны, обучение в школах (resp. гимназиях) происходило на немецком языке «даже в тех местах, где говорили только по-чешски» (Dobrovský 1955, 122). С упреками и даже обвинениями в равнодушии к родной нации и языку обрушивается в адрес шляхты, напр., К.И. Там в своей «Заштите чешского языка» (Thám 1918, 18–19).

Таким образом, главным пунктом идеологической программы чешского НВ, который активно пропагандировался и со временем превратился в незыблемую истину, стала «эмансипационная борьба с немецкой культурой и установка на язык как основу культуры и

национальной идентичности» (Гланц 2004: 235; см. также Macura 1983, 42; Абисогомян 2009, 26–33).

Способы воздействия на адресат оценочного подхода к представлению лексики в словаре

Формирование подходов к (вос)созданию лексической системы чешского языка и способов ее отражения в словаре в эпоху НВ подчинялось основной стратегии языковых преобразований того времени и также не было лишено оценочности, направленной на программмирование соответствующего восприятия адресатом предложенной в словаре информации. С целью показать, что словарь не только информировал, но и «направлял» (т.е. являлся закономерной частью как языковой, так и идеологической доктрины НВ), далее на некоторых примерах демонстрируются способы подобного оценочного представления лексики в словаре и основные приемы воздействия на адресат в этой связи². Главное национально-языковое противопоставление, на котором построена идеологическая программа чешского НВ, связано с этнонимами *чех* и *немец*. Рассмотрим, каким образом представлены эти лексемы и их производные в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна (Jungmann 1835–1839), одном из основных и успешно реализованных возрожденческих проектов, предложившем решение главной задачи по «возрождению» чешской нации посредством «возрождения» языка.

В «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна представлены:

1) слова, производные от *Čech*:

а) существительные — этнонимы *Čech*, *Čechák*, *Čecháček*, *Češka*, *Čechyně*, *Českyně*, *Češe*, *Češj*, *Čechové*; лингвонимы *čeština*, *češina*, *češtinka*; топоним *Čechy*, имена собственные *Čechoslaw*, *Čechowna*, *Čechyslawa*; обозначение для грамматики чешского языка *Čechořečnost*; б) прилагательное *český*, притяжательные прилагательные *čechůw*, *češčin*; в) наречие *česko*; г) глагол *češtiti*, *češteti*, *češtiti se* (I, 268–269, 287, 291)³;

2) слова, производные от *Němec*:

а) существительные — этнонимы *Němec*, *Němeček*, *Němčisko*, *Němčucha*, *Němka*, *Němkyně*, *Němkyňka*, *Němče*, *Němci*; лингвонимы *němčina*, *němčinka*; топонимы *Němce*, *Němčj*; отглагольное существительное *němčitel*; б) прилагательное *německý*; притяжательные прилагательные *němčj*, *němčíw*; в) наречие *německy*; г) глаголы *němčiti*, *němčeti*, *němčiti se* (II, 673–674).

Среди производных представлены две основные словообразовательные модели:

- а) суффиксация: *Čechák*; *Čecháček*; *Němeček*; *Češka*, *Němka*; *Němčisko*; *čeština*; *němčina*; *Němce*; *Němčej*; *český*; *německý*; *čechůw*, *němcůw*; *češčin*; *cesko*; *německy*; *češtiti*; *němčiti*; *němčitel*;
- б) сложение основ: *Čechoslaw*, *Čechyslawa*; *Čechořečnost*.

Исходя из выработанных Й. Юнгманном принципов представления лексики в словаре⁴, отражение получили все зафиксированные в литературе или в речи слова (общеизвестные и нейтральные, диалектные, инославянские), а также возможные варианты лексем (напр., словообразовательные и стилистические). Включением такого многообразия вариантов Й. Юнгманн, как известно, преследовал цель дальнейшей апробации этого лексического материала и его закрепления в чешском языке если не в качестве основного лексического запаса, то в функции стилистических синонимов (в частности, для обогащения языка художественной литературы⁵). Рассматриваемый лексический материал располагает следующими примерами:

- а) общиеизвестные слова, напр., этнонимы *Čech*, *Češka*, *Němec*, *Němka*;
- б) словообразовательные варианты: суффиксальные *čeština*, *češina*; также диминутивные *češtinka* от *čeština*, *němčinka* от *němčina*; от этнонимов муж. и жен. р. *Čechák*, *Čecháček*, *Němeček*, *Němčisko*, *Němcucha*, *Němčukýka*; варианты с разными предлогами и беспредложные аналоги для наречия *по-чешски*: *česko*, *na česko*, *po česku*, *z česka*, *česky*, *adv.*, *böhmisch* и для наречия *по-немецки*: *německy*, *po nemecku*, *adv.*, *deutsch*;
- в) словообразовательные варианты, которые привели к семантическим различиям, напр.: *němčiti* = *Němcem činiti*, *deutsch machen* ‘делать немцем’ и *němčeti*, *němčiti se*, *deutsch werden* ‘становиться немцем’;
- г) стилистически ограниченные варианты: *Němčisko* = *Němec* (но с пометой *rotupně*, т.е. ‘оскорбительно’), также *Němcucha*;
- д) архаизмы (с целью их возможной актуализации): используемая в «Далимиловой хронике» форма среднего рода этнонима *Němče* с пометой ‘устаревшее’;
- е) неологизмы: *Čechořečnost* — не закрепившееся в чешском языке однословное определение для грамматики чешского языка, предложенное В. Росой; сконструированные по аналогии с глаголами *němčiti*, *němčeti*, *němčiti se* «чешские» формы *češtiti* = *Čechem dělati*, *české dělati*, *böhmisch machen*; *češtěti* = *Čechem se stáwati*, *češtiti se*, *böhmisch werden*.
- ж) инославянские варианты: словацкое название чешского языка *češina*, которое приводится в статье с заглавным словом *čeština* — чешским обозначением соответствующего лингвонима; также это слово фигури-

- рует в качестве заглавного слова к соответствующей статье: *češina* = *čeština* — без указания на то, что лексема является принадлежностью словацкого языка, но со ссылкой на источник экспертизы — словарь Бернолака (Bernolák 1825–1827), т.е. наблюдается попытка внедрения в использование очень близкого инославянского варианта к уже имеющемуся чешскому обозначению;
- 3) «неудачные», с точки зрения составителя словаря, формы: †*Češkyně*. Любопытно пояснение к знаку †: таким знаком отмечены слова, которые являются «иностранными, неправильно (дословно ‘плохо’) созданными или подозрительными» (Jungmann 1835, VIII). Чаще этим знаком сопровождаются заимствования (прежде всего немецкие), но в данном случае им отмечен словообразовательный вариант самоназвания чехов жен. рода. Автор словаря дает понять, что указанную форму следует избегать в употреблении. При этом аналогичный вариант для этнонима *немка* таким знаком не маркируется и приводится как нейтральный дублет основной формы: *Němka*, *Němkyně*.

Если не брать во внимание пометы к некоторым из рассматриваемых лексем и особенно примеры, приводимые для их толкования, то получается вполне объективная и в целом беспристрастная иллюстрация к внедряемой Й. Юнгманном и его единомышленниками программе по (вос)созданию лексической системы языка с использованием, в частности, теории чешского словообразования, разработанной Й. Добровским, но — в интерпретации Й. Юнгманна⁶.

Рассмотрим принцип представления толкования значений указанных слов и охарактеризуем содержательную и прагматическую составляющую приводимых примеров. Толкование значений очень часто построено на противопоставлении *свой* (чех) ↔ *чужой* (*немец*) с вполне прогнозируемым восприятием реальных, а также потенциальных возможностей чешского языка на фоне его «превосходства» над немецким языком:

- а) При разъяснении происхождении этнонима *Čech* предпочтение отдается версии о том, что чехи являлись передовым (*přední*) славянским племенем⁷ и могли противостоять окружающим народам, прежде всего *немцам*; ср. одно из объяснений, приводимых в словаре Й. Юнгманна: «*w prawdě Čechowé na předu byli, poněwadž ginj Slowané hluboko do Němec se wztahowali*» (I, 268).
- б) Слово *čeština* постулируется как обобщающее со значением ‘все чешское’: «*wšecko, což českého gest, gazyk, spůsob, obyčeg, zbožj*» (I, 291); в то время как аналогичная лексема *němčina* выполняет лишь функцию лингвонима: «*německý gazyk*» (II, 673).

- в) Диминутивные формы *Němčisko*, *Němčucha* — неологизмы, созданные поэтом Я. Колларом, — несут оттенок уничтожительности (II, 673). На-против, в толковании значений диминутивов *Čechák*, *Čecháček* на первый план выдвигается очень значимое для программы языкового «возрождения» значение: «*wlastně malý Čech* *buď osobou bud' uměnjm češtinity*» (I, 268). Кроме того, эти формы могут обладать антонимической по отношению к *Němčisko*, *Němčucha* коннотацией ‘бедный, несчастный, но хороший чех’: «*my ubozj Čecháčkové, wir guten Böhmen, wir armen Böhmen*» (I, 268). Хотя при этом присутствует и указание на то, что эти лексемы могут обладать оттенком презрительности, но без приведения иллюстративного материала такого употребления.
- г) Показательно, что при включении в словарь уже упоминавшихся глагольных новообразований *češtiti*, *češtěti*, *češtiti se*, созданных по аналогии с *němčiti*, *němčeti*, *němčiti se*, отсутствует отглагольное существительное, аналогичное лексеме *němčitel*, что, несомненно, связано с негативной семантикой, так как *němčitel* — это тот, «*kdo němčj, <...> Wendů němčitelé*» (II, 673), т.е. ассилирует, а значит, отрывает от национальных и языковых корней, тем более что чехи испытали это на себе.

Соответствующее антитезе *свой* ↔ *чужой* восприятие информации, содержащейся в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна, особенно ярко «программируется» иллюстративным материалом, который можно распределить в данной связи на три основные группы.

- 1) Примеры, иллюстрирующие страдания чешского народа в прошлом (в первую очередь, обусловленные разного рода контактами с немцами) и зависимое от немцев современное положение:

*A což tam *Čech* (t. *Čechůw*) *bylo, wšecky zbili. Tenkrát Němec Čechu přege, když se had ne ledě hrége* (I, 268); *Wezdy nám súsiede Němci. Němec w české radě. Mluwte s njm, když ge Němec* (II, 673); *Česká ani Uherská země nemůže nasytiti lidského lakomství* (I, 287); *Poněmčilá čeština* (I, 291).

- 2) Примеры, демонстрирующие «вину» самих чехов в процессе германизации:

Čech se brzo němčj mezi Němci (II, 673); *Německý Čech* (II, 673); *Nechvalno nám w Niemciech iskati prawdu* (II, 673).

- 3) Примеры, направленные на прославление своего народа и его героического прошлого, а также ориентирующие на стимуляцию дальнейшего успешного развития чешского этноса и языка:

Čechowé tehdáž zpívají, když se nagedj (I, 268); *Země česká. Království české. České země obywatelé. Český národ. Český jazyk* (I, 287); *České slo-*

wo, t. poctiwé, wěrné (I, 287); *Na česko, w česko přeložiti. Mluwiti česky, po česku, t. gazykem českým. Rozuměti česky* (I, 287); *Gakž' se česky zase naučj* (I, 287).

Трактовка значений некоторых из рассматриваемых слов и особенно иллюстративные примеры, по нашему мнению, были отобраны далеко не случайно. Не составляет труда предположить, что этнонимы *чех* и *немец* и многие производные от них являются частотными словами чешского языка. Эту частотность предопределили длительные и по-разному оцениваемые географические, исторические, государственно-экономические, культурные и личные контакты между двумя этносами. Проблема поиска иллюстративного материала поэтому не стояла. Однако выбор примеров был тщательно продуман, поскольку речь шла о представлении в словаре Й. Юнгманна слов-концептов, входящих в лексикон идеологической и языковой программы НВ, а сам «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна, как уже отмечалось, одновременно являлся и представлением этой возрожденческой программы, и ее реальным воплощением. Отметим, что именно этим этнонимам отводилась основная «эмоциональная» составляющая доктрины чешского НВ, построенная на антитезе *свой (чех) ↔ чужой (немец)*. В связи с этим можно с большой долей вероятности утверждать, что примеры для словарных статей отбирались с целью получения специально программируемой приводимыми примерами реакции у пользователей словарем, а именно: с целью формирования национального и языкового самосознания на фоне пуристического отношения ко всему немецкому.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Переводы с немецкого и чешского здесь и далее выполнены автором статьи.
- ² О некоторых возможностях оценочной трактовки в словаре заимствований и калек (прежде всего немецких и латинских), а также об определении и оценке выполняемых в двуязычном словаре функций немецкого языка на примере «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна см., напр.: Абисогомян 2002, 21–28; Абисогомян 2009, 166–172.
- ³ Здесь и далее в ссылках на источник — «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна — указывается том и страница.

- ⁴ В качестве источников обогащения словарного состава чешского языка Й. Юнгманн использовал прежде всего памятники древнечешской литературы, сочинения современных авторов, диалектный материал, другие славянские языки и лексические новообразования, созданные путем словосложения или посредством суффиксов и префиксов. Подробнее о формировании лексикографических принципов Й. Юнгманна см., напр.: Petr 1989, 5–31; Абисогомян 2008, 264–289; Абисогомян 2009, 147–165.
- ⁵ См., напр.: Jedlička 1948, 15; Jedlička 1974, 34; Šmilauer 1974, 52; Petr 1989, 10; Абисогомян 2009, 154.
- ⁶ О формировании лексического состава чешского языка в эпоху НВ, прежде всего о создании словообразовательной теории и применении ее на практике см., напр.: Абисогомян 2009, 153–157.
- ⁷ От *četi (см. также: Фасмер 1986–1987, IV, 353), т.е. Čech — это боец, воин (см. также Rejzek 2001, 112–113).

ЛИТЕРАТУРА

- Абисогомян 2002 — И. Сорока [Абисогомян]. *Заимствование как отражение и результат взаимодействия языков и культур (на материале чешского языка эпохи национального Возрождения)*. Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 8: Лексикология и лексикография (русско-славянский цикл). Часть 2. Санкт-Петербург, 2002, с. 21–28.
- Абисогомян 2008 — И. Абисогомян. *Формирование лексикографических принципов Й. Юнгманна: авторский замысел и его реальное воплощение*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI: Язык в функционально-прагматическом аспекте. Tartu, 2008, с. 264–289.
- Абисогомян 2009 — И. Абисогомян. *Становление чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения: традиции и новаторство*. (Humaniora: Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis 22). Tartu, 2009.
- Бобрakov-Тимошкин 2004 — А. Бобрakov-Тимошкин. *Феномен и трагедия пражского многоязычия*. Новое литературное обозрение, Москва, 2004, № 68, с. 207–230.
- Гладкова 2001 — Н. Gladkova. *Символические функции стандартного языка и поиски «золотого века». Чешско-болгарские параллели эпохи национального Возрождения*. Slavia, гоč. 70, Praha, 2001, seš. 3–4, s. 335–351.

- Гланц 2004 — Т. Гланц. *Чешская версия языкового строительства: Национальное возрождение и его остаточные идеологемы*. Новое литературное обозрение, Москва, 2004, № 68, с. 231–241.
- Шимов 2005 — Я. Шимов. *История как публицистика и публицистика как история. О том, как чешские литераторы создали свой народ*. Иностранный литература, Москва, 2005, № 3, с. 259–269.
- Dobrovský 1955 — J. Dobrovský. *Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur*. Halle, 1955.
- Jedlička 1948 — A. Jedlička. *Josef Jungmann a obrozená terminologie literárně vědná a linguistická*. Praha, 1948.
- Jedlička 1974 — A. Jedlička. *Jungmanovy zásluhy o nový český jazyk spisovný*. Josef Jungmann a jeho pokrovský odkaz dnešku (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974, s. 29–41.
- Jungmann 1835 — J. Jungmann. *Předmluva*. Slovník Česko-Německý. Djl I. Praha, 1835, s. III–VIII.
- Macura 1983 — V. Macura. *Znamení zrodu. České obrození jako kulturní typ*. Praha, 1983.
- Petr 1989 — J. Petr. [Předmluva k 2. reprint. vyd. Slovník česko-německého J. Jungmanna]. J. Jungmann Slovník Česko-Německý. 2. vyd. Djl I. Praha, 1989, s. 5–31.
- Starý 1995 — Z. Starý. *Ve jménu funkce a intervence*. Praha, 1995.
- Šmilauer 1974 — V. Šmilauer. *Jungmannův slovník česko-německý*. Josef Jungmann a jeho pokrovský odkaz dnešku (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974, s. 43–56.
- Thám 1918 — K.H. Thám. *Obrana Jazyka Českého proti zlobivým jeho utrhačům, též mnohým vlastencům v cvičení se v něm liknavým a nedbalým, sepsaná od Karla Hynka Thama*. Praha, 1918.

СЛОВАРИ

- Фасмер 1986–1987 — М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. I–IV. 2-е изд. Москва, 1986–1987.
- Bernolák 1825–1827 — A. Bernolák. *Slowár Slowenski, Česko-Lat'insko-Ñemecko-Uherskí*. I–VI. Budae, 1825–1827.
- Jungmann 1835–1839 — J. Jungmann. *Slovník česko-německý*. I–V. Praha, 1835–1839.
- Rejzek 2001 — J. Rejzek. *Český etymologický slovník*. Praha, 2001.

**I. Abisogomjan. Rahvuslik-keeeline olukord Tšehhis
rahvusliku ärkamisaja perioodil ning selle peegeldused sõnaraamatus**

Artiklis vaadeldakse, mil viisil hinnati keelelist olukorda Tšehhis rahvusliku ärkamisaja perioodil ning kuidas tekkis ja võeti kasutusele tšehtt kõne «taassünini» idee puristliku suhtumise taustal saksa keelde. Artikli autor analüüsib rahvuskeele sõnamõistete *Čech, český ↔ Němec, německý, rakouský* esinemist J. Jungmanni «Tšehtt-saksa sõnaraamatus» (1835–1839). Sõnaraamatu abil on võimalik esitleda peamisi mõjutegureid, mis puudutavad hinnangulist lähenemist sõnavarale, mille eesmärgiks oli saavutada sõnaraamatu kasutajate kindel reaktsioon — rahvusliku ja keelelise enesetadvuse kujundamine puristliku suhtumise taustal kõigesse saksapärasesse.

Slavomír Ondrejovič
Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra
Slovenskej akadémie vied, Bratislava

JAZYKOVÁ NORMA Z POHLADU SLOVENSKEJ SOCIOLINGVISTIKY

Sociolingvistika – sociolingvistický vs. normativistický prístup k jazyku – národný jazyk – spisovný jazyk – norma – kodifikácia

Sociolingvistika už aj na Slovensku postupne obsadzuje oblasti, ktoré ne-sociolingvistická resp. predsociolingvistická, systémová («normativistická») jazykoveda nechávala stranou: je to nielen výskum bilingvizmu a multilingvizmu, jazykových kontaktov a urbánnych jazykovo-komunikačných variantov, je to nielen jazyková politika a diskurzná analýza, nie sú to len problémy medzinárodnej komunikácie a pod., ale pokračuje sa — z trochu inej perspektívy — aj vo výskume spisovného jazyka a jazykovej kultúry i jazykových noriem (podrobnejšie porov. Ondrejovič 2008).

Na pozadí uvedených metamorfóz pritom stále prebieha, mohli by sme povedať, zápas medzi analogistami a anomalistami o výklad jazyka, a tým aj o výklad sveta, majúci svoj «oficiálny» začiatok pri zrážke aleksandrijskej a pergamonskej školy. V zásade by sme dnes mohli oných analogistov považovať za predchodcov «nesociolingvistov» či, ako sa na Slovensku hovorí, «normativistov», kým sociolingvisti majú bližšie skôr k anomalistickému myslению. Ak by sme to chceli vyjadriť trochu súčasnejšou metaforou, mohli by povedať, že sociolingvisti sa neusilujú jazyk pri svojej činnosti «upraviť» do štýlu francúzskeho parku s jeho presnými geometrickými líniami a tvarmi, ak taký nie je (to je obvykle ambícia «nesociolingvistov»), ale ich vzorom je skôr park anglický, ktorého architektúra je založená na prirodzenej kráse pôvodnej krajiny, vyžadujúcej si iba mierne zásahy. Pre takýto park je, aspoň podľa mienky sociolingvistov, charakteristický vyšší stupeň «obývateľnosti» i kvality života jeho «bežných obyvateľov». Túto koncepciu bravúrne rozvinul Jozef Melczer vo svojej významnej po maďarsky písanej obrane slovenčiny *Ohlas v zá-*

ujme slovanskej reči z roku 1842 (Melczer 1842; porov. k tomu aj Ondrejovič 2000, 65–70 a 2007b, 24–27).

Tento spôsob výkladu jazyka vyplynul aj zo samotnej povahy posštrukturalistickej, resp. postmodernej metódy uvažovania, ktorá vo všeobecnosti nepreferuje homogénnosť a jednotnosť ako základné východiskové entity, ale naopak, vymedzuje sa rôznorodosťou a pluralitou. Ešte v nedávnej minulosti sa o jazykoch (najmä o jazykoch malých národov) uvažovalo v teoretickom rámci predstavy, že jazyk sa vyskytuje v rečovom spoločenstve, ktoré je diskrétné, uzavreté a koherentné a ktoré sa spolu drží homogénnou kompetenciou, vlastnou akoby všetkým členom tohto spoločenstva. Takéto vnímanie bolo charakteristické pre tradičnú štruktúrnu, resp. systémovú jazykovedu a toto chápanie podporovala aj generatívna jazykoveda v N. Chomského verzii s jeho ideálnym hovoriacim a ideálnym počúvajúcim. Prielom medzi štrukturalistickým a postštrukturalistickým pohľadom na jazyk spočíval však aj v tom, čo sa uznávalo predtým a čo sa uznáva teraz, ako hodné výskumnej pozornosti. Súčasná moderná lingvistika vníma, opisuje a vysvetľuje aj — či možno predovšetkým — «jedinečné situácie jazykových kontaktov a interakcií s ich špecifikami, miešaním sociokultúrnych zvyklosťí a posunmi noriem» (Čmejková, Daneš 1994, 29). Skúma teda nielen jazyk, jeho imanentné štruktúry, ale aj jeho a ich «okolie».

Začiatok uvedeného sociolinguistického nasadenia sa všeobecne kladie do obdobia 60. rokov, keď sociolinguistica vznikla v rovnakom čase v Spojených štátach amerických i v Európe. Ale 60. roky sú začiatkom sociolinguisticky zameraného výskumu aj na Slovensku. Projekt *Výskum hovorenej podoby spisovnej slovenčiny* zo 60. rokov 20. storočia (podrobnejšie Ondrejovič 2007a, 9–17) predstavoval prvotriedny výhľad a šancu na úspešné napredovanie v bádaní aj týmto smerom. Škoda, že v danej disciplíne sa na Slovensku nielen nepodarilo udržať nasadené tempo, ale ani odovzdávka sociolinguistického štafetového kolika sa slovenskej jazykovede na tomto mieste nevydarila.

Podarilo sa však — aspoň do istej miery — skôr niečo iné. Ako v úvodnom slove k Výskumu hovorenej podoby spisovnej slovenčiny konštatoval E. Pauliny, hlavný garant tohto podujatia, na Slovensku sa v minulosti podarilo «nárečie zbožštiť ako jediného predstaviteľa národného jazyka pri spisovnom jazyku» (Pauliny 1972, 4). E. Pauliny zároveň však konštatoval, že jedným zo záverov daného výskumu je, že «skutočná značlosť spisovnej normy je u všetkých vrstiev používateľov spisovného jazy-

ka podstatne vyššia, než sa predpokladalo» (Pauliny 1972, 82). Nie je to nijako v súlade so vtedajšími i neskoršími tvrdeniami o «havarijnom», «neuveriteľne katastrofálnom» či «chorobnom» stave slovenského jazyka v komunikácii, ako o tom nezriedka referujú mnohí autori z neodborných kruhov, ale doteraz aj niektorí jazykovedci — normativisti.

Možno len ľutovať, že došlo k onej «prerve» a že sociolinguistický výskum na Slovensku pokračoval až od 90. rokov minulého storočia. O slovenskej lingvistike sa dá preto povedať, a povedalo sa to už viackrát (najnovšie Ondrejovič 2008; Dolník 2009, najmä s. 306–335), že zachytila «echo» paradigmatickej zmeny, charakteristickej pre svetovú lingvistiku, ktorá spočíva v obrate od «izolujúceho» skúmania jazykového systému ku skúmaniu fungovania tohto systému v reálnej situácii. V porovnaní s väčšinou európskych krajín, pravdaže, s istým oneskorením, čo má v kodifikačnej praxi svoje dôsledky, ako sa zdá, dodnes.

Sociolinguistika na Slovensku nie je výnimkou ani v tom, že sa kryštalizuje aj prostredníctvom diskusií a polemík s autormi, ktorí stoja na iných platformách. V tejto konštelácii nie je neočakávané, že sociolinguistický orientovaní lingvisti prechádzajú ohňom kritickej palby z rôznych pozícií a že sa dostávajú do pomerne ostrej a náročnej konfrontácie aj s iným myslením. Slovenskej sociolinguistike sa napr. od začiatku ostro vyčíta istý l'art pour l'artizmus, že je len štatistikou, že iba konštatuje, reghistruje, ale v podstate nič nehodnotí (porov. napr. Kočiš 1995, 71; Považaj 1995, 62), ale aj to, že je v otázkach jazykovej kultúry príliš liberálna a že sa vyhýba povedať «rovné slovo» o správnosti či nesprávnosti jazykových prostriedkov v konkrétnych prípadoch. Je pravda, že sociolinguistický postoj sa v otázkach jazykovej kultúry vyznačuje väčšou tolerantnosťou, či skôr pluralitnosťou, pričom sa už „nehrá“ iba na jedného reprezentanta, iba na spisovný jazyk. Slovenská sociolinguistika poukazuje na to, že spisovný jazyk má na Slovensku v istom zmysle najvyššiu prestíž zo všetkých útvarov a sfér jazyka, no z jej perspektívy majú všetky variety a útvary rovnakú hodnotu (podrobnejšie Dolník 2009, 343–351). Sociolinguistika pripúšťa napr., že niekedy to «najsprávnejšie» slovo či vyjadrenie možno nájsť v iných («nespisovných») vrstvách národného jazyka, za čo je takisto v domácej aréne kritizovaná. Sociolinguistika sa nevydáva hned' tou najľahšou cestou zákazov a príkazov, ale pokúša sa aj «nesystémovosti» a nepravidelnosti v jazyku pochopiť a vysvetliť, ak sa to dá. Zameraná je teda na opis, pochopenie a výklad celého bohatstva jazyka.

Prvé tvrdé strely normativistov (F. Kočiš) mierili na teóriu spisovného jazyka J. Horeckého (1976, publikované Horecký 1979, 13–22), ktorý v rámci národného jazyka vyčlenil spisovnú, štandardnú, subštandardnú a nárečovú formu. Podľa uvedenej kritiky práve Horeckého teória spisovnej slovenčiny spôsobila anarchiu v jazykovom úze. Horecký sa («spolu s inými sociolinguistami») obviňoval za «úpadok» v jazykovej kultúre. S takýmto preceňovaním vplyvu kodifikácie na normu, príp. úzus používateľov jazyka, sa často stretávame v tradičnej teórii jazykovej kultúry na Slovensku (porov. aj Výzva 2006, 1–8).

Odlišný pohľad («sociolinguistický» a «normativistický») na jazyk a jeho výskum nachádza nevyhnutne svoj odraz i v odlišnom hodnotení stavu súčasného spisovného jazyka a jeho kultúry i v odlišnom názore na možnosti kodifikačných a kultivačných úsilí. Svedčia o tom aj výzvy a petície na ochranu slovenského jazyka (podrobnejšie Ondrejovič 2010, 5–14). V nich sa takisto konštatuje, že jazyková kultúra na Slovensku je v praxi mimoriadne nízka a že slovenský jazyk je akútne ohrozovaný najmä anglicizmami a amerikanizmami, ale aj bohemizmami, pričom tí, čo by mali prijať nejaké opatrenia, nič nerobia.

Podľa jedného úvodníka SR *Slovenčina na križovatke európskych dejín* (1994) z pera F. Kočiša «výrazný pokles náležitého jazykového vedomia a uvedomovania si existencie jazykovej normy a kodifikácie badať aj u učiteľov slovenského jazyka, ba aj u viacerých slovenských jazykovedcov» (Kočiš 1994, 327). Čiže, podľa tohto názoru spisovnú slovenčinu, jej normu, už neovládajú nielen «bežní» používatelia jazyka, ale ani tí, čo sa jazykom profesionálne zaoberajú a skúmajú ho. Kto teda ovláda spisovnú normu? — chce sa nám položiť otázku, ktorú položil už dávno (v pamätnom roku 1966 v smolenickej diskusii) E. Pauliny (Pauliny 1967, 51–53), jeden z predchodcov sociolinguistického myslenia na Slovensku. Ako vidieť, striktné presadzovanie «striktnej normy», resp. stotožňovanie normy a kodifikácie, s ktorým sa tu stretávame, vedie niekedy až k apodiktickým konštatovaniam. Aj titulok z dnes už zaniknutých novín Zmena to potvrdzuje: *Šokujúce tvrdenie: ani jeden zo slovenských politikov nehovorí správne po slovensky!* Odtiaľ je už naozaj len krok k tvrdeniu, že na Slovensku nehovorí nikto správne po slovensky.

V tejto súvislosti sa hodí spomenúť článok J. Kačala *Sociolinguistica versus jazyková kultúra?* (1996), v ktorom sa sociolinguistika obviňuje z toho, že sa mieša do remesla teórii jazykovej kultúry, tváriac sa, že prináša vedeckejšie riešenia. Ale tieto dve disciplíny, jazyková kultúra a socio-

lingvistika, by nemali byť v konkurenčnom postavení, skôr v komplementárnom, hovorí autor. S tým možno súhlasíť, ale ľažko nebyť v konkurencii, keď J. Kačala v ďalšom vyhlási, že

«číselné údaje o výskytu istých variantných alebo z hľadiska jazykovej kultúry negatívne hodnotených jazykových javov neprinášajú pre prácu v jazykovej kultúre nijaké nové poznanie (nanajvýš ak jeho číselné vyjadrenie), lebo vysoký či stredne vysoký výskyt istých proskribovaných jazykových javov je dostatočne známy a ich uznanie či neuznanie kodifikáciou je závislé nie od štatistiky a čírej registrácie ich výskytu v reči, lež od vlastných jazykových číť príslušných jazykových jednotiek, ako aj od zásad zdokonalovania jazyka a jazykovej praxe vychádzajúcich z požiadaviek jazykovej kultúry» (Kačala 1996, 73).

Tu sa sotva sa dá priať apel na komplementaritu a spoluprácu. Je to jednoducho bod, v ktorom sa sociolinguistika naozaj križí, resp. je v absolútном spore s takto poňatou jazykovou kultúrou. Frekvencia, resp. výskyt javov je pre sociolinguistiku jednoducho neprehliadnuteľnou veličinou, s ktorou potom ďalej jemne pracuje a interpretuje ju v kontexte sociolinguistických premenných.

Ide tu navidomocí o spor medzi reflexívnomologickým a pragmatickologickým v chápání Juraja Dolníka (Dolník 2000a, 214–220; 2000b, 249–255). Hoci ani zavedenie tejto opozície sa nevyhlo ostrej kritike, je to nesporné dôležitý posun pri vysvetľovaní nastolených otázok. Sociolinguistika a pragmalinguistika ukazujú, že logika jazyka je trochu iná než je bežná logika, preto J. Dolník rozlišuje reflexívnomologický prístup v jazyku, pri ktorom sa zistujú modely a pravidelnosti, a na základe toho sa ustanovujú pravidlá a pragmatickologický prístup, pri ktorom sa – zjednodušene povedané – anj v prípadoch, že sa prax zjavne odkláňa od predpísaných pravidiel, tieto odchýlky hned nepranierajú, ale sa hľadá ich príčina a vysvetlenie. Ako príklad uvedieme «kauzu» *hranolky*. Systémová jazykoveda postupuje v tomto prípade takto: plurálový tvar *hranolky* je v spisovnej slovenčine nesprávny, lebo tvar jednotného čísla by musel byť *hranolok*, a takýto tvar v slovenčine nejestvuje. Po slovensky je malý hranol *hranolček*, od čoho sa v množnom číslе pravidelne utvárajú *hranolčeky*. Takože korektné je, keď si v reštaurácii nepýtame ako prílohu *hranolky*, ale *hranolčeky*. Sociolinguisti a pragmalinguisti, ktorí je bližší tzv. pragmatickologický prístup, vychádzajú skôr zo zistenia, že tvar *hranolky* v tomto použití absolútne prevláda. Nejdú teda cestou najľahšieho odporu a neoznačia všetkých tých, čo konzumujú *hranolky* za používateľov s níz-

kym jazykovým vedomím a s nízkou jazykovou kultúrou, ale hľadajú vysvetlenie, prečo je to tak. Pritom sa ukazuje, že sa tu vytvoril osobitný sémantický podtyp týkajúci sa jedla. Vedľ v (spisovnej) slovenčine sú *párky*, nie *párčeky*, sú *rožky*, nie sú *rožteky*, *pirôžky*, nie sú *pirôžteky*. A napokon sa ukazuje, že pre singulár ani nie je potrebné rekonštruovať *hranolok* (ale keby aj bol, vedľ je *párok!*), ale – ako ukazujú naše korpusové databázy — skôr *hranolka*. Poukazuje na to napokon aj genitív plurálu. Povie sa: *Vieš, kol'ko hranolieiek som včera zjedol?* — nie *Vieš, kol'ko hranolkov som včera zjedol?* Je to iba marginálny príklad, ale takisto veľmi dobre demonštruje rozdiel medzi sociolinguistickým a nesociolinguistickým prístupom v jazyku a myslením o jazyku.

Uvedieme ešte aspoň jeden ďalší konkrétny príklad. Vo *Výzve na ochranu slovenského národného jazyka* (Výzva 2006, 1, 8) sa stretнемe aj s tvrdením, že anglicizmus *handout* treba v slovenčine nahradíť výrazmi *príručka*, *pomôcka*, *rukováť* či dokonca *príručník*. Netreba byť veľkým jazykovedným odborníkom, aby bolo zrejmé, že sú to nevhodné ekvivalenty (prvé tri sú už obsadené, majú širší význam, tretie sa navyše pociťuje ako archaizmus a ani štvrtý novotvar nemá predpoklady uplatniť sa). Ukazuje sa, že ani anglicizmy, ktoré sa už zahniezdili, nie je jednoduché nahradíť domáčimi ekvivalentmi.

Treba pripomenúť, že slovenská lingvistika nastúpila už dávnejšie cestu, v ktorej kultúru slova už nestotožňuje s »čistotou« či »ústrojnosťou« a preferuje skôr citlivé využívanie všetkých možností živého jazyka, čo iste korešponduje s pocitom a želaním každého elitného používateľa jazyka. Nastúpila na túto cestu, otázka však je, nakoľko jej tieto zásady vošli aj do krvného obehu.

Je zrejmé, že kodifikácia, ktorá chce byť úspešná, sa bez detailného poznania reálneho stavu normovaného jazyka a pohybov v ňom jednoducho nezaobide. Ak sa toto triviálne poznanie nezohľadňuje, ak sa postupuje príliš priamočiaro, ak sa uplatňuje rigídný (kvázi)systémový prístup, ktorého optika je zameraná neraz len na jednu líniu, na jednu analógiu, na jednu zákonitosť jazyka, ak sa presadzujú zmeny, »spravidelňujúce« jeden systém a rozbíjajúce systém iný, neraz aj hierarchicky vyšší so všeobecnejšou pôsobnosťou (porov. pokusy o »spravidlenie« rytmického zákona v *Pravidlach slovenského pravopisu* od r. 1991, ale aj 1998), to všetko má často za následok prehľbjujúci sa konflikt medzi kodifikáciou (kodifikátormi) na jednej strane a normou, (uzuálnymi) normami (používateľmi jazyka) na druhej strane. Dúfajme, že sústavné zohľadňovanie

sociolingvistických faktov aj v kodifikačnej a normatívnej činnosti sa zákratko stane obvyklou praxou. Už príprava *Slovníka súčasného slovenského jazyka* (zatial vyšli dva zväzky: Slovník 2006–2011) a *Ortoepického slovníka slovenského jazyka* nás vedú k optimistickému konštatovaniu, že sa tak do značnej miery už aj stalo.

LITERATÚRA

- Daneš, Čmejrková 1994 — F. Daneš, S. Čmejrková. *Экология языка малого народа. Язык – культура – нация*. Ред. Г. Нещименко. Москва, 1994, с. 27–39.
- Dolník 2000a — J. Dolník. *Ku kritike reflexívnomologického prístupu k spisovnému jazyku*. Slovenská reč, Bratislava, 2000, 63, s. 214–220.
- Dolník 2000b — J. Dolník. *O prístupoch k spisovnej slovenčine*. Slovenská reč, Bratislava, 2000, 63, s. 249–255.
- Dolník 2009 — J. Dolník. *Všeobecná jazykoveda. Opis a vysvetľovanie jazyka*. Bratislava, 2009.
- Horecký 1979 — J. Horecký *Východiská k teórii spisovného jazyka*. Z teórie spisovného jazyka. Bratislava, 1979, s. 13–22.
- Kačala 1996 — J. Kačala. *Sociolinguistika versus jazyková kultúra? Sociolinguistické a psycholinguistické aspekty jazykovej komunikácie*. 1. zv. Banská Bystrica, 1996, s. 71–77.
- Kočiš 1994 — F. Kočiš. *Slovenčina na križovatke európskych dejín*. Slovenská reč, Bratislava, 1994, 53, s. 321–328.
- Kočiš 1995 — F. Kočiš. *Z diskusie*. Spisovná slovenčina a jazyková kultúra. Bratislava 1995, s. 68–72.
- Melczer 1842 — J. Melczer. *Szózat a szláv nyelv érdékében*. Banská Bystrica, 1842.
- Ondrejovič 2000 — S. Ondrejovič. *Spomienka na Jozefa Melcera ako na filológa*. Slovenská reč, Bratislava, 2000, 65, s. 65–70.
- Ondrejovič 2007a — S. Ondrejovič. *Výskum hovorenej podoby spisovnej slovenčiny po štyridsiatich rokoch*. Sociolinguistica Slovaca 6: Hovorená podoba spisovnej slovenčiny. I. Bratislava, 2007, s. 9–17.
- Ondrejovič 2007b — S. Ondrejovič. *Jazyk ako anglický park*. Týždeň, Bratislava, 25. mája 2007, s. 24–27.
- Ondrejovič 2008 — S. Ondrejovič. *Jazyk, veda o jazyku, societa. Sociolinguistické etudy*. Bratislava, 2008.
- Ondrejovič 2010 — S. Ondrejovič. *K niektorým výzvam a petíciam na ochranu slovenského jazyka*. Jazykovedný časopis, Bratislava, 2010, roč. 61, s. 5–14.

- Pauliny 1972 — E. Pauliny. (*Úvodné slovo*). Hovorená podoba spisovnej slovenčiny. I. Bratislava, 1972, s. 1–9.
- Pauliny 1967 — E. Pauliny. *K otázkam kodifikácie normy*. Kultúra spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1967, s. 51–53.
- Považaj 1995 — M. Považaj. *Z diskusie*. Spisovná slovenčina a jazyková kultúra. Bratislava, 1995, s. 60–63.
- Slovník 2006–2011 — *Slovník súčasného slovenského jazyka*. I–II. Red. A. Jarosová a K. Buzássyová. Bratislava, 2006–2011.
- Výzva 2006 — *Výzva na ochranu národného jazyka*. Literárny (dvojtýždenník, 19, Bratislava, 2006, č. 9–10, s. 1–8.

S. Ondrejovič. Keelenorm slovakkia sotsiolinguistikka seisukohalt

Artiklis käsitletakse normi seisundit slovakkia kirjakeeles ning vaateid sellele eri ajastutel. Tuuakse esile mitte niivõrd varem esinenuud normi «puhtuse» säilitamise tendentsi, vaid keele kõikide potentsiaalsete võimaluste kasutamist sotsilingvistilist olukorda arvestades.

Ирина Юрьевна Табакова
Тартуский университет

ЗВУКОВЫЕ АББРЕВИАТУРЫ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА: АНАЛИЗ ПРОИЗВОДЯЩИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР

Польский язык – аббревиация – лексические сокращения – звуковые аббревиатуры – производящие синтаксические структуры

В зависимости от характера сокращения производящих основ, трансформируемых в аббревиатуры-слова, выделяют определенные структурные типы сокращений.

«Лексические сокращения входят как неотъемлемый элемент в лексико-семантическую систему конкретного языка, следовательно, для разных языков могут быть специфичными различные типы сокращенных единиц» (Борисов 1972, 119).

Применительно к польскому языку выделяется от трех до семи типов лексических сокращений. При этом фонетические, или звуковые, аббревиатуры (*gloskowce*), составленные из начальных звуков сокращенного описательного словосочетания (напр., *WOP* [*vop*] — *Wojska Ochrony Pogranicza*, *PAN* [*pan*] — *Polska Akademia Nauk*), выделяют все существующие классификации (см., напр.: Młodyński 1974, 412; Kochański i in. 1989, 60–62; Paruch [1992], 10). И поскольку вопрос о синтаксических структурах¹, лежащих в основе аббревиационных образований польского языка, в частности, звуковых аббревиатур, является до сих пор одним из малоизученных, но, на наш взгляд, весьма важных, остановимся на нем².

Сразу отметим, что двучленные конструкции в качестве производящего наименования оказываются для звуковых аббревиатур нехарактерными. Материал обнаруживает лишь шесть сокращений, состоящих из двух элементов, выстроенных по структурно-фонетической формуле VC:

$$\begin{aligned} IG &< \text{Instytut Gazownictwa} \\ US &< \text{Uniwersytet Śląski} \end{aligned}$$

Недостатком этих аббревиатур является их «короткометражность» (Алексеев 1979, 246). Подобные сокращения в составе звуковых аббревиатур потому малочисленны, что их предпочтительнее произносить по названиям букв:

<i>AH</i>	[a-ha]	<	<i>Akademia Handlowa</i>
<i>AK</i>	[a-ka]	<	<i>Akcja Katolicka, Armia Krajowa</i>

Синтаксические структуры производящих словосочетаний звуковых аббревиатур, состоящих из двух элементов, представляют собой простые словосочетания, построенные по двум моделям: **Сущ. + Прил.**, согл. в роде, чиc. и пад. и **Сущ.1 + Сущ.2** род.. Основная же масса односложных звуковых аббревиатур образуется на базе сложных словосочетаний, состоящих из трех полнозначных слов. Здесь важным становится наличие в составе словосочетаний лексем, начальные элементы которых являются гласными. Как правило, такие слова занимают центральное место в словосочетании. Это могут быть существительные, служебные части речи (союз, предлог) или сложные слова. В случае трансформации такой несколькословной номинативной единицы в однословную получаются сокращенные фонетические структуры CVC, CVCC, CCVC, имеющие в составе гласный, который создает иллюзию слога и позволяет произносить весь комплекс как обычное слово.

<i>BOS</i>	<	<i>Biuro Odbudowy Stolicy</i>
<i>WORT</i>	<	<i>Warszawski Ośrodek Radiowo-Telewizyjny</i>
<i>ZWUT</i>	<	<i>Zakłady Wytwórcze Urządzeń Termotechnicznych</i>

Анализ производящих синтаксических структур также показал, что односложные звуковые аббревиатуры могут образовываться на основе простых словосочетаний. Однако обязательным условием здесь будет наличие сложного слова (которое начинается с гласного) или предлога (представляющего собой гласный) в составе словосочетания, например: **Сущ. + Прил.**, согл. в роде, чиc. и пад.. Это регулярная модель. Она обозначает собственно определительные отношения, выражющие признак через отношение к предмету. Вид синтаксической связи — согласование. Определяющим компонентом является прилагательное, которое занимает постпозицию. При этом оно в обязательном порядке является сложным словом, первый элемент которого — гласный. В образовании аббревиатуры участвуют оба элемента значимых частей сложного слова. Именно за счет этого

аббревиатура состоит из трех элементов, включает гласный и может произноситься как простое корневое слово:

ROR < *rachunek oszczędnościowo-rozliczeniowy*

Или: **Сущ.₁ + предл. + Сущ.₂ пред.** Это предложная конструкция. Для связи слов в словосочетании используется предлог *o*. Вид синтаксической связи — управление. Определяемое существительное находится в именительном падеже и требует предложного падежа определяющего существительного. Модель выражает объектно-определительные (изъяснительные) отношения, является регулярной.

NoP < *Nauka o Polsce*

Здесь имеет место расширение аббревиатуры путем включения в ее состав предлога. Основной причиной включения предлога является возможность создания слога CVC, который будет произноситься как простое корневое слово. Иными словами, звуковой отрезок обеспечивается заимствованием гласного от служебного элемента. Предлог здесь участвует в создании аббревиатуры, сохраняя строчное написание. Наличие в составе аббревиатуры предлога меняет ее качественно, т.е. она начинает читаться как простое корневое слово.

Односложные звуковые аббревиатуры могут образовываться также на основе словосочетаний, состоящих из трех полнозначных слов. Возможными являются следующие модели: **Сущ.₁ + (Сущ.₂ род. + Прил.)**, согл. в роде, чис. и пад.; **Сущ.₁ + (Прил. + Сущ.₂ род.)**, согл. в роде, чис. и пад.; **Сущ.₁ + Сущ.₂ + Сущ.₃**; **(Прил.₁ + Сущ. + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад.; **(Сущ. + Прил.₁ + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад.; **(Прил. + Сущ.)**, согл. в роде, чис. и пад. + Сущ.₂ род.:

BIG < *Bank Inicjatyw Gospodarczych*

KIK < *Klub Interesującej Książki*

KOR < *Komitet Obrony Rzeczypospolitej*

WAF < *Wojskowa Agencja Fotograficzna*

TOW < *Towarzystwo Organiczne Warszawskie*

COM < *Centralny Ośrodek Medycyny*

При этом обязательным условием при образовании односложной звуковой аббревиатуры является гласный инициальный элемент центрального компонента словосочетания. Образуется аббревиатура способом последовательной инициальной аббревиации компонентов исходного словосочетания.

Часть односложных звуковых аббревиатур образуется на базе сложных словосочетаний, состоящих из четырех полнозначных

слов. Образуется односложная звуковая аббревиатура на такой основе способом последовательной инициальной аббревиации компонентов исходного словосочетания. Необходимым условием является наличие гласного инициального элемента одного из центральных компонентов словосочетания. Если это условие не выполняется, то на базе таких словосочетаний образуются четырехбуквенные аббревиатуры консонантного типа. Здесь выделяется несколько моделей: **Сущ.₁ + Прил.₁ + Сущ.₂ + Прил.₂**; **Сущ.₁ + Сущ.₂ род. + (Сущ.₃ род. + Прил.)**, согл. в роде, чис. и пад.; **(Прил.₁ + Сущ.₁)**, согл. в роде, чис. и пад. + **(Сущ.₂ род. + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад.; **Прил. + Сущ.₁ + Сущ.₂ + Сущ.₃**; **Сущ.₁ + Прил. + Сущ.₂ + Сущ.₃**; **Сущ.₁ + (Сущ.₂ род. + Прил.)**, согл. в роде, чис. и пад. + **Сущ.₃ род.**; **(Прил.₁ + Прил.₂ + Сущ. + Прил.₃)**, согл. в роде, чис. и пад.:

<i>ZWUT</i>	< Zakłady Wytwórcze Urządzeń Telefonicznych
<i>PERN</i>	< Przedsiębiorstwo Eksploatacji Rurociągów Naftowych
<i>CUGW</i>	< Centralny Urząd Gospodarki Wodnej
<i>PROP</i>	< Państwowa Rada Ochrony Przyrody
<i>SAPD</i>	< System Automatycznego Przetwarzania Danych
<i>FASM</i>	< Fundusz Akcji Socjalnej Młodzieży
<i>HORT</i>	< Harcerski Ogólnopolski Rajd Turystyczny

Основой односложных звуковых аббревиатур могут быть и словосочетания, состоящие из пяти или шести полнозначных слов. Здесь также выделяется несколько моделей: **Сущ.₁ + Прил.₁ + Сущ.₂ + Сущ.₃ + Прил.₂**; **(Прил.₁ + Сущ.₁ + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад. + **(Прил.₃ + Сущ.₂ род.)**, согл. в роде, чис. и пад.; **Сущ.₁ + (Прил.₁ + (Сущ.₂ род. + Сущ.₃))**, согл. в пад. и чис. + **(Сущ.₄ род. + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад.:

<i>SART</i>	< System Automatycznego Rozliczania Usług Telekomunikacyjnych
<i>WOSPR</i>	< Wielka Orkiestra Symfoniczna Polskiego Radia
	<i>Stowarzyszenie Polskich Artystów Wykonawców Muzyki</i>

SAWP < *Rozrywkowej*

Небольшая группа односложных звуковых аббревиатур польского языка образуется на основе сочетаний, осложненных сочиненными соединениями слов. Формализация процесса их образования обнаруживает следующие закономерности.

1. Для того чтобы образовать односложную звуковую аббревиатуру на основе сочиненного соединения двух слов, необходимо включать

в состав аббревиатуры союз i : W_1qW_2 . При этом союз сохраняет строчное написание:

$$DiP < Doświadczenie i Przyszłość$$

2. Количество полнозначных слов в составе производящей основы может быть равным трем. В таком случае для получения аббревиатур рассматриваемого типа применяется способ последовательной инициальной аббревиации компонентов исходных словосочетаний. Союзы не участвуют в создании аббревиатуры, если гласный появляется за счет центрального компонента словосочетания. В таком случае имеются основания рассматривать служебное слово как избыточность структуры производящего наименования. Формула строения аббревиатуры выглядит следующим образом:

$$W_1W_2(-q)W_3.$$

$$BIP < Biuro Informacji i Propagandy$$

Если же производящая основа не обладает компонентом, начальный элемент которого гласный, то используются союзы. Структура строения аббревиатуры становится в этом случае $W_1W_2qW_3$. Союз сохраняет строчное написание:

$$KNiT < Komitet Nauki i Techniki$$

3. Создаются односложные звуковые аббревиатуры и на основе сочиненных соединений слов, где участвует четыре полнозначных слова. Все примеры нашей выборки свидетельствуют об избыточности структуры производящего наименования, поскольку ни в одном случае союз не участвовал в создании аббревиатур. Формулы их строения выглядят следующим образом:

$$W_1W_2W_3(-q)W_4 \text{ или } W_1(-q)W_2W_3W_4.$$

$$CNOs < Centrala Nasiennictwa Ogrodowego i Szkółkarstwa$$

$$NASK < Naukowe i Akademickie Sieci Komputerowe$$

4. Только один пример демонстрирует наличие вариантов при создании односложной звуковой аббревиатуры на основе сочиненных соединений слов: $W_1W_2W_3(-q)W_4$ или $W_1W_2W_3qW_4$. Однако во втором варианте речь уже идет о двусложной звуковой аббревиатуре, поскольку включение союза в ее состав «обеспечивает» образование двух слов:

$$EBOR/ EBOiR [ebor/ eboir] < Europejski Bank Odbudowy i Rozwoju$$

В свою очередь, двусложные звуковые аббревиатуры при определенных условиях образуются на базе словосочетаний, состоящих из трех, четырех или пяти полнозначных лексем, а также сочиненных соединений слов. Образуются аббревиатуры рассматриваемого типа способом последовательной инициальной аббревиации компонентов исходных словосочетаний.

Среди базовых моделей двусложных звуковых аббревиатур, состоящих из трех полнозначных слов, выделяются следующие: **Сущ.₁ + (Сущ.₂ род. + Прил.)**, согл. в роде, чис. и пад., **Сущ.₁ + Сущ.₂ род. + предл. + Сущ.₃ предл.**, (**Прил.₁ + Прил.₂ + Сущ.**), согл. в роде, чис. и пад., **(Сущ.₁ + Прил.)**, согл. в роде, чис. и пад. + **Сущ.₂ род.**:

<i>OJA</i>	<	<i>Organizacja Jedności Afrykańskiej</i>
<i>CloK</i>	<	<i>Centrum Informacji o Kziążce</i>
<i>UPA</i>	<	<i>Ukraińska Powstańcza Armia</i>
<i>CIECH</i>	<	<i>Centrala Importowo-Eksportowa Chemikaliów</i>

Относительно первой модели можно отметить, что обязательным для образования двусложных звуковых аббревиатур является здесь либо наличие двух гласных в основе первого и последнего слов словосочетания, либо наличие сложного слова, которое являлось бы последним компонентом словосочетания. Важно, чтобы инициальный элемент второй значимой части сложного слова был гласным. Во второй модели предлог участвует в структуре аббревиатуры и сохраняет строчное написание. Обязательным является наличие двух слов, инициальные элементы которых являются гласными. За счет этого образуется структура CV[слог]+CV[слог]. В третьей, как и в предыдущих моделях, обязательно наличие двух инициальных гласных элементов. Для образования двусложной звуковой аббревиатуры на основе четвертой модели важно, чтобы в состав словосочетания входило сложное слово (за счет этого в аббревиатуре насчитывается четыре начальных элемента), а также, чтобы оно содержало два компонента с гласными инициальными элементами (за счет этого аббревиатура может произноситься как слово).

Образование двусложных звуковых аббревиатур проходит и на основе словосочетаний, состоящих из четырех полнозначных слов. Применяется способ последовательной инициальной аббревиации компонентов исходного словосочетания. Важным тут является наличие двух гласных начальных элементов в основе компонентов производящего словосочетания, за счет чего и образуется в структуре

аббревиатуры два слога (модели: **(Сущ.₁ + Прил.₁)**, согл. в роде, чис. и пад. + **(Сущ.₂ род. + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад., **Сущ.₁ + (Прил.₁ + Сущ.₂ род. + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад., **Сущ.₁ + Сущ.₂ род. + (Сущ.₃ род. + Прил.)**, согл. в роде, чис. и пад., **(Прил.₁ + Сущ.₁)**, согл. в роде, чис. и пад. + **(Сущ.₂ род. + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад., **(Прил. + Сущ.₁)**, согл. в роде, чис. и пад. + **Сущ.₂ род. + Сущ.₃ род.**, **Сущ.₁ + (Прил. + Сущ.₂ род.)**, согл. в роде, чис. и пад. + **Сущ.₃ род.**, **(Прил.₁ + Прил.₂ + Сущ.₁)**, согл. в роде, чис. и пад. + **Сущ.₂ род.**).

Структуры типа VC[слог]+VC[слог], CV[слог]+CV[слог], VC[слог]+CV[слог], CV[слог]+VC[слог]:

<i>AGAD</i>	<	<i>Archiwum Główne Akt Dawnych</i>
<i>ZETO</i>	<	<i>Zakład Elektronicznej Techniki Obliczeniowej</i>
<i>OBOP</i>	<	<i>Ośrodek Badania Opinii Publicznej</i>
<i>PAIZ</i>	<	<i>Państwowa Agencja Inwestycji Zagranicznych</i>
<i>GIOP</i>	<	<i>Główny Inspektorat Ochrony Pracy</i>
<i>SAPI</i>	<	<i>System Automatycznego Przetwarzania Informacji</i>
<i>WOSU</i>	<	<i>Wyższa Oficerska Szkoła Uzbrojenia</i>

Как уже говорилось, двусложные звуковые аббревиатуры могут образовываться также на основе словосочетаний, состоящих из пяти полнозначных слов. Как и в описанных выше случаях образования аббревиатур рассматриваемого типа на других основах, здесь применяется способ последовательной инициальной аббревиации компонентов исходного словосочетания. Точно так же обязательным для образования двух слогов аббревиатуры является наличие двух гласных начальных элементов в основе компонентов производящего словосочетания (модели: **Сущ.₁ + Сущ.₂ род. + (Прил.₁ + Сущ.₃ род. + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад., **Сущ.₁ + Сущ.₂ род. + Сущ.₃ род. + (Сущ.₄ род. + Прил.)**, **(Прил.₁ + Сущ.₁)**, согл. в роде, чис. и пад. + **Сущ.₂ род. + (Сущ.₃ род. + Прил.₂)**, согл. в роде, чис. и пад., **(Прил.₁ + Прил.₂ + Сущ.₁)**, согл. в роде, чис. и пад. + **Сущ.₂ род. + Сущ.₃ род.**).

Структуры типа VC[слог]+CVC[слог], CVC[слог]+CV[слог], CV[слог]+CVC[слог]:

<i>CEKOP</i>	<	<i>Centrala Eksportu Kompletnych Obiektów Przemysłowych</i>
<i>OMTUR</i>	<	<i>Organizacja Młodzieży Towarzystwa Uniwersytetu Robotniczego</i>
<i>CODKO</i>	<	<i>Centralny Ośrodek Doskonalenia Kadra Oświatowych</i>
<i>PESEL</i>	<	<i>Powszechny Elektroniczny System Ewidencji Ludności</i>

Большая часть двусложных звуковых аббревиатур польского языка образуется на основе сочиненных соединений слов. Формализация процесса их образования обнаруживает следующие закономерности.

1. Двусложные звуковые аббревиатуры польского языка в своей основе могут иметь бессоюзные соединения слов, количество которых равно пяти: **W₁W₂W₃W₄W₅**.

HAGAW < Henryk, Andrzej, Grzegorz, Andrzej, Włodzimierz

2. Основной причиной включения союза в состав аббревиатуры является возможность создания звуковых аббревиатур. Количество полнозначных слов в составе словосочетания-основы может быть равным трем или четырем. В первом случае включение союза в состав аббревиатуры является обязательным **W₁W₂qW₃**. Благодаря ему аббревиатура начинает читаться как двусложное слово. Если бы союз не входил в состав аббревиатуры, то она читалась бы не иначе как «побуквенно»:

IGiK < Instytut Geodezji i Kartografii

3. В составе трехкомпонентного словосочетания могут обнаруживаться сложные слова. При этом включение второй буквы значимой части сложного слова в состав аббревиатуры является обязательным:

SKOiB < Studium Kulturalno-Oświatowe i Bibliotekarskie

При четырехкомпонентной основе служебный элемент может быть включен в состав аббревиатуры по тем же причинам, что и в случае с трехкомпонентной **W₁W₂W₃qW₄**:

GUGiK < Główny Urząd Geodezji i Kartografii

Некоторые аббревиатуры могут иметь варианты графических форм: союз может сохранять строчное написание, все элементы аббревиатуры записываются прописными буквами или же только первая буква слова пишется прописной буквой:

*ZAIKS / Zaiks / ZAiKS < Związek Autorów i Kompozytorów Scenicznych
ZURiT / ZURT [zurit / zurt] < Zakład Usług Radiotechnicznych i Telewizyjnych*

Однако возможны и варианты образования аббревиатуры на базе четырехкомпонентного словосочетания: союз может и не входить в ее состав. В таком случае качественно аббревиатура не меняется, она все равно имеет возможность читаться как обычное слово, т.е. является звуковой независимо от участия в ее образовании союза.

4. Имеются основания говорить о служебных словах как об избыточности структуры производящего наименования. Если в словосочетании, на основе которого строится аббревиатура, присутствует два гласных инициальных элемента, то «помощь» служебного слова для образования двусложной звуковой аббревиатуры не нужна. Иными словами, наблюдается опущение служебного слова. Это может происходить независимо от количества компонентов и места, занимаемого союзом:

W₁W₂(-q)W₃W₄, W₁W₂W₃W₄(-q)W₅ или W₁W₂W₃(-q)W₄W₅.

IEOP < *Instytut Ekonomiki i Organizacji Przemysłu*

FARUM < *Fabryka Aparatury Rentgenowskiej i Urządzeń Medycznych*

5. При написании аббревиатур обнаруживаются варианты:

inte, INTE [inte] < *informacja naukowa, techniczna i ekonomiczna*

COPIA, Copia [copia] < *Centrala Obsługi Przedsiębiorstw i Instytucji Artystycznych*

6. При участии в образовании аббревиатуры служебного слова может наблюдаться опущение одного из полнозначных слов производящей основы **W₁W₂W₃ (-q)W₄(-W₅)**:

PUPiK < *Przedsiębiorstwo Upowszechniania Pras i Książki «Ruch»*

7. Более того, обнаруживаются лексико-структурные расхождения между составом аббревиатуры и составом полного названия: *Robotniczy¹ Oświaty² i³ Kultury⁴ im.⁵ Stefana⁶ Żeromskiego⁷* < *R¹ i O² K⁴*.

Таким образом, анализ производящих синтаксических структур звуковых аббревиатур показал, что в польском языке аббревиации подвергаются как простые, так и сложные сочетания лексем. Наиболее простым путем, т. е. способом последовательной инициальной аббревиации компонентов исходных словосочетаний, протекает аббревиация простых словосочетаний типа **Сущ. + Прил.**, согл. в роде, чис. и пад. и Сущ.₁ + Сущ.₂ род. При этом нужно отметить, что двучленные конструкции в качестве производящего наименования оказываются для звуковых аббревиатур нехарактерными. Однозначное соответствие между исходной синтаксической единицей смещается по мере того, как в сферу аббревиации вовлекаются сложные сочетания лексем. В этих случаях механизм аббревиации отклоняется от прямолинейных схем, поскольку в ряде случаев образование сокращенных слов сводится к уменьшению числа компонентов.

Часть звуковых аббревиатур образуется от словосочетаний, осложненных неполнозначными словами: предлогами или союзами. Включение служебных слов (как правило, это предлог *o* или союз *i*) в состав звуковой аббревиатуры обеспечивает прочтение ее как простого корневого слова. Того же эффекта можно достичь включением в состав аббревиатуры начальной гласной буквы первой или второй значимой части сложного слова производящего наименования. Впрочем, включение инициальных элементов значимых частей сложных слов словосочетания-основы в состав аббревиатуры является обязательным независимо от количества компонентов исходного словосочетания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Под производящей синтаксической структурой понимается строение «расшифровок», на базе которых образуется аббревиатура.
- 2 Материальной базой исследования послужил отобранный путем сплошной выборки фактический материал шести лексикографических изданий и словарика, помещенного в работе Ю. Млодыньского (см. *Источники*).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 1979 — Д.И. Алексеев. *Сокращенные слова в русском языке*. Саратов, 1979.
- Борисов 1972 — В.В. Борисов. *Аббревиатура и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках*. Москва, 1972.
- Kochański i in. 1989 — W. Kochański, B. Klebanowska, A. Markowski. *O dobrej i złej polszczyźnie*. Wyd. 3. Warszawa, 1989.
- Młodyński 1974 — J. Młodyński. *Stan badań nad skrótwcami. Język polski*, r. VIII (322), s. 407–416.

ИСТОЧНИКИ

- Młodyński 1986 — J. Młodyński. *Słowniczek. Współczesna polszczyna*. Pod. red. H. Kurkowskiej. Warszawa, 1986, s. 181–186.
- NSPP — *Nowy słownik poprawnej polszczyzny PWN*. Wyd. 2, dodr. Red. Naukowy A. Markowski. Warszawa, 2002.
- Paruch [1992] — J. Paruch. *Słownik skrótów*. [Wyd. 2]. Warszawa, [1992].
- SiS — A. Czarnecka, J. Podracki. *Skróty i skrótwce: pisownia, wymowa, odmiana, składnia*. Warszawa, 1995.

- SPP — *Slownik poprawnej polszczyzny*. 18. wyd. Red. naczelnny W. Doroszewski. Warszawa, 1997.
- SSiS — J. Podracki. *Slownik skrotow i skrotowcow*. Warszawa, 1999.
- USJP — *Uniwersalny slownik jzyka polskiego*. T. 1–4. Pod red. S. Dubisza. Warszawa, 2003.
- WSPP — *Wielki slownik poprawnej polszczyzny PWN*. Pod. red. A. Markowskiego. Warszawa, 2007.

I. Tabakova. Poola keele helilised abreviaatuurid: tuletavate süntaktiliste struktuuride analüüs

Artikkel esitab helilisi abreviaatuure tuletavate süntaktiliste struktuuride analüüs. Poola keele lühenditeks transformeeruvate lekseemiühendite analüüsimes on arvestatud: a) millise sõnaga on väljendatud määraav ja määratlev komponent; b) lekseemiühendiga väljendatud süntaktiliste suhete tüüpe; c) abisõnade olemasolu või puudumist; d) komponentide järjestust. Vastavalt nendele iseloomustustele kirjeldatakse süntaktilisi baasmudeleid, st sõnaühendite abstraktseid näiteid ehk tüüpe, mis kujutavad endast kõrvalekallet sellistest grammatilisi ja leksikaal-semantilisi iseloomustusi ühendavatest sõnadest, mis on olulised sõnaühendite formaalse ülesehituse ja tähenduse seisukohalt. Süntaktiliste baasmudelite konstrueerimisel avaldatakse sõnaühendi komponentide koosseis leksikaal-grammatiliste sõnaklasside terminites. Üldiselt on kasutatavad üldtarvitatavad lühendid.

REBUSI V SLOVENSKI ONOMASTIKI

Toponimi *Bežigrad*, *Možnica*, *Ovsiše*, *Pržanj*, *Vojnik*, *Vuzenica*, priimki *Mahnič*, *Obid*, *Pretnar*, *Stanovnik*

Bežigrad

Ime te današnje ljubljanske mestne četrti v starih zgodovinskih virih ni izpričano, omenja se menda šele v matičnih knjigah 18. stol. kot *Beschograd* (Valenčič 1989, 18). Na zemljevidu franciscejskega katastra je l. 1825 dvakrat vpisan mtn *Beshigrad* oz. *Beschigrad* (vmes je cerkev sv. Krištofa), nedaleč stran pa še mtn *Za Beshigrad*, vsi trije zapisi pa se našajo na njive (k.o. Sv. Petra predmestje). Metelko je kljub temu, da je v prejetem seznamu krajevnih imen (Metelkovo gradivo 1823) moral videti ime *Beshigrad* in rodilniško obliko *Beschigrada*, v svoji slovnici (1825, 192) zapisal *Bežiji grad* (asylum), rod. *Bežijiga grada*. Ime si je očitno razlagal kot 'priběžališče'. Freyer v svojem imeniku 1846 navaja ime *Beshigrad* kot oznako za imenje (Gut) v župniji Šentpeter (Freyer 1846, 7). Leta 1869 je *Bežigrad* obsegal komaj pet hiš z 58 prebivalci, takrat je bil tu prazen prostor med mestom na jugu in posavskimi vasmi na severu. Po letu 1880 je tod nastala delavska kolonija in z njo Hranilniška ulica, zamenek Bežigrajskega predmestja (Vrišer 1956, 46). *Bežigrad* se je kot poimenovanje mestnega predela začel uveljavljati šele v 30. letih 20. stol., od l. 1892 je obstajala le cesta *Za Bežigradom*. Za razliko od *Šiške*, *Viča*, *Most*, *Vodmata* ipd. pa nikoli ni obstajalo vaško naselje z imenom *Bežigrad*. Ljudsko izročilo trdi, da je med obleganjem Ljubljane l. 1472 neki turški beg tod postavil šotor, ki so mu rekli *bežji grad*, torej 'begov grad'. Snoj (2009, 59) je to razlago v celoti sprejel.

Glede na razpoložljive historične vire je jasno, da je ime *Bežigrad* nastalo kot ledinsko ime, zato ni presenetljivo, da se v tej kategoriji imen pojavi tudi drugod po Sloveniji: mtn *Bežigrad* v vasi Potok pri Vačah, k.o. Vače (LiAKZ), mtn (njive) v kraju Bukovžlak ob vzhodnem robu Celja, FK 1825 *Wischegrad* (k.o. Bukovžlak) in dvorec *Bežigrad*, prvič

omenjen 1. 1666 kot *Weschigrad*. Leta 1825 izpričani mtn *Beisidolina* (*Bežidolina*) v kraju Polana (k.o. Paneče, o. Laško) razkriva naravo tovrstnih tvorjenk, ki so očitno velelniške zloženke z opuščenim predlogom. *Bežigrad* je nastal iz *bežati v grad*, *Bežidolina* pa iz *bežati v dolino*.

Istega tipa je tpm *Skočidol* na Koroškem < *skočiti v dól* ('dolina'), ne pa < *skočiti dól* ('navzdol'), kot meni Snoj (2009, 377). Proti slednjemu govori zlasti etnik *Skočidolanci*.

Na enak način je tvorjeno krajevno ime *Skočigrm* pri Trebinju v Hercegovini.

Morda smemo v isti tip imen uvrstiti tudi tpm *Pódigrac* v Slovenskih goricah: 1265–1267 *Podegraetz*, 1311 *Podgraetz*, 1314 *Podigretz*, 1344 *Peydigretz*, 1357 *Pograetz*, 1359 *Poydigraetz*, 1444 *Pottegrecz*, 1454 *Poydigretz*, *Podigretz*, 1490 *Potagricz*, 1496 *Podegraetz*, 1780 *Podigracz*, 1822 *Podegratz*, 1824 *Podigratz* (k.o. *Podigrac*), 1931 *Podigrac*, tudi *Podgrad*, 1937 *Podgrac*. Ime je utegnilo nastati iz mtn **Pojdigra-dec*, kar spominja na *Bežigrad*. Izpuščanje *-j-* je namreč v nemških zapisih slovenskih osebnih in zemljepisnih imen večkrat izpričano: 1190 *Mogoy* za **Mojgoj*, v 9. stol. *Mohmir* za **Mojmir*, *Comir* za **Gojmir*, 1050 *Goslauuis* < atn **Goslav*, pojav pa je značilen tudi za čisto slovansko okolje: *Stogovci* (< **Stojgoj*), *Sodražica* (< **Stojdrag*), *Moslavina* (< **Mojslav*).

Res pa je, da je tudi ime *Podgorje* pri Šoštanju leta včasih zapisano *Pödiger*, *Pedegor* (2 od 13 zapisov). Če je *Podigrac* < **Podgradec*, je to rezultat močnega ponemčenja izgovora, kar se v teh krajih na jezikovni meji prav tako dogaja, prim. *Činžat* za *Senožet* (Štrekelj 1906, 48).

Prvotna ledinska imena *Bežigrad*, *Podigrac*, *Bežidolina*, *Skočidol(i-na)*, *Skočigrm* je torej treba razlagati kot: 'beži v grad', 'pojni v gradec', 'beži v dolino', 'skoči v dolino', 'skoči v grm', ni pa jasno, kakšna je bila motivacija za tovrstno nominacijo. B. Tošović (2000, 275) navaja enako tvorjeni ukrajinski tpm *Guljajpole*.

Možnica

it. *Moggio Udinese*, furl. *Mueč*, rez. *Múžac* (Steenwijk 2005, 84). Merkù (1999, 50) ne navaja rezijanske oblike. Ime se v virih pojavlja že od 11. stoletja dalje zaradi tamkajšnjega gradu in benediktinskega samostana, danes pa je kraj tudi sedež občine. V slovenski zgodovinski in geografski literaturi se — vsaj za samostan — večinoma uporablja oblika *Možac*. Historični zapisi: 1072 in 1136 *Mosniz*, 1143 *Mosiniz* itd. (Prampero 1882, 116).

Možnica je tudi ime potoka, doline in zaselka pri Logu pod Mangartom, po potoku je verjetno prejela ime planina *Možnica*. Bezljaj (1961, 38) obravnava to ime pri vodnem imenu *Možica*, nem. *Mosinz* na kortsajerski meji, 1147 *Mosinz*, pri razlagi pa izhaja iz neizpričanega apel. *moža poleg *muža* 'močvirje, mlaka', čeprav priznava, da glasoslovno -o- v tej osnovi ni jasen. Dopusča, da spada sem tudi *Možnica* ali *Mužac*, it. *Moggio*, nem. *Mosach*. Frau (1978, 81) povezuje *Možnico* s slovensko *muža* 'močvirje'. Snoj tega imena ne pojasnjuje, pač pa za gorsko ime *Mužci* (pogorje med Rezijo in Tersko dolino) trdi, da izvajanje iz *mèžb ni mogoče, ker na tem območju slovan. è ne preide v u, pač pa v o (Snoj 2009, 277). Če to velja za tersko območje, vsekakor ne velja vselej tudi za rezijansko, saj se občno ime *mož* v vseh štirih govorih glasi *muž* (Steenwijk 2005, 84).

Ime *Možnica* je najverjetneje izpeljano iz antroponima *Mèžb (prim. priimek *Možina* z enim od žarišč v Logu pod Mangartom) z obrazilom -bñ- in posamostalitvenim obrazilom -ica, podobno kot pri krajevnih imenih *Gorišnica*, *Višelnica*, *Bezgovnica*, *Bregovnica*, *Negojnica*, ali pri vodnih imenih *Bratnica*, *Lahomnica*, *Ljubnica*, *Lobnica* (< *L'ubbnica), *Malešnica*, *Radušnica*. Rezijanska oblika *Mužac* je konkurenčna različica imena *Možnica*, izpeljana iz iste antroponimske podstave *Mèžb, le z obrazilom -bcb, prim. podobno tvorjene toponime *Nerajec* (Veliki, Mali), *Rajec*, *Unec*.

Koren *mož* je izpričan še v slovenskih krajevnih imenih *Hotemež*, *Hotemaže*, *Radmožanci*, *Rodmošci*, *Možjanca*, v gorskem imenu *Radomažna* in v priimkih *Mozetič*, *Može*, *Mužič*.

Ovsiše

Ovsiše (na *Ovsišah*) so vas pri Podnartu v o. Radovljica, ki se jim v narečju pravi *Vóše* (na *Vóšah*, *Vošáni*) ali tudi *Óvše* (Z. Smitek, ustno). Lavtižar (1897, 111) piše *Olše* in pripominja, da ljudstvo izgovarja *Ovše*. Historični zapisi so: 1291 *Harlant*, 1481 dorff *Ousischo*, *Haberlandt*, 1689 *Osisch*, 1780 *Vousche*, 1797 *Wouschische* (zemljevid ljubljanske kresije), FK 1826 *Auschische* in 1868 *Ovšiše* (k.o. Češnjica pri Kropi), 1843 *Ovsišhe*, nem. *Auschische* (Freyerjev zemljevid Kranjske). D. Čop (1983, 62) je na podlagi narečne imenske oblike *Woše*, ne upoštevaje srednjeveških zapisov, ime rekonstruiral kot *ol'šane iz gorenjsko *woša* 'jelša'. Takšno razlago sprejema tudi Snoj (Snoj 2002, 32; 2009, 298). Za obliko *Ovsiše* meni, da je suženjski prevod nemškega imena *Habern*, ki da je nastalo po napačni razlagi slovenskega imena (!?).

Toda historični zapisi nam izpričujejo drugačno sliko. Pisna tradicija je vseskozi ohranjala prvotno ime **Ovsišče*, medtem ko so *Voše* nastale v mlajšem narečnem razvoju: z vokalno redukcijo *Ovsče*, z asimilacijo *Ovše*, z gorenjsko monoftongizacijo *Oše*, s protezo *Voše*. Za prvotni naglas na vzglasju govori celotni razvojni potek. Podoben razvoj je doživel tudi toponim *Jagršče* (< **Jágodišče*), zlasti pa enako umetno naglašeni imeni *Laziše* in *Lažiše* (pri Laškem in Dobju pri Planini pri Sevnici) ob lokalni izgovarjavi *Laše* in pridevniku *lážaški* (za *Lažiše*), ki kaže na prvotni naglas **Lázišče*. Obstaja še vrsta krajevnih imen na *-išče*, ki niso naglašena na tej pripomini, prim. *Gráhovše*, *Gróbišče*, *Jarše*, *Kozáršče* in *Kozárišče*, *Lajše*, *Lašče*, *Lógaršče*.

Oblika *Ovsiše* je potemtakem vendarle bistveno bližja izvirnemu stanju, saj je narečni razvoj ime spremenil do neprepoznavnosti. Zanimiv je zapis *Ousisch* iz leta 1481, saj še ohranja stanje tik pred gorenjsko monoftongizacijo diftongov, ki jo lahko nazorno zasledujemo v tpn *Noše* (< **Novše*) pri Brezjah: 1458 *Nawssach*, 1469 *Nawschach*, 1498 *Noschach*, 1689 *Nosseshah*.

Ime *Ovsiše* je do narečne oblike *Voše* v enakem razmerju kot sta imeni *Laziše* in *Lažiše* do narečne oblike *Laše*. *Ovsiše*, *Laziše* in *Lažiše* se danes umetno naglašajo na drugem zlogu, čeprav je prav nekdanji naglas na prvem zlogu povzročil redukcijo v *Ovše* in *Voše* ter *Laše*.

Tako *Laziše* (k.o. *Laziše*) kot *Lažiše* (k.o. *Mrzlo Polje*) so v FK 1825 enako zapisane kot *Laschische*.

Pržanj

Nekdanja vasica *Pržanj*, ki je ob popisu l. 1817 (Haupt-Ausweiss 1817) štela komaj 11 hiš in 68 prebivalcev, je od leta 1975 del Ljubljane. Še ne dolgo tega so ime pisali *Pržanj*, v zadnjih letih pa je kdove zakaj prevladala pisava *Pržan*. Bezljaj (1961, 125) je ime tamkajšnjega potoka *Pržanec* in tpn *Pržanj* izvajal iz apelativa *přga* 'z ilovico in apnom pomešani pesek, grušec', s čimer se je strinjala tudi M. Furlan (M. Furlan pri Bezljaj 1995, 301). M. Snoj (2009, 336) je tpn *Pržan* razložil iz predložne zveze pri *Žanu*, češ da je bila v vasi nekdaj kmetija z imenom *Žan*.

Toda historični zapisi v celoti demantirajo to ljudskoetimološko razlago. Dovolj je, če pogledamo katastrski zemljevid iz l. 1826 (za opozorilo se zahvaljujem arheologu I.M. Hrovatinu, prim. e-pismo z dne 31.1. 2008), na katerem je ime vasi vpisano kot *Preschgain*, poleg vasi ležeče njive pa *Na Persain* (k.o. Dravlje). Popis 1817 prav tako navaja obliko *Preschgain*, medtem ko v seznamu slovenskih krajevnih imen na

Kranjskem, ki so ga na Metelkovo prošnjo leta 1823 izdelali lokalni pisarji, za *Pržanj* najdemo zapis *Preshgain*, rod. *Preshgaina* (Metelkovo gradivo 1823). Sam Metelko je v svojem zvežčiču to ime zapisal kot *Preshganje*. Freyer je v svojem imeniku (Freyer 1846, 79) zapisal *Pershàn*, nem. *Preschgain* (župnija Šentvid), na nekem drugem mestu v istem imeniku pa nem. *Preschgain* (*Preshgánje*), slov. *Pershan* (1846, 88). V oklepanih je podal poknjiženo obliko, ki pa se očitno ni uveljavila.

Vzhodno od Ljubljane je na dolenjskem narečnem območju vas *Prežgánje* (na *Prežgánjem* ali na *Prežgánju*), ki ima enake historične zapise kot *Pržanj*: FK 1826 *Preschgain* (k.o. Volavlje), 1780 *Presganie*, 1689 *Presgain*. Freyer jo je v svojem Imeniku zapisal nem. *Preschgain*, slov. *Preshgánje*, župnija *Preschgain* (1846, 88).

Iz navedenega historičnega in primerjalnega gradiva je jasno, da je imenska oblika *Pržanj* nastala v gorenjskem narečnem razvoju iz starejše oblike **Prežganje*. Zaradi oslabljenega izgovora zapornika *g* je ta sčasoma lahko celo izginil, npr. na Koroškem *žganki* 'žganci' > *žanki* (Ramovš 1924, 248). Zaporniški *g* se je začel izgovarjati oslabljeno na večjem delu koroškega in primorskega območja ter delu severovzhodnega gorenjskega narečja. V preteklosti je bil obseg ozemlja z oslabljenim zapornikom precej večji, o čemer pričajo historični zapisi, npr. 1130 *Roas* za Rogatec, pozneje *Rohats*, *Rohas* itd., zapisi *Saloch* za Zalog pri Ljubljani in Novem mestu v 14. stol. itd. (Greenberg 2001, 34). Ponekod je *g* postal priporočni, ponekod je celo izpadel, npr. na Kneži na Koroškem: *putane* 'potegne', *uh* 'gluh', ali na Obirskem, kjer *g* izпадa med vokaloma: *čawe* 'čigavi', v Tacnu pri Ljubljani *žave*. Popoln izpad *g*-ja zasledimo tudi v vzhodnih rezijanskih in terskih govorih. M. Snoj je Greenbergu sporočil, da so v Tacnu še okrog 1970 izgovarjali priporočni *g*, kar je danes skoraj v celoti izginilo. Ta podatek kaže, da so na območju gorenjskega narečja severozahodno od Ljubljane v začetku 19. stol. *g* izgovarjali priporočko, kar je zlahka vodilo tudi k njegovemu izginotju.

Tpn **Prežganje* je nastal iz glagola *prežgati*, ki verjetno niti ni povezan s požiganjem kot načinom krčenja zemlje, pač pa z žganjem železove rude, saj so arheologi na Pržanju prav v najnovejšem času odkrili staroslovansko naselje z intenzivno predelavo železa iz 8. in 9. stoletja.

Vojnik

Pintar (1912, 49; 1914, 462) in za njim Ramovš (1924, 248) sta ta toponim iz okolice Celja izvajala iz domnevnega apelativa **hvojnik*, medtem ko se je Bezljaj (1961, 308) nagibal bodisi k izvajanju iz slovanskega

antroponima na *Voj-* ali iz glagola *viti*. Bezljaj med toponimskimi paralelami za apelativ *hoja* ni navedel imena *Vojnik* niti v ESSJ (1976, 199). Snoj pri Bezljaju (2005, 336) je še dopuščal povezavo tpn *Vojnik* z glagolom *vojevati*, v svojem slovarju (2009, 464) pa se je vrnil k Pintarjevi razlagi. Za nemške zapise *Hoheneke*, *Hohenek* ipd., ki so izpričani že od leta 1165, meni, da so ljudskoetimološko prenarejeni in da predstavljajo le transpozicijo slovenskega imena **Hvojnik* v nemško zveneče ime *Hoheneck* s pomenom 'visoko brdo'.

V resnici gre za ravno obraten proces: nemško ime *Hoheneck* (od prvih zapisov dalje se je nanašalo na nekdanji grad, sedež gospodov Vojniških) je bilo v slovenskih ustih prenarejeno in glasovno podomačeno v *Vojnik*: **Onek*, **Ojnek*, **Ojnik*, nato s protezo v *Vojnik*. Glede pojavov proteze *v-* na Štajerskem prim. hdn in tpn *Voglajna* < *Oglajna* (še 1780 potok *Oglania*, vas *Oglan*, 1825 vas *Vogleina*), *Volog* < *Olog*, *Vopovlje* < *Opoplje*, *Vuzenica* < *Osenica*.

Neposredno primerljivo je kočevsko krajevno ime *Ónek*, nem. *Hohelegg*, v urbarju 1574 *Honekh* (Simonič 1935, 64), 1581 *Honec*. Tudi *Vojnik* ima iz leta 1202 zapis *Onec* (Kos Gr. 1902–1928, V, 11), B. Hacquet ga 1782 zapiše *Voinik*. S podobnim podomačevanjem nemških zloženih imen z elementom *-eck* 'brdo' so nastala imena *Podlehnik* za nem. *Liechtenegg* (Krempl 1845: *na Podlihtneki*), *Rifnik* za *Reicheneck*, *Žebnik* za *Sibeneg*, *Durnik* za *Durreneck*, *Vŕčnek* za nem. *Schwarzeneck*. Nemci so prevedli slovensko ime *Rakovnik* v *Kretzenbach* (< *Krebzenbach*), Slovenci pa so ga prenaredili s svojim obrazilom v *Recenjak*. Slovenci so prevzeli tudi glasovno ponemčeno ime *Dornava* < **Trnava* in *Spuhlja* < *ze Puhel* 'pri gorici'.

Iz **Hvojnik* bi prej pričakovali **Hojnik*, saj je za slovenski glasovni razvoj značilno ravno izpadanje *v*-ja: **hvoja* > *hoja*, **sъtvoriti* > *storiti*, **tvъrdъ* > *trd*, *cvreti* > *creti* (nar.) itd.

Prim. tpn *Fojke*, domačija v Sv. Ožboltu, južno od Škofje Loke, z zapisu *Hoykh* 1421, *Choyky* 1441, *Choiki* 1501, ali *Hojče* v o. Ribnica, 1780 *Hoische*, 1825 *Hoitsche*, mtn *Hoiske Nive* (k.o. Sv. Gregor), *Podhoini Hrib* v o. Velike Lašče, 1463 *Vnder dem Perg*, 1780 *Schellin*, FK 1823 *Podhoinihrib* (k.o. Krvava Peč).

Iz **Podhoinik* je gotovo ime zas. *Pokojnik* (Mrzla Planina v o. Sevnica), 1436 *Pokoynikg*, 1527 *Pochonick* (Koropec 1988, 222), ki je obenem tudi gorsko ime. *Pokojnica* v o. Ivančna Gorica ima zapis 1460 *Pakhowitz*, 1780 *Pokoinicza*, *Pokojšče* v o. Borovnica pa 1780 *Pokoinik*. Oboje

verjetno < **Podhōjnica* oz. **Podhōjnik*. Izpadanje *d*-ja je v slovenskih toponimih s predlogom *pod* zelo razširjeno, prim. *Poljubinj* < **Podljinj*, *Pokljuka* < **Podkljuka*, nar. *Pogara* < **Podgora* itd. Snoj (2009, 317) razlaga (po Badjuri 1953) *Pokojišče* kot ‘počivališče’, kar je nadvse vprašljivo. Današnja oblika je z naglasom vred glede na zapis iz l. 1780 najverjetneje rezultat preosmišljenga in adaptacije, saj domnevni apelativ **pokojišče* tudi besedotvorno ni verjeten. Prehod *h* > *k* je v slovenski toponimi pogosto izpričan, prim. *Klevišče* < **Hlevišče* (zas. vasi Tepe v o. Litijska), *Kotredež* < **Hotedraž* (o. Zagorje ob Savi), *Kotlje* < **Hotlje* (o. Ravne na Koroškem).

Vuzenica

Vuzenica je naselje ob Dravi vzhodno od Dravograda, ki se v historičnih virih pojavlja od leta 1238 pa vse do 19. stol. izključno s polimorfnim nemškim imenom *Saldenhofen* (nastalim iz druge podstave kot slovensko). Narečna oblika se glasi *Vuznica* (akad. Z. Zorko, ustno), vendar velika večina danes pozna le še obliko *Vúzenica* (B. Rajh, ustno). Snoj (2009, 472) izvaja to ime iz *(v)ɔzen̥, to pa iz *(v)ɔziti ‘ožiti’, ali iz *(v)ɔzina ‘ožina’.

Toda redki slovenski zapisi iz prve polovice 19. stol. nam omogočajo drugačno rešitev. Schmutz (1822, 429, 431) navaja *Saldenhofen*, windisch *Ofsenitz – Terg* in *Ofsenitz – Weſs*.

Krempl (1845, 169) omenja ta toponim kot *Vusenice*, *v' Vusenicah*, avtorji knjige Slovenski Štajer (1868, 25, 81) pa že pišejo *Vuzenica*, pri *Vuzenicah*, a tudi *Vozenica* (1870, 111), ki jo najdemo še v reviji Kres (Navratil 1886, 276) pa že piše *Vuzenica*, pri *Vuzenicah*. V knjigi Slovenski Štajer (1868, 111) in reviji Kres (Navratil 1886, 276) najdemo tudi različico *Vozenica*.

Zdi se, da je bistvenega pomena prav slovenski zapis imena iz leta 1822. V njem je mogoče prepozнатi apelativ *osenica*, kar je staro poimenovanje rastline *Medicago lupulina* ali *hmeljna metlika* (Praprotnik 2007, 48) oz. *hmeljna metéljka* (Trpin, Vreš 1995, 61), bolj znane pod imenom *lucerna* (SSKJ 1970–1991), rus. *люцерна хмелевидная*. Zemljepisna imena so pač nastajala tudi iz imen manjših rastlin, prim. tpn. *Čeplez*, *Kopriva*, *Metlika*, *Bršlin*, *Čimerno*.

Verjetna rekonstrukcija za tpn *Vuzenica* je zato *(v)ɔsénica, kar je enako rekonstrukciji za zoonim *gosenica* oz. fitonim *osenica*. *(V)ɔsénica je posamostaljeni pridevnik **gsen̥* ‘kosmat, dlakav’, izpeljan iz psl. *(v)ɔs̥v ‘dlaka’, prim. polj. *wqs*, rus. *yc* ‘brk’ (Borys 2005, 158).

Razvoj je torej potekal po stopnjah: *Osenica* > *Vosenica* > *Vusenice* > *Vusnice* > *Vuznice* oz. *Vuznica* > *Vuzenica* > *Vženica*. Glede proteze v na Štajerskem gl. *tpn Vojnik*.

Zvenečnostna premena *s* > *z* je v slovenski toponimiji večkrat izpričana, ne samo ob zvočniku *r* (*Porezen* < *Porzen* < **Podvresen*, *Modrzele* < **Motore sele*), pač pa tudi ob zvočnikih *m* in *n* (*Kozmerice* < *Kosmerice* < **Gostmirica*). Sem se uvršča tudi *Vuzenica*. Podobno zvenečnostno premeno zasledimo tudi v nar. apelativu *guoznca* 'gosenica' v Zafoštu pri Slovenski Bistrici (gradivo za SLA, v zvezku, hrani dialektološka sekcija Inštituta za slovenski jezik F. Ramovša; za posredovani podatek se zahvaljujem kolegici M. Furlan).

LITERATURA

- Badjura 1953 — R. Badjura. *Ljudska geografija*, Ljubljana, 1953.
- Bezlaj 1956–1961 — F. Bezlaj. *Slovenska vodna imena*. I–II. Ljubljana, 1956–1961.
- Bezlaj 1976 — F. Bezlaj. *Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga*, A–J. Ljubljana, 1976.
- Bezlaj 1995 — F. Bezlaj. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Tretja knjiga, P–S. Dop. in ur. M. Snoj in M. Furlan. Ljubljana, 1995.
- Bezlaj 2005 — F. Bezlaj. *Etimološki slovar slovenskega jezika. Četrta knjiga*, Š–Ž. Avtorji gesel F. Bezlaj, M. Snoj, M. Furlan, ur. M. Snoj in M. Furlan. Ljubljana, 2005.
- Boryś 2005 — W. Boryś. *Slownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 2005.
- Čop 1983 — D. Čop. *Imenoslovje zgornjesavskih dolin*. Disertacija. Ljubljana, 1983.
- ESSJ 1974–2010 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. 1–36. Под ред. О.Н. Трубачева. Москва, 1974–2010.
- Frau 1978 — G. Frau. *Dizionario toponomastico Friuli Venezia Giulia*. Udine, 1978.
- Greenberg 2001 — M. Greenberg. *Расцвет и падение лениции взрывных в словенском языке*. Вопросы языкоznания. Москва, 2001, № 1, с. 31–42.
- Metelko 1825 — F. Metelko. *Lehrgebäude der slowenischen Sprache im Königreiche Illyrien und in den benachbarten Provinzen*. Laibach, 1825.
- Pintar 1910–1915 — L. Pintar. *O krajnih imenih*. Ljubljanski zvon. Ljubljana, 1910–1915.
- Ramovš 1924 — F. Ramovš. *Historična gramatika slovenskega jezika*. II. Konzonantizem. Ljubljana, 1924.

- Snoj 2002 — M. Snoj. *O etimologiji osebnih in zemljepisnih imen na Slovenskem*. Jezikoslovni zapiski. Slovensko imenoslovje. Ljubljana, 2002, letnik 8, št. 2, s. 37–40.
- Snoj 2009 — M. Snoj. *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*. Ljubljana, 2009.
- Steenwijk 2005 — H. Steenwijk. *Piccolo dizionario ortografico resiano/ Mali bisdik za točno razjansko pisanje*. Padova, 2005.
- Štrekelj 1906 — K. Štrekelj. *Razlaga nekterih krajevnih imen po slovenskem Štajerju 1*. Časopis za zgodovino in narodopisje. Maribor, 1906, 3, s. 41–64.
- Šumrada 1987 — J. Šumrada. *O popravilu bovške ceste na preloma iz 14. v 15. stoletje*. Zgodovinski časopis, 41, Ljubljana, št. 2, s. 313–319.
- Tošović 2000 — B. Tošovitch. *Глагольность ономастических композитов. Słowiańskie composita antroponimiczne*. Pod red. St. Warchoła. Lublin, 2000.

VIRI

- Freyer 1846 — H. Freyer. *Alfabeticches Verzeichniss aller Ortschafts- und Schlösser-Namen des Herzogthums Krain*. Laibach, 1846.
- Haupt-Ausweiss 1817 — *Haupt-Ausweiss über die Eintheilung des Laibacher Gouvernementsgebiethe in Provinzen, Kreisen, Sektionen, Bezirke-Obrigkeiten, Hauptgemeinden, Untergemeinden und Ortschaften, nebst deren Häuser- und Seeleangahl im Jahre 1817*. Laibach, 1817.
- FK — *Franciscejski kataster*. URL: <http://www.arhiv.gov.si/>.
- Koropec 1988 — J. Koropec. *Slovenski del Štajerske v davčnem seznamu glavarine leta 1527*. Časopis za narodopisje in zgodovino, 1988, št. 2, s. 216–277.
- Kos 1902–1928 — F. Kos. *Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku (do leta 1246)*. I–V. Ljubljana, 1902–1928.
- Kos 1975 — M. Kos. *Gradivo za historično topografijo Slovenije (za Kranjsko do leta 1500)*. I–III. Ljubljana, 1975.
- Krempl 1845 — A. Krempl. *Dogodivšine Štajerske zemle*. Gradec, 1845.
- Lavtižar 1897 — J. Lavtižar. *Zgodovina župnij in zvonovi v dekaniji Radolica*. Ljubljana, 1897. Spletna stran Statističnega urada RS. URL: <http://www.stat.si/imena.asp>.
- LiAKZ 2003 — *Datoteka ledinskih imen Agencije RS za kmetijske trge in razvoj podeželja*. Ljubljana, 2003.
- Merkù 1999 — P. Merkù. *Slovenska krajevna imena v Italiji. Priročnik/ Toponiimi sloveni in Italia*. Manuale. Trst, 1999.
- Metelkovo gradivo 1823 — *Metelkovo gradivo: seznami krajevnih imen na Gorjanskem, Dolenjskem in v Beljaškem okrožju v nemščini in slovenščini, připravljeni za Metelka*. Rokop. zbirka NUK, MS 416, 1823.
- Navratil 1886 — I. Navratil. *Narodnostne razmere na spodnjem Štajerskem*. Kres 6. Celovec, 1886.

- Pramer 1882 — A. Di Pramero. *Saggio di un glossario geografico friulano dal VI al XIII secolo*. Venezia, 1882.
- Otorepec 1995 — B. Otorepec. *Gradivo za slovensko zgodovino v arhivih in bibliotekah Vidma (1270–1405)*. Ljubljana, 1995.
- Praprotnik 2007 — N. Praprotnik. *Henrik Freyer in njegov seznam slovanskih rastlinskih imen (Verzeichniß flavischen Pflanzen-Namen) iz leta 1836*. Scopolia, 2007, št. 61, s. 1–99.
- Schmutz 1822–1823 — C. Schmutz. *Historisch Topographisches Lexikon von Steyermark*. I–IV. Gratz, 1822–1823.
- Simonič 1935 — I. Simonič. *Kočevarji v luči krajevnih in ledinskih imen*. Glasnik Muzejskega društva za Slovenijo XVI. Ljubljana, 1935, s. 61–81, 106–121.
- Slovenski Štajer 1868 — *Slovenski Štajer. Dežela in ljudstvo*. I. Ljubljana, 1868.
- SSKJ 1970–1991 — *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. I–V. Ljubljana, 1970–1991.
- Trpin, Vreš 1995 — D. Trpin, B. Vreš. *Register flore Slovenije. Praprotnice in cvetnice*. Ljubljana, 1995.
- Vrišer 1956 — I. Vrišer. *Razvoj prebivalstva na območju Ljubljane*. Ljubljana, 1956.
- Valenčič 1989 — V. Valenčič. *Zgodovina ljubljanskih uličnih imen*. Ljubljana, 1989.

SEZNAM KRAJŠAV

atn – antroponim, antroponimski	os. i. – osebno ime
apel. – apelativ	polj. – poljski (-o)
hdn – hidronim	psl. – praslovanski (-o)
it. – italijanski (-o)	rez. – rezijansko
k.o. – katastrska občina	rus. – ruski (-o)
mtn – mikrotoponim	slov. – slovenski (-o)
nem. – nemški (-o)	tpn – toponim
o. – občina	zas. – zaselek

S. Torkar. Sloveenia onomastika reebused

Sloveenia keele materjalil vaadeldakse toponüümide *Bežigrad, Možnica, Ovsiše, Pržanj, Vojnik, Vuženica* päritolu.

**Наталья Николаевна Богданова,
Ольга Николаевна Бурдакова
Тартуский университет –
Нарвский колледж Тартуского университета**

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ОДНОГО ИЗ НЕПРОДУКТИВНЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КЛАССОВ ГЛАГОЛОВ

Морфология русского языка – типология русского глагольного словоизменения – продуктивные и непродуктивные классы глаголов – 1-й непродуктивный класс – объем класса – частота употребления в речи – значимость класса в системе языка.

Традиционное для современной русистики противопоставление в системе русского глагольного словоизменения продуктивных и непродуктивных классов глаголов впервые было предложено С.И. Карцевским в написанной и опубликованной на французском языке в Праге в 1927 г. докторской диссертации «*Système du verbe russe: Essai de linguistique synchronique*» (Карцевский 2004), а затем приведено в вышедшем в московско-ленинградском издательстве годом позже «Повторительном курсе русского языка» (Карцевский 2000). В указанных работах тогда член Пражского лингвистического кружка, а позднее известный представитель женевской лингвистической школы впервые дал подробное описание продуктивных, «типовидных» для современного ему состояния языка морфологических классов глаголов и непродуктивных, «грамматически ‘мертвых’» (по его выражению) (Карцевский 2004, 89) групп. В кругу последних на первое место Карцевский поставил весьма многочисленную и, скажем прямо, неоднородную в плане формообразования группу глаголов I спряжения на *a(-ть)* (см. *схему 1*). Сам Карцевский обращал внимание на отсутствие единства в составе очерченной им группы и предлагал дальнейшее деление глаголов

«на три неравных группы в зависимости от их основы: 1) основа на *-j-*: *баять – бают* (20 глаголов); 2) основа на носовой согласный: *отнять –*

отнимут, распять – распнут (29 глаголов) и 3) основа, не содержащая ни *-j-*, ни носового: а) глаголы односложные в инфинитиве: *брать – берут, врать – врут* (15 глаголов) и б) глаголы в инфинитиве двусложные или многосложные (93 глагола)» (Карцевский 2004, 92).

Бесприставочные глаголы, принадлежащие этому первому по счету непродуктивному классу («непродуктивной группе А» — в терминологии С.И. Карцевского (Карцевский 2004, 89)), автор представил в виде законченного списка и впервые, таким образом, определил объем класса — 157 единиц.

Идеи С.И. Карцевского поддержал и развил в ставшем классикой русской морфологии фундаментальном труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (Москва, 1947) другой видный ученый XX в. — академик В.В. Виноградов. Не ставя своей целью в рамках данной статьи дать подробную историю становления и развития классификации типов русского глагольного словоизменения, подчеркнем, что В.В. Виноградов при описании непродуктивных групп окончательно отграничил в классификации глаголы на *a(-ть)*, утрачивающие гласный *a* в формах наст. вр., от всех прочих глаголов I жения на *a(-ть)* и объединил, таким образом, в одну группу три ряда слов: «а) *алкать – алчут* <...>; б) *врать – врут* <...>; в) *брать – берут*» (Виноградов 2001, 369–370). Несколько сузив (см. *схему I*) состав 1-го непродуктивного класса (далее — НК), Виноградов, однако, не определил его размер, хотя при описании других непродуктивных групп последовательно называл число входящих в каждую из них глагольных основ (см. Виноградов 2001, 370–373).

Еще дальше по пути сужения первого по счету НК пошел другой выдающийся ученый — академик А.В. Исаченко. Используя современную терминологию, можно сказать, что он выделил в отдельную группу имеющие окончание *-ут* в 3 л. мн.ч. глаголы на *a(-ть)* с соотношением основ *a ~ Ø*, у которых образование форм настоящего времени сопровождается историческими чередованиями конечных согласных в основе (свистящих с шипящими, губных с губными + *l* и др.) (Исаченко 2003, II, 67–71), обособив их от примыкающих к этой непродуктивной группе т.н. «изолированных глаголов» (см. *схему I*).

Схема 1

Состав 1-го непродуктивного класса в классификациях...

С.И. Карцевского		В.В. Виноградова				А.В. Исаchenко				глаголы, прим. к VI кл.
непрол. гр. A	мазать... орать, сосать... лгать, слать...	брать, врать, лгать, слать...	мазать, писать, плакать, сытать...	орать, сосать, врать, ждать, лгать...	брать, орать, врать, ждать, звать	мазать, писать, плакать, сытать...	слать, стлать, орать, лгать, сосать	врать, ждать, жрать, рвать...	брать, орать, звать	
			непрол. гр. I			непрол. гр. I				
	сеять...		ляять	сеять, таять...		ляять, сеять...				
	отнять, распять...			взять, нанять...; начать...; жать, мять			принять...; взять, обять... жать, начать			
					глаголы	окаменел.			непрол. гр.	

Таким образом, к концу XX в. в морфологии выработалось несколько подходов к объединению глаголов в НК/ группы. Первый, назовем его условно **«широким»**¹, сводит в один класс практически все глаголы на *a(-ть)* I спряжения. При другом — **«суженном» подходе** — в один класс группируются лишь часть глаголов на *a(-ть)* I спряжения с соотношением основ инфинитива и наст. вр. *a ~ Ø* (без учета чередований и характера конечных согласных в основе). Такая точка зрения, восходящая к трудам В.В. Виноградова, находит сегодня отражение во многих новых и переизданных (с поправкой на современное состояние науки) старых учебных пособиях для вузов (см. Гвоздев 2009, 393; Голанов 2007, 191; Чепасова, Казачук 2007, 372) и справочных изданиях (см. РЯ 1998, 84–85; ЭССЛТП 2008, 811). Наконец, при дифференцированном, **«узком» подходе** глаголы I спряжения с одинаковым соотношением основ *a ~ Ø* подразделяются на четыре непродуктивные группы в зависимости от наличия/ отсутствия чередований согласных в конце глагольной основы, «беглых» гласных в корне, а также характера последних согласных глагольной основы. В этом случае 1-му НК принадлежат только глаголы I спряжения на *a ~ Ø* с историческими чередованиями

ми согласных в основе. Узкого понимания состава непродуктивных словоизменительных групп глаголов придерживался А.В. Исаченко, а вслед за ним авторы целого ряда учебников (см. Лопатин 2001, 549). Узкому пониманию объема 1-го НК будем следовать и мы в настоящей статье.

Сведения об объеме 1-го НК в литературе немногочисленны и несколько противоречивы: с одной стороны, одни и те же цифры фигурируют в рамках разных подходов, с другой стороны — различаются у сторонников одного и того же подхода к определению состава и границ класса. Так, наиболее широко толковавший состав класса С.И. Карцевский приводит в (Карцевский 2004, 89–92) списком, как уже отмечалось выше, 157 глаголов; в другой работе (Карцевский 2000) называет то же число («около 160»). Последователь В.В. Виноградова, приверженец «суженного» подхода к определению состава 1-го НК А.Н. Гвоздев, исчисляет его все теми же 160 единицами (Гвоздев 2009, 393; см. также ЭССЛТП 2008, 811), хотя, следуя данным Карцевского о количестве единиц трех «неравных» групп внутри непродуктивной группы А, их должно было быть на 29 меньше. Наконец, А.В. Исаченко, очень узко понимавший 1-й НК, оценил его объем довольно неточно: в «несколько десятков бесприставочных глаголов» (Исаченко 2003, II, 67), В.В. Лопатин насчитал «всего около 80 глаголов» (Лопатин 2001, 549), а А.М. Чепасова и И.Г. Казанчук — «около 100» (Чепасова, Казанчук 2007, 372). Число глаголов 1-го НК в «узком» понимании самим Карцевским установлено не было, мы обнаружили в его списке 84 таких глагола.

Отмеченные расхождения свидетельствуют о необходимости проведения ревизии глаголов 1-го НК. Значение ее возрастает, если принять во внимание тот факт, что, с тех пор как С. И. Карцевский составил «справки глаголов грамматически мертвых» (Карцевский 2004, 89–92), в составе класса могли произойти изменения: отдельные находящиеся на периферии класса устаревающие глаголы могли окончательно выйти из употребления, иные — перейти в разряд устаревающих, третий — «мигрировать» в другие словоизменительные классы. Иными словами, развитие класса могло пойти по пути разрушения. **Каковы в таком случае состояние и степень его сохранности в настоящее время?** Казалось бы, для ответа на этот вопрос достаточно просто подвергнуть анализу приведенные Карцевским в списке глаголы 1-го НК с точки зрения их принадлежно-

сти к активному / пассивному запасу языка. Однако, несмотря на стремление автора «насколько возможно тщательнее» (Карцевский 2004, 89) составить списки глаголов непродуктивных групп, некоторые единицы могли ускользнуть от его внимания (круг источников, на которые опирался ученый при составлении своих списков, обнародован не был), полнота приведенного перечня никем не проверялась.

Вопрос: Сколько всего лексем с приставками и без включает обсуждаемый НК на современном этапе развития языка? Полученный в ходе настоящего исследования ответ: всего 700 словарных единиц², из них около сотни (94) разнокоренных с позиции синхронии. Объем статьи не позволяет привести полный список бесприставочных глаголов интересующего нас класса (как это было сделано в работе: Карцевский 2004, 89–92), однако разрешает дополнить этот список глаголами, которые явно бытовали во времена И. С. Карцевского (многие еще с древне- и среднерусского периода развития языка) и уже фиксировались старыми словарями, однако, видимо, просто не попали в поле зрения ученого (1), либо не вошли в составленный им список, поскольку рассматривались автором как производные приставочные образования (2):

- (1) нар.-разг. *болботать*, нар.-разг. *воркотать*, устар. *глаголать*, *клекотать*, *клектать*³, *клохтать*, разг. *Курлыкать*⁴, нар.-разг. *Реготать*, *снискать*, разг. *толотать*, разг. *турлыкать*, *тыкать*₁ (Т. *вилы в копну*), *тыкать*₂ (Т. *старшим*)⁵, разг. *хлыстать*, *цокотать*;
- (2) *доказать*, *заказать*₁ (З. *новое оборудование*), разг. *заказать*₂ (*Говорить об этом никому не закажешь*), *наказать*₁ (Н. *по всей строгости закона*), разг. *наказать*₂ (*Мать наказала дочери вымыть окна*), *оказать*, *отказать*₁ (О. *в помощи*), нар.-разг. *отказать*₂ (О. *кому-л. дом*), *показать*, *приказать*, *сказать*, *указать*.

Синхронный объем класса, измеренный в лексемах и корнях, по праву может считаться одним из критериев объективной оценки системной значимости класса на момент измерения, однако мало что говорит о его продуктивности в тот же период времени и может быть всего лишь красноречивым свидетельством его бурного роста в прошлом. Так, объем рассматриваемого НК в лексемах заметно (почти на 17%) превышает (!) объем II продуктивного класса (далее — ПК) глаголов (с соотношением основ *e ~ ej*), а по количеству непроизводных основ значительно (более чем в два раза) уступает последнему (подробнее об объеме II ПК глаголов см.: Богданова, Бур-

дакова 2011б). Налицо более высокая деривационная активность (внутриглагольное словообразование) глаголов 1-го НК, которая, с одной стороны, может быть связана с их более древним происхождением (положение нуждается в проверке), с другой — может быть обусловлена особой словообразовательной (индоативной) семантикой глаголов типа *белеть*. И то и другое — самостоятельные научные задачи, выходящие за рамки данной статьи.

Совсем по другому поводу, выделяя особый тип «идеологического» (теперь мы бы сказали идеографического) словаря, в программной статье «Опыт общей теории лексикографии» Л.В. Щерба писал:

«Неправильно думать, что слова имеют по нескольку значений: это в сущности говоря формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений (так и печаталось между прочим в старых словарях: заглавное слово повторялось столько раз, сколько у него было значений). Это вытекает из признания единства формы и содержания, и мы должны были бы говорить не о словах просто, а словах-понятиях» (Щерба 1940, 107).

Не собираясь вступать в дискуссию о том, что именно является единицей словаря: слово во всей совокупности значений (т. е. лексема в традиционном понимании, «фонетическое слово» у Л.В. Щербы и «вокабула» в известной теории «СМЫСЛ ↔ ТЕСКТ») или слово в отдельно взятом значении (ЛСВ, «слово-понятие» и лексема — в трех обозначенных терминосистемах), подчеркнем, что глубина семантической структуры, суммарное и среднее количество значений, выражаемых глаголами класса, не менее (а может, даже более) важны для понимания его места, оценки значимости в языке, чем общее количество лексем в составе класса⁶.

Табл. 1. Доля одно- и многозначных глаголов в составе II продуктивного и 1-го непродуктивного классов, %

	I непрод. кл. (тип <i>сказать</i>)	II прод. кл. (тип <i>иметь</i>)
1 значение	46,71	60,77
2 значения	26,43	28,05
3 значения	12,86	7,51
4 значения	5,57	3,17
5 значений	3,86	0
6 и более значений	4,57	0,5

Анализ показывает, что суммарное количество ЛСВ глаголов типа *сказать* (1497 единиц) превышает сумму ЛСВ глаголов типа *иметь* (926), что в целом ожидаемо, но вовсе не обязательно: гипотетически можно представить вариант, когда из двух классов меньший по количеству лексем оказывается большим или равным по сумме выражаемых значений. Разрыв между классами не сократился, а вырос с 1,17 раз (при лексемном учете) до 1,62 раз (при подсчете значений). Средняя глубина семантической структуры глаголов 1-го НК больше, чем у глаголов II ПК и равна 2,14 значений (против 1,55); максимальное значение — 14 : 5 в пользу НК. Наконец, доля многозначных глаголов в составе 1-го НК несколько выше, чем в составе II ПК (см. *табл. 1*), хотя по относительному количеству двузначных единиц данные классы сопоставимы.

Объем класса — это лишь один из многих количественных показателей, которые позволяют определить его системную значимость, или ценность. Второй — употребительность, или частота встречаемости в речи. Как сравнить два и более глагольных класса по частоте встречаемости в речи? Покажем это на примере рассмотренных выше близких, но не совпадающих полностью в объеме словоизменительных типов глаголов — II ПК и 1-го НК.

Очевидно, прежде необходимо установить частоту употребления в современной речи всех без исключения глаголов двух сопоставляемых типов. Для частотной разметки единиц электронной базы глагольной лексики современного русского языка был использован современный (в смысле отражающий частоту встречаемости слов во второй половине XX в. – начале XXI в.) наиболее полный и одновременно надежный (опирающийся на серьезную теоретическую базу и представительный корпус текстов) из всех существующих в настоящее время частотных словарей русского языка — «Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)» (ЧССРЯ 2009). Словарь частотного слова, каким бы большим он ни был, всегда ограничен большим или меньшим числом наиболее популярных, употребительных в речи (текстах) слов. В (ЧССРЯ 2009) алфавитный список лемм включает около 50000 (49720) словарных единиц с частотой $\geq 0,4$ iрт⁷, а собственно частотный список ограничен 20000 (20004) леммами, частота которых $\geq 2,6$ iрт. Относительное количество глаголов одного и

другого морфологического типа, попавших в частотный словарь, может служить объективным показателем употребительности класса.

Анализ показывает, что доля (как, впрочем, и абсолютное количество) частотных глаголов в составе 1-го НК несколько больше, чем в составе глаголов II ПК (см. *рис. 1*).

Доля глаголов (%), входящих в первую (-ые) ... самых частотных слов современного русского языка				
II продуктивный класс (тип <i>иметь</i>)			I непродуктивный класс (тип <i>сказать</i>)	
99,83	0,17	сотню	0,14	99,86
99,33	0,67	тысячу	1,43	98,57
99,0	1,0	2 тысячи	2,71	97,29
98,66	1,34	3 тысячи	3,29	96,71
98,16	1,84	4 тысячи	5,0	95,0
97,83	2,17	5 тысяч	6,57	93,43
94,49	5,51	10 тысяч	13,0	97,0
82,82	17,19	20 тысяч	25,14	74,86
51,42	48,58	50 тысяч	53,57	46,43
всего в классе 599 глаголов		всего в классе 700 глаголов		

Рис. 1. Доля глаголов с частотой $\geq 0,4$ iрт в составе II продуктивного и 1-го непродуктивного классов, %

В первую сотню наиболее частотных лемм, покрывающих, по подсчетам исследователей (Ляшевская, Шаров 2009), 38% всех текстов, входит по одному глаголу от каждого класса, которые по праву могут представлять соответствующий тип словоизменения в грамматических описаниях и практических пособиях: *сказать* (частота: 2396,6 iрт; ранг в списке частотных лемм: 42) и *иметь* (частота: 906,7 iрт; ранг: 99) и вне всяких сомнений принадлежат так называемому лексическому ядру языка. Далее мы наблюдаем численный (абсолютный и относительный) перевес более чем в два и три раза глаголов 1-го НК, который уменьшается с продвижением по списку самых частотных лемм вниз и укрупнением шага до 20000 и 50000 лемм.

Не можем не обратить внимание на то, что в две тысячи наиболее частотных слов русского языка, покрывающих по свидетельству тех

же авторов (Ляшевская, Шаров 2009), 70% всех текстов, входит 19 глаголов типа *сказать* (2,71% группы) и 6 глаголов типа *иметь* (1% от класса), в четыре тысячи самых частотных лемм — 35 глаголов 1-го НК (5% класса) и 11 слов II ПК (1,84% класса), а в первые восемь тысяч наиболее частотных слов — 69 и 24 глагола одного и другого типа словоизменения (соответственно 9,86% и 4,01% от каждого класса). Можно предположить, что глаголы 1-го НК составляют около 1% так называемого активного и пассивного словаря в родном языке носителя, которые исчисляются методистами (СМТ 1999, 17, 210; ЛЭС 2006, 27, 204) в 2000 и 8000 слов; в то время как глаголы II ПК, следуя той же логике, составляют около 0,3% активного и пассивного словарного запаса говорящего⁸. Таким образом, сделанное наблюдение представляет определенный интерес для методики обучения отдельным аспектам русского языка как иностранного (в частности грамматике).

Средняя частота глаголов 1-ого НК, вошедших в алфавитный список из 50000 лемм, в 2,4 раза превышает среднюю частоту глаголов II ПК из того же списка и составляет 20,86 iрт. Однако тот факт, что суммарная частота встречаемости глаголов II ПК (из которой рассчитывается среднее значение), равная 2552,3 iрт, сопоставима с частотой всего одного возглавляющего список частотных единиц 1-го НК глагола (*сказать*) заставляет если не усомниться, то во всяком случае с большим вниманием отнести к этим «средним» показателям. Возникает вопрос, чем обусловлен «перевес» средней частоты встречаемости глаголов анализируемого НК: вкладом одного-двух широкоупотребительных глаголов или более высокой частотой встречаемости некоторого более или менее значимого количества слов? Для ответа на этот вопрос были рассчитаны средние показатели встречаемости глаголов двух сопоставляемых морфологических типов, после последовательного удаления из каждого списка глаголов (по одному) в порядке убывания их индивидуальных частот. Оказалось, что вклад частот отдельных глаголов в среднее значение не одного, а обоих словоизменительных типов действительно весом: средняя частота встречаемости глаголов падает в два раза после «изъятия» из II ПК четырех, а из 1-го НК пяти-шести наиболее употребительных слов. Далее мы наблюдаем менее резкое, постепенное, а с отметки в 100 «минус»-глаголов даже медленное снижение средних значений двух сопоставляемых классов при сохранении превос-

ходства средней частоты 1-го НК. Иными словами, частота встречаемости в речи глаголов типа *сказать* действительно выше частоты употребления глаголов типа *иметь*.

На первый взгляд может показаться, что выбранные для сравнения двух классов и оценки их значимости в языке и речи описанные выше показатели — количество значений (ЛСВ) и частота встречаемости в речи — взаимозависимы, а значит, один из них избыточен. Так, исходя из логики: чем больше глубина семантической структуры глагола, тем в большее количество различных внеязыковых ситуаций и контекстов он может быть включен и в речи встречаться должен чаще. Однако это принимаемое обычно *a priori* положение не подтверждается анализом глаголов обоих классов: коэффициент корреляции (R^2) между количеством ЛСВ и частотой встречаемости в речи для глаголов 1-го НК равен 0,0375, а для глаголов II ПК — 0,04265 (столь низкие значения указывают на отсутствие функциональной связи между выбранными показателями).

Представленные в статье величины (объем в лексемах / ЛСВ и частота встречаемости в речи) достаточно надежно характеризуют текущее **состояние** класса в системе языка и речи и в будущем (по окончании оценки состояния всех ПК и НК) позволят обоснованно судить о его **местоположении и значимости** в системе русского глагольного словоизменения на современном этапе развития языка. Индекс значимости класса (по количеству лексем, **объему** выражаемых значений и **частоте** встречаемости в текстах), несомненно, важен для решения разнообразных прикладных задач в методике и практике преподавания РКИ. Для понимания же механизмов развития отдельных классов и системы в целом, недостаточно зарегистрировать ее/ их текущее состояние (в статистике), необходимо отслеживать их изменения на основе таких количественных показателей, как **продуктивность, деструктивность и интенсивность**, или скорость роста (см. Богданова, Бурдакова 2009, 245–259), которые позволяют дать прогноз развития отдельных классов и системы в целом. Данная статья, таким образом, представляет собой лишь небольшую часть проводимого авторами полномасштабного исследования современного состояния и дальнейшего развития системы русского глагольного словоизменения (см. Богданова, Бурдакова 2011а, 2011б), один маленький штрих к общей картине.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Заметим, что в современной научной литературе представлено и еще более широкое понимание 1-го непродуктивного класса глаголов (1-й непродуктивной группы — в терминологии авторов), согласно которому, в одну группу объединяются все глаголы на *-a(ть)* (как I, так и II спряжения) (КРГ 2002, 330–332).
- ² Анализ проводился на основе созданной нами для полномасштабного и планомерного изучения современного состояния и развития системы русского глагольного словоизменения электронной размеченной базы глагольной лексики современного русского языка, основной корпус которой насчитывает свыше 18 000 единиц. База формировалась путем сплошной выборки из (БТС 1998). Морфемная разметка единиц базы проводилась с опорой на (Тихонов 2004), словообразовательная структура уточнялась по (Тихонов 2003).
- ³ В списке С.И. Карцевского отмечен глагол *клехтать* без пояснения значения (Карцевский 2004, 90).
- ⁴ Известно, что С.И. Карцевский после публикации книги продолжал работать над текстом «Системы русского глагола» (см. «От составителей» в: Карцевский 2004, 26) и пополнять списки описанных им непродуктивных групп. Глаголы *курлыкать*, *реготать* (с пометой «диалектное») приводятся им на отдельном вложенном в печатное издание «Системы...» листке (см. примечания в: Карцевский 2004, 89, 91). Глагол *хлыстать* приводится в одном из дошедших до нас с замечаниями и дополнениями автора экземпляре книги (см. примечание в: Карцевский 2004, 92).
- ⁵ В списке С.И. Карцевского представлен один глагол *тыкать* (*тычут*, *тыкают*); без указания значения омонима (Карцевский 2004, 91).
- ⁶ Лексико-семантическая разметка всех единиц электронной базы глагольной лексики современного русского языка проводилась на основе (БТС 1998).
- ⁷ ipm (от instances per million words) — принятая в современной лингвистике единица измерения частоты употребления слов, характеризующая количество вхождений на миллион словоупотреблений.
- ⁸ Необходимо напомнить, что в методической науке под активным и пассивным словарем (= запасом) понимают не всю совокупность лексических единиц, которая используется говорящим в речи или понятна ему, а совокупность лексем, необходимых и достаточных для успешной продуктивной и рецептивной речевой деятельности (СМТ 1999, 17, 210; ЛЭС 2006, 27, 204).

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова, Бурдакова 2009 — Н.Н. Богданова, О.Н. Бурдакова. *К вопросу об оценке продуктивности морфологических классов глаголов современного русского языка*. Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Тарту, 2009, с. 245–259.
- Богданова, Бурдакова 2011а — Н.Н. Богданова, О.Н. Бурдакова. *О состоянии и развитии II морфологического класса глаголов в современном русском языке*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. Тарту, 2011 (в печати).
- Богданова, Бурдакова 2011б — Н.Н. Богданова, О.Н. Бурдакова. *К вопросу об оценке объема и скорости роста морфологических классов глаголов в современном русском языке (на примере II продуктивного класса)*. Материалы XL Международной филологической конференции. Секция «Грамматика (Русско-славянский цикл)». 14–19 марта 2011 г. Санкт-Петербург. С.-Петербург, 2011 (в печати).
- Виноградов 2001 — В.В. Виноградов. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. 4-е изд. Москва, 2001.
- Гвоздев 2009 — А.Н. Гвоздев. *Современный русский литературный язык. Ч. I: Фонетика и морфология (теоретический курс)*. Учебное пособие. 6-е изд., испр. и доп. Москва, 2009.
- Голанов 2007 — И.Г. Голанов. *Морфология современного русского языка*. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. Москва, 2007.
- Исаченко 2003 — В.В. Исаченко. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология*. Т. I–II. 2-е изд. Москва, 2003.
- Карцевский 2000 — С.И. Карцевский. *Повторительный курс русского языка*. Из лингвистического наследия. Сост., вступ. ст. и comment. И. И. Фужерон. Москва, 2000, с. 97–204.
- Карцевский 2004 — С.И. Карцевский. *Система русского глагола*. Из лингвистического наследия. Т. II. Сост., перев., вступ. ст. и comment. И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. Москва, 2004, с. 25–205.
- КРГ 2002 — *Краткая русская грамматика*. Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. 2-е изд., стереотип. Москва, 2002.
- Лопатин 2001 — В.В. Лопатин. *Словоизменение глаголов*. Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. Под общей ред. Л.А. Новикова. 3-е изд. С.-Петербург, 2001, с. 546–556.
- Ляшевская, Шаров — О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. *Введение к новому частотному словарю*. Новый частотный словарь русской лексики. Веб-ресурс: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.

- РЯ 1998 — *Русский язык. Энциклопедия*. Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 1998 (авторы статьи «Глагол» — В.В. Лопатин, И.С. Улуханов).
- Чепасова, Казачук 2007 — А.М. Чепасова, И.Г. Казачук. *Глаголы в современном русском языке*. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2007.
- Щерба 1940 — Л.В. Щерба *Опыт общей теории лексикографии*. Известия АН ССР. Отделение литературы и языка. №3. Москва, 1940, с. 89–117.

СЛОВАРИ

- БТС 1998 — *Большой толковый словарь русского языка*. Под ред. С.А. Кузнецова. С.-Петербург, 1998.
- ЛЭС 2006 — А.Н. Щукин. *Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц*. Москва, 2006.
- СМТ 1999 — Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. *Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков)*. С.-Петербург, 1999.
- Тихонов 2003 — А.Н. Тихонов. *Словообразовательный словарь русского языка*. Т. I–II. 3-е изд., испр. и доп. Москва, 2003.
- Тихонов 2004 — А.Н. Тихонов. *Морфемно-орфографический словарь*. Москва, 2004.
- ЧССРЯ — О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. Москва, 2009. Веб-ресурс: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
- ЭССЛП 2008 — *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. В 2 т*. Под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т. 1. Москва, 2008 (автор раздела «Морфология» — А.Н. Тихонов)

N. Bogdanova, O. Burdakova. Ühte mitteproduktiivsesse morfoloogilisse pöördkonda kuuluvate verbide praegusest seisundist

Käesolev artikkel on üks osa täismahulisest vene keele verbide muutesüsteemi nüüdistaseme ning edasise arengu uuringust. Artiklis on analüüsitud tänapäeva-ses vene keeles ühte kõige arvukamasse mitteproduktiivsesse pöördkonda kuuluvate verbide (I pöördkond, sõnatüvede vastastikune suhe on a ~ Ø, tüüp *скатить*) nüüdistaset kõrvutades ühe produktiivse pöördkonnaga.

Kvantitatiivsed parameetrid (arv lekseemides/sõnavaralis-semantiliste variantide arv ning esinemissagedus kõnes), mis on toodud iseloomustamaks ja kõrvutamaks pöördkondi, võimaldavad põhjendatult otsustada pöördkonna koha ja tähtsuse üle vene keele verbide muutesüsteemis keele arengu hetkeseisul.

Валентина Петровна Щаднева,
Оксана Николаевна Паликова
Тартуский университет

ТРУД В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТАРОВЕРОВ ЗАПАДНОГО ПРИЧУДЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРА)¹

*Культурология – русистика – православие – старообрядчество – говор
староверов Эстонии – концепт ТРУД*

Изучение ценностных понятий духовной и материальной культуры через призму языковых данных в современной русистике осуществляется в рамках самых разных направлений лингвистики (см. Апресян 1995; Арутюнова 1999; Вежбицкая 1997; Колесов 1991, 106–125; Степанов 2001; Стернин 2001 и др.). При этом тезис о том, что язык является частью национальной культуры, особых возражений у лингвистов не вызывает, несмотря на расхождения в подходе к отношениям между языком и культурой.

С точки зрения культурологии, для системы ценностей русского человека, наряду с концептами *ИСТИНА, ПРАВДА, ДОЛГ, БОГ, СУДЬБА, ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ* и другими, особо значимым является и концепт *ТРУД*. В русистике уже есть опыт описания семантического поля *труд* в русской паремиологии (Косенко 1993), фразеосемантического поля *труд* в русском языке (Ганапольская 1995), лексико-семантического поля «отношение человека к труду» в русских народных говорах (Еремина 2003). Однако, насколько нам известно, специальных лингвистических исследований, посвященных изучению концепта *ТРУД* в речи старообрядцев, пока еще нет.

Цель публикации — начать описание лингвистического содержания социально-религиозной концепции старообрядцев с точки зрения их отношения к труду, рассмотреть особенности вербализации концепта *ТРУД* в речи староверов Эстонии.

Эмпирическим материалом послужили языковые факты, представленные как в уже опубликованных работах сотрудников кафед-

ры русского языка Тартуского университета (Очерки I 2004; Очерки II 2007) и словарях (Материалы 1963; СГСЭ 2008), так и в еще только подготавливаемых к публикации записях речи староверов. В описании лексикографического материала учитывались следующие параметры: 1) виды хозяйственной деятельности, 2) характеристика конкретного процесса труда, 3) типы поведения людей в соответствии с их отношением к труду.

Поскольку трудовая деятельность является органичным элементом жизни человека, то на необходимость ежедневного труда обращают внимание самые разные религии, по-своему преломляя это понятие в своих концепциях.

С одной стороны, христианская религия не рассматривает труд как безусловную ценность: он становится благословенным, когда способствует исполнению замысла Господа о мире и человеке, но не является богоугодным, если «направлен на служение эгоистическим интересам личности или человеческих сообществ, а также на удовлетворение греховных потребностей духа и плоти» (Основы 2000). С другой стороны, «церковь благословляет всякий труд, направленный ко благу людей; при этом не отдается предпочтения никакому из видов человеческой деятельности, если таковая соответствует христианским нравственным нормам» (там же).

В социально-религиозной концепции староверов эти христианские нормы воплотились в полной мере:

(1) *Я и в клирос ходила, я и училась, я и говорю, что **добре** дело — паче молитв молитва и без дел вера мертвa. Молись — хоть лоб разбей, но не сделай плохо.* МСТВ, 2003.

При этом религиозная составляющая в старообрядчестве неразрывно связана и с культурой, и с бытом. В данном исследовании основное внимание уделяется последнему компоненту обозначенной триады: отношению староверов к повседневному труду и трудовым обязанностям и, соответственно, выявлению языковых способов фиксации названного отношения в содержании текстов, в лексике.

География старообрядчества охватывает сейчас разные страны и континенты, по которым перипетии судьбы разбросали староверов, но во многих местах проживания они до сих пор сохранили приверженность земледелию, патриархальному семейному укладу, русскому национальному костюму (рубаха с вышитым воротом у мужчин, сарафан у женщин). Напр., как свидетельствуют данные экспедиций

О.Г. Ровновой в страны Латинской Америки, живущие там староверы и сейчас носят сшитую своими руками национальную одежду не только на церковную службу, но и в миру (Ровнова 2010, 137–157). При этом земледелие для старообрядцев «освящено глубинным пониманием сакральной связи земли и человека» (там же, 141). В основном сохраняются и традиции в образе жизни (обычай носить бороду, не курить, не пить и др.), и традиции в воспитании детей. Напр., лень как в служении Богу, так и в быту считается неприемлемой для всех членов семьи. Детей к этому приучают с малых лет.

- (2) *Так вот пока в школу ходили, отец не разрешал по деревне блудить <бродить, шататься>, покупал пряжу — и вязали кружава.* ВРН, 2003.
- (3) *Все деньги были у отца, вестимо. А когда я иногда выезжал на лошади с луком, продавать, — всё это приносил, отдавал отцу.* Н.КЗПЛ, 2003.

Религиозные ценности определяют у староверов и быт, и мировоззрение, которое, в целом, зиждется на а) консерватизме, б) трудолюбии и в) бережливости (Расков 2006). Старообрядческую этику повседневного кропотливого труда следует отметить особо, ибо трудовая (в том числе и предпринимательская) этика веками держалась у староверов на доверии (там же), чем, возможно, и объясняются успехи купцов и промышленников из староверов не только на территории России, но и за ее пределами — и в прошлые века, и в наше время.

История и культура русских староверов, живших и живущих сейчас в Причудье довольно замкнуто, насчитывает несколько столетий. По неподтвержденным данным, в настоящее время в Эстонии проживает примерно пятнадцать тысяч староверов по происхождению, и их численность уменьшается. Многие переселились в города еще в прошлые века. Молодое поколение покидает родные места и сейчас, но через родственников сохраняет связь с землей.

1. Староверы и труд

Для староверов характерно отношение к труду как к важному способу спасения веры и души, как к явлению и духовной, и физической жизни человека, что определяется религиозными ценностями, основанными на древней вере. Труд в социально-религиозной концепции староверов реализуется и в усердном служении Богу, и в повседневной работе. Для старообрядцев значимо именно это единство:

(4) *Зимой учился, а летом уходил в поля к крестьянам с 9 лет. 6 лет я отходил в поля и 2 лета отъездил с дядей Леонтием Мокеичем Сидоровым на будары <судно для перевозки дров> — на паруснике. Возили дрова в Тарту и продавали для топлива города. <...> Я в клирос ходил до начальной службы, а послев службы пришлось крепко поработать. Летом с отцом уезжали на строительство, а зимой — на рыбном промысле на озере, но храм Божий не забывали.* Н.КЗПЛ, 2001 [Из автобиографии А.И. Сидорова].

Ср. также присказку, встреченную в рукописных записях, которые делала для себя и своих потомков одна староверка (1928–2001) с острова Пийриссаар². Присказка свидетельствует об ответственном отношении староверов к совершению религиозных обрядов:

(5) *Часы <молитвы> велели повторять, не надо времени терять.* ПРСР [рукопись].

Характерно, что объемный материал как частично обработанных, так и уже опубликованных записей речи староверов (Очерки I 2004; Очерки II 2007) свидетельствует о том, что староверы никогда не рассуждают о труде вообще: они просто рассказывают о том, что и как конкретно делают, отношение же к *трудолюбию/лени* проявляется, как правило, косвенно, прямых оценок очень мало, как нет и специфических номинаций абстрактного характера (исключение — слово *сдолить*, о котором пойдет речь ниже). Так, в упомянутой пийриссаарской рукописи находим следующую паремию, снабженную пояснением автора записей (в круглых скобках):

(6) *В одно время лыки дерутся (успевай всюду).* ПРСР [рукопись].

Как известно, драть липовое лыко надо весной, пока листья не распустились (оно тогда легко снимается с деревьев), поэтому надо успеть запастись необходимым материалом именно в соответствующий период времени: отложить «на потом» эту работу нельзя. И хотя в записях речи эстонских староверов упоминаний о плетении лаптей из лыка пока не встретилось, именно особенности *конкретного* процесса заготовки лыка используются в качестве символа для *абстрактной* аргументации необходимости своевременного и постоянного труда.

Своевременность и постоянство в выполнении работы — один из основных постулатов в системе ценностей староверов. Суть приведенного выше выражения проявляется и в общем для всей этнокон-

фессиональной группы отрицательном отношении к работе по воскресеньям и религиозным праздникам:

- (7) *И не работали <по праздникам и выходным>, и сыты были, и всяко было. Теперь всю работу делают по праздникам, приезжают, помогают. Вси работают, не узнают теперь никаких и праздников. Так то же великий грех, Господь обижается на это! Шесть дней рабочих, сядь мой Господь взял себе — воскресенье, это Христово воскресенье.* Н.КЗПЛ, 2003.
- (8) *И, бывало, в праздник ничего не делали, уже до праздника стараются, чтобы пороссятам хряты понабрать, нарубить в кадки, чтобы только выпить пороссятам. И коровам травы набрать, чтобы в праздник не работать. И всё успевали делать. Бывало, сидят в праздник бабы в белых платочках, сидят на скамейках или на крыльце. А теперь как праздник, так большие работы.* ВРН, 2003.

Тот же смысл выражен и в поговорке, встретившейся в уже упоминавшейся пийриссаарской рукописи:

- (9) *Завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят.* ПРСР [рукопись].

Следует отметить и наличие в говоре таких сохранившихся до сих пор лексем, как *трудник* / *трудница*. Это устаревшее слово, по данным словаря В.И. Даля, имелось также в других говорах (новгородском, вятском) и относилось к церковной жизни в целом: оно называло или монастырских батраков, или работающих на монастырь бесплатно — по обету, или монастырских отшельников, схимников и пр. (Даль 1955 IV, 437). В нашем случае это слово используется в несколько ином значении — ‘тот / та, кто работает, зарабатывает (обычно о членах семьи)’:

- (10) *Двадцать год прожила без трунника, и голонная спать не ложилась.* КЛК, 1946.
- (11) *Табак во рту и в рюмку заглядывает — какой из них трудник будет?* РАЯ, 2004.
- (12) *Расторговалась, с соседом домой приехала, мишечек тут с деньгам. Приехала, раздеваюсь, моюсь — бабушка плачет. «Бабушка, что ты плачешь?» — «Доченька, от радости плачу — у меня трудница такая!. Одиннадцать лет было мне! Вот така трудница я уже в бабушки была!* Н.КЗПЛ, 2003.

Очевидна положительная оценочность данной лексемы, о чем свидетельствует основная часть приведенных контекстов. В качестве кон-

трастного примера можно привести поговорку, в которой с точки зрения отсутствия трудовых усилий отрицательно оценивается человек, исключенный из обычной трудовой сферы:

(13) *От чего солдат гладок? Поел да на бок.* ПРСР [рукопись].

Интересно, что сема ‘приложение больших усилий’, которая входит в семантику слова *труд*, в говоре староверов лексикализована: здесь активно используется слово *сдолить*, для которого в СРНГ (точнее, для его акцентологического варианта *сдолеть*) приводится значение 2. ‘быть в состоянии, иметь силы, смочь делать что-л.’ (СРНГ 1965–2007, вып. 37, 79). В говоре причудских староверов использование этого слова фиксируется чаще с отрицанием и в значении именно наличия/ отсутствия физической силы для выполнения работы; здесь встречается также приставочный дериват *посдолить*, который не отмечен в СРНГ.

(14) *Сдолим иль не сдолим, а работай.* Материалы 1963.

(15) *Грёзы все в клычах <твёрдых комьях земли>, я не сдолю их разбить, наиму человека.* Материалы 1963.

(16) *Старики уже не сдолют прийти в моленну.* ВРН, 2003.

(17) *А старушка одная. И когда она не посдолила работать и приходила так, что ей сварить не в силах было, она пришла ко мне: «Больше там жить не могу — варить себе не могу». И здесь полтора года отжила и тоже умаярла.* Н.КЗПЛ, 2003.

2. Виды хозяйственной деятельности

Виды хозяйственной деятельности староверов Причудья всегда были весьма разнообразными и, в основном, сохранились до сих пор, однако в наши дни эта деятельность не столь масштабна, как раньше. Труд староверов во многом был связан с сезонной работой, с зависимостью от природы, от времени года. Все виды деятельности нашли отражение в разнообразной трудовой и бытовой лексике, в составе которой, кроме общерусских слов, представлены также диалектизмы и эстонские заимствования. Специфическая лексика наблюдается в таких сферах деятельности, как *рыбный промысел*, *сельское хозяйство*, *строительство* и др.

Повествуя о своей жизни, староверы иной раз отмечают большие затраты сил и рабочего времени, которые приходится вкладывать в то или иное занятие (это *коневья работа* — ‘очень тяжелая’), но

обычно об этом или говорится попутно, к слову, или о трудностях вообще не упоминается.

- (18) *Вот, раньше как огород делали. Толока. Разве это работа! Это **ко-
не́вья** работа. С лопатам. Это грядки делали.* М.КЛК, 2005.
- (19) *От солнышка до солнышка — вот так работали. А теперь так
работать не будут, молодёжь так работать не будет. И всё
успевали делать: и сено косили, и с огородом.* ВРН, 2003.
- (20) *Баба на **вздорит** <не осилит; от сдолбит> таку́ работу делать.* Ма-
териалы 1963.
- (21) *У меня бабушка работала, будары разгружала. Они дрова возили.* Н.КЗПЛ, 2008.

Это проявляется и в рассказах о рыболовстве, которым в основном промышляли мужчины, так как этот тяжелый труд требует крепкого здоровья и большой силы — особенно в зимнее время. Однако из рассказов выясняется, что в случае необходимости женщины тоже занимались ловлей рыбы.

- (22) *<А сколько человек в артели?> В артели, ну, <зависит от того,> ка-
ким снастям ловили. Если в феврале начинали снетка неводом —
тяжёлая работа. Шешнадцать — семнадцать человек. Его ведь
тащить надо.* М.КЛК, 2005.
- (23) *Втроём рубили <проруби>: на одной стороне и на другой — трое.
Тогда сходились на одно место в кучу, называли корыто <большая
прорубь для вытяжки сетей>.* М.КЛК, 2005.
- (24) *Раньше зимой на лошадях зимний лов был. Ставили метки, назы-
вались вехи — еловые сучья — километров за двадцать в линию.* М.КЛК, 2005.
- (25) *Мужики уедут, так бабы тогда ещё и на озеро, ещё рыбы пойма-
ют.* ВРН, 2003.

Более подробно остановимся на рассказах, связанных с сельскохозяйственным трудом. Крупного сельского хозяйства в Причудье и на Пийриссааре не было. Однако там всегда занимались огородничеством, повсеместно выращивая такие культуры, которые обычно не возделываются на больших полях: овощи (картофель, свеклу, капусту, брюкву), зелень (укроп, петрушку) и ягоды (смородину, малину, клубнику). Разумеется, в саду при доме есть и фруктовые деревья (яблони, сливы). Но основные для причудцев виды сельскохозяйственных культур — это лук и, в новое время, огурцы; и то, и другое

выращивают, в основном, на продажу. Особенno часто староверы повествуют о выращивании лука и его обработке.

- (26) *И вот тяпёрь засажено <лука> в людях очень много и очень густо.* КЛК, 2005.
- (27) *Лук никак не выскубать <очистить от шелухи>.* Материалы 1963.
- (28) *В огороде у нас вот только лук, морковка, свякла, немножечко чёрной редьки, всего понемножечку. Тяпёрь у нас парник, огурчики растут, это в этом году первый раз. <Раньше> выращивали на открытом грунте, грядку для себя сажали или две, самое большое, чтобы заделать на зиму в баночки. А тяпёрь жизнЬ подошла такая тяжёлая, лук вообще никому не нужен. <...> Огурец хоть три кроны, но он всягда в ходу, а лук вообще никто не спрашивает.* Б.КЛК, 2005.

В лексике, связанной с огородничеством, обращают на себя внимание такие диалектные названия огородных растений, как *боркан*³ — ‘морковь’; *бурак*⁴ — ‘свёкла’; *красный бурачок* — ‘столовая свёкла’; *калика* — ‘брюква’; *рабарбер* — ‘ревень’; *сморода* — ‘смородина’; *цигорий* — ‘цикорий’.

Из названий конкретных действий, относящихся к сельскохозяйственным работам, следует отметить, напр., диалектные лексемы *грабить* ‘сгребать’ (с дериватами *отграбить*, *приграбить*, *грабитьва*) и *рыть* ‘валить, складывать’ (с дериватами *вырывать*, *зарыть*, *нарыть*, *срыть*):

- (29) *Я целый день кошу. Приехали поглядеть — надо было грабить сено уже. Сястрин муж как оглянулся это всё, что там накошено, ён и говорит: «Женя! Неужели это от в тебя всё накошено?»* ВРН, 2003.
- (30) *Делали круглую нетолстую лепёшку, клади на сковородку. Угольков приграбиши, и на эти угольки ставиши.* КЛСТ, 2003.
- (31) *Дожидают, что, можка, у кого грабитьва будет.* БРЗ, 1946.
- (32) *А весной <...> навоз вырывали из окна хлева, там он лежал такой кучей, он прел. А осенью, когда старые гряды распустят <перекопают>, тогда настилали навоз.* Н.КЗПЛ, 2008.
- (33) *Срыли сено на чердак.* Н.КЗПЛ, 2008.

Староверы Причудья всегда занимались сбором и заготовкой дикорастущих ягод и грибов (в говоре грибы — *блицы*). У лесных ягод, как и у грибов (о грибах см.: Кудрявцев 2007, 157–163), тоже имеются специфические названия: *гоноболь* / *синика* (эст. *sinikas*) — ‘голу-

бика'; *журавйны* — 'клюква'; *брусни́ца* — 'бруслица'; *черни́ца* — 'черника'; *земляни́ца* — 'земляника' и др.

Произведенное своим трудом староверы не только заготавливали для своей семьи, но и вывозили на продажу в Таллинн, Тарту и особенно часто в Петербург (Ленинград).

- (34) *Со Гдова ездили тогда в Питер железной дорогой. С товаром: лук, морковка, свекла. Большество <в основном> с луком.* М.КЛК, 2005.
- (35) *Да, Питер — это тоже первотрёпка. Ну, большие некуды было деть. В нас вот эта вся побережье <жители побережья> возила — лук, морковка, свекла.* М.КЛК, 2005.
- (36) *Ведь всё водили <возили>: все овоши, лук. Я мало сначала ездила — я работала. Мать стала ездить. Вот, бывало, наложишь в мешки морковки, свёклы там, лук — продаешь, свяжёши <отвезешь> — опять живёши. А у кого силы побольше, кто мог больше ездить, те совсем разбогатели.* Б.КЛК, 2005.

Кроме того, мужчины занимались строительством — были *мурниками*, делали *каменную работу*. Строили и для себя, но в основном уходили на летний сезон в города на стройки наемными рабочими. В строительной работе иногда участвовали и женщины (40).

- (37) *Как только мы женились, суда пришли, я байню построил, чтобы была своя баёнка к дому.* Н.КЗПЛ, 2003.
- (38) *А летом, слушай, мало <рыбу ловили>. Тёплая погода — летом в нас люди были по городам: **каменную работу** делали... По городам уходили.* М.КЛК, 2005.
- (39) *Дед и дядя, ну, сын дедов, построили дом. Так ведь не двое строили — люди... Я вот всё время думаю и вспоминаю, кто это вот делал? <...> Ручная работа, видите? Диким камнем и цементу не было, без цементу. Известь — три года известье замаливали в яму и стояла.* М.КЛК, 2005.
- (40) *Хотели кирпичом дом обработать. Я работала горазд <много>, с глины кирпич резала, крыжу крыла.* Н.КЗПЛ, 2003.

В свое время было широко распространено и батрачество: дети староверов часто *уходили в поле*, т. е. в течение всего летнего сезона (а также в сентябре) работали пастухами, доярками и т. п. на эстонских хуторах. Более зажиточные семьи могли позволить себе не отдавать детей *в поле*, для многодетных же семей это было обычной практикой.

- (41) *Когда я кончил четыре класса, меня уже сполнилось лет четырнадцать. Тогда я ходил летом в поле по крестьянам, а потом с отцом на строительство перяиёл.* Н.КЗПЛ, 2003.
- (42) *Эстонцы когда нанимают в поле, приезжали договаривались, до какого срока. Я ещё маленькая была, мать меня отдавала до первого сентября, а тогда в школу надо идти. Никогда первого сентября не отпускали. Всегда держали, пока мать не придёт за мной: сроки все прошли, надо мне в школу.* КЛСТ, 2003.
- (43) *А только папа сделал то, что мы в поле не ходили. В нас папа был такой, что день и ночь на озере сидел. Отслужил, а в поле ни одного не пускал.* ВРН, 2003.

3. Дом, домашние обязанности

Разумеется, основная обязанность женской части семьи — вести домашнее хозяйство, готовить еду, стирать, заниматься детьми. В быту используется немало свойственной говору лексики, связанной с приготовлением пищи, выпечкой *паски* (пасхи), хлеба и т. д.

- (44) *В квашонке* (деревянная кадка небольшого размера для замешивания теста, засолки грибов, огурцов) *хлебный завсягда* *должон затвор* <закваска для хлебного теста> оставляться. Материалы 1963. *Без затвора не поставишь хлеба.* Материалы 1963.

Староверы сохранили и многие названия предметов домашнего обихода, которые то покупались, то изготавливались своими руками, напр., *балейка* — ‘низкая кадка для стирки белья’ (см. также в [СГСЭ] названия других бытовых предметов: *дощан*, *квасник*, *квашник*, *квашня*, *ушат*).

К сожалению, в рамках статьи мы имеем возможность рассмотреть лишь незначительную часть языкового материала, однако особо хотелось бы упомянуть о двух диалектных глаголах общей семантики. Так, в говоре староверов Причудья есть специальный глагол для общей номинации действий рутинного, бытового характера — *чередить* ‘содержать в порядке, ухаживать’:

- (45) *Черядить* — убирать комнаты, порядок штобы был. Н.КЗПЛ, 2007.
- (46) *Суды* была привядёна эта женщина. Ай, как яна́ стала в себя-то приходить! Как яну́ вином-то растирали! Ай! Как ей вини вобрали-ся! Да с голодухи-то! Сколько мы *черьдили*, и я ходила помогать *черьдить* яну. Тут мы яну так и поправляли, выздоравливали. Н.КЗПЛ, 2003.

Староверы всегда занимались и такой повседневной трудоемкой работой, как уход за домашними животными, домашней птицей. В связи с этим следует отметить семантический диалектизм *справить*, который кроме обычного значения ‘исправить, починить’ в говоре имеет семантику ‘управиться с чем-л. (хозяйством и т. п.)’. Данный глагол наиболее частотен в словосочетаниях типа *справить скотину/ корову* (СРНГ тоже фиксирует указанные значения для разных территорий; см. СРНГ 1965–2007, вып. 40, 253–254).

- (47) *Тут меня агитируют, что «Поедем к брату, надо на день рождения и на новоселье». Ай как же? Мне-ка надо дом замнуть, у меня скотина. Что ж, думаю, я пораньше накормлю да всё справлю.* Н.КЗПЛ, 2003.
- (48) *Во рью на парзилах <на колосниках> рожь сушили. Теперь машинам **справляют**, лёгко.* Материалы 1963.

Подводя итоги, обратим внимание на то, что в рассказах староверов трудовая деятельность предстает как удивительно рациональная во всем. Это наглядно проявляется в следующих примерах:

- (49) *Вот с чердака в эту трубу бросали сено, с вярхá <диалектное название чердака>, а труба такая была плотная, а снизу в этой трубе было отверстие, оттуда вытаскивали сено и несли уже в хлев, чтобы по всему двору не сорить сеном.* Н.КЗПЛ, 2008.
- (50) *У дяди моего мужа гроб стоял на чердаке — на вярхú — заполнен зерном. Потому что пустой не должен стоять. Он это зерно каждый год менял, скотине давал.* Н.КЗПЛ, 2008.

Многие контексты свидетельствуют об ответственном отношении староверов к своим обязанностям. На трудностях староверы внимание не заостряют, понимая, что работа и религия — главный стержень их существования.

- (51) *Помидорам тоже надо порядок. Надо обвязать, да листы сподниза, да и уже ягод много! Но всё надо копошить и копошить, работать. Если не будешь — ничего не будет.* М.КЛК, 2005.

Отсутствие работы, нежелание трудиться оцениваются как приметы вырождения, разрушения. Один из главных постулатов идеологии староверов в целом — обращение к прежнему, возможно, идеализированному *modus vivendi*. Отсюда и высказывания типа «Это с раннего уже, это старая вера такая» (Н.КЗПЛ, 2003), и обращение к мнению предков как к наиболее авторитетному:

(52) *А здесь люди привыкли, они всю жизнь трудятся, всю жизнь. Здесь если бы теперь посмотрели бы наши дяды и прадеды, как вот эти ходят ополченцы спившиеся, и работать негде, они уже до ручки дошли, как говорят, так они ишо бы подумали и ишо бы въяви сказали, глядя на этих людей! Раньше никого так не увидишь. <А кто такие ополченцы?> Это я так назвала по-своему, деревенскому. Спившие уже люди, которые никуда не устроились, <...> как-то промышляют себе на водочку, где какой час поработают у кого-то ...* Б.КЛК, 2005.

Итак, предлагаемый авторами публикации анализ трудовой деятельности старообрядцев Эстонии и языковой реализации концепта *труд* охватывает разную лексику, однако в данной статье представлено лишь первое приближение к полному описанию того богатого языкового материала в этой области, который можно получить при исследовании интересующего нас говора староверов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Работа выполнена в рамках проекта «Староверы как носители культурной памяти» (ЕККМ09–102), финансируемого из эстонской государственной программы.
- ² Материалы, полученные из данной рукописи (тетради), готовятся к публикации.
- ³ Некоторые из этих диалектных названий «поддерживаются» наличием созвучных с ними эстонских лексем: *боркан* ‘морковь’ —ср. эст. *rog-gand*; *калика* ‘брюква’ —ср. эст. *kaalikas*; *рабарбер* ‘ревень’ —ср. эст. *rabarber*. Однако вопрос о возможном направлении заимствования и его временных характеристиках в данной статье не ставится.
- ⁴ Остается неясным, когда и откуда в Причудье появилась номинация *бу-рák*, если учесть, что лексема *бу-рák* (чаще — *бурияк*) использовалась и используется в южных регионах России и на Украине.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1995 — Ю.Д. Апресян. *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*. Вопросы языкознания, Москва, 1995, № 1, с. 29–34.

Арутюнова 1999 — Н.Д. Арутюнова. *Язык и мир человека*. Москва, 1999.

- Вежбицкая 1997 — А. Вежбицкая. *Язык. Культура. Познание*. Москва, 1997.
- Верещагин 1990 — Е.М. Верещагин. *Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Москва, 1990.
- Ганапольская 1995 — Е.В. Ганапольская. *Фразеосемантическое поле «труд» в русском языке (в сопоставлении с английским языком)*: Автограф. ... канд. филол. наук. С.-Петербург, 1995.
- Даль 1955 — В.И. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. IV. Москва, 1955.
- Еремина 2003 — М.А. Еремина. *Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект*. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
- Колесов 1991 — В.В. Колесов. *Отражение русского менталитета в слове. Человек в зеркале наук*. Ленинград, 1991, с. 106–125.
- Косенко 1993 — Н.А. Косенко. *Семантическое поле «труд» в русской парадигмологии (в сопоставлении с польской)*. Автограф. дисс. ... канд. филол. наук. С.-Петербург, 1993.
- Кудрявцев 2007 — Ю.С. Кудрявцев. *Некоторые староверские названия грибов (этимологический анализ)*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II. Тарту, 2007, с. 157–163.
- Материалы 1963 — В.Н. Немченко, А.И. Синица, Т.Ф. Мурникова. *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Рига, 1963.
- Основы 2000 — *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви*. Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Москва, 13 – 16 августа 2000 г. Веб-ресурс: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/noauthor/basics/7.html>.
- Очерки I 2004 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Отв. редактор И.П. Кюльмоя. Тарту, 2004.
- Очерки II 2007 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X. Тарту, 2007.
- СГСЭ 2008 — О.Н. Паликова, О.Г. Ровнова. *Словарь говора староверов Эстонии*. Тарту, 2008.
- Расков 2006 — Д.Е. Расков. *Старообрядчество: картина мира и хозяйственный стиль*. Веб-ресурс: <http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=42434>.
- Ровнова 2010 — О.Г. Ровнова. «*Полиглоты поневоле*»: языковая ситуация в старообрядческих общинах Южной Америки. *Staroobrzędowcy za granicą*. Торунь, 2010, с. 137–157.

СРНГ 1965–2007 — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–41. Москва, 1965–2007.

Степанов 2001 — Ю.С. Степанов. *Константы: Словарь русской культуры*. Москва, 2001.

Стернин 2001 — И.А. Стернин. *Методика исследования структуры концепта*. Методологические проблемы современной лингвистики. Воронеж, 2001.

СОКРАЩЕНИЯ

Б.КЛК — дер. Большие Кольки (Suur Kolkja)

БРЗ — дер. Березье (Beresje)

ВРН — дер. Воронья (Varnja)

КЛСТ — г. Калласте (Kallaste)

М.КЛК — дер. Малые Кольки (Väike Kolkja)

МСТВ — г. Муствеэ (Mustvee)

Н.КЗПЛ — дер. Новая Казепель (Uus Kasepää)

ПРСР — о. Пийриssaар (Piirissaar)

РАЯ — дер. Рая (Raja)

V. Štšadneva, O. Palikova. *TÖÖ Peipsi läänekalda vanausuliste ühiskondlik-religioossetes vaadete süsteemis*

Artiklis käsitletakse Eesti vanausuliste suhtumist töösse, nagu see väljendub nende keelekasutuses. Töö realiseerub vanausuliste ühiskondlik-religioossetes kontseptsioonis nii Jumala teenimise kui ka igapäevase tööna. Et töö ja religioon on vanausuliste jaoks olulised ühiskondlik-religioosse vaadete süsteemi osad, kinnitavad ka mitmed keelelised faktid. Eesti vanausuliste murrakus esinevad mitmed lekseemid, fraseologismid ja ütlused, mis puudutavad: a) tööd üldiselt (сдолить ‘тегутсемiseks füüsolist jõudu omama’; чередить ‘коррас hoidma, hoolitsema’); b) konkreetseid toiminguid (грабить ‘rehaga riisuma’; рыть ‘kuhjama, laduma’); c) tavalisi tööolukordi (ходить в поле ‘sulaseks minema’; делать каменную работу ‘ehitama’), d) tööga seotud esemeid jne. Paljudes kontekstides väljendub vanausuliste vastutustundlik suhtumine oma kohustustesse. Religioossete värtustute kadumist koos töötahte puudumisega nähakse aga mandumise ja identiteedi hävinguna. Seega on vanausuliste elus religioon lahutamatult seotud nii kultuuri kui ka majapidamisega.

Светлана Васильевна Ильясова,
Ольга Юрьевна Руденко
Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

**ФЕНОМЕН ИНОЯЗЫЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ)**

Современный русский язык – язык СМИ – иноязычность – языковая игра

Вынесенное в заголовок слово *иноязычность* отсутствует в известных нам толковых словарях русского языка, тем не менее его словообразовательная структура вполне очевидна, поэтому обратимся к словарю С.И. Ожегова для уточнения значения прилагательного *иноязычный*, ср.: 1. Говорящий на ином языке. 2. Принадлежащий иному языку (Ожегов 1973, 846). Очевидно, производное существительное *иноязычность* может иметь значение «принадлежность иному языку».

В словаре О.С. Ахмановой это прилагательное имеет значение «заимствованный из другого языка» (Ахманова 1969, 178). Исходя из этого определения, *иноязычность* можно понимать как «заемствование из другого языка». В задачи нашего исследования входит именно эта сторона исследования иноязычности, при этом к *иноязычности* мы относим довольно широкий круг явлений, активно проявляющих себя в языке современных СМИ. Это и иноязычная лексика, и иноязычные строительные элементы словообразования. Еще одно из проявлений иноязычности представлено, в свою очередь, рядом разновидностей. Во-первых,

«в русский текст могут включаться иноязычные слова, написанные, как им положено, в оригинале. Так, в текстах о моде постоянно встречаются выражения типа коллекция *prêt-a-porter*, выставка *haute couture*» (Земская 2004, 519).

Во-вторых, ученые отмечают такое новое явление в процессе иноязычного заимствования, как

«образование так называемых слов-‘кентавров’: одна часть такого слова — русифицированная или просто русская, а другая (обычно начальная) представляет собой слово или морфему, перенесенные из другого языка в ‘нетронутом’ виде, то есть изображаемые на письме латиницей: *web-сайт*, *web-служба*, *web-разработка*, *e-mail-адрес*, *e-почта*, *WWW-сервер*, *WWW-страница*, *Internet-карта*, *ISO-сервер*, *VIP-обслуживание*, *TV-программа* и под.» (Крысин 2008, 173).

Таким образом, иноязычность в современном русском языке представлена достаточно разнообразно. Не менее важным моментом является и многофункциональность иноязычности. Сошлемся на мнение Е.А. Земской:

«Наряду с серьезной номинативной функцией иноязычность используется как средство языковой игры» (Земская 2004, 319).

Рассмотрим перечисленные проявления иноязычности в указанном порядке.

I. Задмствование и освоение новой лексики

В качестве примера мы выбрали аббревиатуру *Интернет*. Первая словарная фиксация этого слова относится к 1998 г.:

«*Интернет* и *ИнтерНет*, <тэ>, а, м. нескл. [англ. inter и net ‘сеть’]. В информатике. Всемирная информационная компьютерная сеть, объединяющая множество некоммерческих компьютерных сетей и компьютеров, обменивающихся информацией друг с другом» (ТС 1998, 273).

В этом же словаре приведено и одно производное — *интернетовский*. Отметим также особенности написания: в первом случае инновация представлена как цельнооформленное слово, во втором — как аббревиатура. Как свидетельствуют данные словарей, в языке закрепляется первое из написаний, спорным остается вопрос о написании как слова *Интернет*, так и его производных — с прописной или строчной буквы. Л.В. Баранова считает, что с прописной (ициальными) буквы это слово пишется в том случае, когда оно выступает «как самостоятельное, полностью лексикализовавшееся в русском языке слово для обозначения глобального информационного пространства» (Баранова 2009, 58). В этом же значении оно образует ряд производных. В качестве же несогласованного определения (в значении «принадлежащий, имеющий отношение к пространству Интернета»), выступая в составе сложных слов *интернет* пишется со строчной буквы и через дефис, ср.: *интернет-эпоха*, *интернет-мир*, *интернет-сообщество* и др. (Баранова 2009, 59).

Между тем, как свидетельствуют данные словарей, в настоящее время можно говорить только об определенной тенденции, но не об устоявшемся написании как самой инновации, так и производных от нее. Так, в «Толковом словаре современного русского языка» эта инновация зафиксирована в *графическом* облике *Интернет*, и все производные, выступающие в роли несогласованного определения, также пишутся с прописной буквы, ср.: *Интернет-бизнес*, *Интернет-зависимость*, *Интернет-издание*, *Интернет-компьютер* и др. В то же время производные, представляющие собой самостоятельные слова, пишутся как со строчной буквы — *интернетизация*, так и с прописной — *Интернетовский* (ТС 2001, 309–310).

В «Толковом словаре русского языка начала XXI века» словарная статья, посвященная инновации *Интернет*, начинается со следующего комментария:

Интернет [И прописное или (реже) строчное] <тэрнэ>, а и (реже) нескл., м. [англ. Internet]. Далее приводится 57 производных сложных слов, и каждое из них снабжено комментарием: *Интернет-агентство* [И строчное или (реже) прописное] (ТС 2006, 412).

В Словаре приводятся также самостоятельные слова *интернетовский*, *интернетомания*, *интернетчик*, зафиксированные в языке СМИ.

Таким образом, на сегодняшний день можно с уверенностью говорить о том, что инновация *Интернет* относится к иноязычным словам, обозначающим коммуникативно важные понятия. Признаками этих слов является частотность, образование производных, а главное — они «делаются объектом сознательного употребления и связанных с этим обыгрываний, каламбуров, структурных переделок и т.п.» (Крысин 1996, 154).

Последнее можно продемонстрировать разнообразными примерами языковой игры (далее — ЯИ), ср.: *Интернетизация всей страны обостряет проблему госбезопасности?* (Известия, 30.12.1997). Эта инновация входит в большую группу инноваций на *-изация*, мотивированных как нарицательными, так и собственными существительными и имеющих отчетливо выраженный социальнооценочный характер (Ильясова 2002, 78–87). Следующий по времени пример ЯИ: *Анка-интернетчица* (Комсомольская правда, 24.03.2000) по механизму создания представляет собой, во-первых, игру с прецедентным феноменом — прецедентным именем *Анка-пулеметчица*, на что

имеется явное указание в заголовочном комплексе, ср.: *Да уж, героя нашего времени явно не пулеметчица, а интернетчица*. Во-вторых, ЯИ построена на обыгрывании модели, или аналогическом словообразовании: *пулеметчица – интернетчица*, причем эти понятия сталкиваются, противопоставляются, и противопоставление оказывается не в пользу инновации — она явно оценивается иронически.

ЯИ с другим прецедентным феноменом — строкой из «Интернационала» — представлена в таком примере: *С ИНТЕРНЕТционалом воспрянет род людской* (Комсомольская правда, 05.04.2004). Отметим, что средством актуализации в этом примере является и графическая игра — выделение сегмента слова.

Прием образования слов «по конкретному образцу» (Е.А. Земская), «предсказамус-прием» (С.В. Ильясова) представлен в таких примерах ЯИ, как: *ПОРНОнет, или Как разделить Интернет на хороший и плохой, не ущемляя свободы* (Аргументы и факты, 2008, №3); *КИТАЙНЕТ* (Версия, 2008, №34).

Наконец, разнообразие приемов ЯИ можно увидеть в следующем примере: *И-net денег* (Известия, 12-14.03.2010). Это обыгрывание разговорного варианта *инет* (*и-нет*) путем совмещения букв двух алфавитов.

II. Заемствование и обыгрывание иноязычных формантов

В известной работе «Словообразование как деятельность» Е.А. Земская в качестве одного из показателей деятельностного характера словообразования называет появление новых строительных элементов, ср.:

«В активное словоизделие вовлекаются сегменты заимствованных слов типа *-дром*, *-тека*, которые на наших глазах превращаются в аффиксы» (Земская 1992, 124).

Отмеченный процесс идет в современном русском языке достаточно активно. В рамках данного исследования покажем это на примере форманта *-номика*: «Специфичны для нашего времени произведенные телескопическим способом (имя лица + формант *-номика*, сегмент слова *экономика*) наименования экономической политики того или иного деятеля: типа *рейганомика*, *клиントономика* (от фамилии президентов США), ср.: заголовок: ‘Билл Клинтон покончил с *рейганомикой*’» (Известия, 10.08.93).

Родилось подобное наименование и от фамилии Гайдар: *гайдарономика*. Отметим, что в имеющихся у нас материалах это слово да-

ется в кавычках (знак новизны, неузуальности) и содержит отрицательные коннотации («экономика по западному образцу», «экономика утопическая, вредная для народа»). Напр.: утопические схемы *гайдарономики* (Новая газета, 23.10.93); маячащая перспектива взрыва в результате явного провала «гайдарономики» (Новая газета, 23.10.93; Земская 1996, 100–101).

Как показывает анализ материала, инновации на *-номика* создаются как с участием как имен собственных, так и нарицательных. К первым относятся: *Грефономика* (Известия, 10.08.2005); «*Луканомика* должна быть экономной» (Известия, 23.12.2008); *Бернанкономика* (Итоги, 03.08.2009); *Обамономика* (Известия, 04.08.2010).

Все приведенные инновации употреблены в заголовках, т.е. в сильной позиции, их назначение — привлечь внимание. Большая часть инноваций на *-номика* понятна уже в позиции заголовка, так как они мотивированы так называемыми ключевыми словами, ср.: Г. Греф — министр экономического развития и торговли РФ в 2000–2007 гг., Б. Бернан — глава Федеральной резервной системы США, Б. Обама — президент США. Стоит отметить, что инновация *обамономика* встает в ряд инноваций, образованных от фамилий президентов США. В некоторых пояснениях нуждается инновация *луканомика*, где в роли первой части использовано сокращение от фамилии *Лукашенко*. Стоит, очевидно, обратить внимание и на тот факт, что инновация включена в прецедентный феномен Экономика должна быть экономной, представляющий собой «демагогический лозунг времен застоя (70–80-е гг.), прозвучавший в речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева (1905–1982), возглавлявшего СССР с 1966 по 1982» (Берков и др., 2005, 557).

Если оценивать данный пример ЯИ с позиций pragmatики, то очевидна установка на создание аллюзии.

В рассматриваемую группу можно включить и следующий пример: *Батькономика* (Известия, 21.06.2010), где под *батькой* понимается президент Белоруссии А. Лукашенко. Думается, что на сегодняшний день нарицательное существительное *батька* превратилось уже в собственное, в своеобразный перифраз для обозначения белорусского президента.

Следующая группа инноваций на *-номика* мотивирована именами нарицательными: *фондономика* (Известия, 25.07.2007); *футболономика* (Известия, 05.07. 2010); *водкономика* (Известия, 03.11.2010).

Если первая из инноваций имеет, скорее, терминологический, нежели игровой, характер, то две следующие созданы с установкой на языковую игру, но, если в первом случае ожидания читателя, настроившегося на некий шутливый или иронический тон статьи, окажутся напрасными, так как в публикации говорится о подготовке к чемпионату мира в ЮАР, то тон второй публикации вполне соответствует заголовку. Автор статьи предлагает оценивать состояние российской экономики состоянием *водкономики*, под которой он понимает поступление в бюджет от продажи алкогольной продукции.

Таким образом, сегмент *-номика* достаточно свободно соединяется с самыми разнообразными основами.

III. Совмещение букв разных алфавитов

В языке современных СМИ широкое распространение получил прием *графогибридизации* — «оформление новообразований с помощью графических средств разных языков» (Попова 2007, 231). Графогибридизация оценивается исследователями современного русского языка весьма неоднозначно. Одни считают, что «манипулирование двумя алфавитами, кириллическим и латинским, используется как средство привлечения внимания, создание особой выразительности» (Земская 2004, 520). Другие видят в нем «нарушение принципов стандартов употребления кириллического письма», «варваризацию языка через латиницу» (Максимов 2003, 66–67).

На фоне резких и эмоциональных высказываний о роли латиницы в современном русском языке выделяется своей взвешенностью подход, предложенный Е.В. Мариновой (Маринова 2007, 327–334). Мы стоим на тех же позициях и считаем, что следует различать уместное и неуместное употребление латиницы. Анализу графогибридизации мы посвятили ряд наших исследований (см., напр.: Ильясова, Амири 2009), поэтому в данном исследовании ограничимся демонстрацией этого приема на примере аббревиатуры *PR* (*ниар*). Как считает В.М. Лейчик, эта аббревиатура является самой распространенной среди англо-американских аббревиатур, проникших в современный русский язык. Между тем автор обращает внимание на то, что «неясно, как его < акроним — С.И., О.Р> писать по-русски» (Лейчик 2002, 42). Напротив, Л.В. Бааранова считает, что

«английское сокращение PR не только было графически освоено русским языком, но и полностью лексикализовалось, превратилось в самостоятельное слово со всеми его характеристиками, которое, в свою оче-

редь, стало основой целого ряда производных: *самопиар, антипиар, пи-арщица, пиарищик...*» (Баранова 2009, 103).

Видимо, трудно не согласиться с этой точкой зрения в отношении узуального словообразования. В то же время ЯИ с этой аббревиатурой строится по преимуществу на использовании приема графоги-бридизации, что подтверждают данные нашей картотеки, ср.:

PiRаны (Версия, 1999, № 42); *Прощай, PRезидент* (Версия, 2000, № 13); *Тульский PRяник* (Версия, 2001, № 14); *PRавила игры* (Версия, 2001, № 46); *Кнутом и PRяником* (Версия, 2006, № 2); *Русский PRемонт* (Аргументы и факты, 2006, № 19); *PRизнания PRекрасных незнамок* (Известия, 11.09.2008).

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что иноязычность в языке современных российских СМИ представляет собой широкомасштабное явление, что вполне позволяет употребить в отношении ее термин *феномен*.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова 1969 — О.С. Ахманова. *Словарь лингвистических терминов*. Москва, 1969.
- Баранова 2009 — Л.А. Баранова. *Словарь аббревиатур иноязычного происхождения*. Москва, 2009.
- Берков и др. 2005 — В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. *Большой словарь крылатых слов русского языка*. Москва, 2005.
- Земская 1992 — Е.А. Земская. *Словообразование как деятельность*. Москва, 1992.
- Земская 1996 — Е.А. Земская. *Активные процессы современного словообразования*. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва, 1996, с. 90–140.
- Земская 2004 — Е.А. Земская. *Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь*. Москва, 2004.
- Ильясова 2002 — С.В. Ильясова. *Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ*. Ростов-на-Дону, 2002.
- Ильясова, Амири 2009 — С.В. Ильясова, Л.П. Амири. *Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы*. Москва, 2009.
- Костомаров 1999 — В.Г. Костомаров. *Языковой вкус эпохи*. Санкт-Петербург, 1999.

- Крысин 1996 — Л.П. Крысин. *Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни*. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва, 1996, с. 142–161.
- Крысин 2008 — Л.П. Крысин. *Лексическое заимствование и калькирование*. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. Москва, 2008, с. 166–184.
- Лейчик 2002 — В.М. Лейчик. *Пиар и другие аббревиатуры*. Русская речь, Москва, 2002, № 5, с. 40–44.
- Максимов 2003 — В.И. Максимов. *Графические игры*. Русская речь, Москва, 2003, № 5, с. 66–68.
- Маринова 2007 — Е.В. Маринова. *Латиница в русском языке: проблема графического заимствования*. Жизнь языка. Памяти М.В. Панова. Москва, 2007, с. 322–334.
- Ожегов 1973 — С.И. Ожегов. *Словарь русского языка*. Москва, 1973.
- Попова 2007 — Т.В. Попова. *Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI века*. Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, 2007, с. 230–231.
- ТС 1998 — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Санкт-Петербург, 1998.
- ТС 2001 — Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. Москва, 2001.
- ТС 2006 — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Москва, 2006.

**S. Ilyasova, O. Rudenko. Võõrkeelsuse fenomen tänapäeva vene keeles
(tänapäeva Venemaa massimeedia väljaannete põhjal)**

Võõrkeelsust vaadeldakse kui mitmekesist nähtust nii oma väljendusviisiide kui ka teostatavate funktsioonide iseloomu poolest. Esimene võõrkeelsuse ilmnemine, uue sõnavara laenamine ja omandamine, on esitatud abreviaaturi *Internet* näitel, teine, võõrkeelsete formantide laenamine ja kasutamine, formandi *-noomika* näitel, kolmas, grafohübridisatsioon e erinevate tähestike tähtede ühitamine (abreviaatuur *PR*).

Светлана Борисовна Евстратова
Тартуский университет

РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ В ЭСТОНИИ

Русскоязычные телепередачи в Эстонии – речевые особенности – нормированность – заимствования – коммуникативно-прагматические особенности

В 2002 г., выступая на конференции «Проблемы языка диаспоры» (Тарту, 2002), проф. А.Д. Дуличенко предложил вниманию ее участников социолингвистический проект с целью

«запечатлеть реальное состояние русского языка в прибалтийских странах в определенный отрезок времени, с тем чтобы спустя, скажем, десять лет можно было вновь провести подобное исследование и сопоставить полученные результаты» (Дуличенко 2002, 74).

Проект охватывал все сферы функционирования языка в определенный отрезок времени, при этом акцент делался на объеме использования русского языка с учетом ситуаций его употребления. Одну из ниш предложенной автором проекта «функциональной матрицы» заполняла сфера массовой коммуникации: периодика по жанрам, радио и телевидение. Хочется надеяться, что данная статья, целью которой является предварительное описание речевых особенностей некоторых русскоязычных телепередач в Эстонии, будет способствовать воссозданию более полной картины функционирования русского языка в условиях диаспоры. Материал русскоязычных телевизионных передач, создаваемых в Эстонии, практически не изучен (см. Костанди 2005, 191–199). В одной из предыдущих публикаций мы начали описывать этот материал (Евстратова 2011, 157–161) и в данной статье продолжим его анализ.

В Эстонии телевизионные услуги предоставляют несколько фирм, и крупнейшие из них — ELION, Starman и STV. Полный пакет услуг телевидения digi TV10 на русском языке стал доступен благодаря крупным инвестициям фирмы ELION в трансляцию русскоязычных

каналов. Эта крупнейшая телекоммуникационная фирма занимает лидирующую позицию по продвижению дигитального телевидения на рынке Эстонии, Starman и STV также являются крупными провайдерами телевизионных услуг в республике. В одном из наиболее популярных пакетов телевизионных каналов оператора ELION, «Славянском основном пакете», насчитывается 69 каналов — как и в «Эстонском основном пакете». Различие между двумя пакетами состоит в том, что вместо финских и нескольких менее известных западноевропейских каналов представлены каналы на русском языке.

Приведем основной перечень доступных эстонскому телезрителю передач на русском языке.

Основные славянские каналы:

Первый Балтийский Канал: транслируется в Прибалтике на русском языке, на этом канале передаются новости, демонстрируются фильмы, сериалы из России.

РЕН ТВ: российский телеканал, на котором доминируют ток-шоу и сериалы.

РТР Планета: один из основных круглосуточных российских каналов, отражающих культурные, спортивные события и демонстрирующих российские фильмы.

НТВ Мир: один из основных российских каналов, на котором отражаются политические, культурные, спортивные события, демонстрируются российские фильмы и сериалы.

Русскоязычные аудиоканалы:

Fox Life: развлекательный канал на русском и английском языках с субтитрами на эстонском языке.

Fox Crime: канал, на котором демонстрируются в основном криминальные сериалы на русском и английском языках с субтитрами на эстонском языке.

Дополнительные славянские каналы:

TVN: авторские передачи, фильмы, новости, сериалы на русском языке.

Orsent: канал на русском языке, программа которого была составлена из сводок новостей, культурных, молодежных, семейных и музыкальных передач; демонстрировались документальные и художественные фильмы. Канал прекратил существование из-за отсутствия субтитров на эстонском языке.

Время: развлекательный канал на русском языке, выступают представители российской эстрады.

TDK: телеканал на русском языке «для дам».

TBN Baltia: телеканал на русском языке.

Inter+: украинский телеканал на русском и украинском языках, транслирующий документальные программы, фильмы, музыкальные передачи, которые отражают жизнь украинцев на родине и за рубежом.

Multimania: детский канал на эстонском, русском, латышском и литовском языках.

Детский: канал на русском языке без субтитров, на котором показывают российские мультфильмы.

Научно-популярные каналы:

Discovery Travel & Living: канал на английском и русском языках для любителей путешествий и природы.

Discovery Channel: научно-популярный телеканал на английском и русском языках.

Discovery World: познавательный и в то же время развлекательный канал на английском и русском языках.

Discovery Science: научно-популярный канал на английском и русском языках.

Discovery Investigation: канал на английском и русском языках.

National Geographic: познавательный канал на английском и русском языках.

Образовательные каналы и каналы о природе:

Nat Geo Wild: канал на английском и русском языках.

Animal Planet: канал на английском и русском языках.

Travel: канал на английском и русском языках.

Новостные каналы:

Euronews: новостной канал.

Российские киноканалы:

Русский иллюзия: канал классического кино на русском языке.

Diva Universal: показ фильмов и сериалов на английском и русском языках.

TVXXI: канал на русском языке, демонстрируются киноклассика, авангардистские фильмы, мюзиклы, сериалы.

Дом кино 2: классика и современное российское кино на русском языке.

Спортивные каналы:

Eurosport: спортивные события с компетентными комментариями на английском и русском языках.

Eurosport 2: канал для любителей экстремальных видов спорта, транслируется на русском и английском языках.

Extreme Sports: канал об экстремальных видах спорта, транслируется на английском, немецком, русском и французском языках.

Европейские музыкальные каналы:

Музыка: хиты на английском и русском языках.

Первый Балтийский Музыкальный канал: российская музыка и SMS-игры, передачи на русском языке.

MUZTV: 24 часа популярной музыки и песен, 60% песен — на русском языке.

Религиозные каналы:

Life TV: передачи на эстонском, английском, русском языках.

Таким образом, в Эстонии телевизионный воздух представлен множеством каналов: спутниковые (Discovery, Travel, History), российско-американо-израильский RTVI, русские, белорусские, украинский. Вещающий на прибалтийском пространстве ПБК передает российские программы, но на этом же канале можно увидеть и услышать прибалтийские передачи, в т.ч. собственно эстонские, которые включают «Русский вопрос» на русском языке. Есть ряд местных каналов на эстонском языке, транслирующих и русскоязычные передачи. На эстонских государственных каналах ETV1 и ETV2 можно увидеть «Суд присяжных» и его преемницу, финансируемую «Фондом интеграции» дискуссионную передачу «Треугольник» на русском языке с эстонскими субтитрами; посвященную вопросам культуры «Батарею» на эстонском и русском языках параллельно, новости и «Актуальную камеру» на русском языке. Для одних участников этих передач русский язык является родным, для других — иностранным. На американском и европейских каналах мы слышим «переводной» русский язык, а оригинальный русский язык звучит на российских, украинских и белорусских каналах.

Такое обилие и разнообразие телевизионных передач, смесь различных вариантов русского языка хорошо отражает нашу языковую ситуацию и дает возможность познакомиться с самыми разными речевыми практиками. Телевизионный воздух в целом отражает мультикультурность русскоязычной аудитории стран Балтии, наличие в этой аудитории различных, сложным образом переплетающихся влияний и ориентаций» (Костанди 2005, 191): это взаимные контакты русских диаспор трех балтийских стран, связь с метрополией (Россией), а также воздействие культуры и языка титульной нации каждой из трех стран. Русский язык в диаспоре становится «все более иностранным», мы наблюдаем пространственное и временное совмещение разных миров. На что может быть ориентирован мир

эстонского телезрителя, предлагающего смотреть программы на русском языке?

Многоуровневый телевизионный продукт формируется под влиянием разнообразных экстралингвистических факторов: культурологических, экономических, технологических, политических. При этом современные СМИ не только отражают реальность, но и как бы заново структурируют ее, создавая картину мира. Варьирование языковых средств как способ речевого воздействия становится все более разнообразным.

Следует отметить, что на американских и европейских телеканалах, вещающих на переводном русском языке, звучит очень корректная русская речь. Лишь изредка можно услышать орфоэпические ошибки (*Около тысячи человек прошли маршем к стёнам палаты*) и непривычные для слуха, не вошедшие пока в активный лексический запас носителей русского языка американизмы (*Его фирменный филл — разрывание подушки*: речь идет о любимых развлечениях собак, пример из передачи «Animal Planet» от 22.06.2011). Естественно, что этот переводной русский язык имеет свою систему топонимов, антропонимов, официальных наименований (*федеральный округ, префектура*), а переводной текст во многом зависит от переводчика; в разные периоды одна и та же передача в русском переводе может называться по-разному: напр., название одной из транслировавшихся по каналу Discovery *Travel & Living* передач звучало в двух вариантах: *Маленькие люди — большой мир* и *Жить непросто людям маленького роста*. В данном случае один переводчик ориентируется на оригинальное название на английском языке, другой — на креативный потенциал русского языка. Следует отметить, что переводные русскоязычные передачи американских и европейских каналов во многом могут служить речевым эталоном, но и дискуссий, спонтанной речи в эфире они не содержат.

Оригинальный русский язык звучит на российских каналах. Для многих российских журналистов, ведущих, участников телепередач характерны экспрессивность и метафоричность высказываний, персонификация топонимов, использование прецедентных текстов, языковая игра, стремление противостоять стереотипам. В эстонских СМИ и телепередачах, в частности, игровое начало, лингвокреативность выражены не столь ярко, тональность телепередач в целом более нейтральна, хотя и им свойствен ряд сходных с российскими те-

лопередачами черт. Речевой фон эстонских телепередач на русском языке в целом более нейтрален в сравнении с передачами, создаваемыми в России, но все же во многом ориентирован на российские СМИ (разумеется, многое зависит от тематики, от ведущих, от особенностей речевого этикета).

Нужно сказать, что для части говорящих по-русски в передачах, созданных в Эстонии, русский язык не является родным, и отсюда закономерны ошибки типа:

Люди с российским гражданством по-другому думают, как (!) с серыми паспортами или синими паспортами; Процент участия был больше, чем в Западном (!) Европе; У них есть еще один (!) возможность.

Использование русского языка в качестве неродного также отражает нашу языковую ситуацию, как и наличие субтитров на эстонском языке к ряду русскоязычных передач. Анализ ошибок не является целью нашего сообщения, тем более что в данном случае прежде всего имеет значение стремление вести диалог и попытаться понять друг друга. Предметом нашего анализа будут в первую очередь уже упоминавшиеся выше передачи, которые появились на эстонских государственных каналах ETV1 и ETV2: «Суд присяжных» и его преемница, дискуссионная программа «Треугольник/ Kolmnurk». На наш взгляд, замена программы «Суд присяжных» «Треугольником/ Kolmnurk» является одним из заметных событий, касающихся создаваемых в Эстонии русскоязычных телепередач. Само изменение названия программы предполагает другой формат и иные языковые средства, релевантные для коммуникативного поведения ее участников, — это не только семантика, но и стилистико- pragmaticические средства оформления высказывания, адресованного собеседникам («Суд присяжных» — аудитория, двое ведущих и «ареопаг» судей; «Треугольник/ Kolmnurk» — ведущий/ ведущая и трое собеседников). Изменилась тональность телепередачи: вместо несколько агрессивного «Суда» — некоторая готовность к «коммуникативному сотрудничеству», — что не могло не отразиться на стратегиях речевого поведения участников телепередач. Отметим еще раз, что участники обеих программ говорят на русском языке, но каждая фраза сопровождается субтитрами на эстонском — или наоборот, когда проводится блиц-интервью. В качестве фона будут использоваться единичные примеры из других передач. Мы не претендуем на анализ всех аспектов этих программ, остановимся лишь на таких мо-

ментах, как их нормативность, иноязычное влияние, коммуникативно-прагматические особенности.

Говоря о нормативности, отметим, что допускаемая с целью создания определенного колорита разговорная лексика не входит в норму литературной речи. Для многих местных телепередач (как, впрочем, и российских), в том числе и для «Суда присяжных», прежде всего характерно широкое использование разговорной лексики, причем запрет с просторечий снят не только в ироничном контексте:

- (1) *Пользователь спокойно лежит в Интернет и не парится* (Суд присяжных, 20.07.2009: Мы живем в Интернете?).
- (2) *Месяц назад мне моча в голову ударила, и я устроилась работать уборщицей* (Суд присяжных, 03.08.2009: Языковая инспекция — карательный орган?).
- (3) *В этом есть прикол* (Суд присяжных, 20.07.2009: Мы живем в Интернете?).

В создаваемых на эстонском телевидении русскоязычных передачах довольно часто звучат фразеологизмы, паремии, прецедентные тексты: коммуникативная ситуация, зачастую возникающая во время этих передач, влияет на речевое поведение участников программ, и именно перечисленные языковые средства позволяют более метко и лаконично сформулировать свою мысль.

- (4) *Я уже сказала Вам, что время рожать — с 20 до 45, а уже придется это время на кризис или нет, это знаете, бабушка надвое сказала* (Суд присяжных, 14.09.2009: Кризис — время рожать?).
- (5) *Почему так: если появляется в Эстонии русский лидер, то он или постепенно склоняется в сторону эстонцев и становится святое папы римского, или становится радикалом. Возможна ли золотая середина?* (Суд присяжных, 14.09.2010: Герои и антигерои нашего времени).
- (6) *Рожать в кризис, чтобы упрочить свое материальное положение, нельзя, потому что дети должны рождаться по другим мотивам, не по политическим, не по финансовым, а по любви. Не в ячейке, где пытаются свести концы с концами* (Суд присяжных, 14.09.2009: Кризис — время рожать?).
- (7) *Куда ни кинь: о культуре заговорили, все равно закончилось политикой* (Русский вопрос, 27.03.2010).

Исследуемый материал отражает иноязычное влияние, неизбежное в нашей ситуации. Как отмечалось в некоторых работах (напр.: Щаднева 2009, 224–245), самые наглядные и естественные особенности

русской речи жителей Эстонии — это эстонские лексические вкрапления, которые часто встречаются и при этом зачастую имеют дополнительные оттенки — национально-культурные или стилистические характеристики. Русский язык в Эстонии, как и во многих других странах, имеет свою систему прецедентных названий, свою систему топонимов и антропонимов. Можно сказать, что в данном регионе (в сравнении с языком метрополии) отчасти складываются некоторые особенности в лексике, наблюдаются некоторые грамматические отличия. Следует отметить, что в записанных нами телепередачах эстонских заимствований было относительно мало, что особенно бросалось в глаза на фоне множества англо-американских вкраплений, — правда, зачастую связанных с проблемами пользования компьютером, но не только:

- (8) *У трети стоят тробяны, у половины есть спамы. Пользованию компьютером надо учить в школе* (Суд присяжных, 20.07.2009: Мы живем в Интернете?).
- (9) *Найти анонимного прокси — дело двух минут* (Суд присяжных, 20.07.2009: Мы живем в Интернете?).
- (10) *Если мы уничтожим полностью русскую школу, мы получим не новых эстонцев, а русских маргиналов* (Суд присяжных, 14.09.2010: Герои и антигерои нашего времени).
- (11) *Это мнение экзистировало уже давно* (Новости Эстонии на ПБК, 12.07.2010).

На фоне заимствованной лексики выделяются слова и словосочетания, «местное» значение которых понятно только жителям Эстонии, поскольку они отражают эстонские реалии: *родительская зарплата, мамина зарплата, Бронзовый солдат, квалимет, Рийгикогу, кома* (при озвучивании цифровых данных) и др.

- (12) *Да, эта мамина зарплата помогает прежний уровень сохранить* (Суд присяжных, 14.09.2009: Кризис — время рожать?).
- (13) *Этническое единение произошло после Бронзовой ночи. В тот момент все русские выступили как единое целое. Что касается лидеров, их тогда не нашлось: слишком быстро все на нас обрушилось, мы не были готовы* (Суд присяжных, 14.09.2010: Герои и антигерои нашего времени).
- (14) *Человек подумает, стоит ли открывать рот и выступать на эстонском языке, чтобы не быть harimatu tibla* (Русский вопрос, 02.10.2010).

В речи участников «Треугольника» (всего нами было прослушано 12 передач), в отличие от «Суда присяжных», нами был зафиксирован один случай использования сниженной, просторечной лексики, хотя обсуждались достаточно болезненные проблемы (пример 15). Эстонские и англо-американские лексические вкрапления встречаются примерно с той же частотностью, как и в других телепередачах, но в целом они уместны, речь приглашенных на телепередачу экспертов грамотна и корректна. Различные характеристики этой речи представлены в следующих примерах:

- (15) *Пусть неисторики занимаются историей на кухне и не лезут на страницы газет* (Треугольник/ Kolmnurk, 09.05.2011: Почему для одних людей 9 мая — день начала оккупации, а для других — День Победы?).
- (16) *Убедительная просьба проанализировать все это у вас там наверху, в Рийгикогу* (Треугольник, 27.09.2010: Почему молодые и талантливые уезжают работать за границу?).
- (17) *Налог по безработице поднялся до 4 кома 2%* (Треугольник, 15.02.2011: Рост эстонского экспорта: закономерность или случайность?).
- (18) *Я удивляюсь, почему политические амбиции превалируют над логикой. Надо перестать бояться и надо торговать как с западным соседом, так и с восточным соседом* (Треугольник, 15.02.2011: Рост эстонского экспорта: закономерность или случайность?).
- (19) *К 9 мая градус эмоций накаляется, хотим мы этого или нет. Это происходит из-за коммеморации истории — проще говоря, из-за того, что политики трактуют историю в своих целях* (Треугольник/ Kolmnurk, 09.05.2011: Почему для одних людей 9 мая — день начала оккупации, а для других — День Победы?).
- (20) *Моя история — Холокост, бабушка и дедушка погибли. История Эстонии — после войны этой страны уже нет. Короткая история эстонской государственности кончилась с этой войной, отсюда такое отношение* (Треугольник/ Kolmnurk, 09.05.2011: Почему для одних людей 9 мая — день начала оккупации, а для других — День Победы?).
- (21) *Нужно понижать градус напряженности, и начинать надо с себя. Я не оскорблю соседа, потому что у меня плохое настроение. Или хорошее — чтобы было еще лучше* (Треугольник / Kolmnurk, 09.05.2011: Почему для одних людей 9 мая — день начала оккупации, а для других — День Победы?).
- (22) *Каждый вправе отмечать этот день так, как подскажет ему сердце. Здоровья вам, весеннего настроения и всего самого доброго* (Треугольник/ Kolmnurk, 09.05.2011: Почему для одних людей 9 мая — день начала оккупации, а для других — День Победы?).

(23) *А зачем останавливать этот поток? Не надо мыслить Эстонию отдельно от Евросоюза! Я думаю, ты согласишься со мной* (Треугольник, 27.09.2010: Почему молодые и талантливые уезжают работать за границу?).

Последний пример иллюстрирует все еще непривычное для местных носителей русского языка стремление к интимизации общения между малознакомыми людьми, причем обращение на «ты» по отношению к ведущей использует прекрасно говорящий по-русски гость телепередачи, родным для которого является эстонский язык. Языковой барьер между собеседниками отсутствует полностью, в данном случае следует говорить о своеобразной коммуникативной установке одного из участников беседы. Для успешного осуществления акта коммуникации должен отвечать правилам речевого этикета, но приведенный пример может быть объяснен как влиянием эстонской культуры, так и тем, что этикетные нормы в русской культуре в настоящее время подвергаются изменениям, особенно заметным в условиях диаспоры (Кокшарова, Фогельберг 2009, 45–64). Этот аспект русскоязычных телепередач в Эстонии требует особого внимания, поскольку в формате разных программ он реализуется по-своему.

ЛИТЕРАТУРА

- Дуличенко 2002 — А.Д. Дуличенко. *Русский язык в постсоветской Прибалтике: проект социолингвистического исследования*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI: Проблемы языка диаспоры. Тарту, 2002, с. 68–81.
- Евстратова 2011 — С.Б. Евстратова. *Русская речь в телезэфире Эстонии. Русистика и современность. 13-я международная научная конференция. Сборник научных статей*. Рига, 2011, с. 157–161.
- Иссерс 2009 — О. С. Иссерс. *Новые дискурсивные практики в современной России*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII: Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 2009, с. 260–276.
- Костанди 2005 — Е.И. Костанди. *Прагматика новостного дискурса (на материале «Первого Балтийского канала»)*. Взаимодействие языков и культур: русский язык в культурно-коммуникативном пространстве новой Европы. Сборник научных статей под ред. Ю.Е. Прохорова. Вып. 1. Рига, 2005, с. 191–199.

- Кокшарова, Фогельберг 2009 — И. Кокшарова, К. Фогельберг. *Прагматические значения обращений ты / Вы у эстонцев, русских в России и русскоязычной diáспоры Эстонии*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII: Активные процессы в русском языке diáспоры и метрополии. Тарту, 2009, с. 45–64.
- Наумова 2007 — Е.О. Наумова. *Прецедентные тексты как инструмент креативности в современной публицистике*. Москва, 2007.
- Щаднева 2009 — В.П. Щаднева. *О месте и лингвистических особенностях русских официально-деловых текстов в языковой ситуации современной Эстонии*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII: Активные процессы в русском языке diáспоры и метрополии. Тарту, 2009, с. 224–245.

S. Jevstratova. Venekeelsete telesaadete keelelised iseärasused Eestis

Artikkel on pühendatud mõningate Eesti venekeelsete telesaadete keelelistele iseärasustele. Vaadeldavad telesaated on väga mitmekesised, seetõttu on ka nende auditoorium multikultuurne. Väga olulisteks mõjuteguriteks on nt kontaktid Venemaaga, eesti keele ja kultuuri mõju, saadetes osalejate hoiakud. Venekeelsete telesaadate tüüpilised keelelised eriomadused esitletakse artiklis saadate «Vandekohus»/ «Суд присяжных» ja «Kolmnurk»/ «Треугольник» näitel. Eri-pärana ilmneb kõnekeeles laensõnade kasutamine ning keelenormidest kõrvale kaldumine ülalnimetatud juhtudel.

Елизавета Ильмаровна Костанди
Тартуский университет

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ДИАСПОРЫ

*Языковые контакты – русский язык – разговорная речь русской диаспоры
Эстонии – иноязычные вкрапления*

Вторая половина 1990-х – начало 2000-х гг. стали периодом, когда язык русских диаспор на постсоветском пространстве только начинает системно анализироваться. В это время исследователи еще отмечают недостаточную изученность вопроса. Так, А.Д. Дуличенко пишет в этой связи:

«<...> на глазах меняющаяся ситуация с положением русского языка в постсоветской Прибалтике на протяжении вот уже десятилетия так и остается недостаточно зафиксированной и изученной» (Дуличенко 2002, 68).

В течение следующего десятилетия существовавший пробел постепенно заполняется: в исследованиях письменной и устной речи русской диаспоры Эстонии на материале языка СМИ (газета, радио, телевидение, Интернет), рекламы, разговорной речи, официально-деловых текстов и др. выявлены многие ее черты (ТРСФ 2000, 2002, 2009). К наиболее очевидным особенностям относятся, напр., специфика функционирования русского языка в разных сферах, распространенность латиницы в письменном русском языке, эстонские заимствования (варваризмы, кальки), местные неологизмы или переосмысление семантики существующих слов, активность образования отдельных типов словосочетаний и др. Если в 1990-е гг. исследовался прежде всего язык СМИ, то постепенно внимание лингвистов переключается и на иной материал — тексты прикладного характера, учебные, официально-деловые тексты, разговорную речь, которой и посвящена настоящая статья.

Материалом для анализа послужили записи разговорной речи, сделанные преимущественно студентами отделения славянской фи-

логии Тартуского университета. В качестве зачетной работы по курсу «Русская разговорная речь» каждый студент делает диктофонную запись фрагмента разговорной речи, которую затем расшифровывает и анализирует. В результате за несколько последних лет собраны образцы современной разговорной речи русскоговорящих жителей Тарту, Таллина, Нарвы, Кохтла-Ярве, Силламяэ и других мест. Автор статьи выражает благодарность всем слушателям курса, согласившимся предоставить свои материалы. Часть записей разговорной речи сделана автором статьи. Первые наблюдения над языковыми характеристиками этого материала были представлены в сборнике 2006 г., посвященном проф. А.Д. Дуличенко (Костанди 2006, 332–336), что повлияло на решение предложить в настоящий сборник статью, продолжающую анализ того же материала, но существенно дополненного за пять лет. Ранее записи лишь частично анализировались с целью установления признаков, характеризующих устную речь в ситуации языковых контактов (Костанди 2006, 332–336; 2007, 344–350; 2008а, 108–124; 2008б, 59–68; 2010, 163–173). До настоящего времени иноязычные вкрапления в имеющемся материале предметом специального анализа не были. Отдельные примеры такого рода рассматривались во многих работах, посвященных языку диаспоры; настоящая статья начинает системный анализ иноязычных вкраплений в собранном материале — разговорной речи русской диаспоры Эстонии. Системный анализ иноязычных вкраплений в разговорной речи может быть начат с выявления возникающих при этом основных общих вопросов и соответствующих им аспектов дальнейших исследований. Цель настоящей статьи — наметить круг проблем, актуальных для последующего детального анализа.

Прежде всего следует отметить, что вкрапления эстонских или каких-либо иных слов (на этапе сбора материала использовался формальный критерий: слово/ словосочетание являются очевидно не русскими; функциональный подход применялся на этапе анализа материала) встречаются в большинстве проанализированных записей, однако имеют они разный характер — от единичных словоупотреблений (примеры 1, 2) до регулярного включения их говорящим в свою речь (примеры 3, 4). Оформление иноязычных вкраплений при расшифровке записей связано с рядом спорных моментов: записывать ли их кириллицей или латиницей, использовать ли в некоторых

случаях кавычки, заглавную букву и др. В приводимых примерах в основном сохранены те формы, которые были предложены авторами записей. Они присутствовали в ситуации разговора и поэтому могут лучше выбрать способ, наиболее соответствующий условиям коммуникации, основным смыслам и добавочным коннотациям, которые имели в виду говорящие. Следующие фрагменты записей дают общее представление об иноязычных вкраплениях в разговорной речи в условиях диаспоры (в примерах сохранены наиболее яркие особенности произношения говорящих):

- (1) *Французский кохупиши (смотрит на этикетку торта) // Не знаю / я такой её не ела / Вкусный //;*
- (2) *А вы че это уже Новый год встречаете? Или провожаете? Б. Инлав (показывает на надписи на украшениях) / видишь;*
- (3) *Это разные вещи / деклареримине (объясняет порядок пользования инфосистемой) значит там есть деньги // сиссемакс — что вносите три тыщи / ... потом уже все каубад пойдут;*
- (4) *Я в тимеадусе «кууенда» нажимала // ничего не происходит / (пытается внести данные в инфосистему) «эй лейтуд» пишет.*

На первый взгляд иноязычные вкрапления представляются бессистемными, т.е. случайными и обусловленными лишь индивидуальными авторскими предпочтениями и окказиональными условиями коммуникации, однако по мере накопления материала картина меняется. Разумеется, встречаются случайные неоправданные вкрапления, однако значительная по объему часть примеров «регулируется» некоторыми общими факторами. Это «регулирование» не является строгим, а представляет собой скорее общую тенденцию, на характеристике которой остановимся далее.

Можно выделить несколько типичных случаев появления иноязычных вкраплений. Наиболее частотно использование имен собственных или функционально приближающихся к ним единиц: названий организаций, фирм, магазинов, учреждений, фильмов, песен, компьютерных программ и т.д., напр.:

- (5) *Я сёдня пока в «Selver» ходила / у меня машину забросало уже как сугроб //;*
- (6) *А где ты... я не нашла эту шоколадку в «Säästumarket-e»? Ты в «Säästumarket-e»?;*
- (7) *У них немножко другие игры / у них не «Что? Где? Когда?» / у них.. / у нас на логику / на сообразительность / на догадаться где-то / сопоставить // а у них на знания / у них.. э-ээ.. как же сказать / мяту...;*

(8) *Наши максуамет совсем с ума сошел.*

В примерах 5, 6 говорящие используют имена собственные — названия магазинов («Selver», «Säästumarket»), которые, разумеется, не «переводятся» даже в тех случаях, когда это формально возможно (ср.: «Säästumarket» ‘экономный магазин’). В примере 7 в качестве вкрапления используется часть названия эстонской телевизионной игры «Mälumäng» (*mälu* ‘память’, *mäng* ‘игра’), вкрапление в примере 8 — неполное название «Налого-таможенного департамента» (Maksu- ja Tolliamet). В приведенных фрагментах представлены два основных варианта, возможных в случае использования имен собственных или функционально приближающихся к ним единиц. Во-первых, у говорящего может не быть выбора, так как имя собственное, название чего-либо существует только на эстонском или ином языке, русский вариант отсутствует; во-вторых, есть русский вариант названия, или говорящий может его непосредственно в разговоре образовать, однако он использует иноязычное вкрапление. В первом случае попытка использовать какое-либо «русское» слово для обозначения предмета речи неизбежно приведет либо к полному непониманию, либо к осложнению коммуникации, так как у адресата могут возникнуть проблемы с идентификацией предмета. Как свидетельствуют примеры, во втором случае говорящий чаще всего действует по аналогии с первым. Если в первом иноязычное слово — единственная возможность однозначно соотнести языковой знак с внеязыковым объектом (референтом) и тем самым идентифицировать предмет речи, то во втором — это наиболее надежный способ сделать то же самое. Идентификация предмета речи становится в подобных случаях основной причиной использования иноязычных вкраплений, а не иных способов номинации. Таким образом, значимость референции для речи получает на материале языка диаспоры добавочное подтверждение, а соотношение референции и номинации приобретает здесь свою специфику.

С проблемами референции соотносится еще один регулярный случай использования иноязычных вкраплений, имеющий, однако, и свою специфику. Говорящий в силу оторванности от постоянного русскоязычного окружения, необходимости использования разных языков, влияния местных реалий или конкретных коммуникативных условий может не знать или не сразу вспомнить, подобрать нужное русское слово, напр.:

- (9) *Мне надо декларацию подать в налоговое..., в этот / как его / ... в максу...*
- (10) А. *Это все равно не повлияет на это ... / как это по-русски... пингрида ?* Б. *Нет по-русски такого слова;*
- (11) А. *На почту придет? Б. Сначала... тебе сообщат из .. / как это // канекескус;*
- (12) Б. *Не видела таких // Вкусный вкусный пирог /* А. *Это не пирог.*
Б. *Пирог /* (показывает на этикетку коробки) *Видишь / написано «kook»/ а это пирог /.* А. *Ну мне кажется ...это многозначное слово... и там /.*
Б. *«Kook» это пирог и все!*
- (13) *Такой ржачный // я короче вчера смотрела / там про зебру, льва, бегемота и ... этого / как его / тыфу / забыла / как это по-русски / все финский в голову лезет ... а-а ... жираф / во!*

В приведенных примерах говорящий подбирает подходящее слово, словосочетание и одновременно комментирует этот процесс. Анализ фрагментов речи, содержащих отдельные высказывания о языке или более развернутые комментарии, обсуждение языка, речи, а в нашем случае и ситуации взаимодействия языков, тема отдельного исследования. Как отмечает М.Р. Шумарина,

«в конце ХХ – начале ХХI века активизируется внимание языковедов к феномену обыденного метаязыкового сознания, содержанием которого являются представления рядовых говорящих (нелингвистов) о фактах языка и речи» (Шумарина 2010, 314).

Наши записи разговорной речи содержат множество так наз. Рефлексивов — «относительно законченных метаязыковых высказываний, содержащих комментарии к употребляемому слову или выражению» (Вепрева 2005, 8). Примеры 7, 9–13 содержат рефлексивы, характеризующие речь диаспоры, т.е. комментирующие иноязычные вкрапления:

э-ээ... как же сказать; в этот... // как его; это... / как это по-русски...; нет по-русски такого слова; как это; написано «kook» / а это пирог... ну мне кажется...это многозначное слово... «kook» это пирог и все; этого / как его / тыфу / забыла / как это по-русски / все финский в голову лезет.

В указанных выше работах (Костанди 2006, 332–336; 2007, 344–350) отмечалось, что разговорную речь диаспоры отличает, в частности, регулярно возникающая в речи тема дву- и многоязычия, что говорит об актуальности этого вопроса для представителей диаспоры.

Это мы видим и в приведенных выше примерах, где комментировались слово или ситуация подбора нужного слова, в других случаях может комментироваться ситуация сосуществования языков, в наших условиях прежде всего эстонского и русского. Языковая ситуация неизбежно отражается в речи и может становиться попутной или специальной темой разговора, о чем свидетельствуют следующие примеры:

- (14) *И мы / писали контрольную // ну препод такой смешной / говорит учит все / что-нибудь попадется // Это вообще маразм / и так на эстонском все / вся эта химия // так еще не конкретно / то есть не сказать нормально ему что нам учить! //;*
- (15) *А. Опять шрифт поменялся / я не понимаю / почему / у меня стоит русский шрифт. Б. Ну? А. И я короче / пишу пишу там / потом опять начиню / и он меняется / на какой-нибудь эстонский или английский / ... короче / такой бред выходит / что я пишу русскими буквами / эти / эстонские слова.*

Подобные комментарии участников коммуникации также следует отнести к метаязыковым высказываниям, прямо или косвенно оценивающим не какое-либо слово, выражение, а характер языковой ситуации — сосуществование языков, приводящее к регулярному использованию иноязычных вкраплений. Этот аспект устной речи диаспоры также заслуживает, на наш взгляд, отдельного анализа.

Ситуация сосуществования языков проявляется и в виде такого речевого явления, как переключение кода, что можно наблюдать в следующем примере:

- (16) *А. Все посмотрели? Б. Kus on vaikne ('где тихо'). В. Köögis ('на кухне'). Б. Köögis // köögis ('на кухне') там где мусорное ведро выдвигается // там звукоизоляция хорошая.*

В ходе разговора, часть которого приведена выше, коммуниканты регулярно переходят с одного языка на другой, в других записях встречаются также регулярные или единичные переходы. Основным фактором, влияющим на переключение, является, разумеется, языковая принадлежность говорящих. Так, приведенный выше пример является фрагментом большой записи, сделанной во время молодежной вечеринки. В разговоре участвует много молодых людей, явно знающих оба языка, в основном говорят по-русски, но иногда переходят частично на эстонский. Иную ситуацию представляет следующий фрагмент:

(17) А. *Кто это был?* Б. *Да Сильвер /* А. *Что хотел-то?* Б. *Anna kütte kroonit...* (‘дай десять крон’).

Весь предшествующий и последующий разговор происходит на русском языке, у одного из говорящих звонит телефон, после телефонного разговора и следует приведенный выше диалог. Один из собеседников передает слова звонившего, не переводя их на русский. Очевидно, что есть множество и иных частных случаев и причин языкового и экстралингвистического характера, влияющих на переключение кода, детальное их описание на материале разговорной речи и выявление общих тенденций представляется актуальной задачей. Анализ этого явления на ином материале активно ведется многими исследователями, наши данные могут дополнить общую картину.

Большинство приведенных выше примеров, как и собранный материал в целом, говорят о том, что у участников коммуникации часто есть возможность выбора из существующих вариантов: иноязычная или русская единица/ прямой перевод/ иные варианты перевода и др. В этой связи встает проблема вариативности в языке и речи, также требующая более детального анализа. Регулярно на выбор говорящего влияют экстралингвистические факторы, напр., условия коммуникативной ситуации. В примерах 1–4 были даны некоторые пояснения, свидетельствующие об особой значимости этих условий: эстонские или английские слова написаны на этикетке, украшениях, в ссылках в инфосистемах, откуда они и «перекочевали» в устную речь. В других случаях релевантны иные частные причины, что свидетельствует о необходимости изучения того, какие экстралингвистические факторы влияют на включение иноязычных вкраплений в устную речь.

На материале языка диаспор исследователями регулярно фиксируется и анализируется появление у слов и словосочетаний в условиях диаспоры полностью новых или частично трансформированных значений, обусловленных местными реалиями и отличных от языка метрополии. Так, анализируя русскую эмигрантскую прессу 20–30-х гг., А. Зеленин характеризует это явление как семантическую переориентацию лексики (Зеленин 2007, 197–202). Эти процессы происходят и в языке русской диаспоры Эстонии. Аналогичная трансформация происходит и в обратном направлении с эстонскими (или иными) вкраплениями, т.е. происходит семантическая (стили-

стическая, прагматическая) переориентация слов и словосочетаний по сравнению с языком-источником. Так, определенная переориентация эстонского слова, использованного в русской речи, не только происходит, но и обыгрывается в приведенном выше примере 12 (А. *Ну мне кажется ... это многозначное слово... и там / Б. «Kook» это пирог и все!*). Регулярны и ситуации, когда говорящий не может даже перевести для себя на русский язык использованное им эстонское слово, не осознает его внутренней формы, а применяет как формальный знак, с помощью которого осуществляется референция, т.е. отсылка к некоторому объекту действительности. Возможные иные значения иноязычного слова или его частей не осознаются говорящим, тем более не учитываются стилистические и прагматические свойства слова, многие его контексты, лексическая сочетаемость и т.д. Подобное наблюдалось в разговоре, пример из которого приведен выше (9). Окказиональная семантическая переориентация может происходить в случае языковой игры, напр.:

(18) *В лосях* (на улице Лосси/ Lossi = ‘замковая, дворцовая’) у нас лекция.

Анализ семантической переориентации лексики на материале разговорной речи также представляется актуальной задачей.

В связи с частотностью рассматриваемого явления — использование иноязычных вкраплений — встает проблема нормативности речи в условиях диаспоры. Разумеется, в странах, где русский язык не является государственным, он не может регулироваться (насколько вообще язык может «регулироваться») какими-либо государственными постановлениями, актами и т.п. В то же время специфика языка в диаспоре не поддается регулированию и со стороны метрополии, в случае с русским языком — со стороны России. Очевидно, норма может лишь поддерживаться общими усилиями учителей, журналистов, общественных деятелей и всех, для кого этот вопрос важен. Проблема существует, она требует анализа и некоторого решения.

Таким образом, наблюдения над использованием иноязычных вкраплений в разговорной речи в условиях диаспоры приводят к необходимости учета в дальнейших исследованиях таких проблем, как характер номинации и референции, специфика метаязыкового сознания говорящих, вариативность в языке и речи, роль экстралингвистических факторов влияющих на использование вкраплений, се-

мантическая переориентация иноязычных слов, включаемых в русскую речь, нормативность речи. Выше были отмечены наиболее общие и очевидные вопросы, требующие отдельного рассмотрения, помимо них возникают более частные проблемы, не затронутые в настоящей статье, целью которой было определение основных направлений дальнейшей работы с материалом.

ЛИТЕРАТУРА

- Вепрева 2005 — И.Т. Вепрева. *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Москва, 2005.
- Дуличенко 2002 — А.Д. Дуличенко. *Русский язык в постсоветской Прибалтике: проект социолингвистического исследования*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI: Проблемы языка диаспоры. Тарту, 2002, с. 68–81.
- Зеленин 2007 — А. Зеленин. *Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939)*. Санкт-Петербург, 2007.
- Костанди 2006 — Е. Костанди. *Русская разговорная речь диаспоры. Микроязыки. Языки. Интеръязыки*. Сборник в честь ординарного профессора А.Д. Дуличенко. Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Tartu, 2006, с. 332–336.
- Костанди 2007 — Е. Костанди. *Лингвокультурологический аспект разговорной речи русской диаспоры Эстонии*. Valoda 2007. Valoda dazadu kulturu konteksta. Language 2007. Language in Various Cultural Contexts. Даугавпилс, 2007, с. 344–350.
- Костанди 2008а — Е. Костанди. *Аксиологический компонент разговорной речи*. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XI: Язык в функционально-прагматическом аспекте. Тарту, 2008, с. 108–124.
- Костанди 2008б — Е. Костанди. *Местоимение такой в русской разговорной речи*. Cuadernos de Rusística Española. Granada, 2008, 4, с. 59–68.
- Костанди 2010 — Е. Костанди. *Роль категории темпоральности в формировании устного текста*. Предложение и слово. Кн. 1. Саратов, 2010, с. 163–173.
- ТРСФ 2000, 2002, 2009 — Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия: III. *Язык диаспоры: проблемы и перспективы*. Тарту, 2000; VI. *Проблемы языка диаспоры*. Тарту, 2002; XII. *Активные процессы в языке метрополии и диаспоры*. Тарту, 2009.
- Шумарина 2010 — М.Р. Шумарина. *Синтаксические категории в обыденном метаязыковом сознании*. Предложение и слово. Кн. 1. Саратов, 2010, с. 314–318.

J. Kostandi. Toorlaenude kasutamine diasporaa suulises kõnes

Artiklis analüüsitud Eesti venelaste suulise kõne omadusi, mis iseloomustavad siinse vene diasporaa keelt: venekeelsesse kõnesse teiste keelde (põhiliselt eesti) sõnade e. toorlaenude pikkimine. Materjalina on kasutatud vene suulise kõne salvestusi, mida on teinud TÜ slaavi filoloogia osakonna üliõpilased ja artikli autor. Põhiliselt on need spontaansed dialoogid kodus, kohvikus, ülikoolis, koolis, osalejaid on kaks kuni viistest.

Üldiselt iseloomustab Eesti vene diasporaa suulist kõnet regulaarne toorlaenude kasutamine. Enamjaolt on need eesti, mõnikord inglise, harvemini teiste keelte sõnad. Enamasti tähistavad nad kohalikke reaale — kauplusi, asutusi, organisatsioone jms. Mõnikord neid arutatakse või kommenteeritakse. Artikli eesmärgiks on kindlaks teha uurimise tähtsamaid aspekte: keelendi ja denotaadi suhe, kõnelejapoolne keelendi valik, koodivahetus, mõjutavad faktorid, keele vaarieerumine, keele semantika muudatused jt.

Анатолий Михайлович Бушай
Самаркандский институт
иностранных языков

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ УЗБЕКСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Фольклорная фразеология – язык переводов с узбекского на русский – передача национальных реалий – фразеологизация словесных комплексов

До сих пор недостаточно изучаются языковые особенности фольклорных текстов одного народа в переводной интерпретации на каком-либо языке. Актуальны, напр., вопросы фразеологии русскоязычных переводов узбекских волшебных сказок: это типология фразеологических единиц (ФЕ), формирование основных пластов ФЕ, фразеосемантические поля ФЕ, фразеообразовательные возможности различных групп слов, функциональная активность основных разрядов ФЕ, продуктивность фразеогнезд языка сказки и их семантическая структура и др. Здесь широко отмечаются ФЕ и устойчивые словесные комплексы (УСК), употребляемые преимущественно в фольклорном тексте. Сюда же вполне могут быть отнесены и УСК, которые, встречаясь в общенародном языке, тем не менее активны в сказочном повествовании. Речь идет здесь о таких УСК, как *в давние времена, давным-давно* и т.п. Рассмотрим наиболее характерные особенности фольклорных УСК волшебной сказки с точки зрения их структурно-композиционной организации.

Среди УСК сказок выделяются активностью своего употребления различные клишированные образования. Обычно они фигурируют в зачинном контексте сказки как инициальные формулы, ср.:

У ... (не) был(о) ... (54)¹, ср. в контексте: *У гератского султана Хусейна Байкары было всего сорок визирей* (I, 294)²; *Когда-то жил шах. У него был любимый попугай* (II, 12); *В старые времена жил один виноградарь. Он был сильно опечален тем, что у него не было детей* (VIII, 188); *У шаха было два сына* (IX, 509); *Было или не было, но говорят, в давние времена правил некоторым государством один падишах. У этого пади-*

шаха совсем не было детей (XV, 173); Было или не было, но говорят, в давние времена в одном большом селении жил некий бай. У этого бая было три жены (XV, 277) и т.п.;

Был(а) у ... (28), ср.: Было не было, но давным-давно, когда звери и птицы умели разговаривать, а розы были заколдованными девушкиами, жил в стране бедняк. Был у бедняка сын Фархад (II, 47); В давние времена жила старуха. Был у нее плешивый сын (II, 233); В давние времена был у Алдаркусы винторогий козел (X, 7); В далекие времена в селении Ширин, как клещ, сидел ревнитель благочестия мулла Сеид Рухулла. Была у него пребользывающая чалма с дом величиной и густая борода, точно заросли камыша (IV, 250); В давние времена у одного купца был хитрый шиак (XVI, 201);

И было у ... (27): В давние времена жил на свете бедняк. И было у него два сына (IV, 208); Жили-были старик со старухой в доме на опушке дремучего леса. И было у каждого из них по дочери (XII, 3); Жил был в одном городе купец. Не то чтобы бедный, но и не очень богатый. И было у купца еще одно, самое большое богатство. Три его дочери-красавицы (XIV, 293) и т.д.;

У одного (одной) ... был(а, о) ... (19): У одного царя было сорок сыновей (IX, 339); У одного шаувазца жена была чересчур уж сварливой (VII, 54); У одной бедной женщины был сын (XI, 4); У одного дехканина была красавица-дочь Джамиля (XV, 162); У одного человека было три сына (XVI, 199) и др.

Подобные клише нередко составляют устойчивую схему, которая служит исходной базой для образования гнезда клишированных и прочих фразеологических конструкций. Приведем образец наиболее развитого из таких фразеогнезд:

в → давние (85), давным-давно (80), старые (22), давние-давние (20), стародавние (17), те давние (11), древние (7), далекие (6), давно прошедшие (4), давние-предавние (3), давно минувшие (3), прошлые (3), незапамятные (2), прежние (2), те (2), давние-сказочные (1), минувшие (1), некие (1), старые-престарые (1), страшные (1), те минувшие (1) → времена.

Принципы организации собственно фольклорных УСК сказки отличаются достаточным разнообразием. Обратимся к некоторым из них. Они показательны преимущественно для УСК сказочных зацинов, представляющих собой часто текстовые фрагменты большой степени устойчивости и компонентной сложности:

- 1) УСК, организованные на ритмическом конструировании: модель ... **ли**, ... **ли** — долго ли, коротко ли (24), долго ли, мало ли

(11), много ли, мало ли (11), сытно ли, голодно ли (10), было ли, не было ли, был ли, нет ли, близко ли, далеко ли, долго ли, скоро ли, плохо ли, хорошо ли; модель **не ...**, **не ...** — не богатый, не бедный, не богато, не бедно, не голодны, не сыты и др.

2) УСК, построенные на отношении антонимии: **было или не было** (22), **было не было**, **было то, не было**, **жил или не жил**, **давно это было или недавно** и т.п.

Клишированность «общих мест» или так наз. «традиционных формул» в различных фрагментах сказки (зачине, повторяющихся межстах, переходах, концовке) обусловливает насыщение контекста разными УСК, образующими тем самым более объемный устойчивый комплекс. Укажем на следующие из них:

в давние времена + жил да был, ср. в контексте: В давние времена жил да был один царь (VII, 268); В давние времена жил да был один падишах (XV, 14); **жил или не жил + в прошлые времена**, ср.: Жил или не жил в прошлые времена, но говорят, в одном городе был один плешиивый (I, 271); **было или не было + в старые времена**: Было или не было, а в старые времена у одного шаха была дочь (I, 39); **жил или не жил + был ли голоден или сыт**, ср.: Жил или не жил, был ли голоден или сыт, но жил когда-то бедняк (II, 224).

Подобные комбинации устойчивых формул (т.е. собственно сказочных УСК) способствуют углубленной передаче определенного образа. Тем самым, напр., достигается высокая степень его семантической конкретизации, полноты выражения и характеристики. Это наглядно видно на раскрытии в сказочных зачинах значения давно прошедшего времени, для чего используются комбинации двух близких по смыслу, образно адекватных УСК с общим глагольным компонентом **жил**:

давным-давно + в прошлые времена + жил, ср.: Давным-давно в прошлые времена жил в кишлаке Окуджар старик бедняк (I, 64); **давным-давно + в старые времена + жил**: Давным-давно в старые времена жил жестокий шах (I, 5); **давным-давно + в незапамятные времена + жил**: Давным-давно, в незапамятные времена жил в некоей стране один падишах (XV, 212).

Вообще глагольная лексема **жил** выделяется активностью в образовании зачинных клишированных УСК: **жил один ...** (58), **жил когда-то (один) ...** (35), **жил на свете (один) ...** (18), **жил да был (5)**, **жил или не жил (4)**.

Рассматриваемые ряды УСК основываются на общности для каждого из них глагольного сопроводителя. Часто это глагольная аппозитивная конструкция *жил-был* (16), которую вполне можно считать также отдельной устойчивой формулой. Общим сопроводителем объединяемых в один ряд УСК иногда служит и какой-либо другой глагол. Такие ряды комплектуются и посредством УСК, различающихся по значению. Причем нередко комбинируются два, три и более УСК в одном ряду зачинного контекста сказки:

было или не было + в давние времена + жил-был, ср.: Было или не было, в давние времена жил-был падишах по имени Султан (V, 21); *был или не был + голодный или сытый + в давние времена*: Был или не был, голодный или сытый, но в давние времена одним городом правил шах Валихан (II, 242); *было это или не было + плохо ли, хорошо ли + сытно или голодно + жил(и) когда-то*: Было это или не было, плохо ли, хорошо ли, сытно или голодно, но говорят, жили когда-то старик со старухой (VI, 5); *было это или не было + давним-давно + в одном царстве + в одном государстве + жил-был*: Было это или не было, но говорят, что давним-давно в одном царстве, в одном государстве жил-был старик (VI, 7).

Выделяются и другие типы клише, напр., УСК парцелированного типа. Это устойчиво употребляемые придаточные предложения и прежде всего фразеологизированные придаточные предложения условные: *Если меня не казнишь, Если мне жизнь сохраните, Если пощадишь мою ничтожную жизнь, Если кровь мою пощадите, Если откажетесь от ложки моей крови* и т.п.

В основе фольклорных УСК сказки лежит часто принцип тавтологического повтора. На его базе формируются достаточно активные типы УСК, напр., УСК полиптотных моделей: модель «C1 + предлог за + C5» — *день за днем (шел)* (32), *месяц за месяцем (шел, проходил)* (19), *год за годом (шел, проходил)* (13) и т.п.; модель «предлог из (изо) + C2 + предлог в + C6» — *изо дня в день, из года в год, из кишлака в кишлак*; модель «Г + Г» — *шел-шел, летел-летел, думал-думал, ждал-ждал*; модель «Н + Н» — *долго-долго, давно-давно, далеко-далеко* и др.

Большую роль в употреблении УСК с повтором играет глагол, посредством которого такие УСК вводятся в контекст. Нередко при УСК полиптотной модели, реализуемых одновременно в одном ряду, наличествует общий для них глагол: *день за днем идет, месяц за*

месяцем, год за годом (I, 88); *проходил день за днем, месяц за месяцем, год за годом* (IV, 198); *шли дни за днями, недели за неделями* (I, 185). Подобный глагол может включаться и непосредственно в контекст фразеоформы одного из УСК ряда (обычно первого): *дни шли за днями, месяцы за месяцами, годы за годами* (II, 33; III, 27); *дни проходили за днями, месяцы за месяцами* (V, 258). Влияние глагольной семантики может возрастать при передаче содержания вышеуказанных клишированных микротекстов, что приводит к повтору глагола в них, ср.: *день идет за днем, месяц за месяцем, год проходит за годом* (XIII, 24); *проходили дни за днями, месяцы за месяцами, или годы* (XV, 212); *проходили дни, проходили месяцы* (VI, 41); *шел (он) день, шел (он) ночь* (VI, 34; III, 104). Повтор одних и тех же или тематически близких глаголов позволяет воспроизвести семантику длительности протекаемого процесса или действия: *прошел день, настала ночь, прошла ночь, снова наступил день* (V, 66); *день сменяла ночь, ночь сменял день* (II, 36).

Рассматриваемое устойчивое конструирование сказочного контекста, опирающееся на интенсивном использовании глагола (с различными элементами повтора), закрепляется еще и подключением других лексических средств, передающих также семантику длительности процесса, действия. Обычно в этой функции реализуются наречия: *долго ехал, много проехал, долго шел, много прошел, долго ли шел мало ли, но пришел, мало ли шел, много ли – пришел, ехали долго, проехали много, мало ли, много ли ехали, но доехали* (III, 75; VIII, 340); *долго ли шел, мало ли, одолел горы и равнины и еще шел* (VI, 13). Повтор глагола, в результате чего достигается передача семантики длительности действия, приводит к стабилизации в сказочном тексте также клишированных парных сочетаний: *шел-шел* (14), *ехал-ехал* (12), *ходил-ходил, ездил-ездил*. Подобные конструкции допускают в контексте уточняющее расширение, призванное усилить передаваемый образ длинного пути, долгого путешествия: *шел (он) шел, много прошел, озера прошел и степи прошел, горы прошел, день шел, месяц шел, год шел. Наконец дошел (до большого города)* (I, 272).

Продуктивным является класс аппозитивных УСК, в которых сочетающиеся слова находятся между собой в различной степени тематической близости. Взаимно дополняя друг друга, такие повторяющиеся в УСК слова позволяют выражать разного рода обобщающие понятия и характеристики, напр., сочетание слов родовой и ви-

довой семантики: *дерево + чинара* = дерево-чинара; *цветники + розарии* = цветники-розарии; *лекарь + хирург* = лекарь-хирург; *охотник + птицелов* = охотник-птицелов; *светильник + фонарь* = светильник-фонарь.

Такие УСК можно отнести к репрезентативным парным сочетаниям, так как повторяющиеся лексемы выражают некоторый отрезок шкалы понятий: *царь-душегуб*, *юноша-богатырь*, *мастер-вор*, *дракон-людоед*. Ряд УСК-аппозитивов представляет собой поэтические формулы типа: *бедняки-голяки*, *юнец-гонец*, *малец-удалец*, *царство-государство*, *замок-городок*, *жалости-милости*, *есть-пить*, *одеть-обуть*. Некоторые аппозитивно употребляемые слова выступают базовыми в образовании одногнездовых УСК: *змей-дракон/змей-оборотень/змей-царевич/царь-змей*; *богатырь-удалец/малец-удалец/удалец-охотник*; *великан-чудовище/чудовище-разбойник*; *город-крепость/крепость-замок* и др.

В текстах сказки выделяются своей активностью и УСК-аппозитивы, основанные на синонимическом повторе имен существительных — *путь-дорога* (16), *пир-веселье* (10), *ветер-буря*, *вихрь-смерч*, *горе-тоска*, *добро-богатство*, глаголов — *думать-гадать* (11), *просить-молить*, *рубить-убивать*, *бить-колотить*, *плакать-рыдать*, *спать-почивать* и др. Из них особую группу составляют УСК, образованные на основе сочетания русских и узбекских эквивалентов: *смельчак-батыр*, *принцесса-малика*, *духи-дивы*, *царство-падишахство*. Такие УСК отличаются многообразием принципов построения. Отметим, в частности, следующие их особенности: 1) первый компонент русский, второй — узбекский (*молодец-джигит*, *боец-палван*, *князь-бек*, *черт-шайтан*) или, наоборот, первый компонент узбекский, второй — русский (*визирь-министр*, *джарчи-глашатай*, *пери-чудище*, *тепек-шапка*); 2) сочетающиеся в аппозитивных УСК компоненты (из русского и узбекского языков) употребляются как в единственном числе (*здравяк-джигит*, *кал-плешивый*, *скатерть-дастархан*, *модресь-школа*), так и во множественном (*бай-господа*, *войны-нукеры*, *мешики-хурджины*). Причем встречаются и оба временных варианта построения, но с некоторыми лексико-грамматическими и словообразовательными изменениями одного из компонентов: *старец-аксакал* — *аксакалы-седобородые*, *стражник-мишаб* — *мишабы-полицейские*, *певец-хофиз* — *хофизы-песнопевцы*; 3) образная устойчивость аппозитивных УСК допускает весьма активную

вариантность их фразеоформ, ср.: *тюрьма* (*темница, яма*)-зиндан, *пруд* (*водоем, бассейн*)-хауз, *богатырь* (*силач*)-пахлаван.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цифра в скобках указывает на частотность употребления конструкции.
² Римская цифра обозначает источник цитируемого текста, арабская — соответствующую страницу.

ИСТОЧНИКИ

- I. *Волшебный рубин*. Узбекские народные сказки. Сост. М.И. Шевердин. Ташкент, 1967, 348 с.
- II. *Караван чудес*. Узбекские народные сказки. Ташкент, 1981, 256 с.
- III. Узбекские народные сказки. В 2-х тт. Т. 2. Сост.: М. Афзалов, Х. Расулов, З. Хусаинова. Ред. М.И. Шевердин. Ташкент, 1972, 512 с.
- IV. Узбекские народные сказки. Сборник. Сост. И. Рогов. Ташкент, 1980, 352 с.
- V. *Бирюзовый ларец*. Узбекские народные сказки. Сост. М.И. Шевердин. Ташкент, 1967, 344 с.
- VI. *Богатырь Рустам*. Узбекские народные сказки. Перев. Ф. Шайхутдиновой. Ташкент, 1984, 72 с.
- VII. *Как дехканин счастье искал*. Узбекские народные сказки. Сост. А. Коновалов. Ташкент, 1985, 368 с.
- VIII. Узбекские народные сказки. Сборник. Сост. М.И. Шевердин. Ташкент, 1955, 512 с.
- IX. Узбекские народные сказки. В 2-х тт. Т. I. Сост.: М. Афзалов, Х. Расулов, З. Хусаинова. Ташкент, 1972, 584 с.
- X. *Самый лучший подарок*. Узбекские народные сказки. Собрал и подгот. Х. Рассаков. Ташкент, 1973, 40 с.
- XI. *Минарет и Аист*. Узбекские народные сказки. Собрал и подгот. Х. Рассаков. Ташкент, 1973, 32 с.
- XII. *Зумрад и Киммат*. Узбекская народная сказка. Перев. Л. Самойлова. Ташкент, 1985, 22 с.
- XIII. *Как дехканин счастье искал*. Узбекские народные сказки. Собрал и подгот. Х. Рассаков. Ташкент: 1978, 32 с.
- XIV. *Волшебный цветок*. Узбекские народные сказки. Сост.: А. Коновалов, В. Степанов. Ташкент, 1986, 352 с.
- XV. *Жемчужное ожерелье*. Узбекские народные сказки. Перев. Н. Владимировой, М. Абдурахимова. Ташкент, 1986, 336 с.

XVI. Узбекские народные сказки. Завещание отца. Язык. Лучший из сыновей. От добра добра не ищут. Рассказ о книге. Легенда. Чужой груз. Мудрость природы. Наказание за хитрость. Перев. с узбек. А. Фалеева. Спутник. Литературный альманах. Москва, 2010, №6, с. 195–201.

A. Bushuj. Püsivad sõnakompleksid uzbeki võlumuinasjuttude vene tõlgetes

Artiklis käsitletakse püsivaid sõnakomplekse uzbeki muinasjuttude venekeelsetes tõlgetes, mis sisaldavad klišeeritud vormeleid, mainitud komplekside struktuuri apositiooni, nimi- ja tegusõnade korduste ja tautoloogiate kujul jne.

Владимир Николаевич Базылев

Государственный Институт русского языка им. А.С. Пушкина

СИНЭСТЕМИЧНОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературоведение – русская литература – славянские литературы – синэстемичность – палимпсестность

По мнению Вяч. Вс. Иванова, XXI век по-новому определяет задачи филологии. По его словам, исследование синэстемичности в литературном творчестве — это одно из наиболее перспективных направлений (Иванов 2004, 144). Исследование синэстемичности носит, безусловно, междисциплинарный характер. Это связано не только с тем, что литературоведческая проблематика связана с проблематикой общефилологической и герменевтической, но также с проблематикой синэстезии и палимпсестности, тропности и миметичности литературы. Совсем недавно, в 2010 г., это стало предметом обсуждения на всероссийской конференции, посвященной «запахам литературы» (Запахи литературы 2010).

В статье, посвященной жизненному и творческому пути профессора А. Д. Дуличенко, мы позволим себе обратиться к близким его научному творчеству (Романчик 2006, 231–236) глубинным сторонам некоторых явлений, но — на примере истории русской культуры и литературы.

Тема синэстемии в литературном творчестве в наше время соединяется с широким кругом таких проблем, как духовность и бездуховность, отчужденность и сообщность, приятие и неприятие мира, утверждение, созидание или отрицание, разрушение. В свое время Л. Аннинский в работе о проблемах межнациональных связей в отечественной литературе XX в. так формулирует эту идею:

«Наш взаимообмен — не вырабатывание ‘универсального человека’ из грузин, литовцев, русских и так далее, но процесс, в ходе которого люди, оставаясь грузинами, литовцами, русскими и так далее, могут выйти на качественно новый уровень духовного творчества, когда национальное не ‘сочетается’ с общечеловеческим, а сознает себя его свободным

выявлением <...> Чем более мы непохожи друг на друга, тем лучше друг друга понимаем и тем больше друг другу нужны» (Аннинский 1982, 10).

На сегодняшнем этапе наибольшую значимость получают для нас такие вопросы, как связанность искусства и жизни, сопряженность этического и эстетического, гармония общественного и личного, соединение в области стиля — масштабно-монументального и камерно-личного и, наконец, звучащая наиболее остро проблема внутренней культуры человека, подразумевающая не только внутреннюю содержательность личности, но и полноту души, культуру глубокого и масштабного видения и восприятия Мира, а с этой проблемой связанная тема культуры зрительского восприятия, тема сотворчества художника и зрителя.

Эта устремленность к внутренней культуре, соединившаяся с тоскою о людях уходящей, еще близкой, но уже прошлой культуры, находит, напр., типичное отражение в статье В. Солоухина, посвященной блоковскому Шахматову:

«Невозможно, чтобы со станции Подсолнечной подкатила бричка с гостями... И, чтобы, выйдя на террасу, они увидели возвращающихся с прогулки Александра Александровича и Любовь Дмитриевну... А земные звуки затихали, наверно, в этот предвечерний час и уже начинала холодеть и влажнеть трава под ногами и освещенная закатным небом, вокруг этих молодых, красивых, гордых, исполненных чувства собственного достоинства тонких и умных людей такою нежной 'красотою сияла русская земля'» (Солоухин 1980, 67).

В плане указанной выше проблемы синэстемичности прошлого и настоящего внутри национальной культурной традиции особое значение получает новое понимание тенденций к синтезу искусств в русской культуре конца XIX – начала XX вв., периода еще близкого, но уже уходящего и поэтому особенно важного для осуществления идеи живой, непрерывающейся культурной традиции.

Чрезвычайно типичную для русской художественной традиции сторону проблемы синэстемии затрагивал Андрей Белый:

«Мне всю жизнь грезились какие-то новые формы искусства, в которых художник мог бы пережить себя слиянием со всеми видами творчества; в этом слиянии — путь к творчеству жизни: в себе и в других». В другом месте, говоря о В. Серове, А. Белый замечает: «...высшее устремление, присущее гениям лишь: сочетать искусство и жизнь, красоту и добро высоту эстетики с этикой...» (Белый 1977, 271, 280).

Будучи палимпсестным в основе своего творчества, А. М. Ремизов в то же время выступает против внешнего, механического, «насильственного» соединения различных видов искусства:

«Слово — музыка — живопись — танец, это ‘единое и многое’, и у всякого свой ритм, своя мера. Слово вдохновит музыканта, но читать под музыку не выйдет. То же в живописи: картина вызовет слово, но живописать слово — пустое дело. <...> Никакого слияния искусств. Разве ритмическое соприкосновение. Потому что материал и средства выражения у каждого свое и разное. Как редко ладится слово — музыка — живопись — танец, а чаще кто в лес, кто по дрова.<...> ‘Единое’ осуществлено в многообразии, ‘природы’ и что гаснет с последним взглядом на земной мир. Но искусственно объединить ‘многое’ возможно ли человеку и как?» (Ремизов 1959, 139, 140, 225, 241).

Своеобразное и яркое развитие находит тема синэстемии в творчестве художников и поэтов, объединяемых идеями футуризма и личностью В. Хлебникова, — О. В. Розановой, Н. С. Гончаровой, М. Ф. Ларионова, А. Е. Крученых, С. Боброва, М. Н. Филонова, П. В. Митурича.

Синтез искусств на русской почве представлялся им прежде всего слиянием этического и эстетического, жизни и искусства, темой, касающейся в первую очередь личности художника, проблемой глубокого культурологического плана.

«Россия — страна молодая,— писал А. Блок,— и культура ее — синтетическая. Русскому художнику нельзя и не надо быть ‘специалистом’. Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте, тем более прозаик о поэте и поэт — о прозаике. Бесчисленные примеры благодетельного для — культуры общения (вовсе не непременно личного) у нас налицо... Это признаки силы и юности: обратно признаки усталости и одряхления» (Блок 1962, 175).

А далее А. Блок подчеркивал:

«Настоящее произведение искусства в наше время (и во всякое, вероятно) может возникнуть только тогда, когда 1) поддерживаешь непосредственное (не книжное) отношение с миром и 2) когда мое собственное искусство роднится с чужим (для меня лучше — с музыкой, живописью, архитектурой и гимнастикой)» (Блок 1955, 650).

Характерную тенденцию к органичной соединенности этического и эстетического, слияния искусства и жизни как выражению одно-

го из важнейших признаков подлинной синтетической, всеохватной культуры отмечает В. И. Немирович-Данченко в своей характеристике К. С. Станиславского:

«В соприкосновении с ним работа творческая с жизнью так сплеталась, все интересы, все стремления так сливались в нечто целое и гармоничное, что нельзя было разобрать, где кончаются личные переживания, где начинаются переживания художников» (Станиславский 1963, 48).

Очень точное и тонкое выражение эта нота синэстемии нашла в афористических заметках В. В. Розанова, который писал:

«Литературное и личное до такой степени слилось, что для меня не было литературы... Поистине, тот только 'писатель', кто чист душою и прожил чистую жизнь. Сделаться писателем — совершенно невозможно... Чистый — вот Пушкин... В чем же тут тайна? В необыкновенной полноте пушкинского духа» (Розанов 1913, 45).

Искусство отражает полноту человеческого духа, оно живет решением кардинальных философских и социологических проблем, оно помогает художнику почувствовать, увидеть этот мир своим домом, открыть себя людям и соединиться с ними. Думается, именно так можно сформулировать ведущую линию в области поисков синэстемичности искусства в русской художественной культуре начала XX в. Несомненно, связанные с соответствующими тенденциями не только своей, но и исторически близких течений мировой культуры (немецкими и английскими романтиками, эстетикой Шиллера, Гете, Шеллинга, Раскина, Морриса, Ванде Вельде, искусством Гофмана, Вагнера) именно этой стороной своей, они оказываются наиболее созвучными нашему времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Аннинский 1982 — Л. Аннинский. *Контакты*. Москва, 1982.
- Белый 1977 — А. Белый. *О себе как писателе*. Москва, 1977.
- Блок 1955 — А. Блок. *Собрание сочинений*. В 8 тт. Т. 2. Москва, 1955.
- Блок 1962 — А. Блок. *Собрание сочинений*: В 8 тт. Т. 6. Москва, 1962.
- Запахи литературы 2010 — Запахи литературы. *Материалы всероссийской научной конференции*. Сост. и ред. В. Н. Базылев. Москва, 2010.
- Иванов 2004 — Вяч. Вс. Иванов. *Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему*. Москва, 2004.
- Ремизов 1959 — А. Ремизов. *Подстриженными глазами*. Париж, 1959.

- Розанов 1913 — В. Розанов. *Опавшие листья. Короб первый*. Санкт-Петербург, 1913.
- Романчик 2006 — Р. Э. Романчик. *Ординарный профессор А. Д. Дуличенко. Биобиблиография*. Тарту, 2006.
- Солоухин 1980 — В. Солоухин. «Я верен голосу природы». *Пейзажи блоковского Подмосковья*. Москва, 1980.
- Станиславский 1963 — К. С. Станиславский. *Писатели, артисты, режиссеры о великом деятеле русского театра*. Москва, 1963.

V. Bazylev. Vene kirjanduse sünesteetilisus

Artiklis käsitletakse XIX sajandi lõpu – XX sajandi alguse vene kirjanduse ja kultuuri näitel sünesteetilisuse küsimusi, st elu ja kultuuri, kunstniku ja inimese kooskõla jne.

Инна Александровна Королева
Смоленский государственный университет

ПОЛЬСКОЕ ШЛЯХЕТСТВО В ИСТОРИИ СМОЛЕНСКОГО КРАЯ

Историко-культурологическое описание – социальная группа – Смоленский край – польское шляхетство – фамильная система – шляхетские дворянские роды сегодня – роль дворянства в истории края и России

В истории Смоленского края, начиная с XVII в., весьма заметную роль играет особое привилегированное сословие — «смоленская шляхта, смоленское шляхетство». Однако полная картина и прошлого, и настоящего, связанная с деятельностью смоленских шляхтичей, историей знаменитых смоленских шляхетских родов, пока еще не представлена. Именно поэтому, как мы считаем, сегодня необходимо обращаться к означенному вопросу, поскольку роль Смоленска в истории государства Российского во многом определяется ролью смоленской шляхты.

Немногочисленные работы, посвященные этой особой корпорации внутри российского дворянского сословия, собраны Б.Г. Федоровым в его «Исторической библиотеке» и изданы, правда, небольшим тиражом — всего 300 экземпляров (Федоров, ред., 2006, т. 1–2). В первый том включены как общие, так и узкоспециальные работы по истории и культуре шляхты, а также различные документы: царские указы, распоряжения Сената и Синода, дела о незаконных браках и др. Интересен второй том, в котором представлены списки смоленской шляхты середины XVII – первой половины XVIII вв., оригиналы которых хранятся в «Российском государственном архиве древних актов» и в настоящее время практически не доступны для посещающих архив.

Самых исследований немного. Это первая специальная работа М. Богословского (Богословский 1899), диссертационное сочинение С.В. Думина (Думин 1980), небольшая работа смоленского краеведа И.И. Орловского (Орловский 1906), отдельные замечания в работах российских историков. Автор настоящей статьи первым начал заниматься фамилиями смоленской шляхты (Королева 2003), анализ которых проливает свет на многие вопросы, связанные с историей смоленских дворянских родов, генеалогией смоленских шляхтичей.

История Смоленщины, по мнению ученых, включает несколько периодов: 1) с древнейших времен до 1404 г., т.е. того времени, когда литовский князь Витовт покорил Смоленск; 2) литовский — с 1404 до 1514 г., времени освобождения смоленских земель и вхождения их в состав Московского государства; 3) московский — с 1514 по 1611 г., год прихода в край поляков; 4) польский — с 1611 по 1654 г. (а отдельные территории — по 1686 г.); 5) великорусский — до 1812 г., когда весь Смоленский край был охвачен Отечественной войной, разорен и опустошен (Бугославский 1914, 1). Периодизацию можно продолжить: 6) период с 1812 по 1861 год, год отмены крепостного права, 7) предреволюционный (с 1861 по 1917 гг.), 8) послереволюционный (с 1917 г. по настоящее время).

Еще в эпоху существования Смоленского княжества развивались торговые отношения с Прибалтикой, немецкими землями (укажем на хорошо знакомые историкам и лингвистам грамоты XII–XIV вв.). Смоленские князья постоянно и тесно контактировали с немецкими и литовскими феодалами. Литовский период в истории Смоленщины оценивается исследователями неоднозначно. Хотя нельзя не сказать, что столь длительное вхождение Смоленского края вместе с другими западнорусскими, украинскими и белорусскими землями в состав одного государства, естественно, должно было оказать влияние на состав жителей. На наш взгляд, в первую очередь это связано с миграцией населения литовско-русских территорий. Кроме того, по словам А.И. Соболевского, «Смоленск был посредником между Русью и остальной Европой, в Смоленск и далее на Русь вливалась широкой струей европейская образованность и культура» (Соболевский 1909, 109). Огромную роль и в этом процессе, и в целом в жизни края, а особенно в его военной истории XV–XVI вв. сыграло смоленское дворянство. В отличие от старомосковских дворянских семей, смоленские дворянские роды, за редкими исключениями, не оставили ни родовых преданий, ни легендарных родословных, что затрудняет восстановление родовых истоков. Такой «прерывистости» смоленских родословий мы обязаны сложной политической историей этих земель, расположенных на границе между Московской и Литовской Русью и являвшихся постоянным «яблоком раздора» между ними. Военные служилые люди, местные вотчинники и помещики участвовали и гибли во всех войнах, которые вели между собою эти две великие державы. Переход смоленских земель от одного государства к другому привел к огромным изменениям в составе местных землевладельцев. Позднее нестабильность продолжилась в польский период. Фактически состав смоленского дворянства устанавливается лишь к концу XVII ст.

Обратимся к истории смоленского шляхетства, зародившегося в это время и оказавшего серьезное влияние на «смоленский менталитет» не только в XVII в., но и в XVIII в. и далее — вплоть до революции 1917 г.

Социальный состав населения Смоленского края сильно изменился в начале XVII в. после входления региона в состав Речи Посполитой. Краеведы XIX в. много и подробно описывают образование особого социального слоя населения Смоленщины XVII—XVIII вв. — смоленского шляхетства, оставившего заметный след в истории и культуре Смоленщины. *Шляхта* (польск. *szlachta*) — «в ряде стран Центральной Европы (Польше, Литве и др.) название основной части господствующего дворянского класса, соответствовавшего дворянству» (понятие историческое). *Шляхетство* — польск. *szlachectwo* — «то же, что шляхта». *Шляхтич* — польск. *szlachcic* — «польский мелкопоместный дворянин» (также понятие историческое) (СРЯ IV, 724). Как видим из толкования приведенных слов, *шляхтой* называлось мелкопоместное польско-литовское дворянство. Представители именно этого сословия широким потоком пришли на Смоленщину после 1611 г., и, как пишет С.П. Писарев, «вся жизнь в Смоленске пошла иначе». Приезжие получили земли, льготы — освобождались от податей, им раздавались деревни с крестьянами. Образовалось особое сословие — мещане-помещики (Писарев 1898, 46–47), многие из которых по происхождению поляки. Но основная деятельность шляхты — военная служба; в истории известен специальный полк смоленской шляхты, сыгравший значительную роль в жизни Смоленского края.

После 1654 г., воссоединения Смоленска с Москвой, не все шляхтичи покинули Смоленщину и ушли в Польшу: многие остались в Смоленске, особенно те, которые владели домами и большими участками земли. 8 сентября 1654 г. царь Алексей Михайлович пожаловал смоленской шляхте грамоту, подтвердив ее право «по-прежнему» владеть своими «маестностями» (имениями), «по их привилегиям, кто чем владел». Об этом свидетельствуют «Переписные книги г. Смоленска за 1659 год». Помимо шляхтичей, значительной недвижимостью в городе владели боярские дети, мещане, стрельцы московские, донские казаки. Среди служилых людей, особенно для ведения канцелярского дела, нужны были грамотные, хорошо владеющие русским языком люди, ибо за время вхождения края в

состав Речи Посполитой все делопроизводство перешло на польский язык или латынь. Но московские подьячие и дворяне не хотели ехать в город, «говорящий на польском наречии». Так, напр., в 1667 г. приказано было царем прежние рейтарские владения разверстать между всеми наличными в то время рейтарами поровну (и старыми, и новыми), а в отведенные поместья каждому записать по 5 дворов крестьян, не более. На это воевода Иван Репнин отвечает царю:

«... въ Смоленску въ съѣзжей избѣ противъ чelобитъя рейтаровъ выпи-
сывать въ отказаныя (или дачныя) книги некому: всего подьячих 4 челов
ѣка и тѣ нынѣ безпрестанно сидѣть за росписными списками и за вся-
кими городовыми дѣлами...» (Писарев 1898, 230).

Царь, получив это донесение, приказал силой сыскывать и водворять в Смоленск русских служилых людей. Также для укрепления края присыпались в регион стрелецкие полки. Тем не менее смоленские шляхтичи по-прежнему составляли значимый социальный слой среди населения и во второй половине XVII в., и в XVIII в. В целом смоленская шляхта сохранилась не только как основная группа феодалов этого региона, но и как особая служилая корпорация. Так, образовался «полк смоленской шляхты» — конное ополчение, объединившее практически всю шляхту, оставшуюся на территории бывшего Смоленского повета. Рядовая шляхта полка делилась на 3, позже на 4 разряда, различавшиеся земельным и денежным окладом.

Ядро смоленской шляхты составляли шляхтичи Смоленского повета, присягнувшие царю в 1654 г. Их национальный состав был довольно пестрым. Сохранились семьи русского происхождения (Азанчевы-Азанчевские, Бердяевы, Ефимьевы, князья Лопатины, Лыкошины, Микулины, Озеровы, Потемкины, Рыковы, Тютчевы, Халютины-Колечицкие и др.), часть которых известна на этой территории уже в XVI в. Остальные представители коренной смоленской шляхты получили свои земли от Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казимира. В их числе были польские семьи, часть которых издавна обитала в Великом княжестве Литовском (Баратынские, Бонецкие, Буквецкие — первоначально Бугвецкие, Воеводские, Глинки, Дулины, Коховские (позже Каховские), Краевские, Мастыки, Пассеки, Пенские, Рачинские, Швейковские и др.). Но, как и прежде, было заметно преобладание родов, происходивших из литовско-русских земель. Больше всего среди них было выходцев из Белоруссии

(Воронцы, Гурко, Ловейко, Путята, Станкевичи, Толпыго, Храповицкие и т.п., в том числе потомки полоцких князей — Друцкие-Соколинские), но встречались и семьи литовского (Голимонты, Дукшты, Нарбуты, Эсмонты и др.) и немецкого происхождения (Вонлярльские, выходцы из Ливонии Энгельгардты и др.) (Думин 1997, 5–27).

О смоленском шляхетстве в XVIII в. сохранились интересные наблюдения М. Богословского, основанные на материалах архива Министерства юстиции и опубликованные в 1899 г. в Санкт-Петербурге. Он, напр., пишет, что еще во 2-й половине XVIII в. смоленские шляхтичи говорят с сильным польским акцентом, пишут по большей части латинским шрифтом, носят национальный польский костюм. Детей своих они не учат в России, а отправляют в Польшу, несмотря на запрещение делать это (указ 1727 г.). Между смоленским шляхетством и шляхтичами соседних польских областей поддерживаются знакомства и родственные связи. Но постепенно, особенно после раздела в 1728 г., в Сенате дела о переходе в католическую веру 30 смоленских шляхтичей (которые тайно еще в детстве были обращены в католичество, как свидетельствовало из показаний обвиняемых), начались сильные притеснения смоленских шляхтичей с целью ассимилировать шляхту с русским дворянством. Продолжилось переселение шляхтичей в глубь России, пресекались связи с родственниками в Польше, строго запрещалось отдавать детей учиться за границу, ограничено было право смоленских шляхтичей вступать в брак: нельзя было брать в жены католичек и отдавать дочерей замуж за католиков или униатов. Вольностям настал конец. Судьба смоленского шляхетства была предрешена: в конце XVIII в. оно перестало существовать как особый привилегированный социальный слой населения края и растворилось в общей массе смоленского дворянства, потеряв в основном при этом свои польские черты (Богословский 1899, 53).

Смоленский этнограф и фольклорист В.Н. Добровольский, автор «Смоленского областного словаря», писал, напр., еще о начальном этапе ассимиляции:

«В 150-летней период двукратного пребывания Смоленской области под властью Польши население ее смешалось с польскими и литовскими выходцами, что послужило началом к образованию особого сословия, получившего название Смоленской шляхты. Алексей Михайлович

предоставил этому сословию древние права и многих удостоил царских наград. Обращая внимание на положение Смоленской шляхты, и, вместе с тем, заботясь о слиянии ее с русскими, царь Алексей Михайлович в 1658 году дал повеление, чтобы женам убитых в сражении Смоленских шляхтичей, оставшихся бездетными, если они выйдут за русских служивых людей, если первые их мужья имели за собой жалованные государем поместья по 50 и 40 дворов, оставить им имения эти в полном их составе... » (Добровольский 1914, 1005).

Изначально льготы предоставлялись также тем шляхтичам, которые перешли в православие, не поддерживали с польско-литовскими родственниками никаких отношений и служили московским государям: им, в частности, раздавались земли в Смоленском, Рославльском, Бельском и Дорогобужском уездах, в районах, где наиболее компактно расселялась шляхта. Ассимиляция шляхты активизировалась вместе с упразднением Смоленского шляхетского полка.

После 1762 г. правительство, учитывая невысокий боевой потенциал шляхетского ополчения, решилось наконец-то «нанести удар» — упразднить эту архаичную форму дворянской военной службы. Решение о роспуске полка смоленской шляхты было утверждено Императрицей Екатериной II в 1765 г. После этого (несмотря на стремление части смоленской шляхты закрепить свои особые привилегии по примеру эстляндского, лифляндского и украинского дворянства, сделанные в 1767 г. во время работы комиссии по составлению нового Уложения) особый статус этой группы фактически был ликвидирован, и возникли условия для ее окончательного слияния с остальным дворянством созданной вскоре Смоленской губернии (наместничества). Тем не менее семьи, происходившие из смоленской шляхты, в местной губернской родословной книге составляли большинство. При этом родословные многих из них восходят к старинным шляхетским родам, существовавшим в Речи Посполитой, хотя официально начинаются, как правило, лишь с момента поступления предков на русскую службу. На основе других источников («Литовской метрики», книг земских и городских судов и иных документальных материалов более раннего периода) можно углубить их родословные, проследить связи с семьями, известными в Польше и Великом княжестве Литовском. В свою очередь, для изучения семей русского происхождения, также принадлежавших к смоленской шляхте, ценным источником являются смоленские де-

сенти XVI – начала XVII вв., документы, относящиеся к осаде Смоленска, поместным раздачам королевича Владислава и др.

Издание Императрицей Екатериной II в 1785 г. «Жалованной грамоты дворянству», образование дворянских собраний, составление губернских (наместнических) родословных книг, в которые записывалось все дворянство губернии, независимо от происхождения, способствовало дальнейшей интеграции дворянского сословия. И на Смоленщине с этого времени можно говорить о единой дворянской губернской корпорации, объединившей и смоленскую шляхту, и дворянство служилое (обязанное своим положением петровской табели о рангах), и русские дворянские семьи, приобретавшие здесь имения, и иностранных выходцев, поступивших на русскую службу.

Как и другие русские дворяне, смоляне служат в гвардейских полках (часто записанные в них с рождения). Карьере многих из них способствует выдающаяся роль, которую играл в царствование Екатерины II их великий земляк — «светлейший» князь Григорий Александрович Потемкин. Видную роль при дворе, в высшей государственной администрации играют в это время Энгельгардты (племянницы Потемкина, породнившиеся с высшей русской и польской аристократией), некоторые Потемкины, Храповицкие, Пассеки, Каховские, Верховские и другие представители видных шляхетских родов.

Итак, смоленское шляхетство как сословие перестало существовать, но, несомненно, абсолютно полной, стопроцентной ассимиляции так и не произошло: потомки смоленских шляхтичей указывали на свое шляхетское происхождение, описывая это в своих родословных и — при возможности — везде «в бумагах», вплоть до 1917 г. В настоящее время возобновляется поиск «родовых истоков» в отдельных смоленских семьях.

Таким образом, пребывание Смоленского края в составе Речи Посполитой, как пишет М. Богословский,

«не осталось без влияния на высшем, по крайней мере, слое населения этой области. Присматриваясь к фамильным прозвищам смоленского шляхетства, мы видим очень немного великорусских имен; большая же часть этих прозвищ — со свойственными юго-западной Руси окончаниями на ЧЬ, как Адамовичи, Засуличи, Богдановичи, Прокоповичи, Отрошковичи, Карновичи, Станкевичи и др., или, что еще чаще, на -ский, -цкий: Азанчевские, Высоцкие ... и др.» (Богословский 1899, 99).

Смоленские шляхетские фамилии практически в полном объеме для XVII в. засвидетельствованы в двух хорошо сохранившихся источ-

никах — списках шляхты, хранящихся в «Российском государственном архиве древних актов» (РГАДА) в Москве в 145-м фонде (Смоленский приказ): «Роспись смоленской шляхте, которым велено быть на службе в разных городах» (1659 г.) и «Разборный именной список смоленской трех статей шляхты» (1668 г.); кроме того, шляхтичи переписаны и в «Росписных списках г. Смоленска» (1659, 1665, 1681, 1694 гг.); есть и другие источники. Этот уникальный исторический материал с повторяющимися фамилиями дает возможность представить себе фамильную систему смоленского шляхетства, а значит, в какой-то мере также помогает воссоздать историю того или иного дворянского (шляхетского рода).

Отметим наиболее видные смоленские шляхетские фамилии в работе М. Богословского, которые имеют место и сегодня на Смоленщине: *Адамовичи, Азанчевские, Богдановичи, Болкошины, Борейши, Борищевские, Броневские, Верховские, Воеводские, Волженские, Вонлярлярские, Воронцы, Высоцкие, Глинские, Грабовские, Грибовские, Гурко, Догоновские, кн. Друцкие-Соколинские, Дубровские, Ефимовичи, Заблоцкие, Загряжские, Залеские, Засуличи, Карновичи, Кеплинские, Киркоры, Ковалевские, Корсаки, Косовские, Ко(а)ховские, Краевские, Красовские, Ловенецкие, Маневские, Миклашевские, Мрачковские, Новицкие, Островские, Пассеки, Пенские, Пожоины-Отрошковичи, Поплонские, Потемкины, Прокоповичи, Пузыревские, Рачинские, Реутовы, Ровинские, Рыдванские, Савицкие, Станкевичи, Сурожевские, Храповицкие, Швы(й)ковские, Щелканы, Энгель-Гарты* (Богословский 1899, 16).

В последнее время интерес к смоленскому дворянству (в частности, к смоленскому шляхетству) возрастает. Автор настоящей статьи — один из первых смоленских краеведов, освещавших это процесс (Королева 2006; 2007 и др.). Интересным является материал о «Смоленском Дворянском Землячестве» (СДЗ), общественной организации, входящей в состав «Российского Дворянского Собрания» (РДС). Это сословное объединение проживающих как в России, так и за рубежом членов РДС и их семей, а также потомков смоленского дворянства, по каким-либо причинам не вступивших в РДС, если их происхождение документально доказано. Кроме того, в СДЗ принимаются в качестве гостей и почетных членов другие лица (ученые, краеведы, предприниматели), деятельность которых отвечает «Положению» и «Уставу» организации, утвержденным на общем собрании «Землячества» 13 мая 1998 г. Основной целью СДЗ провозглашено объединение усилий потомков бывших земляков

для возрождения исторических традиций Смоленщины и оказание правовой, консультативной, интеллектуальной и посильной материальной помощи своей «Малой Родине».

«Смоленское дворянское землячество» (СДЗ) образовано 13 февраля 1994 г. в Москве восемью членами «Российского Дворянского Собрания» (РДС), в чьих родословных документах значилось «из дворян Смоленской губернии». С того первого дня активнейшими его членами являются Людмила Александровна Верховская, Сергей Юрьевич Бердяев, Вадим Васильевич Пассек и другие представители старинных смоленских дворянских фамилий. Вообще же СДЗ в настоящее время включает представителей и потомков 85 дворянских родов, проживавших когда-либо или ныне проживающих на Смоленщине. Члены СДЗ (а среди них есть Глинки, Нахимовы, Пржевальские, Рыковы, Станюковичи, Энгельгардты, Потемкины, Грибоедовы и др.) стараются не только сохранить память о своих предках, но и приумножить делами и углубить тот славный след в истории Отечества, который они оставили. Члены СДЗ стараются вносить посильный вклад в возрождение и развитие Смоленского края. Начиная с декабря 1996 г., СДЗ поддерживает связь с заповедником Хмелита близ Вязьмы, который воссоздает не только знаменитую усадьбу Грибоедовых, но ответственен и за родные пенаты Павла Степановича Нахимова, а также и за многие заповедные рощи, имения, храмы соседних мест, входящие в территорию заповедника.

Трехсотлетие Российского флота было отмечено огромным плакатом с фотографиями и краткими очерками о моряках-смолянах: о Светлейшем князе Г.А. Потемкине, создавшем по сути дела Черноморский флот, и о морских династиях Нахимовых, Воеводских, Станюковичей, Рыковых, Кардо-Сысоевых, Белавенцев, Верховских, представители семей которых входят в настоящее время в «Смоленское землячество». Этот плакат был выставлен в зале РДС, а затем увезен в музей-заповедник Хмелиту, где один из залов музея был посвящен адмиралу Нахимову. Летом 1997 г. члены «Землячества» А.П. Нахимов и Беклемишевы присутствовали на торжествах, посвященных 195-летию со дня рождения знаменитого флотоводца и проводившихся на его родине на Смоленской земле. Не осталось без внимания и 200-летие знаменитого адмирала (Королева 2007, 124–126).

В настоящее время активизируются связи СДЗ с исторической «Малой Родиной», регулярно посещают Смоленск. В первый приезд «Государственному архиву Смоленской области» были подарены ценные документы и архивные материалы, проливающие свет на некоторые «белые пятна» в истории Отечества и Смоленщины в частности. Архивные данные, фотографии и воспоминания, в том числе опубликованные в сборниках «Смоленское дворянство», передают неповторимый колорит

и атмосферу ушедших веков лучше, чем сухой язык официальных документов. Были установлены контакты с дирекцией «Смоленского областного музея-заповедника», Смоленским государственным университетом и Областной филармонией. По-прежнему особо выделяются в составе смоленского дворянства шляхетские роды. Сегодня на Смоленщине существует достаточно мощное и влиятельное объединение — «Дом Польский-Смоленск». Это общественная организация, которая существует уже около 20 лет. Необходимость объединения поляков Смоленска и Смоленской области мотивирована именно многолетним и прочным влиянием местного польского населения на культуру Смоленщины. Главный акцент в создании «Дома Польского» был сделан на возрождение национальной польской культуры, самобытности, на создание условий для общения на родном языке своих предков, обучение молодежи польскому языку, обычаям, устоям. Традиционно в Смоленске проводятся «Дни польской культуры». В мае 2007 г. в рамках «Дней» была проведена международная научно-практическая конференция «Поляки и Польша в истории Смоленска». «Дом Польский-Смоленск» в настоящее время насчитывает более 300 членов. В основном это смоляне, своими корнями и родословной связанные с Польшей, с которой руководство «Дома» поддерживает самые тесные связи. Так, на конференцию в 2007 г. приезжал сенатор Сейма Польши Чеслав Рыбка, министр, советник польского посольства в России Марек Голковский и др. Самое непосредственное участие и в работе конференции, и в деятельности «Дома Польского» принимал С.В. Думин, член «Российского Дворянского Собрания», президент «Российской генеалогической федерации», член «Геральдического совета» при президенте РФ, герольдмейстер «Российского императорского дома» (Москва) (Илькевич 2007, 17–19).

Мы не собираемся превозносить заслуги дворянства. Это всего лишь одно из российских сословий, которое, наряду с крестьянством, купечеством, духовенством и др., служило Великой Отчизне. Но отдать должное именно дворянству — в частности, смоленскому шляхетству — необходимо, ибо этого требует историческая справедливость. Ведь любая нация живет памятью, памятью о великом прошлом, о достоинствах «ее сынов блистательных». Для нас, смолян — это смоленское шляхетство, которое было первым среди равных сословий в крае. Сегодня, когда в нашей стране разорвана преемственность поколений, зачастую разрушены семейные и родовые связи, появились люди, не знающие своей отечественной истории, истории своего родного края, «не помнящие родства Иваны», самое значимое и актуальное — воссоздание духовно-нравственного начала россий-

ского менталитета, возрождение системы духовно-нравственных и эстетических ценностей и идеалов, патриотизма в самом высоком, лучшем его понимании. Обращение к истокам и судьбам дворянских шляхетских родов, внесших огромный вклад в развитие культуры и просвещения на Смоленщине, деятельно служивших на своей малой родине и постоянно защищавших ее от врагов Отечества, позволяет в какой-то мере восстановить атмосферу неисчезающей исторической памяти, воссоздать разрушенное единство поколений. Как писал великий А.С. Пушкин, «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

ЛИТЕРАТУРА

- Богословский 1899 — М. Богословский *Смоленское шляхетство в XVIII в.* С.-Петербург, 1899.
- Бугославский 1914 — Г. Бугославский. *Смоленские земли в литовский период (территория, общественный и политический строй). 1404–1514 гг.* Смоленская старина. Ч.1. Вып. 3. Смоленск, 1914, с. 1–104.
- Добровольский 1914 — В.Н. Добровольский *Смоленский областной словарь.* Смоленск, 1914.
- Думин 1980 — С.В. Думин *Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой в 1618–1654 гг. (по материалам Литовской метрики).* Москва, 1980.
- Думин 1997 — С.В. Думин *Смоленское дворянство.* Смоленское дворянство. Вып.1. Москва: РДС, 1997, с. 5–27.
- Илькевич 2007 — Н.Н. Илькевич. *Поляки и полонистика на Смоленщине. Годы*, Смоленск, 2007, №1–2, с. 17–19.
- Королева 2003 — И.А. Королева *Фамилии Смоленского дворянства.* Смоленск, 2003.
- Королева 2006 — И.А. Королева *Словарь фамилий Смоленского края.* Смоленск, 2006.
- Королева 2007 — И.А. Королева *Смоленское дворянство в фамилиях и родословных.* Смоленск 2007.
- Орловский 1906 — И.И. Орловский. *Смоленский поход Алексея Михайловича.* Смоленская шляхта. Т. 1. Москва, 2006, с. 99–168 (перепечатка работы 1906 г.).
- Писарев 1898 — С.П. Писарев. *Смоленск и его история.* Смоленск, 1898.
- Соболевский 1909 — А. И. Соболевский. *Образованность Московской Руши XV–XVII вв.* Смоленск, 1909.

СРЯ — *Словарь русского языка в 4-х тт.* Гл. ред. А.П. Евгеньева. Москва, 1981–1984.

Федоров 2006 — *Смоленская шляхта.* Научн. ред. Б. Г. Федоров. Т.1–2. Москва, 2006.

Inna Koroleva. Poola aadelkond Smolenski krai ajaloos

Käsitletakse smoljaanide ühe erilise, ajalooliselt tähendusliku ühiskonnakihi — smolenski aadelkonna, poola-leedu päritolu smolenski aadlisuguvõsade, mille esindajatel oli oluline mõju piirkonna ning kogu Venemaa arengule — taassünni ning uurimise probleemi. Käsitletakse Smolenski poola kogukonna tööd käesoleval ajal, pööratakse tähelepanu Smolenski aadlisuguvõsade ja poole aadliperede ajaloo uurimisele.

9 789949 198924